

R 11212
3

ଓଡ଼ିଆ
କାବିକା

& ମାଗଣା

ପ୍ରଥମ ସଂସ୍କରଣ ୧୯୩୫

91(47-9)04

Очерки Кавказа

КАРТИНЫ
КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЯ МАРЦОВА

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
И посылжаю этотъ стихъ небрежный.
Дерматовъ.

Съ одной акварелью, 310 картинами и рисунками

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

О О ИЗДАНИЕ О О
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

1913

Л. 2020-0879

Р. 13

5 Лезгинъ.
Картина Т. Горшельда.

ВСТУПЛЕНИЕ

В наше время жгучихъ очередныхъ вопросовъ экономическаго и социальнаго жизни, мало мѣста остается для спокойнаго изученія природы, исторіи и быта многочисленныхъ и крайне интересныхъ народностей, составляющихъ стомилионный народъ русскій.

Вкусъ къ путешествіямъ, къ изученію памятниковъ древности и своеобразныхъ особенностей племенъ, постепенно исчезающихъ подъ уравнивающимъ вліяніемъ времени, — когда-то живой и у насъ, до сихъ поръ очень живой въ Европѣ и Америкѣ, — все болѣе теряется среди современнаго русскаго общества, слишкомъ односторонне погруженнаго въ заботы дня. А между тѣмъ эта отчужденность читающаго общества отъ объективнаго знакомства съ своею страной — отъ спокойныхъ интересовъ исторіи, археологіи, природы и этнографіи — неизбежно при-

водит общество к убыли знания, к упадку истинной образованности.

Кавказ — это безданный по богатству и разнообразию музей этнографических, археологических и естественно-исторических сокровищ всякого рода.

Путешествие на Кавказ, живое знакомство с ним лицом к лицу — в состоянии доставить глубокое наслаждение и глубокое обучение наблюдающему и мыслящему человеку. Но многие ли у нас, даже среди просвещенной части общества, знают что-нибудь о Кавказе, кроме нескольких ходячих общих мнений.

Европа, нам чуждая, изучена и рассмотрена нами во всех направлениях, в каждом ничтожном уголке своего; но свой, родной Кавказ, с которым нас связывает и общий народный интерес, и общая история, остается для огромного большинства русской публики таинственным и недоступным, как далекое сияние его вечных снегов. У нас совсем нет общих популярных книг о Кавказе, охватывающих его во всей его жизненной полноте, хотя существует специальная литература о Кавказе, да и то, сказать правду, больше иностранная, чем наша.

Настоящая книга является одною из первых, хотя, конечно, слабых, попыток набросать ~~общую картину~~ ⁶ кавказской природы, истории и жизни; автор не задавался целью систематически описать все уголки Кавказа, все его особенности и достопримечательности. Он просто вездь по Кавказу, где ему приходилось наслаждаться им, поучался ему, искал объяснения его явлений в живой беседе людей и в книжном изследовании, и свои кавказские скитания, впечатления, встречи, свое изучение Кавказа — постарался передать возможно искренно и живо на страницах этих очерков.

Многое в этой книге может показаться невѣрным и неполным для местных знатоков края. Автор слишком скромно, чтобы оспаривать их взгляды, конечно, более авторитетные. Автор просит читателя помнить, что он является в этой книге не ученым, а ~~исследующим~~ ⁶ новым словом в науку о Кавказе, а простодушным странником по Кавказу, который, в изумлении к многообразным чудесам его, передавал в своих путевых заметках, не мудрствуя лукаво, все то, что видел и слышал кругом себя, без малѣйшаго притязания на глубокомыслие и непогрѣшимость своих замечаний. Другие любят обвинять авторов подобных путешествий в поэтическом преувеличении, «Крым Маркова лучше настоящего Крыма» — слышал я не раз иронической отзыв даже от очень благосклонных читателей моих *Очерков Крыма*. Людям такой умственной формации мне отвечать нечего. Есть уши без музыкального слуха, и они не виноваты в том, что не постигают красоты симфоний Моцарта или Бетховена. Но и Бетховен в этом не виноват. Кавказ и Крым точно также мало виноваты в том, что не всякий глаз, не всякое сердце одинаково чувствуют их формы и краски, нечеловеческую прелесть их исторической и географической физиономии. Человеку может быть почтенным и полезным дѣятелем практической жизни, глубоким

ученымъ, искуснымъ техникомъ — и все-таки оставаться слѣнорожденнымъ ребенкомъ въ вопросахъ поэзіи и искусства.

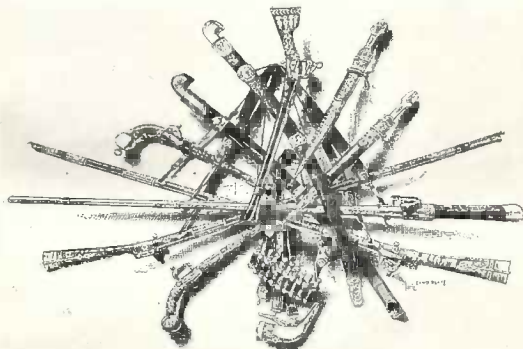
Повторяю, книгу свою я назначаю не для ученыхъ изслѣдователей, которымъ въ ней нечего отыскивать, не для сухихъ житейскихъ практиковъ, которымъ нечего изъ нея выводить; я отдаю ее подъ ласковый покровъ тѣхъ теплыхъ сердецъ друзей природы и исторической любознательности, воображеніе которыхъ еще не утратило своихъ молодыхъ порывовъ, которые еще способны, отбросивъ на время въ сторону прозаическія заботы дня, искать новыхъ впечатлѣній въ столкновении съ незнакомыми имъ племенами и невѣдомою странною. Живая и поэтическая школа путешествій издревле была для человѣка и лучшимъ школою знанія.

«Человѣкъ, который видѣлъ только одну свою страну, прочелъ только одну главу изъ жизни», сказалъ Байронъ, этотъ гениальный поэтъ-скиталецъ.

z * * *

Трудъ этотъ, въ который я во всякомъ случаѣ вложилъ много любви, я посвящаю по праву старому другу своему и брату, неразлучному товарищу моихъ странствованій по Швейцаріи, Германіи, Франціи, по горамъ Крыма и Кавказа. Съ помощью его только и могло осуществиться съ успѣхомъ и удобствомъ мое послѣднее кавказское путешествіе, давшее содержание настоящей книгѣ.

Евгеній Марковъ.

ოცუჲ
კაზკაზა

России-Груз. дорога. Балтийская застава.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕРЕЗЪ ХРЕБЕТЪ

1.

Родная бездомовщина.

О ПЯТЬ въ этихъ несогладныхъ и неприютныхъ равнинахъ, опять въ странѣ саранчи, засухъ, овражковъ и жучковъ... Это, конечно, страна будущаго, но будущаго, которое ничѣмъ не улыбается моему фантазіи. На меня она производитъ пока то-же впечатлѣніе враждебности и чуждости, какое должна была производить въ старое время на украинскаго поселенца, когда она еще была полна бродячими шайками косоглазыхъ хищниковъ. Ничего бы не взялъ, чтобъ жить въ этихъ пустынныхъ балкахъ, заносимыхъ снѣгами, на этихъ безотрадныхъ глинистыхъ

буграхъ, неистово обвѣваемыхъ осенними вѣтрами. Ни воды, ни де рева, ни людей, ничего, чѣмъ красить себя природа, чѣмъ она радуется бѣдную радостями жизнь человѣка.

12 * * *

А тутъ въ вагонахъ кстати такіе разговоры! Кто ни усядется на мягкіе диваны, окружающіе маленькій карточный столикъ, всё, какъ по словору, запѣваютъ одну и ту-же пѣсню. Большею частью все это не надолго спеченные петербургскіе либералы, съ петербургскою выкройкой, петербургскими вкусами и интересами. Наговорились они за обѣденными спичками о необходимости прикоснуться къ землѣ, обитаться землю и землю собою обновить, натолковались вдоволь въ клуббахъ и засѣданіяхъ различныхъ дѣловыхъ обществъ о непочатыхъ богатствахъ родного края, о баснословныхъ выгодахъ, которыя ждутъ въ его нѣдрахъ всякую предприимчивую мысль, всякій смѣло вложенный капиталъ. И вотъ разметались они, полные веселыхъ надеждъ и самоувѣренной отваги, въ эти суровыя, прозаическія пустыни, жаждая пробудить ихъ спящія силы, вызвать на Божій свѣтъ ихъ сокрытыя сокровища однимъ только фактомъ появленія своихъ интеллигентныхъ надеждъ и аппетитовъ среди этой неразумной дичи.

Разметались и ударились въ неподдѣльнаго сѣраго мужика, о которомъ не имѣли понятія, въ неподдѣльную тягость и скуку степного хозяйничанья, которая была нисколько не похожа на ихъ собственное ликующее и какъ-бы предвкушающее настроеніе въ моментъ залога имѣній или займа денегъ на разныя машины и операціи.

Они принесли съ собою только свой сметить и чужія деньги, но не принесли ни воли, ни умѣнья, и когда деньги были истрачены съ тою-же горячностью, съ какою были заняты, тогда оказалось, что нечѣмъ больше будить спящихъ силъ и откапывать таинственные сокровища. Праздное говоренье, непривычка къ труду и терпѣнію—вспыли сами собою и оказались не въ силахъ удовлетворить въ обстановкѣ пустыни многосложныя потребности цивилизованныхъ насадителей новаго хозяйства.

И вотъ, густымъ облакомъ поднялись сѣтованія нашихъ хозяевъ на скотскую дикость сиволапаго мужика, на его безнравственность и лѣнь, на его неподготовленность ни къ чему, кромѣ палки и водки, на невозможность одному бороться со сплошною средою домашнихъ зулусовъ,—и полетѣли вслѣдъ за тѣмъ съ молотка вѣялки и сѣялки, великолѣпно устроенныя экономии и тысячи черноземныхъ десятинъ, и побѣжали вспять подѣ слишкомъ привычную и слишкомъ дорогую сѣбу

петербургскаго привольнаго житья наши хозяева-цивилизаторы, оставляя попрежнему негостеприимныя наши степи зулусамъ-мужикамъ, жучкамъ да сусликамъ.

Ихъ-то желчныя разсужденія и остроумныя анекдоты разлаютъ всю дорогу въ моихъ ушахъ, убѣждая меня всецѣло въ окончательной гибели нашего народнаго хозяйства, въ отсутствіи всякой будущности у нашего народа.

А между тѣмъ, воть рядомъ со мною ¹³ сидитъ съ самодовольнымъ видомъ, не то снисходительно, не то насмѣшливо выслушивая ма додушныя вопли нашихъ безпомощныхъ говорунцовъ, пыхтя хорошею сигарою, полякъ, воспитанный въ Лембергѣ—въ чуждой намъ обстановкѣ и въ чуждомъ языкѣ. Этотъ баринъ совсѣмъ другого мнѣнія и о скудости земли нашей, и о безнадежности нашего хозяйства. Онъ явился сюда, въ эту самую негостеприимную пустыню, такъ жестоко разочаровавшую нашихъ доморожденныхъ просвѣтителей, безъ гроша въ карманѣ и не зная русскаго слова. Теперь онъ гоняетъ по желѣзнымъ дорогамъ до 11,000 вагоновъ лѣса и въ немного лѣтъ успѣлъ уже нажить капиталъ, которымъ самъ хвастаетъ. Я нарочно глядѣлъ во всѣ глаза—гдѣ же тутъ лѣса, которыми торгуетъ онъ? Но, кромѣ бурьяна, не видѣлъ ничего. И, однако, онъ разыскиваетъ ихъ на 40 и 50 верстъ кругомъ, покупаетъ ихъ по пяти, по десяти, даже по одной десятинѣ, съ вѣрнымъ расчетомъ, у нашихъ цивилизаторовъ, часто даже не знающихъ о существованіи такой малости, и преспокойно истребляетъ въ странѣ послѣдніе остатки ея здоровья и плодородія, набивая свой карманъ съ единственною цѣлью поскорѣе уѣхать отсюда и зажить бариномъ на своей родинѣ, гдѣ ужь, конечно, онъ будетъ самъ насаждать новыя сады и парки, а не рубить послѣдніе лѣса.

Баринъ этотъ безъ всякаго краснорѣчія, но какъ дважды два четыре доказываетъ, что если десятина земли стоитъ 30 рублей, а овца, которая на ней пасется, даетъ въ годъ дохода до 4 рублей со штуки, то это еще далеко небезотрадная хозяйственная перспектива. «Полякъ живетъ порядочно даже съ 50-ю или 100 моргенами (около полудесятины) и на нихъ воспитываетъ своихъ дѣтей, а вы, господа, считаете себя нищими съ тысячею десятинъ! Полякъ готовить сына къ промыслу, къ практическому знанію, отдаетъ его на заводы, фабрики, въ конторы, а вы гнушаетесь промысла,—справедливо замѣчаетъ онъ намъ:—оттого у васъ такъ мало знанія. Ваши траты и вашъ трудъ не имѣютъ никакого отношенія къ вашимъ доходамъ. Вы продаете свои машины, своихъ овецъ, свой скотъ, когда вамъ нужны деньги, и ждете потомъ дохода съ земли. Оттого вы теперь всѣ проданы или

будете проданы завтра, съ помѣщичествомъ здѣсь теперь покончено!...»

Это была обидная и досадная правда, но тѣмъ не менѣе—правда, которую трудолюбивый полякъ заслуженно кидаль намъ въ лицо.

* * *

Невесела картина и дальше. Ближе къ Таганрогу все чаще встрѣчаются, словно затерянные среди степи, запряженные въ одну лошадь бочки съ водою, изъ которыхъ заливають норы сусликовъ. Это медленное копошеніе маленькихъ, одинокихъ человѣчковъ среди громаднаго обхвата пустынь, которыя пробѣгаетъ нашъ поѣздъ, производитъ впечатлѣніе чего-то безсильнаго и жалкаго.

Еще половцы, старые бродяги нашихъ южныхъ степей, по сказанію нашего перваго лѣтописца, питались сусликами: «Ядуше мертвячину и всякую нечистоту, хомяки и сусолы». Но и до сихъ поръ, кажется, ихъ стало не меньше въ этихъ степяхъ, несмотря на тысячелѣтнюю исторію, несмотря на заселеніе.

Помню я, нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ пришлось проѣзжать приднѣпровскую степь, кишѣвшую несмѣтнымъ количествомъ этихъ тварей. Казалось, вся почва была обращена въ рѣшето ихъ кругленькими черными норами, а среди побурѣвшей полыни и курая торчали чаще, чѣмъ самый бурьянъ, пестрые, сытые звѣрьки на заднихъ лапкахъ, пересвистывавшіеся другъ съ другомъ и при проѣздѣ экипажа пугливо нырявшіе, носомъ внизъ—хвостомъ вверхъ, въ свои вертикальныя норы. Тысячи лѣтъ оказалось намъ мало, чтобъ отдѣлаться даже отъ такого первобытнаго врага, чтобъ «дикое поле» обратить въ сколько-нибудь домовитое жилище человѣка.

Мало того, что сусликъ живетъ попрежнему въ травянистыхъ степяхъ юга: онъ полвинулся гораздо далѣе на сѣверъ и теперь постоянно попадается даже въ сѣверныхъ уѣздахъ Курской губерніи, всецѣло обращенныхъ въ поле, гдѣ не знали даже имени его 25 лѣтъ назадъ. Нѣкоторыя южныя земства какъ-то вовсе истребили было овражка, обложивъ жителей натуральнымъ налогомъ и платя за каждую штуку. Истребленіе шло такъ бойко, что жителямъ приходилось въ послѣдствіи покупать шкурки въ сосѣднихъ уѣздахъ, чтобъ выполнить обязательную повинность и представить управѣ опредѣленное число убитыхъ звѣрьковъ.

Но у насъ любятъ кончать на первыхъ порахъ, и теперь овражекъ опять размножается безпрепятственно; если въ одномъ мѣстѣ его выживають, то онъ спокойно лзеть изъ сосѣдняго, гдѣ на него не

обращаютъ никакого вниманія. А между тѣмъ, многія тысячи десятинъ на нашемъ югѣ ежегодно истребляются овражкомъ, вдобавокъ къ другимъ тысячамъ, истребляемымъ то саранчою, то кузькою, то лѣтною засухой. Что-же дѣлать, когда даже одна мысль о совмѣстной дѣятельности земствъ разныхъ губерній до сихъ поръ у насъ считалась вредною ересью? Мы должны платить эту печальную премию за свое хозяйственное легкомысліе и свою неизлѣчимую распущенность.

* * *

Некошенныя травы цвѣтутъ и волнуются на сотни верстъ кругомъ, а въ Харьковѣ сѣно—едва не на вѣсъ золота. Мало того: вся степная часть Харьковской губерніи покрыта стогами стараго сѣна. Вы спросите, что-же это за притча? Хорошо не знаю; можетъ быть, есть и другія причины этой анковинной повсемѣстной нужды въ сѣнѣ, бокъ-о-бокъ съ бесплодно гниющими стогами того-же сѣна, но одну причину можно постичь и безъ особыхъ изслѣдованій, только бѣгло пробѣжавъ харьковскія степи. Стоги, которыми кишитъ степь, словно нарочно устроены не для сохраненія сѣна въ сухости и цѣлости, а для скорѣйшаго обращенія его въ навозъ. Это совсѣмъ плоскія, развалистыя кучи, неимѣющія острой вершины, такъ что дождь и снѣгъ преспокойно скопляются вверху и проникаютъ мало-по-малу до основанія весь стогъ. Оттого-то теперь эти стоги сѣна стоятъ среди молодой зеленой травы чернымъ, какъ грязь.

Неудивительно, если такая система хозяйства разочаровываетъ предпримчивыхъ цивилизаторовъ и если нашъ скотъ будетъ дохнуть подъ тѣны подобныхъ стоговъ.

Железная дорога не внесла пока въ нашу степь никакого вліянія на ея пейзажъ, на ея дикія стихіи. Какъ прежде снѣжные бураны заматали здѣсь измученную почтовую тройку или утлыя дровнишки мужика, такъ и теперь всесильно владычествуютъ они надъ рельсами и паромъ, загораживаютъ пути по глубокимъ балкамъ, останавливая на недѣли цѣлыя поѣзды, подобно тому, какъ старшій сожигатель ихъ, монгольскій кочевникъ, останавливалъ здѣсь когда-то торговые караваны. И теперь неблагоразумный путникъ, слишкомъ понадѣявшійся на вѣкъ цивилизаціи, нѣрѣдко терпитъ голодь и холодъ въ неожиданномъ плѣну у степного властелина, оставаясь на нѣсколько дней безпомощно запертымъ въ своемъ вагонѣ, въ глубинѣ какой-нибудь балки. Эти внутреннія наши таможи, непредвидѣнныя никакимъ законодательствомъ, возникаютъ импровизаціей то тамъ, то здѣсь, для развлеченія въ однообразіи

пути, и вовсе не устранены сносом старинных пестрых шлягбаумовъ, гдѣ брали въздныя пошлины и кричали «подвысь!...»

Наша торговля и весь дорожный людъ нашъ тоже платятъ изрядную пошлину этимъ стихійнымъ заставамъ, не спрашивающимъ билета, и страдаютъ отъ нихъ, право, не меньше, чѣмъ страдали когда-то отъ внутреннихъ таможенъ, противъ которыхъ такъ вооружилась экономическая наука. И, что всего досаднѣе, это безпрепятственное хозяйничанье дикихъ стихій пустыни надъ горделивымъ изобрѣтеніемъ чловѣческаго гения и современной цивилизаціи, этотъ произволъ сѣдого мнѳологическаго старика—«Боряся съ бѣлыми власами»—надъ чудодѣйственными орудіями Уайта и Стефенсона, нисколько не составляетъ рокового условія непобѣдимости.

Это, опять-таки, даровая премія за нашу распущенность, за нашѣ неумѣнье дѣльно дѣлать дѣло. Мы заботливо обезпечили всѣмъ желѣзнодорожнымъ строителямъ полученіе съ насъ, съ точностью и акуратностью часоваго механизма, всевозможныхъ процентныхъ гарантій; мы слѣзали все, чтобы дать нашимъ именитымъ желѣзнодорожникамъ возможность покупать итальянскія виллы, парижскія картинныя галереи и заказывать удивляющіе Европу серебряныя сервизы въ мастерскихъ Овчинникова или Хлѣбникова для поощренія отечественнаго производства. Но мы не подумали только о томъ, что и для торговаго движенія, и для проѣзжающаго чловѣка нужна хоть какая-нибудь гарантія, если не въ привлекательной формѣ процентовъ, то хоть въ видѣ скромнаго обезпеченія основныхъ правъ чловѣческаго существованія. Простому смертному, не посвященному въ тайны гарантій и концессій, на котораго не сыплется ни одна изъ крохъ грандіозныхъ подачекъ, кое-когда политично бросаемыхъ отечеству желѣзнодорожными тузами, казалось бы, очень просто потребовать отъ людей, создавшихъ себѣ колоссальныя состоянія путемъ предоставленной имъ отъ государства желѣзнодорожной монополіи, по крайней мѣрѣ того, чтобы хоть ничтожная частичка переданныхъ имъ государствомъ милліоновъ рублей шла на огражденіе желѣзныхъ дорогъ отъ ежегодно угрожающей милліонамъ людей смертельной опасности.

Въ недавнее старое время, когда государство суровѣе и проще смотрѣло на обязанности и было несравненно скупѣе на право, считалось не только возможнымъ, но совершенно необходимымъ обезпечить отъ опасности зимнихъ вьюгъ, темныхъ осеннихъ ночей и лѣтняго зноя всѣ безъ исключенія большія дороги на всемъ громадномъ пространствѣ имперіи, и мы дѣйствительно видимъ теперь, что нѣтъ такого ничтожнаго уѣзднаго городка въ Россіи, изъ котораго дороги въ

другіе такіе-же городки не были обсажены рядами деревьевъ, ракитъ, березъ, тополей... Все это было сдѣлано не средствами правительства, а натуральною повинностью крестьянъ, безъ того задвѣнныхъ нуждою и обремененныхъ всевозможными повинностями. Если русская нищенская деревня, соломенная и навозная, нашла въ себѣ силы обсадить сплошь деревьями свои большія дороги, то неужели не могли бы этого давнымъ-давно исполнить наши желѣзнодорожные миллионеры? Но они предпочитаютъ истреблять послѣдніе остатки лѣсовъ на ежегодныя загражденія въ некоторыхъ выемкахъ и станцій утилою рѣшеткою и несколько, повидимому, не огорчаются комически-плачевною судьбою пассажировъ, систематически выдерживающихъ неожиданный карантинъ въ снѣговой пустынь по прихоти Борей. Я думаю, что не больше тревожатъ ихъ и болѣе трагическіе случаи схождения съ рельсовъ и гибели поѣздовъ. Правда, по азовской дорогѣ уже кое-гдѣ замѣчается начало древесныхъ посадокъ, по некоторымъ вагамъ уже зелѣютъ трехвершковыя былинки акаціи, и мыъ рассказывали, что при одной станціи даже учрежденъ желѣзною дорогой большой питомникъ деревьевъ для дѣлей обсаженія. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда; но, судя по сдѣланному, нужно думать, что предпріятіемъ этимъ не особенно торопятъ и, пожалуй, какъ это часто случается у насъ, взяли за него только для отвода глазъ и для красоты отчетовъ. Тогда долго еще придется намъ знакомиться лицомъ къ лицу съ снѣжными сугробами и многодневными голодовками.

Вообще, трудно представить себѣ наши желѣзныя дороги въ роли древонасадителей. Если хотите, это даже вышло бы съ ихъ стороны черезчуръ комично, какая-то злая эпиграмма на самихъ себя. Онѣ давно уже энергически выжигаютъ послѣдній лѣсъ, скудно удѣлявшій на нашемъ югѣ; онѣ давно стали безсознательными, но дѣятельными союзниками степныхъ засухъ и безводья, вызывающихъ саранчу, жука, періодическія голодовки и не прекращающіяся эпидеміи и эпизоотіи. Въ то время, какъ наши ученые спеціалисты, черезчуръ углубившіе кладези премудрости своей, въ родѣ гг. Заманова и Костычева, ломаютъ теоретическія копья въ опроверженіе господствующаго «суевѣрія» о пользѣ лѣсовъ, а противники ихъ собираютъ широковѣщательныя Комиссіи и Комитеты, желѣзнодорожники и фабриканты втихомолку валяютъ съ корня самыя лѣса и дѣлаютъ празднымъ даже самый споръ о пользѣ или вредѣ ихъ. «Совершившійся фактъ» торжествуетъ теперь надъ всѣмъ нашимъ югомъ. Когда-то многолѣсная Кіевская губернія уже выжжена едва не до тла, и сахарные заводы ея бѣгутъ спасаться въ другія губерніи, гдѣ еще лѣсоистребленіе не завершено

вполнѣ. Харьковская, Полтавская, Екатеринославская губерніи и недавно стоятъ голыми-голыми, наивно удивляясь, откуда это насылаеть имъ Богъ то дифтеритъ, то тифъ...

А тутъ, будто въ насмѣшку, въ самыхъ нѣдрахъ ихъ цѣлая страна каменнаго угля, цѣлая другая страна антрацита. Теперь даже особенная система желѣзныхъ дорогъ (донецкая и частная вѣтвь ея) прорѣзаетъ въ разныхъ направленіяхъ этотъ русскій Ньюкастль. Азовская дорога даже топится каменнымъ углемъ и лично составляетъ теперь исключеніе изъ числа льсоистребителей. Но бѣда въ томъ, что она не можетъ дать этого угля другимъ дорогамъ. Тарифъ на уголь удешевленъ до послѣдней степени, и дешевле $\frac{1}{60}$ копѣйки за пудъ и версту дорога уже не можетъ возить. Понятно, что у нея нѣтъ особенной охоты получать мало и есть, напротивъ, огромная охота получать много. А потому, понятно, она старается перевозить угля какъ можно меньше. Донецкая дорога проситъ у нея, напримѣръ, 100 вагоновъ—она дастъ ей только десять, и вотъ изъ 100 пудовъ добытаго угля 90 остаются благополучно на своемъ мѣстѣ. Конечно, это цифры примѣрныя, но суть дѣла та-же. За невозможностью усилить сбывъ каменнаго угля, удешевленіе его производства, разумѣется, невозможно, и вотъ мы приходимъ къ такому курьезному результату. Сосѣдній Курскъ, напримѣръ, нуждается въ каменномъ углѣ, но не можетъ получить его вовсе, по причинѣ затрудненій въ доставкѣ. Одесса, Ростовъ, Севастополь нуждаются въ каменномъ углѣ, но покупаютъ его у англичанъ, потому что англичане привозятъ его, какъ балластъ, на своихъ пароходахъ и продаютъ на 30%—40% дешевле донецкаго.

Въ качествѣ простаго смертнаго, не посвященнаго въ тайны высшей желѣзнодорожной политики, я могъ бы только осторожно напомнить глупое старое правило, что и въ усовершенствованномъ XIX-мъ вѣкѣ, по всей вѣроятности, не Россія же должна существовать ради пользы желѣзныхъ дорогъ, а скорѣе, все-таки, желѣзныя дороги, несмотря на всю грандіозность и всю законность своихъ аппетитовъ, должны были бы существовать ради пользы этой глупой, нищенской Россіи.

Насъ, грѣшныхъ, разумѣется, не трудно застрашать бойко звенящими дифрами тарифа, ввоза и вывоза, статистическими таблицами и отчетами, Си доказать, какъ дважды два четыре, что наши южныя желѣзныя дороги благодѣтельницають намъ и истребленіемъ хѣсовъ, и необходимою покупать англійскій уголь, и даже калѣченемъ своихъ пассажировъ. Мы ничего не смѣемъ возразить противъ тѣхъ, кому книги въ руки, а только смиренно твердимъ, не заглядывая въ дебри

железнодорожной статистики, что у нас на югъ нѣтъ лѣсовъ, а есть уголь, что нужно жечь уголь, а не лѣса, что нужно возить уголь по железнымъ дорогамъ,—выгодно это имъ или невыгодно, если только это необходимо для государства. Мудрую руку правительства, твердо наложенную на разнузданную корысть монополистовъ,—вотъ что желаемъ мы видѣть, какъ разрѣшеніе рокового для нашего юга каменноугольного вопроса.

Пока-же этого не будетъ, пропадетъ нашъ плодородный югъ! Намъ глубоко изумляетъ непостижимая двойственность нашихъ собственныхъ мѣропріятій. Всякія ошибки и заблужденія понятны, естественны и законны. Я понимаю неумолимую жестокость Петровой дубинки, примѣненной даже къ частной жизни, къ частному хозяйству. Въ этомъ есть свой смыслъ, своя заслуга. Но трудно понять, какъ возможно одною рукою работать на защиту дѣла, а другою на его погубель. Съ одной стороны, дѣлое министерство, озабоченное насажденіемъ лѣсовъ, обводненіемъ степей, тратящее на это полезное дѣло массы труда, знанія, денегъ,—дѣлое племя, призванное, въ замѣну своего воинскаго долга, заняться облѣсеніемъ нашего иссыхающаго юга,—академія, комитеты, ученые общества, учреждаемыя правительствомъ, проповѣдывающія необходимость охраненія лѣсовъ, гибельность безлѣсья и безводья для народнаго хозяйства,—положительное законодательство, вооруженное всюю строгостью на защиту этихъ лѣсовъ и водъ; наконецъ, торжественно открываемый правительствомъ памятникъ умному хозяину, насадившему деревья въ степи, наравнѣ съ великими государственными людьми и полководцами. Съ другой-же стороны, безнаказанное и безконтрольное истребленіе лѣсовъ дѣлыми тысячами десятинъ, безостановочное, ненасытимое, словно въ пламени печи вавилонской, открыто производимое на глазахъ всѣхъ железнодорожными и фабричными компаніями съ дозволенія того-же правительства...

II.

Дѣтопись степей.

ЮЖНАЯ степь, по мѣрѣ приближенія къ Азовскому морю, все чаще пересѣкается дѣбно своихъ кургановъ. Эта голая пустыня изборождена слѣдами исторіи, слѣдами народовъ, давно исчезнувшихъ, покончившихъ свою роль на ранней зарѣ нашей собственной исторіи. Черезъ эти привольныя равнины рус-

скаго юга безостановочно челодой наплывали, напирали на европейскій материкъ дикія орды степовиковъ, отроившіяся въ несмѣтномъ множествѣ, какъ тучи саранчи, въ невѣдомыхъ глубинахъ Азіи, гонимыя какимъ-то зоологическимъ инстинктомъ на благоустроенный Западъ. Онѣ являлись неожиданнымъ ужасомъ, какъ неотвратимая кара Божія, передъ изумленнымъ европейцемъ, съ своими варварскими образами, варварскимъ языкомъ, варварскими обычаями. «Половцы законъ держать отецъ своихъ кровь проливати, хвалящесе о семъ и ядуше мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы, и поймають мачехи своя и ятрови и ины обычая отецъ своихъ творять худыя», говоритъ лѣтописецъ объ одномъ изъ самыхъ характерныхъ народовъ-степовиковъ, которыхъ старое имя, Команы, невольно напоминаетъ рѣку Куму, до сихъ поръ главный центръ нашихъ нынѣшнихъ прикаспійскихъ степовиковъ, ногайцевъ и калмыковъ; оно же продолжаетъ звучать въ имени одного изъ распространенныхъ племенъ прикаспійскаго берега, кумыковъ, уже давно ставшихъ осѣлыми, точно такъ же, какъ звучало въ римскомъ названіи Кавказскихъ Воротъ: Porta Cumana.

Все дѣтство русской исторіи проходитъ въ этомъ бесплодномъ и гибельномъ общеніи, частью мирномъ, даже союзномъ, но гораздо чаще кровавомъ, съ варварскою волеизъявленіемъ степей.

Фредегаръ говоритъ, что хуны (или авары) каждый годъ на зиму приходили къ славянамъ, брали у нихъ съ постели женъ и дочерей; славяне же, сверхъ другихъ угнетеній, платили хунамъ дань.

«Сиде обри,—записалъ нашъ лѣтописецъ,—воваша на словены и прилучиша дубебы, сушая словены, и насилія творяху женамъ дубебскимъ. Аще поѣхати бѣше обрину, недалече впрячи коня, ни волу, но веяше впрячи 3 или 4, или 5 женъ въ телегу и повести обрина, и сиде гордящесе ѣзяху наругающесе словеномъ. И тако мучаху дубебы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и силни зѣло, яко никому же мощи противиться имъ».

Признаюсь, когда я странствовалъ среди неприступныхъ дебрей Дагестана, по берегамъ страшной *аварской* Койсу, среди народа, говорящаго *аварскимъ* языкомъ, до сихъ поръ господствующимъ въ Дагестанѣ, и на-дняхъ еще принадлежавшаго къ могущественному *Аварскому* ханству, и видѣлъ ежедневно рослый, могучій народъ, на зиму спускающійся въ равнины Кахетин, и приземистыхъ женъ его, употребляемыхъ, какъ выюнный скотъ, для носки дровъ, хлѣба и всякихъ тягостей, я невольно вспоминалъ описанія аваровъ или обривъ нашего древняго лѣтописца и крѣпче, чѣмъ всякимъ филологическимъ и историческимъ догадкамъ ученыхъ, вѣрилъ своему непосредственному впе-

Рѣка Донъ около Ростова-на-Дону.

чатиѣно, что воинственный аваръ Дагестана, называющійся теперь лезгиномъ, долженъ быть сродни тому авару или обру, который сходилъ въ намъ когда-то на зиму съ своихъ горъ и обращалъ нашихъ женщинъ въ вьючную скотину. Въ этихъ степяхъ кочевали еще ранѣе половцевъ печенѣги, о которыхъ лѣтописецъ упоминаетъ уже съ 900 года; тутъ-же хозяйничали хазары, главные обладатели не только донского юга, но и всего степного пространства отъ Днѣпра до подножія Кавказскихъ и Крымскихъ горъ. Самый южный берегъ Крыма много вѣковъ назывался Хазаріей. Даже митрополитъ древней Кафы назывался митрополитомъ хазарскимъ... Вся южная славянская Русь платила дань хазарамъ при появленіи нашихъ первыхъ князей.

«И найдоша я козарѣ съдѣщая в лѣсѣхъ на горахъ—повѣствуетъ Несторъ о киевлянахъ,—и ркоша козарѣ: платите намъ дань. Здумавше же поляне и вдаша отъ дыма мечь».

«Влѣто 6392 иде Олегъ на съверяны и побѣди съверяны и възложи дань легку не даи иль козаралъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему».

Кто были эти половцы, эти печенѣги, эти хазары, кто были скиѣи и сарматы, которыми многие греческіе писатели прямо обозначали славянъ,—все это, мы увѣрены, никогда не будетъ раскрыто въ

точности серьезною наукою и только послужить нескончаемому канвою для всевозможных остроумных догадокъ.

Странно ожидать строгихъ опредѣлений въ той области, которая не оставила по себѣ ни одного твердаго филологическаго или этнографическаго факта.

Хотя Левъ, диаконъ калойскій, Кедринъ и другіе историки греческіе даже воплнѣ историческихъ руссовъ Святослава называютъ скпеами и тавроскпеами, но ясно, что этимъ общимъ именемъ они обозначали безразлично всѣхъ, мало извѣстныхъ имъ бродячихъ обитателей южно-русской равнины, тѣмъ болѣе, что въ составъ Святославовыхъ дружинъ могли быть всевозможные степные элементы.

Кто покрылъ степь этими непрерывными веренищами кургановъ—точно также останется навсегда нераскрытою тайной.

Исслѣдованія Забѣлина, Уварова, Самоквасова, несмотря на все ихъ ученое остроуміе и трудолюбіе, не объяснили въ этомъ отношеніи ничего существеннаго, потому что самый живой быть исчезнувшихъ степныхъ народовъ не настолько извѣстенъ, чтобы можно было разгадать его по скуднымъ даннымъ уцѣлѣвшихъ могилъ.

Гробницы царственныхъ всадниковъ съ золотыми вѣнцами на головахъ, открытыя въ какомъ-нибудь чертомлыкскомъ курганѣ, говорятъ только одно, что Геродотъ чрезвычайно вѣрно указалъ свою Царскую Скиною. Но что это была за Скиноя, въ какой связи и родствѣ была она съ современными ей и съ послѣдующими племенами человечества—этого никто и никогда не скажетъ. Точно также мало помогли раскопки заросшей лѣсомъ знаменитой Саурь-могилы, недалеко отъ Таганрога, и раскопки предполагаемыхъ сѣверскихъ кургановъ Курской и Черниговской губерній.

Безмолвная степь не выдаетъ такъ легко своихъ тысячелѣтнихъ тайнъ, и до сихъ поръ никто не могъ доказать, чья рука ставила на вершинѣ кургановъ этихъ каменныхъ бабъ и болвановъ, которымъ приносились жертвы даже до нашихъ дней, какъ, напримѣръ, на чертомлыкскомъ курганѣ. Ихъ первобытныя формы только свидѣльствуютъ о первобытности искусства, первобытной грубости религіознаго чувства, воздвигнувашаго, въ качествѣ боговъ, эти сдва-отесанныя глыбы песчаника, въ которыхъ иногда трудно признать даже образъ человѣка. Систематическое направленіе кургановъ, въ видѣ сплошныхъ цѣпей, гораздо яснѣе указываетъ на ихъ значеніе путевыхъ признаковъ среди необитаемой и необозримой степи. Отъ самаго Таганрога они тянутся въ степь, какъ гигантскія кротовыя кучи, на многіе десятки верствъ вдоль горнаго берега Муса. Отъ самыхъ Кавказскихъ горъ, черезъ

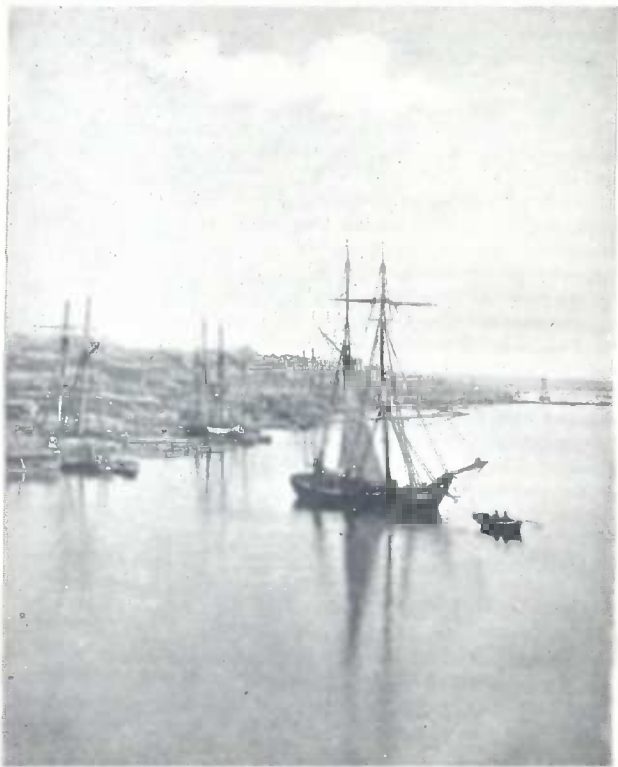
Терскую область, через Кубанскія и Ставропольскія степи, опять тянутся они частою цѣпью въ одномъ и томъ-же направленіи, сѣвернѣе линіи желѣзной дороги, къ устью Дона. Очевидно, что азіатскіе степовики, проходившіе черезъ Кавказскія Ворота, руководились ими въ своихъ нашествіяхъ на русскую равнину, какъ верстовыми столбами. Вѣрнѣе всего, что ихъ насыпали не одинъ какой-нибудь народъ, а насыпали многіе и разные народы, въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, команы насыпали курганы на глазахъ Рубруквиса, вѣдшаго посломъ Людовика IX-го къ хану Мангу, по сѣверному побережью Азовскаго моря. Народы, жившіе одною и тою-же жизнью, при всемъ различіи своемъ по крови, не могли имѣть слишкомъ различныхъ обычаевъ.

Дороги изъ глубины степей къ торговымъ и населеннымъ городамъ были однѣ для всѣхъ. Инстинкты хищничества были также однѣ и тѣ-же у всѣхъ хищныхъ ордъ степи, отъ обра до татарина. Всѣ они одинаково чувствовали своихъ военачальниковъ и героевъ, всѣ они питали суевѣрный ужасъ къ богамъ пустыни и прибѣгали, конечно, къ ихъ заступничеству, подкупая ихъ высоко воздвигнутыми идолами, далеко видимыми на глади степей. Распутать теперь въ этомъ хаосѣ отрывочныхъ и нѣмыхъ остатковъ исторіи, кѣмъ и когда что сдѣлано,—разумѣется, задача невозможная. Неудивительно, если многіе курганы обязаны своимъ происхожденіемъ даже гораздо позднѣйшимъ временамъ, напримѣръ, тѣмъ, до сихъ поръ не вполне выясненнымъ бродячимъ дружинамъ, которыя, подъ именемъ бродниковъ, черкасъ, казаковъ, замѣнили собою впоследствии печенѣговъ и половцевъ. Даже русскія рати и русскіе станичники, оберегавшіе «дикое поле», должны были неминуемо оставить много кургановъ въ память своихъ далекихъ степныхъ походовъ, чему есть неопровержимыя доказательства. Что это такъ, въ этомъ можно убѣдиться, проѣзжая Нижнюю Чечню, гдѣ вдоль всей дороги, когда-то очень опасной, по правому берегу Терека и Суnji тянутся правильною цѣпью большіе курганы, на которыхъ еще недавно стояли частыя вышки казачьихъ пикетовъ, теперь, большею частью, упраздненныхъ. Ясно, что позднѣйшій изслѣдователь, не знающій этой живой еще теперь подробности, впоследствии легко смѣшаетъ опустѣвшіе курганы этого рода съ курганами Древнихъ скиновъ или монголовъ.

Что казаки вообще законные наследники и преемники древнихъ степовиковъ—это ясно не только изъ ихъ исторической роли, но даже изъ самаго имени ихъ. Между этимъ именемъ и именами древнихъ касоговъ (писавшихся по никоновскому списку «касаги», по софійскому—«косоги»), кочевавшихъ въ началѣ русской исторіи у береговъ Азов-

скаго моря и побѣжденныхъ Святославомъ нѣтъ, въ сущности, никакой разницы. Въ Курской губерніи до сихъ поръ есть рѣка Касожа или Касоржа, очевидно сохранившая память о древнихъ обитателяхъ. Греческій императоръ Константинъ одну часть Сѣвернаго Кавказа прямо называетъ Козакією или Касакією, и замѣчательно, что крѣпостное населеніе, живущее теперь въ этой части Кавказа, до сихъ поръ называется казаками. Киргизы, коренные жители степей, и теперь называются кайсаками или казаками. Казакъ есть вообще какое-то родовое имя, значеніе котораго не вполне выяснено. Осетины Кавказскихъ горъ называютъ, напримѣръ, казаками черкесовъ, по увѣренію Шлецера. Если вспомнить, что, въ свою очередь, казаки постоянно назывались черкесами, или черкасами, что до сихъ поръ въ Кіевской губерніи значительная часть населенія называется черкасами, что въ старѣхъ казачьихъ областяхъ есть города Черкасы, Черкасскъ и Новочеркасскъ, а степной южный скотъ до сихъ поръ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ черкаскаго, то нарицательность имени казака станетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Даже въ генуэзскихъ лѣтописяхъ древняго Суружа упоминаются въ смыслѣ конной стражи какіе-то *kozaki* оргузии, какъ мнѣ пришлось убѣдиться при изученіи памятниковъ Крыма.

Донъ и Донецъ—центральныя рѣки нашего кочевого юга, всегда правившія въ немъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ Днѣпръ, бывшій уже предѣлюмъ цивилизаціи и въ извѣстномъ смыслѣ оградой государственности. Донъ—истая рѣка степей и степовиковъ. Игорь не даромъ «къ Дону вопи ведеть». Еще Олегъ и Святославъ воспали на Дону, громили тамъ царство Хазарское. Въ лѣтописи Нестора не упоминается ни одного славянскаго города по Дону и Донцу, но упоминается множество городовъ по Днѣпру и его притокамъ. По Днѣпру, Припети, Деснѣ, Сейму, Сожи сидятъ цѣлыя племена славянъ въ самомъ началѣ русской исторіи; самъ Днѣпръ, по словамъ лѣтописца, «течетъ въ Понтское море трети жералы, иже *горе словеть русское*»,—до такой степени прочно осѣла на немъ славянская земледѣльческая народность. А на Дону въ это время ни одного поселка славянскаго, а есть только столица Хазаріи. Оттого-то Донъ съ глубокой древности почитался границею Азіи; еще Скимнъ Хиосскій, за 100 лѣтъ до Христа, называлъ берега Танаиса «границею Азіи и двухъ материковъ». Несудивительно, что и борьба русскаго славинства на жизнь и смерть съ азіатскимъ кочевникомъ разрѣшилась въ области Дона; у верховьевъ Дона была первая освободительная битва русскаго народа съ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ; близъ устья Дона, на берегахъ Калки, нынѣшняго Калмуса, была первая роковая встрѣча русскихъ князей съ монгольской силою.

Берега р. Дона.

Оттого-то, можетъ быть, Донская область и до сего времени сохранила своеобразие своей казацкой исторіи и своихъ казацкихъ обычаевъ, въ то время, какъ днѣпровское казачество почти безслѣдно слилось съ общою государственностью Россіи. На Дону накопилось такъ

много кочевыхъ и вольнолюбивыхъ преданій, что ему было невозможно такъ-же легко, какъ Малороссіи, претвориться въ плоть и кровь цивилизованной націи. Донъ долго еще вскармливалъ Ермаковъ, Зарудкиныхъ, Разиныхъ и Пугачевыхъ, этихъ законныхъ наслѣдниковъ Гзы и Каяка.

«Дикое поле» долго тянулось за окраинами Россіи не къ Днѣпру и Деснѣ, а именно къ Донцу и Дону. Степныя дороги, калміусская и пазомская сакмы, Муравка, Царскій Шляхъ жмутся сами собой къ Донцу и Дону.

Сюда высылались издревле «сторожить Русь» и «громить воровъ въ дикомъ полѣ» сторожки и станичники; отъ этого же дикого поля отсиживались изстари «украинскими слободами», «жилыми городками», «опасными острожками». Польскою украиною въ отличіе отъ литовской, то есть украины днѣпровскаго бассейна, называлась именно «государственная межа порожней земли дикого поля», по Хопру, по Дону съ Донцомъ, по Быстрой и Тихой Соснѣ и Воронежу. Сторожки на эти рѣчки посылались, хотя безъ особой системы, еще при Дмитріѣ Донскомъ, и митрополитъ Алексѣй, въ 1360 году, посылалъ свое благословеніе «ко всемъ христіаномъ обрѣтающимся по карауль возлѣ Хопръ и Дону». Съ Ивана же Грознаго сторожевая и станичная служба получила правильную организацію. Царскія сторожки проникли глубоко въ степь, оцѣпивъ собою всѣ проторенныя татарами сакмы, всѣ рѣчки и рѣчки, тревожа улусы кочевниковъ и служа надежными развѣдчиками въ случаѣ ихъ движенія.

Однако, передовая цѣпь укрѣпленныхъ городковъ еще не выдвинулась тогда дальше Новосилъ, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля.

Впереди этой линіи рубились засѣки, копались рвы, дѣлались забои въ рѣкахъ. Станичники и сторожки выбирались изъ самыхъ лучшихъ служилыхъ людей и получали большое жалованье. Оружіе и лошади ихъ цѣнились «стоялыми воеводами» и оплачивались «поизрону». При царѣ Федорѣ Ивановичѣ, по указу 1594 года, «положено было станичнымъ головамъ и станичникамъ и вожамъ за службу и за изронъ и за полонъ давати государево жалованье, за конь по 4 рубли и за меринъ по 3 рубли». Сторожки отстояли другъ отъ друга на день пути, рѣдко на два, а большею частью на «днище», т.-е. на полдня. Онѣ составляли нѣсколько неразрывныхъ линій, пересѣкавшихъ всѣ татарскія сакмы и шляхи, и безпрестанно сносились другъ съ другомъ.

Существовалъ цѣлый уставъ станичной и сторожевой службы, первый разъ составленный въ 1571 году знаменитымъ героемъ Казани, Вотрынскимъ, «съ котораго города къ которому урочищу станичникамъ

податнѣе и прибыльнѣе вѣдѣти, и на которыхъ сторожахъ и отъ которыхъ городовъ и по кольку челоуѣкъ сторожей на которой сторожи ставити, которыя бы сторожи были усторожливы отъ крымскія и отъ ногайскія стороны, гдѣ было государеву дѣлу прибыльнѣе и государственнымъ украиннамъ бережнѣе, чтобъ воинскіе люди на государевы украинны войною безвѣстно не приходили.

Уставъ строго требовалъ «стояти сторожамъ на сторожахъ, съ коней не съѣздаи, перемѣняясь и вѣдѣти по урочищамъ, перемѣняясь же, направо и налѣво, по два челоуѣка по наказомъ, каковы наказы дадутъ имъ воеводы. А становъ не дѣлати, а огни класти не въ одномъ мѣстѣ, коли каши сварити и тогда огни въ одномъ мѣстѣ не класти дважды; а въ коемъ мѣстѣ кто поланевалъ и въ томъ мѣстѣ не ночевати, а въ лѣсѣхъ имъ не ставитца, а ставитца имъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы было усторожливо»; станичники обязаны были «сакмы переѣзжати и людей смекати». Воеводы должны были сторожамъ «лошади добрыя правити, на которыхъ бы лошадахъ на сторожи вѣдѣти было безстрашно, чтобъ государскія украинны безвѣстны отъ нихъ не были»; «чтобъ у каждаго сторожа было для сторожевой службы по два коня добрыхъ или коню меренъ добръ». Станицы вѣдали по росписи съ 1-го апрѣля по 1-е ноября, по днѣ очереди каждая (по двѣ недѣли очередь) «докуды снѣги большіе укинутъ». Пустынища «дикого поля» была недавно еще такъ велика, что въ 1708 году, т.-е. при Петрѣ I-мъ, къ Азовской губерніи относился даже нынѣшній уѣздный городъ Курскій губерніи Новый Осколь и значительная часть Воронежской и Харьковской губерній. При Михаилѣ же Федоровичѣ, въ 1635 году, наша пограничная оборонительная линія шла еще отъ Воронежа мимо Курскаго Бѣлгорода до Ворсклы, гдѣ былъ устроенъ такъ-называемый Карповскій Валъ. Такъ, недавно еще наше древнее «дикое поле», въ которое уральные князья отгоняли печенѣговъ, превратилось въ мирныя русскія губерніи.

При Иванѣ Грозномъ еще можно было выжигать, какъ совершенно не населенную степь, самыя теперь лодныя и богатые уѣзды Курскій губерніи—Щигровскій, Тимскій и другіе, имъ сосѣдніе, чтобы отнять возможность новаго движенія на Москву у конныхъ татарскихъ ратей Девлетъ-Гирея. Огряды дѣтей боярскихъ и другихъ служивыхъ людей изъ Крапивны должны были, по особой росписи, приводимой въ известной книгѣ Бѣляева о сторожевой и станичной службѣ, выжигать «дикое поле» по рѣкамъ Тиму, Касожѣ, Тускори и Кщеву, т.-е. именно мѣстности Щигровскаго и сосѣдняго ему уѣздовъ.

«А жечи поле въ осенинахъ, въ октябрѣ или ноябрѣ, но заморо-
Очерки Кавказа. 2

зомя, и какъ гораздо на полѣ трава посохнетъ, а снѣговъ не дожидаясь, а дождався ведренья и сухія погоды, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (т.-е. степную) сторону». Слѣдовательно, Крапивна, теперь лежащая въ центрѣ Тульской губернии, была, въ концѣ XVI-го столѣтія, однимъ изъ послѣднихъ пограничныхъ городовъ Руси съ этой стороны «дикого поля».

Курскъ стали строить (или, вѣрнѣе, возобновлять) уже послѣ, именно въ 1586 году. Построилъ его сторожевой воевода Иванъ Осиповъ Нечаевъ съ головой Нелюбомъ Огаревымъ, и заселили переселенцами изъ Орла, Мценска и другихъ городовъ. Тогда же стали строить слободы вокругъ Курска, по сторожевой линіи, населяя ихъ жителями сосѣднихъ и отдаленныхъ городовъ Московскаго княжества. Въ «Судебникѣ» Ивана Грознаго, въ законахъ о ябедникахъ, уже сказано: «наказывать такихъ кнутомъ и ссылатъ въ Сѣвскъ и Курскъ». Немуद्रено, что лѣтописи Курской украины переполнены борьбою съ «дикимъ полемъ», съ вольницею придонскихъ степей.

Путивльскіе воеводы то и дѣло посылаютъ дарю Федору Ивановичу такія отписки:

«Мы, холопи твои, по твоей государевой грамотѣ на поле, на Песель и къ усть Айндара, и внизъ по Донцу, въ тѣ мѣста, гдѣ твоихъ государевыхъ станичниковъ громили черкасы, посылали атамана Агея Мартынова съ товарищи, съ путивльскими черкасы, и онѣ для черкасъ не сошли. И мы, государь, холопи твои, послали атамана Якова Лысова съ товарищи съ новоприборными казаки июня въ 29-й день; и пришелъ, намъ холопамъ твоимъ атаманъ Яковъ Лысой съ товарищи сказалъ: ходили де, государь, мы за воры, за черкасы, за атаманомъ за Лазаремъ съ товарищи и тогда онѣ атамана Лазаря съ товарищи сошли въ *Княжихъ Горяхъ* и ихъ побили, и рухлядь ихъ, и боршень путивльскихъ севрюковъ и рушницы взяли. А послѣ, государь, того, послали мы, холопи твои, Якова же Лысова съ товарищи, и атамана Агѣя съ товарищи августа въ 16-й день; а ходили, государь, онѣ на двѣ станицы, а пришелъ, намъ, холопамъ твоимъ, Яковъ съ товарищи сказалъ: сошли-де онѣ воровъ черкасъ атамана Лукьяна Карнауха съ товарищи на рѣчкѣ въ Батакѣ въ Путивльскомъ уѣздѣ, громили ихъ и боршень, и рушницы путивльскихъ севрюковъ у нихъ отгромили. А Агѣй, государь, Мартыновъ съ товарищи пришелъ сказалъ: ходили де онѣ, межъ Сулы и Хорода, по шляхамъ за черкасы, которые ходятъ въ твою государеву въ вотчину, въ бортные ужожея, и сошли-де, государь, онѣ на Раполотѣ черкасъ, атамана Калюшу съ товарищи и его погромили, а иныхъ побили; да онѣ же, государь, сошли на поле черкасъ, ниже Княжихъ горъ, и ихъ-де погромили. А у Агѣева-де товарища у Савицкаго черкасы тутъ коня убили, а у путивльскихъ, государь, севрюковъ брошень и лошади у черкасъ они отгромили и въ Путивль тѣ лошади привели, черкасскую голову къ намъ принесли. И

били, государь, челомъ тебѣ, государю, атаманъ Яковъ Лысый съ товарищи и атаманъ Агѣй съ товарищи, о твоёмъ государевѣ жалованьѣ, а сказали, что-де онъ наги и боси и голодни».

Это—характерная картина быта и нравовъ «дикого поля», которую мы приводимъ на-выдержку изъ числа многихъ подобныхъ, собранныхъ въ «Актахъ историческихъ».

III.

Набакъ-городъ.

ОТЪ Таганрога до станціи Донца уже провожаетъ насъ справа Азовское море,—сѣрое, скучное, безъ всякой поэзіи скалистыхъ утесовъ, безъ тѣхъ переливовъ бирюзы и малахита, которыми сверкаетъ Крымское море въ тѣни своихъ заливовъ, море, не знавшее ни Ифигеніи, ни аргонавтовъ, вполне приличествующее прозаическимъ купеческимъ кораблямъ, нагруженнымъ пшеницею, канатомъ и шерстью. Таганрогъ, какъ портъ, падаетъ страшно съ года на годъ. Иначе и быть не можетъ, потому что зимою онъ нѣсколько мѣсяцевъ оказанъ льдомъ, а въ остальное время къ нему не могутъ подходить самыя обыкновенныя купеческія суда.

Думають поднять, вмѣсто Таганрога, Мариуполь, устроивъ въ немъ хорошую гавань и проведя въ него, для сбита каменнаго угля, особую вѣтвь отъ донецкой желѣзной дороги. Безспорно, что это могло бы оживить и донецкій каменноугольный бассейнъ, и самый Мариуполь. Но мнѣ вообще кажется, что азовскіе порты болѣе или менѣе отжили свой вѣкъ, что при нынѣшнихъ быстрыхъ путяхъ сообщенія, при нынѣшней быстротѣ, если не торопливости, торговыхъ оборотовъ, нашимъ спрятаннымъ въ пазухъ, замерзающимъ и обмелѣвшимъ портамъ, съ ихъ каботажнымъ судоходствомъ, невозможно конкурировать съ естественными торговыми центрами, лежащими при открытомъ морѣ и способными въ каждую минуту двинуть все, что требуется, всюду, куда требуется. Прошлая зима, когда почти все наше Закавказье и Турецкая Армения издыхали съ голода, а въ нашихъ Ростовахъ, Таганрогахъ, Бердянскахъ, Мариуполяхъ, можно сказать, у самыхъ губъ голодавашаго населенія—неподвижно воздымались громадные склады пшеницы и всякаго хлѣба, можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ крайней зависимости нашихъ портовъ отъ стихійныхъ условій, ихъ, такъ сказать, природенной связанности движеній.

Берега Азовскаго моря у Таганрога.

Казалось бы, слѣдовало давно поглядѣть на дѣло болѣе широкимъ взглядомъ и, взвѣсивая преимущественно условія будущаго, а не прошлаго, направить усилія къ созданію постоянно открытыхъ портовъ на берегахъ Крыма и Кавказа, соединя ихъ, разумѣется, удобною желѣзнодорожною артеріей съ внутренними рынками страны.

Такая мѣра явилась бы поистинѣ органическою государственною мѣрою, сообразною съ современными условіями торговаго дѣла, и я не сомнѣваюсь, что на нашемъ мѣстѣ европейцы давно создали бы гдѣ-нибудь на южномъ берегу Крыма черноморскій Марсель или Ливерпуль. Мы, конечно, не станемъ вдаваться въ сужденія, какіе именно порты наиболѣе подходятъ къ этой цѣли, но всякій житель юга невольно остановится на Новороссійскѣ, Севастополѣ, Феодосіи, служащихъ какъ-бы первыми надежными выходами изъ русскаго материка въ настоящее открытое море. Нельзя забывать громаднаго торговаго значенія эллинской Феодосіи и генуэзской Кафы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Общій видъ г. Таганрога.

Ростовъ, однако, говорятъ, поднимается, богатѣеть. Это немудрено, потому что онъ служитъ, во всякомъ случаѣ, почти единственнымъ, хотя и не особенно удобнымъ посредникомъ между вѣшнею торговлею нашего азовскаго юга съ одной стороны, низовьемъ Волги, бассейномъ Дона, переднимъ Кавказомъ и даже дальними областями Цны и Морши—съ другой. Цѣлый громадный и плодородный уголь Россіи тяготеетъ къ нему черезъ владикавказскую и воронежскую желѣзныя дороги, черезъ дешевую линію донскаго судоходства, тѣсно связанную въ Камачовъ съ судоходствомъ Волги, не считая собственной богатой области, непосредственно окружающей Ростовъ. Если Ростовъ и теперь богатѣеть, то трудно сомнѣваться, что Ростовъ, перенесенный на берегъ легко доступнаго моря, богатѣлъ бы гораздо больше; если Ростовъ можетъ хорошо торговать восемь мѣсяцевъ изъ двѣнадцати, то, конечно, еще лучше торговалъ бы онъ, еслибъ зима не обрѣзала ему ни одного изъ 12-ти мѣсяцевъ года.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что богатѣеть не Ростовъ, а ростовскіе армяне. Нахичевань, неказистая подгородная Ростова,

довольно грязное и жалкое на видъ гнѣздо армянскихъ переселенцевъ, завладѣла окончательно Ростовомъ и душитъ его, какъ ползучая, тоже на видъ неказистая повиллица душитъ самыя рослые и красивыя стебли растений, незамѣтно обвивая ихъ своими зубцами и потихоньку всасывая въ себя весь тотъ сокъ, который предназначается природой для питанія опутаннаго стебля. По крайней мѣрѣ, сами русскіе ростовцы вопятъ о поглощеніи ихъ армянами.

Армяне давно уже переправились черезъ рѣку, давно стали строиться въ самомъ Ростовѣ. Теперь всякій доходный домъ, всякій богато снабженный магазинъ Ростова—непремѣнно армянскій. Русскіе почти уже не торгуютъ въ Ростовѣ, исключая нѣсколькихъ крупныхъ всероссійскихъ специальныя фирмъ.

Но русскіе если очень мало торгуютъ, за то очень много жалуется. Всѣ ихъ, бѣдныхъ, обижаютъ, и еще гдѣ бы, а то у себя же дома! Это, сколько я замѣтилъ, горше всего обижаютъ православнаго человѣка. «На своемъ дворѣ и меня же прибилъ!»—съ неописаннымъ оскорбленіемъ жалуется мужичокъ.

Не спрашивайте земляка, почему же армянинъ до сихъ поръ не сумѣлъ обидѣть нѣмца и англичанина, торгующихъ въ Ростовѣ, а обидѣлъ только его одного, бѣднаго малаго! Нѣмецъ, извѣстно, на то ужъ нѣмецъ. Но не одинъ нахичеванскій армянинъ обижаютъ ростовскаго православнаго человѣка. Всѣ и все обижаютъ его. Обидѣлъ его бывшій городской голова Байковъ, задумавшій, ни съ того, ни съ сего, цивилизовать по-европейски нашъ доморощенный кабакъ-городъ, обижаютъ его донинѣ злоумышленно устроенный Байковымъ городской банкъ. Признаюсь, эта послѣдняя жалоба меня нѣсколько озадачила. Я, вообще, привыкъ видѣть, что у торговыхъ людей слюнки текутъ при одномъ упоминаніи объ открытіи городского банка, а ростовцы вдругъ почитаютъ свой банкъ, да еще устроенный такимъ прославленнымъ туземнымъ цивилизаторомъ, какъ Байковъ, чѣмъ-то въ родѣ ненавистнаго Гаргантюа, безжалостно пожирающаго, вмѣсто барановъ, ихъ дома и капиталы. «Лока не было банка, всѣ мы были цѣлы,—съ ожесточенною открытностью сообщилъ мнѣ одинъ изъ ростовцевъ.—Открылся банкъ,—проглотилъ всѣхъ насъ и все наше; теперь мы всѣ чужіе, всѣ нищіе». Слово-въ-слово обычный припѣвъ нашего черноземнаго помѣщичества. И у насъ тоже, «пока не было банковъ, всѣ мы были цѣлы. Открылись банки, проглотили всѣхъ насъ и все наше; теперь мы тоже всѣ чужіе, всѣ нищіе».

Грустный припѣвъ, нечего говорить, особенно при такомъ единообразіи и единообразіи

Общій видъ г. Ростова-на-Дону.

Вотъ тебѣ и примѣнй къ намъ, русскимъ, мѣрки европейской цивилизаціи, вотъ и хлопочи объ устройствѣ для насъ дешеваго кредита, объ облегченіи намъ промышленныхъ предпріятій! Другихъ банки на ноги ставятъ, а насъ банки съ ногъ бьютъ. Недаромъ всѣ мы стоимъ за національныя особенности и за самостоятельное историческое призваніе родного народа!

Ростовцы не задаютъ себѣ вопроса, точно-ли въ бѣдѣ ихъ виновать банкъ, съ отцомъ своимъ Байковымъ, а не сами они, ростовцы. Они, повидимому, представляютъ себѣ банкъ одушевленнымъ и даже нравственнымъ существомъ, который обязанъ не только давать деньги жителю Ростова, но еще и научать его, вмѣстѣ съ тѣмъ, благоразумію, проницательности, энергіи и прочимъ хорошимъ качествамъ, необходимымъ въ каждомъ практическомъ дѣлѣ, безъ которыхъ самыя большіе займы денегъ приводятъ только къ самой большой потерѣ.

Какъ хотите, а такіе Байковы, которымъ была бы подѣ-силу подобная выдумка, еще не народились даже у нѣмцевъ. Не вините-жъ

наш скромный Ростовъ-на-Дону, не требуйте отъ него такихъ геркулесовскихъ подвиговъ цивилизации.

* * *

Глубина Дона въ Ростовѣ такова, что не уступить морю—до 30-ти и 40 саженъ. А такъ какъ землечерпательныя машины постоянно очищаютъ заносимыя гирла, то въ Ростовѣ теперь могутъ проходить, правда, черезъ нѣсколько узкій проходъ раздвижного моста желѣзной

Московская улица въ Ростовѣ-на-Дону.

дороги, большіе морскіе пароходы «Русскаго общества пароходства и торговли», не считая множества малыхъ. Это обстоятельство сообщаетъ русскому Ливерпулю оживленный и живописный видъ неподдѣльнаго Ливерпуля, особенно если глянуть по направленію къ мосту и гирламъ, гдѣ цѣлый лѣсъ мачтъ и пестрыхъ флаговъ наполняютъ фарватеръ Дона. Когда поѣдете отъ желѣзной дороги по широкой Садовой улицѣ, мимо англійскихъ магазиновъ, нѣмецкихъ пивныхъ, французскихъ парикмахерскихъ, итальянскихъ «эспонцо» разныхъ мраморныхъ пздѣлій, когда забѣжите въ тѣнистую, на итальянскій манеръ, столовую-залу гостиницы Челокова, съ олеандрами на улицѣ, съ хорошимъ французскимъ поваромъ, — вы еще можете съ нѣкоторою натяжкою оставаться

Таганрогскій проспектъ изъ Ростовѣ-на-Дону.

мысленно въ Ливерпуль. Тутъ даже ярко-зеленыя, краснымъ расписанныя кадки съ квасомъ, очень кстати торчащія на каждомъ углу, вмѣстѣ фонтановъ, прячутся подъ иноземное имя. Тутъ даже русскій квасъ рекомендуетъ себя «баварскимъ», и недостаетъ только вывѣсокъ о продажѣ голландской махорки или португальской сивухи.

Мнѣ вообще нравится это добротное смиреніе русскаго человѣка, который во всемъ своею сознаніемъ несовсѣмъ приличную вещь. Известно, что «русское платье», «русскій столъ», «русскіе товары» означаютъ на языкѣ русскомъ такое платье, въ которомъ никуда не пускаютъ, такой столъ, котораго ѣсть нельзя, такой гнилой и дешевый товаръ, котораго никто изъ достаточныхъ людей покупать не станетъ. Оттого наша трудолюбивая Тула еще издавна ухитрилась писать на своихъ ножахъ имя Лондона, не стѣсняясь тѣмъ, что столица Великобританіи вынуждена была накладывать свое клеймо русскими буквами.

Но своротите только съ этой благопристойной тропы лицемѣрно промощенной Европой черезъ азиатскую грязь въ одинъ изъ такихъ же широкихъ, какъ-бы заново расчищенныхъ переулковъ Ростова, и вы сейчасъ же, всѣми своими порами, на каждомъ шагу, почувете родной *кабакъ-городъ*.

Всего лучше почувете вы его, спустившись на набережную Дона, гдѣ во всемъ развалѣ кипитъ размахистая торговля Ростова. Тамъ, на беспорядочныхъ, загаженныхъ осыпяхъ гнилистаго берега, ничѣмъ неподпертыхъ, необлицованныхъ и необрытыхъ, среди хаотически разбросанныхъ бревенчатыхъ надобовъ, стоятъ огромными каменными сундуками нештукатуренные каменные дома, безъ вкуса и архитектуры, наскоро складенные, тѣсно влвинутые другъ въ друга, старые, пыльные и скучные уже въ первый день своей постройки, и подъ ними безконечные однообразные подвалы съ пенькой, шерстью, канатами, рогожей, шурами, желѣзомъ и всякимъ другимъ громоздкимъ оптовымъ товаромъ, которыми Россія снабжаетъ Европу, отдавая ей на передѣлку въ совершенно необработанномъ или едва обработанномъ видѣ сырыя произведенія своей великой, обильной, но порядку неизмѣющейся страны. У подножія этихъ домовъ-сараявъ, до самыхъ водъ Дона только и видишь брезенты, кули, горы каменнаго угля, якоря, шерстяныя мойки—все то, что составляетъ несомнѣнную принадлежность торговаго процвѣтанія, несомнѣнную необходимость современной цивилизаціи, но что, тѣмъ не менѣе, для меня лично всегда кажется чѣмъ-то противнымъ.

Да, нужно покаяться. Сознаю, что безъ всего этого народъ будетъ глупымъ и нищимъ народомъ, но нервовъ своихъ передѣлать не могу. Никогда во мнѣ не сидѣлъ финикійнинъ, никогда не мучили меня вкусы Петра Великаго и никогда на своихъ пятахъ не ощущала я зачатка меркурьевыхъ крылъ. Праотець моихъ праотцевъ, по всей вѣроятности, былъ степной пастырь съ тихою мечтою, тихою пѣснью и тихою походкой овечьихъ пастырей, а не Язонъ и не Пигмаионъ.

Запахъ каменнаго угля, дымъ и свистъ локомотива производятъ во мнѣ сильнѣйшую тошноту, но не настраиваютъ меня ни на какую пзэзію меркантильности и антрепренерства. Они не наводятъ на меня грёзь ни о походѣ за золотымъ руномъ, ни о ловлѣ какой-нибудь концессіи въ мутной водѣ.

* * *

Среди тѣсной путаницы парохоловъ, кораблей, барокъ, плотовъ, досчаниковъ, подъ лѣсомъ едва качающихся мачтъ, подъ нераспутываемой сѣтью рей и веревокъ, гомозятся толпы полуголыхъ бронзовыхъ

Памятникъ императору Александру II въ Ростовѣ-на-Дону.

тѣлъ, потныя, пыльныя, усталыя, оборванныя и голодныя, съ ногами, уродливо обернутыми тряпками, съ недовольнымъ и злымъ видомъ не проспавшагося пьяницы. Они тутъ работаютъ, тутъ отдыхаютъ, тутъ и полощатся, какъ стадо свиней, въ узкихъ щеляхъ грязной воды, оставляемыхъ сдвинувшимися пузатыми корпусами осмоленныхъ судовъ, мужчины, женщины—всѣ вмѣстѣ, попережку; имъ не до стыда и не до церемоній. Ихъ съѣдаетъ острая каменная пыль, ихъ сожигаетъ безпощадное солнце июльскаго полудня, у нихъ вымотала, вмѣстѣ съ силою, всякое самолюбіе и всякую деликатность тяжкая работа и скверная пища.

Это настоящий «ростовскій народъ». Такого вы не увидите внутри Россіи, даже въ Москвѣ, гдѣ все можно увидѣть. Только гдѣ-нибудь въ Ачуевѣ, среди плавней Кубани и Протоки, да развѣ на рыбныхъ пристаняхъ Волжскаго Понизовья можно встрѣтить этотъ характерный типъ беспаспортнаго забубеннаго люда, эти особенныя ржи съ подбитыми глазами, опухшія отъ водки, блѣдныя отъ проголоди и изнуренія, по-волчьи глядящія и на товарища-работника, и на хозяина-кулака, и на праздную публику, ихъ созерцающую.

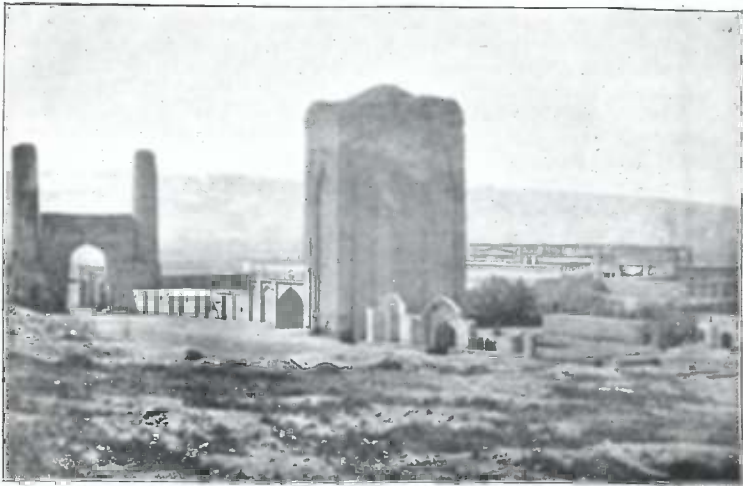
Какая-то особенная печать ложится даже на самого скромного малого из наших внутренних губерний, когда онъ, заработковъ ради, побываетъ въ Ростовѣ или Таганьсѣмъ-Рогѣ. Стираются какъ-то сами собою его патриархальное добродушіе и его деревенская смиренность, и въ тихое черноземное село возвращаются, вмѣсто деревенскихъ парней, недовольные городскіе пролетаріи съ неряшливымъ франтовствомъ кабацкаго удалца, съ заломленнымъ на-уху фабричнымъ картузомъ, съ краснымъ кнсетомъ сударушки, съ хвастливою повадкою къ трубочкѣ и «хорошенькому» винцу, съ лѣнью и озорствомъ, съ безпутными рѣчами и новомодными бульварными пѣснями:

Оттого наши степенные хозяева изъ мужичковъ какъ огня боятся отпускать свою молодежь въ эти пресловутые «заработки», откуда рѣдкій приноситъ деньги, но почти всѣ приносятъ особаго рода нравственный угаръ. «Ну, ужъ вы, таганрогцы!»—съ презрительною досадою качаетъ на нихъ головой домыслитый старикъ.

Заработки въ Ростовѣ, въ Таганрогѣ, конечно, бываютъ высоки, не въ примѣръ нашимъ скуднымъ мѣстнымъ заработкамъ. Но они, во-первыхъ, очень случайны, а во-вторыхъ—они происходятъ въ такой нравственной и экономической атмосферѣ, изъ которыхъ работнику почти невозможно выйти—не очумѣвъ, не усвоивъ себѣ такихъ вредоносныхъ привычекъ, которыя, въ концѣ-концовъ, приведутъ къ нулю не только непосредственный заработокъ минуты, но и много всякихъ будущихъ заработковъ.

Тутъ наши парни научаются всякому баловству и дѣлаются какими-же беззаботно-распущенными, по-скотски живущими бродягами площадей и пристаней, какими кишитъ набережная Ростова. Сломать воловью работу, потомъ упасть, заснуть въ сердитомъ молчаньи въ грязи, въ пыли, на кучѣ камней, потомъ пробезобразничать цѣлую ночь напролетъ въ кабакѣ за отравленною водкою съ продажною грязною дѣвкой, послушать мимоходомъ озлобленныя остроты надъ панами, попами, начальствомъ, научиться мимоходомъ, какъ люди поживаютъ безъ паспортовъ или сами паспорта справляютъ, какъ ловко оплетаютъ и обьегориваютъ другъ друга,—вотъ обычное содержаніе этой народной нашей академіи, нашего настоящаго всероссійскаго «университета».

И вы видите, бродя по Ростову, что онъ весь расчитанъ на такого рода людъ, что вся его грязь и безпріютность, все его безотрадное свинство, возможны только при такомъ оскотинѣвшемся народѣ; этому народу ничего не приготовлено здѣсь, ни для его ночлега, ни для его воспитанія, ни для его развлеченій, ни даже для того, чтобъ онъ былъ сытъ. Приготовлена ему одна сѣро-зеленая водка, которую

Ханскій дворецъ въ Нахичевани.

продаютъ на всякомъ углу, въ каждой хатенкѣ, подъ каждымъ окош-комъ, въ домахъ и палаткахъ, въ подземельяхъ и прямо подъ кровомъ неба, бочками, бутылками, пузырьками, рюмками, едва не въ сухомъ видѣ, какъ запасные дары продаютъ все и каждый, старухи, ребятишки, солдаты, армяне, жидаы и греки—и отбираютъ такимъ путемъ назадъ отъ этого оголтѣлаго пролетарія, отъ всей этой босоногой, оборванной толпы все, что заработала она здѣсь своими мозолями и потомъ, не оставляя ей ничего даже на одежду, даже на сколько-нибудь доста-точную ѣду...

Нашъ азовскій Ливерпуль является несомнѣннымъ Ливерпульемъ, но Ливерпульемъ все-таки «русскимъ» во всей специальности этого слова. Онъ представился мнѣ просто какою-то громадно раскинутою, обильною и вмѣстѣ неряшливою и разсмахистою русскою ярмаркой, какую такъ любитъ нашъ русскій мужикъ. Сплошной гуль толкотни и пьянства стоитъ вмѣстѣ съ облаками тяжелой желтой пыли надъ этою ярмаркою безъ конца и срока. Беспорядочныя вереницы нагру-женныхъ и разгруженныхъ обозовъ тянутся по широкимъ, какъ пло-щадн, улицамъ, запруживая ихъ на каждомъ позорѣтъ, у каждого пи-

тейнаго дома, мѣшая себѣ и другимъ, прекращая всякое движеніе. Но сѣрый человѣкъ не чувствуетъ себя неловко ни въ этой любезной ему голкотнѣ базара, ни въ этомъ радующемъ его галдѣннѣ кабацкаго веселья.

Онъ плаваетъ въ этой милой его сердцу атмосферѣ здоровыхъ заработковъ и здороваго пьянства, какъ рыба въ водѣ. Настъ же, слаборервныхъ отщепенцевъ отъ его первобытной мощи и его первобытныхъ долбестей, унеси скорѣе Господь куда-нибудь подальше отъ нашего Ливерпуля съ его байковскими мостовыми, съ его европейскими садиками, взенящими пѣніемъ тиролекъ, со всѣми его богатствами и со всѣмъ его весельемъ!...

IV.

Наши преріи.

Я окунулся, трепеща отъ удовольствія, въ холодную воду Дона послѣ зноя степей и уже несусь опять въ степи, еще болѣе безпредѣльные, еще менѣе тронутыя хозяйствомъ человѣка.

Юнь на дворѣ, а разливъ Дона еще покрываетъ на далеко низменная окрестности Ростова. Высокая насыпь желѣзной дороги, съ ея боковыми молами и брѣкватерами, кажется безконечнымъ мостомъ среди глади моря. Если-бы не золотыя православныя главы ростовскихъ церквей, характерно вырѣзающіяся на удаляющемъ крутомъ берегу, то, глядя на этотъ широкій разливъ, можно вообразить себя среди венеціанскихъ лагунъ. Восхитительный видъ открывается въ ясный лѣтній вечеръ черезъ эту величественную скатерть воды на устье Дона, залитое, какъ расплавленнымъ золотомъ, солнечнымъ закатомъ.

Цѣлый рядъ огромныхъ и богатыхъ селъ, разживающихся донскою рыбою и торговлей Ростова, съ прекрасными пятиглавыми соборами и широкими зелеными улицами, Батайскъ, Кагальникъ и др., провожаютъ насъ справа за умирающими водами разлива. Видъ этого крестьянскаго довольства такъ рѣдко попадаетъ на глаза, что онъ радуетъ больше всякихъ морскихъ пейзажей. Просторные выбѣленные дома подъ опрятными камышевыми крышами среди маленькихъ садиковъ и большихъ огородовъ, обнесенныхъ тесовыми заборами, и сейчасъ же кругомъ во-всѣ стороны безпредѣльная равнина густой травы, въ которой тонутъ табуны лошадей, стада скота, отары овецъ.

Любо должно быть здѣсь нетребовательному сердцу русскаго мужика!...

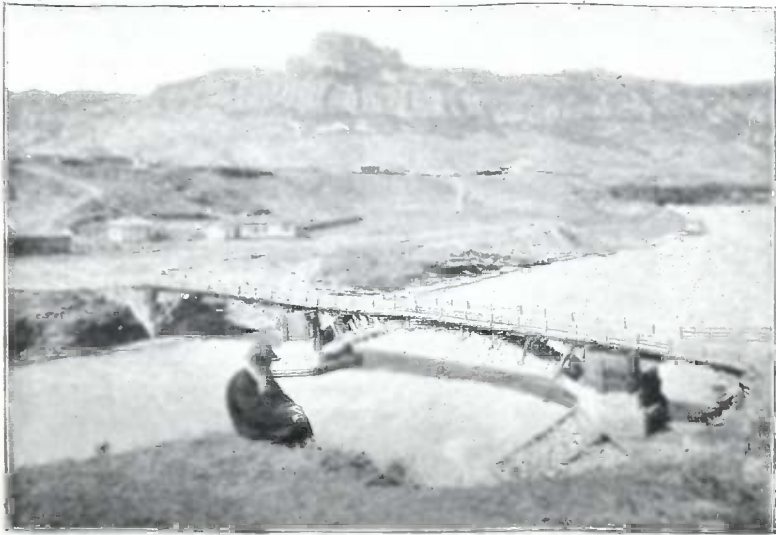
* * *

Я проснулся уже тогда, когда огнедышщій конь примчалъ насъ черезъ степи Маныча и Ставрополя, и поѣздъ несся тельеръ съ громомъ и тяжкими вздохами по кубанской равнинѣ, уже переѣхавъ Кубань. Хорошо спалось на длинномъ мягкомъ диванѣ въ малолюдномъ вагонѣ, подѣ едва слышную качку поѣзда. Тутъ дорога буквально стелется скатертью на многія сотни верстъ, но за то и на синемъ небѣ такая-же чистота и гладь. Солнце жжетъ невыносимо, и зной проникаетъ на-

Долина рѣки Кубани и гора Эльбрусъ.

сквозь самыя стѣнки вагоновъ. Поселеній не видно, людей не видно. Вдругъ пахнуло чѣмъ-то бодрящимъ и свѣжимъ. Загрѣло подѣ поѣздомъ полотно длиннаго моста, и глубоко внизу змѣю блеснула бѣшеный Урупъ. Это необыкновенно быстрая и опасная рѣка, падающая съ горъ въ Кубань, но гораздо опаснѣе Кубани. Ежегодно она разоряетъ села и хутора, доврчиво прилегшіе къ ея берегамъ. «Та не такая жестокая», сказали мнѣ казакъ про Кубань. Мутный, сѣрожелтоватый, полный всякаго наворованнаго и разбоемъ отнятаго добра, древесныхъ стволовъ, корчагъ, обломковъ скалъ и берега,—горный хищникъ вдругъ разорвалъ сплошную степь своимъ глубокимъ обрывистымъ русломъ и распахнулъ среди сухой знойной равнины просторъ.

Хумаринскій мостъ черезъ рѣку Кубань.

ную зеленую низину, всю въ веселыхъ островахъ, уютныхъ затонахъ, кустахъ ветлы и густыхъ береговыхъ плавняхъ, уходящихъ на многія версты вдаль. Все живое радостно приплыло къ этимъ сверкающимъ излучинамъ горной рѣки—огромныя казачьи станицы съ пятиглавыми соборами, табуны, люди, деревья...

Вся степная жизнь сбилась сюда, гдѣ бьется живой пульсъ земли. Тутъ купаются, тутъ работаютъ, тутъ пасутъ, тутъ отдыхаютъ. Вся яркая зеленая низина кишитъ и движется. Чистый рай въ этихъ степяхъ. Кто видѣлъ ихъ только бурными и пыльными въ холодный октябрьскій день, съ сѣдыми высокими бурьянами, угрюмо качающимися по вѣтру, тотъ никогда не видалъ степей. Я захватилъ ихъ теперь, во всемъ соку ихъ дѣтства, ихъ дѣвственности. Сплошное море молодыхъ цвѣтущихъ травъ и нѣжныхъ, едва серебрищихся султановъ козыля, этого свидѣтеля дѣвственной непочатости земли, охватываетъ нашъ несущійся поѣздъ вездѣ, куда ни бросается онъ, и, несмотря на свою волшебную быстроту, на свою бѣшеную торопливость, онъ не

УЩЕЛЪЕ ЦА Р. БУГАНЦ, ВЪЛЪТЪ СЛИНЦА СЪ Р. АРХЪЛЪТЪ.

Мостъ черезъ р. Кубань въ Карачаевскомъ ущельѣ.

можетъ выбраться изъ этого безпредельнаго моря цвѣтовъ и зелени.

Земля въ яркой зелени и яркихъ цвѣтахъ, небо нѣжно-голубое, въ бѣлыхъ барашкахъ, тоже будто въ цвѣтахъ,—все льется въ душу сладкими замираніями дѣтства. Цвѣты все наши знакомые, но незнакомаго роста, незнакомой роскоши: таволга, «царица степей», розовой эспарцетъ, сочные трилистники, гераніи, ирисы всѣхъ цвѣтовъ, вьющіяся грозды кровавой чины—коверь чудной пестроты и чудныхъ красокъ. Это та «украинская степь», которую воспѣлъ Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ», которая охватывала когда-то весь югъ Россіи, но которой часто уже не знаетъ нашъ малороссійскій украинецъ! Какъ въ украинской степи Гоголя, тутъ тоже едва видна изъ травы голова хохла, вѣдущаго по степной дорожкѣ, и рога его бѣлыхъ воловъ. Откуда-то вьется заманчивою струйкой синій дымокъ, но уже не увидать, даже съ высоты вагона, кто сидитъ вокругъ этого дымка за котелкомъ каши. Тонуть въ высокой, густой травѣ пасущіяся стада, тонуть безъ слѣда отдыхающіе путники.

Не совсѣмъ удобное условіе въ дни постоянныхъ набѣговъ и едва начинавшейся колонизаціи, когда точно также незримо и безслѣдно тонутъ въ травахъ этой степи хищническія шайки горцевъ, переправляющіяся черезъ Кубань и Урупъ. Даже и теперь, когда сравнительная безопасность, повидимому, водворилась въ этой степи, перерѣзанной насквозь артеріей желѣзной дороги, какъ-то жутко смотрѣтъ на эти трогательно безсильные и наивно смѣлые починки, которые то тамъ, то сямъ начинаютъ появляться среди необъятной степи. Жалкая хатенка изъ глины едва въ землю не ушла; къ ней приваленъ заборчикъ изъ навоза, въ видѣ двора или воружки; подъ хаткою какая-нибудь дощинка съ мокрединой, гдѣ можно достать воды изъ дужи,—вотъ и все хозяйство начинающаго бѣдняка. А вокругъ степь на десятки верстъ. Попадаются и другіе «починки» съ болѣе обезпеченною будущностью. Вонъ, напримѣръ, среди глухой пустыни три одинокіе креста на бугоркѣ, далеко отъ всякаго жилья. Можетъ быть, память цѣлаго населенія, истребленнаго голодомъ или лихорадкой въ первые, самые трудные дни переселенія, а можетъ быть—могла смѣлыхъ странниковъ, погибшихъ отъ руки горца или ногайца...

А курганы, эти лѣтописи старой степной исторіи, старыхъ степныхъ народовъ, не покидаютъ насъ и здѣсь. Они тянутся непрерывною цѣпью сѣвернѣе дороги, обросшіе, какъ сѣдыми волосами, степнымъ ковылемъ. Они молча хмурятся на затѣи новой цивилизаціи, на эту дерзкую и безпокойную желѣзную птицу, насъ несущую, съ ея

бархатными диванами, раскидными постелями и всѣми изнѣженными удобствами новой жизни, которыхъ не знали суровые вѣка и суровые народы, насыпавшіе эти печальные памятники своего печальнаго прошлаго.

* * *

Тутъ хоть и степь, а чувствуется, однако, сосѣдство горъ. Ужь совсѣмъ иные всадники, совсѣмъ инья лошади подъ этими всадниками

Гѣка Кубань.

попадаютъ навстрѣчу. Скорая, мягко покачивающая иноходь этихъ бойкихъ, крѣпкихъ, маленькихъ коньковъ сразу обличаетъ привычнаго скакуна степей и горъ. Ужь мохнатая бурка съ особенною горскою граціей виситъ на плечѣ каждаго всадника, едва даже не ребенка, хотя это еще наши русскіе, а не горцы. А тамъ, въ знойномъ туманѣ полудня, уже едва брезжатъ серебряныя очертанія снѣговаго хребта...

Безбрежная степь, однако, распахана кое-гдѣ крошечными, затерянными клочками, больше всего поблизости желѣзной дороги, словно это смѣлое посягательство человѣческаго насилія надъ природой поощряетъ его къ дальнѣйшимъ попыткамъ поработченія. Но дѣвственная земля, расцарапанная сохою, не сразу сдается человѣку. Дикія,

непокоряющіяся травы вездѣ стремятся заглушить всходы, поспѣвныя рукою человѣка, и нива его пока еще глядитъ такою-же зеленою, какъ степь. Даже колеса и копыта лошадей не могутъ вполне восторжествовать надъ буйною силою степныхъ травъ.

Онѣ защищаются отъ человѣка такъ-же упорно на дорогахъ, какъ и на нивѣ. Колеса дорогъ голы, а сейчасъ же между ними густою порослью высится трава. Не будетъ проѣзда недѣлю—и отъ дороги слѣда не останется. Могучая растительная сила земли сторожитъ каждую возможность прорваться наружу и вылиться въ живыя формы.

Птицъ много въ степи; видишь, какъ стаи ихъ пугливо перелетаютъ надъ степью и падаютъ въ чаши травы; видишь орловъ и коршуновъ, плавающихъ надъ степною травой, какъ надъ волнами моря, и изрѣдка, какъ въ волны, ныряющихъ въ нее за добычею. Но крика ихъ не слышно. Та, огнемъ дышащая, звенящая желѣзомъ, страшная черная птица, что несетъ насть на своихъ волшебныхъ крыльяхъ, своимъ свистомъ, шипомъ и гуломъ заглушаетъ всѣ голоса, всякую пѣсню, и только одинъ ея завоевательный кличъ, одинъ ея трубный звукъ побѣды и торжествующей власти немолчно раздается среди воздуха пустыни. Она уже не спрашиваетъ, какъ богатырь былины: «есть-ли въ полѣ живъ человѣкъ?», а сама всѣмъ разноситъ грозную вѣсть о томъ, что приближается, наконецъ, этотъ «живъ человѣкъ» и возлагаетъ свою властную руку на все дремлющее царство пустыни...

* * *

Станицы въ степяхъ всегда огромныя, на нѣсколько верстъ. Зеленые садики и огороды сообщаютъ столько домовитой прелести этия опрятно выбѣленные уютнымъ хатамъ съ гладко причесанными кровлями, съ цвѣтными ставенками, съ покойными заваленками и тѣнистыми крылечками. Первые насельники степи поневолю станутъ большими стаями, какъ птица гдѣ-нибудь на Сивашахъ, готовящаяся въ отлетъ въ чуждыя и невѣдомыя страны.

Не такъ страшно засѣсть въ этой пустынѣ, среди ногайца, калмыка, черкеса, цѣлымъ «міромъ православнымъ», людице, «свое народушка побольше», сердцу покойнѣе. Въ станицахъ—движеніе, шумъ, лавки и кабачки, базаръ на площади вокругъ бѣлокаменнаго собора, властительно и привѣтливо сверкающаго своими золотыми крестами среди зеленыхъ пустынь кочевья и хищничества. Большіе нѣмецкіе фургоны, крытые сверху, отлично кованныя и раскрашенныя, толпятся у вокзаловъ цѣлыми десятками. Хотя здѣсь и степь, но ужъ человѣкъ относится къ себѣ съ большимъ вниманіемъ и не валится зря въ

ту самую грязную и изломанную телёгу, въ которой онъ возитъ навозъ.

Приволье здѣсь послѣ тѣсноты и бѣдности великорусскихъ селъ! Отъ становаго далеко, помѣщика совѣсть не слышно, вездѣ кругомъ только мать-природа съ своимъ обиліемъ, своими обычаями равенства и свободы. Не боятся ея неизбежныхъ невгодъ ея кормящійся, ея счастливый, выносливый и скромный труженикъ — мужикъ русскій. Есть у него православный храмъ Божій съ золотыми иконами, со всякимъ подобающимъ благолѣпіемъ, есть вода и земля, къ которой можно

Казацкія посты на р. Кубани.

руки приложить, —остальное не учиться ему стать добывать своимъ сносливымъ, ко всякому тяглу привычнымъ горбомъ.

Цельшь куда хочешь, пашешь гдѣ облюбуешь, косишь сколько нужно, сколько рука вынесетъ. Надоѣло—иди въ другое мѣсто, коси тамъ, паши тамъ. Каждому казаку станицы полагается по 30 десятинъ на душу, но десятинъ этихъ никто не выдѣляетъ и станица пользуется землею сообща, по силамъ и желанію каждаго. Если захочется на чужой землѣ покоситься или скотъ понасти—заплатилъ 50 копѣекъ за десятину, хоть 1,000 десятинъ бери въ любомъ мѣстѣ. 40—50 штукъ скота у простого крестьянина здѣсь вещь самая обыкновенная, богатые имѣютъ сотни головъ. Да и какъ не имѣть! Травы невпроѣдь,

хоть нагони сюда лошадей и коровъ со всей Европы. Сѣномъ, кто захочетъ, можно рѣки прудить. Нужно еще удивляться, какое ничтожное число скота кормитъ эта неистощимая степь сравнительно съ тѣми внутренними силами, которыми обладаетъ она.

Нельзя подумать безъ озлобленія и горя, какой великій и спасительный талантъ оставляемъ мы, нерадивые рабы Христовой притчи, бесплодно закопаннымъ въ землю черезъ это невѣжественное забвеніе нашего долга къ неутомимому работнику и печальнику за всѣхъ насъ, русскому крестьянину. Цѣлые уѣзды, которые теперь душатъ сами себя тѣсною, безземелью, бѣдностью и многолюдствомъ, которые составляютъ экономическую болячку страны, казалось бы, цѣлкомъ помѣстись бы въ этихъ просторныхъ, едва початыхъ степяхъ, обрѣли бы въ нихъ ту возможность свободного и плодотворнаго труда, которой не въ силахъ дать имъ ихъ истощенная родина, и обратили бы эти необъятныя степи, бесплодно хоронящія теперь въ самихъ себѣ свои хозяйственные богатства, въ воздѣланныя, доходныя поля.

Еще и теперь энергическая государственная воля могла бы сдѣлать чудеса мудрымъ разрѣшеніемъ этого вопроса немедленную практическую организаціей переселеній и заселеній на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Но ужь, конечно, многое, если не главное, упущено неоправдано. Уже теперь расхищеніе этихъ запасныхъ недвижимыхъ капиталовъ народной будущности дошло до вопіющихъ размѣровъ, и личная корысть ужь успѣла овладѣть, въ видѣ даровыхъ, ничѣмъ незаслуженныхъ подачекъ, громадными и притомъ самыми дѣнными пространствами этихъ плодородныхъ равнинъ—пространствами, которыя теперь въ рукахъ частнаго интереса служатъ только минутнымъ поощреніемъ праздности и роскоши, но которыя, при иномъ употребленіи ихъ, могли бы надолго сдѣлаться основой благополучія для многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ труждающагося бѣднаго люда.

Только раздача десятками тысячъ живыхъ людей въ подарокъ вельможамъ, которая практиковалась 100 лѣтъ назалъ и который мы теперь съ трудомъ соглашаемся вѣрить, можетъ стать на-ряду, по своей экономической и нравственной вредности, съ практикующимся у насъ до сихъ поръ безумнымъ расхищеніемъ той почвы, безъ которой буквально не можетъ жить и питаться разрабатывающій ее народъ.

Только побывавъ въ счастливыхъ далекихъ окраинахъ, гдѣ еще вода, земля и воздухъ не покупаются на вѣсъ золота, пойметъ члoвѣкъ не теоретическою мыслію, а всѣми нервами своего существа, какое великое, высокочеловѣческое условіе довольства и удобства заклю-

Степь съ видомъ на Кавказскія горы.

чается въ свободномъ владѣннн человѣка земною поверхностью, назначенною ему отъ Бога.

Общее, ничье—какъ эта безбрежная степь, какъ волны большой рѣки или бездонная пучина моря—вотъ что до послѣдней крайности необходимо человѣку. Недаромъ въ сердцѣ крестьянина глубоко живетъ вѣра, что лѣсъ, вода, степь—Божье владѣнн, что каждый воленъ рубить въ лѣсу, косить въ степи, ловить въ водѣ все, что нужно на его потребу. Но современная цивилизація, съ своимъ жестокииъ римскииъ законодательствомъ, съ своимъ безжалостнымъ нѣмецкииъ формализмомъ, перегородила земной шаръ такими частями и непроходимыми перегородками, что скоро ужъ негдѣ будетъ человѣку растянуться на травѣ или пополоскать въ ручьѣ свое потное тѣло; скоро, пожалуй, и вздохнуть будетъ нечѣмъ...

«Ужъ теленку негдѣ пыль съ носу стереть!» съ озлобленною иронией говоритъ нашъ мужикъ про свое малоземелье. Оттого-то производитъ такое чарующее и радующее впечатлѣнн картина этой степи, еще неподѣленной между людьми, еще нерастерзанной на клочки хищными руками, какъ нешвенный хитонъ Спасителя мѣра, а пребывающей еще во всей дѣвственной свободѣ, какъ на зарѣ мѣра, одинаково укрывающей въ себя, одинаково питающей собою и степного орла, и кочевое калмыка, и русскаго переселенца. Эти мириады цвѣтовъ, съющаея сами собою и ради самихъ себя, эти роскошныя травы, никѣмъ нетрогаемыя изъ вѣка въ вѣкъ, не служащія обязательною жертвою корысти и выгоды,—все это такъ хорошо потому, что, глядя на нихъ, еще можешь вѣрить въ существованн вполне вольной, незакованной въ цѣпи человѣческаго себялюбія, всему мѣру принадлежащей природы. На ней

отдыхаетъ, ею наслаждается не только глаза, но и мысль, и сердце человека...

V.

Рабство въ горной вольницѣ.

ЧѢМЪ ближе къ Тереку, тѣмъ гуще и сочнѣе дѣлаются поросли степей,—осока, камышь, болотные кусты начинаютъ примѣшиваться къ яркимъ цвѣтамъ, и на каждомъ шагу близкое присутствие почвенной воды даетъ себя знать мокрединами, дужайками, колодцами, вырытыми всего на $\frac{1}{2}$ аршина вглубь. Это характерная страна кабановъ и дикихъ козъ. Тѣсно переплетенные, чернѣющіе островки терновника—любимое логово кабановъ, куда они забираются въ жаръ и тамъ зарываются въ свѣжую, сырую землю. Знающій охотникъ прямо идетъ въ эти опасныя чащи съ ружьемъ наготовѣ и рѣдко ошибается въ своихъ расчетахъ. Мнѣ случилось бывать на этихъ кавказскихъ охотахъ въ компаніи надежныхъ стрѣлковъ, гораздо болѣе въ качествѣ любопытнаго, чѣмъ звѣробійды—и, признаюсь, дѣлается жутко на сердцѣ, когда приближаешься къ этимъ непроходимымъ древеснымъ пещерамъ въ ежеминутномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ сорвется оттуда, изъ этой угрожающей темноты, какой-нибудь неистовый одиноцъ, весь вывалившійся въ смоль, листьяхъ и землѣ, съ узенькими кровавыми глазами, и срѣжетъ тебя съ ногъ прежде, чѣмъ успеешь опомниться и всадить ему пулю въ лопатку. Но люди идутъ, идешь и ты, какъ всегда водится, смотришь—и ничего: все обошлось благополучно, и такъ пріятно потомъ похвастаться своею дешево обошедшеюся храбростью передъ самимъ собою и передъ другими. «На медвѣдя идешь—пѣсни поешь, на кнура (кабана) идешь—попа зовешь», говорили мнѣ не разъ кубанскіе казаки: до того считается опаснымъ даже у людей, не боящихся никакой опасности, этотъ дикій родичъ нашей мирной хавроньи.

* * *

Ужъ вмѣсто телѣгъ и фургоновъ то и дѣло попадаетъ горская арба на своихъ высокихъ двухъ колесахъ, иногда достигающихъ гоме-рической вышины. Что фасонъ и общая идея этого экипажа были навѣрно известны нашему праотцу Ною—въ этомъ, я думаю, не станеть оспаривать меня ни одинъ ученый Европы. Колесницы «длинново-

Арба съ фруктами.

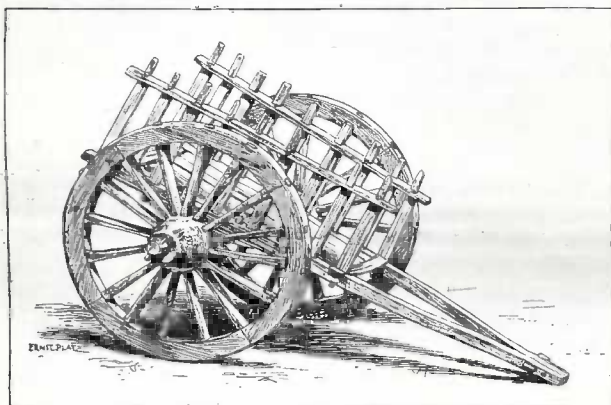
сѣхъ Мервинговъ», запряженныя волами, конечно, уже не были въ ихъ время новою модою, а многовѣковой стариной, такъ что Вильгельмъ Каульбахъ, въ своемъ знаменитомъ «Столпотвореніи вавилонскомъ», составляющемъ вступительную картину къ громаднымъ историческимъ

Кубанская область. Карачаевская арба и абазинцы.

фрескамъ новаго берлинскаго музея, имѣлъ полное право изобразить потомковъ Сима, первыхъ земледѣльцевъ и цивилизаторовъ міра, сосредоточенными вокругъ такой-же арбы, какими до сихъ поръ кишитъ Кавказъ, эта страна Ноя и Прометея.

Простота и безхитрость этого экипажа доходятъ до гениальности; въ немъ нѣтъ ни одной лишней палочки, посвященной удобству ѣдущаго,—въ немъ только то крайне необходимое, безъ чего или экипажъ катиться не будетъ, или скотина не будетъ везти. Короче сказать, это двѣ длинныя оглобли, придрѣланныя къ двумъ большымъ ко-

Кавказская арба.

лесамъ, и больше ничего; задніе концы оглобель переплетены хворостникомъ, чтобъ можно было не провалиться; это-то собственно и есть корпусъ экипажа.

Если инныя арбы еще нѣсколько огораживаются кругомъ, то ужъ это роскошь, безъ которой арба все-таки продолжаетъ быть арбою, т.-е. возить челоѡвка и тяжести. Осетины, которые попадаютъ намъ, набиваются въ эти арбы иногда Богъ знаетъ посколькy, такъ что погонщикъ сидитъ едва не на спинѣ у воловъ, но, тѣмъ не менѣе, какъ только увидите женщину въ арбѣ,—увидите, въ то-же время, и своего рода будку надъ арбой. Азіаты оказываются въ этомъ случаѣ предупредительными кавалерами и не позволяютъ дождю и солнцу тревожить свой прекрасный полъ.

Войлочные шляпки замѣняютъ здѣсь лѣтомъ баранью папаху и очень напоминаютъ, своею первобытною формою, часто видимой на греческихъ статуяхъ, простой листъ лопуха, которымъ челоуѣкъ прикрываетъ отъ жара свою голову. Всю эту братію, съ бритою синеватою головою, которая безъ шапки кажется острою, въ войлочныхъ колпакахъ и сандаліяхъ, нашъ братъ, здѣшній русскій, безразлично обзываетъ «татарвой» и «азіей» и третируетъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

— За Тереконъ направо, къ Кубани-рѣкѣ, къ Пятигорску, Большая Кабарда поидеть, сюда къ Владикавказу—Малая Кабарда, — толковалъ мнѣ русскій солдатъ. —Кабарда—это первый воръ на всемъ свѣтѣ. На что ни глянешь, то и слышеть... Особенно по желѣзной дорогѣ, по будкамъ воруютъ каждую ночь. А скота хоть и не води: кабардинецъ какъ-разъ уволокетъ. Оно и казакъ воруютъ—тоже хорошъ народецъ, оборони отъ него Господь; ну, да казакъ—

Учкуланы Кубанской области.

тогъ скорѣе душу загубить, тогъ больше въ-серьезъ, дорогое что, а эта татарва такъ абы что попало... Тѣмъ только и живутъ, а то-бъ имъ всѣмъ, какъ собакамъ, пооколѣтъ. Потому лѣнь, какъ есть; дѣловъ нашихъ русскихъ, какъ значить христіанамъ православнымъ должно, понимать онъ не можетъ: съ сохою тамъ али что; больше въ родѣ цыгана живетъ, что вотъ плащеватые цыгане бываютъ, можетъ, видали? ну, ему окромѣ какъ на воровство и сноровки нѣтъ. А ужъ на это первый!... Онъ бы и убить челоуѣка, потому онъ все-таки душъ христіанской ненавистникъ, да не смѣетъ. Окоротило ихъ въ этомъ начальство. Строгости заведены. Потому тутъ безъ этого нельзя. Дикой народъ азіаты!... Какъ разбой или убійство смертное, сейчасъ весь аулъ къ отвѣту. Вотъ и поунялись. А то бы гдѣ!... У нихъ теперъ и старшины волостные

поставлены, какъ у насъ, въ Россіи, только нѣзъ ихняго же брата, татарина, а писаря волостные—тѣ русскіе, потому татаринъ закону нашему православному умѣть никогда не можетъ... за то и прозывается магометомъ. Зима придетъ—бѣдуетъ эта татарва: сѣна не косить, хлѣба не пашеть, скоть помираеть, и самъ помираеть. Казакъ—и тотъ покупной хлѣбъ круглую зиму ѣсть; лѣвится не хуже татарина. Тоже глядя по зимѣ. Снѣги неглубокіе—ну, жива скотинка, докопается себѣ до бурьяну; а выпадеть хорошій, вотъ какъ нашъ рассейскій бываетъ,

постоить денька три, морозцемъ поддержится, — пропала скотинка. Ну, однако, все казакъ справнѣе живетъ! Много заживнѣе татарина... Вотъ нашъ братъ, русскій, тотъ ужъ настоящій хозяинъ, во всемъ порядкѣ. Скотины много держитъ, землю пашеть, и что сѣдуетъ...

Кабардинцы Кубанской области.

* * *

На станціяхъ постоянно начинаютъ мелькать темныя и бѣлыя черкески съ серебряными уборами и окованнымъ въ серебро оружіемъ, и дѣвья толпы татарскихъ мальчишекъ, кто въ громадной и лохмотой овечьей шапкѣ, кто въ изорванномъ войлоч-

номъ шлыкѣ, кто въ круглой войлочной шляпѣ на манеръ киргизской, съ такою же шишечкой на макушкѣ; сплошной азиатскій элементъ начинаетъ разстилаться кругомъ. Вонъ въ сторонѣ отъ вокзала, въ тѣни духана, остановился большой, крытый коврами фургонъ и вокругъ него пестрятъ яркія одежды осетинокъ. Молодая осетинка въ бѣломъ остроконечномъ покрывалѣ надъ расшитю золотомъ шапочкой, въ голубомъ шелковомъ бешметѣ и красной шелковой рубашкѣ по пяты, вся въ бусахъ и монетахъ, не безъ намѣренія вышла впередъ этой группы. Ей, конечно, любопытно поглазѣть на этотъ волшебный поѣздъ, кишашій незнакомыми нарядами, непривычными фигурами. Но не меньше ей хочется и себя показать — свои

Кубанская область. Карачаевскій танецъ.

шелки, свое золото, свои румяна всей этой многочисленной чужой публикѣ.

Маленькій, смуглый, какъ сапожное голенище, носатый человекъ въ бѣлой черкескѣ и бѣлой папахѣ, развязно бесѣдующій со всѣми у дверей станицы, — это мѣстный султанъ, богатый владѣтель степей, верстъ на 15 кругомъ, у котораго нанимаетъ земли много окрестныхъ селъ и хуторовъ. Онъ получаетъ по рублю серебромъ въ мѣсяцъ за усадьбу, которая остается въ его пользу, когда поселенецъ уходитъ отъ него; покосы же и пастбища у него берутъ конфектъ по 50-ти за отборную десятину, сколько кому угодно и гдѣ кому угодно. Мѣстные жители передавали мнѣ, что при утвержденіи русскою властью владѣній этихъ султановъ, князей и узденей, для уясненія казеннаго и крестьянскаго землевладѣній, дѣланы были иногда непоправимые промахи во вредъ бѣдному населенію. Наши русскія понятія о дворянскомъ и княжескомъ сословіи, о крѣпостныхъ отношеніяхъ, сильно отражающія на себѣ отчасти византійскіе, отчасти нѣмецкіе взгляды, въ весьма суще-

ственныхъ чертахъ разнились отъ тѣхъ же представленій какого-нибудь грузина или кавказскаго горца; ихъ невозможно было примѣнять цѣликомъ къ быту этихъ народовъ, вообще гораздо болѣе вольнолюбивыхъ и обеспеченныхъ, гораздо менѣе утратившихъ, въ большинствѣ случаевъ, свое личное достоинство и свои имущественныя права. Но мы, къ сожалѣнію, не всегда понимали это и потому иногда стремились создать на Кавказѣ болѣе рѣзкое дѣленіе сословій и болѣе неравное пользованіе землею, чѣмъ было прежде. Мы, русскіе крѣпостного

Старцы-кабардицы.

періода, никакимъ чудомъ не могли выбиться изъ роковыхъ категорій мужика и барина, и иногда искусственно создавали ихъ даже тамъ, гдѣ для нихъ не было приготовлено подходящей почвы, систематически принижая однихъ, настойчиво возвышая другихъ. Можетъ быть, и была своего рода политика въ томъ, чтобъ закупить въ пользу нашу самыхъ вліятельныхъ туземцевъ; но, во всякомъ случаѣ, подобная политика была ошибочна. Массы гораздо болѣе склонны привязаться къ правительству, хорошо обеспечивающему имъ ежедневный матеріальный бытъ, чѣмъ отдаленныя, выходящія изъ ряда личности, которыя уже не нуждаются въ кускѣ хлѣба и которыхъ честолюбіе бросаетъ свои

взоры гораздо дальше. Оттого-то самыми главными заповялами послѣдняго возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ были люди, всячески обласканные русскимъ правительствомъ, щедро получавшіе отъ него чины, ордена, пенсіи и т. п. Тревожныхъ замысловъ какого-нибудь Казымагомы, носящаго славное историческое имя, или потомковъ какихъ-нибудь казыкумыхскихъ хановъ не успокоить ни генеральскимъ чиномъ, ни денежными окладами. Они постоянно будутъ питать въ сердцѣ надежды и желанья, враждебныя русской власти. Опереться на почву

Кабардинское семейство.

народа гораздо вѣрнѣе и справедливѣе. Ничѣмъ невозможно такъ привязать къ себѣ покоренную страну, какъ честнымъ, рѣшительнымъ устраненіемъ историческаго зла, накопившагося въ ней въ теченіе вѣковъ. Произволъ побѣдителя, какъ вообще всякій деспотизмъ, долженъ сколько-нибудь оправдать себя, по крайней мѣрѣ, своею способностью достигнуть однимъ рѣзкимъ ударомъ такихъ результатовъ, которые, при мирномъ и законномъ развитіи страны, потребовали бы для своего осуществленія вѣковъ борьбы.

Но когда военное старое мѣстнаго зла, когда оно обостряетъ неравен-

ство положеній и правъ, наприхѣръ, у имѣвшаго мало оставляетъ еще меньшее, а имѣвшему лишнее отдаетъ вдвое болѣе, — тогда судьба покореннаго народа достойна дѣйствиельно жалости. Наполеонъ I-й относительно всѣхъ побѣждаемыхъ имъ народностей и Англіи относительно всѣхъ захватываемыхъ ею колоній дѣйствовали не такъ. Завоевательная чара Наполеона очень много зависѣла отъ того, что онъ разыгрывалъ изъ себя носителя революціонныхъ идей. Народы нѣрѣдко ждали его и пріѣхтвовали какъ освободителя отъ домашняго тиранства, отъ заматерѣвшихъ вѣковыхъ неправдъ родного имъ общественнаго устройства. Онъ давалъ имъ, по крайней мѣрѣ, призракъ лучшей, разумнѣйшей жизни и сократилъ, по крайней мѣрѣ, вопіющія неправды старины. Покоренный народъ чувствовалъ, что онъ дѣлалъ шагъ къ свободѣ, къ движенію впередъ. Такъ относились къ миссіи Наполеона многіе мелкіе народцы тогдашней Германіи и Италіи, раздробленные на отдѣльные государства, и нельзя сказать, что Наполеонъ всегда имѣлъ много друзей среди тѣхъ, противъ кого шелъ онъ. Точно также Англія, введеніемъ свободныхъ формъ управленія въ каждой мѣстности, куда ступаетъ ея нога, могущественнымъ образомъ содѣйствуетъ прочности своей власти надъ этимъ необозримымъ міромъ колоній и зависимыхъ отъ нея территорій. Если она можетъ до сихъ поръ удерживать, безъ всякаго гарнизона, полъ державою своею цѣлый рядъ острововъ, едва не прикасающихся къ Франціи и Германіи, населенныхъ нѣмецкимъ и французскимъ племенемъ, то единственно потому, что она сумѣла привязать обитателей этихъ острововъ очевидными для всѣхъ привилегіями свободы и благосостоянія. И если, съ другой стороны, индійскому владычеству Англіи грозитъ гибель, то, конечно, болѣе всего потому, что, изъязвъ эту великую имперію изъподъ условій другихъ земель англійской короны, бросивъ ее въ жертву частной корысти, она освятила своєю поддержкою слишкомъ много древняго зла, древняго неравенства, древней тьмы, отъ которыхъ погибать и теперь гибнетъ геніальный когда-то народъ. Россія относительно завоеванной Болгаріи уже примѣнила мудрый современный принципъ и обезпечила себѣ ея дружбу естественною благодарностью народа за дарованную ему свободу. Точно также Австрія, въ 1849 году, привязала къ себѣ возмущившуюся Галичину надѣленіемъ крестьянъ землею. Завоевывать, освобождая, уравнивая, обезпечивая—вотъ тайна прочныхъ завоеваній, которой, къ великому сожалѣнію, мы не всегда держались, присоединя къ себѣ закавказскія царства и завоевывая Кавказскія горы. Мы, впрочемъ, и не могли держаться этого принципа свободы и равенства, пока нацѣ собственный народъ пребывалъ еще

НА СЪЖНЫХЪ ВЕРШИНАХЪ КАВКАЗА.
Картина А. А. Киселева.

въ рабствѣ. Намъ, правда, удалось ввести въ Болгаріи конституцію со всеми ея плодотворными атрибутами, въ-родѣ свободы печати и слова, личной неприкосновенности и тому подобными, такъ сказать—азбучными правами, безъ которыхъ современный европеецъ просто не мыслить жизни, но измѣнить политическое устройство гораздо легче, чѣмъ измѣнить коренныя основы быта, подобныя крѣпостной зависимости одного сословія отъ другого. Если нельзя вернуть всего стараго, то, по крайней мѣрѣ, нужно дѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы не повторить грустныхъ ошибокъ нашего прошлаго въ странахъ, которыя вновь попадаютъ въ руки наши и гдѣ мы также, конечно, найдемъ угнетающій классъ и неправильныя условія быта, отъ которыхъ русская власть можетъ дать избавленіе однимъ мановеніемъ руки.

Впрочемъ, спасительное вѣяніе 19-го февраля дохнуло и на горы Кавказа, и хотя всѣхъ совершившихся фактовъ отодвинуть было нельзя, однако начинавшаяся великая государственная ошибка была остановлена и не получила особеннаго развитія.

VI.

Панорама горъ.

ТУМАНЫ утра разсѣялись, и на всемъ протяженіи горизонта, отъ востока до запада, подпирая небо, какъ мифологической Атлантъ, вырѣзался вдругъ во всей неожиданности и во всемъ блескѣ своемъ Кавказскій хребетъ.

Ничто болѣе не заслоняло его.

Вѣчающія его поля вѣчныхъ снѣговъ, его змѣящіеся ледники, его нависшіе обвалы—горѣли на первыхъ лучахъ солнца какимъ-то тихимъ, нѣжно-розовымъ пламенемъ.

Весь Кавказъ былъ виденъ отъ Эльборуса до Дагестанскихъ горъ; Эльборусъ даже въ концѣ іюня одѣтъ въ свое сплошное дѣвственно-бѣлое облаченіе матоваго серебра, безъ малѣйшаго чернаго пятнышка, которое изобличало бы каменную вершину какого-нибудь оттаявшаго утеса. Двумя громадными, гладкими пирамидами высятся онъ, несмотря на большую даль, надъ темными, изгрызенными линіями каменнаго хребта. Львѣе его, но ниже, дальше и туманнѣе, рисуется почти такая-же правильная снѣговая пирамида его сосѣда Каштантау, освѣщающаго сверху дикую страну сванетовъ и немного уступающаго Эльборусу въ

Панорама горъ.

шиною. Оба они на нѣсколько тысячъ футовъ выше самой высокой вершины Европы. Нужно Чатырдагъ поставить на Монбланъ, чтобъ сравниться съ вершиною Эльбурса.

Гораздо больше, ближе и явственнѣе вырѣзывается на блѣдно-голубомъ фонѣ утра воспѣтый поэтами Казбекъ съ примыкающими къ нему горами Осетин.

Красива очень его утесистая, тоже пирамидальная громада, съ цѣлою пустынею снѣговъ, похороненныхъ въ обширной сѣдловинѣ, съ черными скалами, которыя изображены бѣлыми полосами и пятнами снѣговъ.

Но въ этомъ горномъ великанѣ уже нѣтъ той грандіозной простоты и царственного величія, какими дышатъ неприкосновенные снѣга Эльбурса, владыки Кавказскихъ горъ.

Другіе многочисленные великаны, похожіе одинъ на другого, съ такимъ-же снѣговымъ черепомъ, съ такими-же обнаженными скалистыми ребрами, стоятъ, тѣсясь пле-

Гора Казбекъ.
Съ фотогр. Донанта.

чами другъ къ другу, заслоня и выпирая одинъ другого, какъ рать сомкнувшихся титановъ, защищающихъ проходъ изъ одного міра въ другой. Ближе другихъ къ Казбеку, почти равный ему высотой, Джимерайхохъ, имя котораго нѣкоторые ученые связываютъ съ библейскимъ племенемъ джимеръ или гомеръ, обитавшемъ на Кавказѣ въ незапамятной древности, ранѣе второго тысячелѣтія до Рождества Христова. За нимъ, въ группѣ Кургатинскихъ горъ, Сырхубарзомъ; дальше — Тепли, Цмакомъхохъ, Пальтверъ и остроконечный Адай-Хохъ съ своими подвластными Чагатомъ и Циргатомъ. Почти всѣ эти вершины значительно выше Монблана.

Ниже ихъ, такую-же сплошною цѣпью, также отъ востока до запада, но уже не неся на своемъ хребтѣ этого бѣлаго поля смерти, идутъ голыя каменные горы средняго хребта, другой Адайхохъ, Чахохъ, Фотхусъ, Кариухохъ, и др., къ которымъ присоединяются, по ту сторону Терека, хорошо знакомая кавказскимъ туристамъ Столовая

Панорама Кавказскихъ горъ.

гора, стоящая прямо надъ Владикавказомъ, и сосѣдь ея Матхотъ. Еще ближе ихъ, совершенно завладѣвъ первымъ планомъ, кудрявыя лѣсистыя скалы и куполы крайняго хребта, которые степной житель прозываетъ «черными горами».

Есть что-то грозное, торжественное и подавляющее, что-то исполненное первозданной мощи въ картинѣ большихъ горъ. Увидишь ихъ, — и безъ всякихъ размышленій, безъ всякой подготовки себя, ощутишь ихъ владычество надъ собою, поклонишься внутренно ихъ величію, ихъ неземной красотѣ.

Это не просто камень, не одна геологическая опухоль земли: это дѣлюе могучее существо съ своимъ выраженіемъ, съ своимъ характеромъ, великое, почти божественное. Дѣйствительно, чѣмъ-то безстрастно-холоднымъ, неприступнымъ и безплотно-возвышеннымъ, какъ олимпійскіе боги, глядишь на человѣка сквозь солнечный туманъ дали, изъ-за сотенъ верстъ, разрушая всѣ обычные представленія о разстояніяхъ.

Эльбрусъ въ облакахъ.
Картина Н. А. Ярошенко

эта сплошная цѣпь другъ съ другомъ сросшихся снѣговыхъ великановъ.

Человѣкъ-дикарь долженъ былъ обоготворить ихъ, пасть передъ ними ницъ; они должны были казаться ему недоступными престолами боговъ, хранилищемъ великихъ священныхъ тайнъ прошлаго и будущаго. Кавказъ, болѣе чѣмъ всякія другія горы, долженъ былъ производить это мистическое впечатлѣніе на людей первобытныхъ временъ.

Эта «гора Азовъ», «Великая Азія»,—отъ ногъ которой спускается къ теплымъ морьямъ юга «Малая Азія» съ своими, сравнительно, мелкими горами,—стояла на рубежѣ обитаемаго міра, на сѣверъ отъ котораго простирались въ безконечность невѣдомыя пустыни съ невѣдомыми существами. Это «изумрудный хребетъ Кафъ» древнихъ, «опоясывающій землю, какъ перстень палецъ», до котораго нужно было проходить когда-то черезъ «страну Мрака», и который теперь едва не переѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ. На этой великой горѣ, заканчивающей міръ, поддерживающей небо, боги приходили въ общеніе съ человѣкомъ.

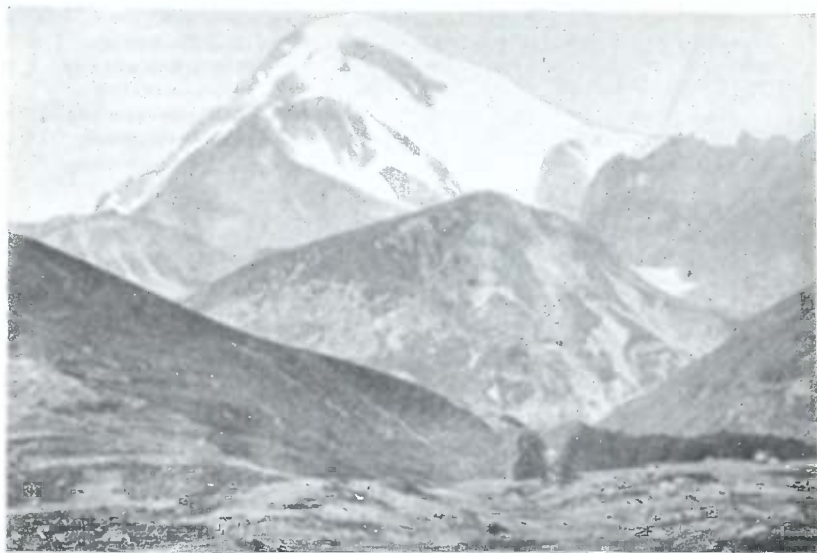

Вершина Кавказа.

«Вершины Кавказа—сосѣдки звѣздъ», выражался Эсхилъ. На Кавказѣ, по вѣрованію грека, происходила борьба между Зевсомъ и Тифеемъ, злждительнымъ огнемъ неба и разрушающимъ подземнымъ огнемъ.

На Кавказѣ разразилась жестокая борьба между старыми богами-титанами, этими грубыми и мрачными стихіями міра, и новыми богами Олимпа, исполненными разума, красоты и житейскаго блаженства. Съ Кавказа Прометей похищаль небесный огонь и къ нему былъ онъ прикованъ на алмазной цѣпи мстительною десницею Зевса. Греки и римляне серьезно отыскивали на Эльбурсѣ эту цѣпь Прометейя, а по дорогѣ изъ Имеретіи въ Сванетію еще теперь указываютъ—имѣ самому указывали—обрывистую «скалу Прометейя».

И Ной, избранникъ божества, получившій отъ него завѣтъ спасенія, остановилъ свой ковчегъ на кавказскомъ Арагатѣ, «Святой горѣ» дѣлаго Востока, и съ нея началъ заселять живую жизнью земной міръ, опустошенный Божьимъ гнѣвомъ.

Гора Кавбекъ.

Знаменитый географъ Риттеръ выражаетъ убѣжденіе, что только Кавказъ, что только окрестности Арарата могли быть первою колыбелью человѣчества.

Недаромъ названо кавказскимъ племенемъ самое величайшее и самое человѣческое изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ—племя европейское, совершающее исторію міра.

Недаромъ и народы, заповнявшіе, поочереді, Европу, во время такъ-называемаго «великаго переселенія народовъ», двигались черезъ «Кавказскія Ворота», то-есть сквозь ущелья Кавказскихъ горъ.

Здѣсь исторія зачалась и широко развивалась еще тогда, когда самыя старыя народы Европы не были извѣстны по имени, когда не существовало самаго имени Европы.

Древнѣйшія преданія библіи и древнѣйшія пѣсни восточнаго эпоса уже знаютъ Кавказъ. Царства, возникшія на Кавказѣ, уже были ста-

рыми царствами, когда Римъ еще клалъ свои первые камни. Армения ведетъ свое начало почти отъ потопа, и цари армянскіе упоминаются въ книгахъ ветхаго завета, наполовину погруженныхъ въ легендарный мракъ.

Гора Эльбрусъ и долина Витюкъ-тюбе-коль.

Гаикъ, легендарный родоначальникъ армянъ, которые сами себя называютъ гаикъ, а не армянами, считается правнукомъ Іафета, современникомъ и побѣдителемъ Нимврода.

Арамъ, знаменитый царь и герой армянъ, именемъ

котораго сосѣдніе народы прозвали народъ армянскій, теряется почти въ такой-же сѣдой древности, а страна Арамея упоминается въ библіи еще на зарѣ еврейской исторіи.

Нимвродъ и Сезострисъ, Нинъ и Семирамида, Дарій и Ксерксъ, Александръ Македонскій, Помпей, Митридатъ, гунны и скифы, арабы и монголы—все связало свое имя съ старымъ центромъ человѣчества, съ горою, которую всѣ народы почитаютъ своею колы-

Видъ Эльбруса съ Вормамута.

белию послѣ потопа. Кавказъ въ широкомъ смыслѣ, включая сюда область Арарата, почти для всѣхъ народовъ въ древности служилъ по-

Гора Эльбрусъ.
Фотография съ натуры.

лемь исторической борьбы и историческою дорогою. Оттого-то и у нынѣшняго жителя Кавказа съ каждою большою горою непременно связано какое-нибудь историческое или мифическое преданіе, все насквозь проникнутое языческою теософіей древности.

Здѣсь и до сихъ поръ вѣрятъ, что Кавказскія горы первыя показали изъ-подъ воды потопа, и что Ноевъ ковчегъ, зацѣпившись за вершину Эльборуса, раскололъ надвое ея вершину. На Казбекѣ скрыты, по убѣжденію грузинъ, ясли Спасителя.

У осетинъ, у сванетовъ, у всѣхъ горцевъ уцѣлѣло искаженное на разные лады греческое преданіе о Прометѣѣ, прикованномъ дѣпью къ скаламъ Кавказа.

Осетинъ самымъ серьезнымъ образомъ расскажетъ вамъ исторію пастуха Бессо. Заблудившись около пропасти Эльборуса, онъ неожиданно услышалъ вдругъ стонъ, выходявшій изъ внутренности горы; невѣдомая сила увлекла его къ страшной разсѣлинѣ скалы, въ темную пещеру, гдѣ былъ прикованъ толстыми цѣпями къ громадному камню полунагой красавый юноша. Отъ стоновъ и усилій его дрожала вся гора. Весь полъ пещеры былъ усыпанъ золотомъ, серебромъ, оружіемъ и драгоценными вещами; на противоположной стѣнѣ висѣлъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, который напрасно силился достать рукою узникъ. Бессо также не могъ ему подать этотъ конецъ, потому что онъ былъ слишкомъ коротокъ.

«Если ты достанешь столько стараго желѣза, чтобы доковать эту цѣпь и дать мнѣ ее въ руки,—объявилъ узникъ пастуху,—то я буду освобожденъ и уничтожу злого коршуна, грызущаго мои внутренности; тогда всѣ эти богатства будутъ твои; только никто не долженъ видѣть до той минуты ни меня, ни утеса, въ которомъ я погребенъ уже много вѣковъ».

Бессо сталъ потихоньку собирать старое желѣзо и ковать цѣпь; когда она была готова и онъ тайкомъ несъ ее къ горѣ,—сосѣди, давно слѣдившіе за нимъ, подумали, что онъ нашелъ кладъ, и заставили его вести ихъ къ пещерѣ. Но только-что они увидѣли утесъ Эльборуса, въ пещерѣ котораго былъ прикованъ юноша, какъ вдругъ раздался страшный трескъ, и цѣпная громадная скала съ пещерою пошатнулась и упала въ бездну...

Легенды грузинъ иначе передаютъ этотъ древній мифъ о Прометѣѣ. По разсказамъ ихъ, на горѣ Ялбузѣ (т.-е. Эльборусѣ) томится богатырь Амиранъ, заключенный туда по слову Вождю съ незапамятныхъ временъ.

Желѣзная цѣпь, которую онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не могутъ разорвать ее. Вместе съ Амираномъ заключена въ пещерѣ и его вѣрная собака, которая безъ устали лижетъ оконныя своего господина и давно бы уничтожила ихъ, еслибъ грузинскіе кузнецы, ежегодно, въ утро страстнаго четверга не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь получаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день второго пришествія.

Горцы убѣждены, что землетрясенія, обвалы, буря, случающіеся въ горахъ, происходятъ отъ сотрясенія цѣней великана, прикованнаго

Гора Эльбрусъ и Бермакутская скала.

Съ фотографіи Дюбанта.

въ нѣдрахъ Эльборуса. Его охраняетъ особая стража. Иногда онъ выходитъ изъ оцѣпенія и спрашиваетъ стражу: «растутъ ли еще на землѣ камышъ и рожь и ли ягнята?» Когда стража подтверждаетъ это, великанъ приходитъ въ отчаяніе, рвется и потрясаетъ цѣпью.

Разсказываютъ еще, что на вершинѣ Эльборуса обитаетъ Самургъ, сѣдовласый царь птицъ, однимъ окомъзирающій прошлое, а другимъ проникающій въ будущее. При пометѣ его, отъ ударовъ крыльевъ потрясается земля, волнуется море. При столахъ его умолкаютъ птицы, увядаютъ цвѣты, горы одѣваются облаками. Когда же съ вершины Эльборуса слышатся звуки пѣнія добрыхъ духовъ, тогда небо ясно, снѣговья вершины сверкаютъ на солнцѣ, ручьи текутъ спокойно, цвѣты благоухаютъ, вездѣ радость и миръ.

Вообще Эльбрусъ, какъ главный представитель Кавказа, Кафъ-

Джагъ, какъ его называютъ персияне, считается центромъ обитанія всякихъ духовъ, оттого у горцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ джипъ-падишахъ, то есть «царь духовъ».

Ущелья его—ворота въ небесную страну духовъ, «джинистанъ», жилище воздушныхъ пери, вѣчно молодыхъ, вѣчно прекрасныхъ. По преданію грузинъ, въ страстной четвергъ на Ялбузъ собираются все вѣдьмы верхомъ на кошкахъ. Оттого каждый благоразумный грузинъ въ эту ночь долженъ зажигать на дворѣ своемъ костеръ, чрезъ который обязаны перепрыгивать троекратно все, отъ стараго до малаго, съ разными заклинаніями для устрашенія вѣдьмы.

Еще болѣе осторожные заставляютъ колочими вѣтками все отверстія дома, окна, дѣрит, особенно трубу, любимую дорогу вѣдьмы.

Въ убѣжденіи мусульманъ Кавказъ тоже связанъ съ роковою для нихъ легендою. Въ Коранѣ Магомета сказано:

«За Кавказомъ живутъ Гогъ и Магогъ. По истеченіи времени, они перейдутъ чрезъ горы, убьютъ правовѣрныхъ и благословенныя ихъ царства разрушатся».

Мюридизмъ ухватился за это пророчество, чтобъ изображать Гогомъ и Магогомъ побѣдоносную русскую силу. А между тѣмъ, еще пророкъ Іезекіиль угрожалъ евреямъ, что Гогъ, царь въ землѣ Магогъ, возстанетъ отъ конца къ полуночи и покоритъ міръ и землю Господню. Еще тайновидецъ Іоаннъ предсказывалъ послѣ тысячетлѣтняго странствованія сатаны пришествіе Гога и Магога, которые обложатъ станъ праведниковъ, многочисленнѣе, чѣмъ песокъ морской.

Очевидно, что Магометъ только передѣлалъ на свой ладъ еврейскія и христіанскія пророчества. Историки считаютъ Магомомъ древнихъ обитателей Меотійскаго берега (Азовскаго моря), потомковъ Магога, названнаго въ библіи сыномъ Іафета...

VII.

Владикавказъ.

СТЕПЬ уже мало замѣчается, и безпредѣльная южная низина все болѣе начинаетъ принимать характеръ предгорной долины. Не только справа, гдѣ дорога совсѣмъ уже близится къ живописнымъ «Чернымъ горамъ», но и слѣва прерывистыми цѣпами поднимаются возвышенности. Кишащая сырая растительность заполняетъ все. Истребленные непроходимые лѣса на каждомъ шагѣ проби-

ваются сквозь влажную почву и упрямо захватывают свое старое пепелище... Гуетота этой беспорядочной поросли такова, что развѣ одинъ кабанъ проломится сквозь нее. Лихорадка царствуетъ въ этихъ душныхъ долинахъ.

На высокомъ плоскомъ островѣ, поднимающемся среди этого хаоса кустовъ, камышей и травъ, между извилинами трехъ горныхъ рѣчекъ, стоитъ Николаевская станица, вымершая и вымирающая отъ лихорадокъ. Такія-же лихорадки и на станицѣ Даргъ-Кохъ. Мѣстные жители страдаютъ отъ нихъ гораздо меньше, но переселенцы-казаки, переселенцы-русскіе гибнутъ безпощадно. Мѣстность эта разноплеменная: осетины, кабардинцы, грузины, казаки, русскіе живутъ здѣсь селами вперемежку

Общій видъ г. Владикавказъ.

другъ съ другомъ. Ладу между этими народами еще очень мало. Воровство и грабежъ — вещи ежедневныя. Осетинъ не поидеть вечеромъ въ аулъ кабардинца, а кабардинецъ не опоздаетъ въ дорогѣ черезъ казачью станицу. Правы казаковъ ничуть въ этомъ случаѣ не отличаются отъ горскихъ. Казакъ такъ-же хищенъ и жестокъ, какъ они, но не имѣетъ при этомъ того чувства гостепримства и того страха ответственности, которые нѣсколько умѣряютъ разбойничьи обычаи какой-нибудь Кабарды. Въ ночныхъ расправахъ казака замѣтно чувствуется самоувѣренная рука хозяина, побѣдителя, а не покореннаго. Казакъ убиваетъ горца такъ-же просто, какъ дикаго козла. Горецъ трусливъ и вороватѣе. Лоукіе ребята изъ кабардинцевъ, чеченцевъ или осетинъ высмотрятъ днемъ, проѣзжая будто мимоходомъ, куда загоняется у казаковъ стадо буйволовъ или табунъ лошадей, спрячутся въ кустахъ, а

ночью из-за рѣки является толпа всадниковъ и угоняетъ добычу на ту сторону. Казаки хорошо знаютъ сноровку своихъ сосѣдей и нѣрвдо подстерегаютъ ихъ. Церемоній, само собой разумеется, не дѣлается никакихъ, и никто на нихъ не рассчитывается.

Дружный залпъ изъ ружей встрѣчаетъ или догоняетъ воровскую шайку, и волны Терека безмолвно уносятъ трупы, которыхъ никто не разыскиваетъ и о которыхъ никто не доноситъ. Ни жалобъ, ни суда не полагается для этихъ ежедневныхъ подвиговъ хищничества, хотя тутъ существуютъ и мировые судьи и приставы, и народные и окружные суды. Иногда стрѣляютъ прямо изъ оконъ хатъ, среди дѣлой станицы, на глазахъ ставничнаго правленія, которое только въ рѣдкихъ случаяхъ опроситъ для формы, въ кого и за что стрѣляли. Судъ въ этихъ дѣлахъ идетъ свой, вольный и привычный. Родичи убитаго много лѣтъ сряду пытаются потомъ отомстить казаку, пуля котораго положила удалаго грабителя, и конца не бываетъ этому круговороту самовольныхъ расправъ. Кровомстительство еще глубоко сидитъ въ природѣ кавказца, и никакое христіанство осетинъ, никакія школы и новые суды еще не потрясли его серьезно.

Недавно въ самомъ Владикавказѣ, на похоронахъ желѣзнодорожнаго чиновника, бывшій стрѣлочникъ-осетинъ, рассчитанный отъ мѣста, на глазахъ всѣхъ закололъ машиниста, котораго онъ считалъ виновникомъ своего несчастья; онъ бѣжалъ, оставивъ свой кинжалъ въ ранѣ убитаго, чтобъ всѣ знали, чья рука казнила врага. До сихъ поръ не могли найти его.

Аулъ Эльхотово — большое, широко раскинутое селеніе. Съ него уже начинается настоящее ущелье.

Старинный каменный минареть, такъ рѣдко встрѣчающийся у кавказскихъ горцевъ, вообще незнающихъ минарета, приписывается самому Тамерлану. Тутъ есть и курганъ Тамерлана, который, по преданію, двигался на нашу Русь черезъ Владикавказъ и Эльхотово. Шамилъ тоже связалъ свое имя съ этимъ историческимъ мѣстомъ. Здѣсь онъ спустился въ равнину, усиливаясь пробиться на правый флангъ, въ страну воинственныхъ абадзеховъ, звавшихъ его стать во главѣ закубанскихъ черкесовъ. Онъ долго бился тутъ, но былъ, наконецъ, жестоко разбитъ и бѣжалъ въ Чечню, послѣ чего начинается послѣдняя трагедія его, окончившаяся гунибскою катастрофою.

Владикавказъ — скромный, но очень милостивый городокъ. Весь каменный и черепичный, весь бѣлый и красный, среди яркой зелени безчисленныхъ садиковъ и бульваровъ, охваченный со всѣхъ сторонъ темною зеленою кругомъ облегающихъ лѣсистыхъ горъ, первыхъ ступ-

Г. Владикавказъ. Памятникъ Архипу Осипову.

пеней-Кавказа, присѣненный издали грозною и чудною панорамою сѣвернаго хребта... Милый и тихій уголокъ!.. Всѣ улицы мощены, и по многимъ идутъ посрединѣ совершенно тѣнистые, крѣпко утрамбованные бульвары, необходимостъ и незамѣнимая отрада среди обычныхъ жаровъ Кавказа, гораздо болѣе нужная, чѣмъ оперы и клубы. Мощеніе улицъ, впрочемъ, тутъ не особенно трудно. Неутомимый даровой поставщикъ камня, быстрый и мутный Терекъ просто заноситъ городъ медкими валунами гольша, которые онъ грызетъ и точитъ на всемъ пространствѣ своего заточенія въ тѣснинахъ Дарьяла. Этимъ гольшомъ не только мостятъ всякій дворъ, всякій переулочекъ, но изъ него еще сложены длинныя ограды, большіе сараи, часто цѣлые дома. Гдѣ нѣтъ бульвара по срединѣ улицы, тамъ сады по сторонамъ. Пирамидальный тополь господствуетъ надъ всѣмъ ландшафтомъ города и даетъ ему вполне южный характеръ. Это—незамѣнимое дерево для пейзажа. Владикавказъ не попустился на него и очень много выигралъ. Сады вездѣ: вокругъ церквей, вокругъ учебныхъ заведеній, вокругъ госпиталя, при домахъ

и безъ домовъ, просто для прогулки. Недалеко отъ почтовой станціи отличный для лѣтняго жара, хотя и простенькій общественный садъ, въ которомъ въ самое пекло дышится легко. Красивый домъ областного начальника совсѣмъ утонулъ въ саду, вмѣстѣ съ церковью, которая передила нимъ въ одной общей оградѣ.

Эти сады и эта каменная опрятность города производить какое-то непривычно пріятное впечатлѣніе спокойной и скромной жизни. Послѣ базарной пыли и кабацкой суеты Ростовы, первый городокъ Кавказа прошлъ въ мою душу какой-то тихій слей. Я большой нелюбитель торговыхъ центровъ и торговаго хаоса, и мнѣ гораздо болѣе по вкусу эти полусельскіе городки, напоминающіе Швейцарію своимъ мирнымъ удобствомъ и оживленностью своего милаго пейзажа. Конечно, Владикавказъ болѣе всего и прежде всего военный пунктъ, а вовсе не иллюстрація какой-нибудь горной вдлмліи; но войско въ лагеряхъ, и ничего военного, кромѣ военной прогимназіи да военного госпиталя, въ городѣ незамѣтно. Вообще, прежняго значенія грознаго *владыки Кавказа*, какимъ онъ долженъ былъ быть по мысли построившаго его Потемкина, какимъ онъ дѣйствительно былъ при Ермоловѣ, городъ уже давно не имѣетъ. Если онъ владычествуетъ надъ окрестностью, то только мирными воздѣйствіями своей торговли и общедѣлїи на варваровъ сосѣднихъ горъ, на всѣхъ этихъ осетинъ, ингушей, кабардинцевъ и чеченцевъ... Тутъ учатся ихъ дѣти, не только мальчики, но даже и дѣвочки, въ реальной гимназіи, въ военной прогимназіи, въ ремесленномъ училищѣ, въ женскомъ училищѣ. Есть даже особое женское училище для осетинокъ, куда ходятъ и русскія дѣвочки; надъ входомъ одной элементарной школы вмѣсто вывѣски — раскрашенная картина въ рамкѣ: Христосъ, благословляющій дѣтей. Это мнѣ очень понравилось. Тутъ мировой судъ для горцевъ, тутъ имъ безобидный вольный торгъ и всякое покровительство закона, независимое отъ родовой мести, отъ единокровія и единовѣрія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ существованіе въ такомъ маленькомъ городѣ ремесленного училища, котораго обыкновенно лишены наши большіе губернскіе города; а въ немъ-то, можетъ быть, прежде всего нуждается наше населеніе—и то, которое не можетъ учиться ничему другому, и то, которое постоянно требуетъ услугъ ремесла.

Ремесленное училище Владикавказа основано графомъ Лорисъ-Меликовымъ и называется поэтому его именемъ. Вообще память графа наполняетъ Владикавказъ, который ему много обязанъ своимъ благоустройствомъ. Одна изъ улицъ, ведущая къ дому начальника Терской области, называется Лорисъ-Меликовскою. Не знаю въ подробности,

Владикавказъ. Почтовая улица и Столорая гора.

кто и что дѣлалъ на пользу Владикавказа, но скажу только, что на всемъ видны слѣды разумной и заботливой руки. Этотъ крошечный городокъ, недавно еще бывшій почти станицею, теперь уже обладаетъ всеми существенными удобствами цивилизованной жизни. Образованіе въ немъ, сравнительно, доступнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, устроенъ очень хорошенькій постоянный театръ, есть клубъ зимній и лѣтній, есть общественный садъ, мостовыя и тротуары повсюду, извозчики съ просторными и удобными колясками, гостиницы очень сносныя, магазины и базары какіе угодно, даже бываетъ ярмарка, на которую стекаются сосѣдніе горцы и казаки, даже книжная лавка есть, несмотря на господство грузинскаго, армянскаго и осетинскаго элементовъ.

Вообще, въ этомъ преддверіи дикихъ горъ и разбойничьихъ племень чувствуешь себя болѣе въ Европѣ, чѣмъ во многихъ нашихъ ко-

ренныхъ русскихъ городахъ. Владикавказъ очень разноплемененъ, а между тѣмъ—это почти нисколько не отразилось на немъ, въроятно потому, что это городъ новый, возникшій не исторически, а созданный по военнымъ и политическимъ соображеніямъ, рукою такой авторитарной силы, на которую не могли имѣть вліянія обычаи и преданія зависимыхъ народностей. Тутъ вы увидите персидскую мечеть съ очень величественнымъ куполомъ, еще, впрочемъ, недоделаннымъ, и нѣмецкую кирку, и армянскій, и русскій, и даже осетинскій храмъ. Осетинская церковь живописно высится въ концѣ города, среди осетинскаго квартала, болѣе грязнаго, чѣмъ всѣ другіе, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ высокими холмомъ, на которомъ удѣляла еще грозная башня съ бойницами и обрывки стѣнъ теперь уже упраздненной крѣпости, когда-то тяжко отстаивавшей первые шаги нашего кавказскаго владычества. Теперь осетинскіе оборванные ребятишки въ войлочныхъ шлякахъ, напоминающихъ еще греческую мѣлологію, спокойно играютъ подъ амбразурами этого стариннаго врага и покорителя своего народа. Осетины въ своемъ кварталѣ почти совсѣмъ усвоили обычный типъ русской жизни. Домики ихъ безъ плоскихъ кровель, такіе-же черепичные, какъ и всѣ, съ такими-же оконными рамами, только съ неизмѣнными столбиками спереди, замѣняющими галерею. Внутри тѣ-же стулья и столы, хотя домовитости вообще очень мало. На маленькомъ дворикѣ только и торчитъ какая-нибудь двуколесная арба да разбитая кадлушка. Женщины не прячутся, лица всѣ открыты. Будничный нарядъ ихъ напоминаетъ обычный татарскій, т.-е. распашное платье съ вырубанною грудью (бешметъ); сверхъ нижняго платья шаровары по пятки; на головѣ шапочка и покрывало. Двѣ черныя букли висятъ по вискамъ.

Осетинки показались мнѣ такими-же носатыми и черными, какъ всѣ вообще татарки, и никакого подобія бѣлокурой расы гѣтовъ, которую подозреваютъ въ нихъ нѣкоторые ученые, я въ нихъ не примѣтилъ. Такимъ же обшимъ, смугло-цыганскимъ типомъ глядятъ и растрепанные мужья ихъ. Осетины въ значительной половинѣ своей христіане, и трудно сомнѣваться, чтобы они не были обязаны возстановленіемъ среди нихъ христіанства усиліямъ русскаго правительства. Но крайней мѣрѣ, я сужу объ этомъ по тому, что путешественники тридцатыхъ и даже сороковыхъ годовъ нашего столѣтія находили въ Сѣверной Осетіи только затерявшіеся и совершенно искаженные слѣды христіанства, а священниковъ и церкви встрѣчали только въ Южной Осетіи, по ту сторону хребта, гдѣ на нихъ не переставала вліять христіанская Грузія.

Теперь же у осетинъ по сю сторону хребта есть правильные

приходы и настоящее христіанское богослуженіе. Рядомъ съ кварталомъ осетинъ—армянскій кварталъ, изъ оконъ выглядываютъ характерныя птичьи носы и черныя брови дугою толстогубыхъ, толстомордыхъ армянокъ въ ихъ плоскихъ и круглыхъ шапочкахъ, едва прикрывающихъ макушку, съ которыхъ опускается кисейное или тюлевое покрывало. Впрочемъ, это единственно уцѣлѣвшая національная особенность армянства; весь остальной нарядъ этихъ дамъ вполне европейскій. Дома ихъ точно также ничѣмъ не отличаются отъ русскихихъ. Только одинъ домъ какого-то богатаго армянина изукрашенъ балконами неподдѣльно восточнаго вкуса, съ мавританскими арками, двѣтными стеклами и проч.

Армянскій базаръ полонъ серебряниковъ, сѣдельниковъ, оружейниковъ, шапочниковъ, тутъ все такъ-называемыя «азіатскія вещи»— бурки, сѣдла, башлыки, папахи, чувяки, ноговицы, саквы, ачкуры, кинжалы и прочее— можно достать выгоднѣе, чѣмъ въ Тифлисѣ. Все лавки безъ передней стѣны, по обычаю юга, такъ что и работа, и торговля происходятъ на глазахъ всѣхъ. Не одна кокетливо спущенная съ плеча бурка горца и заломленная на затылокъ папаха торчитъ у прилавка, гдѣ скудный деньгами дикарь дѣвильную часть перевортываетъ и ощупываетъ соблазняющій его кинжалъ или нагайку.

* * *

Я совершенно смутился, узнавъ странную особенность кавказскихъ сообщений. Чтобы взять билетъ въ малюпость до Тифлиса, необходимо записаться заранее, иногда даже недѣли за двѣ. Проѣздъ такой, что иначе придется ждать по нѣскольку дней во Владикавказѣ. Объ этомъ, однако, никто не считаетъ нужнымъ объявлять публикѣ, такъ что ѣдущій по спѣшной надобности можетъ быть глубоко разочарованъ и поставленъ въ безысходное положеніе. Точно также не сообщается публикѣ о срокахъ и порядкахъ отъѣзда экипажей. Свѣдѣній этихъ вы не найдете ни на вокзалѣ, ни въ гостиницахъ, а должны ихъ приобретать личными разспросами въ конторѣ экипажей. Иначе можетъ случиться, напримеръ, что, отправившись въ почтовомъ омнибусѣ до Тифлиса съ единственною дѣлюю полюбоваться красотами Военно-грузинской дороги, вы выѣдете изъ Владикавказа только въ пять часовъ вечера, доберетесь только къ ночи до живописныхъ ущелій и проѣдете ихъ среди ночного мрака, въ ночую и безъ возможности прилечь куда-нибудь свою голову въ этомъ идеально-неудобномъ, грязномъ и тѣсно набитомъ экипажѣ... Кареты выходятъ утромъ и ночуютъ, омнибусы ѣдутъ круглую ночь; но все это знаетъ про себя только распорядитель отправления экипажей.

Я едва не попалъ въ эту ловушку, торопясь скорѣе выѣхать изъ Владикавказа и не желая дожидаться нѣскольکو дней свободнаго мѣста въ каретѣ; но рѣшился лучше бросить взятый билетъ и нанять себѣ особую коляску. Кетати попался удобный попутчикъ, взявшій на себя часть почтовыхъ расходовъ и имѣвшій казенную подорожную, безъ которой здѣсь невозможно сдѣлать шага. Мы отправились въ путь рано утромъ, съ денщикомъ на козлахъ, покойно усѣвшись въ просторной, выдавшей вида коляскѣ, поглотившей безъ труда нашу изрядней-таки багажъ. Коляска четверкою до Тифлиса, то-есть за 200 верстъ, не считая шоссеиной пошлины и «наводокъ» ямщикамъ, стоить 36 рублей, что довольно умѣренно, въ виду возможности брать съ нашего брата, туриста, сколько душа захочеть.

VIII.

Дарьяльская тѣснина.

ПОЧТИ дѣтское, свѣтлое чувство охватило меня, когда я почувствовалъ, что всѣ сборы и хлопоты остались назади и что я вступаю въ царство Кавказскихъ горъ, свободный какъ школьникъ на побывкахъ,—безъ заботъ, безъ обязанностей и весь цѣликомъ, со всею беззаветною искренностью сердца, могу отдаться, наконецъ, той чудной природѣ, куда меня такъ давно манило, которая теперь съ торжественнымъ величьемъ развертывала кругомъ меня свои чарующія панорамы.

Горы начинаются не сразу отъ Владикавказа, хотя все, что глазъ видитъ кругомъ,—одни ряды горъ. Долина Терска сначала широка и плоска, потомъ предстаетъ холмиста, и только отъ станціи Ларсъ начинается серьезный подъемъ, серьезные и суровые горные виды. Долина, по мѣрѣ движенія вверхъ, все болѣе засасывается горами, дѣлается все уже, все глубже, все грознѣе. Романтическіе замки вѣнчаютъ, точно на берегу Рейна, живописныя вершины скалъ; другіе еще ущѣли и до сихъ поръ могутъ защищать аулы, разсыпанные у ихъ ногъ; иные уже разрушены наполовину и торчатъ голые, какъ остовъ мертвеца, слияясь съ камнями скаль. Гдѣ только впадаетъ въ долину Терска какая-нибудь боковая долина, провожающая бѣшеную горную рѣчку, единственную дорогу среди каменныхъ громадъ, тамъ уже непременно торчатъ и башня замка съ узкими бойницами, съ обрывистыми стѣнами.

Общій видъ Пасаура:

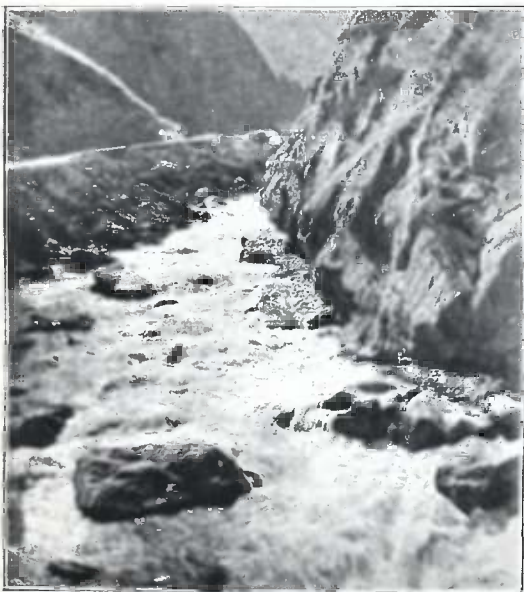
Средневѣковая жизнь, полная насилія, опасностей, небезпечности, оставлявшая жизнь и имущество человека на его собственный страх и на произволъ другихъ,—вездѣ сказалась однѣми и тѣми-же чертами, въ Швейцаріи и Вестфаліи, точно такъ-же, какъ въ дикихъ ущельяхъ Кавказа. Вездѣ смѣлый и сильный засѣлъ повше, понепріступнѣе, и властвовалъ оттуда, какъ хищный орелъ надъ степною птицей, надъ всѣми, кому нельзя было укрыться въ крѣпкую башню и оковать желѣзомъ себя и коня своего. Эти кавказскіе феодалы, называвшіеся въ разныхъ мѣстахъ князьями, ханами, тавадами, алдарами, беками, основали свое господствующее сословіе совершенно такъ-же, какъ нѣмецкіе или англійскіе бароны,—на одномъ правѣ силы, всѣми ощущаемой, всѣмъ страшной, всѣмъ необходимой.

Но и аулы тутъ—тоже башни. Среди тяжеловѣсныхъ словъ тем-

наго, почти черного глинистаго сланца, громадными толщами выпертыхъ высоко въ воздухъ изъ глубины земнаго ядра, среди всего этого не-обозримаго хаоса растреснувшихся стѣнъ, изорванныхъ утесовъ, тонкихъ куполовъ, зубреныхъ гребней, чередующихся съ косматыми лѣсистыми обрывами, съ зелеными альпійскими скатами, крутыми, какъ кровля готической башни, какими-то мрачными совиными гнѣздами,— глядя эти голые, тѣсно скученные аулы, сложенные почти насухо изъ плитъ и обломковъ чернаго шифера, прилѣпленные къ такимъ-же чернымъ скаламъ, на какомъ-нибудь, отовсюду недоступномъ головокру-

жительномъ обрывѣ и на головокружительной высотѣ.

Ни одного зеленаго кустика, ни одного цвѣтнаго или бѣлаго пятна не увидите даже случайно въ этихъ безотраднѣхъ логовищахъ хищничества. Тамъ нѣтъ домовъ — тамъ только башни, однѣ пониже, другія повыше. Тамъ и оконъ нѣтъ, а только узкія бойницы, прорѣзанныя во всѣ стороны, на всѣхъ высотахъ, настолько просторныя, чтобы просунуть дуло ружья да намѣтить мѣткимъ глазомъ въ грудь противника. Въѣстъ — это ошестившіяся, неприступный редутъ, каждый камень котораго защи-

Бушующій Терекъ.

щается и шлетъ смерть. Въѣстъ къ нему невозможно, спуститься къ нему еще невозможно, а въѣстъ — передъ тобой только глухія башни безъ входовъ, да огонь изрыгающія щели въ башняхъ; почти всѣ двери наверху, во второмъ этажѣ, и когда подставная лѣстница

По Тереку.

Картина А. А. Киселева.

прячется въ башню, то, вмѣсто двери, дѣлается окно, защищенное крѣпко окованною дубовою доской. Между башнями не легко протиснуться даже и при мирномъ посѣщеніи аула; проуочки точно ножомъ прорѣзаны, обоними плечами задѣваешь за стѣны, да еще долженъ карабкаться едва не по отвѣсному скату, изворачиваясь на каждомъ шагу, какъ змѣя, среди поворотовъ стѣнъ. Убить въ эту минуту въ упоръ изъ каждой сосѣдней щели, которыми, словно сито, протыкана каждая башня—разумѣется, ничего не стоитъ. Узнавъ близко горскіе аулы, уже не будешь удивляться бывалымъ страшнымъ потерямъ нашей арміи при штурмѣ ауловъ.

Немудрено, что скудный и мрачный народъ обитаетъ въ этихъ скудныхъ и мрачныхъ гнѣздахъ. Люди торчали тамъ на своихъ бесплодныхъ камняхъ, худые, голодные, молчаливые, съ зоркостью и терпѣніемъ ястребовъ выслѣживая рѣдкую добычу, воспитывая въ себѣ долгими годами чутье хищника, ловкость хищника и выносливость хищника. И теперь посмотрите на нихъ, въ ихъ длинноволосыхъ, грязныхъ папахъ, нависающихъ имъ на глаза, какъ шерсть мохнатой собаки,

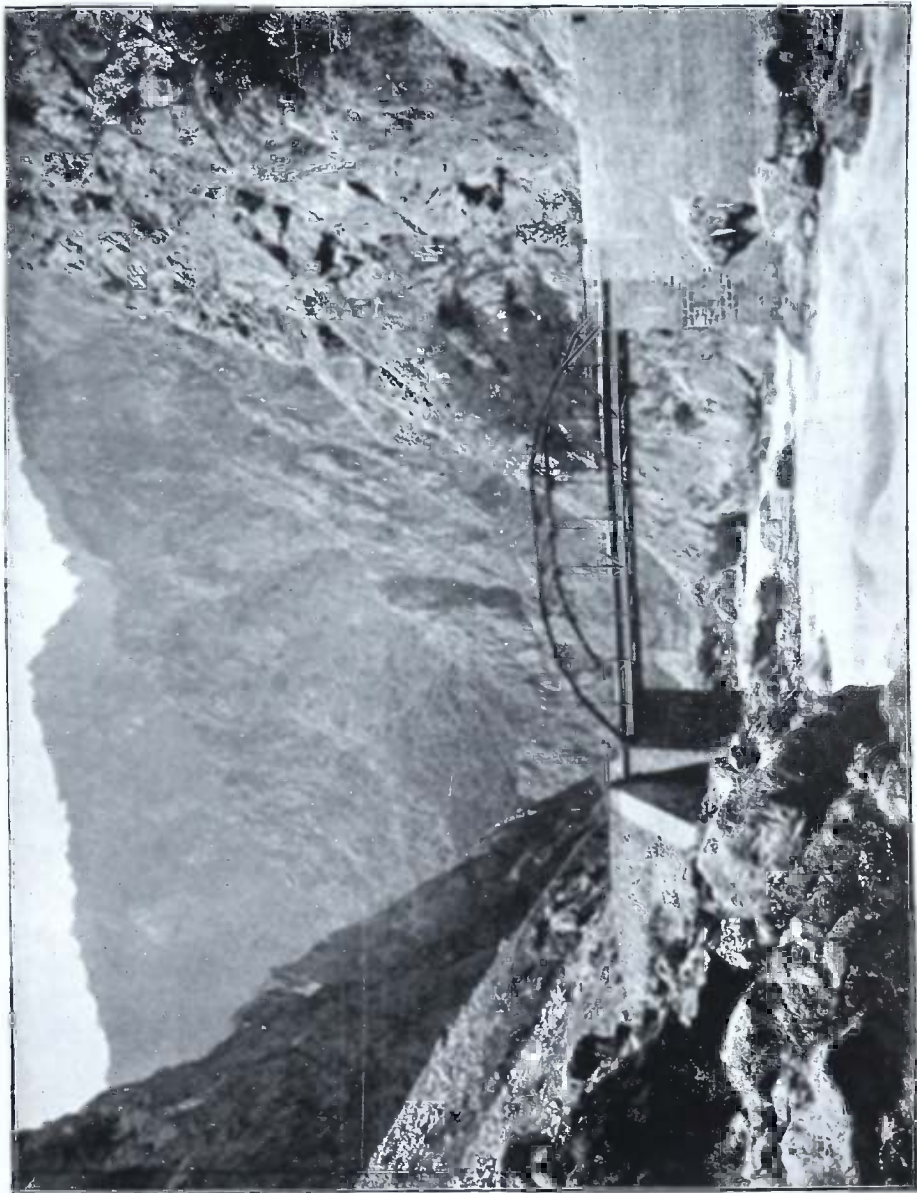

Доспно-грузинская дорога съ отвѣсными скалами, близъ
станціи Балты.

ь оборванныхъ и истасканныхъ черкескахъ, босыхъ, поджарыхъ, без-
оливо прикурнувшихъ на корточкахъ подъ мокрыми бурками, въ тѣни
тѣса, среди непрерывающаго холоднаго дождя. Да, это настоящіе
стреба на отдыхъ послѣ неудачной и утомительной охоты, съ такими-
же взъерошенными перьями, съ такимъ-же животомъ, поднятымъ не-
зильною долгою голодухою. Однако, и такихъ мрачныхъ ауловъ попа-
дется мало въ дикихъ ущельяхъ Терка.

* * *

Собственно Дарьяль начинается за станціей Ларсомъ, гдѣ гроз-
ный когда-то замокъ, торчащій на скалѣ, защищалъ ея входъ. Это
амая узкая тѣснина Терка, сдавленная голыми отвѣсными скалами
жасающей высоты. Тяжелыя дождевыя тучи, заволакивавшія окрест-
ность, дѣлали ее въ эту минуту еще суровѣе и грознѣе; сѣрая тьма
наполняла тѣснину, и дикая пляска Терка въ этой сырой мглѣ по-

МОСТОВЪ МОСТЪ ВЪ ДАРЬЛЪСКОМЪ УЩЕЛЬЕ.

Станція Ларсъ.

трясала нервы. Терекъ здѣсь дѣйствительно *косматый*, во всей буквальнойности слова. Его грязная, буроебрая пѣна всплескиваетъ, мечется, кружится, завиваясь въ громадныя кудри, удушая сама себя. Стонъ, вопли и глухой гулъ сталкивающихся волнъ, не находящихъ выхода, не смолкающая, стоятъ въ воздухъ, заглушая всѣ другіе звуки. Они дѣлаются оглушающими въ этомъ узкомъ коридорѣ звонкихъ гранитныхъ толщъ. А глянешь внизъ, на бѣснующійся Терекъ,—голова идетъ кругомъ. Какая-то невообразимая адская пляска, какой-то неистовый шабашъ въдѣвъ, не имѣющій ни смысла, ни имени.

* * *

Башня Тамары стоитъ на отдѣльномъ утесѣ, который возвышается тоже башнею своего рода, титаническою башнею, совершенно подходящею къ этой нечеловѣческой обстановкѣ и словно нарочно преграждающей путь по ущелью. Башня Тамары уже сильно разрушена, такъ-же какъ вся ограда замка, когда-то вѣнчавшаго плоское темя башнеподобнаго утеса; ея почему-то не воспользовались для укрѣпленія ни горцы, ни русскіе.

Дюбуа де-Монпере и другие путешественники прежнего времени еще видѣли въ дарьяльскомъ замкѣ нѣсколько башенъ и другихъ построекъ, а также водопроводъ, вырубленный въ камнѣ скалы. Но мнѣ не удалось увидѣть подъ грудой мусора ни водопровода, ни сложенаго изъ кирпича подземнаго хода, по которому осажденный гарнизонъ ходилъ по ночамъ за водою Терека. За то у подножія утеса—русская крѣпостца съ башнями по угламъ, съ зубцами на стѣнѣ, съ часовыми у воротъ. Это—Дарьяльское укрѣпленіе. Такіе форты и блокгаузы до сихъ поръ тянутся по всей Военно-грузинской дорогѣ, оправдывая ея

названіе «военной» и напоминая путешественнику недавнюю старину, отъ повторенія которой, по видимому, онъ еще не вполне обезпеченъ.

Я нахожу довольно правдоподобною эротическую легенду о Тамарѣ, которую извѣстный французскій ученый Дюбуа де-Монпере называетъ, впрочемъ, не Тамарою, а княгиніею Дарвей, вѣроятно по созвучію съ именемъ Дарьяла, хотя названіе Дарьяла происходитъ не отъ Дарви, а отъ обыкновенныхъ татарскихъ словъ: даръ, дере — ущелье, и іюль — дорога, то есть «путь по ущелью», то-же, что

Отвѣсія скала «Пронеси, Господь».

Дарьяльское укрѣпленіе и замокъ царицы Тамары.

по-персидски Дербентъ. Эту древнюю *mangeuse d'hommes*, воспѣтую Лермонтовымъ, конечно, оставили далеко за собою наши усовершенствованныя цивилизаціей современныя парижскія *mangeuses d'hommes*, прославленныя Эмилемъ Зола въ лицѣ разныхъ Нана и Розъ Миньонъ.

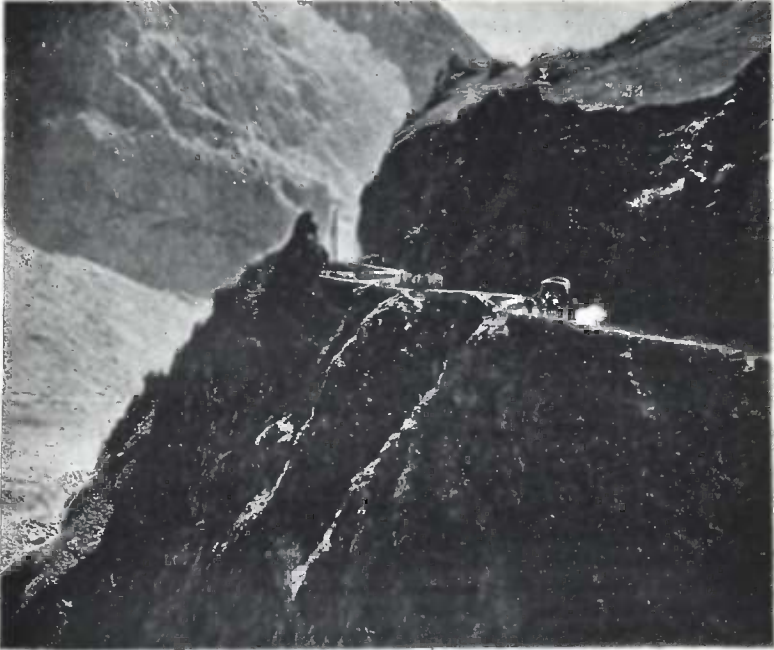
Воинственная владычица пустынного ущелья, въ которое боялась проникнуть нога человѣка, могла поневолѣ искать развлеченія среди безысходнаго однообразія этой глухой жизни въ оргіяхъ мимолетной и звѣрской любви, не оставлявшей послѣ себя слѣдовъ, не налажавшей никакихъ стѣсненій на дикую волю и дикое сердце. Если вспомнить, что древніе римскіе и греческіе писатели приблизительно въ этой странѣ (именно на Терекѣ) полагали царство своихъ амазонокъ, то характеръ легенды сдѣлается еще понятнѣе, какъ долетѣвшее до насъ смутное отзвучіе той мифической эпохи, когда женщина пыталась состязаться съ мужчиною за власть и хотѣла играть его любовью точно такъ,

Дарьяльское укрѣпленіе.

какъ онъ до сихъ поръ играетъ любовью женщины. Въ дикой обстановкѣ Дарьяла, подъ дикія пѣсни Терека, и не могло зародиться другою, менѣе дикой любви.

Впрочемъ, надо объяснить, что Тамара дарьяльской легенды не имѣетъ ничего общаго съ извѣстною благочестивою царицею Грузіи, Тамарою, великою устроительницею своего народа и завоевательницею многихъ кавказскихъ странъ, которая царствовала въ концѣ XII-го и началѣ XIII-го вѣковъ и была даже нѣкоторое время замужемъ за сыномъ нашего великаго князя Андрея Боголюбскаго—Георгіемъ. Эта Тамара, покровительница знаменитаго народнаго поэта Грузинъ, Шоты Руставели, автора прославленной поэмы «Барсова кожа»,—самая популярная героиня грузинской исторіи. Вѣкъ ей считается вѣкомъ процвѣтанія религіи, искусствъ и литературы, вѣкомъ высшаго политиче-

Пропась изъ р. Тероку вдоль Дарьяльскаго ущелья.

скаго могущества Грузин. Поэтому немудрено, что народная легенда связала впоследствии ея имя со всякимъ замѣчательнымъ памятникомъ древности, со всѣмъ, что фантазія народа находила непостижимаго и величественнаго въ преданіяхъ своего темнаго историческаго дѣтства.

Особенно христіанскія легенды Кавказа переполнены именемъ Тамары. Въ какой бы страшной дичи горы ни встрѣчалъ я впоследствии каменный крестъ или разрушенную часовню, я неизмѣнно слышалъ, что ихъ воздвигла царица Тамара. Башни обширнѣе и крѣпче другихъ, мосты, особенно смѣло перекинутыя черезъ пропасть свои ста-

рыя замшившіяся арки, прочно сложенныя стѣны, удвѣвшія на недоступной высотѣ горы—все это, въ устахъ народа, въ вѣрованіи народа—созданія могущественной и мудрой Тамары. Вотъ какъ воспѣвъ Тамару одинъ изъ бродящихъ грузинскихъ пѣвцовъ-рапсодистовъ, которыми еще по-старинному кишатъ горные уголки Кавказа и которыми еще до сихъ поръ искренно умилается нанвная толпа:

«Это было, когда была и жила царица Тамара, а когда была и жила царица Тамара, то знаетъ весь крещеный грузинскій людъ. Приѣхала Тамара въ Карталинію, и весело стало въ Карталиніи, встрѣчалъ народъ Тамару, миловала народъ Тамара.

«Ѣхала-ли она черезъ деревню—деревня становилась городомъ; приѣхала-ли въ городъ—городъ дѣлался Тифлисомъ. И много людей, крещеныхъ и некрещеныхъ, ѣхало съ нею, князья и дворяне грузинскіе, агалары и беки татарскіе, паши турецкіе...» и т. д.

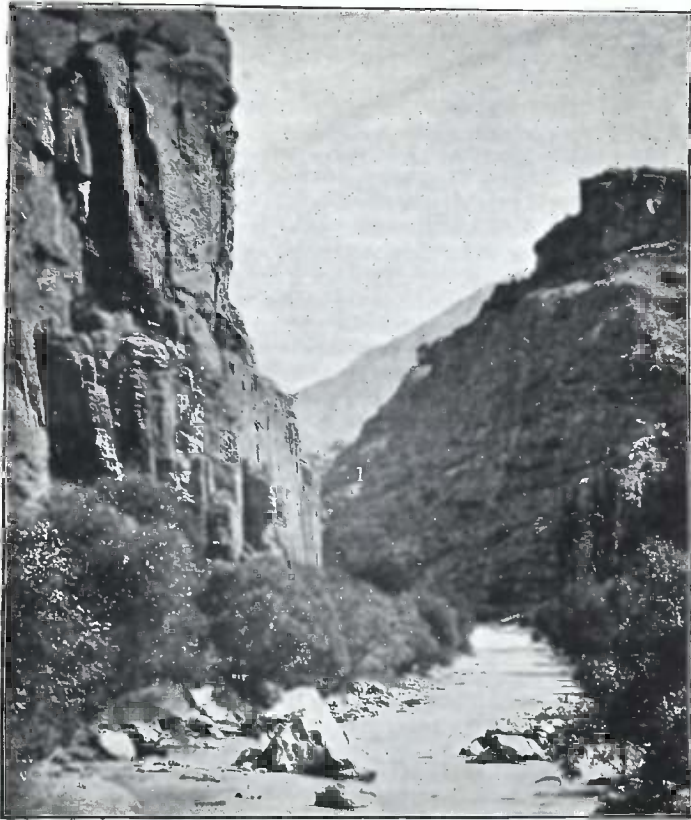
* * *

Дарьяльскій замокъ—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихкихъ мѣстностей по своей древности и по своему значенію. Это не что иное, какъ знаменитыя въ лѣтописяхъ древняго міра *Kavkazskia ворота*, одно время называвшіяся у римскихъ писателей воротами команъ или половцевъ, кочевавшихъ у сѣвернаго подножія Кавказа и захватившихъ въ свои руки *Porta Sinaia*.

Грузинскіе историки приписываютъ первое основаніе дарьяльскаго замка своему царю Мирвану, который жилъ еще во II-мъ вѣкѣ до Рождества Христова; однако, Мирванъ уже засталъ здѣсь ворота, преграждавшія ущелье: онъ велѣлъ залѣжить ихъ камнями на извести, чтобъ навсегда прекратить черезъ нихъ путь горцамъ и кочевникамъ. Давидъ-Возобновитель въ началѣ «XII-го вѣка, въ числѣ многихъ другихъ военныхъ сооружений, перестроилъ и это важное укрѣпленіе».

Страбонъ очень вѣрно описываетъ Дарьяльскую тѣснину, которую римляне, какъ видно, хорошо знали: «ущелья рѣки, въ концѣ четырехъ дней пути, приводятъ къ берегамъ Араго (т. е. Арагвы), гдѣ неприступная стѣна, прислоненная къ замку, преграждаетъ дорогу»,—говоритъ онъ. Плиній это ущелье называетъ прямо «Кавказскими воротами» и описываетъ его еще точнѣе:

«Между горами, которыя вдругъ разомъ раздвигаются, природа создала съ необычайнымъ усиліемъ проходъ, запертый воротами изъ бревень, окованныхъ желѣзомъ, внизу которыхъ течетъ рѣка Дириодорисъ. Сбоку на скалѣ стоитъ замокъ Куманія, достаточно укрѣпленный для того, чтобъ преграждать путь безчисленнымъ племенамъ. У выхода

Дарьяльское ущелье.

ущелья находится, между прочимъ, иберійскій городъ Армаистъ (т.-е. Армази, нынѣшній Мцхетъ)». У древняго грузинскаго историка и географа Вахушты, въ его описаніи Осетіи, Дарьяльское укрѣпленіе назы-

вается Эрамага, «большимъ и крѣпкимъ замкомъ, построеннымъ, говорить, царицею Тамарою». Онъ тоже упоминаеть о воротахъ изъ каменной скалы, связанныхъ цементомъ, внизу которыхъ протекала рѣка, и говоритъ, что «они построены грузинскими царями, чтобъ оссы не могли проходить черезъ нихъ безъ ихъ повелѣнiя».

Оссы, вышѣшніе осетины, воинственные горцы, населявшіе сѣверный склонъ Кавказа, вели нескончаемыя войны съ Грузіей, то покоряясь ей царямъ, принимая отъ нихъ христіанскихъ священниковъ и правителей, то опять вторгаясь въ ея плодородныя равнины и немилосердно грабя ихъ. Поэтому они также дорожили Дарьяльскимъ проходомъ, какъ ключемъ къ югу и сѣверу, и нерѣдко овладѣвали имъ. Такъ какъ оссы назывались часто алавами, подъ именемъ которыхъ они болѣе извѣстны въ исторіи, то старые арабскіе писатели, какъ Абульфедъ и Масуди, называли Дарьяльскіе ворота «Бабъ-аланъ».

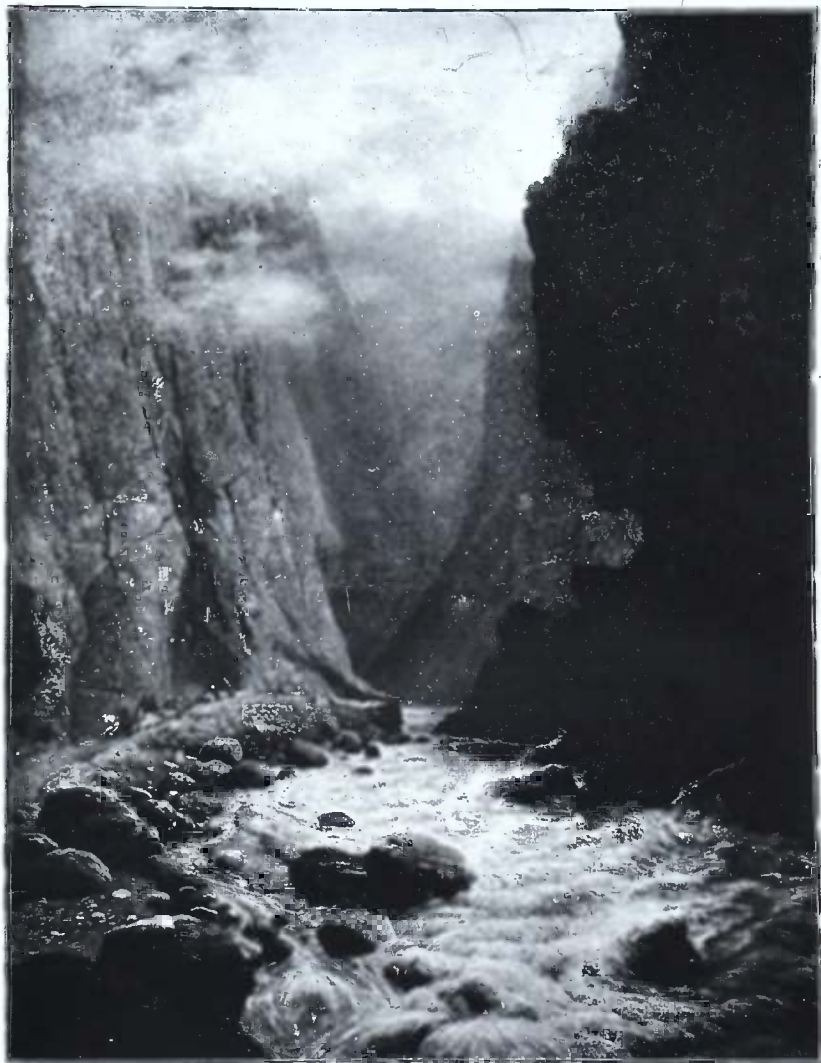
Уже въ V-мъ вѣкѣ оссы защищаются въ Дарьялѣ противъ Давида-Гургаслана, который, по сказанію грузинской хроникѣ, собралъ на равнинахъ Мухрана 100,000 всадниковъ и 60,000 пѣхотинцевъ, кромѣ войска своихъ союзниковъ, съ которыми армія его дошла до 212,000, для отмщенія оссамъ за набѣги и разореніе Карталиніи во время его дѣтства. Дарьяль былъ взятъ приступомъ, оссы и хазары разбиты на-голову, вся Осетія разорена и выжжена. Во время боя, Вахтангъ, которому было всего 13 лѣтъ, собственноручно убилъ на поединкѣ знаменитаго бойца хазарскаго Тархана и осетинскаго народнаго героя Осбогатара. Разрушенный Дарьяль и ворота его были возобновлены. Въ VIII-мъ вѣкѣ арабы, завоевавшіе большую часть Кавказа и обратившіе въ исламъ большинство христіанскихъ горцевъ его, содержатъ въ Дарьялѣ свой гарнизонъ.

Но въ XI-мъ вѣкѣ Давидъ-Возобновитель опять долженъ силою отнимать Дарьяль у тѣхъ-же оссовъ, которые отказались пропустить черезъ него сѣверныхъ союзниковъ грузинскаго царя, кипчаковъ. Они точно также не пропускали черезъ него въслѣдствіи полчища Чингисхана, прорывавшіяся въ русскую равнину, но были разбиты и покорены монголами. Черезъ Дарьяль, наконецъ, двигался два раза грозный Тимуръ, оставившій, какъ мы видѣли выше, слѣды свои въ Ольхотово.

Такова историческая важность этой маленькой пустынной скалы, воспѣтой Лермонтовымъ: она служила воротами изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію въ теченіе тысячелѣтій.

* * *

Впрочемъ, дарьяльская стѣна, заграждавшая «Кавказскія ворота»,

ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

Картина Р. Г. Судковского.

была не единственнымъ и не исключительнымъ сооруженіемъ въ этомъ смыслѣ. Отъ береговъ Каспійскаго моря до берега Чернаго моря подобныя стѣны и замки тянулись черезъ всѣ сколько-нибудь доступныя ущелья и горныя перевалы Кавказскаго хребта. Ихъ строили въ разные вѣка и разные народы. Но всѣ вмѣстѣ они составили оборонительную линію закавказскихъ и горскихъ народовъ отъ нашествія сѣверныхъ кочевниковъ или горцевъ той стороны.

Это былъ обычный способъ всѣхъ древнихъ народовъ защищать свои области. Такою стѣною Китай спасался отъ монголовъ, Южный Крымъ отъ хазаръ, римляне спасали Траянovýmъ Валомъ Дакію отъ варваровъ сѣвера и каледонскою стѣною свои британскія владѣнія. Херсонесъ отдѣлялъ свой Гераклеійскій полуостровъ стѣною отъ остальнаго Крыма, точно такъ, какъ это дѣлала и Пантикапея. На Кавказѣ эти искусственныя стѣны только облегчали защиту почти вездѣ непроходимой гигантской стѣны, которую воздвигла природа, какъ естественную грань между двумя мірами. Такова, кромѣ Дарьяла, была извѣстная стѣна, преграждавшая Дербентскій проходъ, или «Каспійскія ворота» древнихъ, въ томъ узкомъ мѣстѣ, которое Кавказскій хребетъ составляетъ между собою и моремъ. Восточные писатели называли эти ворота Дербента «воротами восточныхъ». Я видѣлъ впоследствии, въ древнемъ гелатскомъ монастырѣ, эти кованыя съ циклопическою грубостью тяжелыя ворота, почти источенныя временемъ, хранящіяся среди историческихъ святынь монастыря, какъ трофей побѣды одного изъ грузинскихъ царей.

Толстая, укрѣпленная башнями стѣна, въ которой были вдѣланы эти желѣзныя ворота, начиналась еще въ водахъ моря, на цѣлую милю отъ берега, и шла потомъ черезъ пропасти и скалы до непроходимыхъ вершинъ Кавказа, запирая нѣсколькими другими желѣзными воротами, охраняемыми стражей и башнями, всякую важную горную тропу.

Происхожденіе этой стѣны относятъ къ началу VII-го вѣка до Рождества Христова—эпохѣ нашествія скивоовъ на Азію и послѣдовавшихъ потомъ походовъ персидскихъ царей на Скиюю. Остатки другихъ стѣнъ встрѣчаются особенно часто въ западной части Кавказскаго хребта, въ Осетіи и Дигоріи, черезъ страшныя ущелья которыхъ издревле проходили верховыя тропы изъ сѣверныхъ равнинъ въ грецкія и римскія колоніи Колхидскаго побережья. Развалины этихъ стѣнъ можно видѣть, напримѣръ, въ ущельяхъ горныхъ осетинскихъ рѣкъ Кизил-дона, Фіаг-дона и Ардона. Наконецъ, у Чернаго

моря, стѣна, подобная дербентской, замыкала узкое прибрежное де-
филе Гагры.

* * *

Дарьялъ напоминаетъ собою ущелье Рейса подъ Сень-Готардомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ перекинуть черезъ Рейсъ прославленный Суворовымъ Чортовъ мостъ. Но утесы Сень-Готардскаго ущелья все-таки не такъ безотрадны, какъ эти сплошныя тяжкія стѣны Дарьяльской тѣснины. Черный цвѣтъ и чугунная тяжесть ея гранитовъ удваиваютъ впечатлѣніе дикости и безнадежности.

За Дарьяломъ самый разгаръ подъема. Тутъ сплошь кругомъ настоящая кавказская дичь. Сквозь прорвы влажныхъ, отяжелѣвшихъ тучъ, которыя минутами разгоняетъ вѣтеръ, хмурятся изъ-за ближнихъ утесовъ неоглядной высоты—другіе лысые и бѣлые великаны, топчущіеся другъ за другомъ, безъ конца и счета, словно каждому хочется выглянуть изъ-за плечъ сосѣда и протиснуться впередъ сквозь эти толпы горъ. Тутъ—вы въ полной власти горъ, въ царствѣ горъ. Онѣ у васъ справа и слѣва, назади васъ, впереди васъ, онѣ задвигаютъ за вами узкіе входы ущелья, онѣ распахиваютъ передъ вами, словно ворота неприступной крѣпости, надвинутыя отовсюду высокія стѣны скалъ и пропускаютъ васъ впередъ и вверхъ по едва прорѣзанной дорожкѣ, навстрѣчу безумно несущемуся внизъ, неистово ревущему и скачущему Тереку.

Это настоящій духъ горъ, одиноко царящій въ этихъ дикихъ пустыняхъ, наполняющій ихъ звуками и движеніемъ живой жизни. Онѣ гложетъ и крошитъ, въ своей ненасытной жадности, ихъ голыя ребра и съ беззаботною шаловливостью тигренка катитъ потомъ эти каменные обломки и обгрызки, играя ими, какъ горстями гороха.

IX.

Назбекъ и его царство.

ТРУДНѢЕ и труднѣе становится лошадямъ. Все выше забирается лента шоссе, хлпящаяся и выющаяся вдоль обрывовъ; все ниже и глубже проваливается ложе Терека, съ его хаосомъ камней, пѣны и безумно кружащихся черныхъ водъ. Онѣ трубить оттуда, со дна своей тѣснины, свою дикую боевую пѣсню, словно угрожая намъ этимъ несмолкающимъ рокотомъ за дерзкое вторженіе въ

По Военно-грузинской дорогѣ.
Картина Б. П. Виллевалде.

его горное царство. Уже лысыя черепа и темныя, курчавыя вершины, которыя висѣли высоко надъ нами нѣсколько часовъ назадъ, кажутся намъ на одной высотѣ съ изгибами шоссе, и ихъ снѣга, набившіеся въ круглыя впадины, спускающіеся по узкимъ извилистымъ трещинамъ, такъ недавно еще смутно мерцавшіе сквозь туманъ дали, теперь выдѣляются рѣзко, хоть рукою ощупать, среди такихъ-же грубыхъ тоновъ темнаго, угловатаго камня. Мы уже выше многихъ изъ этихъ снѣговъ, измѣнически прокраившихся съ своихъ заоблачныхъ полей вѣчной зимы и вѣчной смерти въ зелень лѣсовъ, къ цвѣтамъ альпійскихъ пастбищъ. Они застряли въ зубьяхъ утесовъ, въ глубокихъ падающихъ скатахъ, въ складкахъ ущелій, и застигнуты здѣсь, какъ ночные воры утромъ, расплавляющими ихъ лучами лѣтнаго солнца. Съ веселымъ весеннимъ бульканьемъ обильно и быстро струится изъ нихъ ледяная вода, собирающаяся въ грозные потоки тамъ, ниже, на днѣ ущелій.

Отсюда мнѣ видно потоковъ рожденіе,
И грозныхъ обваловъ движеніе

невольно шептается самъ собою стихъ Пушкина. Не только пейзажъ горъ, лѣсовъ, потоковъ,—самый воздухъ какъ-то суровѣетъ по мѣрѣ

подъема. Чѣмъ-то мужественнымъ, терпкимъ и бодрымъ наполняется грудь отъ этого холоднаго дыханія горъ. Какая-то радостная, вѣрующая въ себя, свѣжесть проникаетъ и мускулы, и душу; хочется выпрыгнуть изъ этой укачивающей коляски, бросить въ сторону псалды, зонтики, расслабляющіе разговоры о вещахъ, не имѣющихъ смысла въ этой заоблачной пустынѣ, и вмѣшаться въ толпу поминутно встрѣчающихся намъ, сурово смотрящихъ, сурово молчащихъ всадниковъ, съ живописно накинутыми на плеча мохнатыми бурками, съ выразительно качающимися за спиною такими же мохнатыми чехлами ружей, чтобъ вмѣстѣ съ ними, на такихъ-же ловкихъ; неутомимыхъ коняхъ, спокойно одолѣвать тропинки непроходимыхъ уге-

Казбекъ. Церковь въ Казбекѣ.

совъ, чтобъ пожить вмѣстѣ съ ними, въ этой грозной дичи горъ, общео жизнью орловъ, туровъ и горныхъ потоковъ...

* * *

Станція «Казбекъ» пріютилась подъ сѣною Казбека. Хотя цѣлое ущелье Терека и цѣлая группа каменныхъ гигантовъ раздѣляютъ ихъ, хотя, перешедши ущелье, еще нужно много тяжелыхъ часовъ, чтобъ добраться до подошвы Казбека, но все-таки онъ прямо дышитъ сюда своими ледниками, купающимися высоко въ прохладныхъ голубыхъ высяхъ.

Это разстояніе и эти препятствія, важныя для человѣка, не существуютъ для горнаго титана. Казбекъ до такой степени владычествуетъ надъ цѣлою окрестною странюю, что все остальное кажется только ступенями его, подножіемъ его царской пирамиды. Много вѣчно

бѣлыхъ и голыхъ громадъ толпится около него, какъ вѣрная дружина опричниковъ, и все теряется въ одномъ его всеподавляющемъ, надъ-всѣмъ господствующемъ образѣ. Здѣсь только онъ одинъ—Казбекъ;

Крѣпость (пола имида), Всѣхъ Святыхъ Олязъ Казбека.

все остальное не имѣть ни своей фizioномии, ни своего имени. Онъ наполняетъ собою все, и все носить его имя, его черты.

Казбекъ былъ сильно закутанъ облаками, и оттого вершина его, отдѣленная отъ земли въ ясныя высоты неба, казалась неземною.

Однако, на его гребняхъ и скатахъ можно было ясно различить зачинающіяся снѣговыя лавины и каменные обвалы, съ безмольною угрозою нависшіе надъ пропастями. Казбекъ—страшный и безжалостный владыка. Онъ приноситъ періодическія кровавыя жертвы богу смерти. Прежде его обвалы были гораздо чаще, говорятъ—черезъ каждыя семь лѣтъ; теперь они стали рѣже. Последній обвалъ случился въ 1832 году.

Обвалъ этотъ оборвался совершенно неожиданно на разсвѣтъ 1-го августа. Онъ завалилъ ущелье Терека на 50 сажень въ высоту, на пространствѣ двухъ сплошныхъ верстъ. Но и то самая большая

масса завала не успѣла скатиться въ Дарьяльскую долину, а застряла въ боковой Девдоракской тѣснинѣ. Теченіе Терека было разомъ прервано; пока онъ бѣшено просасывался и прогрызался сквозь массы обледѣвшаго снѣга, внезапно задавившаго его, — въ нижней части долины,

Девдарьяльскіе глетчеры Кавказа.

въ Ларсѣ, въ Балтѣ, во Владикавказѣ, жители въ теченіе нѣсколькихъ часовъ спокойно переходили по-суху русло этой страшной рѣки.

Два года обвалъ лежалъ и постепенно таялъ; жаръ южнаго солнца не въ силахъ былъ одолѣть его въ теченіе одного мѣсяца. Вѣда происхо-

дила въ это время, какъ всегда бываетъ на Кавказѣ при завалахъ ущелий, по временной дорожкѣ сверхъ снѣговъ на своеобразной снѣговой аркѣ, въ глубинѣ которой Терекъ съ свирѣпымъ гуломъ сверлялъ свой двухверстный туннель. Даже въ августѣ 1834 года еще оставались въ долинѣ массы снѣга и льда, которыя застала Дюбуа, хотя и стало возможно приступить къ возобновленію дороги.

Съ 80-го года прошлаго столѣтія вообще обрушилось съ Казбека въ Дарьяль шесть большихъ заводовъ; послѣдніе въ 1808, 1817 и 1832 годахъ; каждый изъ нихъ былъ историческимъ событіемъ своего рода и великимъ народнымъ бѣдствіемъ. Рейнеггсъ рассказываетъ, что 19-го іюня 1776 года, послѣ удушающей жары, разразилась страшная гроза, во время которой обрушился съ Казбека громадный завалъ, на три дня остановившій теченіе Терека. Всѣ деревни верхней долины, даже Гвелеты, которая поднимается на 258 футовъ выше уровня Терека, были залиты и разрушены водою; погубило множество жителей, ихъ скота и имущества.

Только черезъ три дня Терекъ прорвалъ плотину и затопилъ нижнюю долину, уничтожая мосты, жилища, посѣвы. Наводненіе простиралось до самаго Кизляра. Обвалъ 1817 года тянулся на три версты и имѣлъ высоту въ 500 туазовъ;

его еще видѣли въ 1820 году. Обыкновенною дорогою обваловъ служить Девдоракская, мрачная, узкая гѣснина, сплошь наполненная разрушеніемъ, тьмою и ужасомъ, впадающая въ Дарьяльское ущелье со стороны Казбека, вмѣстѣ съ бышнимъ ручьемъ Девдорака. Девдоракъ— это своего рода жерло, черезъ которое выстаютъ чудовищные разрушительные снаряды Казбека. Оглушительный ревъ потока, въ хаотическомъ порядкѣ оторванные утесы и камни, нагроможденные другъ на друга по скаламъ и по дну ущелья, недотаявшіе снѣжные завалы, застрявшіе въ камняхъ и щеляхъ, какъ пойманные въ западню ночные хищники, — все это производить потрясающее впечатлѣніе, доста-

Мостъ черезъ р. Терекъ въ Казбекѣ и селеніе.

точно оправдывающее потерю времени и труда на посещение этой пустынной долины.

Девдоракскій ледникъ лежитъ около пяти-верстъ выше Дарьяла, къ западу отъ него. Это самый грозный и самый опасный изъ восьми ледниковъ Кавбека. Онъ одинъ только имѣетъ скать къ сторонѣ Терекъ, и скать этотъ чрезвычайно крутъ, такъ что ледникъ поневоли спалзываетъ внизъ чаще другихъ. Сначала онъ идетъ нѣсколькими, капризно извивающимися рукавами, потомъ сливается въ одно русло, которое спускается версты на двѣ сплошною ледяною рѣкою до вершины Девдоракскаго ущелья, гдѣ вся эта тяжкая громада нависаетъ надъ нимъ съ страшной кручи, на высотѣ 7,500 футовъ, славенная, словно узкимъ горломъ, боковыми скалами горы.

Когда накопляется слишкомъ много снѣга въ этомъ ледникѣ, нижнія части его обрываются и съ страшнымъ громомъ рушатся въ Девдоракское ущелье, низвергая по пути скалы и деревья, унося съ собою массы камней, съ каждымъ шагомъ разрастаясь и увеличиваясь отъ прилипанія снѣговъ, черезъ которые катится заваль, пока, наконецъ, онъ не вторгнется въ долину Терекъ и не засядетъ въ его тѣснинахъ, остановленный каменною грудью окружающихъ его великановъ. Девдоракское ущелье напоминаетъ свою безотрадную дикостью знаменитую Trümletenthal у подножія Юнгфрау, этотъ оригинальный Kegelbahn, по которому ежедневно, послѣ полуденнаго зноя, двѣ Альпійскихъ горъ имѣетъ обыкновеніе катать свои ужасные шары... Въ послѣдніе годы Девдоракскій ледникъ опять зашевелился и сталъ исподтишка спалзывать внизъ.

Въ 62-мъ, 63-мъ, 64-мъ и 67-мъ годахъ посылали къ нему на развѣдки нѣсколько геологическихъ экспедицій, и академикъ Абихъ, неутомимый изслѣдователь Кавказскихъ горъ, производилъ свои наблюдения надъ вѣроломнымъ ледянымъ звѣремъ, подкарауливающимъ такъ лавно въ своей горной засадѣ неизбѣжную добычу.

Впрочемъ, и кромѣ Кавбека, его сосѣди и подвластные постоянно, каждую зиму заваливаютъ Терекъ. Въ годъ войны, около Млетской станціи была унесена лавиною часть казачьяго полка; недавно обвалъ похоронилъ въ пропасти почтаря съ тройкой. Вообще, подобныя событія не считаются здѣсь чрезвычайными, и рѣдкій зимній или весенній мѣсяцъ проходитъ безъ нихъ. Къ нимъ здѣсь привыкли, какъ къ чему-то неизбѣжному и необходимому, точно такъ-же, какъ и въ Россіи привыкли выгорать каждое лѣто, твердо вѣруя, что иначе и быть не можетъ. Оттого съ декабря по апрѣль перевалъ по Военно-грузинской дорогѣ представляется своего рода лотерей. Провѣдешь или нѣтъ—

какой билетъ выпадеть, и, какъ въ каждой лотереѣ, здѣсь пустыхъ билетовъ тоже больше, чѣмъ съ выигрышемъ. Конечно, не всякаго завалъ угодитъ непременно по замыслу—это было-бы слишкомъ предположительно со стороны природы, но за то никто не обезпечитъ, что ему не придется прожить импровизаціей нѣсколько недѣль на какой-нибудь уединенной почтовой станціи, пока рассчитаютъ черезъ завалъ какой-нибудь сносный путь.

Цѣлыя роты линейныхъ солдатъ, стоящія гарнизонами въ крѣпостяхъ Военно-грузинской дороги, бывають заняты расчисткою заваловъ. Иногда имъ вынуждены помогать и проходящія военные команды, чтобъ не стоять и не харчиться

Дуль Папметцъ близъ Казбека.

понапрасну въ пути. Осешины и грузины ауловъ, торчащихъ по скаламъ, вдоль ущелья Терека, только и живутъ зимнею расчисткою заваловъ да починкою шоссе. Они не могутъ имѣть полей и виноградниковъ въ этомъ царствѣ бесплодныхъ скалъ и постоянного холода. Часто самимъ путешественникамъ приходится пробивать себѣ путь сквозь непочатая толщи снѣга съ помощью толпы рабочихъ. Съѣдятъ въ нѣсколько дней всю скромную провизію пустынной станціи, подвоза ни откуда нѣтъ, и вотъ, сорвавъ этотъ жалкій банкъ, поневолѣ должны пробиться хоть на одну станцію дальше, потому что тамъ еще, быть-можетъ, не все съѣдено. При этомъ случаются и несчастія, потому что снѣгъ коварно прикрываетъ своими навѣсами обрывы пропасти, которые разступаются подъ неосторожною ногою. Но обыкновенно пускаютъ впередъ коровъ или быковъ, которые плывутъ выше брюха въ снѣгу и провакиваютъ такимъ образомъ первый слѣдъ, по которому уже безопаснѣе и нѣсколько легче можно идти людямъ. Лошади-же въ этихъ случаяхъ не годятся.

* * *

Станція Казбекъ построена изъ массивныхъ тесаныхъ камней

огромнымъ европейскимъ домомъ, съ балконами для видовъ, съ галереями, въ родѣ старыхъ швейцарскихъ гостиницъ. Цѣлый этажъ пуншеровъ приготовленъ въ ней на случай ночлега путешественниковъ, которыхъ ночью не пускаютъ въ рискованный путь. Тутъ можно и поѣсть, какъ на всѣхъ большихъ станціяхъ Военно-грузинской дороги, и даже купить цѣлый музей великолѣпныхъ горныхъ хрусталей, толщиною хоть въ руку, оригинальныя друзы и щетки мѣднаго колчедана и сколько хотите живописныхъ турьихъ роговъ, изъ которыхъ грузины такъ недавно еще любили пить вино на своихъ веселыхъ обѣдахъ, обдѣлывая ихъ въ богатыя серебряныя оправы. Горскіе мальчишки, не хуже швейцарскихъ, всю дорогу прыгаютъ около вашего экипажа, протискивая къ вамъ то кристаллъ кварца, то обломокъ какой-нибудь руды и выпрашивая за нее неизбѣжный абазъ.

Казбекъ—это своего рода центръ охоты на туровъ, по крайней мѣрѣ былъ имъ недавно. Туры—это горныя кавказскіе козлы, очень близко похожіе на альпійскаго или каменнаго козла, теперь почти повсемѣстно истребленнаго въ Швейцаріи, да и вообще въ Европѣ, исключая самыхъ дикихъ вершинъ Савойи. Туръ величиною съ хорошаго двухгодовалаго теленка, но локоть, сидень и статець, какъ олень. Его чрезвычайно толстыя и длинныя черныя рога, изборожденные поперекъ выпуклыми валиками, заггибаются круто назадъ и вбокъ, вполне защищая, однако, голову тура своимъ переднимъ, мощнымъ изгибомъ; это выгодное положеніе роговъ заставило такого трезваго натуралиста, какъ Любуа де-Монперё, повѣрить въ розсказни горныхъ охотниковъ, будто туръ, избѣгая опасности, бросается въ пропасть прямо на свои рога... Хотя дѣйствительно на убитыхъ турахъ часто попадаются изломанные и согнутые рога, но это можетъ легко объясниться невольными ударами о скалы, среди которыхъ туры живутъ, и постоянными драками самцовъ за самку во время рева.

Охота на туровъ когда-то была любимѣйшимъ удовольствіемъ не только мѣстныхъ горцевъ, но и владѣтельныхъ князей Закавказья, мингрельскихъ Дадьяновъ, сванетскихъ Дадешкильяновъ и всей вообще кавказской знати, которая надолго отъѣзжала для этого въ дикія горныя мѣстности, славившіяся обиліемъ туровъ, подобно окрестностямъ Казбека.

Впрочемъ, и теперь еще наиболѣе глухія мѣста Кавказа кишатъ турами, и во время моего странствованія по Верхнему Дагестану, въ дикой странѣ дидойцевъ, я убѣдился, что туры тамъ еще ходятъ смѣло, почти не прячась отъ чловѣка, табунами въ нѣсколько десятковъ головъ. Ихъ убиваютъ тамъ очень рѣдко, потому что одному охот-

нику почти невозможно дотащить на плечахъ убитаго тура по страшнымъ обрывамъ скаль, а рога ихъ никому не сбудешь на мѣстѣ за самую ничтожную плату. Охота за турами считается одною изъ самыхъ недоступныхъ, потому что туры держатся только на самыхъ недоступныхъ вершинахъ, въ сосѣдствѣ ледниковъ. Оттого-же она считается почетнымъ занятіемъ. Но за то охотникъ на туровъ вынужденъ ограничиться одною платоническою славою. Среди гвелетцевъ, сосѣдей Казбека, много турьихъ охотниковъ; они смѣлы и сильны до невѣроятности, но всегда оборваны и голодны. Турья охота для нихъ своего рода гибельная страсть. Она дѣлаетъ ихъ нищими, но они не въ силахъ перемѣнить эту увлекающую ихъ жизнь вольныхъ храбрцовъ, презирающихъ лѣды, пропасти, усталость, преслѣдующихъ быстро звѣря въ самыхъ недоступныхъ его убѣжищахъ. Поэзія пустынныхъ горъ и дикихъ лѣсовъ, вѣчная борьба съ звѣрьемъ и съ природою дороже сердцу горца, чѣмъ даже кусокъ хлѣба.

Скаля въ аулѣ Спо.

На заоблачныхъ горныхъ тропинкахъ Кавказа, иногда даже среди пустыни ледника, встрѣчаются своеобразные памятники, то высѣченные, то сложенные изъ камня въ видѣ столбовъ, насыпей и даже христіанскихъ крестовъ, обыкновенно окруженные турьими рогами и другими скудными дарами горца. Эти-же туры рога неизмѣнно украшаютъ входы древнихъ языческихъ капищъ осетинъ, развалины ихъ христіанскихъ часовенъ и усыпальницы ихъ предковъ. Турьи рога издревле были и, кажется, до сихъ поръ остались самою обычною, самую распространенною жертвою горца своимъ богамъ, въ благодарность за благополучный переходъ черезъ опасныя снѣговыя тропинки или за счастливую охоту. Осетинъ еще искренно вѣруетъ, что на Казбекѣ живетъ горный духъ, сталкивающий охотника въ пропасти, стерегущій отъ него свои дикія стада, засыпающій обвалами жилище человѣка. Поэтому въ Девдоракскомъ ущельѣ устроенъ для умиловленія горнаго духа жертвенникъ, заваленный турьими и оленьими рогами. Есть дни, въ которыя жители сосѣднихъ ауловъ собираются къ этому жертвен-

Туры (горные козлы).

нику, или *дабъ*, почтить свое старинное языческое божество пляскою, пѣснями и молитвами...

* * *

Среди туманнаго и холоднаго дня, на этихъ неприютныхъ высотахъ, по которымъ разгуливали насквозь проникающей вѣтеръ, чѣмъ-то мрачнымъ и безжизненнымъ глядѣло почернѣвшее зданіе гостиницы съ ея казеннымъ комфортомъ и казенною пустынною. Грубый, озлившійся смотритель и такіе-же грубые, озлившіеся ямщики, словно вѣчно голодающіе и зябнущіе въ этой глуши, унылыя избитыя лошади, машинально переступавшія съ ноги на ногу, — все это какъ нельзя болѣе подходило къ общему характеру неприютности. Пока спут-

никъ мой, по своему сану воинъ и обладателя казенной подорожной, угрозами и ругательствами доказывалъ смотрителю свое право на лошадей, я переодѣлся въ теплое платье, застегнулся плотно въ широкій дождевикъ, обвязался башлыкомъ и пошелъ побродить надъ пропастью, на днѣ которой глубоко внизу гудѣлъ смирившійся Терекъ. До жуткости суровая картина стояла кругомъ. Холодъ былъ какъ въ ноябрѣ, дождливый вѣтеръ пронизывалъ насквозь и срывалъ въ пропасть. Порывы бури на высотѣ 10,000 футовъ кажутся страшнѣе, чѣмъ на нашихъ черноземныхъ равнинахъ.

Балконы гостиницы глядятъ прямо въ пропасть, за которую высятся каменные громады, составляющія авангардъ западной цѣпи главнаго хребта.

Вездѣ еще снѣгъ на лысинахъ, въ провалахъ реберъ, въ тѣнистыхъ складкахъ подножій, не говоря уже о вѣчныхъ снѣгахъ. Июнь еще не успѣлъ вконецъ побѣдить зиму на этихъ высотахъ. Какъ разъ напротивъ станціи, по ту сторону Терека, на горѣ страшной высоты, называемой Квенехе-Мта, освѣяемый бѣлымъ саваномъ Казбека, виднѣлся древній грузинскій монастырь Гергети, или Цминда-Самеба, что по-русски значитъ Троицкій монастырь. По имени его называется и аулъ, прикурнувшій у подошвы горы, по той сторонѣ Терека. Въ кровавыя времена насилія и вражды, которые еще такъ недавно миновали для Грузіи, нигдѣ нельзя было иначе пріютиться обители мира, и храмы молитвы волею-неволею обращались въ осадные дворы, въ грозныя замки. Только благодаря недоступной высотѣ, до сихъ поръ уцѣлѣли въ монастырѣ стѣны съ башенкой и соборъ характерной грузинской архитектуры съ высокою отдѣльною колокольней глубокой древности.

Основаніе этого монастыря приписывается святому, котораго осетины называютъ Гергети и который спасался здѣсь въ заоблачной пустынѣ, наполняя ее славою своихъ чудесъ. Говорятъ, въ монастырѣ этомъ три раза въ годъ бывасть церковный ходъ и большая служба на Троицу. Грузины твердо чтутъ свои народныя святыни; при моихъ

Крѣпость Цинда.

странствованіяхъ по Грузіи мнѣ не попадалось ни одной, самой пустынной часовни, въ которой хоть одинъ разъ въ годъ не собирались бы богомольцы на какой-нибудь старинный праздникъ.

Въ деревушкѣ Гергети существуетъ интересный патриархальный обычай, едва-ли, впрочемъ, соблюдающійся въ наши дни и связанный съ древнею святынею: каждое семейство долины сноситъ сюда, послѣ жатвы, въ назначенный домъ, по мѣрѣ ячменя на пропитаніе богомольцевъ, во исполненіе священнаго долга гостепріимства.

* * *

Тучи, постоянно наносимыя бурейю на темную каменную башню заоблачнаго храма, словно старались снести его на своихъ крыльяхъ въ холодныя пустынные бездны, по которымъ гнала ихъ буря. Нахмуренная снѣговая пирамида Казбека то выглядывала на мгновеніе въ прорвы тучъ, то опять куталась въ нихъ и обвивала вокругъ своей головы густою чамою ихъ сѣрую клочковатую ткань.

Съ этой стороны ущелья тоже стоитъ на обрывѣ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ станціи, монастырь своего рода. Грузинская церковь уже не въ обычной формѣ восьмиугольной башни, а въ видѣ дома съ маленькою колоколенкой на крышѣ, какъ бывають лютеранскія кирки, высится среди довольно обширной крѣпости, фланкируемая съ востока и запада двумя красивыми часовнями. Церковь украшена стѣнною скульптурою въ грузинскомъ вкусѣ, который легко изучить, разсмотрѣвъ даже какія-нибудь пять-шесть грузинскихъ церквей.

Деревня эта, теперь называемая Казбекъ, называлась прежде Степанъ-Цинда, т.-е. монастырь св. Стефана. Настоящая церковь ея построена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, владѣтельницею деревни, изъ старинной фамиліи Цобиханъ-Швили, вдовою генерала русской службы. Мужъ ея храбро служилъ въ русскихъ войскахъ и былъ произведенъ въ генералы во вниманіе къ его знатному роду. А такъ какъ предки его съ древнихъ временъ получили отъ грузинскихъ царей, имѣвшихъ верховныя права на эту долину, титулъ кази-бека, то, вмѣсто трудно-выговариваемой фамиліи Цобиханъ-Швили, русскіе стали величать Казбекомъ и его, и деревню его, и даже самую знаменитую гору, противъ которой лежитъ деревня. Таково происхожденіе имени Казбека. Мѣстные жители не знаютъ этого имени: грузины называютъ его Мкинвари, осетины—горою Христа или Бѣлою горою. Имя Христа связывается съ нею множествомъ легендъ, которыя лучше всего доказываютъ, какъ сильно было когда-то укоренено въ этой мѣстности христіанство.

На высочайшей вершинѣ горы, по вѣрованію осетинъ, находится церковь, которую никто не можетъ видѣть грѣшными глазами и въ которой таинственная сила раскинула, безъ веревокъ и подставокъ, шатеръ Авраама, хранящій въ себѣ ясли Спасителя. Несмѣтными богатства собраны кругомъ этихъ яслей; но коснуться ихъ можетъ рука только великаго праведника. Многие мечтатели пытались, въ разное время, проникнуть въ это соблазнительное святилище, и не одинъ за-

Млетскій подъемъ и деревни Зимомлеты.

платилъ за это свою жизнь. Даже царь Ираклій посылалъ туда смѣльчаковъ добывать священныя сокровища, но, конечно, безплодно, и одинъ изъ вызвавшихся священниковъ погибъ въ этой безумной попыткѣ.

У подошвы пирамиды Казбека, на краю самаго ледника, дѣйствительно находится, однако, нѣчто въ родѣ первобытнаго монастыря—пещера съ келейками, которую называютъ Вялсемомъ и которая посвящена Дѣвѣ Маріи и Младенцу Іисусу. Въ ней прежде жили монахи, что извѣстно не только изъ преданій стариковъ, но и потому, что въ кельяхъ до сихъ поръ видны жернова, остатки ручныхъ мельницъ и

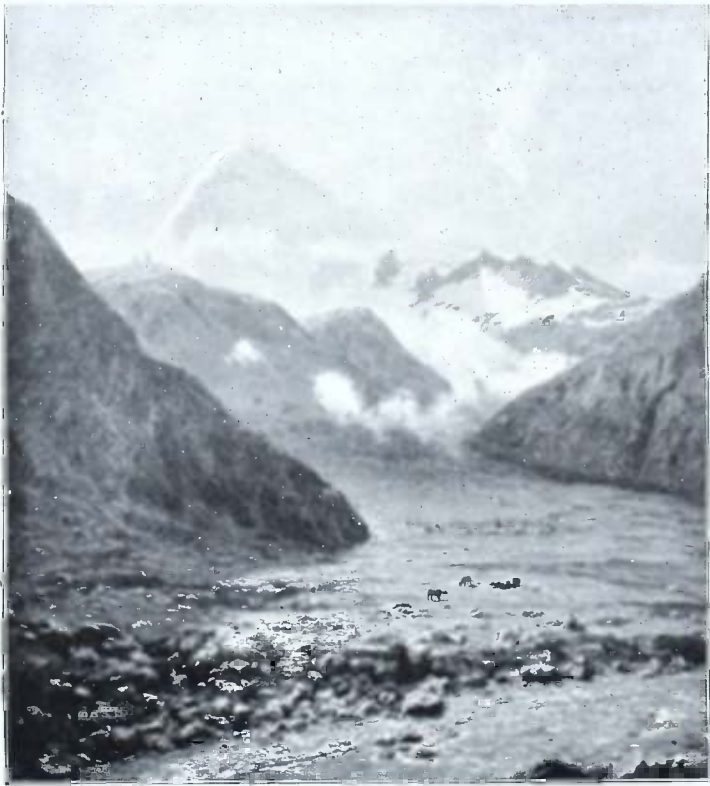
Сіонъ, селеніе.

проч. Вблизи пещеры находится большой крестъ, высѣченный изъ камня. Осетины вѣрують, что изъ этой пещеры монахи могли взбираться по висящей желѣзной цѣпи въ палатку Авраама. Но простому смертному взобраться туда очень трудно: его одолеваетъ неустойчивый сонъ, и онъ незамѣтно скатывается внизъ.

Впрочемъ, въ 1868 году, несмотря на мистическія легенды, въ пещерѣ этой, на высотѣ 11,000 футовъ надъ уровнемъ моря ночевали смѣлые члены лондонскаго альпійскаго клуба — Фрешвилльдъ, Муръ и Теккеръ, вмѣстѣ съ проводниками своими, неустрашимыми жителями ближайшей къ Казбеку заоблачной деревни Гвелеты.

Англичане совершили отсюда въ 9¹/₂ часовъ свой опасный и тяжелый подъемъ на ледяную пирамиду горы и достигли ея высочайшей точки почти на 17,000 футовъ, дѣлаясь руками и ногами за неровности крутого ледяного ската. Въ одномъ мѣстѣ Теккеръ поскользнулся и полетѣлъ въ пропасть внизъ головой, но такъ какъ смѣльчаки были связаны другъ съ другомъ веревкой, то товарищамъ его, удержавшимся на ногахъ, удалось вытащить его. Двое гвелетцевъ (или гвелетцевъ) слѣдовали издали за альпійскими лазунами и также добрались до вершины Казбека. Къ сожалѣнію, ни тѣ, ни другіе не удостоились видѣть палатки Авраама и яслей Спасителя.

Старыя башни крѣпости Степанъ-Цминды значительно пострадали;

КАЗБЕКЪ КЪ ВЕЧЕРУ.

Картина А. А. Киселева.

по ими все-таки воспользовались, чтобы устроить около ихъ новос, уже русское укрѣпленіе, въ которомъ стоитъ линейная команда, обсервующая переваль и занятая всю зиму расчисткою снѣговъ, препровожденіемъ этаповъ и проч. Въ обстановкѣ суровыхъ горныхъ твердынь и суроваго, дождливаго дня, крѣпость эта съ своими полубглоданными средневѣковыми башнями имѣетъ какую-то грозную живописность.

Кругомъ старой крѣпости на далекое разстояніе зеленая горная площадка покрыта какими-то цыклопическими кучами камней, сложенными будто въ скирды.

Говорятъ, это осетинскія могилы, оставшіяся послѣ давно выселившася ауда; инныя изъ нихъ, по величинѣ, немного больше обыкновенной могильной насыпи, другія—цѣлые холмы. Эти холмы—могилы знатныхъ и богатыхъ людей, которыхъ особенно уважали жители и на гробъ которыхъ каждый

Станція Коби.

считалъ необходимымъ притащить побольше камней. Такимъ образомъ, сравнительное значеніе людей выражалось при похоронахъ здѣшнихъ горцевъ съ осязательною натяженностью самыми размѣрами того грубаго памятника, который воздвигался общиною каждому члену ея. И на томъ берегу Терека въ разныхъ мѣстахъ видѣются эти первобытныя гробницы, еще всецѣло напоминающія собою эпоху доленовъ и друидическихъ камней.

Впрочемъ, этотъ способъ погребенія въ настоящее время гораздо чаще встрѣчается у кабардинцевъ и черкесовъ, чѣмъ у осетинъ, которыхъ гробницы устраиваются по гораздо болѣе совершенному типу. Поэтому вѣроятно, что старыя кладбища Степанъ-Цминды принадлежатъ какому-нибудь другому горскому племени, но не осетинамъ. Около той-же деревни Гергети, на громадномъ валунѣ, сдвинутомъ ледникомъ Казбека, зеленѣетъ своими березами древняя священная роща осетинъ.

По всему видно, что ущелье было когда-то гораздо населеннѣе. Однако, и теперь на той сторонѣ чернѣютъ кое-гдѣ слоющіяся дырья аудовъ, едва отличимыя отъ мрачнаго тона скаль, къ которымъ онѣ прильплены. Ученые и путешественники нерѣдко удивляются пещернымъ городамъ и задвѣютъ себя вопросы о ихъ происхожденіи, объ

оригинальномъ народѣ, жившемъ въ этихъ каменныхъ норахъ, которыми, кстати сказать, переполнена и долина Терека отъ Ларса до Коби. Но кто видѣлъ аулы кавказскаго горца, особенно безотрадные аулы Дарьяла и Коби, тотъ сразу пойметъ, что между горскою саклею и пещерою почти нѣтъ разницы ни по общей идеѣ постройки, ни по доставляемому ими комфорту. Горская сакля — это та-же пещера, темная, низкая, съ единственнымъ входомъ спереди, нисколько ненуждающаяся ни въ свѣтъ, ни въ просторъ, тѣсная дыра, куда можно влѣзть и полежать во время дождя и зноя; только двѣ боковыя стѣны ея навалены рукою человѣка изъ осыпей скалъ, а не выбиты имъ въ толщѣ горы. Жителю сакли стать жителемъ пещеры не составляетъ никакого вопроса, такъ что гипотеза объ особенномъ первобытномъ народѣ, строителѣ пещеръ, троглодитахъ, является, по меньшей мѣрѣ, излишнею. Этимъ троглодитомъ продолжаетъ быть каждый осетинъ, каждый лезгинецъ. Недаромъ старая грузинская хроника считаетъ своего перваго мифическаго царя, Каргюса, основателемъ именно пещернаго, а не другога какого города. Жилища горныхъ осетинъ, въ сущности, такъ-же просты, какъ и ихъ могилы: это куча ничѣмъ не связанныхъ между собою камней, въ которой оставлено отверстіе для входа человѣку. Не украшаются они никакою галлерейкою, никакими лѣсенками, какъ сакли другихъ жителей, и почти не имѣютъ дерева въ составѣ постройки. Вообще они еще проще, бѣднѣе, такъ сказать — животнѣе, то-есть ближе къ звѣриной норѣ, чѣмъ сакли ущелій, болѣе близкихъ къ равнинамъ.

* * *

Отъ станціи Казбекъ, по дорогѣ въ Коби, подъемъ дѣлается еще спльнѣе, аулы горцевъ попадаются еще чаще; тутъ, впрочемъ, живутъ не одни осетины, но и горные грузины. Все чаще видѣются въ этихъ аулахъ и высокія, слегка суженныя кверху, четырехугольныя башни, типическія сооруженія горнаго Кавказа.

Башни эти, какъ и сакли, сложены изъ грубыхъ круглыхъ валуновъ, грудами которыхъ Терекъ заполоняетъ свое русло и свои берега, или изъ большихъ обломковъ чернаго сланца, связанныхъ цементомъ; съ глубокой древности башни эти служили жилищами горцевъ, конюшнями для скота ихъ, хранилищемъ всѣхъ ихъ запасовъ, хлѣба, сѣна, дровъ. Въ глуши Кавказскихъ горъ, какой-нибудь Дигоріи или Сванетіи, существуютъ башни, въ которыхъ одно и то-же семейство живетъ безвыходно цѣлыя столѣтія сряду. Иногда эти башни имѣютъ до шести этажей и громадную величину, такъ что нынѣшніе жители

самую постройку ихъ приписываютъ великанамъ. Случается, что въ такихъ древнихъ башняхъ помѣщается уже не одна семья, а въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлый родъ—пять, шесть братьевъ съ женами и дѣтьми, подъ управленіемъ какого-нибудь старика-патріарха, отца или дѣда.

Вольшею частію, кромѣ башенъ аула, на какомъ-нибудь утесѣ, владычествующемъ надъ окрестностью, стоитъ еще отдѣльная башня, остатокъ прежней крѣпости, куда спасались въ крайнемъ случаѣ послѣ взятія аула и которая, въ то-же время, запирала выходъ какой-нибудь долинки. Много, конечно, видовъ издали эти замшившіяся башни, потерявшія свои каменные зубы, и, конечно, не одна русская кровь напитала вокругъ нихъ эту неплодную почву. Долина, несмотря на высоту, дѣлается шире и теченіе Терекъ спокойнѣе. На отвѣсномъ мысѣ скаль, словно составленномъ изъ сплошныхъ колоннъ глинистаго сланца, котораго слои въ этомъ мѣстѣ перевернуты торчмя, высится опять старая крѣпость Сионъ съ очень заостренною высокою башнею, съ цѣлымъ ауломъ въ стѣнахъ. Храмъ этой крѣпости опять особой, также очень характерной формы; на Кавказѣ можно встрѣтить множество древнихъ церквей, грузинскихъ и армянскихъ, такой-же формы. Форма эта—длинное домообразное зданіе, верхняя часть котораго, въ видѣ второго этажа, сужена противъ нижней на всемъ своемъ протяженіи и которое потому имѣетъ двойную крышу. Какъ-разъ напротивъ Сиона, отдѣленные отъ него русломъ Терекъ, развалины Георги-Цихе, съ церковью, стѣнами и башнями, который вмѣстѣ съ Сиономъ привлекалъ когда-то къ себѣ толпы грузинскихъ богомольцевъ.

деревни Кооп.

Отъ Казбека до Кооп Терекъ течетъ по ярко-цвѣтному грунту. Всѣ камни, хаотически наваленные въ ущельѣ, всякіе на обрывахъ скаль—какого-то мраморовиднаго краснаго и зеленоватаго порфира. Осыпи скаль иногда малиновыя, какъ чистая мумія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка размываетъ яркую, какъ сурикъ, глину, такъ что цѣ-

лые ручьи ся текутъ по берегамъ и среди мутныхъ волнъ Терека. Котловину Коби кончается долина Большого Терека, известная у грузинъ подъ именемъ Хеви и начинающаяся отъ Дарьяла; въ Коби сливаются въ одно всѣ три верховья Терека и дальше дорога уже идетъ русломъ Урст-Дона, Малаго Терека, до самой Крестовой горы.

Однако, и Коби еще не высшая точка перевала. Только не доѣзжая немного до станціи Гудауръ, стоитъ всѣмъ знакомый каменный крестъ, который молча говоритъ путешественнику, пострадавшемуся подъемомъ, что онъ, наконецъ, на самой вершинѣ Крестовой горы, что сейчасъ начинается такъ долго ожидаемый спускъ. Крестъ этотъ поставленъ, въ 1824 году, генераломъ Ермоловымъ, проложившимъ военно-грузинскую дорогу; но всѣ почему-то считаютъ его Крестомъ Петра Великаго, который никогда не былъ на перевалѣ. Это заблужденіе раздѣляетъ даже такой, въ высшей степени точный и капитальный ученый, какъ Дюбуа де-Монпере.

X.

Долина Арагвы.

МЫ перепочевали четыре часа на станціи Гудауръ подъ скверными холодными сводами общей комнаты, наминавшей пещеру Борся, и, не выспавшись, едва напившись чаю, съѣли опять въ коляску. Чудная панорама, неожиданно охватившая насъ, тотчасъ-же прогнала сонливость и пасмурное настроеніе духа.

Станція Гудауръ зимой.

Небо совершенно расчистилось къ утру и хотя солнце еще не всходило, но всѣ гребни снѣговыхъ горъ, догнъ отъ насъ закрытыя, вырѣзались на холодной синевѣ неба ясно и отчетливо, какъ свѣже-отчеканенное серебро...

Перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ былъ совершенъ, сѣдые великаны глядѣли уже на насъ сзади, холодный снѣрякъ, пробиравшій насъ все время въ продолженіе подъема, теперь остался по той сторонѣ

хребта, а подъ нашими ногами уже шпрились другія, болѣе привѣтливья и обильныя долины. Въ лицо уже дышалъ теплый вѣтеръ Грузинъ, уже глядѣло въ глаза ласковое небо юга. На всей Военно-грузинской дорогѣ нѣтъ мѣста, болѣе поразительнаго по красотѣ и рѣзкости впечатлѣній, какъ спускъ отъ Гудаура къ Мазтамъ по Земомлетской долинѣ. Снѣговыя великаны Кавказа съ своими вѣчными полями фирна, съ своими синѣющими ледниками, кажутся, стоятъ здѣсь прямо за вашими плечами, такъ близко и ясно, что хочется рукой тронуть, а вы съ головокружительною быстротою уноситесь отъ нихъ внизъ по какой-то бесконечно развивающейся каменной спирали, которая, повидимому, постоянно возвращаетъ васъ все къ тѣмъ-же видамъ, все къ тѣмъ-же мѣстамъ, а между тѣмъ, на дѣлѣ вы неужержимо летите на дно глубокой и роскошной долины, гдѣ шумитъ Арагва, передовая вѣстникъ Грузинъ...

Ущелье рѣки Арагвы.

Въ нашу тяжелую коляску впряжено, вмѣсто четверика, всего двѣ лошади, но и на нихъ мы несемъ внизъ съ захватывающею духъ быстротою дѣлая 15 верстъ. Только замѣчательная крѣпость ногъ и изумительная поворотливость здѣшнихъ почтовыхъ лошадей могутъ выдержать эту безостановочную скачку, гдѣ приходится на всемъ бѣгу поворачивать подъ острымъ угломъ почти прямо назадъ, на параллельные изгибы шоссе, притомъ надъ страшною пропастью, ничѣмъ отъ насъ незащищенною. Малѣйшая неосторожность ямщика, малѣйшая неловкость лошади — и тяжелый экипажъ, разогнавшійся маршъ-маршемъ съ десятиверстной высоты, полетитъ вверхъ колесами на какомъ-нибудь остромъ поворотѣ зигзага. Случаи эти, дѣйствительно, бывають, хотя и не часто. Многие нервные люди, особенно женщины, совершенно не въ состояннн выдержать этихъ головокружительныхъ впечатлѣннн.

Гудомарское ущелье. Место, гдѣ Валад Арава соединяется съ Черной.

Красота Земоитской долины увеличивается еще оттого, что ее виднѣе отсюда буквально съ высоты птичьяго полета, по всей широтѣ и длинѣ ея, въ каждомъ ея потаенномъ изгибѣ. Мѣстами она расширяется въ дѣльи обширныя котловины, густо засѣянныя, покрытыя полями, жилищами, стадами овецъ. Аулы тутъ уже не черныя, низкія норы изъ кусковъ шифера, а настоящіе каменные дома бѣловатаго известняка, на подобіе просторныхъ башенъ, съ конюшнями въ нижнемъ этажѣ, съ жильемъ наверху, съ плоскою крышею, наполовину прикрытою навѣсомъ. Есть дома въ три этажа, не считая верхняго навѣса. Эти аулы, однако, также крѣпки и неприступны, также гнѣздятся на выступахъ и мысахъ, защищаемыхъ отвѣсными обрывами, иногда на одуряющей высотѣ скалъ, торчащихъ выше облаковъ. Вокругъ нихъ, по каждому доступному склону, на всѣхъ холмахъ и низинахъ, нѣрѣдко на опасныхъ, рѣзко скошенныхъ скатахъ горъ, вспаханы поля пшеницы, проса, ячменя. Зажиточность, приволье, трудолюбіе глядятъ уже здѣсь во всемъ. Овцы здѣсь особой горской

породы, блѣдножелтаго цвѣта, часто съ каштановыми ушами, маленькія, шелковистыя до-нелъзи. Козы еще болѣе мягки и вѣжны шерстью. Неудивительно, что горская женщина умѣетъ приготовить изъ этого овечьяго шедка свои дорогія, тонкія ткани.

Серебряная нить Арагвы постоянно провожаетъ насъ, внизу долины, постепенно дѣлаясь серъезнѣе.

Маленькія мельницы-колотушки, похожія на каменныя собачьи конуры, безъ оконъ, куда нельзя, кажется, влѣзть иначе, какъ на четверенькахъ, то и дѣло задерживаютъ теченіе рѣки, которая съ шумомъ

Ущелье Гудауръ, начало р. Арагвы и Св. роща

и пѣною вырывается изъ этого минутнаго заточенія. Такая мельница съ своимъ стоячимъ валомъ и крошечнымъ жерновомъ въ состояннн смолотъ за цѣлый день всего какія-нибудь четыре, пять мѣръ зерна; но для скуднаго хозяйства горца и для скромнаго аппетита его годенъ даже такой полунрущечный заводъ.

* * *

Все людиѣ и людиѣ дѣлается дорога. Непрерывною нитью, какъ наши великорусскіе обозы по старымъ почтовымъ дорогамъ, тянутся изъ Тифлиса въ Владикавказъ и изъ Россіи въ Тифлисъ нагруженныя двухколесныя арбы на быкахъ и буйволахъ, верховыя и пѣшія толпы. Часто на одной маленькой лошади видишь двухъ всадниковъ, мужчнну

съ женщиною или ребенкомъ. Осетины и грузины Военно-грузинской дороги живутъ извозомъ гораздо болѣе, чѣмъ скудною пивово. Ихъ не обвинешь ни днемъ, ни ночью, на всемъ пространствѣ этой дороги, и въ опасныхъ мѣстахъ Дарьяла или Земомета встрѣча съ ихъ неуклюжими повозками бываетъ иногда очень непрятна и неудобна; хотя они всегда дадутъ вамъ безопасную сторону дороги, а сами съ невозмутимымъ хладнокровіемъ ссунутъ

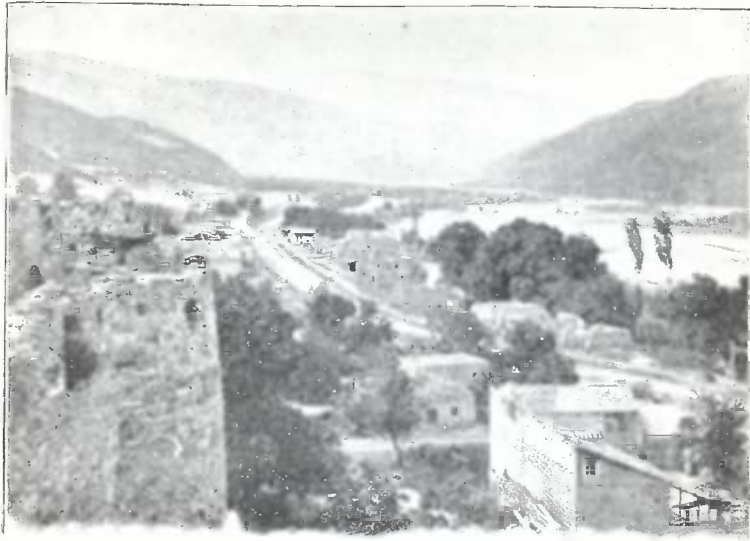

Чаргальскій духашъ между Анануромъ и Пассанауромъ.

свою арбу едва не въ пропасть. Болѣе всего возить они хлѣбъ, дрова и вино. Я въ первый разъ видѣлъ здѣсь бурдюки. Кажется, цѣлыя туши буйволовъ лежатъ попарно на громадныхъ дрогахъ арбы и трещутъ отъ сотрясенія колесъ, слозно живыя; это бьется въ нихъ вино, ихъ новая кровь. Есть бурдюки гораздо меньше, изъ кабановъ; есть очень маленькіе, изъ козъ и даже козлятъ.

Они вымазаны внутри по мездрѣ нефтью, и запахъ этой нефти, вмѣстѣ съ жиромъ мездры, всегда немного сопутствуетъ бурдючному вину. Это серьезное неудобство бурдюковъ, незамѣчасное, впрочемъ, туземцами, за то бурдюки гораздо лучше сохраняютъ вино въ жаркое время, не трескаются, не даютъ утечки и усушки. Сверхъ того, по мѣрѣ опорожненія, бурдюкъ можетъ перетягиваться, не оставляя пустоты для воздуха. Бурдюкъ незамѣнимъ также при перевозкѣ вина выюкомъ черезъ горы. Наливлиютъ вино изъ бурдюка, развязывая одну изъ лапокъ его. Однако, хорошія кахетинскія вина, идущія въ Россію, какъ, напримѣръ, циннонадльское и мухранское, уже вовсе не знаютъ бурдюка, во избѣжаніе его запаха и его жира.

Какъ-разъ у станціи Анануръ замѣчательный древній монастырь, играющій роль въ исторіи Грузии; сюда нерѣдко укрывались въ опасныя минуты грузинскіе цари, какъ, напримѣръ, злополучный Ираклій. Съ задняго крыльца станціи можно отлично срисовать соборъ и старыя башни монастырской крѣпости. Соборъ типической національной архитектуры, восьмиугольный, съ восьмиугольною же пирамидальною крышею, съ очень высокими и очень узкими щелями оконъ, прино-

Общій видъ мѣстечка Анаура.

ровненныхъ къ осадѣ, съ низенькимъ, мало замѣтнымъ крестомъ на верху, такъ рѣзко отличающимся отъ высоко приподнятыхъ, смѣло сверкающихъ крестовъ нашей православной родины. Въ этомъ ускореніи размѣровъ креста, конечно, сказалась историческая необходимость, постоянная неувѣренность грузинъ въ своемъ правѣ христіанской молитвы, постоянная потребность прятать и принижать все свое среди облежавшаго ихъ кругомъ и неутомимо тѣснившаго ихъ мусульманства. Строго-крестообразное зданіе храма и высѣченные на наружныхъ стѣнахъ огромные кресты, деревья, змиц, грызущіе свой хвостъ, львы на цѣпяхъ и другія христіанскія и нехристіанскія эмблемы составляютъ также обычное условіе стараго грузинскаго храма.

Ананурская крѣпость занимаетъ вершину скалы, поднимающейся посрединѣ тѣснаго ущелья. Она издревле служила Грузіи ключомъ, запиравшимъ съ юга входъ и выходъ горнаго перевала, откуда обыкновенно спускались въ равнины Грузіи не только хищные горцы Кавказа,

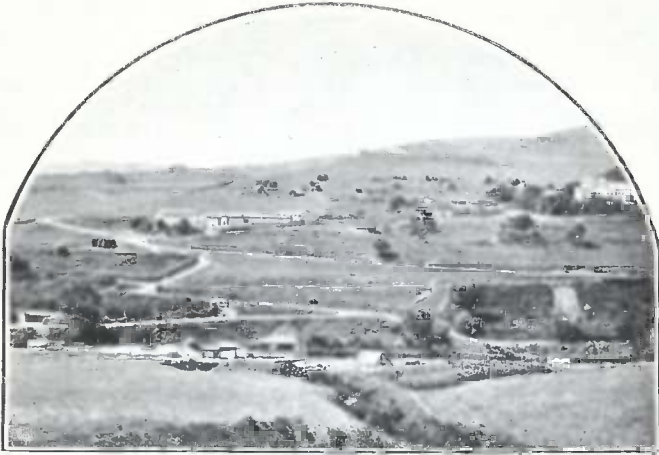

Общій видъ церкви Анаура, построенной въ V столѣтїи.

но и степные кочевники донскихъ, кубанскихъ и кумскихъ степей, пробивавшіеся черезъ Дарьяль. Анануръ былъ въ этомъ смыслѣ передовымъ редутомъ Мцхета.

Оттого правители, или эриставы Арагвы, пребывавшіе въ Ананурѣ, всегда считались одними изъ важнѣйшихъ феодаловъ Грузинскаго царства. Отъ этого титула эристава произошла столь распространенная въ Грузіи фамилія князей Эристовыхъ. Эриставы Арагвы построили въ ананурской крѣпости, въ XVII-мъ столѣтїи, эти два прекрасные храма, въ которыхъ еще хранятся гробницы нѣкоторыхъ изъ эриставовъ, покрытыя грузинскими надписями. Во время постоянныхъ усобицъ сосѣднихъ эриставовъ, Ксана и Арагвы, послѣднихъ слабые царяхъ Грузіи, лезгины, приглашенные ксанскимъ эриставомъ, въ 1737 году, послѣ жестокаго боя съ эриставомъ Арагвы, Бардзигомъ, взяли приступомъ Анануръ и разграбили его храмы, оставивъ цѣлыми только стѣны. По обычаю мусульманъ, они выкололи кинжалами глаза всѣмъ святымъ, нарисованнымъ на стѣнахъ, что можно видѣть, впрочемъ, далеко не въ однихъ ананурскихъ храмахъ, а вездѣ, куда только проникалъ мечъ Мохамеда, какъ убѣдился я потомъ при посѣщенїи древнихъ христіанскихъ святынь Закавказья.

Воинственный Анануръ недаромъ назывался въ прежнее время, подъ владычествомъ персовъ, «крѣпостью черныхъ щитовъ» (Каракалканкале). Дикіе пшавы, тушины и хевсурь, жившіе въ верхнихъ ущельяхъ Арагвы и по сосѣдству ея, сохранившіе до сихъ поръ въ

Станція Душетъ и Бѣлый замокъ Идилева.

своемъ вооруженіи стальные круглые щиты и весь вообще картинный боевой доспѣхъ средневѣковаго рыцаря, отъ шлема съ затыльникомъ и кольчуги до расписныхъ налокотниковъ, бердышей и перьяниковъ, былъ обыкновенно главными защитниками Ананура противъ невѣрныхъ.

Эти горскіе христіане, болѣе дикіе, чѣмъ самыя дебрины, даже болѣе храбрыя и болѣе ловкіе, чѣмъ они, питаютъ не примиримую, вѣковую ненависть ко всѣмъ мусульманскимъ горцамъ, когда-то такъ

Станція Анавуръ.

же бывшимъ христіанами, но потомъ отступившимъ отъ вѣры отцовъ. Тушины, пшавы и хевсурь, напротивъ, преисполнены непоколе-

Общій видъ города Душета.

бимой привязанности къ религии предковъ, хотя и въ самомъ безобразномъ, почти языческомъ искаженіи ея. На латахъ ихъ, мечехъ и щитахъ еще до сихъ поръ попадаются красные кресты крестоносцевъ и итальянскія надписи, которые мнѣ лично удалось видѣть. Исторія не разъясняетъ, однако, этого загадочнаго обстоятельства. Просто ли оружіе это было продано когда-то генуэзскими и венеціанскими колонистами, обитавшими нѣсколько столѣтій на кавказскомъ берегу Чернаго моря и производившими дѣятельную торговлю съ горами, или же это дѣйствительно затерянное воспоминаніе о какой-нибудь партіи авантюристовъ-крестоносцевъ, отбившейся отъ своихъ и утвердившейся въ горахъ Кавказа на защиту креста отъ полумѣсяца. Преданія подобнаго рода существуютъ во многихъ племенахъ и мѣстностяхъ Кавказа, но распутать истину едва-ли когда-нибудь удастся...

Отъ Анапура до Душета стелется прелестная страна большихъ

Дорога между Душетомъ и Авануромъ.

холмовъ, то лѣсистыхъ, то населенныхъ и, сравнительно, хорошо обработанныхъ, напоминающая предгоряя Крыма и Южной Германіи. На домахъ уже являются соломенные и другія крутыя крыши, вмѣсто плоскихъ кровель аула; грецкій орѣхъ, вишняя ягода, шелковица на каждомъ шагу пріосвѣняютъ дорогу; золотыя поля густой пшеницы и ячменя, сѣнокосы, покрытые цвѣтущими кустами бѣлаго шиповника и коврами краснаго мака, очаровательныя хуторки и деревни по холмамъ, яркія птицы среди деревьевъ—все говоритъ глазу, что грозная дичь окончилась, что вы вѣзжаете въ страну обилія и спокойствія. Старый городокъ Душетъ остается нѣсколько въ сторонѣ отъ станціи и хорошо виденъ оттуда съ своими чистенькими камешными домиками и своею старою сторожевою башнею.

Баня близъ Душета, въ имѣніи Чилиева, замѣчательность сво-

его рода. Это уже не четырехугольная и не суженная сверху башня, какъ большая часть башенъ въ горахъ. Башни грузинскихъ равнинъ почти всегда круглыя, строго цилиндрическія. Такова же и душетская. Въ ней четыре этажа, считая верхній, открытый, со сводами, нишами, лѣстницами, со входомъ на половинѣ высоты, такъ что въ нее можно вѣзть только съ крыши сосѣднихъ строеній.

Сейчасъ видно, что башня была обитаема постоянно, а не только во время осады. Въ ней и камины, и штукатуренныя стѣны, въ одномъ этажѣ раскрашенныя краснымъ, зеленымъ, синимъ и желтымъ дубомъ, а надъ одною дверью высѣченъ большой крестъ.

Глядя на правильную кладку этой башни, на ея крѣпкіе своды и стройныя архитектурныя линіи, я невольно вспомнилъ древнія римскія башни, которыхъ я много видѣлъ въ долинѣ Роны, на берегахъ Женевскаго озера и въ разныхъ мѣстахъ южной Франціи. Ничего нѣтъ мудренаго, что какой-нибудь Помпей, построившій каменный мостъ черезъ Куру во Мцхетѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Душетомъ, выстроилъ нѣсколько башенъ у подошвы Кавказскихъ горъ.

Около Душета, съ одной стороны сверкаетъ озеро, довольно рѣзко въ этихъ мѣстахъ, съ другой—высится, въ видѣ крѣпости, съ зубцами, замокъ одного изъ богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, Чилиева. Вообще, помѣстья попадаются все чаще, духаны встрѣчаются на каждомъ шагу, и вездѣ около нихъ праздная толпа. Духанъ—это характерное грузинское учрежденіе: это разомъ и кабакъ, и лавка, и постоялый дворъ; длинный, очень низкій домикъ, съ открытою галлереей на столбикахъ по переднему фасаду, чаще всего съ плоскою земляною крышею, на которой всякая всячина,—вогъ наружный видъ духана. Войдите подъ навѣсъ, гдѣ валяются пустые боченки и бурдюки: передъ вами дверь посрединѣ и широкое окно, обвѣшанное товаромъ, въ которомъ сидитъ, поджавъ ноги, хозяинъ. Тутъ все: вино и водка, соленый мѣстный сыръ и прѣсный мѣстный хлѣбъ, копченый балыкъ, безъ котораго не обходится ни одинъ духанъ, и сырая баранина, стеариновыя свѣчи, папиросы, мыло, фарфоровая посуда. Войдите въ темную, безъ оконъ, всегда прохладную комнату, гдѣ на деревянныхъ тахтахъ постоянно найдете много народа и можете заказать себѣ изжарить шапльикъ или сварить жидкій кулешъ изъ пшена на очагѣ, который тутъ же, посреди комнаты, даже безъ всякаго отверстія наверху для дыма. Только желѣзный крюкъ виситъ на цѣпи для котелка. Такова вообще внутренность всякой здѣшней сакли; ни горцы, ни грузины не стѣсняются дымомъ разведеннаго огня, вокругъ котораго можно погрѣться въ дождь и холодъ и отъ котораго можно безъ труда отодвинуться въ жаркое время.

Мцхетъ, селеніе.

XI.

Древній Мцхетъ.

НИЖЕ Душета начинается область винограда, хотя несомнѣнно, что она могла бы быть и гораздо выше; но плодовыхъ садовъ еще не видно. Направо отъ дороги, переваливъ черезъ небольшой гребень, попадешь въ долину Мухрана, знаменитый центръ картлинскаго винодѣлія, вино котораго, въ послѣднее время, качествомъ своимъ едва-ли не превзошло прославленные вина Кахетин, цинцандальское и другія. Дорога роскошно окаймляется розами, хмѣлемъ, ежевикой и всякими яркими цвѣтами и кудрявою растительностью; пшеница валится отъ густоты и дождей, вся также испещренная цвѣтами.

Мы уже почти совсѣмъ спустились къ берегамъ Куры и теперь въѣзжаемъ въ широкую великолѣпную котловину, обставленную дѣлою

Городъ Мухетъ. Слияніе Куры съ Арагвой.

панорамую горъ и холмовъ, увѣчанннхъ развалинами замковъ и древнихъ крѣпостей Наозы, Нациквари и другихъ. Арагва уже нѣсколько отошла отъ насъ влѣво, чтобъ броситься въ Куру; намъ видно теперь ущелье Мухета, прорѣзанное, какъ ворота, мощнымъ русломъ Куры.

Древній храмъ Степанъ-Цминда вырѣзается съ поразительною величественностью на высокихъ, обрывистыхъ скалахъ того берега Арагвы, откуда онъ виденъ за много верстъ, и въ золотистомъ туманѣ заката, на фонѣ сухого, горячаго неба, напоминаетъ мнѣ какую-то давно забытую библейскую святыню Палестины. Самъ Мухетъ, эта многострадальная столица древней Грузіи, на правой сторонѣ Куры, при самомъ впаденіи Арагвы. Его крѣпость, хотя полуразрушенная, по-старому преграждаетъ узкую тѣснину, по которой идетъ дорога изъ горъ и въ горы. Два древніе храма, какъ два брата, похожіе на храмъ ана-

нурскій, на сіонскій храмъ Тифлиса, на гелатскій, кутаискій и многіе другіе, видѣнные мною потомъ историческіе храмы Грузіи, составляютъ почти единственное украшеніе и единственную достопримѣчательность теперь крошечнаго городка, тѣсно сбившаго въ кучу свои плоскокрышія сакли, ничѣмъ не напоминающія современнаго города, надъ бурями, какъ смола густыми, волнами быстронесущейся Куры. Одинъ храмъ,

Общій видъ города Мцхета.
Съ фотографіи.

поновѣ видомъ, это Свети-Цхвели, такая-же религіозная и историческая святыня грузинъ, какъ для насъ русскихъ какой-нибудь Успенскій соборъ въ Москвѣ; только сравнительно съ древностью мцхетскаго храма, какъ и вообще всѣхъ реликвій Кавказа, древность нашего Успенскаго собора, построеннаго Аристотелемъ Фіоравенти въ XV-мъ столѣтїи, должна показаться младенческимъ возрастомъ. Разница ихъ лѣтъ — ни болѣе, ни менѣе какъ одинадцать столѣтїй. Это была первая церковь Грузіи. Ее построилъ еще царь Миріанъ, обращенный въ христіанство

Праздникъ въ Мцхетѣ.
Рис. князя Г. Г. Гагарина.

святою Ниною, въ началѣ четвертаго вѣка. Но послѣ разгрома Грузіи Тамерланомъ, оба мцхетскіе собора и, вообще, весь Мцхетъ обращены были въ груды камней, какъ передаетъ грузинская летопись, вслѣдствіе чего грузинскій царь Александръ, въ началѣ XV-го вѣка, вновь выстроилъ оба собора по старому плану. Въ настоящій же своей видъ мцхетскій соборъ приведенъ уже въ XVIII-мъ столѣтіи, при извѣстномъ царѣ-историкѣ, Вахтангѣ V-мъ.

Почти той-же участи подвергся и другой храмъ Мцхета, болѣе древній на видъ, находящійся всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ главнаго храма, въ женскомъ монастырѣ Самтавро, и построенный немного спустя послѣ храма Миріана, преемникомъ его Мирдатомъ. Оба храма, какъ я уже сказалъ, типичной грузинской архитектуры, которая повторяетъ себя съ поразительною настойчивостью въ грузинскихъ и даже армянскихъ церковныхъ постройкахъ самыхъ различныхъ вѣковъ, отъ четвертаго вѣка до нашихъ дней, во всѣхъ углахъ бывшихъ грузинскихъ владѣній, отъ Чернаго моря до Каспійскаго.

Это восьми-угольная башня изящныхъ размѣровъ, издали кажущаяся почти круглою, съ пирамидальною восьми-угольною же крышею,

съ очень длинными и очень узкими окнами по всѣмъ восьми фасамамъ башни, съ четырьмя низкими придѣлами, въ формѣ креста, изъ которыхъ паперть нѣсколько длиннѣе остальныхъ. Внутри высокіе своды благороднаго стиля, арки, ниши.

Снаружи, огромные тесаные камни зеленого порфира, изъ которыхъ сложены соборы, украшены рѣзбою, карнизами и различными фигурами.

Много древнихъ и новѣйшихъ царей похоронено въ главномъ

мхетскомъ со-

борѣ. Тутъ и

прославленный

Вахангъ-Гур-

гасланъ, и Да-

видъ, сынъ Ла-

хи, и Дмитрій-

Тавдадебули, и

Симонъ, и Ге-

оргій, и много

другихъ. По

обѣмъ сторо-

намъ иконоста-

са мраморныя

гробницы Ира-

кля и Георгія,

послѣднихъ

царей грузин-

скихъ, воздвиг-

нутыя по по-

велѣнію импе-

ратора Александра I-го на мѣстѣ прежнихъ кирпичныхъ возвышеній.

Остальныя гробницы — просто плиты, вѣланныя въ полъ, съ полу-

стертыми надписями. Католикосы Грузіи тоже почиваютъ во мхет-

скомъ соборѣ.

Главная религіозная достопримѣчательность этого собора, дѣла-

ющая изъ него такъ долго центральную святыню цѣлой Грузіи, — это

часовня съ каменнымъ столомъ, на которомъ въ прежнее время хре-

нилъя нещвенный хитонъ Спасителя. Часовня эта покрыта древними

надписями, греческими и грузинскими, очень интересующими архео-

логовъ. Въ храмѣ Самтавро, который немного мен.ше главнаго собора,

также указываютъ во дворѣ разваливающуюся маленькую часовенку самой

Мхетъ. Древній храмъ-соборъ.

Древняя икона въ Мцхетскомъ соборѣ.

грубой каменной кладки, будто-бы построенную еще св. Ниною, пророческой Грүзїи, а недалеко отъ нея развалины дворца Вахтанга-Гургаслана.

Больше нечего смотрѣть въ самомъ Мцхетѣ, кромѣ развѣ замѣчательныхъ гробницъ, открытыхъ недалеко отъ самтаврскаго монастыря, при проложенїи новаго шоссе въ Тифлисъ. Четыре плиты, вырубленныя изъ песчаника, сложены въ четырехугольный продолговатый гробъ, безъ дна, глубоко вдавленный въ гравїи скалы и покрытый сверху такою-же огромною пятою плитою. Гробы эти находятся иногда на значительной глубинѣ въ толщѣ скалы, и послѣ обнаженїя этихъ скалъ ихъ отверстїя и торцы плитъ хорошо видны съ шоссе. Эти гробницы открыты были во множествѣ по дорогѣ въ Тифлисъ, на Дигамскомъ полѣ, а также ниже Мцхета, и описаны г. Байерномъ. Но я видѣлъ въсплывшїи совершенно подобныя же гробницы въ Кахетїи, у самаго подножїя хребта, на мѣстѣ древней, давно уже несуществующей столицы Кахетїи, Гречи, развалины котораго до сихъ поръ занимають многія версты и имя котораго сохранилось въ названїи

деревни Гречи, близъ Телава и Енисели. Кажется, эти послѣднія гробницы еще неизвѣстны никому и потому необсѣдованы вовсе.

Въ самтаврскихъ гробницахъ находили скелеты въ полулежащемъ положеніи, маленькіе стеклянные кувшинчики, въ родѣ слезницъ, обложки большихъ стеклянныхъ кувшиновъ, пепель, уголь и проч.; нашли даже металлическое зеркало. Особенно интересенъ тотъ типъ гробницъ, гдѣ есть маленькое отверстіе въ верхней плитѣ, заложное камешкомъ, и гдѣ вмѣстѣ съ человѣческими находятъ кости кошки, ежа, рыбы и другихъ животныхъ, указывающія на большую своеобразность похороннаго обряда. Замѣчательно, что мѣстные грузины называютъ самтаврскія могилы еврейскимъ словомъ «акелдама» («земля крови», въ переносномъ значеніи — склепъ); однако, предположенія нѣкоторыхъ археологовъ о еврейскомъ происхожденіи этихъ могилъ находятъ существенное возраженіе въ томъ обстоятельстве, что, по сообщенію протоіерея михетскаго собора, Андрея Гургенидзе, у нынѣшнихъ осетинъ покойники погребаются въ подобныхъ же гробницахъ, въ которыхъ наверху также оставляется маленькое отверстіе, закладываемое камнемъ.

Въ первый праздникъ Вознесенія послѣ похоронъ могила разрывается, камень снимается, и въ отверстіе гроба вкладываютъ баранье сердце и, если возможно, жи-

Влахернская икона Божіей Матери надъ входомъ въ михетскій храмъ.

вую рыбу, например, форель. Потом гробница закрывается уже навсегда. Къ тому-же, осетины, по увѣренію отца Гургенидзе, кладутъ своихъ покойниковъ также въ полудекачѣмъ положеніи и снабжаютъ ихъ кувшинами вина, араки (самодѣльной водки) или пива, подававшихся на похоронахъ, трубочкою и зеркальцемъ.

Животворящій столбъ и иконостасъ въ Михетскомъ соборѣ.

Такъ какъ осетины, или оссы, по историческимъ свѣдѣніямъ, издавна жили не только на сѣверномъ, но и на южномъ склонѣ Кавказа, куда они переехали еще въ 215 году до Рождества Христова, то осетинское происхождение самтаврскихъ гробницъ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

* * *

Самъ Мцхетъ гораздо старѣе своихъ древнихъ святынь. Его основаніе приписывается грузинскою хроникою едва не Картли или Картлосу, легендарному родоначальнику всего картвельскаго племени, обнимающаго собою

грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, мингрельцевъ и проч. Картли считается первымъ «мамасахли», т. е. царемъ Грузіи («мамасахли» значитъ по-грузински «отецъ народа»). Гора Армази около Мцхета долго называлась по имени Картли, выкопавшаго въ ней пещеры. Мцхетъ считается сыномъ и пресмыкомъ Картли, почему и городъ, основанный имъ около горы Картли, у слиянія Куры съ Арагвою, сталъ называться Мцхетомъ, и уже съ тѣхъ поръ до историческихъ

Мцхетъ. Самтаврская церковь, гдѣ спасалась Св. Нина.

время служилъ столицею Грузіи. Онъ видѣлъ и нашествіе скиѳовъ на Азію, и походы Кира; въ немъ правили воеводы Александра Македонскаго.

Фарнабадъ, изгнавшій македонцевъ, воздвигалъ капища и идоловъ на горахъ, окружающихъ Мцхетъ. Такъ, на горѣ Картли онъ воздвигъ идоловъ Ормузда или Армази, почему гора и приняла съ тѣхъ поръ это имя, а на высокой вершинѣ Задени, на лѣвой сторонѣ Арагвы, гдѣ теперь торжественно высится прямо противъ Мцхета храмъ Стефанъ-Цминда, поставилъ другого огромнаго идола.

Эту Армази знали даже Плиній, называвшій столицу Иберіи *Harbastis*, и Страбонъ, который описывалъ Армозику на берегу Кируса (Куры).

Вмѣсто всѣхъ этихъ идоловъ, впоследствии возникли на горахъ, окружающихъ Мцхетъ, замки и храмы. Знаменитый храмъ Стефанъ-Цминда называется также монастыремъ св. Креста, «Джварись-Монастыри». Очевидно, что, вмѣсто языческаго бога, здѣсь прежде всего былъ воздвигнутъ просвѣтителями Грузіи христіанскій крестъ, такъ-же высоко и далеко господствовавшій надъ окрестностью, какъ древній истуканъ...

Дѣйствительно, рѣдкій храмъ производитъ такое поражающее

впечатлѣніе торжества и господства, какое производитъ этотъ «Монастырь Креста», высоко поднятый надъ двумя долинами при самомъ слияніи двухъ рѣкъ, составлявшихъ издревле природныя дороги для движенія племенъ, для теченія историческихъ событій.

Старая легенда увѣряетъ, будто когда-то монастырь Креста былъ соединенъ черезъ Арагу железною цѣпью съ мцхетскимъ соборомъ и что святые обоихъ храмовъ посѣщали другъ друга по этой цѣпи.

Такую же точно легенду слышалъ я потомъ въ Кутаисѣ о томъ,

Мцхетъ. Станція и мостъ.

что гелатскій монастырь, находящійся верстахъ въ десяти отъ города, былъ соединенъ когда-то цѣпью съ храмомъ Давида и что по знаку этой цѣпи въ обоихъ храмахъ одновременно начиналось божественное служеніе.

Мцхетъ пересталъ быть столицей Грузіи только послѣ Вахтанга-Гурга-

слана, жившаго въ концѣ V-го вѣка, который, хотя и украсилъ Мцхетъ прекрасными зданіями и поселилъ въ немъ католикаса Грузіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ основателемъ Тифлиса, куда свинъ его перенесъ навсегда свою резиденцію. Съ тѣхъ поръ Мцхетъ оставался только религіознымъ центромъ Грузіи. Причиною такой судьбы Мцхета, по всей вѣроятности, было слишкомъ близкое сосѣдство его съ горами, гдѣ въ это время грузинскимъ царямъ приходилось, какъ мы уже, видѣли, вести жестокия войны съ оссами, или аланами, владѣвшими Дарьяломъ и постоянно набѣгавшими съ своихъ бесплодныхъ горъ на плодородныя долины Картлинніи.

Мцхетъ и Горы были своего рода пограничными редутами Грузіи,

и потому они были всегда въ войнѣ и въ осадѣ. Это условіе, конечно, заставляло грузинскихъ царей подумать о болѣе спокойной резиденціи.

Грузинская лѣтопись, переведенная академикомъ Броссе, подробно рассказываетъ подвиги самого царя Вахтанга, который всю свою жизнь воевалъ съ оссами и хозарами, то защищая отъ нихъ Грузію, то, въ наказаніе ихъ за набѣги, вторгаясь въ ихъ горныя ущелья. По увѣренію лѣтописи, онъ лично убилъ на единоборствѣ хозарскаго бойца Тархана и предводителя оссовъ—легендарнаго Осса-Богатара, хотя Осьсъ-Богатаръ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, жилъ не въ V-мъ, а въ XIII-мъ столѣтіи, и хотя осетины, съ своей стороны, рассказываютъ, что ихъ пресловутый Осьсъ-Богатаръ былъ убитъ не на единоборствѣ, а что его коварно заманили въ Мцхетъ и тамъ умертвили постыднымъ образомъ.

Впрочемъ, для осетинъ Осьсъ-Богатаръ—то-же, что Тамара для грузинъ. У нихъ всякое важное событіе, всякая замѣчательная постройка, всякая популярная сказка непременно связывается съ именемъ Осса-Богатара, какъ вся Грузія и даже всѣ Кавказскія горы наполнены постройками Тамары и сказаніями о Тамарѣ.

~~~~~

XII.

Кура и Гори.

ПУСТЫНЕНЪ и неотраденъ видъ равнины Куры въ ближайшихъ окрестностяхъ Мцхета. Бесплодная, глинистая почва хотя еще зеленѣетъ теперь травою отъ необычныхъ дождей, но обыкновенно выгораетъ лѣтомъ до - тля и обращается въ какой-то бурый войлокъ.

Колочій курай да колочес исковерканное на всѣ лады держидерево заполняютъ собою мелкую поросль давно истребленныхъ лѣсовъ. Лысые, голые холмы торчатъ изъ этой тощей земли, давая кое-гдѣ приютъ рѣдкимъ грузинскимъ поселкамъ. Обыкновенно, это кучка низенькихъ, прилежшихъ къ землѣ саклей, чуть выдѣляющихся своимъ глинистымъ цвѣтомъ отъ общаго фона глины и камней. Но среди этой кучки жалкихъ норъ—непремѣнно старая круглая башня съ бойницами, хотя уже тутъ не горы, а равнина.

Горы ваали синѣютъ и справа отъ главнаго хребта, и слѣва отъ Ахалдыха и Малаго Кавказа. Сосѣдство горъ поневолѣ обращало въ крѣпости даже селенія равнины. Садовъ, виноградниковъ слѣда нѣтъ;

даже распаханной земли очень мало. Тутъ все почти сплошное пастбище, и по равнинѣ, и по предгорьямъ. Это Карталиня. Карталинецъ, можетъ-быть, самый чистый типъ грузина, потому что страна его—ядро Грузи. Въ Карталини и древняя столица Грузи, Мцхетъ, и новая столица ея, Тифлисъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, карталинецъ самый несимпатичный и самый неспособный человекъ изъ всѣхъ племенъ Грузи. Онъ неуклюжъ и неразвязенъ сравнительно съ имеретиномъ и

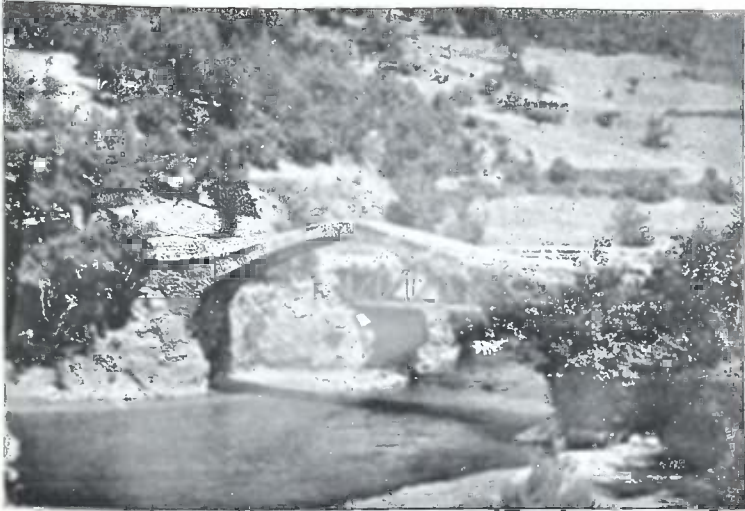
Гори. Паромъ черезъ р. Куру.

особенно гурйцемъ; не-предпримчивъ, молчаливъ, лѣнивъ, туповатъ. Имеретинъ рядомъ съ нимъ—все равно, что плутоватый москвичъ или бойкій ярославецъ рядомъ съ увальнемъ-хохломо изъ какого-нибудь Пирятиня.

Карталинецъ кажется гораздо бѣднѣе и жалче всѣхъ своихъ западныхъ собратій. Домъ его—почти голая нора изъ камней; садовъ у него нѣтъ; нарядъ грубъ и оборванъ. Лохматая шапка, сѣрая, толстая чер-

кеска верблюжьяго сукна или заплятанный полушубокъ, на ногахъ грубые буйволовыя поршни; никакого щегольства, никакой яркости, блеска и пестроты. Таковъ карталинецъ деревни. Посмотрите на имеретина, особенно на мингрельца: тамъ все другое. Тамъ и сверкающіе серебромъ пояса, и патроны, и статные, яркіе бешметы съ позументами, кокетливныя шапочки, тонкое цвѣтное сукно.

И домъ у имеретина большой, красивый; хозяйство—полная чаша, сады, виноградъ, огороды всякіе. А мѣстные жители увѣряютъ, что у тароватаго и хвастливаго имеретина, любящаго пожить на-распашку, никогда не бываетъ въ кошнѣ столько денегъ, сколько у скупого и молчаливаго карталинца, и никогда онъ не продастъ своихъ черешенъ или кукурузы даже наполовину того, сколько выручитъ грязный карталинскій пастухъ за своихъ быковъ, овецъ или буйволовъ. Конечно, самая исторія карталинца, вынужденнаго постоянно прятаться въ башни и пещеры, защищавшаго свою жизнь и имущество отъ безпрестанныхъ набѣговъ горскихъ хищниковъ и азиатскихъ мусульманъ, помогла выра-

Мостъ черезъ рѣку Аджару въ Дондоло.

боткѣ его народнаго характера. Не до внѣшняго блеска, не до показности и болтовни было ему въ его положеніи вѣчно осажденнаго. Къ тому же и долгое тѣсное общеніе его съ мохамеданиномъ Азіи, то арабомъ, то персіаниномъ, то туркомъ, невольно положило на него клеймо общей мусульманской явни и сосредоточенности.

Имеретія и Мингрелія были болѣе удалены отъ давленія мусульманства и гораздо рѣже подвергались нападеніямъ горцевъ. Онѣ не были также на большомъ пути тѣхъ беспокойныхъ и разрушительныхъ ордъ, которыя двигались въ теченіе исторіи изъ Азіи въ Европу, изъ Европы въ Азію, и никогда не миновали Карталинія.

Башни не только на холмахъ среди деревушекъ, но все чаще попадаются на крутыхъ лерегахъ Куры и Ксаны, при большихъ излучинахъ, при тѣснинахъ, гдѣ имъ удобно было въ старое время остана вливать движеніе торговыхъ судовъ и брать съ нихъ свои феодальныя пошлины. Очень вѣроятно, что башни эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили когда-то вооруженными «тет-де-понами» большихъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Куру.

Еще древние персы и римляне устраивали мосты через эту рѣку во время своихъ кавказскихъ походовъ для обезпеченія постоянныхъ сообщеній съ своимъ тыломъ.

Самое имя рѣкъ было дано въ честь Кира, знаменитаго царя персидскаго. Киръ или Кура была во все дни исторіи и осталась до сихъ поръ чрезвычайно важнымъ стратегическимъ и торговымъ путемъ Закавказья. Хотя, въ настоящее время, Кура почти на всемъ пространствѣ своемъ замѣняется поти-тифлисскою, а скоро будетъ замѣнена еще тифлисско-бакинскою желѣзною дорогою, однако мѣстная торговля, особенно безхитростная торговля сырьемъ окрестныхъ крестьянъ, продолжаетъ попрежнему пользоваться ея даровымъ двигателемъ. Больше всего по ней сплавляются плоты громадныхъ деревьевъ, цѣльныхъ и пиленыхъ, съ Сурамскаго хребта. Крестьяне, живущіе на Курѣ и по ея большимъ притокамъ, очень выгодно пользуются рѣкою.

Навстрѣчу нашему желѣзнодорожному поѣзду то и дѣло стремительно проносятся по рѣкѣ, какъ-будто катаясь внизъ съ горки, большіе плоты изъ бревень, на которыхъ рѣдко увидишь болѣе двухъ человѣкъ, иногда бабу съ мужикомъ, иногда даже одного мужика. Тутъ стоятъ обыкновенно нѣсколько коровъ или овецъ, корзины съ фруктами или овощами, мѣшки хлѣба или кучи сѣна, вообще весь незатѣйливый сельскій товаръ, который съ быстротою стрѣлы и безъ всякой платы переносится бурными волнами Куры внизъ по теченію до базаровъ Гори, Мцхета, Тифлиса. Нужно изумляться силѣ и ловкости, съ какою грузины, стоящіе на плотахъ, направляютъ ихъ по руслу рѣки помощью длинныхъ рулей-веселъ, искусно огибая на всемъ ходу мели и камни, безопасно минуя всякія препятствія.

Отъ двойной быстроты, теченія рѣки и нашего поѣзда, въ глазахъ рябитъ, когда смотришь на этихъ смѣльчаковъ, въ одиночку управляющихся съ такою гроздкою и неудобною посудиною и съ такою стремительною рѣкою.

Въ одно мгновеніе они исчезаютъ изъ поля вашего зрѣнія, словно сквозь землю проваливаются, не успѣте вскинуть на нихъ глазъ. Довдуть предприимчивые люди до Тифлиса, продадутъ по хорошей цѣнѣ и самую посудину свою, и все, что пришло на ней, а сами за нѣсколько копѣекъ гернутъ съ полнымъ карманомъ домой по желѣзной дорогѣ.

* * *

За станціей Каспи, гдѣ рѣка болѣе приближается къ горамъ, пейзажъ измѣняется, и начинается мѣстность гораздо болѣе людная и плодородная. Въ долину Куры то и дѣло впадаютъ другія, боковыя долины, и множество селъ съ церквами и садами видѣется по бере-

Гори. Общій видъ города съ крѣпости.

гамъ рѣки. На холмахъ начинаютъ все чаще попадаться бапти. На голыхъ, желтыхъ утесахъ, у впаденія Ксаны, воздымается цѣлый феодаальный замокъ, скучившій вмѣстѣ свои грозныя зубчатыя бойницы.

Множество пещеръ чернѣетъ своими дырками на недоступной высотѣ, недалеко отъ замка. Появились и виноградники, но большею частью плохо содержимые, заросшіе травою. Теперь они почти все скуплены армянами. Мы подъѣжаемъ къ Гори. Послѣдняя деревня передъ Гори, вся потонувшая въ садахъ и осѣненная близко надвинувшимися живописными горами,—Хедиставъ, дающая лучшее мѣстное вино. За 10 коп. вы можете достать въ Гори бутылку легкаго и очень пріятнаго на вкусъ хедиставскаго вина.

Гори—одинъ изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ городовъ Закавказья. Это первый по значенію городъ послѣ Тифлиса во всей губернии и вообще одинъ изъ лучшихъ закавказскихъ городовъ. Взглянувъ на окрестную мѣстность, сейчасъ-же поймешь, почему Гори долженъ былъ получить значеніе въ исторіи Грузіи, поймешь, даже не роясь въ старыхъ лѣтописяхъ, исторію самого Гори. Широкая, низменная долина врывается въ этомъ мѣстѣ съ сѣвера, отъ главнаго хребта, въ долину Куры, прорѣзающую отъ запада на востокъ все Закавказье. Сама долина

Куры выходятъ около Гори изъ ущелья своего рода и расширяется въ картаинскую равнину.

Такимъ образомъ, Гори—ключъ двухъ пересекающихся артерій Закавказья.

Горцы сѣвернаго хребта, имеретинцы запада, картаинцы востока—могли удобно мѣняться товарами на базарахъ Гори. Для горцевъ особенно—это самый естественный, удобный и близкій рынокъ. Они издавна сгоняли сюда своихъ коней и овецъ, приносили свои башмаки и бурки, а отсюда получали хлѣбъ, вино и всякій привозный товаръ.

Понятно, что это самое положеніе дѣлало Гори важною крѣпостью, главнымъ оплотомъ Картаиніи отъ горскихъ набѣговъ и отъ нападенія сосѣднихъ царствъ—Имеретинскаго и Мингрельскаго.

Гори всегда считался одною изъ неприступнѣйшихъ крѣпостей Грузіи, и этому можно повѣрить, глядя на него даже издали, даже теперь. Со станціи желѣзной дороги уже видна на той сторонѣ Куры, на синемъ фонѣ далекаго снѣговаго хребта, живописная столбообразная скала, рѣзко поднимающаяся среди зеленой долины, сплошь увѣчанная зубчатыми стѣнами и башнями достаточно сохранившейся крѣпости. Городъ прильняется съ двухъ сторонъ къ этому акрополису своему, подымаясь на скаты скалы. Его древніе, характерные и многочисленные храмы усиливаютъ впечатлѣніе оригинальности. Переправа производится на паромѣ, потому что мостъ снесло водою. Это очень неудобно, а въ вѣтряную погоду, при быстротѣ Куры, даже опасно, такъ что переправы не бываетъ иногда по нѣсколько дней. Инженеры, строящіе самопадающіе мосты, особенно блаженствуютъ на Кавказѣ, и, говорятъ, опять уже высчитали очень лакомую смѣту на возобновленіе этого кстати проваливагося моста.

Гори окруженъ древними кладбищами, среди которыхъ много усыпальницъ или маленькихъ часовенъ того же типа, какъ первобытныя церкви армянъ и грузинъ, какъ многія еврейскія синагоги. Это домикъ съ крышкою, напоминающій изображеніе Ноева ковчега. Надо думать, что эта форма построекъ принадлежитъ сѣдой древности и укоренилась въ Закавказьѣ дѣйствительно въ связи съ араатскимъ преданіемъ еще съ библейскихъ временъ. Тѣсная связь грузинской и армянской исторіи съ еврейскою, заставляющая нѣкоторыхъ ученыхъ признавать даже еврейское происхожденіе грузинъ, огромная масса евреевъ, жившая въ прежне вѣка въ нынѣшнихъ грузинскихъ и армянскихъ стра-

Гори. Соединеніе рѣки Лихвы съ Курой и впади гора Калбекъ.

нахъ,—все заставляетъ думать, что первоначальную форму своихъ молельныхъ грузинны занимствовали у сарсеевъ.

Во время моихъ кавказскихъ странствованій я встрѣчалъ много подобныхъ храмиковъ въ видѣ ковчега, часто въ недоступной глуши горъ; великіе, знаменитые соборы воздвигались не по этому типу, а въ видѣ описанныхъ уже мною восьми угольныхъ башенъ на крестообразномъ основаніи. Но скромные деревенскіе храмы, церквочки пустынныхъ скитовъ, часовни, устраиваемыя на какихъ-нибудь священныя мѣстахъ или въ память какихъ-нибудь знаменательныхъ событій, болѣею частью строились по этому библейски-простому и библейски-древнему типу, ставшему священнымъ для всѣхъ народностей Закавказья. Яркіе раскрашенные, но покрытыя надписями зеленыя и синія каменные гробницы горійскаго кладбища, очевидно, недавняго происхожденія, тоже очень характерны. Старый Гори, одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ, чуть не доисторическихъ городовъ Грузіи, теперь довольно цивилизованный городъ, въ которомъ въ настоящую минуту вмѣсто зрѣтавовой царицы Тамары стоитъ лагеремъ наша молодецкая артиллерія. Въ немъ и извозчики съ фазтонами, и тротуары, и мостовыя, и фонари, и магазины всякаго рода, гостиницы и телеграфъ, нѣсколько учебныхъ заведеній. Словомъ, дай Богъ имѣть столько удобствъ любому нашему русскому городу, даромъ что это уѣздный городишка въ горахъ азіатской Грузіи. Нужно вообще признаться, что это невыгодное сопоста-

власіе Кавказа и моеи милои родини съ досадною неожиданностію все чаще приходило мнѣ въ голову, чѣмъ больше я узнавалъ эту мало-извѣстную намъ «дикую» кавказскую окраину, притомъ не только ея города, но и ея деревню. Однако, Гори, хотя и есть своего рода историческая реликвія Грузіи, теперь совсѣмъ завоеванъ армянами, такъ-же какъ и метрополія его—Тифлисъ и вообще вся Карталинія. Армяне покупили всѣ сосѣдніе виноградники, армяне захватили въ свои руки всю торговлю и промышленность Гори. Впрочемъ, здѣшніе армяне говорятъ по-грузински, а по-армянски не знаютъ, такъ что ихъ вѣрнѣе назвать грузинами армянскаго исповѣданія.

Эти спокойные и сытые пауки одинаково прочно, настойчиво и обдуманно затягиваютъ свою паутинуою всякое укромное мѣстечко, гдѣ только поселяются они, и ловятъ въ нее съ самымъ безошибочнымъ расчетомъ всѣхъ легкомысленныхъ стрекозъ, всѣхъ лакомыхъ мухъ, не охотниковъ до скромной работы на своемъ мѣстѣ, но охотниковъ полетать, пожурукать, посверкать на солнышкѣ мимолетнымъ золотомъ своихъ крыльышкѣ.

Грузины, дѣйствительно, какъ мухи попадаютъ въ ловушки этихъ мирныхъ хищниковъ. Они безпечально смотрятъ въ будущее и не хотятъ думать о настоящемъ. У каждаго изъ нихъ запасено въ погребѣ нѣсколько кувшиновъ вина и есть нѣсколько мѣшковъ хлѣба, которые они спокойно проѣдаютъ и пропиваютъ въ теченіе зимы, не утруждая себя заботами жизни. А нѣтъ хлѣба, выпито вино,—грузинъ нанимается на поденную работу для того, чтобы вечеромъ проѣсть и пропить то, что заработаетъ днемъ. Всякому свое!

* * *

Въ Гори у меня былъ старый знакомецъ—директоръ закавказской учительской семинаріи, извѣстный нашъ педагогъ Д. Д. Семеновъ, авторъ «Отечественнѣднія» и другихъ распространенныхъ учебниковъ, у котораго я и пріютился. Закавказская учительская семинарія въ Гори еще совсѣмъ юная, открыта менѣе четырехъ лѣтъ назадъ, такъ что она даже не имѣетъ собственнаго дома и помѣщается въ не совсѣмъ удобной квартирѣ. Несмотря на это, энергическій директоръ, уже хорошо искусившійся въ своемъ дѣлѣ на опытѣ устроенной имъ кубанской семинаріи, уже приготовившей для края 200 народныхъ учителей и учительницъ, успѣлъ поставить заведеніе на вполне практическую ногу. Закавказская семинарія, во многихъ отношеніяхъ, непохожа на наши русскія и требуетъ особенно удачныхъ условій отъ своихъ дѣятелей. Здѣсь цѣлая этнографическая коллекція различныхъ народно-

стей: грузины всѣхъ оттѣнковъ, армяне, греки, русскіе, горцы, татары. При семинаріи находится уже не одно русское начальное училище для практики семинаристовъ, какъ въ другихъ заведеніяхъ этого рода, а цѣлыя четыре: грузинское, армянское, мусульманское и русское. Сверхъ того, существуетъ особый приготовительный классъ. Пансіонъ семинаріи изъ первоначальныхъ 25-ти человѣкъ въ эти четыре года разросся до 100 человѣкъ и раздѣляется теперь на два разоб- щенныя отдѣленія: христіанское и татарское.

Всѣ семинаристы изучаютъ обязательно грузинскій, армянскій или какою-нибудь другой мѣстный языкъ по своему выбору, такъ какъ быть учителемъ начальной школы въ Закавказьѣ безъ знанія этихъ языковъ просто невысказуемо.

Черезъ всѣ эти усложненія закавказская учительская семинарія рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ однородныхъ съ нею заведеній, представляя собою столько-же школу для учителей, сколько маленькій институтъ восточныхъ языковъ. Въ ней однихъ учителей 20 человѣкъ, какъ въ любой гимназіи. Для веденія такого труднаго и новаго дѣла нужно много такта не только педагогическаго, но еще, такъ сказать, и политическаго; директору дѣлаетъ честь то обстоятельство, что мѣстное общество сочувственно относится къ семинаріи, что заведеніе, составленное изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, успѣваетъ мирно устроить въ ученикахъ проявленія племенной розни.

Нужно сказать, однако, что этому много содѣйствуетъ и общее просвѣщенное направленіе учебной дѣятельности, давно уже укоренившееся въ Кавказскомъ намѣстничествѣ ближайшими трудами барона

Общій видъ разваливъ храма Сіона.

Николаи, Я. М. Невѣрова, и продолжаемое нынѣшнимъ попечителемъ округа, К. П. Яновскимъ, педагогомъ по профессіи, на-дняхъ еще бывшимъ директоромъ гимназіи, что такъ рѣдко встрѣчается въ Россіи.

Направление это вообще постоянно отличало кавказскую систему народнаго образованія. Еслибъ здѣсь заставляли примѣнять систему грубаго насилия въ пользу одной національности, одной религіи, одного предмета преподаванія, то, конечно, самые добросовѣстные дѣятели не въ состояніи были бы достигнуть тѣхъ мирныхъ и плодотворныхъ результатовъ, которыхъ имъ нѣрѣдко удается теперь достигать, несмотря на исключительно-трудныя условія.

Семинарію я засталъ во всемъ разгарѣ экзаменовъ и успѣлъ только бѣгло ознакомиться съ кружкомъ дѣльныхъ молодыхъ людей, дружно работающихъ вмѣстѣ съ директоромъ надъ этимъ почтеннымъ дѣломъ. Одинъ изъ свободныхъ старшихъ учениковъ, Папиговъ, мѣстный грузинъ, вызвался быть моимъ путеводителемъ по Гори, и мы добросовѣстно обзавились всѣ закоулки съ этимъ обязательнымъ юношей.

Дома въ Гори очень оригинальны, совсѣмъ не наши. Большая часть еще съ плоскими земляными крышами, которыя и съ черепицей, но все-таки на манеръ земляныхъ, въ одну широкую полу, только не лежащую, а покатую. Трубы непомѣрной высоты торчатъ на этихъ плоскихъ кровляхъ низенькихъ домовъ, чтобъ дымъ *бухарь* (т.-е. каминовъ) не проникалъ въ ихъ окна. Крыша всегда гораздо шире дома, такъ что впереди ея еще остается мѣсто для тѣнистой галлерей, часто безъ всякихъ столбиковъ, только съ однимъ навѣсомъ. Если домъ двухъ-этажный, то на крышкѣ навѣса дѣлается балконъ или стеклянная галлерейка. Богатые новые дома, уже въ нѣсколько этажей, штукатуренные, съ арабскою рѣзью и арабскимъ стилемъ колоннъ въ галлерейхъ, вообще, галлерей—первая необходимость грузинскаго дома. Даже внутри двора большіе дома всѣ въ сплошныхъ галлерейхъ въ каждомъ этажѣ. Разукрасить наружную галлерейю—главная дѣль грузинскаго и армянскаго зодчества. Кладка грузинскихъ домовъ тоже замѣчательна. Она встрѣчается одинаково во всей Грузіи, даже въ ея древнихъ крѣпостяхъ и башняхъ.

Круглые голыши одинаковой величины кладутся рядами, какъ огурцы или яйца, другъ подлѣ друга, въ наклонномъ положеніи, одинъ рядъ въ одну сторону, другой рядъ въ другую, словно навстрѣчу первому; черезъ нѣсколько рядовъ они перестилаются, для крѣпости и ровности, плоскими кирпичными плитками: это придаетъ штукатуренной стѣнѣ видъ красиваго рубчатаго узора.

Въ обычныхъ грузинскихъ домахъ средняго состоянія изъ-подъ навѣса вы всегда попадаете въ полутемную переднюю комнату, въ одно и то-же время рабочую, столовую и гостиную. Огромная деревянная тахта съ коврами и подушками, по сосѣдству съ широкимъ устьемъ «бухары», занимаетъ обыкновенно значительную часть комнаты. На этой тахтѣ сосредоточена вся внутренняя жизнь семьи. Тутъ и работаютъ, поджавъ ноги, и обѣдаютъ, и бесѣдуютъ съ гостями, и отдыхаютъ. Обстановка вообще чистая, но скудная и простая. Изъ экономии въ мебели, въ стѣнахъ сдѣлано нѣсколько глубокихъ впадинъ, въ формѣ шапчиковъ, иногда съ полками. Тамъ стоятъ иконы, посуда, разные вещи. Въ глубину непременно идетъ еще одна задняя комната, всегда почти темная, составляющая спальню хозяевъ и ихъ кладовую. Полы всегда въ коврахъ или войлокахъ.

Я съ большимъ любопытствомъ бродилъ по узкимъ переулкамъ этого характернаго грузинскаго города, еще переполненнаго обычаями, нарядами и памятниками средневѣковой старины, несмотря на модные фэтоны и телеграфы главной улицы. Тутъ вся домашняя жизнь наружи, почти на улицѣ.

Старинныя церкви Гори едва-ли имѣютъ себѣ соперниковъ по древности и характерности. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи церковь аконской Богоматери. Ея маленькая, вросшая въ землю колоколенка изъ чернаго замшищагося гранита, съ пирамидальною, тоже каменною крышею, проросшей по швамъ травою, съ дѣлыми зелеными вѣтвями цвѣтовъ и травъ на плоскомъ уступѣ нижняго этажа, съ какою-то глубоко древнею чугунною доскою, исчерченною надписями, заложенною въ стѣну, съ ея ступенями внизъ, словно въ подземелье, можетъ сравниться развѣ съ самою раннею святынею Москвы, тоже ушедшею

Развалины Сіона съ сѣверо-западной стороны.

въ землю, церковью Спаса-на-Бору. Замѣчательнъ также и старый армянскій соборъ — домообразное зданіе съ высокою готическою кровлею и маленькою башенкой надъ входомъ. Рѣзныя колонки этой гранитной башенки съ каменною пирамидальною крышею, подобныя которой часто встрѣчаются въ старой армянской и грузинской архитектурѣ, — чистый снимокъ съ извѣстной башенки на кремлевскихъ стѣнахъ, откуда царь Іоаннъ IV-й смотрѣлъ на Лобное мѣсто. Вставленные въ наружныя стѣны храма большіе изразцы съ рисунками двѣтовъ и прочаго — также хорошо знакомы древней русской архитектурѣ.

Мы отправились къ крѣпости черезъ длинныя и узкіе, змѣей выющіяся «темные ряды», едва прикрытые сверху тесомъ, — типическая принадлежность каждаго древняго грузинскаго города и любимое мѣсто прогулки для празднаго населенія, которому вволю можно тутъ покалякать съ вѣчно досужими лавочниками, неподвижно сидящими среди своего безкитроснаго товара. Тамъ и лезгинъ-оружейникъ въ упрямомъ безмолвіи, не обращая вниманія на прохожихъ, обнаживъ отъ жару свою бритую до-синя голову и засучивъ высоко свои мускулистыя, какъ корни дуба, руки, неспѣшно звенить молоткомъ по острому лезвею клинка. Тамъ всѣ обычныя грузинскія мастерства, тамъ всѣ соблазны армянской торговли. Въ узкихъ переулкахъ, поднимающихся къ скалѣ крѣпости, то и дѣло загораживаютъ путь навьюченные мулы или катеры, съ тремя массивными оригинальными колоколами подъ шейю, попадаютъ навстрѣчу всевозможные типы лицъ и одежда.

Входъ въ крѣпость велъ прежде черезъ трое воротъ, расположенныхъ улиткою на разныхъ высотахъ скалы, и извивался между стѣнъ, чрезвычайно облегчая защиту. Только послѣдніи двойныя ворота сквозъ башню, построенныя въ персидскомъ вкусѣ, удѣляли до сихъ поръ. Крѣпость охватываетъ своею стѣною, съ закругленными зубцами, все плоское темя скалы; еще многія ея башни съ бойницами, съ площадками для защиты, удѣляли вполнѣ; когда мы вѣзвали на зубцы одной и глянули внизъ, подъ нами былъ глубокой обрывъ на рѣку Пшонку, и трубы города казались на днѣ пропасти. Ниже этой верхней стѣны съ башнями замѣтны слѣды стѣнки, опоясывавшей скалу на половинѣ высоты.

Стаи совъ, каменныхъ скворцовъ съ ихъ весенними розовыми крыльшками и хохлатыхъ удоновъ взлетали испуганно съ своихъ пустынныхъ убѣжищъ въ трещинахъ камней, въ амбразурахъ бойницъ, гдѣ такъ рѣдко кто-нибудь беспокоилъ ихъ. Въ углу крѣпости, глядѣщемъ на Куру, въ самой большой и самой сохранившейся изъ башенъ, церковью съ высокими арками, и на остаткахъ ея штукатурки еще

можно разглядѣть характерныя грузинскія наряды, вѣнчики святыхъ, святого Георгія съ копьемъ и другія обрывки фресокъ, осыпавшихся отъ сырости. Въ притворѣ стоитъ нѣсколько старинныхъ каменныхъ гробницъ, и изъ этого-же притвора червѣетъ широкое устье подземнаго хода изъ крѣпости въ городъ, къ водѣ, который, однако, теперь засыпанъ. Слѣды стросней и огромныя пустыя ямы, въ которыхъ грузины сохраняютъ хлѣбъ, замѣтны еще внутри крѣпости. Хорошъ видъ съ вершины этихъ пустынныхъ башенъ на широкія окрестности Гори,

на самый городъ, съ характерною живописностью скупившейся у ногъ этой неприступной скалы. На сѣверѣ утопающія въ синевѣ дали горы снѣгового хребта, на югѣ, за Куррою, вся эта чудная сторона курчавыхъ лѣсныхъ горъ Ахалдыха, увѣнчанныхъ древними ча-

Алтарь внутри храма Сіона.

совнямъ, древними замками. Самый близкій сосѣдъ и всегдашній вѣрный защитникъ Гори въ годы былыхъ войнъ — историческій «Гори Джвари», «Крестъ Гори», сейчасъ-же на томъ берегу Куры, обнесенный высокими стѣнами замокъ съ монастыремъ на пикѣ труднодоступной конусообразной горы.

Къ нему часто поднимаются грузинскіе паломники и бываетъ служба нѣсколько разъ въ годъ. Тамъ постоянно живутъ завѣдывающій имъ церковный староста и двѣ благочестивыя отшельницы-монашенки. Огромный серебряный крестъ съ мощами святого Георгія, перенесенный сюда, какъ говорятъ, еще въ древнія времена изъ Мцхета, составляетъ историческую народную святыню, привлекающую богомольцевъ.

Отъ главнаго Кавказскаго хребта до волнь Куры стелется широкая низменная долина Лиахвы и Пшонки.

За Лиаховъ видны башни замка князей Амилахваровыхъ, древнихъ феодальныхъ владѣтелей этой мѣстности, строителей и покровителей Гори-Джвари. И до сихъ поръ земли Амилахваровыхъ стелются далеко во все стороны. Этими громадными пространствами дворянскихъ земель, столь обычными въ Карталиннѣ и составляющими печальный остатокъ средневѣковаго феодализма, объясняется болѣе всего пустынность и слабая хозяйственная производительность этой страны. «Латифундизмъ», видно, погубилъ не одну Италию. Какъ-только встрѣчаются вамъ обширныя, необитаемыя и невоздѣланныя мѣстности по берегамъ Куры или Юры, запущенныя подлѣ пастбище,—будьте увѣрены, что это владѣнія родовитыхъ грузинскихъ князей, какихъ-нибудь Андрониковыхъ или Амилахваровыхъ. У нихъ нѣтъ силъ обратить эти пустыни въ сады или поля, и они безъ хлопотъ сдаютъ ихъ вънаемъ подлѣ стада, даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Тифлисомъ. Трудолюбивому земледѣльцу и садовнику часто негдѣ хаты поставить, часто не къ чему приложить своихъ рукъ, а старая феодальная аристократія, въ то-же время, не знаетъ, куда дѣваться съ своими десятками тысячъ едва обитаемыхъ десятинъ, часто некупующими даже расходовъ не особенно затѣйливой, привычной княжеской жизни. Трудъ безъ земли, земля безъ капитала и знанія—это такія условія, при которыхъ самый недаловидный человѣкъ пойметъ невозможность процвѣтанія страны.

Рѣка Лиахва страшна своими широкими и продолжительными разливами. Она на нѣсколько мѣсяцевъ прекращаетъ всякое сообщеніе съ другимъ берегомъ. Въ концѣ іюля вся долина была еще наводнена.

Въ древнія времена, говорятъ, заливалась и мѣстность города, такъ что столовая скала, на которой теперь высится крѣпость, была островомъ. Вотъ какъ воспѣваютъ бродячіе горійскіе рапсоды подлѣ плаксивые звуки своихъ «мествири», разукрашенныхъ мѣдными подвѣсками и цвѣтнымъ стеклянусомъ, основаніе этой исторической крѣпости, на поученіе и отраду наивной толпы, готовой до ночи слушать ихъ:

«Вздумалось царицѣ-царей, прекрасной Тамарѣ, вздумалось ей поохотиться на звѣрей лѣсныхъ и птицъ небесныхъ.

«И бѣжалъ олень многорогій навстрѣчу ей стрѣлъ, и не смѣла цапля бороться съ соколомъ ея крѣпкогрудымъ. На берегу Лиахвы, на самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ стоимъ мы теперь, христіане, отдыхала Тамара, любуясь охотою.

«Князья и беки, и паши не щадили рьяныхъ коней и все джи-

готовали, и все гонялись за звѣрми быстроногими, чтобы бросила на нихъ свѣтлый взглядъ Тамара, чтобы похвалила ихъ молодечество.

«И не думала о нихъ царица, не глядѣла на нихъ Тамара; любимый ястребъ улетѣлъ и сѣлъ за рѣкой на крутой горѣ, и не хотѣлъ возвратиться съ добычею къ Тамарѣ.

«Рогомъ серебрянымъ созвали князей, сбѣжались беки, прискакали паши; просить ихъ Тамара переплыть воду, принести ей ястреба.

«Широко разлилась Ляхва, шумитъ она сильно, бѣжитъ она шибко, гарцуютъ князья, беки и паши, а воды переплыть не смѣютъ.

«Смотритъ на нихъ царица, смѣется надъ ними, презираетъ ихъ и сулитъ дать, какую ни попроситъ, награду смѣльчаку, кто переплыветъ воду, кто возвратитъ ей ястреба.

«Смотритъ на Тамару юноша съ свѣтлыми глазами, юноша съ черными кудрями, и просится плыть за птицею-ослушницею.

«Широко и шибко бѣжитъ Ляхва, но смѣло и сильно переплываетъ ее пловецъ молодой; высоко на горѣ сидитъ ястребъ, но ловить его чернокудрый охотникъ, и несутъ его ужь волны рѣки къ Тамарѣ и скоро попроситъ онъ себѣ награды.

«Но тяжелая мысль потемнила свѣтлое лицо царицы, но сжалось ея сердце, и думаетъ она со страхомъ—что если юноша попроситъ себѣ въ награду ея сердце, ея любовь?

«Стала молиться она Божіей Матери гелатской, стала просить, чтобы спасла и защитила ее отъ желаній юноши, если захочетъ онъ ея сердце, ея любви.

«Изъ Ляхвы ужь смотреть на нее черные глаза пловца: нетерпѣливо кричитъ птица хищная; но зашумѣла буря, и Ляхва опрокинула, унесла въ Куру храбреца молодого.

«И снова стала молиться Тамара; о чемъ она молилась, то знала только ся грудь бѣлая да голова многоумная.

«И сказала она князьямъ, что выстроитъ на горѣ, гдѣ сидѣла птица непослушная, крѣпость крѣпкую, на память объ юношѣ бѣдномъ, что утонулъ ради спасенія ея души чистой... Вотъ, христiane, какъ построилась крѣпость въ Горіи; вотъ, христiane, что было, когда была и жила царица Тамара...»

* * *

Мы покинули крѣпость черезъ очень крутой спускъ, который въ десять уступовъ, сильно укрѣпленныхъ стѣнами и башнями, отчасти хорошо сохранившимися, улиткою вель къ подножію скалы, откуда былъ подземный выходъ къ рѣкѣ Пшонкѣ.

Ступени этого спуска давно уже искрошены временемъ и разрушительною рукою человѣка, таскавшего камни этой гигантской лѣстницы на свои прозаическія потребности, и теперь приходится спускаться по гудамъ осипи, что очень нелегко для непривычныхъ ногъ и для головы, несоевѣтъ въ себѣ увѣренной. Очувившись, наконецъ, внизу,

весь мокрый от испарины, я вздохнул съ успокоеннымъ сердцемъ и понылъ своими боками, почему въ исторіи Грузіи горійская крѣпость считалась такою неприступною, почему такъ часто персы, ее осаждавшіе, не могли взять ее, несмотря на разрушеніе стѣнъ и малочисленность защитниковъ.

* * *

Вечеръ мы провели въ оживленномъ товарищескомъ кругу, собравшись каждый послѣ своихъ трудовъ около неизбѣжнаго самовара. Я просилъ своего хозяина познакомить меня съ наиболее интересными личностями изъ воспитанниковъ этой оригинальной семинаріи, и съ этою дѣлюю мы, поочередно, приглашали въ свою компанію молодыхъ туземцевъ, весьма просто и откровенно бесѣдовавшихъ съ нами. Кого тутъ не увидалъ я! И удинца, и ингелойца, и самурзаканца; многія названія племенъ только здѣсь и услышалъ въ первый разъ.

Самурзаканцы, какъ и многіе абхазы, большію частью христіане, и у нихъ теперь заведены священники, церкви и народныя школы, какъ и въ Грузіи. Ингелоецъ разсказалъ мнѣ, что ихъ племени всего тысячъ восемь, что они живутъ около Закаталъ, въ равнинѣ. Они были въ древности грузины, но при Тимурѣ были отторгнуты отъ Грузіи, смѣшаны съ монголами и обращены въ мусульманство. Однако, у нихъ сохранились христіанскіе преданія и обряды, и подъ русскимъ владычествомъ они опять стали явно исповѣдывать свою тайную христіанскую вѣру. Среди ихъ селеній до сихъ поръ есть чисто-монгольское. Говорятъ ингелойцы испорченнымъ грузинскимъ языкомъ съ примѣсью татарскаго. Въ странѣ ихъ много развалинъ большихъ церквей, всѣ дѣса полны одичавшими фруктовыми деревьями и рисъ родится у нихъ самъ собою. Это интересный образецъ вырожденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторической выносливости племенъ. Но еще интереснѣе показались мнѣ разказы удинца Бѣжанова. Удинцы живутъ въ Елисаветпольской губерніи около Нухи, среди татарскаго населенія; ихъ также не болѣе 10,000. Они также были встарину оттерты отъ Грузіи и подверглись сильному влиянію татаръ.

Но удивительно, что у нихъ существуетъ свой особенный языкъ, котораго слѣды теперь все болѣе исчезаютъ, но слова и обороты котораго еще помнятъ старики. У отца Бѣжанова есть дѣдовская рукопись, сохранившая очень много этихъ древнихъ народныхъ словъ. Когда собесѣдникъ мой учился въ Тифлисѣ, то ему пришлось жить у одного нѣмецкаго ремесленника. Нѣмецкаго языка онъ не зналъ вовсе. Вдругъ слышитъ, что хозяйка его употребляютъ часто нѣко-

торыя изъ тѣхъ самыхъ словъ, которыми говорятъ удинскіе старики. Онъ сталъ спрашивать своихъ хозяевъ подробнѣе и потомъ, нѣсколько ознакомившись съ нѣмецкимъ языкомъ, убѣдился, что въ рукописи дѣда и въ устахъ удинскихъ старожилловъ много нѣмецкихъ словъ. Такъ, Бѣжановъ могъ вспомнить, что мясо по-удински называется *флейшъ*, хлѣбъ—*бродъ*, вода—*вассеръ* и т. д. Прежде, по увѣренію Бѣжанова, у народа ихъ было еще гораздо болѣе словъ, похожихъ на нѣмецкія. Бѣжановъ передалъ мнѣ, что, по преданію, удинцы были нѣмцами, зашедшими въ Грузію во время Крестовыхъ походовъ, но насколько въ этомъ преданіи историческаго основанія, конечно, допытаться нельзя. Вообще, всѣ молодые люди, съ которыми я познакомился, показались мнѣ дѣльными и серьезно смотрящими на свои обязанности. Нельзя не одобрить обычая семинаріи обязывать всѣхъ воспитанниковъ своихъ собираніемъ мѣстныхъ свѣдѣній, которыя впоследствии могутъ послужить богатымъ источникомъ этнографическаго изученія края.

ХІІІ.

Божья крѣпость.

ЕДВА мы успѣли пообщать въ радушномъ товарищескомъ кругу, собравшемся у гостепріимнаго хозяина, и опорожнить бутылку-другую легкаго хелиставскаго вина, какъ на дворѣ семинаріи, подъ окномъ столовой, уже послышались знакомые и отрадные сердцу горнаго путешественника звуки лошадиныхъ подковъ. Осѣдланные верховые кони, нанятые у подгородныхъ грузинъ, нетерпѣливо топтались на мѣстѣ. Мнѣ попалась маленькая проворная лошаденка изъ-подъ джигита, приученная нестись въ гору едва не маршь-маршемъ, что она, разумѣется, постѣшила доказать мнѣ, только-что нога моя очутилась въ стременахъ. Я еще не успѣлъ ознакомиться съ верховою сноровкою горцевъ и, подобно всѣмъ европейскимъ смертнымъ, не воображалъ, чтобъ на языкѣ здѣшнихъ лошадей затягивать поводья во всю силу руки значило заставлять ихъ горячиться и ускорять ходъ. Поэтому, чѣмъ больше усилій употреблялъ я, чтобъ смирить пылъ моего Пегаса, тѣмъ рѣзвѣе и рѣзвѣе уносился онъ въ гору, черезъ камни кладбища и кучи разбросанныхъ валуновъ, по которымъ мы вздумами избрать сокращенный путь изъ города въ Уплисцихе. Но такъ какъ благоразумная природа всегда имѣетъ обыкновеніе помѣщать

противоядіе рядомъ съ ядовитымъ растеніемъ, то она, снабдивъ такими черезчуръ дикими вкусами горскаго коня, снабдила его, въ то-же время, и твердою, какъ сталь, ногою, которая, не спотыкаясь, ныряетъ между острыхъ камней и перескакиваетъ на всемъ ходу куда ей нужно. Намъ пришлось теперь ѣхать по лѣвому берегу Куры, наслаждаясь видомъ дальнихъ лѣспстыхъ горъ, черезъ крутые холмы, по которымъ змѣлась конная тропинка, то и дѣло уходившая въ глубокіе овраги и опять прихотливо взвивавшаяся наверхъ.

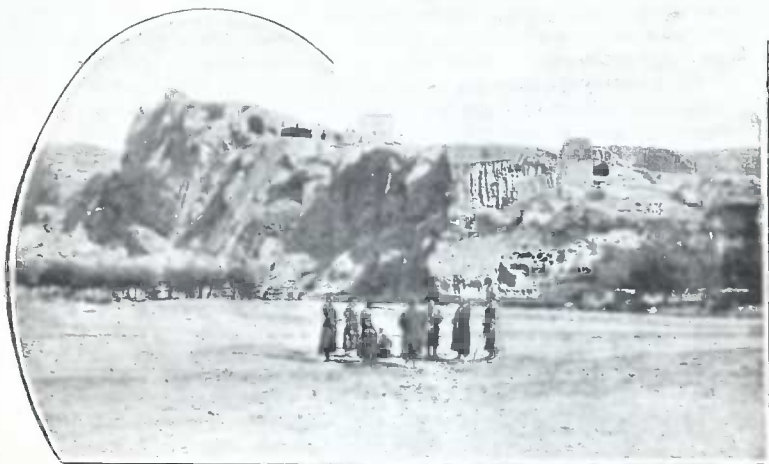
Мѣстность около Уплисцихе.

Рис. кисти Г. Гагарина.

Всѣ эти холмы вблизи и вдали, нѣсколько лѣтъ назадъ, были покрыты строевымъ лѣсомъ, кишѣвшимъ оленями, сернами, козами, отъ котораго едва уцѣляли теперь жалкіе кустики, придающіе еще большій видъ пустынности каменистымъ желтымъ осыпямъ холмовъ. Всѣ эти лѣса и земли принадлежали богатымъ грузинскимъ дворянамъ, которые пораспродали ихъ на срубъ и обратили эту когда-то плодородную и хорошо орошенную мѣстность въ безпріютную страну сухихъ балокъ.

* * *

Уплисцихе—на отвѣсномъ, какъ стѣна, высокомъ обрывѣ скалъ, провожающихъ лѣвый берегъ Куры. Подъ тѣнью этихъ желтоватобѣлыхъ природныхъ стѣнъ прячется деревенька Уплисцихе, жалкое

Уплисцихе. Общій видъ скаль съ берега р. Куры.

гнѣздо тѣсныхъ подземныхъ норъ, которыя я не призналъ-бы за жилища человѣка, еслибы мнѣ не объяснили этого мои спутники. Только утлые хворостяныя плетни «саманницъ» (по нашему половни) прячутся въ осыпяхъ скаль и въ кучахъ песку. Но жилие все въ землѣ, и лошади наши пробѣгали, словно по дорогѣ, по плотно убитымъ плоскимъ крышамъ, сравненнымъ съ землею и засыпаннымъ тѣмъ-же щебнемъ скаль. Безобразныя шалаши трубъ, сдѣланные изъ глины или изъ наваленной груды кругляковъ, на каждомъ шагу торчавшіе изъ земли, напоминали не столько селеніе людей, сколько ряды большихъ кротовыхъ кучъ. Ни кустика, ни заборчика, никакой самой первобытной попытки къ удобству или украшенію жизни не было видно въ этомъ цыганскомъ становищѣ, для котораго, повидимому, существовала только одна задача—спастись съ наименьшимъ расходомъ силъ отъ вѣтровъ, дождя и холода, хотя-бы для этого пришлось закопаться въ землю и замѣнить радостный свѣтъ солнечнаго дня вѣчно-темною мглою.

Однако, неизбѣжный духанъ, хотя и представлявшій изъ себя очень дрянную хворостяную плетушку, наполовину врытую въ землю,

и въ этомъ мрачномъ углѣ открываетъ свою гостепріимную дверь, за которую припасенъ для любителей кувшинъ-другой дешеваго и веселаго вина. Духанчикъ намъ вынесъ «чурекъ» вина съ нѣсколькими кусочками мѣстнаго сыра и хлѣба, и мы съ наслажденіемъ выпили, послѣ безпокойной тряски на сѣдлѣ, не слѣзая съ коней, стаканчика по три этого бодрящаго и восстанавливающаго напитка, неопузнаемаго во время пути. Въ чурекѣ оставалось еще вино, но простодушный сельскій Дюссо ограбилъ насъ за цѣлый кувшинчикъ вина и за всѣ закуски свои только на одинъ двугривенный, чему, къ сожалѣнію, не подражаютъ ни одинъ тифлисскій или кутаисскій трактирчикъ. Около духана мы нашли себѣ и провожатыхъ для осмотра развалинъ.

Улица бавара въ Уплисцхѣ.

Въ него ни откуда нѣтъ доступа, такъ что черныя дыры его обширныхъ пещеръ, зѣвущія въ нѣсколько этажей среди гладкихъ отвѣсныхъ скалъ, кажутся снизу недоступными ячейками какого-то гигантскаго осинаго сота. Я совершенно не могъ постичь, какъ и куда должны взбираться мы, и, признаюсь, съ стѣсненнымъ сердцемъ поглядывалъ снизу и на эти таинственныя впадины, загадочно повисшія между небомъ и землею, и на обглоданные временемъ остатки башенъ и стѣнъ, надвинутыхъ на самый край верхняго карниза скалы.

Сѣдой старикъ-грузинъ увѣренно ведетъ насъ къ подошвѣ сплошной скалы, и я иду за нимъ, полный недоумѣнія. Только когда мы подошли вплотную къ нижнимъ камнямъ этой скалы и обогнули одинъ изъ нихъ, передъ нами вдругъ открылся узкій, словно ножомъ прорѣзанный ходъ, искусно выдолбленный въ толщѣ скалы, по самому краю ея; ходъ этотъ шелъ, извиваясь и огибая скалу, все круче и круче въ гору, едва давая возможность протиснуться плечами между стѣнъ и поставить рядомъ двѣ ноги. Наружная стѣнка его настолько высока,

* * *

Пещерный городъ Уплисцхѣ, доисторической древности, вѣнчающій своею развалившіеся крѣпостью темя довольно обширнаго столбообразнаго утеса на берегу Куры, отдѣленнаго пропастями отъ остальныхъ утесовъ этого берега.

Пещеры около Улзискихъ.

Рис. князя Г. Гагарина.

что могла скрывать отъ глазъ осаждающаго двигавшихся въ проходѣ людей и защищать ихъ отъ выстрѣловъ. Понятно, что въ этихъ искусственныхъ Оермопилахъ одинъ вооруженный воинъ могъ загородить путь цѣлому войску и что осажденнымъ ничего не стоило въ одну минуту заложить камнями этотъ оригинальный ходъ.

Мы шли довольно долго этимъ узкимъ и крутымъ подъемомъ, напомнившимъ мнѣ старую лѣсенку Ивана-Великаго, — то наступая на раздавленныхъ змѣй, то любясь рѣзво скользившими во всѣхъ направленіяхъ большими сѣрыми ящерицами, испуганными непривычнымъ шумомъ человѣческихъ шаговъ, звонко раздававшихся между тѣсными стѣнками камня. Жутко было иногда глянуть направо, въ встрѣчавшіяся широкія пробоины наружной стѣнки, которой тонкая перегородка едва отдѣляла нашу тропу отъ обрыва Куръ, надъ которою теперь мы висѣли.

Этотъ извивавшійся улиткою и много разъ перелѣзавшій черезъ камни проходъ привелъ насъ, наконецъ, порядочно утомленныхъ, внутрь крѣпости и въ самое сердце стараго пещернаго городка.

Цѣлыя улицы пещерныхъ жилищъ, совсѣмъ разрушенныхъ, полуразрушенныхъ и вполнѣ сохранившихся, покрываютъ собою вершины

скалы, поднимаясь этажами одна надъ другою, продолжая собою изгибы улитки, которымъ начался проходъ, все выше и выше, до послѣднихъ утесовъ скалы.

Тѣ дыры пещеръ, что видны были мнѣ снизу, составляютъ только ничтожную долю ихъ. Большая часть пещеръ обращена отверстиями внутрь, къ улицамъ, проходящимъ посрединѣ ихъ. Здѣсь, наверху, убѣждаешься дѣйствительно, что это какой-то улей великановъ.

Улицы нхъ (Горійскаго уѣзда). Внутри пещеры колонны съ 4-мя арками.

Обрушившіяся переднія стѣнки скалы часто открываютъ вамъ сразу, будто полки шкапа, нѣсколько пещеръ, расположенныхъ другъ надъ другомъ.

Пещеры эти разнообразны. Есть небольшія, почти круглыя, безъ всякихъ сообщеній, очевидно, служившія помѣщеніемъ одинокаго человѣка; есть съ нѣсколькими отдѣленіями, съ каменными лѣсенками и отверсти-

ями, проходящими въ сосѣднее жилье, повидимому дома семейныхъ людей. Есть очень обширныя и очень низкія, можетъ быть, служившія хлѣвомъ для скота. Почти въ каждой пещерѣ выдолблены въ стѣнахъ альковы для постелей, иногда съ каменнымъ ложемъ, отдѣльныя сидѣнья и ступени, маленькія ниши и полки для помѣщенія вещей, каменные кольца и гнѣзда для предметовъ, на которые можно было вѣшать платье, оружіе и прочее.

Углубленіе посреди задней стѣны, прямо противъ входа, вѣроятно, назначалось, какъ и въ нынѣшнихъ жилищахъ грузинъ, для иконъ, крестовъ и свѣчей; по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны слѣды копоги. Почти въ каждой пещерѣ замѣтна въ полу круглая цистерна съ жолобомъ, выдолбленнымъ въ покатомъ камнѣ, назначенная для сохраненія дождевой воды, а входы въ эти пещеры имѣютъ пробойны, пазы и каменные ушки, несомнѣнно доказывающіе, что они закрывались прежде дверями и имѣли впереди деревянную стѣнку.

Нѣкоторыя пещеры обращаютъ на себя вниманіе не только своею

Центральная часть города Уплистикхе.

сложностью и обширностью, но и тщательностью своей отделки, по которой можно судить, что здѣсь жили прежде знатные или начальствующие люди, и что подобныя пещеры устроены уже не руками троглодитовъ или горскихъ дикарей, а появились въ вѣкъ цивилизации, среди людей, хорошо знакомыхъ съ требованіями архитектуры.

Въ такихъ жилищахъ, иногда двухэтажныхъ, съ внутреннею лестницею, своды, притоки, карнизы оконъ украшены искусною каменною рѣзбою, потолкамъ придаѣнъ видъ выпуклыхъ каменныхъ бревень и проч. Но всего интереснѣе такъ-называемый дворецъ Тамары, неподалеку отъ церкви, въ среднихъ ярусахъ пещеръ. Трудно сомнѣваться, что это былъ дѣйствительно или дворецъ, или храмъ. Комнаты его очень высоки, уже непохожія на пещеры по благороднымъ размѣрамъ и правильнымъ геометрическимъ линиямъ своихъ круглыхъ сводовъ, напоминающихъ своды храма; эти своды покрыты красивою скульптурною отделкою, въ формѣ шестиугольныхъ выпуклыхъ плитокъ, весьма похожихъ на украшеніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ храмовъ, двѣ толстыя круглыя колонны, также искусной рѣзбы, теперь уже наполовину обрушившіяся, отдѣляютъ главную залу отъ прихожей. По сторонамъ высокія окна арками, съ карнизами кругомъ, выходящія въ боковыя помѣщенія; въверху правильное круглое отверстіе для пропуска свѣта; вдоль задней стѣны каменное возвышеніе въ родѣ эстрады со ступенями къ нему; въ толщѣ стѣны глубокой альковъ съ каменнымъ ложемъ. Можетъ быть, впрочемъ, это было не ложе, а трапеза храма, и возвышеніе со ступенями мѣстомъ для алтаря. Одно только обстоятельство говоритъ за то, что это былъ скорѣе дворецъ, а не храмъ: въ боковомъ помѣщеніи направо, куда идетъ ходъ изъ главной залы, до сихъ поръ видны вкопанные въ землю, огромные, ведедь въ двадцать, глиняные кувшины для вина, называемые грузинами «коври»

и указывающіе, что здѣсь была кладовая. Въ другомъ углу видны несомнѣнные остатки бухары, то есть грузинскаго камина. Слѣдовательно, это, во всякомъ случаѣ, было жилие.

Почти рядомъ съ дворцомъ цѣлая система простыхъ пещеръ, похожихъ на казарму или на кельи монастыря. Проводникъ-грузинъ, во всякомъ случаѣ, нисколько не сомнѣвался, что показываетъ намъ дворецъ Тамары. Ученые этого рода вообще недоступны скептицизму. Впрочемъ, преданіе это, само по себѣ, нисколько не удивительно, потому что грузинскія лѣтописи говорятъ объ Уплисцихе, какъ о городѣ, извѣстномъ уже за многіе вѣка до Рождества Христова. Его завоевалъ Александръ Македонскій, его украшала царь Аршагъ, а строителемъ его считается внукъ самого легендарнаго Карлоса. Сравнительно съ этою сдѣло древностью—что значитъ какой-нибудь вѣкъ Тамары? Нѣкоторые послѣдователи Кавказа, у которыхъ, во всякомъ случаѣ, нужно признатъ значительную способность воображенія, даже непоколебимо убѣждены, что одно изъ подземныхъ помѣщеній Уплисцихе есть не что иное какъ «великолѣпный храмъ Ваада или Астарты». Изъ способа вырубки скалы они заключаютъ, что въ то время «еще не было твердой стали и ланкесмонскихъ камерѣзныхъ машинъ», а по общему стилю этихъ подземныхъ построекъ—находятъ въ нихъ «большое сходство съ древнепеласгическими катакомбами», почему съ смѣлостью, которой мы завидуемъ, назначаютъ возрастъ ихъ «по меньшей мѣрѣ въ 3,000 лѣтъ». На стѣнахъ нѣкоторыхъ подземныхъ помѣщеній видны выбитыя надписи на неизвѣстномъ языкѣ, которыя рабски скопированы мѣстными археологами, но, кажется, еще не разобраны. Онѣ, быть можетъ, положить хотя нѣкоторый реальный предѣлъ черезчуръ пламенному воображенію археологовъ.

*
*

Городъ пещеръ былъ обнесенъ стѣною съ башнями, которая еще удѣляла мѣстами на самыхъ крутыхъ обрывахъ. Посреди города, по сдѣдству съ дворцомъ, на очень видномъ и оживленномъ мѣстѣ, стоитъ вполне сохранившаяся древняя церковь, сложенная изъ кирпича и оштукатуренная вѣнутри, съ прекрасными сводами, на которыхъ замѣтны рисунки и надписи, признанныя археологами за арабскія, еврейскія и другія. Церковь окружена полутемною галлерейкою, по обычаю старыхъ грузинскихъ церквей. Въ галлерейкѣ этой и кругомъ ея по дворику храма разбросаны частью разбитые и вросшіе въ землю, частью совсѣмъ новые, глиняные огромные кувшины, въ которыхъ благочестивые люди въ теченіе вѣковъ приносили Богу жертвы виномъ послѣ счастливой

Упавщина. Общій видъ спаружи.

уборки своихъ саловъ, какъ это и до сего времени соблюдается въ Грузиѣ. Сверхъ того, меня удивило, что вся церковь по наружной стѣнѣ была опутана кругомъ нитками. Спутникъ мой объяснилъ мнѣ, что это старинный обычай засидѣвшихъ грузинскихъ дѣвъ, которыя этимъ бесполезнымъ подвигомъ благочестія рассчитываютъ ускорить желанное замужество. Вѣроятно, грузинскія Ариадны воображаютъ, что всякій молодой мужчина, входящій въ храмъ черезъ волшебную нить, въ ту же минуту опутывается съ помощью благодарнаго божества невидимыми свѣтами ихъ прелестей...

Чѣмъ-то дѣтски-трогательнымъ и первобытно-наивнымъ смотрѣлъ вообще этотъ одинокій древній храмъ, одинъ сохранившій жизнь въ этой горной пустынѣ среди долгихъ вѣковъ разрушенія. Въ немъ все было цѣло, все на мѣстѣ, какъ и въ дни его постройки: стоялъ алтарь съ иконою и подсвѣчникъ со свѣчою; на престолахъ лежали евангеліе, крестъ и антиминсъ; на трапезѣ стояли священныя сосуды; царскія двери и иконостасъ закрывали входъ въ алтарь.

Но все это было такъ просто и бѣдно, что скорѣе напоминало тайныя храмики первыхъ христіанъ, прятавшихся въ катакомбахъ Рима отъ пресѣдованія языческихъ императоровъ, чѣмъ главный соборъ въ резиденціи великой христіанской царицы. Къ довершенію трогатель-

наго простодушія, церковь была не заперта; мѣръ сказали, что она не запирается никогда, хотя на горѣ не живетъ ни одной души. Въ нее входятъ, въ ней молятся, многіе приносятъ въ нее свои скромныя жертвы, но никто не дотронется пальцемъ до древнихъ святынь своей родины. Правда, и несоблазнительны эти святыни съ точки зрѣнія базара. Въ странное противорѣчіе съ поэтической обстановкою этой исторической святыни Грузии, у входа ея виситъ самый прозаическій валдайскій колокольчикъ изъ-подъ троечной дуги, на которомъ, вмѣсто всякихъ эллинскихъ начертаній, я съ невольнымъ смѣхомъ прочелъ новѣйшіе плоды валдайскаго остроумія: «Бѣди, веселись, купи—не скупись!»

Въ этотъ непритязательный «церковный колоколь» звываютъ молящихся въ дни храмового праздника древней обители.

«Уплисцихе» значитъ: «Божья башня» или «Божья крѣпость». Уже одно это имя показываетъ, что старый храмикъ, съ своими жестяными свѣщниками и кожанымъ маленькимъ евангеліемъ, былъ издревле-читимою народною святынею, подъ покровомъ которой сама крѣпость получила славу несоримости.

Противъ Уплисцихе, на той сторонѣ Куры, на холмѣ, гораздо менѣе крутомъ, расположена

Главное зало дворца въ Уплисцихе.

въ крутомъ, расположена деревня, въ которой также высится старая церковь и развалины старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, въ обрывахъ которыхъ также чернѣетъ нѣсколько отверстій-пещеръ.

Старикъ-грузинъ сообщилъ намъ, что изъ Уплисцихе къ крѣпостцѣ того берега при царицѣ Тамарѣ былъ тайный ходъ подъ Курюю; когда неприятели осаждали ту крѣпость, гарнизонъ «Божьей башни» являлся неожиданно около стана враговъ и, конечно, уничтожалъ его. Когда осаждалась сама Уплисцихе, помощь точно также внезапно подавалась изъ-за Куры. Старикъ, однако, не взялся разыскивать этого баснословнаго туннеля, а повелъ насъ уже къ несомнѣнно существующему «тайному ходу», которымъ осажденные жители Уплисцихе спускались за водою въ Курю.

Мы прошли пустынную площадку, густо заросшую ярко-желтымъ тысячелистникомъ, котораго здѣсь уже невозможно величать «бѣлого-

ловикомъ», какъ у насъ, въ Россіи, и очутились надъ обрывомъ скалы, въ толщѣ которой было продѣлано нѣчто въ родѣ круглыхъ воротъ. Это, поистинѣ, были ворота въ преисподнюю.

Проводникъ предупредилъ насъ, что однимъ спуститься невозможно, что сейчасъ-же покатишься внизъ до самой Куры, а предложилъ, что онъ сведетъ подъ руки каждаго изъ насъ поочередн. Но, конечно, мы всѣ вознегодовали на такую обиду и рѣшились, если и падать, то на свой страхъ.

Круглая огромная труба, черная отъ темноты, пробуравлена съ самымъ малымъ наклономъ на нѣсколько десятковъ саженъ длины, сквозь известковья толщѣ скалы, къ волнамъ Куры. Когда-то въ ней были сотни каменныхъ ступеней, по которымъ могли свободно спускаться и подниматься дѣвья толпы водоносцевъ. Но съ теченіемъ вѣковъ ступени эти осыпались, слизались, такъ что нижняя сторона трубы обратилась въ такую-же гладкую, вогнутую стѣнку, какъ и всѣ остальные.

Нужно было дѣйствительно очень энергически не желать поспрамитъ себя передъ грузинами и испытать печальный способъ скатыванія внизъ на своихъ собственныхъ салазкахъ, чтобъ удержаться на ногахъ во время этого чертовскаго карабканья внизъ по голой каменной трубѣ тайника.

Однако, я исполнилъ это благополучно и, съ внутреннимъ торжествомъ, вынырнулъ на свѣтъ Божій у низкой мокредины берега, какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, куда догадливые грузины привели нашихъ верховыхъ лошадей. Это былъ, поистинѣ, дьявольскій выходъ изъ «Божьей башни».

* * *

Но я не рассказалъ бы самаго удивительнаго изо всего, что мы

Общій видъ Умисецкихъ.

видѣли въ этихъ удивительныхъ развалинахъ, еслибъ не упомянулъ о птицахъ святаго Іакова. На Уплисцихе я, наконецъ, досыта познакомился съ «тарби», этими пресловутыми истребителями саранчи. Какъ-только мы вступили въ узкій проходъ, по которому влѣзаютъ на крѣпость, мы уже вспугнули несмѣтныя стаи тарби. Когда же мы очутились наверху и стали переходить изъ пещеры въ пещеру, изумленію моему не было предѣла: цѣлыя міриады этихъ хорошенькихъ розовыхъ скворцовъ взлетали при каждомъ нашемъ шагѣ, словно вся почва кишѣла ими, словно подъ каждымъ камнемъ развалины, въ каждой трещинѣ скалы они были набиты тысячами. Бѣлый известковый грунтъ Уплисцихе былъ на далекое разстояніе сплошь окрашенъ кроваво-розовымъ цвѣтомъ ихъ помета.

Когда мы приглядѣлись ближе, то оказалось, что дѣйствительно весь Уплисцихе былъ только громаднымъ гнѣздомъ розовыхъ скворцовъ. Ихъ изыскныя блѣдно-голубоватая яички лежали по пяти въ каждой щели камней, на самой незатѣйливой травяной подстилкѣ. Изъ многихъ черныхъ щелокъ уже выглядывали на насъ желтые разинутые роты крохотныхъ голыхъ птенчиковъ, а иногда рядомъ съ ними и испуганная мать, забившаяся глубоко въ камни, которая въ отчаяніи не рѣшалась улетать отъ своихъ дѣтенышей даже и при видѣ человека. Мнѣ стало только теперь понятно, почему ихъ называютъ «каменными скворцами». Я могъ убѣдиться также теперь, что тарби выводятся вовсе не на одномъ Араратѣ и что имъ нѣтъ нужды въ водѣ св. Іакова для того, чтобъ посѣщать страны, зараженныя саранцою. Я вспомнилъ, что мнѣ случилось разъ видѣть и убить нѣсколькихъ такихъ же розовыхъ скворцовъ даже и въ своемъ далекомъ Цигровскомъ уездѣ, на своемъ собственномъ гуницѣ. За Кавказомъ же я встрѣчалъ ихъ потомъ во множествѣ почти на всѣхъ известковыхъ скалахъ Куры и Ріона.

Куда ни глянешь кругомъ, на обрывы известковыхъ скалъ, провозжающихъ Куру, отовсюду поднимаются, словно огненные дымки, эти розовыя стаи, и конца-счета нѣтъ ихъ неогляднымъ полчищамъ! Онѣ носятся по воздуху, сверкая своими красками утренной зари, и съ дружнымъ шумомъ, словно горсть брошеннаго гороха, вдругъ упадаютъ на черныя пятна золотого поля, гдѣ шевелится привлекательная для нихъ гадина. Поразительно было смотрѣть, съ какою алчностью и какимъ ожесточеніемъ летучіе санитарные отряды св. Іакова обрушивались на гибельное насѣкомое. Куда доставалъ только глазъ, на зелени травы, среди колосьевъ, пажитей—вездѣ съ неутомимымъ одушевленіемъ работали эти удивительныя птички. То и дѣло стаи ихъ

срывались съ полей и бросались къ водамъ Куры, остудить жаръ своей кровавой пищи. Поползутся мгновеніе, встрепенутся крылышками, быстрыми какъ стригушія ножницы, и опять взмоютъ дружною шайкою въ синій воздухъ, опять несутся стремглавъ, отыскивая поживы посѣтѣе, и опять, какъ подстрѣленные, падаютъ разомъ всюю кучею на лакомое мѣстечко, гдѣ опять закипасть даже издали замѣтный неистовый бой!...

XIV.

Осетины и ихъ исторія.

Ясѣлмалъ бы большое упущеніе, какъ туристъ Кавказа, еслибъ не собралъ въ одно разнородныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось добыть при посѣщеніи осетинскихъ ауловъ около Владикавказа и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ моего пути, изъ знакомства съ образованными осетинами и, наконецъ, изъ специальной литературы объ осетинахъ, не особенно большой и трудно доступной публикѣ. Мы, русскіе, даже наиболѣе образованные, знаемъ такъ мало объ этомъ интересномъ и оригинальномъ народѣ, входящемъ теперь въ составъ нашего русскаго народа, что, я увѣренъ, мое описаніе осетинъ будетъ весьма нелишнимъ для читателя, хотя, для полноты и дѣльности картины, я вынужденъ отступить въ этомъ письмѣ отъ формы путевого дневника, въ которой веду описаніе своихъ кавказскихъ странствованій.

Уже со станціи Эльховтово, не доѣзжая Владикавказа, и почти до самаго Гори я ѣхалъ, въ сущности, странно осетинъ, которыхъ посе-

Осетинъ.

ления наполняют не только долины Терска и Арагвы, но и всю горную часть Кавказа, направо отъ военнорусинской дороги, всѣ ближайшія долины рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ, какъ Тагаурская долина Гизель-Дона, Кургатинская долина Фіаг-Дона, долины Ар-Дона и впадающаго въ него Нар-Дона, и даже божныя долины рѣкъ бассейна Куры, какъ Ксанъ, Большая и Малая Лиахвы и проч.

Процаясь теперь съ этою странюю осетинъ и готовясь вступить въ плодородныя равнины Имеретіи, кстати оглянуться на народъ и страну, которые остались позади. Осетины, можетъ быть, одно изъ самыхъ любопытныхъ и загадочныхъ племенъ на свѣтѣ; достаточно уже того, что они самый любопытный народъ на Кавказѣ, въ этомъ истинномъ воплощеніи вавилонскаго смѣшенія языковъ, этомъ живомъ историческомъ и этнографическомъ музее, въ который въ теченіе тысячелѣтій складывались образцы племенъ, игравшихъ какую-нибудь роль въ лѣтописяхъ міра.

Непроходимыя кавказскія тѣсины, раздѣлявшія пополамъ двѣ страны свѣта, дѣйствительно служили человечеству своего-рода природнымъ фильтромъ, въ скважинахъ котораго, волею-неволею, застредали и часто сохранялись въ своей неприкосновенной первобытности остатки всѣхъ тѣхъ народовъ, которые двигались въ разные вѣка изъ Азіи въ Европу, изъ Европы въ Азію.

Теперь трудно сомнѣваться, что осетины, или осы, называющіеся, впрочемъ, сами себя иронами, представляютъ собою однихъ изъ первобытныхъ обитателей Кавказа и одинъ изъ самыхъ старыхъ народовъ индоевропейской семьи, гораздо старше германцевъ, славянъ и пр. Все заставляетъ думать, что ими «асы»—то-же, что «азы», хорошо извѣстные древнимъ географамъ и историкамъ, извѣстные и нашему лѣтописцу подъ именемъ азовъ, побѣжденныхъ Святославомъ вмѣстѣ съ касогами.

Страбонъ знаетъ городъ Аза на Танаисѣ (т.-е. Донѣ), приблизительно на мѣстѣ нашего Азова, следовательно около *моря азовъ*, т.-е. Азовскаго. Плиній, въ числѣ скипскихъ племенъ, называетъ племя Асоei, онъ знаетъ еще *язговы*—сарматовъ, жившихъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, о которыхъ Страбонъ сообщаетъ, что они переселились изъ страны между Кавказомъ и Дономъ. Французскій ученый Любуа де-Монпери самое слово «язиги» объясняетъ составомъ этого народа изъ двухъ близкихъ племенъ: изъ (т.-е. азъ, асъ) и *джи*, которыхъ нѣя сохранилось въ общемъ названіи черкесскихъ народовъ *адиги* и въ спеціальномъ названіи одного черкесскаго племени на берегу Чернаго моря *джи*, *джигети*. Грузины и до сихъ поръ всѣхъ черкесскихъ гор-

Осетинская сакли въ аулѣ Казбека.

цевъ называютъ *джигетами*. Интересно, что всѣ рѣки въ нынѣшней Осетии носятъ названіе Дона (т.-е. воды): Гизель-Донъ, Фиаг-Донъ, Заки-Донъ, Зруг-Донъ и т. д. Это же слово лежитъ въ корнѣ всѣхъ рѣкъ южно-русской равнины, куда, по свѣдѣніямъ Страбона и Плинія, переселились азиги: рѣка Донъ (Данаисъ), Данаприсъ или Днѣпръ, Данастрисъ или Днѣстръ, Данубіусъ или Дунай (Donau). На этомъ поразительномъ созвучіи южнорусскихъ рѣкъ съ осетинскимъ словомъ *донъ*—вода, ученые основываютъ мнѣніе, что слово это перенесено въ равнину язигами, племенемъ азовъ или осовъ, жившихъ у Дона и Азовскаго моря, такъ какъ до того времени Дунай назывался у древнихъ Истеръ, Днѣпръ—Борисоенъ, а Днѣстръ—Тирастъ.

У нашихъ малороссіянъ до сихъ поръ есть слово *дунаити*, т.-е. носить воду.

Самое слово «Азія» очевидно произошло отъ азовъ, давшихъ свое имя и Азовскому морю.

Страбонъ подъ Азіей разумѣетъ специальную страну—*Asia propria*, а не часть свѣта, и подъ именемъ ея описываетъ берегъ Меотійскаго болота (*Palus'a*, т.-е. Азовскаго моря). Вообще, всѣ древніе имя Азіи тѣсно соединяли съ Кавказомъ и Азовскимъ моремъ.

Недаром Геродотъ объясняетъ самое названіе Азіи именемъ жены Прометей, прикованнаго къ Кавказу. Хотя другіе древніе писатели Греціи увѣряютъ, что Азія была не жена, а мать Прометей, сына Іафета, но это нисколько не измѣняетъ общаго смысла преданія, связывающаго съ Кавказомъ не только имя Азіи, но и происхожденіе самихъ грековъ черезъ Девкалиона, сына Прометей, такъ сильно напоминающаго еврейскаго Ноя, съ того же Кавказа. Геродоту была уже извѣстна «Гора Азовъ».

Слово «Саус-ас» почти подходитъ къ осетинскому «хохъ-Азъ» (гора Азовъ), такъ какъ осетины всѣ вершины горъ называютъ «хохъ»: Матхохъ, Джимерайхохъ и т. д. Но самымъ вѣскимъ доводомъ того, что между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ дѣйствительно жили въ древности азы, служить памятникъ, воздвигнутый, въ 349 году до Рождества Христова, женою перваго архонта Босфора — Перизада и найденный на берегу Керченскаго пролива. На памятникъ этомъ сдѣлана такая надпись: «Комазарія, дочь Гергиппа, жена Перизада, чтобъ выполнить сдѣланный ей обѣтъ, воздвигла этотъ памятникъ могущественнымъ божествамъ Анергу и Астаръ, въ бытность Перизада архонтомъ Босфора и Θεодосіи и царемъ азовъ, маетовъ и татей».

Въ 92-мъ году до Рождества Христова, извѣстный греческій путешественникъ Скимпъ Хиосскій, въ периплѣ котораго вообще находятся нѣкоторыя дорогія указанія на древнюю географію Крыма и Кавказа, ѣхавъ по направленію отъ Крыма къ Кавказу, находилъ еще за сарматями устье Танаиса по берегамъ Меотійскаго озера (т.-е. Азовскаго моря) племя яза-маетовъ (Iaz-maetes), очевидно тѣхъ-же азовъ и маетовъ Перизада, тѣхъ-же ясовъ, съ которыми бился впоследствии въ этой самой мѣстности нашъ удалый Святославъ. Замѣчательно при этомъ, что Скимпъ, какъ и большинство древнихъ, транницею Азіи считалъ Донъ, а не Кавказскій хребетъ.

«Берега Танаиса—границы Азіи и двухъ материковъ»,—выражается онъ. Такимъ образомъ, есть сильный поводъ думать, что современные наши асы, или осетины, сохранили названіе и мѣсто жительства своихъ древнихъ предковъ—первобытнаго племени азовъ, связавшаго свое имя съ легендами европейскихъ народовъ самаго глубокаго доисторическаго мрака. Очень можетъ быть, что это тѣ самые азы, темное воспоминаніе о которыхъ напоминаютъ и саги сѣверныхъ скандинавовъ: извѣстно, что въ ихъ мифахъ играютъ особенную роль эти азы, обитатели «страны азовъ» (Asaland) и «града Азовъ» (Asagard), принесшіе съ юга на далекій сѣверъ религію, языкъ, литературу и нравы Скандинавскаго народа.

динавіи ¹⁾). Значительное сходство корней нынѣшняго осетинскаго языка съ нѣмецкимъ и другими индоевропейскими языками, а также нѣкоторые древніе обычаи, общіе осетинамъ съ нѣмцами, наконецъ, самый бѣлокурый типъ лица ихъ, отличающій ихъ отъ другихъ горцевъ Кавказа, дѣлаютъ эти предположенія ученыхъ весьма правдоподобными, хотя нельзя умолчать, что это сходство съ нѣмцами можетъ быть объясняемо и тѣмъ извѣстнымъ историческимъ фактомъ, что въ первые вѣка христіанской эры въ переднемъ Кавказѣ жили готы, часть которыхъ осталась въ горахъ даже и послѣ переселенія ихъ далѣе къ западу, подъ напоромъ гунновъ и другихъ кочевниковъ. Извѣстный ученый Клапротъ, высказавшій первый мысль о сходствѣ осовъ съ нѣмцами, Любуа де-Монпери, докторъ Пфафъ и другіе ученые, изслѣдовавшіе осетинскую народность, единодушно стоятъ за индоевропейское происхожденіе осовъ и за ихъ ближайшее родство съ германцами. Клапротъ доказываетъ это сравнительнымъ анализомъ 740 осетинскихъ и германскихъ словъ.

Нѣкоторыя осетинскія слова дѣйствительно поражаютъ своимъ родствомъ съ европейскими корнями; такъ «гора»—по-осетински «hoch» (по-нѣмецки hoch—высокій), «все»—all, какъ и по-нѣмецки; «поселяне, деревня»—по-осетински кау (нѣмецкое Gau); «старшина»—aldar или eidar (нѣмецкое Alter, Aelter), Barts—«грива» (нѣмецкое Bart—борода), «я говорю, общаю»—по-осетински saghin (нѣмецкое sagen), «убійство»—mard (нѣмецкое—Mord), «ноготъ»—nagh (нѣмецкое Nagel), «корова»—ku (нѣмецкое Kuh) и т. д. Другія слова чисто-славянскія, напримѣръ: mad—мать, mazg—мозгъ, mit—медъ, boug—желтый (бурый), douag—дверь, pavagh—новый, zerdce—сердце, simcg—зима (снѣгъ) и проч. Любуа де-Монпери, сравнивая осетинскія слова съ языкомъ леттовъ, Лифляндіи и Курляндіи и литовцевъ, нашель между ними еще больше сходства, чѣмъ съ нѣмецкимъ.

У осетинъ сохранился, сверхъ того, чисто-славянскій обычай вести счетъ бирками, замѣняющими у нихъ всякій контрактъ. Древне-славяне, какъ извѣстно изъ словъ черноризца Храбра, «чертами и рѣзми читааху и гадааху». У крестьянъ нашихъ бирка до сихъ поръ съ успѣхомъ замѣняетъ счеты, а при отдачѣ какого-нибудь деревенскаго товара въ обработку, напримѣръ, сукна на сукновальню, шерсти на войлокъ или валенки шерстобиту, овчинъ или шкуръ скорняку, крестьянинъ нашъ непременно беретъ «жеребьекъ», т.-е. привязы-

1) Неларомъ по Хрошкѣ Споры Стурмезона, цитируемой Риттеромъ, «Одинъ принцъ изъ северъ изъ Азии, послѣ долгихъ странствованій».

васть къ оставляемому товару бирочку и, отрѣзавъ отъ нея частицу такъ, чтобы она плотно приходилась къ остальной биркѣ, уносить ее съ собою.

* * *

Азы, или асы, были постоянно извѣстны въ исторіи и послѣдующихъ вѣковъ. Только ихъ смѣшивали нерѣдко съ аланами, видимою среднимъ съ нимъ племенемъ, жившимъ рядомъ и почти всегда восвавшимъ вмѣстѣ. Такъ, асовъ и аланъ принималъ за одно знаменитый путешественникъ Плино-Карпини, а очень точный Рубруквишъ, въ то-же время, алановъ мѣшастъ съ половцами (команами).

Вотъ какъ описываетъ асовъ Рубруквишъ, бывшій изъ Крыма:

«На югѣ мы имѣли очень большія горы (онъ впоследствии называетъ ихъ «Аланскими»). Тамъ жили *kergis* (можетъ быть, черкесы?) и *acas*, которые христіане и воюють ежедневно противъ татаръ. Послѣ нихъ къ Большому Озеру (т.-е. Каспійскому морю) сарацины, которыхъ называютъ *lesges* (лестины) и которые поданные татаръ, а потому встрѣчаютъ желѣзные ворота, которые великій Александръ велѣлъ построить, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ варваровъ въ Персію».

Монахъ Баконъ, путешественникъ XIII-го столѣтія, отличаетъ горы христіанъ—Аас (т.-е. Асы) отъ горъ Аланъ. Но, вообще, огромное большинство византійскихъ, арабскихъ и европейскихъ писателей среднихъ вѣковъ называютъ Кавказскій хребетъ *Аланскими* горами и считаютъ за аланъ всѣ племена, жившія по сѣверному склону Кавказа, у истоковъ Кубани и Терека, и по равнинѣ, вплоть до царства Хазарскаго и береговъ Азовскаго и Каспійскаго морей.

Такъ, напримеръ, Иосафато Барбаро, писатель XV-го столѣтія, прямо говоритъ, что «имя Аланія происходитъ отъ народовъ аланъ, которые на *своемъ языкѣ зовутъ себя асы*». Только одни ближайшіе сосѣди осетинъ, грузины,—которые вели съ ними нескончаемыя войны и знали ихъ такъ-же хорошо, какъ себя, а не по слухамъ, какъ знали ихъ иностранные путешественники и писатели,—всегда строго отличали въ своихъ описаніяхъ Осетъ (при истокахъ Терека) отъ Аланетъ (у истоковъ Кубани, западнѣе осовъ). На старой картѣ 1766 года Николая Деяля Аланетъ показана у сѣверной подошвы Эльборуса. Замѣчательно, что маленьке племя аланети до послѣдняго времени уцѣлело въ Кавказскихъ горахъ: на русской картѣ Колоколова, составленной въ 1836 году, оно показано было однимъ изъ восьми племенъ абдзеховъ на сѣверномъ склонѣ Цесельды, у истоковъ Зеленчука, т.-е. почти тамъ-же, гдѣ у Деяля. Говори о Дарьяльскомъ ущельѣ, я уже

говоришь о непрерывныхъ войнахъ, которыя осы вели съ Грузіей и съ народами, пробивавшимися черезъ Дарьяль. Въ XI-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, осетины образуютъ довольно сильное царство и имѣютъ даже династію царей, которые рождаются съ разными владѣтельными домами того времени, даже съ византійскими императорами. Знаменитая грузинская царица Тамара, по матери, была изъ рода осетинскихъ царей и сама вышла замужъ вторымъ бракомъ за Давида Сослана, сына осетинскаго царя Джадароса. Этихъ отчасти объясняется и вассальная зависимость Осетіи отъ Грузіи, и переполненіе Осетіи воспоминаніями о Тамарѣ. Хотя съ начала XIV-го столѣтія, послѣ подвиговъ Осбагатара, сѣверная Осетія стала свободною, но южная осталась навсегда подъ властью Грузіи.

Въ эпоху осетинскихъ царей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ феодальной Грузіи, сложилось, повидимому, и феодальное устройство осетинскаго общества, выдѣлились знаменитыя рыцарскія фамиліи Сидомоновыхъ, Царазоновыхъ, Кусагоновыхъ и пр., по колѣнамъ которыхъ отчасти до сихъ поръ дѣлится осетинскій народъ, хотя въ послѣдствіи сословное различіе его совершенно стерлось. Тогда-же появились многочисленныя замки феодаловъ, стѣны, башни, монастыри и церкви. Христіанство еще въ первые вѣка было занесено сюда грузинскими и еще болѣе греческими священниками. Главнымъ источникомъ его были прибрежныя колоніи римлянъ и грековъ, въ которыхъ христіанство утвердилось еще до Константина Великаго, проповѣдью апостола Андрея Первозваннаго и Симона Хананейскаго. Но особенно много заботился о крещеніи кавказскихъ горцевъ императоръ Юстиніанъ. При немъ греческіе священники проникали черезъ горы до самой Кабардинской площади, и множество разрушенныхъ древнихъ церквей, часовенъ, крестовъ, въ недоступной глуши горъ, обитаемыхъ мохамеданами, въ верховьяхъ Кубани, на Тебердѣ и въ другихъ ущельяхъ Кавказа, относится, по всей вѣроятности, еще къ тому отдаленному вре-

Осетинки.

мени... Недаромъ тогда «гора черкесская» называлась «страною христіанъ»; подъ этимъ именемъ «горы черкесской» старые писатели безразлично разумѣли весь горный хребетъ на западъ отъ долины Терека и Арагвы, слѣдовательно и Осетию. Этотъ Западный Кавказъ издавна былъ гораздо болѣе христіанскою страною, чѣмъ восточная, т.-е. дагестанская часть хребта, гораздо ближе подверженная вліянію персовъ и арабовъ, хотя и въ этой части было издревле проповѣдано христіанство св. Елисеємъ, неустрашимымъ ученикомъ апостола Фаддея, дѣйствовавшего въ Арменіи вмѣстѣ съ апостоломъ Варволомеемъ.

Нашествіе на Кавказъ арабовъ въ VII-мъ и VIII-мъ вѣкахъ подавило едва начавшееся христіанство.

Оно было истреблено почти повсемѣстно въ горахъ Кавказа, не только среди лезгинъ и чеченцевъ, но даже и въ болѣе далекой Осетіи. По крайней мѣрѣ, арабскій писатель Масуди сообщаетъ, что въ 931-мъ году осетины выгнали своихъ священниковъ, разрушили свои христіанскія церкви и приняли исламъ. Но въ Осетіи все-таки привязанность къ христіанству укоренилась глубже, чѣмъ въ восточномъ Кавказѣ. Царица Тамара скоро возстановила его, и путешественники XII-го и XIII-го и позднѣйшихъ вѣковъ говорятъ объ осахъ уже какъ о христіанахъ, врагахъ мохамеданъ. Генуэзецъ Интеріани, побывшій въ XVI-мъ вѣкѣ черноморскій берегъ Кавказа, нашелъ христіанство даже въ тамошнемъ черкесскомъ населеніи. «Черкесы называютъ себя христіанами,—пишетъ онъ,—и имѣютъ греческихъ священниковъ, но дѣтей крестятъ не ранѣе восьми лѣтъ. У народа этого нѣтъ азбуки; ихъ священники употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ». Въ этомъ была великая ошибка всѣхъ просвѣтителей горскаго Кавказа. Ни апостолы и ихъ первые ученики, ни Юстиніанъ, ни царица Тамара, ни греки, ни грузины, никто не позаботился о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ проповѣдью евангелія, создать письменный языкъ для обращенныхъ народовъ и перевести на него необходимыя священныя и богослужебныя книги, которыя могли бы упрочить христіанскія понятія даже въ отсутствіе учителей. Горцы оставлены были безъ одной понятной имъ молитвы, безъ литургіи, безъ евангелія. Если нашли въ ихъ исторіи люди, ревностно исполнявшіе дѣло св. Владиміра Равноапостольнаго, то не нашли никого, способнаго на просвѣтительный подвигъ Кирилла и Меѳодія, гораздо болѣе обезпечившій судьбу русскаго христіанства, чѣмъ корсунское рѣшеніе, дивровскія волховскія экзекудіи. Нечего и удивляться, что съмена Христовой вѣры, посвященный при такихъ печальныхъ условіяхъ, не дали въ горахъ Кавказа роскошнаго всхода.

Сообщенія съ горами были крайне опасны и затруднительны. Съ паденіемъ Византіи и генуэзскихъ колоній Чернаго моря, владыкою кавказскихъ береговъ сдѣлалась мохамеданская Турція. Грузія сама все слабѣла и расшатывалась подъ ударами азіатскаго мусульманства. Священниковъ посылагъ было неоткуда, а своимъ не на чемъ и не отъ кого было учиться. Понятно, что исламъ долженъ былъ торжествовать все болѣе и болѣе надъ горами Кавказа. Уже 50 лѣтъ послѣ Интеріани, доминиканецъ Іоаннъ изъ Кукки, побывавшій въ Черкесіи, пишетъ о ней:

«Черкесы нѣкоторые мохамедане, другіе греческаго вѣроисповѣданія, но *мохамеданъ болѣе*. Священникъ, который живетъ въ Терки, иногда крестить ихъ, но мало объясняетъ имъ законъ Божій; съ *каждымъ днемъ число турокъ* (т.-е. мусульманъ) *возрастаетъ*: отъ греческаго вѣроисповѣданія сохранился лишь обычай носить пищу на могилу и нѣкоторые посты...

«Абассы (т.-е. абхазцы) неграмотны,—прибавляетъ авторъ, словно въ объясненіе этого положенія религіи,—они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ много встрѣчается подруженныхъ крестовъ. Жители—величайшіе мощенники. Они носятъ усы, но бреютъ бороду, за исключеніемъ *паларовъ*. Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ».

Путешественникъ XVIII-го вѣка еще менѣе находитъ слѣдовъ христіанства среди горцевъ Кавказа. Такъ Рейнегъ (въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія) говоритъ о тѣхъ же абхазахъ: «Каждый изъ нихъ имѣетъ особія заблужденія, которыя называетъ своею вѣрою».

XV.

Религіозныя вѣрованья осетинъ.

ВООБЩЕ ко всѣмъ горцамъ подобнаго рода могъ бы вполнѣ примѣниться эпитетъ «одичавшихъ христіанъ», данный, въ 1818 году, жителямъ устья Пшата путешественникомъ Тебде-Марини. Такими-же «одичавшими христіанами» стали съ теченіемъ времени и осетины, исключая тѣхъ, которые прямо приняли исламъ. У нихъ точно такъ-же, какъ у пшавовъ, хевсуръ, тушиновъ, абхазцевъ и всѣхъ другихъ такъ-называемыхъ горскихъ христіанъ Кавказа, образовалась въ высшей степени своеобразная религія, въ кото-

рой отрывочныя воспоминанія христіанскаго культа перепутались съ народными суевѣрїями и остатками древняго язычества.

Нѣкоторые удѣлившіе въ памяти саятыя христіанской церкви заняли мѣсто въ рядахъ темной народной міѳологіи; важнѣйшіе дни и посты, освященные церковью, присоединялись къ празднествамъ въ честь языческихъ божествъ; молитва ко Христу и Богородицѣ стала освящать жертвы, приносимыя когда-то идоламъ, деревьямъ и камнямъ. За невозможностью имѣть настоящихъ священниковъ, за отсутствіемъ внутри всякой организаціи духовнаго управленія, всякаго духовнаго образованія, приходилось поручать исполненіе церковныхъ требъ, по наслѣдству, потомкамъ бывшихъ священниковъ или просто выборнымъ лицамъ, которыя, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ и указаній и приближая, въ теченіе вѣковъ, только къ своей памяти, разумѣется, день отъ дня все болѣе искажали обряды, молитвы и таинства церкви. Эти наслѣдственные и выборные священники, или, вѣрнѣе, жрецы народныхъ капищъ, получившіе въ разныхъ странахъ названіе деканозовъ, напаровъ и пр., стали въ послѣдствіи, изъ чувства самозащиты и личной выгоды, самыми ревностными противниками настоящаго христіанства, въ которомъ, разумѣется, для нихъ не оставалось мѣста. Интересно познаться ближе съ этимъ оригинальнымъ полудьяческимъ культомъ осетинъ и другихъ «одичавшихъ христіанъ», до сихъ поръ благоговѣнно почитающихъ свои древнія священныя рощи, свои жертвенныя камни, торжественно закалывающихъ какому-нибудь таинственному духу горъ или лѣса своихъ барановъ, быковъ и оленей среди попокъ, плясокъ, пѣсенъ, стрѣльбы и скачки.

Въ каждомъ осетинскомъ аулѣ есть непременно башня, называемая Арвядъ, гдѣ вѣчно пребываетъ духъ—покровитель аула, или «Кау-задъ». Оттого и самъ духъ этотъ часто называется у нихъ Арвядъ. Гдѣ нѣтъ башни, тамъ ее замѣняетъ настолько же священная скаля.

Ежегодно каждый домъ аула рѣжетъ ягненка въ жертву патрону. Кау-задъ приносятъ также жертвы въ особыхъ капищахъ, посвященныхъ этому «ангелю аула»; всякая семья рѣжетъ столько телятъ, сколько въ году родилось мальчиковъ, и несетъ эти жертвы на гору, въ молельню Кау-зада.

«О, Боже! слава тебѣ! (молятся осетины), ангель сего селенія созданъ тобою. Пусть будутъ на насъ милости твоя и его. О, Кау-задъ! принесенныя этимъ селеніемъ жертвы да будутъ угодны тебѣ; въ этомъ году ты умножилъ число нашихъ мальчиковъ; умножая, умножь же ихъ и въ будущемъ такъ, чтобъ твоя молельня ими была наполнена».

Такое-же значеніе покровителя имѣетъ для горскихъ ауловъ дру-

Ауль Малты.

гое божество ихъ—«Хуцаудуаръ» («божій святой»). Ему также молятся и приносятъ жертвы только члены рода, жители аула, не допускающая чужихъ. Капища ему строятся всегда на горѣ выше аула; ни одинъ осетинъ не приблизится къ нему иначе, какъ пѣшкомъ, чаще всего босикомъ; роль жреца этому богу исполняетъ обыкновенно старшій въ родѣ. Онъ одинъ имѣетъ право входить въ низенькую дверь моленной, куда вносятся жертвы, принесенныя жителями. Каменный жертвенникъ, уставленный стаканчиками пива и разными амулетками изъ ваты и нитокъ, возвышается въ этой темной и низенькой часовнѣ, безъ оконъ и безъ всякихъ свѣщеныхъ изображеній. Козловъ или барановъ въ честь Хуцаудуара городскіе осетины точно также рѣжутъ по числу родившихся членовъ семьи и по числу дочерей, выданныхъ семьею замужъ.

«О, хранитель этого аула! (молятся ему осетинскія женщины) покрой своимъ правымъ крыломъ дѣтей, рожденныхъ въ нынѣшнемъ году и принесенныхъ къ твоей моленной, чтобы къ нимъ не могла пристать никакая болѣзнь!»

Всѣ подобныя празднества, соединенныя съ принесеніемъ жертвъ,

пляскою, пѣснями, играми и попойкою, осетины называютъ «кудъ».

Многія изъ этихъ празднествъ посвящены христіанскимъ святымъ и происходятъ въ тѣ самыя дни, какъ и у православныхъ. Осетины помнятъ, напримѣръ, Богородицу, которую называютъ Мать-Марія, «Мады-Майрамъ», что не мѣшаетъ имъ вѣрить, будто Мады-Майрамъ живетъ въ священномъ камнѣ гдѣ-нибудь надъ ауломъ, куда обыкновенно они приводятъ своихъ молодыхъ, поручая ихъ ей заступничеству.

«Мады-Майрамъ!—кричатъ при этомъ мальчики, сопровождающіе молодую, бросая въ священный камень пули или камешки:—дай намъ доброй невѣсты столько мальчиковъ, сколько здѣсь пуля, и одну синеглазую дѣвочку!»

Святой Ильѣ, какъ и у насъ, русскихъ, пользуется особеннымъ уваженіемъ и популярностью; какъ у насъ, онъ почитается покровителемъ урожая, «хлѣбнымъ богомъ» своего рода, богомъ грома и молніи. Осетины зовутъ его Еля или Уацилла. Ему приносятъ они умилюющія жертвы, вѣшая съ разными обрядами на высокихъ шестахъ голову и шкуру жертвеннаго козленка или барана, на томъ самомъ мѣстѣ, куда ударили громъ, и восклицая всѣмъ хоромъ: «Святой Еля, помилуй насъ!»

Тому-же Уациллѣ посвящены священныя церемоніи «хлѣбнаго дня» (хоры-бонъ), вполне соответствующія нашему русскому «зажину». Жители аула, передъ началомъ полевыхъ работъ, собираются вмѣстѣ, принося каждый какую-нибудь ѣду или питье; одинъ изъ стариковъ беретъ на себя роль жреца и возглашаетъ молитвы сначала къ Богу, потомъ въ Уациллѣ:

«Уацилла, сегодня день твой, и мы усердно молимъ тебя, помоги намъ—сдѣлай такъ, чтобъ житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верху съ остатками».

«Оменъ!»—подтверждаютъ присутствующіе. Сверхъ того, Ильѣ посвящается ауломъ на общій счетъ лучший быкъ въ стадѣ, котораго указываетъ гадальщикъ, какъ пріятнаго Уациллѣ, и котораго закалываютъ въ день начала жатвы, сдѣлавъ ему крестъ на лбу тоже съ разными церемоніями.

Такое-же значеніе, какъ святой Ильѣ въ судьбахъ хозяйства, имѣетъ для осетинъ св. Георгій въ дѣлахъ войны и вообще всякихъ внѣшнихъ сношеній ихъ съ другими людьми. Онъ носитъ у осетинъ, какъ воинъ по преимуществу, весьма характерное имя *святого мужчины* (Уастырджи); осетины представляютъ его себѣ вѣчно развѣжающимъ на

АБАЗИНИ БИБЕРДОВСКОГО АУЛА (Кубанск. обл.).

бѣломъ конѣ, отлично вооруженнымъ и необыкновенно ловкимъ джигитомъ.

Уастырджи любитъ храбрость и честные подвиги, но грозно караетъ воровъ, клятвopеступниковъ, тайныхъ убійцъ. Онъ—въ то же время покровитель животныхъ, какъ и св. Георгій у русскихъ. Осетины такъ чтутъ своего Уастырджи, что строятъ ему особыя молебни высоко надъ ауломъ, чтобъ оттуда ему было удобно охранять людей и скотъ аула. Къ этой молебнѣ сходятся въ концѣ ноября (у христіанъ 23-го ноября день св. Георгія) выборщики изъ каждаго семейства и приносятъ съ собою обычныя свои яства и напитки: шашлыкъ, сырники, пиво, которые раскладываютъ на буркахъ и истребляютъ съ церемоніями и молитвой.

«О, великій Богъ боговъ, помоги этому народу! (читаетъ старѣйшій изъ богомольцевъ). О, Уастырджи, сегодня день твой и люди эти пришли къ твоему подножію, дабы воздать тебѣ, покровителю и карателю всѣхъ, славу».

А слушатели, стоя кругомъ чтеца и держа въ рукахъ шапки, отверстіями вверхъ, въ знакъ просьбы, послѣ каждаго стиха подхватываютъ хоромъ: «омень!» Потомъ всѣ садятся на коней и объѣзжаютъ съ молитвою молебню св. Георгія: «Уастырджи! соблюди насъ и лошадей нашихъ!» Важнѣе молитвы не можетъ быть для кавказскаго горца. Николай-угодникъ тоже почитается осетинами, подъ именемъ Микаль-Габырта, нераздѣльно съ невѣдомымъ святымъ Рекома, и даже дни его праздниковъ вполнѣ совпадаютъ съ христіанскими, т.-е. бываютъ 6-го декабря и 9-го мая.

Подобно нашему русскому простонародью, осетины сохранили въру

Осетины съ ардана.

въ специальныхъ покровителей животныхъ, христіанскихъ святыхъ или второстепенныхъ боговъ язычества—распознать трудно.

Такъ, Овсати—святая туровъ, дикихъ козловъ, оленей, вообще всякой охотничьей дичи. Осетинъ-охотникъ никогда не дозволяетъ себѣ убить малѣйшее животное «изъ стада Овсати», не испросивъ на то позволенія его.

«О, Овсати! (молится онъ передъ началомъ охоты, выложивъ на камень заготовленные на этотъ случай три сырника). Я бѣдное созданіе божіе, пришелъ къ подножію твоему въ надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного бѣднаго оленя или козла; молю тебя, призири на меня съ высоты своей и выпусти на долю моей винтовки хотя старую козу, негодную для тебя».

Эта первобытная наивность осетинскихъ охотниковъ тѣсно связана съ другимъ лобрымъ обычаемъ ихъ, который возможенъ только въ простотѣ патриархальныхъ нравовъ, когда человѣкъ воленъ черпать изъ общей кормилицы-природы все то, что нужно ему и что онъ въ состояніи добыть изъ нея, не стѣсняясь перегородками «моего» и «твоего», не оплачивая подаত্যю каждаго шага своего, своей собаки, своего ружья, своего права бродить по горамъ.

«Звѣрь Овсати» считается общимъ имуществомъ своего рода, а охотникъ обязанъ накормить имъ не только бѣдныхъ своего аула, но и всѣхъ, кого встрѣтитъ на пути. Если онъ не исполнитъ этого, Овсати никогда уже не дастъ ему убить ничего изъ своихъ стадъ.

Волки тоже имѣютъ у осетинъ своего святого. У русскихъ это св. Георгій, у осетинъ—Тутуръ, которому каждую осень приносятъ въ жертву козель и въ честь котораго держится постъ.

«О, Тутуръ (молятся ему осетины, по окончаніи поста, вынимая изъ деревянной ступы еще наканунѣ туго заткнутую въ нее шапку)! учини такую милость, чтобы глотки твоихъ звѣрсей-волковъ были заткнуты камнями такъ крѣпко, какъ глотка вотъ этой ступы! О, Тутуръ, спаси меня и скотъ мой отъ пастей волковъ твоихъ, прогоняя ихъ далеко».

Фалвара, осетинскій покровитель овецъ, «овечій богъ», какъ у русскихъ святой Мамонтій. Когда ему приносятъ въ августѣ жертву, то молятся:

«Богъ боговъ! Тобою созданы мы и скотъ нашъ. Ты надѣлилъ Фалвару овцами и счастьемъ, надѣли имъ и насъ. О, Фалвара! Богу угодно было вручить тебѣ головы нашихъ овецъ, а потому молимъ тебя, отвори отъ нихъ всякую болѣзнь; умножая умножь ихъ настолько, сколько на небѣ звѣздъ».

Льса у осетинъ также имѣютъ своего патрона, «чернаго святого» или «святого черныхъ льсовъ» (Студзуръ).

Сверхъ того, осетины вѣруютъ въ различныхъ боговъ болѣзни, напримѣръ: Рына—бога повальныхъ болѣзней, Аларды—злого святого, посылающаго на людей оспу, котораго даже въ молитвахъ просить «не подходить близко» и въ честь котораго также воздвигаютъ молебниці, приносятъ жертву, складываютъ священныя пѣсни. «Тхостъ»—это ихъ злой духъ. «Банаты-Хицау» у нихъ богъ дома, то же, что наша домовая, щуръ или рим-

Осетини.

скій ларь. Ему молятся при свадьбахъ, вводя невѣсту въ домъ жениха. Но не одному ему, однако, при этомъ необходимы молитвы: молятся и очагу съ неизбѣжною желѣзною цѣпью, чтобы они приняли подъ свое покровительство новаго члена семьи, и священному столбу сакли, «ангелу головы», обвѣшанному рогами животныхъ, и богу болѣзней, и богу ума, и любви, и святому, который охраняетъ отъ паденія арбу, и святому спины, и святому живота.

Вообще, нѣтъ предмета въ домашней жизни осетина, который не имѣлъ бы своего святого или божка. Поэтому колдуны или гадалышники ихъ, такъ-же какъ распорядители свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ, должны обращаться съ молитвами и заклинаніями къ безчисленному множеству святыхъ, даже къ «святому паутины», къ «святымъ волосъ и ногтей», «святымъ травъ и вѣтровъ», къ «святымъ жуковъ, червяковъ, змѣй» и пр., и пр.

Напротивъ, понятіе о Христѣ Спасителѣ уцѣлѣло у нихъ очень слабо; правда, они постятся въ великій постъ и празднуютъ Пасху, но не придаютъ ей особеннаго значенія.

Старики говорятъ, что Чиристи (Христосъ) дасть на томъ свѣтѣ мѣсто въ «дзенегъ» (раю) душѣ того человѣка, который будетъ поститься. На Пасху они рѣжутъ ягненка, перекрестивъ его лобъ полѣномъ, взятымъ изъ очага, и очень дорожатъ водою, зачерпнутою въ

эту ночь. Женщина, зачерпнувшая раньше других, почитается счастливицею. На этой водѣ женщины чуть свѣтъ замѣниваютъ муку для «чурековъ», припѣвая священныя пѣсни: «О, водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и святая пасха, наполните этого домъ всѣми благами міра, и кто почерпнулъ въ лучшей часъ воду, съ тѣмъ сравните и меня; о, святая пасха, чуреки да будутъ сладки и приятны тебѣ, о, Чиристи, всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ дзенетѣ дашь душамъ ихъ мѣсто» и т. д.

Такимъ образомъ, Пасха этихъ «одичалыхъ христіанъ» обратилась въ одинъ изъ темныхъ фетишей, къ которымъ они прибѣгаютъ изъ корыстнаго расчета, и имя Христа у нихъ призывается на-ряду съ русалками.

О Богѣ, Творцѣ міра, осетины имѣютъ, однако, болѣе точныя представленія.

Когда они приносятъ ему въ жертву быка, то старѣйшина читаетъ такую молитву:

«Слава тебѣ, Боже, слава тебѣ, о, *Богъ* боговъ! Ты создалъ все: и ангеловъ, и святыхъ, и что видимъ и не видимъ.

«О, Боже, ты создалъ времена, годы и дни; молимъ тебя, пошли намъ хорошія времена, годы и дни. О, Боже, травою насыти твоихъ животныхъ, а хлѣбами твоихъ людей; о, Боже, сдѣлай такъ, чтобъ подъ тобою не было бѣдныхъ и голодающихъ; о, Боже, если на томъ свѣтъ есть что-нибудь, то имъ надѣи и насъ!»

Уже изъ того немногаго, что привели мы здѣсь, видно, какъ перепутались въ невѣжественномъ воображеніи осетина христіанскія понятія о Богѣ-Вседержителѣ съ привычками древняго многобожия и обожанія природныхъ силъ.

Будучи, въ сущности, почти фетишистомъ, осетинъ обставляетъ каждый шагъ своей жизни заклинаніями и молитвами, и въ его быту колдунъ имѣетъ до сихъ поръ гораздо большее значеніе, чѣмъ священникъ. Порча, сглазъ, «лихіе люди» играютъ въ его судьбѣ еще большую роль, чѣмъ въ самыхъ темныхъ слояхъ нашего простонародья. Эти суевѣрія дикаря насквозь проникаютъ собою не только его религиозные обряды, но даже его судъ, его забавы и игры.

До сихъ поръ еще обвиненный осетинъ становится передъ своимъ сельскимъ сходомъ (нихасъ) съ собакою или кошкою на плечѣ, увѣряя въ своей невиновности, и твердо увѣренный, что, въ случаѣ обмана, собака или кошка весь вѣкъ будетъ мучить его на томъ свѣтѣ.

До сихъ поръ еще не вывелся среди осетинъ позорный обычай отдавать живого убійцу въ вѣчныя холопы убитому на томъ свѣтѣ,

дѣлать изъ него «фаялыста», существо, лишенное человѣческихъ правъ, презираемое всѣми ниже всякаго животнаго.

XVI.

Поэзія и бытъ осетинъ.

НО осетины любопытны не одними своими религіозными и бытовыми суевѣріями. Любопытна и ихъ глубоко-оригинальная поэзія. Это народъ такого широкаго и притомъ древняго эпоса, подобнаго которому трудно встрѣтить. Пѣсни, сказки и былины осетинъ могутъ наполнить собою томы, и часто цѣлыя длинныя зимніе вечера въ темной саля, вкругъ чадащаго очага, проводятъ они въ безмолвномъ наслажденіи, слушая стараго сказочника или пѣсенника, бряцающаго на своей двухструнной скрипкѣ (фандиръ). Весь осетинскій эпосъ вращается на разказахъ о подвигахъ нартовъ, этихъ кавказскихъ нибелунговъ своего рода.

Нарты—это было особое племя богатырей, жившее когда-то на Кавказѣ, или какая-нибудь пришлая дружина завоевателей, оставившая въ своемъ потомствѣ фантастическія воспоминанія о былыхъ дѣяніяхъ. Въ названіи осетинской рѣки Нардонъ, въ имени аула Нара и общины нарцевъ несомнѣнно звучить имя древнихъ обитателей Осетіи—нартовъ. Нартовъ знаетъ не одна Осетія, но и вся Кабарда. Нарты жили Богъ знаетъ какъ давно.

Осетинскій князь съ сыномъ.

«Когда небо еще не сгушалось, а земля только-что сплотивлась, я был уже мужчина въ зрѣлыхъ лѣтахъ», говорилъ о себѣ одинъ изъ славнѣйшихъ нартовъ, Сосрыко, сынъ Сатана.

«Когда Бештау былъ не больше кочки и черезъ Идыль (т.-е. Итиль, Волгу) шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ».

Нарты не поклонялись Богу. Ватрасъ или Батирасъ, осетинскій Прометей и Геркулесъ, не только уноситъ въ своемъ карманѣ, на своемъ чудесномъ конѣ, Дурдуръ, «длинну земли», не только пытается поднять «всю тяжесть земную», но еще истребляетъ семью-семь фараоновъ, семью-семь ангеловъ и отказывается повиноваться самому Богу, который, наконецъ, истребляетъ его за его гордость. Нарты жили на землѣ еще тогда, когда она была переполнена великанами и людоедами.

Нартъ Урызмагъ, братъ и мужъ мудрой нартовской героини Сатанэ, продѣлываетъ съ одноглазымъ людоедомъ-великаномъ ту-же хитрость, какую продѣлалъ Улиссъ съ одноглазымъ циклопомъ Полифемомъ, такимъ же пастухомъ и жителемъ пещеры, какъ и людоеды нартовскихъ сказаній. Онъ выкалываетъ ему, спящему, послѣднй глазъ и, одѣвшись въ шкуру любимого козла великана, на четверенькахъ выходитъ изъ пещеры. Трудно рѣшить, кто похитилъ другъ у друга основной текстъ этой сказки: Гомеръ у осетинъ, или осетинъ у Гомера.

Какъ бы ни было, преданія дѣлаго Кавказа переполнены памятью о великанахъ, нѣкогда жившихъ здѣсь и притомъ въ тѣсной связи съ пещерами и громадными башнями. Въкъ циклопическихъ построекъ дѣлается почти исторически доказаннымъ этими необыкновенно дружными и широко распространенными преданіями, одинаково прочно удѣлѣвшими въ памяти сванета, грузина, осетина и черкеса...

Передъ великанами, съ которыми сталкивались нартъ, они казались такими же карликами, какими передъ ними, нартами, казались обыкновенные люди. Такими-же великанами были и звѣри, птицы, населявшие тогда землю. Въ одномъ нартовскомъ сказаніи описывается, какъ ястребъ унесъ въ когтяхъ быка, на одной лопаткѣ котораго былъ послѣ построенъ большой аулъ; эту лопатку съ дѣлымъ ауломъ перекидывала съ боку на бокъ лисица, а дочь великана перевернула коромысломъ лисицу, полшкуръ которой не хватило на шапку ребенку. Эта-же лопатка попала, какъ заноза, въ глазъ пастуху-великану. Такъ чудовищны были размѣры міра, въ которомъ жили нартъ.

Въ знаменитой сванетской сказкѣ объ Амранѣ, прототипѣ дѣлой сказочной литературы Грузіи, которую мнѣ удалось выслушать изъ

усть одного образованнаго спанета, на каждомъ шагѣ встрѣчаются подобныя же титаническія изображенія. Такъ, напримѣръ, пастухъ кидаетъ въ убѣгающаго волка камень, оказавшійся пещерою, въ которой сидѣли пять богатырей. Нарты славятся не только своею храбростію, силою и твердостію слова, но еще необыкновенною хитростію; ихъ Сосрыко—это чистый Улиссъ, многоумный, и даже, какъ Улиссъ, безвредно спускается въ подземное царство мертвыхъ. Нарты роскошны и щедры. До сихъ поръ, когда осетинъ хочетъ похвалить гостепрѣимство хозяина, онъ говоритъ: «щедръ, какъ нарты». Назвать мужчину нартомъ, сравнить хозяйку за ея разумъ и хлѣбосольство съ Сатанѣ—для осетина нѣтъ больше похвалы.

Нарты никогда не работали и не нуждались въ работѣ. У нихъ хлѣбъ родился совсѣмъ готовый въ пищу, и кукуруза, которою питались они, до сихъ поръ называется у осетинъ «хлѣбомъ нартовъ» (нарты-хоръ). Лошади ихъ имѣли ноги какъ камень, были легки какъ вѣтеръ, понимали рѣчь человѣка и давали ему мудрые совѣты, а на врага бросались сами и истребляли его, не ожидая приказаній хозяина.

Вообще, нарты—идеалъ воина и счастливаго человѣка въ глазахъ осетина и кабардинца... Нарты сожжены огнемъ Божиимъ за то, что не поклонились Богу, и съ тѣхъ поръ наступило царство жалкихъ маленькихъ людей и безсильныхъ трусовъ.

Однако, сохранились пѣсни, которыя показываютъ, что нарты дѣйствовали и въ историческое время. Такова пѣсня о смерти нарта Баксана, сына Даусова, сочиненная, по преданію, сестрою его и относящаяся къ IV-му вѣку по Рождествѣ Христовомъ, эпохѣ столкновеній кавказскихъ горцевъ съ готами.

«Геройство Баксана освѣщаетъ антскій народъ своими доблестями. О, родина Даусова Баксана, хотя онъ уже не существуетъ, но когда будешь добывать тебя готъ, не покоряйся!

«Сонмъ нартовъ, отводя щитами удары вражескихъ копій, единодушно призывалъ Бога на помощь, но Баксану не удалось участвовать въ этой молитвѣ.

«Весь народъ почиталъ его за благого духа; когда начиналось сраженіе и удары блистали, какъ молнія, его присутствіе поселяло въ антскомъ народѣ увѣренность. Готскія истязанія не прекращаются; весь антскій народъ пришелъ въ отчаяніе, потому что восемь паръ воловъ привезли его тѣло на родину. Собравши грековъ, я предложила имъ сдѣлать памятникъ; хотя каменный образъ ниже его, но сходство съ нимъ узавило мое сердце. Народъ не покидаетъ траура и, чтобы его увѣковѣчить, рѣку Альтудъ назвала Баксаномъ».

Памятникъ, о которомъ говорится въ этой замѣчательной пѣснѣ,

дѣйствительно былъ найденъ на берегу Етоки, въ Кабардѣ, и нѣсколько лѣтъ назадъ перевезенъ въ Пятигорскъ, гдѣ я его видѣлъ на общественномъ бульварѣ, среди нѣсколькихъ другихъ интересныхъ памятниковъ древности, срисованныхъ мною въ путевой альбомъ.

На памятникъ этомъ не столько любопытна весьма неукусно сдѣланная фигура самого Баксана, вооруженнаго колчаномъ стрѣлъ, лукомъ въ тулѣ, саблею и кинжаломъ, сколько характерны изображенія охоты, попоекъ, дикихъ звѣрей и битвъ, покрывающія нижнюю часть статуи... Греческая надпись на этомъ памятникѣ дѣйствительно упоминаетъ Баксана и свидѣтельствуетъ, что памятникъ воздвигнутъ въ IV-мъ вѣкѣ.

* * *

Осетинъ теперь не очень много, нѣсколько болѣе 65,000 душъ, и изъ нихъ большая часть живетъ въ ущельяхъ сѣвернаго склона, отъ Пасмта до Казбека. На южномъ склонѣ считается всего тысячъ 20 осетинъ, переселившихся въ древности на земли грузинскихъ феодаловъ, князей Эристовыхъ, Мочабеловыхъ и др., ставшихъ, вслѣдствіе этого, крѣпостными и поэтому утратившихъ истинный характеръ осетина.

Настоящій осетинъ—это житель недоступныхъ горныхъ долинъ Дигоріи или обставленныхъ отвѣсными скалами ущелій какого-нибудь Ар-Дона, въ родѣ Касарскаго.

Кабардинцы съ одной стороны, грузины—съ другой, держали осетинъ по дѣлымъ столѣтіямъ взаперти въ ихъ мрачныхъ заоблачныхъ аулахъ, не пропуская на равнину ни для торговли, ни для сношеній съ другими племенами. Поневоля старая многоэтажная башня замка (галуана) сдѣлалась для осетина дѣвымъ міромъ, который одинъ только привыкъ онъ любить, за который одинъ онъ готовъ былъ умереть съ оружіемъ въ рукѣ. Собственный дворъ, обнесенный стѣнами и башнями, сохраняющій древнихъ родовыхъ божковъ и въ камнѣ очага и въ столбѣ, поддерживающемъ кровлю, и въ каждой, отъ вѣка обязательной, хозяйственной подробности дома, да родной аулъ съ его священнымъ Арвадомъ,—далше этихъ предѣловъ не простирались обязанности осетина.

Аулы рѣдко сносились другъ съ другомъ черезъ пропасти и снѣговые утесы, а если сталкивались, то почти всегда враждя, для разрѣшенія оружіемъ какого-нибудь спора за лѣсъ или пастбище или для исполненія священнаго законовъ кровавой мести.

Дигорець дичился алагирца, алагирецъ — тагаурца или куртагинца.

Каждый родъ жить обособленно и замкнутою жизнью, исполненный недоверія и опасеній ко всему, что кругомъ него, что не онъ самъ. Такая жизнь вѣчнаго одиночества и враждебности развивала въ осетинскомъ горцѣ могучую силу самопомощи и сноровку борьбы.

Сходка хозяевъ аула (пахастъ) замѣнила собою все государственное устройство, суды и законы. Всякій покорился безпрекословно приговору пахаса и неподвѣжнымъ обычаямъ старины, которые поддерживались даже изгнаніемъ, даже смертною казнью. Въ стѣнахъ дома была одна, точно такая же простая, безапелляціонная, вѣками освященная власть — воля отца. Отецъ — глава дома, это живой законъ осетинской семьи; даже взрослый сынъ не смѣетъ заговорить съ нимъ первый, не смѣетъ сѣсть при немъ, не смѣетъ ѣсть при немъ.

Отецъ входитъ въ комнату — и все встаетъ на ноги, жена, сыновья, домочадцы, все умолкаетъ и ждетъ, что скажетъ, что велитъ сдѣлать хозяинъ. Старшинство вообще въ огромномъ почетѣ у осетина. Младшій братъ во всемъ слушается старшаго, служить ему, не садится при немъ. Полковники, заслуженные офицеры изъ осетинъ — встаютъ съ своего мѣста и уступаютъ его, когда въ домъ войдетъ старикъ, хотя-бы простой пастухъ. Отецъ семейства обѣдаетъ отдѣльно отъ семьи; ему служатъ младшіе члены. Для него въ домѣ непременно стоить особое деревянное кресло, большею частью изукрашенное рѣзьбою, иногда глубокой старины.

Осетинъ не сидитъ, поджавъ ноги, какъ другіе горцы Кавказа, а садится, по нашему, на скамьи и стулья. Но это почетное семейное кресло служитъ только для отца, переходя изъ рода въ родъ, какъ

Старикъ-осетинъ.

атрибутъ родительской власти. Въ этомъ обычаѣ нельзя не узнать черты нравовъ древняго германца, въ простомъ быту котораго до сихъ поръ сохранилось это священное значеніе дѣдовскаго кресла.

На торжественной пирушкѣ глава дома, съ мясомъ въ одной рукѣ, съ кубкомъ, полнымъ раки, въ другой, читаетъ нѣчто въ родѣ молитвы и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствія гостямъ; только послѣ такого благословенія пирующихъ патриархомъ дома, всѣ принимаются за питье и ѣду. На празднествахъ (кувдахъ), отецъ семьи точно также приноситъ за свой родъ жертвы богамъ аула или овечьихъ стадъ. Онъ вездѣ олицетворяетъ собою семью. Онъ не только ея хозяинъ, онъ ея царь.

Только онъ можетъ казнить смертью жену или сына. Народная сходка (нихастъ) объявляетъ приговоръ, но казнь надѣ членомъ семьи долженъ выполнить самъ владыка ея. Нечего говорить, въ какомъ положеніи стоитъ женщина въ такой патриархальной землѣ.

Она—признанная раба мужчинъ, прежде всего хозяина.

Она сама сознаетъ себя рабою и радостно несетъ свое иго, до рожа ласкою своего господина выше всего на свѣтѣ, ничѣмъ такъ не гордясь, какъ умѣвемъ услужить ему, заслужить его милость. Жена покупается на деньги, иногда за 75 руб., иногда за 150 руб., иногда за 500 руб. У осетинъ, даже мохамеданъ, теперь рѣдко бываетъ двѣ жены; однако, бываетъ и по нѣскольку; а недавно еще многоженство было повсемѣстно. Кромѣ настоящей законной жены, есть еще *поллусы*, узаконенныя наложницы, не имѣющія правъ хозяйскъ; дѣти ихъ уже не наслѣдники и не будущіе хозяева дома, а *кавдасарды* или *куміаки*, нѣчто въ родѣ полурабовъ, освобожденные, однако, вмѣстѣ съ другими, въ 1867 году. Женщины не смѣютъ быть съ мужчинами, хотя и не закрываютъ своего лица. Даже на большихъ праздникахъ онѣ танцуютъ и ѣдятъ отдѣльно отъ мужчинъ въ своихъ кружкахъ.

На женщинъ лежатъ за то всѣ заботы и всѣ работы дома. Трудно найти болѣе трудолюбивую и полезную для дома хозяйку, какъ осетинка. Пустынная жизнь горъ, отсутствие всякой торговой и промышленной жизни, всякихъ сношеній съ городами поневолѣ заставили ее находить въ себѣ самой, внутри своего галуана, удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ семьи.

Осетинка сама прядетъ шерсть своихъ овецъ и ткетъ изъ нея прекрасныя мягкія ткани для черкески или башлыка своего мужа; осетинка шьетъ ему сапоги изъ кожи козла или буйвола, папаху изъ домашней овчины, приготовляетъ изящные позументы и тесьмы для отдѣлки его платья и оружія. Словомъ, осетинъ одѣтъ съ головы до ногъ своею женою. Нечего говорить, что онъ накарменъ, напоенъ и

обитьею ею же. Она готовитъ ему любимую его водку (раку) и ячменное пиво, она лакомитъ его вкусными сырниками и пирожками, она обрабатываетъ его поля, приноситъ на своей спинѣ дрова изъ лѣса, относитъ зерно на мельницу.

Какъ бы поздно ни вернулся глава дома, вѣрная жена должна ждать его не раздѣваясь, снять съ него мокрую бурку или пыльные сапоги, накормитъ, обогрѣтъ и уложитъ въ постель своего суроваго повелителя, который стыдится даже сказать ей ласковое слово.

А застанъ мужъ жену съ чужимъ человѣкомъ, она безъ разговора будетъ повѣшена, и никто не осудитъ справедливаго приговора.

Конечно, эти обычаи прошлаго уже сильно уступили давлению русскаго закона и вліяніямъ новыхъ идей; они сохраняются въ глуши недоступныхъ ущелій, но уже почти забыты въ селеніяхъ плоскости или въ аулахъ долинь, черезъ которые проходятъ проѣзжія дороги.

Грозная патриархальность отеческой власти исчезаетъ мало-по-малу изъ осетинской семьи вмѣстѣ съ прежнимъ цѣломудріемъ, прежнею честностью слова и даже отчасти прежнимъ гостепріимствомъ,

Смертные приговоры нихаса, если они доходятъ до свѣдѣнія русскихъ начальствъ, преслѣдуются судомъ точно такъ же, какъ преслѣдуется у насъ, на Руси, сожженіе вѣдьмы суевѣрными крестьянами или обычный самосудъ конокрадамъ, захваченнымъ на мѣстѣ.

Осетинка окрестностей Владикавказа не только не славится теперь цѣломудріемъ, но вошла въ пословицу своею продажностью и развратомъ. Осетинъ, уже потершійся около городскаго базара и судебныхъ кляузниковъ, сталъ отъявленнымъ плутомъ. Поэтому изучать характеръ настоящаго, прежняго осетина невозможно по этимъ изуродованнымъ продуктамъ цивилизаціи большихъ дорогъ. Для этого нужно углубиться въ верхнія долины горъ, къ подножіямъ снѣговыхъ кавказскихъ титановъ. Крѣпче всего, однако, уцѣлѣли обычаи гостепріимства и уваженія къ отеческой власти.

Осетины и осетинки.

Зажиточные люди осетинских аулов несут изрядный налог своего рода, выполняя старинные обычаи гостеприимства. Въ аулах осетинъ нѣтъ ни трактировъ, ни кабаковъ, ни постоялаго двора, ни лавки. Проѣзжему, волей-неволей, приходится отдавать себѣ и своего коня въ полное распоряженіе мѣстныхъ жителей; и иначе онъ не получить ни куска хлѣба, ни горсти овса; а такъ какъ каждый стѣсняется обременять собою бѣдняка, то обращается къ какому-нибудь зажиточному и тароватому хозяину. Слава его гостеприимства обыкновенно распространена широко, и уже въ сосѣднихъ аулахъ указываютъ на него проѣзжему. Богатые осетины тщеславятся другъ передъ другомъ своимъ открытымъ образомъ жизни и многочисленностью своихъ гостей. А разъ странникъ побывалъ въ домѣ, онъ уже входитъ съ нимъ въ извѣстнаго рода нравственные обязательства, родится съ нимъ духовно.

Если, проѣзжая аулъ въ другой разъ, онъ минуешь прежняго хозяина и остановится у другого, онъ наноситъ этимъ кровную обиду первому и позоритъ его въ глазахъ всего аула. Это значить, что его принимали плохо, что онъ недоволенъ гостеприимствомъ прежняго хозяина.

При такихъ взглядахъ и при такой безпомощности проѣзжихъ, дома выдающихся жителей аула дѣлаются даровыми гостиницами для путниковъ, и за славу гостеприимнаго хозяина имъ приходится платиться значительною долею своихъ доходовъ.

Однако, отказать путнику, постукавшему въ дверь, никто не рѣшится, какова бы ни была его крайность. Если хозяину нечего самому ѣсть, онъ пойдетъ попросить сосѣдей, и они принесутъ ему охотно, кто что можетъ. Даже когда хозяина нѣтъ дома, всякій смѣло входитъ въ его кунацкую. Взаимность жителей аула развилась въ высшей степени вслѣдствіе вѣковой отчужденности отъ всѣхъ и полной самостоятельности аульной общины. Нищихъ, людей, которымъ нечего ѣсть, негдѣ пріютиться, не бываетъ въ осетинскомъ аулѣ. Родные, хотя-бы самые дальніе, сочли бы себѣ позоромъ, если-бы челоуѣкъ ихъ крови не получилъ у нихъ пріюта и куска хлѣба.

Но если законъ гостеприимства разорителенъ для богатыхъ, то свадьба, похороны и поминки разоряютъ повально все осетинское населеніе.

Какъ быг ни былъ бѣденъ челоуѣкъ, онъ обязанъ позвать на свадьбу весь аулъ и угощать его три дня сряду виномъ и мясомъ.

Осетинъ не знаетъ различія сословій, хотя на-дняхъ еще зналъ рабовъ—уже не сословіе, не часть народа, а имущество, такое же какъ скоть. Богатые и бѣдные одинаково посѣщаютъ всякаго сосѣда, и бѣд-

нига бывасть часто вынужденъ не только порѣзать весь свой скоть до послѣдней головы, но даже закабалить себя, чтобъ только отпразднать свадьбу. Какъ ни просты эти осетинскія пиршества, все-таки самому послѣднему жителю они обходятся рублей въ 300.

Поминки еще разорительнѣе. Они продолжаются цѣлый годъ послѣ смерти, каждую субботу; наконецъ, въ годовщину смерти должны быть зарѣзаны шесть или семь быковъ и опять созванъ весь аулъ, для котораго, сверхъ того, необходимо устроить скачку на призы, стоющую тоже не менѣе 300 руб. Иначе покойникъ осрамленъ и его благополучіе на томъ свѣтѣ ничѣмъ не обезпечено.

XVII.

Русская цивилизація въ Осетіи.

ЕСЛИ осетины еще живутъ въ довольствѣ, несмотря на такіе безумные обычаи, то исключительно потому, что обходятся всеѣмъ своимъ и почти не знаютъ никакихъ денежныхъ расходовъ. Женщина обрабатываетъ имъ поле, одѣваетъ и кормитъ семью, младшіе сыновья и братья замѣняютъ всякую прислугу.

Я познакомился съ нѣсколькими разумными и наблюдательными осетинами, хорошо говорившими по-русски и вполне испробовавшими успѣхи нашей европейской цивилизаціи.

Къ моему удивленію, они съ большою сердечностью говорили не о Петербургѣ или Тифлисѣ, а о патріархальныхъ нравахъ своей родины, увѣряя меня, что нигдѣ не живется такъ беззаботно, весело и здорово, какъ въ ихъ полудикихъ аулахъ.

«Мы, осетины, имѣемъ у себя дома все, что намъ нужно, а въ лишнемъ не привыкли нуждаться,—говорилъ мнѣ одинъ очень дѣльный офицеръ изъ осетинъ, увѣщенный Георгіями и видѣвшій на своемъ вѣку всякіе виды:—мы живемъ себѣ трудовою и здоровою жизнію, не мучась никакими невозможными желаніями, никакими соблазнами и сомнѣніями. Женщины наши не читаютъ и читать не умѣютъ, а въ десять разъ полезнѣе и лучше вашихъ образованныхъ женщинъ. Онѣ пляшутъ и поютъ гораздо веселѣе, любятъ гораздо искреннѣе, чѣмъ ваши, а умѣютъ хозяйничать такъ, что, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, которыхъ русскому офицеру не хватало бы и на мѣсяцъ, мы живемъ припѣваючи, даже считаемъ себя

богатыми; все сами имѣемъ и еще другимъ даемъ и не знаемъ, что такое долги. Видѣлъ я много русскихъ, вездѣ бывалъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ,—прибавляя этотъ осетинскій филозофъ,—и, скажу правду, мало видѣлъ среди вастъ спокойныхъ и счастливыхъ людей: всѣ словно сами себя боятся, и никто не вѣрится въ завтрашній день; всѣ—больные, недовольные, скучные, разоренные, куда-то все торопятся и сами не знаютъ куда. А мы, осетины, живемъ въ своихъ аулахъ по 100 лѣтъ и больше, и не знаемъ вовсе ни болѣзни, ни скуки; съ трехъ лѣтъ садимся верхомъ на коня, съ 12-ти лѣтъ уже джигитами дѣлаемся, и до старости поемъ пѣсни, поемъ раку, пляшемъ и джигитуемъ вмѣстѣ съ своими сыновьями.

«Вотъ у меня до сихъ поръ живетъ бабка 110 лѣтъ, совсѣмъ здоровая, а то есть въ аулѣ нашемъ старикъ 135 лѣтъ; послѣ 100 лѣтъ у него выпали старые зубы и выросли молодые, такъ онъ еще и теперь съ правнуками на праздникахъ пляшетъ. А посмотрѣли бы вы, какія у насъ рослыя и здоровыя красавицы, и что только могутъ перенести онѣ! Вашу русскую барышню такая работа въ одну недѣлю въ чаютку бы вогнала, а наши только веселѣе да здоровѣе дѣлаются, не разоряютъ насъ на дорогѣ наряды, какъ ваши, а еще отъ всѣхъ расходовъ избавляютъ».

Въ этой похвальбѣ горца, не сбитаго съ толку мишурною цивилизаціей, во всякомъ случаѣ, много справедливаго и много поучительнаго. Исторія здѣсь та-же, что и съ крымскимъ татаринимъ.

Наша собственная—негодѣлая, насильственная, чисто-внѣшняя гражданственность, неспособная проникнуть собою внутреннее существо побѣжденныхъ народностей и возродить ихъ полудикій средневѣковый міръ въ нѣчто болѣе плодотворное и осмысленное, дѣйствуетъ пока только распатывающимъ и развращающимъ образомъ на твердые устои патриархальной старины, съ которою приходится намъ сталкиваться.

Мы заучили только заглавія и нѣкоторые отрывочные тексты изъ великой книги европейской цивилизаціи, но еще сами не успѣли овладѣть ея содержаніемъ, ея духовною сущностью, еще сами не просвѣщены ею.

Мы знаемъ, что бываетъ необходима администрація и вездѣ устриваемъ ее, но еще не умѣемъ управлять: мы слышали, что законъ долженъ стоять вершителемъ всего, но не привыкли еще питать въ своемъ сердцѣ благоговѣнія къ нему, и потому господство закона у насъ не идетъ дальше водруженія зеркала съ двуглавымъ орломъ на зеленомъ или красномъ столѣ. Оставаясь внутри себя, по вкусамъ, привычкамъ,

убѣжденіямъ, людьми Азии, мы, конечно, не могли внести ничего полезнаго въ азиатскую патріархальность одною только развязностью манеръ, усвоенныхъ въ европейскомъ трактирѣ, да покроемъ своихъ европейскихъ одеждъ. Считая себя миссіонерами цивилизаціи на дикомъ востокѣ, мы и на горы Кавказа, какъ впоследствии на Ташкентъ, на Батумъ, стали прежде всего вліять взяточничествомъ своего самодурнаго чиновничества и разведеніемъ кабаковъ.

— Пристава окружные заѣли насъ! — жаловались мнѣ въ горахъ. —

На пристава никакого суда нѣтъ; что хочеть, то и творить. И все больше поляки! откуда только понесли ихъ столько. Четыре года поживеть, ужъ капиталъ собралъ; тамъ хотъ гони его, ему горя мало. Вотъ въ Алагирѣ со всѣхъ осетинскихъ ауловъ по нѣскольку разъ на дороге

Осетинская повозка.

подать собирали, съ каждаго двора по десяти, по 25 рублей, а все до сихъ поръ нѣтъ ни денегъ, ни дороги. Недавно требовали уплатить еще по 50 руб., тогда будетъ вамъ дорога. «А гдѣ-жъ наши прежнія деньги?» спрашиваютъ. — «Ищите, гдѣ знаетъ». Не стали алагирцы платить, говорятъ: — «сначала дорогу сдѣлайте, тогда мы заплатимъ, что съ кого съдуеть».

Въ Осетіи до сихъ поръ нѣтъ ни одной порядочной дороги; даже громко называемая «военно-осетинская дорога», идущая по долинѣ Нардона, далеко не окончена, хотя строится десятки лѣтъ, и не служить ни къ чему. А между тѣмъ, пока не будетъ дорогъ, невозможны ни промышленность, ни торговля, ни образованіе, ни управленіе. Горцы вообще честные и разумные люди, и у нихъ много условій стать вполне мирными и дружелюбными къ русскимъ. Осетины особенно крѣпко держатся русскихъ и своєю отчаянною храбростію въ послѣднюю турец-

кую войну блестяще доказали это. Но нѣтъ никого, кто-бы серьезно пошелъ навстрѣчу этой потребности горцевъ. Тѣснить и грабить, проявляя свой начальнической произволъ, пользуясь невѣжествомъ и зависимостью дикаря, охотниковъ много. Но сдѣлать для горцевъ доступными торговые рынки, развивать среди нихъ полезныя ремесла, учить ихъ русскому языку и европейскимъ знаніямъ—за эти дѣла берутся только на бумагѣ, для отписки высшему начальству, для поимки крестика или чина. Школы заводятся въ аулахъ Осетіи; но въ нихъ, по отзывамъ самихъ осетинъ, не научаются даже русскому языку. Во Владикавказѣ основана военная прогимназія, куда прививаются горцы; но тамъ какихъ-нибудь 150 вакансій и на русскихъ, и на всевозможныя горскія племена. Нельзя обвинять наши мѣстныя управления, что они вовсе не задаются широкими цивилизующими дѣлами; но все это дѣлается, большею частью, безъ искренняго желанія, безъ строгой системы, безъ настойчивости и одушевленія, скорѣе какъ неизбѣжная уступка новымъ либеральнымъ взглядамъ правительства, чѣмъ по сознанию плодотворности самаго дѣла.

А главное—безнадежный подборъ исполнителей убиваетъ въ зачаткѣ самое доброе начинаніе высшихъ властей. Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ, повидимому, достигло лучшихъ результатовъ. Еще недавно вся сѣверная Осетія была лишена священниковъ; ея разрушенныя древнія церкви, разбѣяныя всюду по горамъ и ущельямъ, замѣнялись полуязыческими капищами, гдѣ наследственные жрецы исполняли свои полуязыческіе обряды. Изрѣдка только пробирались къ нимъ изъ Грузіи по опаснымъ снѣговымъ тропинкамъ православные священники, поддерживая тѣлющія воспоминанія о Христовой вѣрѣ и ея таинствахъ.

Одинъ образованный осетинъ изъ православныхъ рассказывалъ мнѣ, что не только дѣды ихъ, но и многіе изъ отцовъ не знали еще обряда вѣнчанія и собирались въ церковь только разъ въ годъ, на свѣтлый праздникъ, къ какому-нибудь заѣзжему попу. Теперь же вся Осетія раздѣлена на приходы и благочинія, вездѣ выстроены или обновлены церкви, священники изъ мѣстныхъ горцевъ обучаются въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ Тифлиса и Ставрополя, говорятъ хорошо по-русски и получаютъ изрядное жалованье, иные даже до 300 руб. въ годъ. Осетины теперь выполняютъ всѣ рѣшительно христіанскія требы, вѣнчаются, хоронятъ, крестятъ, говѣютъ у поповъ, платя за эти требы по мѣрѣ достатка каждаго. Служба въ осетинскихъ церквяхъ совершается по-славянски, и только въ большіе праздники попы служатъ и говорятъ проповѣди по-осетински. Какъ и въ прежніе вѣка, укорене-

ннѣ христіанства и цивилизаціи сильно мѣшаютъ совершенное отсутствіе у осетинскаго народа всякой грамотности, всякаго намѣка на письменную литературу.

Осетины замѣняютъ бирками всякій счетъ, всякую записъ, а мѣтописями имъ служатъ безчисленные олсны и турьи рога, которыми они, по поводу разныхъ событій, украшаютъ входы въ свои народныя святилища. Нѣтъ ни одной древней христіанской часовни, ни одного языческаго капища ихъ, въ родѣ знаменитой молеельни Рекома, которое не было-бы обвѣшано снаружи, а часто и внутри, рогами этихъ священныя для горда животныя, которыхъ онъ изстари привыкъ приносить въ жертву своимъ богамъ. Старики, по одному взгляду на эти рога, рассказываютъ исторію, когда-то послужившую поводомъ къ жертвѣ, хотя съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Дѣдъ передаетъ своему внуку и внукъ сыну эти полуисторическія, полуфантастическія легенды осетинской старины, разумеется, все больше и больше блѣднѣющей и стирающейся.

Только пѣсни бродячихъ горскихъ бардовъ, бряндающихъ на своемъ двухъструнномъ фандирѣ, да эти нѣмые памятники прошлаго сохраняютъ въ усыпленномъ умѣ осетина какое-нибудь воспоминаніе о временахъ его былаго героизма и его былыхъ страданій.

Впрочемъ, въ настоящее время, трудами въ-которыхъ русскихъ ученыхъ и образованныхъ осетинъ, положено хотя слабое основаніе осетинской письменности. Академикъ Шегрень, заинтересовавшійся открытіями Клапрота, составилъ первый сколько-нибудь практической осетинскій алфавитъ; въ 1844 году появилась его осетинская грамматика на русскомъ и

Осетины изъ вѣла Гюдоты.

нѣмецкомъ языкахъ, которая послужила главнымъ началомъ серьезныхъ лингвистическихъ изслѣдованій горскихъ языковъ и составленія для нихъ алфавитовъ. Академикъ Шифнеръ и особенно неутомимый труженикъ этого дѣла генералъ Усларъ, къ сожалѣнню, похищенный смертцю въ самый разгаръ своихъ плодотворныхъ трудовъ, болѣе всего послужили изслѣдованію горскихъ нарѣчій Кавказа. Осетинская азбука Шегрена, имѣвшая предшественникомъ своимъ азбуку Ягузидзе, основанную на грузинскихъ буквахъ, принимаетъ, напротивъ, въ основу русскій алфавитъ, точно такъ же какъ и всѣ послѣдовавшіе за нею алфавиты горскихъ нарѣчій, составленные генераломъ Усларомъ.

Въ этомъ предпочтеніи русскаго алфавита была очень разумная дѣла, такъ какъ съ его помощью можно надѣяться гораздо легче сблизить осетинъ и другихъ горцевъ съ русскою письменностью, чѣмъ съ помощью чуждыхъ и тѣмъ, и другимъ грузинскихъ или арабскихъ начертаній.

Съ помощью азбуки Шегрена, общество возстановленія христіанства на Кавказѣ успѣло уже перевести на осетинскій языкъ всѣ книги, необходимыя при богослуженіи.

Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ не ограничилось однимъ переводомъ книгъ, но позаботилось и о томъ, чтобы было кому читать и разумѣть эти книги. Оно уже успѣло основать на свой счетъ дѣльную систему сельскихъ училищъ въ Осетіи, не только мужскихъ, но и женскихъ.

Эти «осетинскія женскія школы», заводимыя ревнителями православія въ горахъ дикаго Кавказа, должны пристыдить многихъ изъ нашихъ официальныхъ русскихъ просвѣтителей, которые до послѣдняго времени упирались противъ женскаго образованія въ нашемъ цивилизованномъ отечествѣ, какъ противъ опаснаго новшества, посягающаго и на первобытную чистоту женскихъ правовъ, и едва не на самыя догматы религіи.

Въ Осетіи (сѣверной и южной), судя по даннымъ кавказскаго учебнаго округа, обнаруженнымъ въ 1879 году, считалось всѣхъ сельскихъ училищъ общества христіанства 24: изъ нихъ семь исключительно женскихъ съ 224-мя ученицами; всего-же учащихся въ этихъ школахъ было немного менѣе 1,000 человекъ.

Мнѣ не случилось посѣтить какую-нибудь изъ этихъ школъ, по случаю лѣтнихъ каникулъ, но, судя по отчетамъ, онѣ устроены очень старательно, гораздо старательнѣе, во всякомъ случаѣ, чѣмъ множество сельскихъ школъ въ нашихъ искони православныхъ русскихъ губерніяхъ. Въ каждой школѣ непременно есть особый законоучитель, по-

лучающій отъ 100 до 50 р. въ годъ, и, кромѣ школьнаго учителя, нѣрѣдко еще помощникъ его.

Жалованье учителя отъ 600 руб. до 300 руб.; но 300 руб., вообще, очень рѣдко. Въ нѣкоторыхъ училищахъ есть учительницы, получающія отъ 200—300 руб., такъ-же какъ и помощники учителя.

Въ самыхъ-же большихъ училищахъ, какъ, напримеръ, въ алагирскомъ, имѣющемъ 120 учениковъ, ардонскомъ съ 60-ю учениками, есть даже отдѣльные учителя ремеслъ, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ. Въ составѣ учителей этихъ школъ большая часть мѣстныхъ горцы, получившіе образованіе въ александровской учительской школѣ Тифлиса или въ другихъ русскихъ училищахъ.

Начальныхъ школъ кавказскаго учебнаго округа мало въ Осетіи, и эти немногія сосредоточиваются во Владикавказѣ и нѣкоторыхъ другихъ центральныхъ пунктахъ, не проникая такъ глубоко въ страну, какъ школы общества христіанства.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, среди осетинъ уже являются понемногу люди, кончившіе курсъ въ различныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ университетахъ, способные посвящать себя и научному изслѣдованію своей народности, и развитію ея духовныхъ силъ.

Уже среди трудовъ кавказскихъ ученыхъ можно встрѣтить теперь не однихъ только нѣмецкихъ академиковъ и русскихъ археологовъ, какъ было прежде, но и основательныя изслѣдованія своего племени кровныхъ жителей осетинскихъ ауловъ, въ родѣ Джангеміра Шанаева, В. Гатіева и другихъ почтенныхъ мѣстныхъ писателей, работы которыхъ многое разъяснили и автору этихъ писемъ при составленіи настоящаго очерка.

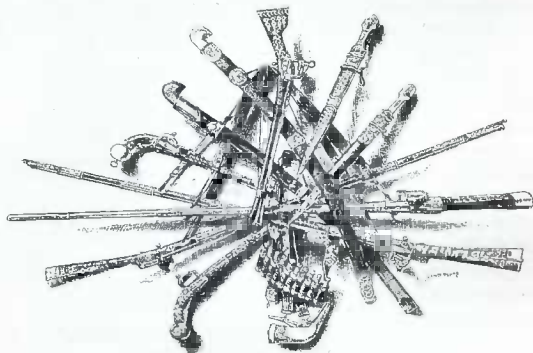
Но всякій пойметъ, что всего сдѣланнаго слишкомъ мало, чтобы

Осетины.

утѣшиться этими слабыми попытками и остановиться въ самомъ началѣ пути.

Осетинская и всякая кавказская дичь ждетъ отъ насъ впередъ широкой и плодотворной дѣятельности во всѣхъ смыслахъ и искренняго уваженія старыхъ золь, чтобъ мы могли оправдать; наконецъ, передать всѣмъ міромъ и свои завоеванія, и свой горделивый титулъ цивилизующаго народа, который мы такъ любимъ носить, но еще не умѣемъ оправдывать.

Грузины. — Картина О. Горшельта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

~~~~~

ДОЛИНА РІОНА

I.

Народъ-крестоносець.

РОМАНТИЧЕСКИЙ Гори-Джвари, «Крестъ Гори», удивительно долго преследуетъ насъ съ своихъ заоблачныхъ скалъ, на которыхъ живописно уютятся мшистыя стѣны и башни этого древняго замка-монастыря, одной изъ самыхъ популярныхъ святынь края.

Сейчасъ видно, что не для одной красоты пейзажа и не изъ одного стремленія къ пустынножительству залѣзъ монастырь на эту

головокружительную высоту, гдѣ онъ вырѣзается на темномъ фонѣ курчавыхъ лѣсныхъ горъ, съ такимъ поразительнымъ величіемъ и характерностью. Не одинъ онъ, а всѣ святыни грузинской древности, и Степанъ-Цминда Казбека, и монастырь противъ Мцхета, воздвигнутый на мѣсть стараго народнаго идола, и Уплисцихе, и Гелати, и Мозаметы, всѣ они не собственно волею, а роковою нуждою обратились въ укрѣпленныя цитадели, вѣнчающія недоступныя вершины скалъ.

Грузинъ.

Загнало ихъ туда, подъ облака небесныя, не одно ихъ внутреннее пареніе къ небу, но и злоба земная, «страхъ іудейскій» своего рода.

Эти христіанскія модельни, укутанныя въ черныя туманы, заслоненныя непроходимыми лѣсами, недоувѣрчиво торчащія на утесахъ, какъ гнѣзда ласточекъ, преслѣдуемыхъ хищниками, составляютъ теперь самую наглядную и вѣрную иллюстрацію долгой и тяжелой исторіи Грузіи.

Европа и особенно Россія даютъ себѣ до сихъ поръ слишкомъ мало отчета въ томъ, какую важную историческую миссію выполнила Грузія передъ европейскимъ христіанствомъ своими вѣковыми страданіями, свою безустанную борьбою.

Когда я, полный безмолвнаго изумленія и любопытства, проѣзжалъ то въ вагонѣ желѣзной дороги, то на почтовой перекладной, то верхомъ черезъ этотъ необыкновенно своеобразный и совершенно новый для меня край, я былъ прежде всего пораженъ глубоко прони-

кающимъ его, всецѣло господствующимъ надъ нимъ характеромъ какого-то древняго христіанскаго царства.

Глядя на эти безчисленные монастыри, храмы и часовни, вѣнчающіе каждую скалу, пріотившіеся надъ каждою долиною, обращенные въ осадные дворы для населенія, — сейчасъ поймешь, что тутъ интересы государства неразрывно были слиты съ интересомъ церкви; что народъ, защищая, какъ послѣдній убѣжища, свои религіозныя святыни, защищала въ нихъ всю свою родину, все свое прошлое и будущее. Въ часы частой опасности и бѣдствій, Грузія сбивалась вся въ

эти тѣсныя монастырскія стѣны, подъ покровъ этихъ мирно сіяющихъ христіанскихъ крестовъ, охваченная кругомъ, какъ Ноевъ ковчегъ потопомъ, мусульманскими ордами турокъ, персовъ, монголовъ, лезгинъ и прочихъ.

Грузинская арба. Отправление на Богомолю.

Такимъ образомъ, исторія неволью воспитала въ грузинѣ страстное благоговѣніе къ его древнимъ святынямъ, въ которыхъ для него, какъ въ дѣйствительномъ ковчегѣ, такъ долго и такъ часто сосредоточивалось и спасеніе его отъ врага, и все, чѣмъ дорожилъ онъ въ мѣрѣ.

Православный крестъ неволью становился его отечествомъ, символомъ его народности, защита христіанства — задачею всей его исторіи.

Грузинскій народъ — это истинный народъ-крестоносецъ. Какъ у рыцаря-крестоносца, вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ исламомъ. Больше чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ

не был вышит на плечъ его мантии, то онъ былъ за то неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа.

Въ этомъ отношеніи есть нѣкоторое историческое сходство между ролью Испаніи на юго-западѣ Европы и ролью Грузіи на юго-востоцѣ ея.

Быть можетъ, какъ у испанцевъ, этою особенностью исторической миссіи грузинъ можно объяснить себѣ ту промышленную отсталость,

то скудное развитіе ихъ умственной жизни, отъ которыхъ несомнѣнно страдаетъ теперь Грузія.

Стоитъ познакомиться ближе съ скорбными листами ея лѣтописей, чтобы окончательно убѣдиться, какой глубокой христіанскій духъ, какую несокрушимую энергію воли долженъ былъ проявить этотъ небольшой народъ для того, чтобы не пасть подъ непрерывными жестокими уда-

Типъ грузинки.

рами судьбы и мужественно отстоять христіанство своихъ горъ и долинъ отъ побѣдоносныхъ нашествій азіатскаго исламизма.

Мудрено ли, что, потративъ свои нравственныя силы на эту борьбу жизни и смерти, на отчаянную защиту своей исторической индивидуальности, грузины опустили утомленные руки передъ другими, болѣе мирными задачами жизни. Великимъ результатомъ ихъ долгой исторіи была не одна ихъ собственная народная самостоятельность. Вмѣстѣ съ нею они отчасти отстояли судьбу христіанства южнорусской равнины и многихъ мелкихъ народовъ горнаго Кавказа.

Грузія очутилась такимъ образомъ передовымъ редутомъ христіанской обороны противъ ислама.

Этотъ невольный азіатскій союзникъ Европы сослужилъ ей великую историческую службу и, можно сказать, завоевалъ себѣ этимъ

право считается въ числѣ европейскихъ христіанскихъ народностей, къ которымъ онъ гораздо ближе по духовнымъ задачамъ своей жизни, чѣмъ къ азіатскимъ племенамъ, средѣ которыхъ поставили его географическія условія и родство крови.

Могучее мусульманство Востока разбilo свою энергію и свой фанатизмъ о несокрушимую грудь маленькой Грузіи, и хотя всплески его успѣли достигнуть Кавказскихъ горъ, успѣли омусульманить значительную часть кавказскихъ горцевъ сейчасъ же за спиною Грузіи, но на этихъ послѣднихъ усиліяхъ борьбы замеръ исламизмъ и не былъ въ силахъ двинуться дальше.

Онъ издыхалъ отъ истощенія у подножія Кавказскихъ горъ. Кресты христіанскихъ храмовъ Грузіи ушли выше, спрятались глубже, огородились крѣпче, но все-таки они продолжали сіять, несмотря на не прекращающіяся осады и нападенія мусульманъ, несмотря на лившуюся кругомъ, подъ мечомъ мусульманъ, христіанскую кровь Грузіи. Все-таки на ея древнихъ храмахъ горделивый золотой полушестидесять продолжалъ лежать у ногъ скромнаго золотого креста. Самое мусульманство, проникшее въ горы Кавказа, уже не было истымъ и чистымъ мусульманствомъ, уже не согрѣвалось тѣмъ жаромъ прозелитизма и религіозной нетерпимости, какимъ дышала воинствующій исламъ Азіи.

Тинь трузники.

* * *

Много грѣховъ нужно простить Грузіи за эту историческую миссію ея.

И ея феодализмъ, и закрѣпощеніе ея рабочаго народа, и безхозяйственный разгулъ ея народныхъ обычаевъ,—все это вполне объ-

яняется и извиняется въ теченіе долгихъ вѣковъ надъ всѣмъ го-по-д-ствованіею потребностью ограждать силою меча свою духовную самостоятельность, которая почти исключительно выразилась въ христіанствѣ. Когда государство историческою силою обстоятельство обращено въ военный лагерь, то поневоль оно развивается въ смыслѣ господства сильныхъ, въ смыслѣ рѣзкаго раздѣленія народа на защищающихъ и защищаемыхъ, повелѣвающихъ и повинующихся, поневоль оно направляетъ нравы народа на геройскую удачу въ войнѣ, на разгуль и прерывніе мирныхъ занятій во время рѣзкаго отдыха.

Грузинскій костюмъ.

временные мудрецы заднимъ числомъ мнятъ себя болѣе могучими умами и болѣе возвышенными сердцами, чѣмъ эти духовные титаны древняго человѣчества?

Ограниченныя теоріи нѣкоторыхъ нашихъ дешевыхъ мыслителей, философствующихъ надъ исторіей былого, приучили массу неразумывающихъ читателей своихъ къ весьма ошибочнымъ взглядамъ на многія коренныя явленія исторіи, осуждаемыя гуманными принципами нашей современной морали.

Какъ идеалы нравственной и общественной жизни, взгляды эти справедливы и достойны всякаго сочувствія; но какъ оцѣнка прошлаго — они дѣтски и близоруки, легкомысленны и невѣрны.

Сила историческихъ обстоятельствъ есть такое роковое, всесильное условіе, что даже Платоны и Аристотели въ извѣстное время не могли мыслить общества безъ рабства.

Неужели же наши со-

Намъ же кажется, что безпристрастное вхожденіе во все живыя обстоятельства прошлаго гораздо плодотворнѣе, хотя и гораздо труднѣе чѣмъ слишкомъ мало стоящее глумленіе надъ невольными грѣхами прежнихъ поколѣній.

Легко осуждать ихъ и за феодализмъ, и за крѣпостныя отношенія; но сумѣли-ли бы избѣгнуть ихъ мы сами, если-бы стояли на мѣстѣ предковъ своихъ, въ ихъ время и въ ихъ обстоятельствахъ, — этого, я думаю, не посмѣтъ утверждать ни одинъ честный человѣкъ.

Счастье для Грузіи, что она успѣла донести свой христіанскій крестъ до порога XIX столѣтія и, упавая въ изнеможеніи, все-таки передать его въ надежныя руки выросшей за нею молодой сосѣдки и союзницы своей, единовѣрной Россіи.

Трудно сомнѣваться теперь, что Грузія истратила въ теченіи этой многовѣковой борьбы съ мусульманствомъ всю внутреннюю силу свою, и что она не въ состояніи бы была долѣе выдерживать эту невозможную жизнь вѣчнаго военнаго стана, вѣчнаго боя, разоренія и тревогъ. Осадное положеніе государства не можетъ продолжаться безъ конца.

Для Грузіи миръ и спокойствіе стали, наконецъ, необходимы, какъ воздухъ для дыханія. Настало и ей время стать, наконецъ, государствомъ свободнаго труда и промысла, плодотворнаго духовнаго и экономическаго развитія, безъ чего уже не въ силахъ существовать современныя государства. Только упавши на великую грудь дружественной Россіи, маленькая христіанская Грузія могла увѣровать, что пришелъ желанный конецъ тяжкой эпохѣ борьбы и смертельныхъ опасностей, что она въ правѣ зажить теперь мирною гражданскою жизнью европейскаго человѣчества и вступить въ общую семью цивилизованныхъ на-

Грузианка въ профиль.

родовъ. Кто вникнулъ въ великій смыслъ добровольнаго присоединенія къ Россіи сначала Грузинскаго, потомъ Имеретинскаго, Гурийскаго и Мингрельскаго царствъ, кто знакомъ съ печальными перипетіями послѣднихъ времянь самостоятельности этихъ государствъ, — тотъ не можетъ постигнуть ослѣпленія немногихъ мечтателей, воображающихъ, что отдѣленіе грузинскихъ царствъ отъ Россіи было бы ихъ благополучіемъ. Нѣтъ, добровольное чувство народа грузинскаго не ошиблось въ своемъ рѣшеніи и поняло ясно — гдѣ его спасеніе, гдѣ единственный свѣтлый исходъ для его историческаго будущаго.

Быть нераздѣльною составною частью великаго единовѣрнаго на-

Грузинка съ кувшиномъ на плечѣ.

рода не можетъ быть позорно, не можетъ быть невыгодно. Поэтому истинные патріоты Грузинъ должны, мнѣ кажется, самымъ рѣшительнымъ образомъ возставать противъ непрактическихъ утопистовъ, не понимающихъ ни прошлаго, ни настоящаго и увлекающихся непереваренными ими звонкими фразами о свободѣ народа.

Свобода въ составѣ великаго и могучаго народа гораздо надежнѣе, слишкомъ зависимой отъ случайностей и доброй воли сосѣдей, свободы мелкихъ племенъ. Гражданская же свобода одинаково совместиа и съ тѣмъ и съ другимъ, точно такъ какъ крѣпостныя отношенія могли одинаково существовать и въ Русской имперіи, охватывающей полміра, и въ маленькихъ закавказскихъ

царствахъ, умѣщавшихся по нѣскольку въ долину одной рѣки! Но, съ другой стороны, и мы, русскіе, дружески принявшіе грузинъ въ нѣдра народа своего, и мы не должны никогда забывать, что мы не

завоеватели, не побѣдители ихъ, что мы имъ равноправные братья, а не суровые господа. Мы не должны забывать, что грузины вступили въ семью нашу для того, чтобы остаться самими собою, чтобы не быть поглощенными чуждымъ имъ племенемъ, чуждою вѣрою, чуждыми обычаями. Поэтому все грузинское, все исторически приобрѣтенное ими, всѣ ихъ народныя святыни и всѣ ихъ народныя свойства—имѣютъ право на такое-же уваженіе, на такую-же поддержку, какъ и все наше собственное, русское. Союзъ двухъ братьевъ заключается въ дружественномъ пособничествѣ другъ другу, въ привязанности одного брата къ другому, а вовсе не въ томъ, что личность одного приносится въ жертву личности другого. Всякій народный характеръ равно естественъ и равно законенъ, точно такъ же какъ всякій языкъ, всякій обычай.

Видоизмѣнять ихъ государство обязано лишь настолько, насколько они становятся препятствіемъ общему благу, высокимъ дѣломъ человѣческой цивилизаціи. Наши самые славные правители Кавказа всегда понимали эту важную обязанность русскаго правительства уважать и охранять народную самобытность грузинскаго племени. При князѣ Воронцовѣ принципъ этотъ былъ выдвинутъ особенно ясно.

Въ настоящее время точно также замѣтно большое довѣріе, оказываемое высшимъ правительствомъ Кавказа мѣстному населенію.

Достаточно указать, что высшій постъ помощника намѣстника и множество другихъ высокихъ административныхъ должностей края занято лицами грузинскаго и армянскаго происхожденія.

Но это личное довѣріе должно быть неизбѣжно соединено и съ

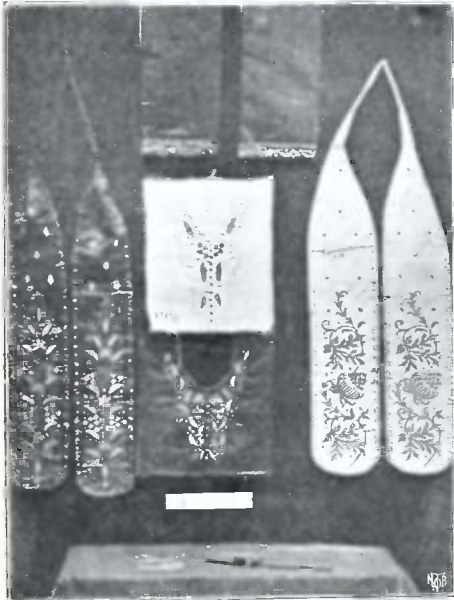
Грузинъ въ національномъ богатомъ костюмѣ.

полнымъ довѣремъ къ тѣмъ духовнымъ силамъ, на которыхъ основана внутренняя жизнь мѣстнаго населенія. Развитие грузинскаго языка, грузинской литературы, грузинской школы, на примѣръ, не только не можетъ ослабить связи Грузинъ съ Россіей, но послужитъ сильнѣйшею и притомъ неизбѣжною подготовкою къ ближайшему знакомству грузинъ съ языкомъ, литературою и школою Россіи. Грузину-дикарю никакими средствами не привьешь прямо русской школы. Если не давать

ему учиться по-грузински, то онъ можетъ остаться прежнимъ дикаремъ, но все-таки не станетъ образованнымъ русскимъ. Напротивъ того, грузинъ, прошедшій свою родную народную школу, подготовившій себя къ умственному труду, возбуждвшій въ себѣ интересъ къ образованію, уже безъ особеннаго труда и безъ особеннаго принужденія, по свободному соображенію своихъ - собственныхъ интересовъ, захочетъ гораздо скорѣе, чѣмъ невѣжда, овладѣть столь необходимымъ и столь выгоднымъ для разныхъ житейскихъ цѣлей его знаніемъ русскаго языка и высшими степенями образованія, приобретаемыми въ русскіихъ школахъ.

Было бы очень печально, если-бы система нашего управленія Закавказьемъ упустила изъ виду эту единственно-практичную и единственную справедливую точку зрѣнія и увле-

лась бы, по примѣру управленій нѣкоторыхъ другихъ нашихъ окраинъ, стремленіями къ мертвящему, механическому обрусенію. Такое насильственное обращеніе одного племени въ другое не только есть вопіющая несправедливость, не только есть грубѣйшая и вреднѣйшая политическая ошибка, но къ тому же еще и совершенная невозможность. Ус-

Грузинскіе поноса, нагрудникъ, рукава, шитые золотомъ.

пѣхъ такой системы всегда только кажущіся; великіи же вредъ ей несомнѣненъ. Она не только убиваетъ духовную жизнь народа, который думаетъ просвѣтиту силою и на свой образецъ, но прежде всего она всегда разрываетъ внутреннія связи, которыми исторія сроднила два народа и въ которыхъ однихъ только коренится возможность плодотворнаго будущаго для нихъ обоихъ.

Заставитъ старыя грузинскія царства, окончившія азіатскій періодъ своей исторіи, видѣть для себя въ Россіи дѣйствительный источникъ европейской цивилизаціи, дѣйствительную силу историческаго обновленія закавказскихъ народностей, на почвѣ разумныхъ общественныхъ порядковъ, энергической промышленности, свободной науки, — іотъ единственно безошибочный путь для обезпеченія Россіи постояннаго тяготѣнія къ ней ея далекихъ азіатскихъ окраинъ.

Чѣмъ болѣе привычки образованія и гражданской свободы будутъ проникать въ самую Россію, тѣмъ крѣпче будетъ выростать связь между нею и добровольно приобщенными къ ней закавказскими народами.

Но, конечно, если къ Закавказью будетъ примѣняться политика, особенно наглядно торжествующая теперь въ Батумѣ и Карсѣ, уже обезлюдившая и разорившая въ короткое время наши прекрасныя новыя области, то никакія драконовскія мѣры насильственнаго обрусенія не принесутъ пользы ни Россіи, ни Закавказью.

Оковы, каковы бы онѣ ни были, только сковываютъ ноги и руки, но не привязываютъ одного духа къ другому, не порождаютъ между ними союза любви и дружбы, безъ котораго не можетъ быть взаимно полезной жизни.

II.

Сурамскій переваль.

МИХАЙЛОВСКАЯ станція уже вся подъ снѣго суровыхъ сплошныхъ лѣсовъ, темными шапками укрывающихъ окрестныя горы.

Кура уходитъ отъ насъ налѣво, прорѣзая свою узкую верхнюю долину среди этихъ косматыхъ горъ. Вѣрнѣе, она идетъ теперь къ намъ слѣва, потому что поѣздъ несется навстрѣчу ей.

Это узкое лѣсное ущелье почти непочатой дѣвственности, съ поразительными видами на каждомъ шагу, идетъ въ Боржомъ, на цѣлеб-

Михайлово. Разгонная почтовая станція.

ныя воды, недавно еще пустынные, около которыхъ теперь разрослась блестящая лѣтняя резиденція великаго князя-наи́мѣстника, если не ошибаюсь, подаренная ему государемъ императоромъ, а прежде принадлежавшая казнѣ. Окрестности дѣлаются все лоднѣе, роскошнѣе, живописнѣе, все обильнѣе звучатъ горными ручьями, все веселѣе зеленѣютъ привольными пастбищами, все чаще разнообразитъ пейзажъ и радуютъ взоръ русскаго путешественника, неизбалованнаго у себя дома ни живописностью, ни романтикою, развалины замковъ и башенъ на капризныхъ каменныхъ утесахъ, на остроконечныхъ пикахъ зеленыхъ горныхъ пирамидъ. Дышится свѣжѣе и легче. Словно изъ жаркаго сухого лѣта опять возвратился въ самый развалъ сочной майской весны. Мы незамѣтно поднимаемся на Сурамскій переваль.

Имеретія отдѣлена отъ собственной Грузіи или Карталинѣи поперечнымъ горнымъ хребтомъ, который тянется съ сѣвера на югъ, перекинутый, будто титаническая плотина, между главнымъ хребтомъ Кавказа и горами аджарскими и ахалцыхскими, такъ-называемымъ Малымъ Кавказомъ. Этотъ хребетъ Месхійскихъ горъ изстари служилъ важною географическою основою историческихъ судебъ Грузіи и Имеретіи, во многомъ объясняющею не только рѣзкую разницу ихъ хозяйственныхъ и климатическихъ условий, но и самое различіе народнаго характера

Сурамская крепость.
Картина Заиковаго.

грузина отъ имеретина или мингрельца, самое различіе ихъ историческихъ интересовъ. По сію сторону—широкая долина Куръ, текущей среди пустыхъ степей, среди сухихъ известковыхъ горъ, страна пастуха и хлѣбопашца, прямо примыкающая къ кочевникамъ армянскихъ и курдскихъ степей, къ пустынному внутреннему морю, вся тяготящаясь къ востоку, къ Азии, сама словно зовущая къ себѣ монгола и сельджука. По ту сторону—тропически-роскошная долина Ріона, сплошь заросшая лѣсами и садами, не знающая, куда дѣть свою чрезчуръ обильную влагу, затопляемая своими собственными водами, словно переполненные молокомъ сосцы матери-природы, благоухающая всеми цвѣтами и плодами приморскаго юга, съ изящнымъ и талантливымъ народомъ, въ которомъ живетъ хотя тонкая струйка крови и древняго эллина, и средневѣковаго генуэзца,—народомъ-садовникомъ, виноградаремъ и торговцемъ.

Эта долина стремится къ морьямъ Запада, къ народамъ Запада; она еще на зарѣ европейской исторіи принимаетъ въ себя первыхъ цивилизаторовъ челоуѣчества, служитъ имъ самымъ раннимъ полемъ торговли, промышленности, государственной жизни.

За Язономъ и Аргонавтами возникаютъ здѣсь богатые колоніи грековъ: Діоскуры, Археопольсь, Соферъ; за греками сюда заявляютъ римляне, за римлянами—генуэзцы, за генуэзцами—самые послѣдніе изъ цивилизаторовъ Востока—мы, русскіе.

Сурамскій перевальъ ведетъ именно изъ восточной, азіатской долины Куръ, изъ бассейна кочевого Каспія къ бассейну западнаго еврейскаго моря.

Оттого онъ всегда долженъ былъ имѣть огромное значеніе въ исторіи Закавказья.

Оттого-то, можетъ быть, такъ и богаты окрестности его башнями и замками.

* * *

Подъемъ на Сурамъ очень крутъ и труденъ. Два локомотива особой системы, двойной силы каждый, съ большими усиліями встакиваютъ наверхъ очень скромный поѣздокъ нашъ съ небольшими вагонами. Одинъ локомотивъ запряженъ спереди, другой—подталкиваетъ поѣздъ сзади.

Однако, и при этихъ предосторожностяхъ бывають, говорятъ, случаи, когда поѣздъ сползаетъ назадъ и внизъ, возвращаясь задомъ напередъ, безъ всякаго своего желанія, на станцію, изъ которой вышелъ.

Мы, однако, вскарабкались наверхъ, благодаря Бога, безъ всякихъ происшествій, хотя всѣ кондуктора были на-чеку у тормозовъ, въ очевидно тревожномъ ожиданіи.

Древній замокъ Сурамъ торчитъ наверху перевала, на неприступномъ обглоданномъ утесѣ, направо отъ дороги. Это очень удобная и вполне надежная застава между двумя странами. При занятіи Грузіи въ 1802 году русскіе держали въ этомъ важномъ пунктѣ довольно большой гарнизонъ. Въ старину владѣтель Сурама былъ полновластнымъ владыкою входовъ и выходовъ въ Грузію и Имеретію. И теперь около Сурамскаго укрѣпленія стоятъ наши войска.

Сердце всколыхнулось сладкимъ чувствомъ родины, когда неожиданно вырѣзались среди этого средневѣковаго пейзажа далекой Азіи знакомыя бѣлые рубахи солдатиковъ-земляковъ и правильные ряды ихъ палатокъ, весело бѣлѣвшихъ среди яркой зелени горнаго дуга. На дугу этомъ, у лагеря, кипѣло во всемъ разгарѣ ученье разсыпнымъ строемъ.

Молодцы-солдатики наши, показавшіеся мнѣ издали, среди обстановки чуждыхъ костюмовъ и чуждыхъ физиономій, особенно рослыми

и бодрыми, ловко перебѣгали отъ одного закрытія къ другому, ложились въ кусты, вѣзали на скалы, то свертывались и развѣртывались могучими, дружными шеренгами.

Нѣсколько дальше разбить лагерь казаковъ. Ихъ ярко-красныя рубахи казались на фонѣ весенней зелени сплошными полянами цвѣтущаго мака, какія нѣрѣдко встрѣчаются въ мѣѣ среди травянистыхъ степей. Казаки толпились праздными кучками, покуривая, болтая, очевидно окончивъ свое ученіе, и провожали нашу медленно карабкающійся поѣздъ цѣлыми залпами остроты и хохота. Еще выше Сурама станція Пони, съ которой начинается уже спускъ.

Я не могъ усидѣть въ глубинѣ запертаго вагона и съ самой Михайловской станціи стоялъ на площадкѣ у тормоза, любясь до-сыта широкими панорамами зеленыхъ окрестностей и картиною далекихъ снѣговыхъ хребтовъ, съ обѣихъ сторонъ охватывавшихъ горизонты.

Но, признаюсь, столь восхваляемые путешественниками эффекты перевала далеко не произвели на меня такого впечатлѣнія, какъ какой-нибудь переваль въ Алушту у подножія Чатырдага, или Байдарскія ворота Крыма. Отсутствие моря, съ безусловною игрою его волшебныхъ красокъ, и отсутствие громадныхъ горъ, обрамляющихъ первый планъ картины, достаточно объясняютъ эту разницу.

Однако, невозможно было не испытать рѣзкой перемены растительности, вдругъ окружившей меня при спускѣ на западъ; невозможно было не ощутить въ своей груди вѣянія мягкаго ароматическаго воздуха плодороднаго черноморскаго побережья послѣ сухого зноя Карпатиніи.

Сурама.
Картина Занковского.

Къ сожалѣнію, азалии, рододендроны и дикія розы заоблачныхъ лѣсовъ Сурама уже отцвѣли и я не могъ насладиться оригинальною картиною этой горной дичи, цвѣтущей и благоухающей, какъ самые роскошныя цвѣтники дворцовыхъ садовъ.

За то какіе лѣса! Спускъ очень скоро пошелъ тѣснымъ и опаснымъ ущельемъ, пользуясь трещиною, которую промыла себѣ въ толщѣ скаль горная рѣчка, впадающая въ Квирилу.

Надъ этою трещинкою почти отвѣсными стѣнами стоятъ скалы, покрытыя громаднымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Букъ и грабъ господствуютъ въ немъ. Страшный буреваль смѣшалъ въ одинъ хаосъ камни и деревья.

Сурамскій замокъ со стороны Горн.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.

Исполническаго роста, какъ свинецъ грузныя, многовѣковыя дубы и буки, вырванные изъ осыпавшейся почвы съ дѣлымъ гнѣздомъ узловатыхъ корней, будто побитые въ кровавой сѣчѣ великаны, валяются другъ на другъ, другъ черезъ друга, по обрывамъ скалы.

Много тутъ подѣчено и рукою челоуѣка, пролагавшаго дорогу, и пороховомъ, взрывавшимъ скалы.

Ущелье иногда такъ тѣсно дѣпится между рѣкою и подножіемъ скалистыхъ стѣнъ, что изъ окна вагона кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ весь поѣздъ очутится въ бурныхъ бѣшеныхъ волнахъ.

И дѣйствительно, эти мѣста серьезно неудобны, серьезно опасны; насъ останавливали нѣсколько разъ, чтобы дать рабочимъ время очистить рельсы отъ щебня скаль, осыпающагося и спалзывающаго внизъ при каждомъ небольшомъ дождѣ. Въ раннее весеннее и позднее осеннее время, т.-е. въ эпохи дождей, здѣсь случаются значительныя обвалы.

Сурамскій переваль кончается въ Бѣжетубани, а со станціи Квирилы начинается настоящая имеретинская низменность, сначала доли-

Сураменів замок со стороны Кутаиса.
Рисунок кн. Г. Г. Гагарина.

ною Квирилы, потом долиною Ріона. Правѣ железнодорожной станціи, на той сторонѣ Квирилы, находятся развалины Сарапана, бывшаго въ глубокой древности, по увѣренію Страбона, важнымъ торговымъ пунктомъ и важною крѣпостію Закавказья.

Находящійся теперь на его мѣстѣ ничѣмъ незамѣчательный Шарпанъ служитъ административнымъ центромъ Шарпанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи.

Рѣка Квирилла по ширинѣ и величинѣ своей не уступаетъ верхнему Ріону, и многіе считаютъ Квириллу истиннымъ Ріономъ, такъ какъ длина ея теченія болѣе длины Ріона до слитія съ нимъ, и такъ какъ Ріонъ, по направленію своему, скорѣе служитъ продолженіемъ ея теченія, чѣмъ теченія той рѣчки, которая, подъ именемъ Ріона, впадаетъ въ нее прямо съ сѣвера, образуя при Варцихе прямой уголъ съ нижнимъ теченіемъ, и на которой стоитъ, между прочимъ, Кутаисъ.

Потийская желѣзная дорога идетъ вдоль Квирилы и нижняго течения Ріона, т.-е. по прямой линіи отъ востока на западъ. Въ Кутаисѣ же, т.-е. на верхній Ріонъ, отдѣляется къ сѣверу небольшая желѣзнодорожная вѣточка со станціи Ріонской.

Вообще, странное дѣло, у Ріона оспаривается честь не только быть Ріономъ въ настоящее время, но и его древнее историческое названіе Фазиса, когда-то катившаго въ своихъ волнахъ золотой песокъ, привлекавшій къ себѣ Аргонавтовъ Язона. Древняя Колхидя, армянская Когкисъ, суди по армянскимъ историкамъ—Моисею Хоренскому, Инчичіану и др., простирается, повидимому, на югъ отъ Ріона и занима

Истокъ рѣки Ріона.

мала собою нынѣшнюю Гурію и Лазистанъ, съ Батумомъ, т.-е. южный бассейнъ Ріона и восточный Чороха.

На Чорохъ-Су донинѣ находится, выше Артвина, городъ Испиръ, который считается Сперомъ или Соферомъ древности, столицею Колхиды, знаменитымъ своимъ золотомъ не только у грековъ, но и во всей Азіи, какъ это можно видѣть изъ стиховъ «Пѣсни пѣсней» Библии.

Это обстоятельство заставило многихъ новѣйшихъ, особенно армянскихъ ученыхъ, признать за Фазисъ Чорохъ, а не Ріонъ, которую они, въ свою очередь, считаютъ рѣкою Фаршемъ.

Но, признаться, доводы противъ Ріона въ пользу Чороха не особенно убѣдительны, и я думаю, что историческая преемственность преданія заслуживаетъ болѣе вѣры, чѣмъ натянутыя соображенія позднѣй-

Кутаисъ. Берега р. Ріона.

шихъ ученыхъ. Если Ріонъ изстари считался за Фазисъ, то несомнѣнне всего, что онъ и есть истинный Фазисъ. Дорогою въ Кутаисъ, мнѣ случилось познакомиться съ однимъ грузинскимъ литераторомъ, пользующимся популярностью среди грузинской публики, г. Акакіемъ Церетели. Между многими интересными сообщениями о путешествіяхъ своихъ въ непроходимой дичи горъ, г. Церетели передалъ мнѣ весьма правдоподобное объясненіе имени Фазиса, которое, кажется, должно было бы положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ.

И Ріонъ, и нѣкоторые большіе притоки его текутъ со склоновъ одной изъ величайшихъ вершинъ Кавказа Пась-мты (т.-е. Пась-горы). Всѣ рѣчки, текущія съ Паса, туземные горцы называютъ «рѣками Паса», «Пасисъ-Цухале». Это-то мѣстное слово Пасисъ (родительный падежъ отъ Пась), выговариваемое обыкновенно съ придыханіемъ; обратилось въ Phasis древнихъ.

Если, такимъ образомъ, Фазисомъ можетъ быть признана, вмѣстѣ съ Ріономъ, Квирилла, истоки которой также находятся въ сосѣдствѣ Пась-мты, то уже Чорохъ-Су, текущій съ запада, отъ меридіана Трапезонта, никомъ образомъ не можетъ быть признанъ «рѣкою Паса»; кромѣ того, если признать за Фазисъ Чорохъ, то самыя точныя и опредѣленныя сообщенія Страбона и другихъ географовъ древности,

относительно торгового пути через Кавказъ въ Персію и Индію, будутъ лишены смысла. Трудно сомнѣваться, что наиболѣе цивилизованные народы древности стремились овладѣть западнымъ побережьемъ Кавказа и особенно ріонскою низменностью не изъ одного только со- блазна софдерскимъ золотомъ.

Еще египтяне старались основаться въ этой мѣстности, и до сихъ поръ сказочный эпосъ Минирелии переполненъ воспоминаніями о Египтѣ и египтянахъ, какъ это поразило меня въ первой выслушанной мною сванетской сказкѣ объ Амиранѣ. Съ Аргонавтовъ Колхида дѣлается обычнымъ мѣстомъ стремленія сѣверо-восточнаго греческаго колониста.

Стремленія эти, болѣе чѣмъ золотымъ руномъ, объясняются естественною торговою дорогою, издавна пролежавшею черезъ кавказскій перешеекъ внутрь Азіи.

Сначала шелъ водяной путь по Ріону и Квириль до Сарапана, потомъ происходила перегрузка на вьюки или подводы, вѣроятно, черезъ Сурамскій переваль, и черезъ 5 дней пути, по словамъ Страбона, товары достигали Куры и опять нагружались въ лодки. Изъ Куры шли, Каспійскимъ моремъ, въ Оксусъ (Аму-Дарья), который, какъ извѣстно, впадалъ прежде не въ Аральское море, и, такимъ образомъ, проникли въ самое сердце азиатскаго богатства и промышленности, въ Бактрію, Персію, Индію. Теперешняя глубина Квирилы и Куры можетъ, конечно, возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія относительно возможности судоходства по нимъ; но, во-первыхъ, нужно вспомнить, что въ древности, вслѣдствіе большого обилія лѣсовъ, всѣ рѣки были многоводны; а во-вторыхъ, съ товарами древнихъ ходили по рѣкамъ не нынѣшнія наши грузныя и обширныя суда, а небольшіе плоты, приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ. Понятіе о нихъ могутъ дать, напримѣръ, сохранившіяся до настоящаго времени на Курѣ и Ріонѣ лодки изъ бурдюковъ, т.-е. огромныхъ кожанныхъ вѣховъ, въ названіи которыхъ (навтики) звучитъ несомнѣнное греческое или римское происхожденіе. Хотя навтики эти могутъ поднять груза не болѣе какъ обыкновенная одиночная подвода, но это обстоятельство не могло, разумѣется, считаться препятствіемъ для торговли въ старое, неизбалованное время, когда товары провозились тысячи верстъ на вьюкахъ.

Существуютъ историческія извѣстія, что въ самой глубочайшей древности армяне сплавали товары внизъ по Евфрату въ Вавилонъ, на особыхъ плетеныхъ изъ лозъ и обитыхъ кожей легкихъ лодкахъ, которыя они послѣ обрашали въ повозки и возвращались домой по суху. Это даетъ очень характерное понятіе о тѣхъ разнообразныхъ

СУРАМСЬКІЙ ПЕРЕВАЛІ.
Капітан П. Верещагіна.

приспособленіяхъ, къ какимъ могли прибѣгать древніе, чтобы ололѣвать многочисленныя препятствія, возникшія для ихъ торговли.

Впрочемъ, путемъ, о которомъ говоримъ мы, можно было пользоваться только тогда, когда чья-нибудь сильная власть объединила безчисленныя закавказскія народности; оттого-то, быть можетъ, этотъ путь и былъ заброшенъ, когда усобицы мелкихъ царьковъ и насилія дикихъ племенъ, обитавшихъ вдоль теченія Ріона и Куры, сдѣлали торговлю слишкомъ убыточною.

Извѣстный армянскій историкъ V вѣка нашей эры, Моисей Хоренскій, Геродотъ Армскій, рассказываетъ, что на одномъ Ріонѣ жило нѣсколько десятковъ племенъ; что среди нихъ были и людоѣды, и конеѣды, и вшеѣды, а устье Куры долго запиралось дикимъ народомъ касповъ.

Немудрено послѣ этого повѣрить рассказамъ древнихъ писателей, что на рынки Диоскурии, на кавказскомъ берегу Чернаго моря, собирались продавцы и покупатели отъ 300 племенъ, и что римляне вынуждены были держать здѣсь черезъ это, для своихъ торговыхъ сношеній съ мѣстными народами Кавказа, переводчиковъ 130 разныхъ нарѣчій.

Кавказцы обыкновенно приводили на продажу невольниковъ, добычу вѣчныхъ войнъ своихъ, мѣдь, которою до сихъ поръ кишитъ Закавказье, а сами получали соль, въ которой крайне нуждались.

Вѣроятно, теперешнія кульпинскія соляныя ломки, снабжающія Кавказъ солью, несмотря на свою старинную разработку, въ древности не были еще извѣстны, или же доступъ къ нимъ черезъ горы Ахалциха и Армскія былъ слишкомъ труденъ. Какъ бы то ни было, но

Гурійевскіе сакхы въ Гуринѣ на р. Ріонѣ.

для насъ, русскихъ, крайне важно узнать, что въ теченіе многихъ вѣковъ, еще на зарѣ европейской исторіи, наше Закавказье уже служило транзитомъ между Азіей и Европой.

Теперь, когда уже ни каспы, ни эгры, ни колхи, ни средневѣко-

Первобытная арба въ долинѣ Ріона.

вые феодалы Грузіи и Имеретіи не могутъ останавливать свободнаго теченія торговли, было бы слишкомъ постыдно для насъ не уметь возстановить естественной торговой артеріи, такъ долго оживлявшей своимъ жизненнымъ біеніемъ области Кавказа и связывавшей два міра.

Въ настоящее время Ріонъ судоходенъ до впаденія въ него Цени-Цхали, «конской рѣки», Гиппуса древнихъ грековъ, отдѣляющей Мингрелію отъ Имеретіи. Кура же удобна для судоходства только въ нижней половинѣ своей, отъ Мингечаура до устья, на пространствѣ 250 верстъ, а при небольшихъ исправленіяхъ,—отъ самаго впаденія р. Ганжи при Карасакалѣ, т.-е. сейчасъ же за Караязскою степью. Но опять-таки это относится къ настоящему судоходству пароходовъ и баржъ, а не къ тѣмъ легкимъ, мелкимъ судамъ, которыми довольствовались древніе. Къ тому-же заброшенность судоходства въ теченіе многихъ вѣковъ, вѣрнѣе—дѣлныхъ тысячелѣтій, конечно породила множество препятствій, которыя мало-по-малу были бы устранены при постоянномъ плаваніи судовъ.

Высокій государственный умъ князя М. С. Воронцова, бывшаго въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ намѣстникомъ Кавказа, не упустилъ изъ виду важнаго историческаго значенія Куры для закавказской торговли.

Задавшись мыслію облегчить доставку закавказскихъ товаровъ въ Астрахань и Нижній, а съ другой стороны обезпечить закавказскую армію болѣе дешевымъ и быстрымъ подвозомъ припасовъ и военныхъ принадлежностей изъ Россіи,—князь Воронцовъ рѣшился возстановить судоходство по Курь. Онъ расчистилъ Куру отъ карчѣй на пространствѣ около 250 верстъ, учредилъ постоянный комитетъ пароходства, приготовилъ особый пароходъ и биржи, которые съ 1858 по 1859 года держали постоянные рейсы съ казеннымъ провіантомъ и частнымъ грузомъ между Каспійскимъ моремъ и Мингечауромъ.

Но на этомъ единственномъ опытѣ и остановилось пароходство Куры. Возможность соединить Черное море съ Каспійскимъ желѣзною дорогою отвлекла вниманіе позднѣйшихъ правителей Кавказа отъ стараго водяного пути.

III.

Городъ Медеи.

КУГАЙСЬ не произвелъ на меня того впечатлѣнія, которое я отъ него ждалъ, судя по разсказамъ и собственнымъ своимъ фантазіямъ.

Я думалъ попасть въ какіе-нибудь Армидины сады, кишущіе всею роскошью южной растительности, въ оригинальнѣйшій азіатскій городъ, съ опредѣленнымъ историческимъ и національнымъ выраженіемъ, а очутился вдругъ въ какомъ-то неприбранномъ, неприятномъ русскомъ городѣ, не то уѣздномъ, не то губернскомъ, съ безхарактерною фізіономіей ничѣмъ неинтересныхъ построекъ,—городъ, словно еще не оконченномъ вполнѣ и живущемъ на какихъ-то безпорядочныхъ временныхъ бивакахъ.

Такое точно впечатлѣніе производитъ обыкновенно и человекъ, когда онъ расшатаетъ окончательно свое скромное, но самобытное прошлое и потянется, не обдумавши и не умѣючи, подражать формамъ иной, болѣе сложной жизни, ему чуждой, мало понятной, для которыхъ не приготовлено внутри его ни силъ, ни даже искреннихъ вкусовъ.

Крымскій татаринъ въ бѣлыхъ воротничкахъ и городской чакидѣ, пьющій водку, развращенный языкомъ и душою, но за то умѣющій настолько коверкать русскія слова, чтобы надуть публику,—конечно, считаетъ себя совсѣмъ русскимъ и совсѣмъ европейцемъ.

Но что касается до меня, то мнѣ всегда были противны эти

ублюдки уличной цивилизации, и я отъ всей души предпочитаю имъ заправскихъ дикарей Крыма, обшитыхъ косматыми овчинами и буйволовою кожей, съ амулетами черезъ плечо, съ ножомъ у пояса.

Оттого мнѣ не по-сердцу и кавказскіе города, чуть смазанные сверху цивилизаціей Европы и за то совсѣмъ утерявшіе патріархальность Азии, эти безхарактерныя птицы, отставшія отъ воронъ и не пришедшія къ павамъ.

Бытъ кутаисцевъ нельзя назвать очень щепетильнымъ, потому что почти вся жизнь ихъ снаружи, хотя и безъ слѣда удобства.

Въ неогороженныхъ дворахъ, заваленныхъ камнями, въ тощихъ и пыльныхъ садикахъ видны столики съ самоварами, за которыми хозяева прохлаждаются чайкомъ по-русски.

Скверная мостовая, грязь, пустыри—встрѣчаютъ васъ сейчасъ же послѣ желѣзной дороги.

Правда, въ садикахъ цвѣтутъ глицинія, акація, гранатникъ, зеленіютъ смоквины.

Какъ-будто и точно югъ. Но все это такъ не домовито, такъ небрежно, словно вчера куплено на базарѣ, а завтра будетъ сташено опять на базаръ.

Никакого уваженія къ своему быту, никакой прочной вѣры въ свое будущее, чѣмъ дышитъ всякое нѣмецкое или швейцарское мѣстечко.

Пришлый народъ, минутные интересы, жизнь спуска рукава—такъ и рисуются сами собою въ этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ Кутаиса.

Словно какая-то сонная рука лежитъ или по крайней мѣрѣ долго лежала на этомъ заброшенномъ городѣ, когда-то извѣстномъ своею торговлею и богатствомъ и теперь имѣющемъ всѣ условія процвѣтанія.

Все, что начато, не кончено; что должно быть уже кончено—еще не начато.

Вонъ черезъ живописный Рионъ, изъ города къ подножію горнаго берега, идетъ мостъ; подъѣжаю, что за диковина! Висятъ надъ волнами Фазиса одніе желѣзныя цѣпи. Ужъ не историческая-ли аллегорія, думаю,—не эмблема-ли тѣхъ цѣпей, которыми русская цивилизація оковала, наконецъ, дикія стихіи кавказской природы?

Нѣтъ, спутники мои смѣются, называютъ эти цѣпи «ожерельемъ М-ме N.».

Оказывается, инженеръ такой былъ, одинъ изъ русскихъ цивилизаторовъ Кавказа, не вѣдаю, впрочемъ, когда, и не вѣдаю—вправду-ли; этотъ російскій Язонъ, вѣроятно, тоже прибывшій въ Колхиду за золотымъ руномъ, вздумалъ побѣдить древній Фазисъ не тѣмъ отста-

Рѣка Ріонъ около г. Кутанеса. Старый мостъ.

лымъ способомъ, какимъ строили черезъ него свои каменные мосты милетскіе колонисты, римляне или генуэзцы, а коварно перебросилъ черезъ него дѣшной мостъ.

Мостъ этотъ, хотя и восхитилъ начальство своею красотою и воздушною легкостью, но на практикѣ скоро оказался дѣйствительно воздушнымъ.

Онъ благополучно провалился со всѣмъ своимъ полотномъ, оставивъ въ предостереженіе легкомысленному потомству, а можетъ быть и будущимъ строителямъ «самопадающихъ» мостовъ черезъ золотоносныя рѣки, эти безмолвно угрожающія желѣзныя дѣшпи.

Вонъ дальше еще что-то, очень интересное и очень красивое.

Ужъ не древній-ли акведукъ какого-нибудь Помпея, удѣлѣвшій своими изящными арками въ теченіе тысячелѣтій?

Подъѣзжаю—дѣйствительно акведукъ, дѣйствительно изящныя арки и дѣйствительно развалины.

Только развалины вовсе не древняго, а самаго новаго времени, воздвигнутыя не при римлянинѣ Помпее, а при русскомъ губернаторѣ графѣ Левашовѣ.

Заброшенная водочапка уныло высится около этого начатаго и тоже заброшеннаго водопровода. А стоило бы докончить.

Въдь этотъ насосъ накачиваетъ не простую воду, а золотую воду Фазиса, соблазняющую доходностью своихъ струй еще далекихъ Аргонавтовъ сѣдой древности. Но, вѣроятно, качалка эта не оставалась же вовсе безъ дѣйствія, если она существуетъ; вѣроятно же, успѣла накачать она куда-нибудь и сколько-нибудь золотой воды, хотя вода эта и не попала въ городской водопроводъ.

Правители Колхиды вообще, какъ видно, все больше хлопотали около воды. Должно быть, баснословное преданіе грековъ не давало имъ покоя. Правда, хотя и не пришлось возстановить судоходства по Ріону въ тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ оно производилось въ древности, хотя не пришлось имъ также дать удобный доступъ въ страну Аргонавтовъ и морскимъ кораблямъ, платонически любующимся теперь на Поті изъ своего прекраснаго далека, однако ихъ пристрастіе къ водѣ несомненно сказалося не только въ легендахъ ріонскаго моста и ріонскаго водопровода, но еще и въ третьей легендѣ о кутаисскомъ озерѣ. Жители увѣрили меня, что на это озеро было истрачено графомъ Левашовымъ болѣе 30,000 р. сер. изъ скудныхъ городскихъ суммъ.

Озеро это должно было, по увѣренію строителей его, не только дать кутаисскому городскому саду необыкновенную свѣжесть, столь цѣнимую жителями юга въ лѣтній зной, но еще и здоровое дыханіе цѣлому городу. Не знаю, что кому дало это озеро въ дѣйствительности, — устроители его знаютъ это, конечно, лучше меня, — но только городу оно облегчило не дыханіе, а одинъ карманъ.

Когда озеро приблизилось къ своему осуществленію, оказалось, что нельзя было спрятаться никуда отъ мязмовъ и сырости, такъ что новорожденное озеро было тотчасъ-же и похоронено распорядительнымъ начальствомъ опять-таки, разумѣется, на городской счетъ и опять за нѣсколько тысячъ. Миѣ показывали безвременную могилу этихъ городскихъ капиталовъ и этой оросительной маніи кутаисскаго начальства. Заботы начальства не оставили впрочемъ и сушу. Въ Кутаисѣ завелена была на городской счетъ садоводственная ферма, чтобы приучить нерадивыхъ мингрельцевъ и имеретинъ къ рациональному садоводству, которымъ они впрочемъ, по странному стеченію судьбы, занимались не только до графа Левашова, но еще и до Рождества Христова, хотя, конечно, не рациональнымъ, а доморощеннымъ способомъ. Я осматривая эту ферму, полюбовался ея запущенными аллеями, ея великолѣпными магноліевыми деревьями, теперь уже заглушаемыми, пожалѣлъ ея засохшіе пробковые дубы и ея забытыя оранжерей, изъ которыхъ, вѣроятно, въ прежнее время можно было убирать цвѣтами и растениями не только домъ генералъ-губернатора, но и дворецъ самихъ имеретинскихъ царей.

По осмотрѣ, я пришелъ къ грустному заключенію, что какъ ни плохо доморощенное садоводство полудикихъ обитателей Ріона, но все-таки, какъ показываетъ исторія, оно уже много вѣковъ поить ихъ хоть какимъ-нибудь виномъ и кормить хоть какими-нибудь плодами; между тѣмъ рациональное садоводство русскаго начальства привело только къ тому, что цѣною затраты значительныхъ общественныхъ суммъ городу Кутаису представилось небольшое лишнее гулянье, гдѣ можно напиться нѣмецкаго пива, но нельзя купить ни одного яблока, ни одной кисти винограда. Теперь затѣя начальства брошена и ферма рациональнаго садоводства отдана въ распоряженіе города, который тотчасъ же обратилъ этотъ храмъ Флоры въ пивную, замѣнивъ поэзію прозой.

* * *

Гостиницы Кутаиса довольно порядочны, и если не особенно комфортабелны, то вполне чистоплотны. Въ гостиницѣ, гдѣ остановился я, содержатель-французъ держитъ очень приличный и разнообразный столъ, въ которомъ охотники могутъ полакомиться разною горною дичью и прекрасною рыбою Ріона.

Въ этомъ отношеніи Кутаисъ сдѣлалъ значительный шагъ къ усовершенствованію, если вспомнить, какъ бѣдовалъ въ немъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстный французскій ученый Дюбуа де-Монпере. Вѣдному археологу не удалось тогда найти пріюта среди проливного дождя и онъ долженъ былъ провести ночь среди кучки пьяныхъ казаковъ, которые, для скорѣйшаго ознакомленія его съ характерными чертами націи, всю ночь ругались и колотили другъ друга, падая даже на постель любознательнаго путешественника. Даже прославленные Шарденомъ и Гамбою отцы-капуцины и тѣ были настолько жестоки, что не захотѣли облегчить жребія своего странствующаго католическаго брата.

— Ah, messieurs les voyageurs, ne comptez pas sur les pères sa-

Общій видъ г. Кутаиса.

rusins de Koutaïs, — трогательно предостерегаетъ своихъ неосторожныхъ соотечественниковъ злополучный археологъ, который, несмотря на всецѣлое поглощеніе своихъ кусковъ архивною эрудиціей, немножко смалодушествовалъ при такомъ, слишкомъ уже ощутительномъ лишеніи житейскаго комфорта.

Отдавъ неизбѣжную дань магоновъ, я всецѣло посвятилъ себя историческимъ памятникамъ Кутаиса и его окрестностей.

Директоръ кутаисской классической гимназіи, г. Стояновъ, знатокъ Кавказа и его древностей, авторъ весьма интереснаго путешествія въ Сванетію, былъ мой старый знакомый, гостилъ когда-то у меня въ Крыму и участвовалъ въ одномъ изъ моихъ путешествій по пещернымъ городамъ Крыма. Само собою разумѣется, что я обратился къ нему съ просьбою помочь мнѣ ознакомиться съ древностями Кутаиса.

Кутаисъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Европы, если вѣрить археологамъ. Онъ былъ еще городомъ дарицы-волшебницы Медин, прославленной Аргонавтами; такъ что ему нѣкоторые насчитываютъ болѣе 3,000 лѣтъ.

Въ такомъ случаѣ эта неважная столица маленькой Имеретіи на дѣлѣхъ пять столѣтій старше Рима, «вѣчнаго города». «Кутайя» въ глубокую древности уже была колоніей милетцевъ и родиною царя Аэта. Лапы, съ своимъ даремъ Губазомъ, уничтожили се; но на мѣстѣ разрушенной Кутайи возникъ въ VI вѣкѣ Кутатиссіумъ, построенный персидскимъ даремъ Мермерисомъ; этотъ Кутатиссіумъ дѣлается потомъ столицею лавовъ и всей Колхидской страны, дари которой часто живутъ въ его укрѣпленныхъ замкахъ, господствуя надъ всею обильною долиною Ріона и надъ торговлею черноморскаго побережья. Это уже точные факты исторіи, занесенные въ византійскія лѣтописи Прокопія, который при императорѣ Юстиніанѣ былъ секретаремъ знаменитаго полководца и правителя Велизарія, часто боровшагося съ персами, и потому долженъ былъ знать изъ очень вѣрныхъ источниковъ мѣстности, граничавшія съ Византійскою имперіей.

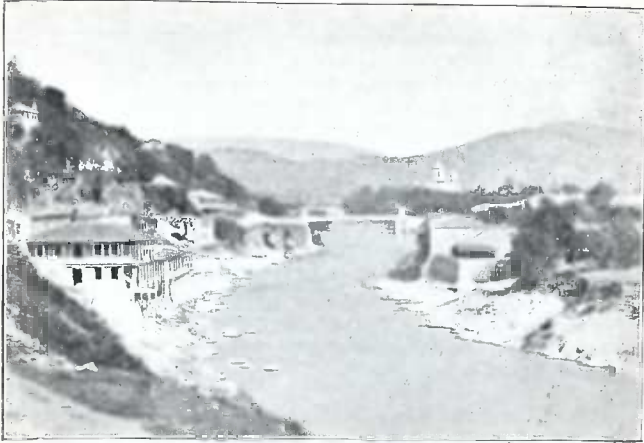
Собственно Кутатиссіумъ былъ на мѣстѣ современнаго Кутаиса, т.-е. на южной низменной равнинѣ Ріона, по его лѣвому берегу.

Но напротивъ его, на правой сторонѣ Фазиса, издревле существовалъ, ясно отличаемый отъ него всеми древними писателями и особенно Прокопіемъ, также очень древній городъ Укимеріонъ.

Развалинами этого Укимеріона до сего времени покрытъ противоположный гористый берегъ Ріона, на которомъ расположена часть тепершняго Кутаиса, съ домомъ архіепископа, духовною семинаріей и знаменитымъ разрушеннымъ соборомъ Баграта,

РАЗВАШИН МОНАСТЫРЯ СОЛОМОНА І ВЪ КУТАИСЕ.

Річка Ріонъ около Кутаиса.

Въ нижнемъ Кутаисѣ много слѣдовъ развалившихся церквей и часовень, мостового укрѣпленія, каменныхъ устоевъ нѣсколькихъ мостовъ черезъ Ріонъ, въ верхній городъ; но, по всей вѣроятности, древности эти относятся ко времени грузинскихъ и имеретинскихъ царей.

Въ этомъ можно убѣдиться изъ развалинъ хорошо сохранившейся часовни зеленоватого камня, живописно торчащей на вершинѣ скалы, надъ самыми волнами Ріона, при выгядѣ изъ Кутаиса въ Гелатскій монастырь, на плитахъ которой Дюбуа де-Монпере въ 1837 г. видѣлъ грузинскія надписи 1109 г. Часовня эта, сообщавшаяся, повидимому, съ группою пещеръ, вырытыхъ въ ея скалѣ, по всѣмъ признакамъ должна считаться однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ Кутаиса; другія же развалины его гораздо позднѣйшаго времени.

Кромѣ этой зеленой часовни и сосѣдняго съ нею циклопическаго кладбища изъ громаднѣхъ сажанныхъ плитъ, на подобіе доменовъ,—въ нижнемъ Кутаисѣ удѣлять старый дворецъ имеретинскихъ царей, обращенный теперь въ русскую классическую гимназію.

Хотя дворецъ этотъ былъ значительно разрушенъ и даже Дюбуа видѣлъ его еще въ развалинахъ, однако зданіе гимназіи воспользовалось почти цѣликомъ сохранившимися нижними сводами и открытыми гал-

лереями этого обширнаго помѣщенія, кольцомъ охватывающаго большой дворъ.

Посолье нашего царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Никифоръ Толочановъ, посланный въ 1650 г. къ имеретинскому царю Александру, видѣлъ въ этомъ дворцѣ много просторныхъ комнатъ, разрисованныхъ по стѣнамъ картинами битвъ царей имеретинскихъ. Но, конечно, теперь не осталось ни малѣйшаго слѣда этой живописи.

Прежде онъ былъ окопанъ рвами, обнесенъ древнею стѣною и заключалъ въ себѣ, кромѣ главнаго злания и тѣнистаго сада, еще другой маленькій дворецъ надъ самымъ обрывомъ Ріона, упиравшійся своею высокою каменною аркою прямо въ воду. Этотъ «Золотой чердакъ» или чертогъ, что все равно, назначался для ночлега царскихъ гостей, а теперь занимаетъ квартиру инспектора гимназіи, который былъ настолько любезенъ, что позволилъ намъ осмотрѣть его въ подробности.

Изъ большаго, вокругъ дворца, сада, который видѣлъ русскій посолье, также видѣла только одна исполинская чинара (или платанъ), стоящая теперь среди обширнаго пустаго двора гимназіи.

Чинара эта—большая рѣдкость и большая красота своего рода. Ей несомнѣнно нѣсколько вѣковъ, если она еще не видѣла саму Медю или царя Аэта.

Въ обхватъ она около 15 аршинъ. Ея далеко вытянутые кругомъ сучья—цѣлыя деревья огромной толщины. Подъ необъятною тѣною этой тысячелѣтней чинары можетъ пріютиться въ лѣтній зной вся гимназія. Дождь никогда не проходитъ сквозь ея многоэтажную листву.

Есть еще въ Кутаисѣ старики, которые хорошо помнятъ, какъ послѣдній имеретинскій царь Соломонъ судилъ и рядилъ своихъ подданныхъ подъ тѣною этого дерева, можетъ быть на той самой каменной скамьѣ, на которой сидимъ мы теперь, и вѣшалъ осужденныхъ, съ патріархальною простотою и краткостью, на тѣхъ самыхъ могучихъ сучьяхъ стараго дерева, которыми мы теперь любуемся.

На высотѣ человѣческаго роста, чинара имѣетъ углубленіе по всей окружности, какъ-будто отъ постоянной перевязки веревкою. Увѣряють, что къ ней дѣйствительно привязывался канатъ паромъ, ходившаго черезъ Ріонъ къ дворцу царей.

Что паромъ ходилъ черезъ Ріонъ, это видно и изъ того, что въ обрывахъ каменнаго берега Ріона мнѣ не разъ попадались грубо выдолбленные въ камнѣ кольца, за которые долженъ былъ привязываться канатъ.

Древности нагорнаго Кутаиса гораздо многочисленнѣе и интереснѣе. Очевидно, что этотъ нѣкогда отдѣльный городъ Укимеріонъ былъ уже давно обращенъ въ сильную крѣпость, защищавшую долину Ріона и нижній городъ, гдѣ сосредоточивалась жизнь и торговля.

Какъ-только перейдешь ріонскій мостъ, сейчасъ же вступаешь въ царство полуразрушенныхъ стѣнъ и башенъ всякаго рода, спускающихся до самой подошвы горы, почти въ волны Ріона.

Цементъ этихъ древнихъ стѣнъ такъ крѣпокъ, что его не беретъ ничто. Огромные сплошные обломки валяются по горѣ, не рассыпавшись на свои составныя части даже послѣ паденія, даже отъ взрыва пороховъ.

Дюбуа думаетъ, судя по римскому способу постройки, что стѣны эти сложены еще византийцами при Юстиніанѣ, который укрѣплялъ Укимеріонъ въ числѣ другихъ пограничныхъ пунктовъ

Развалины собора въ Кутаисѣ.

своей необъятной имперіи. Нижнее укрѣпленіе Укимеріона поддерживаетъ своими стѣнами верхнюю террасу горы, на которой было расположено верхнее, главное укрѣпленіе, теперь занятое архіерейскимъ домомъ и семинаріей. Башни обоихъ укрѣпленій кое-гдѣ еще отчасти удѣлялы, и жители воспользовались ими и древними стѣнами, чтобы пригородить къ нимъ, на нихъ и подъ ними свои кое-какъ сбитыя, глиною смазанныя жилища, не представляющія никакого удобства, но за то очень живописныя въ этой общей картинѣ разрушенія. Архіерейскій дворъ, обнесенный стѣною, сохранилъ какимъ-то чудомъ, среди этого историческаго хаоса, среди обломковъ и развалинъ, на огромномъ разстояніи покрывающихъ гору, свои чудныя старыя деревья, многовъ-

ковые орѣхи и липы, пріосѣняющіе молоденькую зеленую траву, сплошнымъ ковромъ устилающую большой дворъ.

Такимъ отраднымъ пріотомъ покоя и мира глянуть въ глубинѣ этого двора скромный бѣлый домъ, съ обычною тѣнистою галереєю впереди. Подъ широкими зелеными шатрами орѣховъ, непроницаемыхъ для дождя и солнца, зеленѣетъ нѣсколько безмолвныхъ могилъ съ каменными плитами разныхъ значительныхъ людей старой и новой Имеретии.

Послѣ тяжкаго непривычнаго подъема по осыпямъ каменныхъ горъ, черезъ обломки крѣпости, подъ горячимъ солнцемъ полудня, такъ свѣжо и легко дышалось въ прохладной тѣни этихъ гигантскихъ орѣховъ.

На зеленый дворъ вдругъ неслышно вѣхалъ по мягкой травѣ маслястый старикъ-монахъ, съ умнымъ величественнымъ лицомъ, верхомъ на бойкой горской лошаадкѣ. Несмотря на свою сѣдую окладистую бороду, онъ проворно и ловко, какъ юноша, соскочилъ съ коня, не дождавшись послушника, бросившагося къ нему съ галереи.

Въ этихъ увѣренныхъ пріемахъ всадника сейчасъ казался кровный кавказецъ, джигитъ по натурѣ, несмотря на его иноческое одѣяніе и почтенный вѣдъ старца.

Это былъ преосвященный Гавріиль, архіепископъ имеретинскій и мингрельскій. Мы подошли къ нему подѣ благословеніе, и Стояновъ, хорошо знавшій архіепископа, представилъ меня ему.

Преосвященный любезно пригласилъ насъ къ себѣ, въ свой прохладный и безмолвный иноческій пріютъ.

Я былъ очень доволенъ случаемъ познакомиться съ преосвященнымъ Гавріиломъ, о которомъ еще прежде слышалъ много хорошаго отъ брата своего, директора тифлисской гимназій, близко его знаваго, и отъ другихъ людей, которымъ я вѣрилъ.

И русскіе, и грузины, какъ я убѣдился, одинаково высоко цѣнить чистоту его нравственнаго характера, его энергическую, просвѣщенную дѣятельность. Гавріиль вообще одна изъ выдающихся личностей грузинской интеллигенціи. Это монахъ не по имени только и по одеждѣ.

Это челоѣкъ дѣйствительнаго труда и подвига. Онъ неутомимо заводитъ училища всякаго рода, неутомимо обязываетъ свою слишкомъ обширную епархію, проникая верхомъ даже въ такую глухую и опасную дичь, какъ недоступныя горныя деревни вольной Сванетіи, пріо-

тившіяся підъ самыми ледниками Эльборуса и Пасмты, на головокругительной высотѣ, за непроходимыми пропастями.

Возстановленіе христіанства въ одичавшей и обьязычившейся Сванетіи болѣе всего обявано мисіонерской ревности Гавріила.

Жизнь Гавріила отличается монашескою скромностію и простою, къ сожалѣнію, далеко необычною среди высшихъ прелатовъ всякихъ церквей вообще.

Въ Грузіи онъ считается вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ ученѣйшихъ архипастырей и талантливѣйшихъ проповѣдниковъ церкви.

Мнѣ много рассказывали о его необыкновенномъ дарѣ трогать сердце народа ясною простою и теплою искренностию своего слова.

Пресвященныи учился въ русской духовной академіи, чуть ли не въ Троицкой Лаврѣ, и довольно свободно говоритъ по-русски, хотя грузинское произношеніе слышится рѣзко.

Мы побѣдствовали съ нимъ о его повѣдкахъ по Сванетіи, о состояніи христіанства въ горныхъ дебряхъ Кавказа, но, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться дальшимъ интереснымъ обществомъ пресвященнаго, потому что спѣшили осмотрѣть развалины Старога Кутаиса.

Видъ развалинъ собора въ г. Кутаисѣ.

Соборъ Баграта, построенный грузин-

скимъ царемъ Багратомъ III и оконченный Багратомъ IV, въ 1003 г. по Рождествѣ Христовомъ, считается самымъ замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ Закавказья и самымъ совершеннымъ образцомъ армяно-грузинской архитектуры. Соборъ стоитъ выше архіерейскаго двора, на горѣ, широко господствующей надъ всею окрестностью, надъ нынѣшнимъ Кутаисомъ, прильнувшимъ къ ней кругомъ, глубоко внизу, надъ Риономъ, который съ немолчнымъ рокотомъ и плескомъ омываетъ его подошву. Соборъ уже наполовину разрушенъ, но еще держится своими разсѣвшимися, осыпавшимися, на-двое раздранными громадными стѣнами; почти весь обхватъ его цѣль, и архитектурный типъ его можно видѣть довольно ясно.

Съ нами былъ альбомъ чертежей этой археологической святыни Кавказа, извлеченный изъ чрезвычайно рѣдкаго атласа Дюбуа де-Монпере. Чертежи эти давали намъ возможность уяснить нѣкоторыя частности и разобрать точнѣе то, что уже разбирается теперь не легко.

Куполъ собора давно провалился, и на стѣнахъ, изгрызенныхъ и зазубренныхъ разрушеніемъ, въ трещинахъ, которыя расползаются сверху внизъ по цѣлѣвшимъ еще стѣнамъ, какъ первые приступы наступающей гибели, — растутъ цѣлыя деревья, кусты, травы, странно колыхаясь своей зеленью и цвѣтами на этой необычной высотѣ, на фонѣ ярко-синяго неба, перепутываясь корнями съ каменными пилитами, съ барельефами карнизовъ.

Обширный пустырь лежитъ теперь внутри этихъ высокыхъ, наполовину разъединенныхъ стѣнъ, на которыхъ разглядить то остатки древнихъ фресковъ, то рѣзныя колонки оконъ и арки нишей.

Четыре огромные столба, когда-то поддерживавшіе куполъ, низвергнуты давно и отъ нихъ остались только массивные четырехугольные постаменты; обломки зеленыхъ порфировыхъ колоннъ навалены другъ на друга. Еще легко различить мѣсто алтаря, по бокамъ котораго были устроены изящныя ниши въ два этажа. Нѣсколько каменныхъ гробницъ, на видъ довольно новыхъ, помѣщаются внутри собора. Весь полъ его покрытъ обломками и щебнемъ.

Жутко быть долго въ этихъ развалинахъ, подъ сырою тѣною высокыхъ, какъ башня, стѣнъ, которыя уже не держатся другъ другомъ и, кажется, качаются при кажомъ сильномъ порывѣ вѣтра: съ угрожающимъ видомъ нависли сверху надъ головою вашей то сорвавшийся съ своего гнѣзда тяжелый кусокъ карниза, то совѣмъ накренившійся, по всѣмъ швамъ растреснувшій зубецъ стѣны. Быстро, какъ струйка воды, переползаетъ черезъ него зеленая ящерица, запелестить сухою дробью осыпавшійся изъ-подъ ея ногъ мелкій соръ, и тревожно вски-

Стѣны-развалины собора въ Кутаисѣ.

нешь туда глазами, и ждешь, ужь не летитъ-ли оттуда давно подготовляющийся обвалъ. Снаружи украшенія собора сохранились гораздо болѣе и вообще онъ представляетъ болѣе цѣльный и грандіозный видъ.

Особенно интересна западная его сторона, откуда былъ главный входъ. Тамъ сосредоточено болѣе всего каменной рѣзбы и скульптурныхъ украшеній. Горельефы первобытнаго стіля, изображающіе царя Баграта и ангела, фигуры льва и грифова, превосходный карнизъ около дверей, и вообще все, что есть наиболѣе характернаго и изящнаго въ атласѣ Дюбуа, — еще можно хорошо видѣть на этой западной стѣнѣ. Видна и знаменитая надпись о годѣ построенія, сдѣланная крайне оригинальнымъ начертаніемъ арабскихъ цифръ. Ручную надпись можно разобрать надъ восточнымъ портикомъ собора. Но остальные фигуры и надписи, которыя Дюбуа еще видѣлъ на мѣстѣ, уже исчезли теперь. Особенно пострадалъ южный портикъ, котораго значительная часть была съ варварскою грубостью употреблена недавно на постройку небольшой новой церкви, примыкающей теперь вплотную къ собору, въ стѣнѣ которой можно отыскать теперь много загубленныхъ украшеній южнаго портика.

Въ высокой травѣ около западнаго входа я наткнулся на два великолѣпные каменные архитрава съ изячно вырѣзанными единорогами, леопардами, апокалипсическими птицами, съ лицомъ челоуѣка, и на многія другія замѣчательныя архитектурныя украшенія, которыми въ высшей степени облегчались и разнообразились сплошныя стѣны собора громаднѣйшей высоты и ширины.

Рѣзкость ихъ поворотовъ, уступовъ и угловъ смягчается какою-нибудь легкою группою художественно вырѣзанныхъ колонокъ или затѣйливыми карнизами самаго благороднаго узора. Однообразіе плоской стѣны замаскировывается рядами фальшивыхъ арокъ и нишъ или прерывается скульптурными фигурами строгаго стиля.

Расхищеніе этой археологической святыни идетъ такъ же неутомимо и систематически, какъ и ея разрушеніе.

Въ длинной оградѣ архіерейскаго двора, также какъ и въ оградахъ многихъ сосѣднихъ домиковъ, я видѣлъ множество камней съ фигурами и надписями, наваленныхъ въ числѣ обыкновеннаго булыжника и мусору.

Правда, кавказское географическое общество предлагало г. Стоянову, какъ члену своему, устроить ограду около собора, содержать сторожа и производить раскопки въ его осыпяхъ. Но оно назначало на этотъ предметъ 200 р., на которые, разумѣется, невозможно было бы устроить даже и одну ограду, поэтому дѣло и не пошло дальше добраго желанія.

А между тѣмъ, это такой монументъ древней архитектуры, передъ которымъ благоговѣть вся ученая Европа и который имѣетъ въ ней немалого себѣ равныхъ.

По послѣдованіямъ Дюбуа, храмы михетскіе, гелатскій и др. знаменитые древніе храмы Грузіи въ настоящемъ своемъ видѣ построены по образцу Вагратова собора, но значительно уступаютъ ему размѣрами и архитектурнымъ изяществомъ.

Вагратъ, женатый на дочери римскаго императора, воспользовался греческими архитекторами и каменщиками, чтобы довершить постройку собора, замышленную въ обычномъ армянскомъ стилѣ, и такимъ образомъ византийскій характеръ базилики, въ формѣ Креста, сочетался въ немъ со многими армянскими особенностями украшеній, скульптуры и проч. Замѣчательно, что тотъ-же самый византийскій императоръ, который прислалъ мастеровъ нашему великому князю Ярославу Мудрому для постройки святой Софій и лаврской церкви въ Кіевѣ, прислалъ такихъ же мастеровъ и грузинскому Мепе Ваграту IV.

Молодой педагогъ, любезно провожавшій насъ при посѣщеніи

собора, предложили намъ зайти на минуту въ духовную семинарію, въ которой онъ жилъ и учительствовалъ и которая была по-сосѣдству съ соборомъ. После нѣсколькихъ часовъ пѣшаго хожденія по камнямъ и

Улица въ городѣ Артвинѣ, Кутаисской губ.

жаръ было действительно не лишне немножко отдохнуть. Мы успѣли на длинной тѣнцистой галлерейкѣ семинарскаго дома, гдѣ насъ сейчасъ

же съ большимъ радушемъ окружили товарищи нашего спутника, жившіе въ томъ-же домѣ, и на столѣ незамѣтно появилась безхитро-стная грузинская закуека и неизбѣжный кувшинчикъ вина.

Молодые педагоги наперерывъ другъ другому угощали насъ кто мѣстнымъ сыромъ, кто виномъ, кто огурцами и свѣжими черешнями.

Мы искренно выпили за ихъ здоровье и съ любопытствомъ побесѣдовали съ ними объ устройствѣ семинаріи и ихъ житьѣ-бытьѣ. Эти духовныя семинаріи — первые проводники русской цивилизаціи среди азиатскихъ народностей Кавказа. Овладевъ хорошо русскимъ языкомъ, ставъ нечувствительно на точку зрѣнія образованныхъ классовъ Европы, черезъ знакомство съ русскою оригинальною и переводною литературою, воспитанники семинаріи дѣлаются потомъ учителями и священниками въ разныхъ глухихъ уголкахъ Кавказа. Жизнь ихъ въ семинаріи очень трудовая и очень тяжелая.

Они не живутъ въ пансіонѣ, а расседены по квартирамъ и своимъ домикамъ по горѣ стараго Укмеріона.

Впрочемъ, жалкія земляныя и хворостяныя лачуги ихъ даже не заслуживаютъ названія домовъ.

Скорѣе это звѣринныя норы или пещеры первобытнаго человѣка. Семинаристы получаютъ очень скудную денежную стипендію (пятьдесять рублей въ годъ) и должны все дѣлать сами, топить свои кѣтушки, готовить кушанье, рубить дрова, носить воду, покупать что нужно. Прислуги, разумѣется, у нихъ нѣтъ никакой, и они вынуждены чередоваться въ этихъ работахъ своихъ, поневолю пропуская классы. Въ этомъ, конечно, неудобство и невыгода. Но въ общемъ, эта суровая сторона воспитанія гораздо полезнѣе, чѣмъ наше обычное баловство молодежи въ школахъ, приучающихъ ее заранѣе къ такимъ запросамъ, которымъ почти никогда не отвѣчаетъ познѣйшая жизнь, и подрывающихъ въ нашихъ юныхъ поколѣніяхъ способность настойчивой борьбы, терпѣнія и скромности.

Подкрѣпивъ свои силы, мы уже цѣлою компаніей отправились доканчивать осмотръ древняго города Медин. Самая семинарія стоитъ среди грудъ историческихъ развалинъ и устроена изъ нихъ же; вся крутая, обширная гора кругомъ ея и собора покрыта ими почти сплошь. Новая жизнь только отчасти воспользовалась этимъ громаднымъ кладбищемъ прошлаго и приютилась почти незамѣтно въ разныхъ уголкахъ его. Мы натыкались ежеминутно на остатки церквей, памятниковъ, стѣнъ, башенъ, домовъ. Повыше и посвѣрѣе собора возвышался древній акрополисъ, также полный храмовъ и другихъ построекъ;

Общій видъ грузинскаго города Ардабуца, Кутаисской губ.

его стѣны и башни разрушены были въ послѣдній разъ вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями и зданіями нагорнаго Кутаиса въ 1769 году, когда геройскій отрядъ русскихъ, подъ предводительствомъ Тотлебена, перешелъ непроходимые хребты Кавказа черезъ горную Осетию и спустился въ Рачинскій округъ, а оттуда въ Кутаисъ. Тотлебенъ былъ посланъ Екатериною II на помощь имеретинскому царю Соломону I и долженъ былъ бомбардировать цитадель Кутаиса, въ которой заперлись турки, съ того берега Ріона. Турки были выбиты, Кутаисъ возвращенъ Соломону, позоставшіе имеретинцы усмирены, но древній Укимеріонъ Прокопія съ тѣхъ поръ пересталъ существовать и, кажется, уже никогда не возстанетъ изъ своего пепла.

Любознательные археологи, въ родѣ Дюбуа де-Монпере, и въ теперешнихъ развалинахъ умѣютъ различать и дворецъ царей лазовъ, и остатки турецкихъ мечетей, и храмъ св. Георгія, улицы и рынки, водопроводы и городскія ворота.

Но, признаюсь, эти сомнительныя подробности не стоятъ потраченного на нихъ труда, такъ какъ губительное время сравняло теперь

все въ одну кучу камней—дворцы и рынки. За то какой дивный видъ открывается со стѣны акрополиса и отъ маленькой церкви, окруженной старинными гробовыми плитами, надъ самымъ обрывомъ скалистой горы.

Не только весь новый Кутаисъ съ пестротою своихъ церквей, домовъ и улицъ стелется у вашихъ ногъ, за неистово несущимся Ріономъ, но еще далеко видна вся цвѣтущая, роскошная низина ріонской равнины, дѣляя области Имеретіи и Гуріи.

А налѣво, къ сѣверу, одно живописнѣе, одно заманчивѣе другого, зовуть къ себѣ сердце путешественника зеленыя, темнѣющія ущелья горъ, покрытыя курчавыми лѣсами, поднимающіяся все выше, все уже, въ синіе туманы далекаго Кавказа.

Бѣлые сверкающіе черепа далекой Пасмты и ея сосѣдей—великановъ сурово выглядываютъ изъ-за голой отвѣсной стѣны Квамліи, этой «скалы Прометея», и другихъ каменныхъ горъ, отдѣляющихъ Кутаисъ отъ Рачинскаго уѣзда, поднимающихъ свои громады за ближними лѣсистыми горами, сквозь тѣснины которыхъ прорываются Ріонъ и Красная рѣка. Тутъ и долина Гелати, куда намъ ѣхать завтра.

* * *

Обзоръ древняго Укимеріона окончился оригинально.

Спутники наши повели насъ черезъ хитроумный подземный ходъ, вырубленный въ краяхъ скалы и укрѣпленный кое-гдѣ кирпичными сводами. Этотъ тайникъ, когда-то совершенно закрытый отъ глазъ враговъ, но теперь уже во многихъ мѣстахъ осыпавшійся своею наружною стѣнкою и обнажившій себя, огибаетъ сѣверную стѣну укрѣпленной горы и ведетъ по очень крутому, далеко не вездѣ удобному скату къ потайному же роднику, который бьетъ изъ сердца скалы и наливается своей естественной каменный бассейнь, почти на половинѣ высоты скалы, въ полуоткрытой и полутемной пещеркѣ, заросшей ежевикой и плющемъ.

Спутники мои рассказали мнѣ по этому случаю, что въ прежнее время бассейнь этого ключа былъ совершенно закрытъ снаружи; но одинъ имеретинъ, во время осады Кутаиса, посоветовалъ генералу Тотлебену разбить ядрами сводъ, прикрывавшій ключъ, и прекратить осажденнымъ доступъ къ водѣ. Въ ту-же ночь черезъ этотъ самый проломъ русскіе ворвались въ цитадель и заставили турокъ «сдаться».

Мы забрались въ этотъ поэтическій уголокъ напиться ключевой воды и успѣли вдохнуть нѣсколько минутъ, свѣсивъ ноги надъ обрывомъ, любуясь шумѣвшимъ недалеко Ріономъ. Подъ нами, по дорогѣ,

двигались арбы, люди, лошади, спѣшившіе въ Кутанеъ изъ окрестныхъ деревень.

Какой-то лохматый, оборванный имеретинъ несъ за плечами на базаръ огромную корзину спѣлыхъ черныхъ черешень.

Наши молодые педагоги перекинулись съ нимъ нѣсколькими словами, и вдругъ я съ изумленіемъ увидалъ, что этого неуклюжій на видъ мужчина сталъ быстро и ловко, какъ паукъ, карабкаться по отвѣсной скалѣ, наверху которой сидѣли мы, не снимая съ своихъ плечъ тяжелой корзины, не менѣ пуда вѣсомъ.

Корзина, полная душистыхъ и сладкихъ, только-что нарванныхъ черешень, какихъ не купишь ни у какого Елисѣва на Невскомъ проспектѣ, была уступлена безхитростнымъ торговцемъ, вмѣстѣ съ посудиною, за 2 абазы, т.-е. за 40 к. Мы все наѣлись до-сыта черешень, но корзина была словно не тронута. Имеретинецъ однако былъ, повидимому, очень доволенъ своимъ неожиданнымъ и выгоднымъ торгомъ, потому что не только его рискованная гимнастика по обрыву сошла за тѣ же 2 абазы, но онъ еще охотно вызвался въ тотъ же счетъ дотащить корзину съ своими черешнями на гору въ семинарію, т.-е. еще добрую версту по камнямъ и жарѣ.

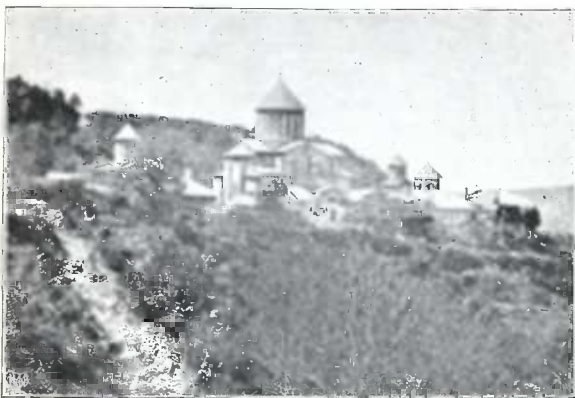
IV.

Святѣны Грузіи.

ГЕЛАТСКІЙ монастырь для всей древней Грузіи, включая въ нее не только Карталинію, Кахетію и Самхетію, но и Имеретію, и Гурію, и Мингрелію, то-же самое, что Сергіево-Троицкая лавра для стараго московскаго государства.

Этотъ высокоушесшій въ горы укрѣпленный монастырь служилъ въ теченіе вѣковъ сокровищницею грузинскихъ и имеретинскихъ царей и убѣжищемъ ихъ въ частыя минуты опасности. Въ Гелатахъ жили обыкновенно католикосы, т.-е. патриархи Грузіи, такіе же верховные вожди народа, какъ и цари, часто становившіеся рѣшителями даже ихъ собственныхъ судебъ. Въ такомъ глубоко-христіанскомъ народѣ, какъ грузины, для котораго весь смыслъ многовѣковой исторіи часто заключался въ защитѣ своей вѣры, глава церкви естественнымъ образомъ становился въ положеніе, можетъ быть, еще болѣе авторитетное и непоколебимое, чѣмъ даже глава свѣтской власти.

Не постыть Гелати было бы святотатством для путешествующаго по Грузіи. Намъ собралась дѣлая компанія: Стояновъ, я и два учителя гимназій, люди такіе же любознательные, какъ и мы, и кромѣ

Общій видъ Гелатскаго монастыря.

того сильно нуждавшіеся въ отдыхѣ послѣ една законченныхъ экзаменовъ.

Къ моему изумленію, оказалось возможнымъ обратиться въ этотъ заоблачный монастырь безъ всякой романтической обстановки, невольно соединяющейся въ нашемъ воображеніи съ поѣздками по горамъ Кавказа; ни верховыхъ лошадей, ни бурокъ, ни проводниковъ по тропинкамъ—ничего не потребовалось. Нанята была просторная буржуазная коляска четвернею, и подъ прикрытіемъ прозаическихъ городскихъ зонтиковъ, въ обыденныхъ городскихъ пальто, усѣлись мы въ ней, радуясь какъ дѣти прекрасному синему дню и чуднымъ перспективамъ, ожидавшимъ насъ впереди. Въ первомъ порядочномъ магазинѣ запаслись мы винами, не особенно рассчитывая на гостепріимство монаховъ, и весело тронулись въ путь на четверкѣ бойкихъ кабардинскихъ лошадокъ, не знающихъ ни страха, ни усталости. Имеретинъ-извозчикъ за всю прогулку въ облака и обратно взялъ съ насъ 15 р. и, надо отдать ему справедливость, не жалѣлъ своихъ каменнно-ногихъ коней.

Мы выѣхали изъ Кутаиса по Рачинской дорогѣ черезъ многолюдный и зажиточный еврейскій кварталъ, который весь кишѣлъ разряженнымъ праздничнымъ народомъ по случаю шабаша.

Красивыя закавказскія еврейки въ своихъ богатыхъ и оригинальныхъ уборахъ толпились отдѣльно отъ мужчинъ, какъ подобаетъ восточнымъ женщинамъ.

Въ Закавказьѣ не только евреи, но и грузины и вообще всѣ мѣстные христіанскія племена болѣе или менѣе соблюдаютъ общій обычай азіатскаго мусульманства, требующій почти полнаго отчужденія быта мужчины отъ быта женщины. По крайней мѣрѣ это очень замѣтно среди простонародья.

Мы ѣхали круто въ гору, но все-таки рысью. Горская лошадь имѣетъ мѣдное легкое и чугунную ногу, и то, что она продѣлываетъ здѣсь безъ всякаго напряженія, для нашей русской равнинной лошади было бы совершенно невысказимо и невѣроятно. Сначала мы ѣхали по лѣвому берегу навстрѣчу Ріону, который, вырвавшись изъ ущелій, кружится и бѣситъ въ своихъ высокіхъ каменныхъ берегахъ, среди которыхъ онъ сбѣгаетъ внизъ съ одуриющею быстротою.

Дорога вьется по тѣсному карнизу горы, какъ-разъ надъ обрывами рѣки, и съ непривычки очень волнуешь нервы, особенно когда встрѣчаются имеретинскія арбы и извозчику приходится то почти переваливать на бокъ коляску, забираясь однимъ колесомъ на крутой обвалъ горы, то пробираться надъ самою пропастью, по осыпающемуся краешку дороги, поминутно срываясь колесами.

Потомъ мы бросили долину Ріона и поднялись въ ущелье его притока Цхаль-Цители, Красной рѣки. Выше, по этому же ущелью, находится всѣмъ извѣстная пещера Язона, въ которой еще недавно производилъ свои раскопки, не особенно, впрочемъ, удачныя, нашъ извѣстный археологъ графъ Уваровъ.

Образъ Спасителя въ Гелатскомъ соборѣ.

Цхалъ-Цители нисколько не успокоительнѣе Ріона. Опасныя осыпи и кручи и тутъ-же на каждомъ шагу; тяжелая коляска наша то вынуждена переправляться, съ вѣрнымъ шансомъ провалиться, черезъ утѣе, еле-дышащія мостики, то наудачу переѣзжать рѣку вбродъ черезъ огромные камни, способные безъ труда раздробить колеса и опрокинуть экипажъ. Къ тому-же, самое названіе брода только одна напрасная иллюзія, потому что малѣйшій дождь дѣлаетъ этотъ бродъ непроѣзднымъ.

Мы тоже пряздно черпали водицы кузовомъ своей коляски и не разъ ожидали необходимости окончить свою переправу впадовъ.

Но возница нашъ и его лошадки изумляли меня своею ловкостью. Въ то время, какъ правая пристяжная, съ дѣпкостью дикой козы, бѣжитъ, не срываясь, чуть не по отвѣсному косогору скалы, на ходу перепрыгивая и обѣгая кусты и выступы камней, лѣвая почти виситъ надъ пропастью и только кончиками копытъ успѣваетъ попадать въ выпучій край карниза.

Кажется, потерявъ она на одинъ волосокъ равновѣсіе—и мы всѣ, съ экипажемъ, лошадями и пассажирами, полетимъ внизъ.

У насъ, въ Россіи, ѣзда по такимъ дорогамъ считалась бы опасною даже въ-одиночку, въ простой телѣгѣ, а кавказскій извозчикъ запрягаетъ четырехвѣстную коляску и валитъ себѣ четверкою въ-рядъ, ежеминутно повертывая то направо, то налево, подъ острымъ угломъ, да еще, какъ ни въ чемъ не бывало, разминуется съ нагруженными арбами, которыя тутъ встрѣчаются цѣлыми обозами. За то какъ хороши лѣсные ущелья, которыми ѣдемъ мы. Забудешь и ревъ Ріона, и обрывы, и опасности.

Роскошная южная растительность заполняетъ эти сочныя ущелья до того густо, что буквально уже не проползти. Вѣчно-зеленые лавры, мирты и лавровишни, падубы, кровавые цвѣты гранатника, только-что отцвѣтшіе азалии и рододендроны съ своими сверкающими лакомъ листьями, персикъ, орѣхъ, айва, смоквица,—все это сплошь наполняетъ лѣсную дичь ущелья, не требуя никакого ухода, снабжая горнаго жителя своими даровыми плодами и чудными цвѣтами, рядомъ съ каштаномъ, дубомъ, грабомъ и другими болѣе обыкновенными деревьями. Плющъ и дикій виноградъ перепутываютъ этотъ разнообразный естественный садъ своими ползучими лианами, преграждая всякую дорогу не только человѣку, но и звѣрю. Дѣлается жалко, когда сознаешь, что все это природное обиліе и красота болѣею частью погибаютъ безцѣльно и бесплодно, никому ненужное, часто даже невѣдомое и недоступное, въ то время какъ въ другихъ странахъ есть

столько людей, лишенных даже самой скромной доли этой роскоши земли.

Тягота и гуща этих лѣсовъ такова, что нога моя не могла отыскать въ нихъ почвы. Ступаешь не на землю, а на перелеты упругихъ вѣтвей, на кучи сухолома, на гніющія колоды. Дерево тутъ не допускаетъ до земли; тутъ все только лѣсъ, и вверху, и внизу, и кругомъ.

Подъемъ дороги дѣлается круче съ каждымъ шагомъ, и жаркій лѣтній день нисколько не облегчаетъ его.

Въ мыслѣ не только лошади, но и мы сами.

* * *

Гелатскій монастырь торчитъ очень высоко, почти надъ самою вершиною лѣсной и скалистой горы, за Цхалъ-Цители. Его бѣлые храмы и крѣпостныя стѣны живописно вырѣзаются на яркой зелени горы, подъ знойнымъ синимъ куполомъ неба, широко опрокинутымъ надъ всею этою чудною панорамою горныхъ вершинъ и ущелій.

Только въ рѣдкихъ мѣстахъ долины и скаты кое-гдѣ поцарапаны виноградниками и кукурузниками, да и эти скудныя попытки людскаго хозяйства кажутся какими-то случайными и затерянными, среди торжественно царящей кругомъ дикой мощи лѣсовъ, альпійскихъ пастбищъ и скалистыхъ пустырей.

Разсыянные по скатамъ деревушки тоже кажутся ошибкою попавшими въ это пустынное царство горъ. Бѣдые домишки ихъ чуть прикрыты состарѣвшимися соломенными крышами или замшишеюся деревянною черепицею. Это жилища пастуховъ и лѣсниковъ.

Послѣдній подъемъ на конусообразную гору Гелати такъ труденъ,

ЧЕРКЕЗЪ КАВКАЗА.

Образъ Священнаго Троицы съ эмалевымъ медальономъ въ Гелатскомъ соборѣ.

что намъ пришлось выйти изъ коляски и продирается вверхъ пѣшкомъ по утомительнымъ тропицамъ; коляска отправилась въ объѣздъ.

Мы вдохнули съ большимъ удовольствіемъ, очутившись наконецъ наверху, насквозь потные, хотя уже давно постигали съ себя верхнее

Образъ-складень Ацхурской Божіей Матери въ Гелатскомъ соборѣ.

платье и шли въ одномъ бѣльѣ. Прозрачная, какъ ледъ холодная вода монастырскаго колодезя показалась вкуснѣ всякаго нектара.

На высокой тѣнистой галереѣ братскаго дома усѣлись мы отдохнуть и подкрѣпить свои силы бывшею съ нами провизіей. У монаховъ ничего не достали. Настоятеля не было дома, а безъ него словно никто не смѣлъ принять на себя роль хозяина.

* * *

Въ Гелатской лаврѣ три древнихъ удѣльшихъ храма: большой соборъ Богоматери въ срединѣ обширнаго монастырскаго двора, зади его маленькая, но вмѣстѣ самая старая церковь св. Георгія и впереди храмъ св. Николая, позднѣйшей постройки.

Монастырь основанъ Давидомъ-Возобновителемъ, въ XI вѣкѣ, въ одно время съ Киевопечерскою лаврою.

Большой соборъ очень напоминаетъ собою Софійскую церковь Кіевопечерской лавры, только своды его выше и изящнѣе. Какъ кіевская Софія, какъ Успенскій соборъ Москвы, какъ св. Маркъ въ Венеціи, Гелатскій большой соборъ сплошь покрывъ внутри замѣчательными старинными фресками и мозаиками.

Особенно хороши знаменитыя мозаики алтаря, гдѣ все обширное золотое поле круглаго купола занято тремя громадными фигурами Богоматери и двухъ ангеловъ, рѣдкаго искусства. Полуостертыя фрески пестрыхъ сливающихся тоновъ персидскаго ковра, ласкающихъ глазъ, сплошь выстилають своды, арки, стѣны купола, будто драгоценныя старинныя гобелены своего рода, и придаютъ собору характерный видъ истинновизантійскаго храма.

Въ этихъ огромныхъ, наивныхъ до первобытности фигурахъ, расположенныхъ безъ малѣйшаго соблюденія перспективы, нарисованныхъ безъ всякаго понятія объ анатоміи, со всеѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ средневѣковаго благодѣянія, заключается какая-то своеобразная красота, не всякому доступная, понятная только чутью художника да умиленному настроенію възвущаго. Что-то цѣлостное, искреннее, гармоническое, оправдывающее самое себя и согласное со всеѣмъ младенчески-инстинктивнымъ полуязыческимъ міросозерцаніемъ тѣхъ темныхъ вре-

Гелаты. Церковь св. Георгія съ восточной стороны.

мень и тѣхъ простыхъ людей, глядѣть въ каждой чертѣ древняго рисунка.

Іоаннъ-Креститель желѣпаго вида, въ звѣриныхъ шкурахъ и съ крыльями; столпники въ диковинныхъ столбахъ съ бородами, выросшими въ землю; громадные глазатыя лица съ рѣзкими, будто окаменѣвшими черными морщинами; фантастическія фигуры апокалипсическихъ чудищъ, многоголовыя, многокрылыя, полулюди, полувѣри, полуптицы,—весь бредъ пылкаго восточнаго воображенія, вдохновеннаго религиознымъ ужасомъ и религиозными чаяніями невѣдомаго, воплощенный въ формы и краски рукою художника, глубоко вѣрующаго въ реальность и въ истинность всѣхъ этихъ сновидѣній фантазіи...

Среди этихъ безчисленныхъ поблекшихъ изображеній, кпшащихъ на стѣнахъ и сводахъ собора, словно почмща загробнаго міра, безмолвно столпившіяся вѳругь алтара, дающаго смыслъ и жизнь даже въ безотраднхъ пустыняхъ смерти, фигуры исторіи перемѣшаны съ созданіями воображенія, съ мечтаніями вѣры...

Цари, царицы, младенцы-царевичи и католикосы древней Грузіи стоятъ въ рядахъ херувимовъ, пророковъ и мучениковъ. Тутъ ужъ видна не одна сила религиозной фантазіи, а живьемъ легла печать времени и народа.

Черноволосыя фигуры съ широко-открытыми большими черными глазами, ярко-восточнаго типа, въ азіатскихъ парчевыхъ безмстахъ по пятки, съ монгольскими косами по плечамъ, съ монгольскими сердитыми усами, въ персидскихъ и киргизскихъ шапкахъ,—попали на эти стѣны прямо съ природы, изъ живой когда-то жизни.

Даже образы Христа и Богоматери невольно запечатѣлись этимъ мѣстнымъ азіатскимъ колоритомъ, и съ огромныхъ мѣстныхъ иконъ глядятъ такіе-же смуглые глазатыя грузины, какъ и съ портретовъ благодетельныхъ царей, щедротами своими создавшихъ когда-то этотъ домъ.

Иконостасъ почти весь заставленъ и завѣшанъ знаменитыми чудотворными иконами Грузіи; тутъ и Хахульская Божья Матерь, и Ацхурская, и Бичвинтская, и Гелатская, и многія другія. Несмотря на рабское положеніе восточной женщины, Богоматерь пользуется въ Закавказьѣ особеннымъ благоговѣйнымъ почетомъ, и нигдѣ нѣтъ столько иконъ, храмовъ и празднествъ въ честь Пресвятой Дѣвы, какъ у грузинъ. Видно, недаромъ женщина была первою насадительницею христіанства въ Грузіи, недаромъ самымъ славнымъ и любимымъ царемъ Грузіи сдѣлаалась потомъ царь-женщина.

Чудотворныя иконы гелатскаго храма почти всѣ огромныхъ рас-

Общій видъ Гелатскаго монастыря съ сѣв.-востока.

мѣровъ и неописаннаго богатства. Онѣ стоятъ рядомъ впереди иконостаса. Большая часть ихъ имѣетъ видъ складней самаго рѣдкаго и мастерскаго золотого чекана, усыяннаго въ поразительномъ обилии всевозможными драгоценными камнями, иногда замѣчательной величины. Темное письмо ихъ глубочайшей древности. Но на самыхъ старѣхъ письмахъ даже вовсе не видно: онѣ сплошь окованы золотымъ окладомъ мельчайшаго, тончайшаго узора и на нихъ виденъ только золотой горельефъ съ египетски-неподвижными и египетски-неуклюжими фигурами. Также же отчеканены и такъ-же одѣты въ сплошныя ризы царскія врата. Подобныя религиозныя сокровища древности можно видѣть развѣ только въ Успенскомъ соборѣ Москвы.

Соборъ Богоматери имѣетъ шесть отдѣльныхъ круглыхъ сводовъ въ обычной формѣ креста. Въ срединномъ сводѣ, самомъ обширномъ, гдѣ сосредоточена главная масса фресокъ и иконъ, помѣщается и древнее каменное сидѣнье католикосовъ Грузи, украшенное оригинальною каменною рѣзбою. Множество фресокъ этого свода, изображающихъ святыхъ угодниковъ, кажутся слѣпыми, потому что глаза ихъ выцарапаны или выбиты турецкимъ мечомъ; у другихъ отрублены турками

головы и руки или совсѣмъ счищены лица... Это обычное поруганіе христіанскихъ святыхъ со стороны мусульманина.

Кругомъ главнаго отдѣленія собора идутъ хоры. На нихъ нужно подниматься по темной лѣстницѣ гомерической простоты. Камни, составляющіе ступени, не менѣе аршина высоты и, поистинѣ, нужно быть богатыремъ грузинскихъ сказокъ, чтобы шагать по этой лѣстницѣ гигантовъ.

За то съ хоръ можно отлично рассмотреть самыя старыя и самыя стертыя фрески,

Фрески на северной сторонѣ въ Гелатскомъ соборѣ.

которые, дѣйствительно, достойны вниманія любителей. Но еще интереснѣе маленькая ризница направо отъ алтаря. Въ ней вещей немного, всего одинъ шкапъ; это далеко не тѣ безконечныя палаты, до потолковъ наполненыя жемчужными ризами, безцѣнными митрами, сверкающими золотомъ сосудами и иконами, которыми поражаетъ путешественника ризница

Сергіево-Троицкой Лавры или патриаршая ризница Москвы. Но за то всякая вещь маленькой гелатской сокровищницы есть замѣчательная историческая реликвія.

Въ глазахъ знатоковъ древности нѣтъ цѣны древнимъ рукописямъ, евангеліямъ, украшеннымъ дивною миниатюрою VII, VIII и XI вѣковъ. Особенно интересно своимъ оригинальнымъ почеркомъ въ высшей степени простое евангеліе, съ оторваннымъ началомъ, найденное въ недоступныхъ дебряхъ Сванетіи и относящееся къ VII или VIII вѣку. Впрочемъ, большая часть гелатскихъ евангелій имѣетъ безцѣнные оклады древнѣйшей работы, украшенные дорогими камнями. Но и кромѣ евангелій тутъ много историческихъ рѣдкостей: корона царя Баграта III, несказаннаго богатства, сплошь унизанная жемчугомъ, изумрудами, рубинами, еще того типа, по которому дѣлались вѣнцы древ-

нихъ библейскихъ царей, съ зубцами, увѣнчанными небольшими крестиками; тутъ митры грузинскихъ патриарховъ характерной цилиндрической формы, также богато усыпанныя камнями, и все вообще облачение католиковъ, ихъ хитоны, пояса, башлыки, остроконечныя туфи, залитыя жемчугомъ, расшитыя золотомъ съ удивительнымъ вкусомъ и роскошью и также убранныя всевозможными самоцвѣтными камнями. Тутъ, между прочимъ, сохраняется и золотой перстень царя Давида - Возобновителя, соорудителя храма, портреты котораго виднѣются на фрескахъ почти каждой стѣны, перстень невѣроятной величины и массивности, съ именною печатью царя и скрытыми частями мощей. Судя по величинѣ пальца, носившаго подобное кольцо, невольно повѣришь, что громадныя фрески—только вѣрное подобіе когда-то живой дѣйствительности, и что ступени хоръ гелатскаго храма были совершенно

Входъ въ гробницу царя Давида въ Гелатскомъ монастырѣ.

по ногѣ его старинныхъ молебщиковъ. При осмотрѣ ризницы я въ первый разъ услышалъ новость, которую впоследствии подтвердилъ мнѣ имеретинъ и мингрельцы, имѣвшіе случай говорить со мною и которая въ высшей степени смутила меня въ качествѣ русскаго человѣка. Я не считаю возможнымъ умолчать о ней, тѣмъ болѣе, что, по сообщеннымъ мнѣ свидѣніямъ, она уже возбудила въ свое время громкій ропотъ не только въ мѣстной обществѣ, но и въ мѣстной литературѣ, тѣсно связанной пеленами цензуры.

Мнѣ рассказывали, что одно изъ знаменитыхъ и древнѣйшихъ евангелій гелатской ризницы было будто-бы взято бывшимъ кутаискимъ губернаторомъ графомъ Левашовымъ, подъ предлогомъ чистки и поправки его въ Парижѣ, и что затѣмъ дѣны немѣвѣющей древней окладъ съ драгоценными камнями исчезъ невѣдомо куда, и только

послѣ многихъ настояній духовенства знаменитое евангеліе было возвращено монастырю, но въ самомъ обыденномъ новѣйшемъ окладѣ.

Прибавляли еще и другія возмутительныя подробности, которыхъ я не повторяю. Увѣряютъ даже, будто отъ святѣйшаго синода до сего времени объ этомъ производится слѣдствіе, и что будто слѣдствію этому ставятся со стороны свѣтскихъ властей такія препятствія, при которыхъ оно до сихъ поръ не въ силахъ придти къ концу. Я знаю, какъ люди много врутъ, путаютъ, преувеличиваютъ и даже клеветуютъ; поэтому я не позволилъ бы себѣ печатно повторить этотъ оскорбительный слухъ, которому желалъ бы совершенно не вѣрить и котораго провѣрить, конечно, не въ состояніи, если-бы я не убѣдился, что слухъ этотъ составляетъ глубоко укоренившееся убѣжденіе всего Ріонскаго края.

Съ кѣмъ бы изъ имеретинъ ни говорилъ я, прежде всего я долженъ былъ выслушивать эти горькія жалобы на дерзкое похищеніе народной святыни представителемъ русской власти и самое искреннее негодованіе на разореніе Ріонской области въ печальное время его управленія; старъ и малъ твердили одно и то-же.

Отъ простаго имеретинскаго извозчика приходилось слышать тѣ-же недобрыя пожеланія бывшему правителю, какъ и отъ богатыхъ деревенскихъ князей и отъ образованныхъ горожанъ.

При этой повальной ненависти цѣлаго народа, конечно, трудно судить, насколько правда перемѣшана съ выдумкою и пустая выдумка съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла. Очень можетъ быть, что во всѣхъ этихъ враждебныхъ отзывахъ о бывшемъ кутаисскомъ губернаторѣ, извѣстною долею звучитъ нерасположеніе грузинскаго племени къ русскому владычеству. Но, допуская даже возможность всякихъ преувеличеній молвы и всякихъ пристрастій, нельзя не сознаться, что великая задача управленія иноплеменными народностями рѣшительно недостижима при такомъ прискорбномъ отношеніи мѣстнаго населенія къ представителямъ правительства; что самая возможность появленія въ управляемомъ народѣ такихъ упорныхъ и широко распространенныхъ слуховъ о незаконіяхъ власти несомнѣнно указываетъ на какіе-нибудь существенные пороки ея и во всякомъ случаѣ на ея непригодность въ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы ни были сильны племенные страсти, трудно повѣрить, чтобы энергическая, честная, строго-законная администрація могла оставить по себѣ во всѣхъ слояхъ общества такую плохую память и такія строго опредѣленные обвиненія. Развѣ Ермоловъ, Воронцовъ, Барятинскій были не русскіе люди и развѣ они дѣйствовали

не среди тѣхъ-же инокродческихъ племень Кавказа? И однако сколько добрыхъ словъ о нихъ, сколько искренняго сожалѣнія о минувшихъ съ ними порядкахъ слышала я въ разныхъ углахъ Кавказа отъ представителей псевозможныхъ народностей.

Мнѣ кажется, строго-публичное свидѣствіе послужило бы лучше всего къ раскрытію истины, къ разоблаченію клеветы, и къ снятію этого слишкомъ темнаго пятна съ имени людей, быть можетъ, неимѣющихъ другой возможности очиститься отъ этого всѣми раздѣляемаго, но ничѣмъ официально неформулированнаго тяжкаго обвиненія. Избѣгать гласности въ дѣлахъ подобнаго рода—это самая плохая защита и самая вредная услуга. Гласности должны прежде всѣхъ требовать, какъ своего права, тѣ, имя которыхъ наиболее страдаетъ отъ обидныхъ слуховъ, настойчиво повторяемыхъ цѣлою странною и возбуждающихъ въ цѣломъ племени страстную ненависть.

Но, кромѣ того, само достоинство и прочность власти русской неминусемо требуютъ, чтобы подобныя явленія не оставались на волю случая. Ненависть къ лицу въ данныхъ обстоятельствахъ слишкомъ легко можетъ перейти въ ненависть къ племени, къ принципу. По одному- представителю народъ склоненъ судить и о всемъ характерѣ власти. Безнаказанность произвола и беззаконій отдѣльныхъ правителей, въ глазахъ народа, мало знакомаго съ истинными цѣлями русской государственной власти, можетъ показаться системою управления, одобрен-

Образъ Спасителя въ Гелатскомъ соборѣ.

ною свыше и предназначенною отдать интересы всего народа въ жертву личнымъ интересамъ русскихъ людей. Азіатскій востокъ слишкомъ приучилъ грузинъ къ такому способу дѣйствій, чтобы онъ могъ показаться имъ невѣроятнымъ и со стороны Россіи. Грузинъ особенно чувствителенъ къ оскорбленіямъ своей религіи, къ посягательствамъ на свою церковь. Недаромъ вся его многовѣковая исторія есть только защита церкви. Поэтому страстность его отношеній къ исторіи похи-

Башмаки царицы Давида, вышитые жемчугомъ, въ Гелатскомъ соборѣ.

щения гелатскаго евангелія вполне понятна. Какъ ни популярна въ грузинскомъ народѣ высоконравственная личность пресвященнаго Гавриила, однако и его репутація сильно пострадала изъ-за этого прискорбнаго дѣла. Кутаисскій владыка былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ губернаторомъ и, говорятъ, имѣлъ слабость уступить его настояніямъ, относительно передачи ему древней народной

святыни для исправленія оклада. Этого имеретини не хотятъ простить ему.

Но евангеліе—только наиболее эффектный эпизодъ. Графа Левашова Имеретія поминаетъ лихомъ и за многое другое. Между прочимъ, ему приписываютъ проведеніе желѣзной дороги, изъ-за личныхъ расчетовъ, мимо Кутаиса черезъ имѣніе князя Святополкъ-Мирскаго и извѣстнаго армянскаго богача Аназова. Этому трудно вѣрить уже потому, что губернаторъ одной области не можетъ имѣть рѣшающаго вліянія въ вопросахъ государственнаго значенія, какъ направленіе желѣзной дороги, соединяющей два моря; трудно предположить, чтобы центральная власть Кавказа и общія государственная власть Россіи допустили измѣнить направленіе важнѣйшей торговой и стратегической линіи дѣлаго Закавказья въ угоду второстепеннымъ личнымъ дѣльцамъ. Тѣмъ не менѣ имеретини громко твердятъ свое,—а имъ ротъ не замажешь.

* * *

Снаружи соборъ Бегородицы такъ-же типиченъ, какъ и внутри.

Если кутаисский соборъ громаднѣе и величественнѣе его, за то гелатский сохранился вполне и можетъ служить прекраснымъ образцомъ для изучения византийскаго-грузинскаго стиля золотого вѣка Грузіи.

Въ немъ особенное обиліе изящныхъ рѣзныхъ украшеній изъ камня вокругъ характерныхъ узкихъ и высокихъ оконъ, такъ-называемыхъ «щельныхъ», многосажженной высоты, шириною менѣе аршина, не столько оконъ, сколько бойницъ, а также вокругъ дверныхъ арокъ и нишъ, по карнизамъ, изгибамъ и поворотамъ стѣнъ. Пучки тонкихъ и легкихъ витыхъ волоконъ, по 2, по 3, по 10 вмѣстѣ, съ затѣливыми узорчатыми капителями, служатъ самымъ обыкновеннымъ орнаментомъ оконъ и дверей, слѣшкомъ гладкихъ простѣнковъ и угловъ.

Въ стѣнкахъ кое-гдѣ виднѣются сверхъ того особая плиты съ очевидно очень древнимъ горельефомъ, вставленные безъ всякой симметріи. Особенною древностью пахнутъ подобныя плиты въ стѣнахъ маленькой церкви св. Георгія, гдѣ одна изъ нихъ раскрашена и изображаетъ св. Георгія пѣшимъ, а не на конѣ, въ формахъ младенческой простоты.

При своихъ посѣщеніяхъ грузинскихъ храмовъ и замѣтилъ, что этотъ пѣшій святой Георгій попадаетъ только на иконахъ и горельефахъ самой глубокой древности. Очень можетъ быть, что и здѣсь плита, на которой онъ высѣченъ, представляетъ удѣлявшій обломокъ ка-

Церковная утварь въ Гелатскомъ соборѣ.

кого-нибудь еще болѣе древняго храма, вставленный благочестивою рукою въ стѣны сравнительно новѣйшей постройки, хотя и ей историки Грузіи считаютъ теперь чуть не 1,000 лѣтъ. Этому искренно повѣришь, посѣтивъ маленькую старую церковь св. Георгія. Она уже стала словно уходить въ землю. Фрески ея—дѣтскаго рисунка, который только и могъ быть мыслимъ въ дни влиятельнаго средневѣковаго христіанства. За деревяннымъ иконостасомъ, писаннымъ золотомъ по черному фону, по-

старовѣрчески, съ позднѣйшими славянскими надписями, видны болѣе древнйя каменные колонки царскихъ вратъ, и самый алтарь устроенъ по древнѣйшему типу грузинскихъ церквей, т.-е. престолъ его былъ прислоненъ къ стѣнѣ, а не возвышался посрединѣ, какъ теперь, и жертвенника не было вовсе. Въ большомъ соборѣ уже не то; тамъ посрединѣ каменные ступени для престола и каменные сидѣнья кругомъ стѣнъ.

Надъ живописнымъ обрывомъ скалъ видны еще полууцѣлѣвшя развалины трапезы очень романтическаго вида, выстланныя, какъ шпалерами, темнозеленымъ плетнемъ, опутанныя гирляндами ползучихъ растений, заросшя цвѣтущими и благоухающими деревьями. Изъ расколотыхъ амбразуръ ея удивительный видъ на пропасть и на окрестную страну горы. Огромный камень въ красномъ углу этой трапезы служилъ когда-то сѣдалищемъ католикоса. Уцѣлѣлъ только очень живописный характерный притворъ на массивныхъ гранитныхъ колоннахъ, съ грубою, но выразительною скульптурою, съ узорчатымъ круглымъ сводомъ свособразнаго грузинскаго рисунка. На кольцѣ этого свода висѣлъ прежде колоколъ, сзывавшій братію къ трапезѣ.

Усыпальница царей грузинскихъ посрединѣ двора. Это совсѣмъ простая, почти темная часовня изъ грубыхъ огромныхъ камней, съ каменнымъ полуязыческимъ престоломъ въ крошечномъ алтарѣ. Громадныя плиты такого-же дикаго камня прикрываютъ собою безхитростныя гробницы царей Грузіи: Давида-Возобновителя, Тамары и другихъ. Никакого убранства, никакого ухода, никакого благоговѣнія къ этой заброшенной исторической святынѣ.

Въ притворѣ часовни, у могилъ царей, стоитъ одинъ замѣчательный историческій памятникъ — желѣзные ворота Дербента. Уцѣлѣла одна половина ихъ, а другую монахи, говорятъ, употребили куда-то на крышу. Ворота эти, дѣйствительно, большой древности. Желѣзо, сѣдненное ржавчиной, превратилось почти въ уголь. Десятка два тяжелыхъ неровныхъ брусевъ, циклопической работы, грубо, но крѣпко склепаны съ поперечными брусьями и массивными желѣзными полотнищами.

Высота этихъ воротъ 14 футовъ, а ширина одной половины — семь. На воротахъ этихъ выбита неразборчивая арабская надпись, которая, однако, прочтена археологами. Изъ нея видно, что ворота слѣданы въ 1063 году, по повелѣнію Шавира изъ династіи Бени-Шедадовъ ганджинскихъ. Онѣ были устроены противъ набѣговъ кочениковъ и запирали собою знаменитыя Каспійскія ворота, т.-е. крѣпость Дербентскаго ущелья. Грузинскій царь Дмитрій, отецъ Давида-Возобно-

вителя, побивъ мусульманъ, привезъ эти ворота изъ взятой имъ Ганджи, теперешняго Елисаветполя, и поставилъ ихъ, какъ трофей побѣды, въ гелатскомъ монастырѣ.

Молчаливые домики монаховъ, осѣненные деревьями, съ пустыми тѣнистыми галлереями, стоятъ кругомъ этихъ древнихъ храмовъ и историческихъ развалинъ. Въ дневной зной на дворѣ не видно ни одной фигуры, кромѣ провожающаго монаха... Кажется, весь старыи монастырь вымеръ и обратился въ такую-же усыпальницу, какъ и часовня царя Давида.

Мы сидѣли на одной изъ верхнихъ галлерей, прямо висѣвшей надъ обрывами скалъ, спрятавшисъ отъ солнца, и не зная чѣмъ охладить свое разгорѣвшееся тѣло. Вино было выпито—и тѣмъ хуже было для насъ.

Полдневный покой природы, такой же глубокой, какъ и ся полуночный покой, казалось, овладевалъ теперь всею жизнью. Лѣсные горы, широкими и далекими волнами обступившія кругомъ монастыря, словно застыли въ смыслѣ знойномъ туманѣ. Застыли цвѣтущія беды, сившіе подъ нами каменные обвалы, дороги, сады, хуторки, видимые отсюда какъ на ладони, даже сама бѣшеная и ревущая рѣка, извивы которой сверкали тамъ, внизу между лѣсовъ и скалъ, неподвижнымъ серебромъ, но которой ревъ и плескъ уже не достигаютъ сюда до мирныхъ высотъ обителей...

За этими зелеными горами всѣ тоны дальнихъ горъ, сначала темносинихъ, потомъ скалистыхъ, потомъ снѣговыхъ... «Прометеевы скалы» живописно висятся своими голыми, словно ножомъ обрѣзанными, утесистыми стѣнами. За ними еще не растаявшіе снѣга Сванетскихъ горъ, а еще дальше, правѣе, вѣчные ледники главнаго хребта. Но выше насъ, выше всего, что намъ было видно отсюда, на подоблачной

Царь Соломонъ на львѣ. Серебряный образъ-медальонъ въ Гелатскомъ монастырѣ.

старовѣрчески, съ позднѣйшими славянскими надписями, видны болѣе древнія каменные колонки царскихъ вратъ, и самый алтарь устроенъ по древнѣйшему типу грузинскихъ церквей, т.-е. престоль его былъ прислоненъ къ стѣнѣ, а не возвышался посрединѣ, какъ теперь, и жертвенника не было вовсе. Въ большомъ соборѣ уже не то; тамъ посрединѣ каменные ступени для престола и каменные сидѣнья кругомъ стѣнъ.

Надъ живописнымъ обрывомъ скалъ видны еще полууцѣлѣвшія развалины трапезы очень романтическаго вида, выстланныя, какъ шпалерами, темнозеленымъ плоссемъ, опутанныя гирляндами ползучихъ растений, заросшія цвѣтущими и благоухающими деревьями. Изъ расколотыхъ амбразуръ ея удивительный видъ на пропасть и на окрестную страну горы. Огромный камень въ красномъ углу этой трапезы служилъ когда-то сѣдалищемъ католикоса. Уцѣлѣлъ только очень живописный характерный притворъ на массивныхъ гранитныхъ колоннахъ, съ грубою, но выразительною скульптурою, съ узорчатымъ круглымъ сводомъ своеобразнаго грузинскаго рисунка. На колыдѣ этого свода висѣлъ прежде колоколь, сзывавшій братію къ трапезѣ.

Усыпальница царей грузинскихъ посрединѣ двора. Это совѣтъ простая, почти темная часовня изъ грубыхъ огромныхъ камней, съ каменнымъ полуязыческимъ престоломъ въ крошечномъ алтарѣ. Громадныя плиты такого-же дикаго камня прикрываютъ собою безхитростныя гробницы царей Грузіи: Давида-Возрожденія, Тамары и другихъ. Никакого убранства, никакого ухода, никакого благоговѣнія къ этой заброшенной исторической святынѣ.

Въ притворѣ часовни, у могилъ царей, стоитъ одинъ замѣчательный историческій памятникъ — желѣзные ворота Дербента. Уцѣлѣла одна половина ихъ, а другую монахи, говорятъ, употребили куда-то на крышу. Ворота эти, дѣйствительно, большой древности. Желѣзо, съѣденное ржавчиной, превратилось почти въ уголь. Десятка два тяжельхъ неровныхъ брусевъ, циклопической работы, грубо, но крѣпко склепаны съ поперечными брусьями и массивными желѣзными полотнищами.

Высота этихъ воротъ 14 футовъ, а ширина одной половины— семь. На воротахъ этихъ выбита неразборчивая арабская надпись, которая, однако, прочтена археологами. Изъ нея видно, что ворота сдѣланы въ 603 году, по повелѣнію Шавира изъ династіи Бени-Шедадовъ ганджинскихъ. Онѣ были устроены противъ набѣговъ кочевниковъ и запирали собою знаменитыя Каспійскія ворота, т.-е. крѣпость Дербентскаго ущелья. Грузинскій царь Дмитрій, отецъ Давида-Возро-

вителя, побивъ мусульманъ, привезъ эти ворота изъ взятой имъ Ганджи, тепершняго Елисаветполя, и поставилъ ихъ, какъ трофей побѣды, въ гелатскомъ монастырѣ.

Молчаливые домики монаховъ, осѣненные деревьями, съ пустыми тѣнистыми галлерейками, стоятъ кругомъ этихъ древнихъ храмовъ и историческихъ развалинъ. Въ дневной зной на дворѣ не видно ни одной фигуры, кромѣ провожающаго монаха... Кажется, весь старый монастырь вымеръ и обратился въ такую-же усыпальницу, какъ и часовня царя Давида.

Мы сидѣли на одной изъ верхнихъ галлерей, прямо висѣвшей надъ обрывами скалъ, спрятавшись отъ солнца, и не зная чѣмъ охладить свое разгорѣвшееся тѣло. Вино было выпито—и тѣмъ хуже было для насъ.

Полудневный покой природы, такой же глубокий, какъ и ея полуночный покой, казалось, овладѣлъ теперь всею жизнью. Лѣсные горы, широкими и далекими волнами обступившія кругомъ монастыря, словно застыли въ синемъ знойномъ туманѣ. Застыли цвѣтущія беседы, сившіе подъ нами каменные обвалы дороги, сады, хуторки, видимые отсюда какъ на ладони, даже сама бѣшеная и ревущая рѣка, изливы которой сверкали тамъ, внизу между лѣсовъ и скалъ, неподвижнымъ серебромъ, но которой ревъ и плескъ уже не достигаютъ сюда до мирныхъ высотъ обители...

За этими зелеными горами всѣ тоны дальнихъ горъ, сначала темносинихъ, потомъ скалистыхъ, потомъ снѣговыхъ... «Прометеевы скалы» живописно высятся своими голыми, словно ножомъ обрѣзанными, утесистыми стѣнами. За ними еще не растаявшіе снѣга Сванетскихъ горъ, а еще дальше, правѣе, вѣчные ледники главнаго хребта. Но выше насъ, выше всего, что намъ было видно отсюда, на подблочной

Царь Соломонъ на львѣ. Серебряный образъ-медальонъ въ Гелатскомъ монастырѣ.

макушкѣ лѣсистой скалы, освѣняющей Гелати, вырѣзаются на яркой синевѣ неба развалины еще другого монастыря, бывшаго древнимъ уже въ тѣ далекіе вѣка, когда царь Давидъ клалъ первые камни своего знаменитаго храма, возникшаго, можетъ быть, еще въ години первой христіанской проповѣди и первыхъ христіанскихъ гоненій.

Торжественное великолѣпіе жаркаго лѣтняго солнца, казавшагося неполовѣжнымъ въ своемъ царственномъ одиночествѣ, на своей полдневной высотѣ, словно залило потоками золотого огія и эту бездонную синеву южнаго неба, и эту чудную панораму красотъ земныхъ, на которую мы любовались съ своей безмолвной монастырской галлерейки...

* * *

Монастырь *Моцамети* совершенно спрятанъ въ боковомъ ущельѣ горъ, такъ что его едва видно съ Гелатской дороги. Но пропустить его мнѣ не хотѣлось.

Моцамети, пожалуй, древнѣе самаго гелатскаго монастыря и тоже очень почитается народомъ. Мы добрались къ нему удивительно живописною, но съ непривычки очень опасною дорогою. Она идетъ большею частью по краямъ высокаго обрывистаго берега Цхаль-Цигели... Сама Красная рѣчка изливается внизу, на днѣ прелестной благоухоющей и цвѣтущей пропасти, а коляска наша четверкой въ-рядъ едва умѣщается на тѣсной дорожкѣ между скалами и бездною; если бы не привычныя лошади, прижимающіяся другъ къ другу, какъ люди, въ необходимыхъ минуты, и не ловкость нашего смѣлаго возницы, беззаботно погоняющаго свою четверню на самыхъ жуткихъ поворотахъ дороги,—можно было бы дорого поплатиться за подобную дерзкую поѣздку по дорогѣ, едва устроенной для пары лошадей. Хорошо еще, что не было дождя и мало было осыпей и промывовъ, которые обыкновенно разрушаютъ задшія дороги съ невѣроятною быстротою.

Видъ Моцамети одинъ изъ поразительнѣйшихъ по красотѣ и оригинальности. Изъ глубокой зеленой бездны на крутомъ поворотѣ рѣчки поднимаются отвѣсныя стѣны скалъ, на высокомъ мѣстѣ которыхъ стоятъ башни, церкви и живописные домики этой маленюкой древней обители, вырѣзаясь на фонѣ окрестныхъ зеленыхъ горъ. Коляску нужно бросить и взбираться на скалы пѣшкомъ.

Ворота монастыря заперты оригинальною цѣпью—гибкою и несокрушимою дикою виноградиною. Вообще, виноградина нѣрѣдко замѣняетъ на Кавказѣ веревки, цѣпи и прочія связи. Въ Сванетіи изъ нея дѣлаются всякіе мосты черезъ пропасти и рѣчки, по которымъ, впрочемъ, можетъ переходить только желѣзная нога сванета,—до того ги-

Можаяцкі Обшій видъ монастыря.

бокъ и платокъ этого воздушный мостъ. Одинъ нашъ инженеръ, дѣлавшій изысканіе дорогъ въ Сванетіи, погибъ на такомъ мосту вмѣстѣ съ своимъ багажемъ, сорвавшись съ этой неустойчиво качающейся пружины.

Можаяцкій монастырь съ трехъ сторонъ окруженъ глубокою пропастью Красной рѣчки и поэтому почти неприступенъ. Кромѣ того, его охраняли еще каменные башни, двѣ изъ которыхъ стоятъ и теперь. Они весь скучены на узкомъ темени скалъ и, можно сказать—состоятъ изъ обрывовъ. Негдѣ разбить сада, негдѣ устроить двора; ступишь шагъ—и наткнешься на пропасть. Убогіе домики его келій, съ зыбкими точеными лѣснками, галлерейками, бадкончиками, придѣланы къ

обрывамъ, какъ стрижиныя гнѣзда, и поэтически убраны площадью и ярко-краснымъ гранатникомъ. Все просто, бѣдно, тѣсно до крайности. Большая, низкая комната для богомольцевъ совершенно пуста. Крошечные садки, въ родѣ цвѣтниковъ, сбѣгаютъ между келійками по обрывамъ. Въ одномъ изъ нихъ мы увидѣли закопанный въ землю огромный кувшинъ вина съ открытымъ отверстіемъ («чору»), и тутъ же маленькій черпачокъ изъ пустой тыквы, насаженный на палку. Не знаю, для кого открыто это даровое угощеніе,—для самихъ монаховъ, какъ утѣшеніе пустынножителства, или для странниковъ алчущихъ и жаждущихъ.

Ходя въ церковь идетъ сквозь старую башню, тѣсно своеобразною лѣстницей. Церковь глубокой древности, но очень бѣдна. Живопись деревянной иконы Спаса чуть можно разобрать. Направо отъ входа стоитъ высоко-чтимая всею Грузіею святыня монастыря—деревянная рака на рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, устроенная не особенно давно усердіемъ одного русскаго богомольца, пестраго и довольно безвкуснаго вида, хранящая въ себѣ мощи князей-мучениковъ Давида и Константина.

Это единственныя мощи во всемъ Закавказьѣ. Князья эти въ началѣ VII вѣка владѣли восточною областью Имеретіи, землею Аргветскою, славились своимъ благочестіемъ и мужествомъ, и погибли во время нашествія на Имеретію аравійскаго халифа Мурвана Глухого; онъ замучилъ молодыхъ князей за ихъ смѣлый отказъ принять исламъ и тѣла утопилъ въ Ріонѣ. Они были потомъ вытащены изъ воды и похоронены въ древнемъ погребальномъ склепѣ, надъ которымъ стояла полуразрушенная церковь Благовѣщенія.

Черезъ 300 лѣтъ послѣ этого событія, въ 1040 году, царь Багратъ возобновилъ церковь на ея теперешнемъ мѣстѣ и перенесъ въ нее изъ склепа останки святыхъ мучениковъ для открытаго поклоненія вѣрующихъ. Здѣсь возникъ монастырь Моцапетскій, что значитъ «мученичeskій».

Монахи, кажется, и теперь считаютъ мученическую смерть спеціальнымъ преимуществомъ своего монастыря. Бездны зияютъ кругомъ, и ничего нѣтъ легче, какъ оборваться въ нихъ съ какого-нибудь чуть живого балкончика или капризно извивающейся лѣсенки. Особенно страшно на убогомъ балконѣ убогой монастырской гостиницы. Кажется, одно неосторожное движеніе—и нѣтъ человѣка. Голова мутится не на шутку, пока не привыкнешь.

Недавно одинъ простой имеретинъ ночевалъ въ гостиницѣ и, выйдя въ темнотѣ на дворъ, не попалъ на лѣстницу и сорвался въ пропасть.

Монахи однако рассказывают это не в видъ предостережения, а в видъ соблазна. Человѣкъ этотъ, растроганный благочестивою поэзіею святой обители, пожелалъ будто-бы сложить въ ней свои кости; Богъ услышалъ его молитву, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже поконился мертвый въ желанныхъ стѣнахъ монастыря. Братія его похоронила въ оградѣ своей, чего почти никто не можетъ удостоиться даже и за большіи деньги. Съ такимъ оптимистическимъ складомъ мыслей можно безъ труда сжиться со всякою судьбою. Цѣль-ли, пропаль-ли, сыгъ-ли или голоденъ, всегда найдется объясненіе въ свою выгоду.

Счастливы въ такомъ случаѣ эти модаметскіе монахи въ своемъ ласточкиномъ гнѣздѣ! Они сумѣли самымъ простымъ образомъ разрѣшить одну изъ неразрѣшенныхъ задачъ житейской философіи.

V.

Дворянская усадьба въ Имеретіи.

КНЯЗЬ Вл. М. сдержалъ свое слово и выѣхалъ за мною въ Самтреди. Я обрадовался случаю погрузиться въ настоящую деревенскую глушь Имеретіи и познакомиться на мѣстѣ и воочию съ бытомъ ея сельскаго дворянства, въ присутствіи человѣка, такъ близко знающаго край и его обитателей. Мы нашли коляску или фаэтонъ, какъ ее обыкновенно называютъ здѣсь на Кавказѣ, и покатили очень комфортабельно по шоссеиной дорогѣ, прямо на сѣверъ отъ потійскаго желѣзнаго пути, на правый берегъ Ріона. Тутъ-же, около станціи Самтреди, но на лѣвой сторонѣ Ріона, уже начинается Гурія.

Признаюсь, эти фаэтоны на лежачихъ рессорахъ у каждой маленькой станціи желѣзной дороги, везущіе васъ по закавказскимъ проселкамъ, это шоссе, ведущее не въ Москву и не въ Казань, а просто-напросто въ деревню Кулаши, ничѣмъ не извѣстную и ничѣмъ отъ другихъ не отличающуюся,—привели меня въ большое недоумѣніе и заставили не совсемъ добрымъ словомъ помянуть свою родную «д и в и л и з в а н н у ю» Русь.

Ріонская равнина—это одна изъ роскошнѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ всего Закавказья и, конечно, всей Россіи. Недаромъ она издавна привлекала къ себѣ поселенцевъ Греціи и Италіи. Это одинъ громадный неисчислимо-плодородный садъ, орошенный обильнѣйшими водами, какъ теплица защищаемый отъ сѣвера стѣною Кавказа, отъ

востока стѣною Сурама, широко открытій дыханію теплаго западнаго моря, жаркій какъ теплица и какъ теплица полный цвѣтовъ и плодовъ.

Въ ріонской долині не бываетъ засухи, не бываетъ неурожая.

Имеретинскій князь.

Воздухъ слишкомъ насыщенъ парами, почва слишкомъ насыщена водою ключей, чтобы особенно нуждаться въ дождяхъ.

Сухо лѣто—родится прекраснѣйшая пшеница и «гоми»; влажно лѣто — лѣзутъ изъ земли цѣлые лѣса кукурузы. Даже голодъ 1879 года, отъ котораго такъ жестоко страдала Грузія, Армения и многія другія сосѣднія области Кавказа, не могъ коснуться этого счастливаго уголка. Саранча, обычный бичъ Закавказья, висящій надъ его хозяйствомъ какъ мечъ Дамокла, точно также не посѣщаетъ ріонской долины: послѣдняя слишкомъ сыра, слишкомъ населена для нея, слишкомъ густо заросла своими лѣсами. Саранча, какъ бедуинъ, какъ всякій житель степей, любитъ просторъ, безлюдіе и сухой зной пустыни.

Въ Кулаши ѣдешь словно по Швейцаріи или южной Германіи. Такое благосостояніе, порядокъ и приличіе кругомъ.

По обѣ стороны шоссе, за рвами, полными воды, безъ конца и перерыва стѣлятся живописныя деревни. Крестьянскіе дома ріонскихъ имеретинъ нисколько не хуже, не меньше и нисколько не менѣе красивы, какъ и домъ любого нѣмецкаго бауэра.

Ихъ высокія громоздкія кровли деревянной черепицы, съ точеными рѣшеточками, съ тѣнистыми галлерейками, необыкновенно привѣтливо глядятъ среди своихъ широкихъ зеленыхъ дворовъ, освѣненныхъ громадными старыми деревьями, окруженныхъ тѣсною оградой стройныхъ итальянскихъ тополей.

Ровики, полные воды, опоясываютъ снаружи эту живую ограду, совершенно разобщая сосѣднія усадьбы, обезпечивая хозяина и отъ посѣщенной сосѣдскаго скота, и отъ сосѣдскаго пожара. Впрочемъ боль-

шіе пожары совершенно немыслимы въ этихъ мирныхъ хуторкахъ, гдѣ каждое строеніе одиноко тонетъ въ травѣ и деревьяхъ; гдѣ нѣтъ ни печей, ни борозовъ, ни соломы; гдѣ обширные ляды раздѣляютъ другъ отъ друга сосѣднія хозяйства.

Съ улицы, въ каждую усадьбу, такъ тщательно огороженную рвами и дѣрвьями, ведутъ большія и крѣпкія ворота. Ворота — это нѣчто очень важное въ жилищѣ имеретинскаго крестьянина. Это цѣлое серьезное сооруженіе, съ обширною крышею, подъ полями которой безъ труда прячутся арбы, съ массивными столбами, съ дѣловскими несокрушимыми скамьями по сторонамъ, на которыхъ усаживается глѣзть на улицу вся семья и на которыхъ можетъ не только посидѣть, но и выспаться утомленный прохожій. Тяжелыя ворота отворяются хозяиномъ только въ необходимыхъ случаяхъ; а чтобы скотъ, обладающій на Кавказѣ необыкновенной смѣтливостью, не воспользовался калиткою наравнѣ съ человекомъ, калитки воротъ продѣланы аршина на 1½ выше земли, такъ что шагнуть въ нихъ можно только съ каменной ступеньки. Однако гимнастическое искусство и умственное развитіе кавказскихъ скотинъ доходить до того, что послѣдній поросенокъ немало не стѣсняется изобрѣтеніями хозяевъ и лѣзетъ себѣ черезъ ихъ калитки, какъ пожарный по лѣстницѣ.

* * *

Свиньи вообще разорители Закавказья. Отъ нихъ нигде не спрячешься, противъ нихъ не защититься ничѣмъ. Маленькія, худыя, взбѣрошенныя, краснобурого цвѣта, съ громадными головами, съ пугливо-настороженными, торчащими вверхъ ушами, онѣ сохраняютъ на себѣ еще всецѣло, и внѣшнимъ видомъ своимъ, и своею чуткостью и смѣтливостью, типъ того дикаго родителя своего, отъ котораго онѣ произошли и съ которымъ онѣ не перестаютъ входить въ тѣсное кровное и духовное общеніе въ многочисленныхъ лѣсныхъ дѣбряхъ, гдѣ хозяева предоставляютъ имъ кормиться и размножаться круглый годъ, какъ имъ заблагоразсудится,

Имеретинцы.

безъ всякихъ затратъ на помѣщеніе, надзоръ и кормъ, безъ всякой заботы объ улучшеніи ихъ свинской породы.

Имеретини не выносятъ жира и не могутъ ѣсть нашихъ десятипудовыхъ саленныхъ свиней. Они не ѣдятъ даже коровьяго масла, котораго вы поэтому не встрѣтите почти нигдѣ въ Имеретіи. Если сапогъ и лопарь полярнаго сѣвера могутъ съ наслажденіемъ жрать пудами китовый жиръ или саленныя свѣчи, то солнце юга вызываетъ въ человѣкѣ совершенно противоположныя потребности—непобѣдимый вкусъ къ плодамъ и вину и отвращеніе отъ жира. Я подивился однако находчивости имеретина въ его вѣчной борьбѣ съ разорителями его хозяйства, которыми онъ тѣмъ не менѣе очень дорожитъ, въ виду ихъ совершенной нетребовательности и большой доходности. Мнѣ попадались множество свиней, съ надѣтыми на шею рогатками, въ родѣ воловьяго ярма, которыя должны уничтожать всякія попытки бѣднаго животнаго проникнуть черезъ дыру плетня, въ подворотню или другія запретныя мѣста, на горе имеретинскому хозяину.

* * *

Цѣлыя версты тянулись зеленые сады и домовитыя усадьбы крестьянъ, чередующіяся кое-гдѣ съ болѣе обширными и болѣе богатыми усадьбами дворянъ, которые большею частию сияютъ подъ-рядъ, цѣлыми гнѣздами, отдѣлено отъ бывшихъ своихъ крестьянъ.

Дворянскія усадьбы однако вовсе не отличаются отъ крестьянскихъ своимъ типомъ, а исключительно только размѣрами и красотою домовъ.

Тѣ-же зеленые дворы—скатертью, обнесенные тополями, среди которыхъ рѣдко раскинуты тѣнистые орѣхи, смоковницы, чинары; тѣ-же крутовѣрхіе деревянные дома съ прохладною галлереюю впереди; тѣ-же накрѣпко запертыя разукрашенныя ворота на улицу. Отступленій отъ этого типа очень немного, хотя попадаются и двухъэтажныя, и каменные дома.

* * *

Мы вѣхали въ мирныя зеленые сады князя Вл. М... уже вечеромъ, по длинной тѣнистой аллеѣ. Домъ его представлялъ обычный типъ здѣшнихъ среднихъ дворянскихъ домовъ. Срубленный въ углы изъ двухъвершковыхъ досокъ, связанныхъ столбами по простѣвкамъ, съ потолками безъ насыпки, съ неподсыпанымъ одиночнымъ поломъ, приподнятымъ аршина на $1\frac{1}{2}$ надъ землею и незащищеннымъ фундаментомъ,

домъ этотъ очень забавляя и изумляя меня, жителя щигровскихъ снѣговъ и курскихъ морозовъ, привыкшаго видѣть помѣщичьи дома, — закупоренные какъ бочки съ керосиномъ, законопаченные, заштукатуренные, обшлепанные, обмазанные и засыпанные сверху и снизу, съ двойными потолками, двойными полами, двойными дверями, съ множественностью огромныхъ печей, топящихся по два раза въ день.

Эти щели чуть не въ падежь, свободно пропускающія веселый свѣтъ солнца и сквозь стѣны, и сквозь полъ, невольно радуют мое запуганное сѣверное сердце и убѣдительно говорятъ ему, что не вездѣ же на свѣтѣ медвѣжья берлога, что есть же и у насъ, на Руси, счастливые уголки, гдѣ не страшна зима, гдѣ январскій воздухъ не кажется смертельнымъ врагомъ, отъ котораго стынеть душа и тѣло, и которому нельзя позволять просунуть въ жилище человѣка даже своего носа.

Длинная тѣмная галлерей, обнесенная кругомъ деревянными рундуками, составляетъ обычную гостиную грузинскаго дома, въ которой проводятъ гораздо больше времени, чѣмъ внутри его. Впрочемъ, въ расположеніи и убранствѣ дома князя М... уже не замѣтно ничего мѣстнаго, грузинскаго, и онъ совершенно походитъ въ этомъ отношеніи на наши русскіе дома

Имеретинская княгиня съ дочерью.

* * *

Вдова-княгиня, мать князя В..., его дядя и молодая кузина не говорятъ ни слова по-русски, и я долженъ былъ отвѣчать на ихъ любезныя привѣтствія и гостепріимныя приглашенія всякаго рода черезъ молодого князя, ставшаго поневолѣ моимъ толмачемъ.

Тѣмъ не менѣе, мы бесѣдовали другъ съ другомъ за чаемъ и заужиномъ, которымъ меня накормили хлѣбосольные хозяева. Тутъ я въ

первый раз хорошо ознакомился съ особенностями грузинской кухни, которую потомъ мнѣ пришлось изучать очень часто.

Очень крутая каша изъ «гоми», совершенно напоминающая нашу пшеничную кашу, безъ соли, ставится передъ каждымъ, взамѣнъ хлѣба, и сю, какъ хлѣбомъ, заѣдаютъ всякое кушанье. На приборъ каждаго кладутся кромѣ того огромные и тонкіе блины изъ суховатого тѣста безъ масла, которые можно свертывать и рвать какъ бумагу. Это «ловашни». Они служатъ грузину за-разъ и тарелкою, и салфеткою, и хлѣбомъ. Простые грузины въ нихъ завертываютъ, на нихъ кладутъ и подаютъ разное мясо, ими же утираются или заѣдаютъ пищу. Вообще хлѣбъ играетъ большую роль въ столѣ грузина. Нашего обыкновеннаго хлѣба у нихъ нѣтъ, ни чернаго, ни бѣлаго. Но за то есть множество сортовъ своего особаго хлѣба, который всегда подается въ большомъ изобиліи. Кромѣ «гоми» и «ловашей», у нихъ есть, напримѣръ, еще «ходжа-пури», родъ прѣсныхъ лепешекъ, съ сырнымъ припекомъ; есть «чади», тоже родъ лепешекъ, изъ кукурузной муки, превосходнаго вкуса, пока онѣ теплы и мягки.

Мистный соленый сыръ (квели) также имѣетъ важное значеніе въ столѣ грузина, который заѣдаетъ имъ всякую всячину, но особенно вино. Остальное кушанье почти исключительно состоитъ изъ разнаго рода мяса, жареныхъ, вареныхъ, маринованныхъ. Грузинскій столъ вообще неизысканъ, деревенски простъ, но обиленъ и сытенъ.

Впрочемъ главное украшеніе и центр тяжести всякаго грузинскаго обѣда—это не ѣда, а питье. Вино—свое, и самый небогатѣйшій человекъ пьетъ и ѣдетъ его кувшинами, какъ мы, жители русской деревни, пьемъ свой квасъ. Несмотря на то, что мы ужинали совершенно одни, любезные хозяева по грузинскому обычаю провозгласили нѣсколько тостовъ за меня и моихъ родныхъ, и мы порядочно таки выпили на сонъ грядущій вкуснаго и не особенно легкаго мистнаго вина.

* * *

Утро я хотѣлъ посвятить на осмотръ имеретинскаго хозяйства, и поэтому отправился съ своимъ обязательнымъ хозяиномъ пошляться по Кулашамъ.

Меня сразу поразила сравнительная простота, пустота и безжизненность здѣшняго помѣщичьего хозяйства. Экономій, въ нашемъ русскомъ смыслѣ, съ разнаго рода постройками и заведеніями, со всевозможнымъ, дорого стоящимъ инвентаремъ, со множествомъ должностныхъ и рабочихъ людей всякаго сорта, тутъ и помину нѣтъ.

Здѣшнее дворянство большею частію не имѣетъ ни возможности,

ни охоты серьезно заниматься хозяйством. Состояния всѣхъ распатаны страшно, всѣ въ неплатныхъ долгахъ, ни у кого почти нѣтъ свободнаго оборотнаго капитала для необходимыхъ затратъ; а хозяйственныхъ, техническихъ или коммерческихъ знаній еще меньше у всѣхъ, чѣмъ денегъ. Поэтому грузинское дворянство въ большинствѣ своемъ вовсе не хозяйничаетъ, даже не пытается хозяйничать, а просто живетъ на доходы своихъ имѣній, стараясь какъ можно меньше тратить на поддержку имѣній и оплачивать даже необходимый рабочий трудъ не деньгами, а самими продуктами хозяйства.

Поэтому безмятежный сонъ и трогательное спокойствіе, слишкомъ непривычные и потому отродные, какъ всякій идеаль, для русскаго хозяйственнаго глаза, царствуютъ въ усадьбахъ кулашскихъ помѣщиковъ.

Тутъ не увидите ни конныхъ заводовъ съ длинными конюшнями, ни скотныхъ дворовъ, ни хлѣбныхъ магазиновъ, ни сараевъ съ земледѣльческими орудіями, ни артелей пахарей, выѣзжающихъ на выкормленныхъ экономическихъ лошадяхъ съ плугами, сѣялками и запашниками. Около дома кухонка безъ трубы, съ очагомъ посрединѣ, гдѣ въ одно и то же время готовятъ себѣ кушанье господа и ихъ прислуга, да маленькія кѣтушки для хлѣба и птицы, — вотъ и вся усадьба дворянина средней руки. Скотъ загоняется прямо въ лѣсахъ и горахъ. За дворомъ, отѣяннымъ рѣдкими большими деревьями, обыкновенно тянутся кукурузники и виноградники, содержимые почти первобытно, съ разсыянными среди нихъ плодовыми деревьями. Однѣ только усадьбы обрабатываются наймомъ; поля же отдаются крестьянамъ изъ-полу, даже на крестьянскихъ сѣменахъ, чтобы избѣгнуть всякаго хлопотъ и расхода. Сѣютъ почти исключительно яровые хлѣба, кукурузу и гоми (кавказское просо), рѣже—пшеницу.

Рабочихъ достать почти нельзя вслѣдствіе крайне-высокихъ цѣнъ

Имеретинское княжеское семейство.

и большого нежеланія имеретинскихъ крестьянъ наниматься на работу чужого поля, вмѣсто своего собственнаго. Обыкновенному годовому работнику, вмѣсто 45 и 50 р., за которые онъ живетъ въ средней Россіи, здѣсь платятъ 120 и 150 р. въ годъ, но и то онъ работаетъ спустя рукава, а требователенъ вътрое больше русскаго. Впрочемъ, и такихъ трудно найти.

Жалко ходить по цѣлымъ лѣсамъ черешень, тутовыхъ и фиго-

Кувшины для вина.

выхъ деревьевъ, орѣховъ разнаго рода, оплетенныхъ вездѣ виноградомъ, принадлежащимъ помѣщикамъ и совершенно никѣмъ не охраняемымъ. Не только всякій идетъ туда нарвать себѣ плодовъ зрѣлыхъ и незрѣлыхъ, но прохожіе и проѣзжіе безжалостно ломаютъ цѣлыя вѣтви съ плодами, а когда понадобится — губятъ и цѣлыя деревья. Свиныи табунами роются въ густой травѣ этихъ лѣсковъ, пожирая массами опадающія спѣлыя ягоды и орѣхи. Хозяйки грузинскія въ этомъ отношеніи мало домовиты, рѣдко что запасаютъ въ прокъ, рѣдко когда варятъ, сушатъ или солятъ ягоды, а пользуются ими, пока онѣ на деревь.

Вообще хозяйство грузинскаго дворянства производитъ впечатлѣніе поразительнаго безсилія и дремоты. Оно должно или вовсе замереть въ непробудномъ снѣ, или энергически стряхнуть съ себя средневѣковыя отношенія къ землѣ и труду, вооружить способную грузинскую молодежь реальными знаніями, путемъ дѣятельнаго образованія, создать капиталы для хозяйственныхъ учреждений, обществъ, фермъ, складовъ и проч. Иначе грузинскому дворянству въ самомъ скоромъ времени грозитъ всеобщее экономическое крушеніе, съ которымъ, разумѣется, тѣсно связано и общественное значеніе ихъ въ своей странѣ. Участъ испанскихъ гидальго, въ дырявыхъ плащахъ подъ рыцарскими гербами,

не особенно соблазнительна и должна, кажется, образумить самых беспечных и самых легкомысленныхъ.

Два года тому назадъ, помнится, грузинское дворянство все дѣликомъ обращалось черезъ намѣстника съ всеподданнѣйшею просьбою къ государю императору о сложеніи съ дворянства громадныхъ недоимокъ старыхъ лѣтъ. Не знаю, могла-ли быть удовлетворена эта просьба, мотивированная тѣмъ, будто обстоятельства дѣлають Закавказье театромъ постоянныхъ войнъ, разорительныхъ для дворянства и не дозволяющихъ возникнуть въ Грузіи прочному хозяйственному строю.

Но, во всякомъ случаѣ, подобныя экстренныя мѣры не избавятъ край отъ неминуемо грозящей ему судьбы, если грузинскіе помѣщики будутъ искать причину своего повального экономическаго упадка внѣ себя самихъ. Война войною, и въ отговоркахъ этихъ есть своя доля правды. Но было бы натяжкой утверждать, что война уже такъ часто посѣщаетъ Кавказъ въ послѣдніе годы. Война дѣйствуетъ вообще разорительно на все государство, но специально на Грузію она могла бы губительно дѣйствовать только въ случаѣ оборонительной войны, при частыхъ вторженіяхъ непріятеля, чего, къ счастью, мы уже давно не вспоминаемъ. Напротивъ того, сосредоточеніе нашихъ собственныхъ войскъ въ закавказскихъ провинціяхъ должно было бы служить одною изъ могучихъ причинъ процвѣтанія края, такъ какъ десятки милліоновъ рублей, издержанныхъ на армию и армію, большую частію поневоля

Кавказская утварь и драгоценности.

остаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ стоятъ войско. Мѣстные жители получаютъ столько случаевъ сбывать возвышенною цѣною всевозможные продукты своего хозяйства, промысловъ и торговли, служить войску своими перевозочными средствами, вообще имѣть при немъ заработки всякаго рода, что можно положительно ожидать сильнѣйшаго обдѣннiя Закавказскаго края по уходѣ изъ него войскъ.

Мы уже не говоримъ о томъ, что потребности войны и войска создали множество удобныхъ путей сообщенiя и много новыхъ центровъ торговли и промышленности, которыхъ Закавказью не видало бы при другихъ условiяхъ.

Война влiяеть вредно на хозяйство Грузiи совѣтъ другою, нравственную сторону своею. Она помогаетъ старому рыцарству Грузiи пребывать въ старыхъ рыцарскихъ преданiяхъ, вкусахъ и обычаяхъ. Она сталкиваетъ его слишкомъ часто съ Азiей, воспитываетъ его слишкомъ долго мечемъ и копьемъ и поневолю заслоняеть отъ него Европу, дѣлаеть его чуждымъ ея мирныхъ идеаловъ промышленнаго труда и высокой образцованности.

До сихъ поръ идеаль наѣздника и война крѣпко сплеть въ голоть и сердцѣ каждаго грузина, какой бы университетъ ни прошелъ онъ, какимъ бы спеціальностямъ ни посвятить себя. Я крѣпко убѣдился въ этомъ во время своихъ поѣздокъ по деревнямъ и городамъ Закавказья.

Кажется, съ вами бесѣдуетъ человекъ вполне европейскаго воспитанiя и понятiй, самой миролюбивой и даже педантической профессiи, безусловно либеральный и прогрессивный, говорящiй цивилизованнымъ языкомъ литературы, одѣтый въ фасоны Петербурга и Одессы. Вы совершенно забываете съ нимъ, что вы въ Азiи, что передъ вами кавказецъ; но вдругъ застучали стаканы, зазвенѣла зурна, раздалась плачущая, плакать заставляющая наивная грузинская пѣсня.—и какъ чудомъ какимъ перерождается мнимый европеецъ. Черные азиатскiе глаза вспыхиваютъ удалымъ огнемъ, трезвыя книжныя фразы внезапно замѣняются радостнымъ гиканьемъ дикаря—и вы уже видите его вполне своимъ, такимъ же, какъ они, съ полнымъ азарпештомъ въ рукѣ, за веселою попойкою, за дружною пѣсною, носившимся въ лезгинкѣ, скачущимъ на конѣ въ отчаянной джигитовкѣ.

Таковы, мнѣ кажется, всѣ грузины, отъ помѣщика и воина до судьи, учителя, попа, чуть не до самыхъ архипастырей ихъ.

II, знаете-ли, я долженъ покаяться, что меня лично очаровывала эта искренняя впечатлительность и порывистость грузинскаго характера. Въ немъ столько молодости и свѣжести жизни, къ сожалѣнiю,

давно забытых трезвыми, возмужалыми обществами Европы. Конечно, грузинское веселье всегда очень близко граничить съ ссорой, и дружескіи стаканы вина у нихъ очень скоро замѣняются ударами кинжала.

Но все-таки, сами по себѣ, безпечная удаля и веселая общительность необыкновенно располагаютъ къ нимъ человѣка, привыкшаго у себя дома видѣть столько скуки, сдержанности и натянутости.

И однако, тѣмъ не менѣе, несмотря на трогательныя поэтическія воззванія Альфонса Доля, *le charbon rouge*, цыганствующее начало жизни вездѣ вынуждено слагать свою бродячую арфу передъ прозаически-суровою прякою хлопотливой хозяйки. Вездѣ въ міръ скопидомъ-муравей баснописца получаетъ право съ презрительною ироніею отворачиваться отъ легкомысленной, веселой стрекозы и самодовольно уносить свое сытое брюшко въ свой тепло насиженный домъ, оставляя на морозѣ голодную жрицу танцевъ и пѣсенъ. Этотъ жребій крыловской стрекозы несомнѣнно виситъ и надъ хозяйственнымъ будущимъ грузинскаго дворянства, какъ-бы ни были симпатичны намъ его душевныя свойства.

VI.

Нрестьянское хозяйство имеретина.

ЗА то какая разниа хозяйство имеретинскаго крестьянина! Не нужно ѣздить ни въ какую Голландію, ни въ какую Швейцарію. Наше мелкопомѣстное дворянство среднихъ губерній живетъ гораздо менѣе удобно и домовито, чѣмъ здѣшній крестьянинъ.

Имеретія—это земной рай для мелкихъ собственниковъ, которые могутъ сами обрабатывать свое поле. Могутъ сказать смѣло, что нигдѣ въ Россіи я не видѣлъ такого сплошнаго благосостоянія, какъ среди крестьянскаго населенія ріонской равнины, даже среди бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ имеретинскихъ князей. Далѣе, къ горамъ, говорить, они живутъ еще лучше, еще зажиточнѣе.

Огромное преимущество здѣшняго крестьянства въ томъ, что оно поселено цѣлыми рядами отдѣльныхъ хуторковъ, совершенно разобщенныхъ отъ сосѣдей садами и огородами. Отъ воды дѣться некуда; почва не знаетъ утопленія; почти круглый годъ весна и лѣто, круглый годъ работай не спѣша; въ этомъ южномъ климатѣ земля и солнце родятъ вмѣсто овса и пеньки дорогіе плоды, душистое вино; небольшою клочокъ поля можетъ прокормить семью; топить почти не нужно, шубъ

не нужно; расходы дома уменьшаются вавое, втрое противъ русскаго мужика, которому нужны сани зимою, телѣга лѣтомъ, тулупъ и валенки, огромная печь, вѣчно пожирающая топливо, и большіе запасы желудочнаго топлива на ту-же зиму, уже не для избы, а для челоуѣка; у русскаго вся работа сбивается въ пять-шесть мѣсяцевъ и поневолю обращаетъ въ «страдную пору» единственные дни, въ которые ему можно свободно дышать и жить. Остальное время онъ замуравленъ въ медвѣжью берлогу, обреченный на невольное бездѣйствіе, на бесплодное проѣданье своихъ лѣтнихъ заработковъ.

* * *

имеретинская сакля.

Отраднo войти во дворъ кулашскаго крестьянина средней руки, черезъ его заповѣдныя дѣдовскія ворота. Зеленымъ сукономъ стелется его обширный дворъ, среди котораго приотлились, подъ густою тѣнью громадныхъ орѣховъ, его домики и разныя хозяйственные постройки. Тѣсный строй высокнхъ, пирамидальныхъ тополей живописно обрамляетъ этотъ зеленый четырехугольникъ. Ровная аллея изъ чинаръ идетъ по срединѣ двора къ дому, заботливо обсаженная кругомъ тигровыми лилеями, ирисами и др. про-

насъ низкими поклонами, безъ шапки; въ другихъ мѣстахъ я не видалъ, чтобы грузины кланялись съ такимъ подобострастіемъ. Но онъ — временно-обязанный, недавно бывшій крѣпостнымъ, а со мною его прежній господинъ. Вѣроятно, его положеніе требуетъ такой исключительной учтивости, не воплнѣ согласной съ общими нравами народа.

Мы просимъ его показать намъ всѣ подробности крестьянскаго хозяйства и объясняемъ ему, что я гость издалека, никогда не видалъ Имеретин и имеретинъ. Хозяинъ съ большою готовностью ведетъ насъ въ свой домъ и старается объяснить намъ все, чего мы не знаемъ. У него по здѣшнему обычаю два дома, одинъ въ родѣ кунацкой татарь,

для гостей и мужчинъ, другой — семейный. Необходимая галлерейка вперели, съ очень низкими скамейками, устланными ковриками, и за нею большая комната составляютъ собственно гостиную часть дома. Эта первая комната убрана съ тщательностью, мало напоминающею наши крестьянскія избы. Тутъ ореховый шкафъ съ посудою, сдѣланный подъ лакъ, весьма аккуратно уставленный бутылками, чашками, и всякаго поставецъ и широкія «тахты» (диваны), покрытыя коврами и «мутаками» (круглыя вальки въ цвѣтныхъ чехлахъ). Тахты для бесѣды, для гостей, а для хозяина особая широкая кровать. На стѣнахъ опрятно развѣшано разное платье, очень чистое и приличное, мѣдный бубень, четырехструнная гитара, сѣмла и всякая всячина. Ничего того, что составляетъ принадлежность грубаго домашняго хозяйства, а только все то, чѣмъ можно забавить и угостить себя и гостей, что не стыдно людямъ показывать.

Въ этомъ парадномъ отдѣленіи имеретинскаго жилища помѣщается не только глава и хозяинъ дома, мужчина — вѣнецъ созданія, для котораго существуетъ и жена, и весь домъ, но и первый другъ его, первое сокровище всякаго истаго кавказца — верховой

Имеретинская арба.

конь. Коня имеретинъ помѣщаютъ всегда тамъ, гдѣ онъ спитъ самъ. Онъ бережетъ его, какъ зеницу ока, и не доверитъ его ничьему чужому глазу, особенно ночью. Въ той-же гостининой комнатѣ, въ самомъ задѣ ея, сдѣлано возвышеніе съ яслями, и на этомъ-то возвышеніи пребываетъ всю зиму, какъ на престолѣ, лучшее украшеніе имеретинской гостининой. Сзади гостининой помѣщается въ домикѣ только давильня съ прессомъ для вина и громадными каменными кувшинами («чорами»).

Въ семейномъ домѣ тоже двѣ комнаты, но тамъ уже далеко нѣтъ того приличія и чистоты. Всевозможная хозяйственная и кухонная посуда, деревянныя блюда, корыта, горшки, мотыки для кукурузы, рѣшета для шелкоичнаго червя изъ толстаго камыша, еще съ сѣменами червей, коконами и только-что выдупившимися бабочками, — все это заваливаетъ переднюю комнату, гдѣ на лавкахъ и тахтахъ спятъ женщины съ дѣтьми. За нею, идетъ очень обширная задняя комната съ

очагомъ посрединѣ, замѣняющая кухню и рабочую, служащая обычнымъ мѣстопребываніемъ всей семьи и близкихъ къ ней людей въ будніе дни. Очагъ совсѣмъ открытый, т.-е. просто мѣсто на полу, выстланное камнемъ, на которомъ разводятся огонь и наль которымъ виситъ дѣло съ котелкомъ. Даже въ крышѣ нѣтъ ни трубы, ни настоящаго отверстія, а только деревянная черепица ея слегка приподнята, чтобы пропускать дымъ. Тутъ тоже разныя орудія хозяйства, даже маленькій ручной жерновъ, на которомъ до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, женщины продолжаютъ молоть свой хлѣбъ. Впрочемъ, такіе жернова на моей памяти были еще у нашихъ курскихъ крестьянъ. Кромѣ жилыхъ домовъ, у каждаго имеретинскаго крестьянина непременно стоитъ на дворѣ, гдѣ-нибудь подъ тѣнью орѣха, высокая сушильня на столбахъ для «семенди», т.-е. кукурузы, а подъ нею и около нея прячутся арбы и разныя своеобразныя, почти первобытныя орудія имеретинскаго земледѣлія. Плуги и бороны живо напоминаютъ тѣ счастливыя времена, когда Церера проводила по землѣ свои первыя борозды, и трудно сомнѣваться, чтобы во дни Язона и Улиса обитатели Колхиды не пахали свою золотосную почву этими самыми агрономическими изобрѣтеніями.

Тесовая «саманница» для мякны и соломы, также высоко отъ земли, подъ нею тесовый свинятникъ, да отдѣльная тесовая кладовая, — вотъ и всѣ хозяйственныя строенія имеретина. Особыхъ амбаровъ и конюшенъ у него нѣтъ. За первымъ жилымъ дворомъ идетъ другой, такой-же зеленый и тѣнистый дворъ, обращенный частью въ саль, частью въ огородъ; тутъ и табакъ, тутъ стручковый и гвоздичный перецъ, тутъ острогонъ (который имеретины называютъ «торхунъ»; немудрено, что наше простонародное названіе острогона «торгунъ» взято изъ Грузіи), падажаны, пастернакъ, укропъ; тутъ любимая грузинами, по-ихнему чрезвычайно пахучая, по-моему чрезвычайно воночая, травка, которую они подымщиваютъ въ кушанье и называютъ «кинзи», вообще всякія огородныя, почти исключительно душистыя травы.

Тутъ-же и пасѣка имеретина въ маленькихъ долбленыхъ деревянныхъ колодахъ, не стоячихъ, какъ наши ульи, а лежачихъ и складныхъ. Третій участокъ—это сплошная кукуруза, но и среди нея разбросаны во множествѣ плодовые деревья: гранаты, фиги, яблони, черешни, вишни, айва, персики какой-то гладкой породы, шелковица, орѣхи волошскіе и фундуки, — послѣднихъ особенное изобиліе.

Почти каждое дерево оплетено виноградомъ, который только кое-гдѣ поддержанъ тычками; хмѣль и ежевика добровольно присоеди-

ниютъ свои крѣпкія плети къ высіяющимся лозамъ винограда, такъ что иное дерево представляетъ собою поразительную густоту и еще болѣе поразительное разнообразіе плодовъ.

За третьимъ садомъ—четвертый, нѣчто въ родѣ бахчи. Это участокъ самый низменный и влажный; между грядами его почти круглое лѣто держится вода. Тутъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы, фасоль или, такъ-называемая грузинами, «лобіа», самое обычное и самое любимое кушанье всего закавказскаго простонародья, какъ у насъ въ Россіи незамѣнимыя наши «картошки»; кромѣ того добрая половина участка засѣяна камышомъ, продуктомъ крайне нужнымъ для имеретина, потому что онъ дѣлаетъ изъ него крыши для своихъ хозяйственныхъ строеній.

Каждый изъ этихъ четырехъ садовъ окруженъ тѣсными рядами деревьевъ и рвами. Всего въ усадьбѣ кулацкаго крестьянина средней руки 10 «кцевовъ», а «кцева» можетъ считаться приблизительно за нашъ осмьминникъ, т.-е. $\frac{1}{3}$ десятины; здѣсь еще мѣрятъ землю первобытнымъ способомъ, т.-е. присаживаясь къ землѣ и обхватывая въ обѣ стороны руками, откуда собственно и произошло въ древности названіе «сажень», какъ докъ отъ произошелъ отъ мѣры черезъ согнутую руку, пядь—отъ распяленной ладони, футъ (нѣмецкое Fuss, англійское foot) отъ длинной ступни, вершокъ—отъ верхняго сустава пальца, и т. п.

Весь земельный надѣлъ такого крестьянина равняется 23 кцевамъ, т.-е. $7\frac{1}{2}$ дес., слѣдовательно немного болѣе того, что получилъ нашъ черноземный крестьянинъ на тягло (2 души, т.-е. $5\frac{1}{2}$ —6 дес.).

Счастливымъ условіемъ для здѣшнихъ крестьянъ было то обстоятельство, что они удержали у себя весь земельный надѣлъ, которымъ

Свисты.

пользовались при крѣпостномъ состояніи; а такъ какъ историческія обстоятельства заставляли грузинское дворянство воспитывать въ себѣ болѣе воинственные, чѣмъ хозяйственные вкусы, то естественно, что они не жалѣя отдавали землю въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ, увеличивая за то оброки и послуги разнаго рода.

Впрочемъ, и у самихъ имеретинскихъ дворянъ осталось достаточно земель, если судить по тому, что, напримѣръ, для участія въ дворянскихъ выборахъ въ Кутаисской губерніи требуется цензъ въ 1,500 кцевовъ или 500 дес. земли, между тѣмъ какъ въ большинствѣ губерній средней земледѣльской Россіи цензъ этотъ равняется 200 дес., да и то возбуждаетъ жалобы.

Здѣшній крестьянинъ платитъ своему бывшему помѣщику 3 р. въ годъ за дворъ, т.-е. усадьбу, 4 р. за лѣсъ, участокъ котораго непременно принадлежитъ каждому крестьянину, а съ поля платитъ ему натурою— $\frac{1}{4}$ урожая. О недомкахъ оброка здѣсь даже и не говорятъ, ихъ не бываетъ.

Этого иначе и быть не могло при такомъ благосостояніи крестьянъ. Они сами сознаютъ, что быть ихъ чрезвычайно улучшился послѣ освобожденія. Однако, мнѣ они прямо говорили, что дѣло пошло бы еще гораздо лучше, если-бы они были увѣрены, что земля, которую они обрабатываютъ, дѣйствительно будетъ ихъ, а не помѣщика. Хотя многие уже выкупили свои надѣлы, но все-таки большинство остается въ обязательныхъ отношеніяхъ къ дворянству. Хозяйство имеретинскаго земледѣльца — это такая полная чаша, о которой нашему русскому хозяину и во снѣ не снится. Уже одно разнообразіе плодовъ и овощей, которые онъ воздѣлываетъ, показываетъ ясно, что онъ позволяетъ себѣ думать не объ одномъ насыщеніи чрева чѣмъ попало, но и о нѣкоторыхъ тонкостяхъ жизни.

Здѣшніе крестьяне увѣрили меня, что они не продаютъ ничего изъ садовъ и огородовъ своихъ, ни винограда, ни вина, ни меда, ни овощей. Все это они держатъ исключительно для себя. Продается только одна кукуруза. Но за то ничего почти и не покупается. Закопавъ въ землю нѣсколько большихъ кувшиновъ вина, насушивъ любимыхъ плодовъ и травъ, набивъ кукурузою свою вышку, имеретинъ весело можетъ встрѣчать зиму и не нуждается искать дополнительныхъ заработковъ гдѣ-нибудь на сторонѣ. Удивительный климатъ и удивительная почва сторицею вознаграждаютъ его трудъ. Все растетъ и наливается по часамъ. Тополи, только-что посаженные прошлою весною тонкими лозочками, стоятъ уже въ руку толщины, сажени 4 въ вышину, и все такъ. Орѣхъ, которому всего 40 лѣтъ, закры-

васть своими громадными суками цѣлую площадь и кажется Зоо-лѣтнимъ.

Имеретинскія женщины также не остаются безъ дѣла въ крестьянскомъ хозяйствѣ; онѣ раздѣляютъ труды мужчинъ по огороду и саду, выводятъ и разматываютъ шелковичные коконы и не только готовятъ шелкъ-сырецъ, но еще ткутъ изъ него очень плотныя, хотя и грубоватыя ткани, совершенно напоминающія известную китайскую «чу-се-чу», за которую, вѣроятно, и сбываются часто на разныхъ нижегородскихъ, полтавскихъ и крещенскихъ ярмаркахъ.

Послѣднее время аршинъ такой шелковой ткани стоилъ на деревенскихъ базарахъ копѣекъ бо, а въ Тифлисѣ до одного рубля. Вообще всѣ здѣшніе крестьяне безъ исключенія занимаются шелководствомъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время полного неурожая хлопка въ Сѣверной Америкѣ, всѣ бросились даже на воздвѣиваніе хлопка и заработали на немъ изрядно. Къ сожалѣнію, послѣ того цѣны сильно упали, занятіе хлопкомъ оказалось невыгоднымъ и прекратилось совершенно.

Имеретинцы верхомъ.

* * *

Когда мы осмотрѣли все хозяйство одного изъ домовитыхъ кулашскихъ крестьянъ, онъ пригласилъ насъ сдѣлать ему честь отвѣдать его хлѣба-соли. Быстро появился на галерейкѣ визенскій столикъ, на немъ «пури» (лепешки), медъ и огурцы, зеленая «алыча» (очень вкусная кавказская слива) и бутылка молодого домашнего вина.

Мы выпили этого слабаго и кислотоватаго напитка, пожелавъ благополучія хозяину и дому его. Онъ отвѣтилъ намъ по восточному обычаю, конечно, по-имеретински, что необыкновенно счастливъ видѣть подъ кровлею своею такого далекаго и рѣдкаго гостя, какъ русскій господинъ изъ Москвы.

Я не остался въ долгу и просилъ своего спутника увѣрить насъ
ОЧЕРКИ КАВКАЗА.

шего колхидскаго Авраама, что, сколько я ни странствовалъ по разнымъ землямъ, нигдѣ не находилъ такого благосостоянія и гостеприимства.

Съ низкими поклонами благодарилъ и провожалъ насъ довольный хозяинъ не только на улицу, но и до самаго дома князя.

* * *

Среди многихъ неприятныхъ впечатлѣній, которыя приходится мнѣ здѣсь испытывать по поводу разныхъ грѣховъ нашего владычества на Кавказѣ, я съ глубокою радостью и съ чувствомъ гордости убѣдился, что мы, русскіе, все-таки принесли Грузіи великое и ничѣмъ незамѣнимое добро: мы спасли ея будущее и дали ей возможность сдѣлаться, наконецъ, истинно-европейскою страной, освободивъ въ бо-хѣ годахъ ея крѣпостныхъ крестьянъ.

Этого никогда не должна забыть Грузія. Крѣпостное право было укоренено въ Грузіи сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, и, по особеннымъ обстоятельствамъ, Грузіи должно было чувствоваться особенно тяжело. Странно было бы видѣть безъ рабства эту маленькую страну, на которую въ теченіе цѣлыхъ столѣтій могучіе мусульманскіе сосѣди ея, турки, персы и хищные кавказскіе горцы, — глядѣли какъ на «олений паркъ» Людовика XV своего рода, воспитывавшій красавицъ дѣвъ и красавцевъ юношей для ихъ гаремовъ. Никакое колхидское золото не привлекало къ себѣ столькожъ жадныхъ завоевателей, какъ необыкновенная красота грузинскаго племени. Эта красота стала несчастьемъ и проклятімъ Грузіи, она исторически развратила ее. Грузинскія страны Закавказья почти постоянно платили огромную дань туркамъ и персамъ молодыми невольниками и невольницами. Деягины и черкесы собирали эту дань оружіемъ. Идея невольничества естественно проникла весь общественный духъ грузинъ и стала чѣмъ-то до такой степени обычнымъ и простымъ въ грузинскихъ странахъ, что перестала возмущать нравственное чувство даже лучшихъ людей ихъ.

Торговля невольниками, начавшаяся еще во времена грековъ и римлянъ, сдѣлалась одною изъ основныхъ и любимѣйшихъ промышленностей грузинскаго племени. Князья брали въ плѣнъ сосѣдей и провѣзжихъ и продавали ихъ. Безчисленныя междоусобныя войны обращались черезъ это въ выгодныя торговыя предпріятія. Пристани древней Колхиды и всего кавказскаго побережья приобрѣли славу главныхъ невольничьихъ рынковъ Европы. Особенно Мингрелія работала и зарабатывала много на этомъ дѣлѣ, пользуясь своимъ приморскимъ поло-

женіємъ. Эта старая привычка работогови держалась въ Грузиі до самаго присоединенія къ Россіи, и въ XVIII вѣкѣ свирѣпствовала почти такъ же, какъ и въ средніе вѣка.

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ одного историческаго документа, занесеннаго въ первый томъ актовъ кавкааской археографической коммиссіи, клятвеннаго условія нѣкоторыхъ карталинцевъ, даннаго ими въ 1747 году по требованію грузинскаго католикоса: «Сіе условное письмо поднесли мы, Авалишвили Петръ, Ростомашвили Заалъ, нашъ дворянинъ, и другіе, всѣ вообще наши подданные дворяне и крестьяне, вамъ, нашему государю, грузинскому католикосу-патріарху, царевичу господину Антонію въ томъ, что въ нашемъ домѣ и владѣніи и между нашими крестьянами было много зловредныхъ и лукавыхъ дѣлъ: *пльно-продавство*, убійства, грабежи, прелюбодѣянія и много законопреступныхъ дѣяній. Вы, какъ жертвующій собою за вашъ народъ, пожаловали въ нашъ домъ и по долгу вашего званія приказали намъ, научили и наставили. И мы сіе условіе доложили и сдѣяли объѣтъ передъ Богомъ и святою небоподобною соборною церковью, — отнынѣ впредь не влѣчиваться ни въ продажу пльнитныхъ, ни въ убійства, и какія были между нами злодѣяства, дурныя привычки и

Имеретинскій деревенскій священникъ.

богопротивныя дѣла, отъ всего отстать и пресѣчь, буде же отнынѣ впредь освѣдомитесь, что преступимъ вашу заповѣдь, то вы, не отвѣчая предъ Богомъ, взыщете съ насъ такъ, какъ съ злодѣевъ и разбойниковъ: духовно осудите насъ вы, а тѣлесно передайте дарямы, и пусть наша кровь послужитъ законнымъ удовлетвореніемъ. *Какъ знать, быть можетъ для государства потребуютъ пльнниковъ*, но и въ такомъ случаѣ докладывать вамъ, а равно извѣщать, *если кто будетъ заниматься въ числѣ владѣнці пльнпродавствоу, стараться поймать какъ самого пльнника, такъ и продавца*, и доставить ихъ къ вамъ» и такъ далѣе.

Страна, привыкшая въ теченіе вѣковъ промышленно пльномъ, продажею людей, разумѣется, не могла и сама обойтись безъ учрежденія невольничества. Не только дворянинъ и князь имѣли своихъ крѣпостныхъ, но даже крѣпостной и крѣпостной крѣпостного могъ имѣть своего раба или купленнаго челоуѣка (*мона*). Были также и дворяне въ крѣпостной зависимости своего рода отъ князей, — до такой степени все снизу и доверху сжилось съ идеею насилія и зависимости. Вѣчная воинственная жизнь грузинскаго дворянства дѣлала его естественнымъ защитникомъ и покровителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ трудящихся классовъ. Надъ знатнымъ дворяниномъ не могло быть суда и закона; рыцарское дворянство Грузии было сильнѣе ея царей, а дѣло внѣшней защиты государства отодвигало на задній планъ всѣ другіе интересы. Поэтому только немногіе грузинскіе цари пытались дѣлать нѣкоторыя робкія попытки обуздать хотя сколько-нибудь своеволие дворянъ надъ послѣдними.

Въ извѣстныхъ законахъ царя Вахтанга, составленныхъ въ началѣ XVIII столѣтія, не находится почти ни одного распоряженія, существеннымъ образомъ ограничивающаго произволъ владѣльцевъ. Въ древнѣйшихъ законахъ и того менѣе.

«Кто убьетъ или изувѣчитъ своего крестьянина за какое-либо преступленіе, *тотъ заслуживаетъ гнѣва царя и католикоса*, ибо никто не имѣетъ права казнить своего крестьянина безъ царя», говоритъ 25-я статья законовъ царя Вахтанга, при чемъ прибавляетъ: «впрочемъ, если-бы господинъ и подлинно казнилъ или изувѣчилъ своего крестьянина, то сей послѣдній и наследники *его не вправѣ требовать отъ него удовлетворенія*».

Правда, семья убитаго получала черезъ это право на свободу, но это право почти всегда оставалось мертвою буквою, такъ какъ другихъ судей, кромѣ князей-помѣщиковъ, не существовало почти нигдѣ; за кровь крестьянина законъ взыскивалъ въ 15 разъ дешевле, чѣмъ за кровь знатнаго князя.

Помѣщикъ былъ полный господинъ личности, чести и имущества своего крестьянина. Любую дѣвушку онъ свободно бралъ себѣ въ прислугу и въ наложницы, продавалъ враздробъ членовъ семьи и разныя страны и разнымъ господамъ. И хотя относительно барщины и оброковъ

И меретинскія женщины.

существовали обычаи, по которымъ крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика только отъ 10 до 50 дней въ году и отдавать ему не болѣе $\frac{1}{4}$ части жатвы и всякихъ плодовъ, однако существовали подати подѣ другими заглавьями, всегда предоставлявшія помѣщику возможность обобрать до нитки своего крестьянина.

Таковы были, напримѣръ, страшныя своею неопредѣленною, обязанности крестьянъ оказывать пособіе помѣщику въ уплатѣ его долговъ и при покупкѣ имѣнія, въ разныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ его жизни, какъ, напримѣръ, при женитьбѣ, похоронахъ и проч.; кромѣ того, крѣпостные обязаны были содержать помѣщика съ его семействомъ и свитою, насколько бы времени ни заѣхалъ онъ къ нимъ.

Духовенство не могло существенно смягчить зла, потому что въ Грузіи духовные были родственники тѣхъ-же дворянъ и, какъ они, владѣли крестьянами.

Царская власть всецѣло зависѣла отъ дворянства. Провинція за провинціей отходила отъ грузинскихъ царей; они все болѣе и болѣе нуждались въ добротныхъ подаяніяхъ дворянства, а дворянству неоткуда было извлекать этого пособія, кромѣ какъ изъ имущества крѣпостныхъ.

Пользуясь совершеннымъ отсутствіемъ паспортовъ и полицейской власти, крестьяне, тѣсимые помѣщиками или налогами, тысячами бѣжали и переселялись въ другія мѣстности. Безконечныя войны и дробленіе наслѣдствъ разоряли дворянъ, а роскошь и праздность ихъ не

уменьшалась, но увеличивалась; то, что прежде ложилось на плечи цѣлыхъ многолюдныхъ селеній, теперь ложилось на немногіе, оставшіеся у нихъ дворы.

Изъ нихъ помѣщикъ набиралъ свою прислугу, ихъ доходами онъ оплачивалъ свои попойки и свои походы.

Черезъ это положеніе крѣпостныхъ Грузинъ, ко времени присоединенія ея къ Россіи, сдѣлалось невыносимымъ.

Было много владѣльцевъ, имѣвшихъ сообща всего нѣсколько дымовъ крестьянъ, и даже встрѣчались случаи, когда 1 дымъ принадлежалъ нѣсколькимъ наслѣдникамъ.

Изъ интересной статьи г. Калантарова, помѣщенной въ «Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ», т. II, видно, что въ собственной Грузіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, 16,500 дымовъ крѣпостныхъ крестьянъ были распредѣлены между 3,242 помѣщиками, т.-е. среднимъ числомъ приходилось на cadaго помѣщика 5 дымовъ, изъ нихъ 869 человекъ имѣли менѣе цѣмъ по 4 дыма.

Государство, при такомъ общественномъ и экономическомъ положеніи, двигалось къ гибели быстрыми шагами. Крестьянинъ не былъ заинтересованъ ни въ развитіи своего благосостоянія, которое ежедневно могло быть уничтожено по прихоти его владѣльца, ни въ защитѣ государства, гдѣ онъ не находилъ для самого себя ни свободы, ни правосудія, ни обезпеченія.

Правда, многія условія на дѣлѣ смягчали и значительно видоизмѣняли безусловное юридическое безправіе крѣпостныхъ. Грузинское дворянство, по нравамъ, образу жизни и образованію своему, было очень близко къ крестьянству, невольно поэтому становилось къ нему въ нѣсколько родственныя, патріархальныя отношенія и старалось, во многихъ случаяхъ, оберегать имущество и личность крестьянина, какъ своего домочадца.

Съ другой стороны, грузинскій крестьянинъ никогда не переставалъ быть человекомъ оружія и никогда не убивалъ въ себѣ вполнѣ чувства своего достоинства. Кровавая расправа съ помѣщикомъ за оскорбленіе и притѣсненіе составляла въ Грузіи обычное явленіе, и безмолвная угроза ея сдерживала произволъ дворянства гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ увѣщанія католикоса и безсильные законы царя.

Народъ, привыкшій носить оружіе, никогда не можетъ совершенно обратиться въ смиреннаго раба.

И это чувство внутренней независимости человека было тѣмъ

р'язче и замѣтнѣе, чѣмъ ближе къ вольнымъ горамъ, чѣмъ далыше отъ государственнаго центра были провинціи Грузіи. Съ полудикимъ сванетомъ и самурзакандемъ уже нельзя было обращаться, какъ съ мингрельцемъ, а мингрелець и имеретинъ, въ свою очередь, по чувству свободолобія, стояли далеко выше приниженныхъ и угнетенныхъ карталинцевъ.

Но, несмотря на всѣ эти облегчающія условія, крѣпостная неволя дѣлала невозможною дальнѣйшую экономическую жизнь страны. Об'єднѣли не только крестьяне, но и дворяне и сами цари грузинскіе.

Нація пришла къ стѣнѣ, у которой волею-неволею нужно было остановиться.

Эту стѣну могло опрокинуть только великое слово 19-го февраля.

VII.

Кулашскій кланъ.

КУЛАШИ—это дворянскій кланъ своего рода, подобный кланамъ горной Шотландіи.

Кулаши населены сплошь древнею фамиліей князей Микеладзе и ихъ бывшими крѣпостными людьми. Многіе изъ Микеладзе удержали за собою титулъ тавадовъ, т.-е. князей, другіе не могли доказать своего княжества и теперь считаются дворянами. Насколько древенъ этотъ родъ—можно судить по тому, что недавно въ окружной судъ былъ представленъ документъ о подаркѣ имѣнія родомъ Микеладзе 800 лѣтъ тому назадъ, какъ увѣрилъ меня одинъ изъ князей Микеладзе. Самы Микеладзе полагаютъ, что родъ ихъ существуетъ не менѣе 1000 лѣтъ. Теперь ихъ нѣсколько сотъ человекъ въ Кулашахъ. Понятно, что, размножившись до такой степени, они значительно об'єднѣли. Многіе изъ нихъ обратились въ мелкопомѣстныхъ дворянъ и ведутъ самую скромную жизнь, но нѣкоторыя отрасли еще богаты и пользуются значеніемъ. Такъ, князь А. Микеладзе, домъ котораго я посѣтилъ потомъ, былъ недавно губернскимъ предводителемъ кулашскаго дворянства, удостоиваясь чести принимать у себя покойнаго государя и вообще считается какъ-бы представителемъ всего рода и однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей своего края.

* * *

Къ обѣду собрались въ домъ князи родные и сосѣди.

Приѣхала княгиня М., кузина хозяина, красивая женщина, съ юною хорошенькою дочкою Като, все цвѣтущее личико которой, казалось, было поглощено ея необыкновенно большими и необыкновенно черными глазами яркой, сверкающей свѣжести.

Она была совсѣмъ ребенокъ, всего 13 лѣтъ, а ужъ смотрѣла 17-лѣтнею.

Приѣхалъ молодой князь С. въ живописномъ мѣстномъ нарядѣ конвоя Его Величества, ловкій и милый.

Юноша — совершенно подпару молоденькой княжнѣ.

И много другихъ. Мужчины собрались особо, женщины тоже. Пошли рассказы, воспоминанія, смѣхъ и крикъ...

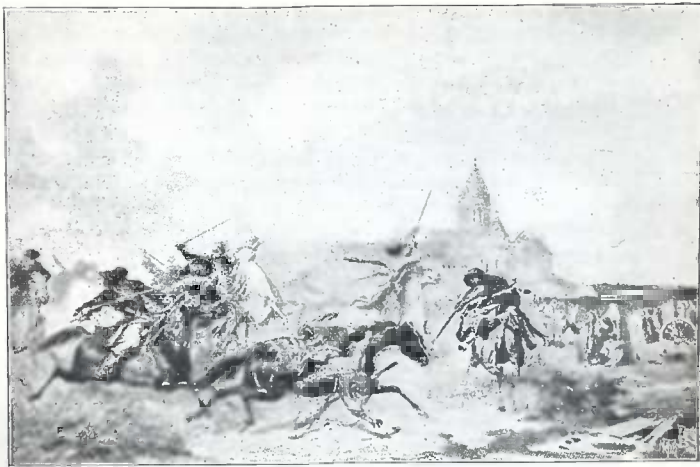
Обѣдъ былъ устроенъ въ самой парадной изъ всѣхъ столовыхъ — въ душистой зелени тѣнистаго и широкаго двора, подъ шатрами дѣдовскихъ орѣховъ. Притащили туда цѣлые бочки вина, всякія жаренныя и вареныя мяса, и всѣ обѣли кругомъ безцеремонную деревенскую трапезу. Простота и добродушная веселость грузинской пирушки отраднѣ дѣйствуетъ послѣ натянутости и скуки нашихъ собственныхъ общественныхъ собраній. Мы, русскіе образованные люди, дѣйстви-

Грузинская телѣга.

тельно стали какъ-то очень скучны и какъ-то черезчуръ озбочены въ послѣднее двадцатилѣтіе нашей исторіи.

Наша старая дворянская веселость исчезла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, вмѣстѣ съ тою почвою безмятежнаго досуга и обезпеченнаго будущаго, которая казалась нашимъ отцамъ неизблемою, какъ гранитная скала. Конечно, мы многому учились, мы многому научились въ эти наши тяжелые *Lehrjahre*; конечно, мы даже сдѣлали за это время довольно много. Вообще говоря, мы пережили жестокой кризисъ и успѣли перевалить, хотя далеко неблагополучно, изъ своего періода общественной наивности въ періодъ суровой общественной сознательности. Такая важная стадія въ ростѣ народнаго организма не можетъ

Джигитовка.
Картина Г. Горцвальта.

пройти безъ болѣзни и страданій. И мы дѣйствительно до сихъ поръ еще болѣемъ и страдаемъ; мы до сихъ поръ еще настроены слишкомъ мрачно и тяжко, потерявъ свой прежній безмятежный миръ и не приближаясь еще къ осуществленію своихъ грезъ счастливаго будущаго.

Однако, такъ или иначе, по той или другой причинѣ, изъ нашего образованнаго общества бѣжало веселье, спокойное и свѣтлое настроеніе духа, простодушная, незадумывающаяся общительность, чуждая подозрѣнія и заднихъ мыслей. Мы уже разучились смѣяться искренно и добро, мы потеряли и способность, и вкусъ проживать минуту удовольствія ради самой этой минуты, беззаботно отдаваться ей и вѣрить въ нее, ничтоже сумняшея.

У грузинскаго дворянства эта старая черта характера уцѣлѣла вполне. Хотя оно тоже пережило тяжелую для него экономическую эпоху, хотя она даже придавила его интересы, можетъ быть, тяжело, чѣмъ у насъ,—однако, оно сумѣло уберечь и въ этихъ новыхъ обстоятельствахъ чувство непосредственной жизни, ту искру веселья и ту страстность впечатлѣній, безъ которыхъ человѣкъ пахнетъ слишкомъ много книжкою и слишкомъ мало живымъ человѣкомъ.

Средневѣковой кланъ князей Микеладзе далеко не распался, и несмотря на многія существенныя нѣвѣства, внесенныя въ его исторію необозримою цинизацией XIX вѣка,—еще не совсѣмъ потерялъ свой феодальный и патриархальный характеръ. Всѣ Микеладзе еще тѣсно держатся другъ друга, гдѣ бы ни жили они и какъ-бы далеко ни раздвинулись ихъ связи и родство.

«Гдѣ бы вы ни встрѣтили Микеладзе, хотя-бы въ Америкѣ,—говорили мнѣ мои радушные собесѣдники,—будьте увѣрены, что онъ изъ Кулашей. Кромѣ Кулашей нѣтъ и не было Микеладзе нигдѣ на свѣтѣ, и кромѣ Микеладзе нѣтъ никого въ Кулашахъ». Въ Гунибѣ, мнѣ какъ-то передавали потомъ, будто во время турецкой кампаніи 1855 года, кулашскіе Микеладзе составили изъ себя дѣлую дружину конной милиціи и показали чудеса храбрости. Вообще Микеладзе извѣстны своею удачею и храбростію.—«На Кавказѣ не было ни одной самой маленькой войны, въ которой бы не палъ на полѣ битвы хотя одинъ изъ Микеладзе. А Дагестанъ усѣянъ ихъ костями!»—съ грустью заявляли мнѣ собравшіеся на пирушку члены этого своеобразнаго клана.

Одинъ изъ главныхъ представителей рода, князь А. Микеладзе, о которомъ я уже говорилъ выше, былъ начальникомъ грузинской милиціи въ турецкую войну, и мнѣ рассказывали, что дружина его съ безумною отвагою шла въ огонь и въ воду за своимъ любимымъ вождемъ. Многіе изъ этой дружины уже не увидѣли болѣе родимыхъ полей.

«Русскіе все подозрѣваютъ, что мы, грузины, не любимъ Россіи,—заговорили мнѣ по этому поводу кулашцы,—но они забываютъ, что съ первымъ выстрѣломъ на Кавказѣ всегда первымъ падаетъ грузинъ. Мы идѣмъ всегда впереди, всегда первые на враговъ Россіи».

Этому можно было повѣрить, глядя на мощныхъ и ловкихъ людей, окружавшихъ меня на обѣдѣ въ Кулашахъ. Все это лихіе набабники, большіею частью георгіевскіе кавалеры, хотя нѣкоторые изъ нихъ, не получавъ необходимаго школьнаго образованія, еще не заслужили офицерскихъ чиновъ.

У старика К..., дяди моего хозяина, пуля до сихъ поръ сидитъ въ груди, и онъ охотно показываетъ ее любопытнымъ, обнажая при этомъ грудь геркулеса, самъ здоровый, веселый, красный, какъ сырая говядина, несмотря на свою старость. Впрочемъ, это пуля не врага, а пріятельской свѣдѣнной шутки. Выстрѣлъ, ударъ кинжала въ этой атмосферѣ среднихъ вѣковъ значитъ то-же самое, что у насъ какое-нибудь колкое слово. Когда грузины собираются на свои народные праздники, именины, свадьбы, то всегда устраиваютъ такъ-называемо

«томаша», т.-е. игры. Особенно большое «томаша» бываетъ въ храмовые дни. Выѣзжаетъ на площадь иногда нѣсколько тысячъ всадниковъ; мѣстныя красавицы, княгини и крестьянки, являются толпами въ своихъ лучшихъ нарядахъ; изъ церкви выносятся нарочно хранимый на этотъ случай, освѣщенный попами, огромный мячъ; всадники и пѣшіе дѣлятся на двѣ партіи, и начинается невообразимая свалка; каждая партія старается отбить себѣ завѣтный мячъ и донести его до назначенной грани; крестьяне тутъ мѣшаются съ князьями, лошади съ людьми, грудью раздвигая пѣшія толпы; все давятъ и толкаютъ другъ друга, вырывая изъ рукъ подхваченный мячъ и подбрасывая его своимъ. Страсти и самолюбія партій разгораются до крайнихъ предѣловъ; раны и увѣчья на томашахъ—самое обычное явленіе. Даже убійства часты. Побѣдители съ торжествомъ возвращаютъ мячъ въ церковь и чествуются какъ герои. Потребность празднества, пированія, веселія еще такъ сильна въ грузинскомъ народѣ, что не только князья, но простые крестьяне нѣрѣдко разоряются на угощенія.

Средневѣковой обычай господъ посѣщать своихъ вассаловъ еще и теперь не вполне вывелся въ Имеретіи. Имеретинскіе цари при самомъ присоединеніи Имеретіи къ Россіи еще странствовали по своей вотчинѣ отъ одного жителя къ другому, по очереди, не минуя даже состоятельныхъ крестьянъ и опасаясь оскорбить пропускомъ кого-нибудь изъ важныхъ князей; вся многочисленная свита, провожавшая ихъ, съ своими конями и слугами, кормилась и содержалась при этомъ на счетъ хозяевъ по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, такъ что послѣ прохожденія царскаго двора цѣлая мѣстность иногда оставалась разоренною, какъ послѣ нашествія неприятеля.

И до сихъ поръ имеретинскій крестьянинъ ни за что не возьметъ ничего съ князя, остановившагося у него на ночлегъ съ своею свитою, хотя-бы князь этотъ прожилъ у него нѣсколько дней. Крестьяне и

Тезгилка въ Имеретіи.

сами приглашаютъ къ себѣ князей, гордясь знакомствомъ знатныхъ людей, и князья безъ всякаго стѣсненія принимаютъ приглашеніе. Гостепріимный имеретинъ тогда поставитъ домъ кверху дномъ, чтобы только угостить на-славу и не осрамиться передъ добрыми людьми, зарѣжетъ быка, откапаетъ «соры» съ самымъ старымъ виномъ, словомъ—разорится въ пухъ и прахъ, а ужь угоститъ, какъ только можетъ. Да и умѣютъ же пить имеретины, Богъ ихъ прости!

Эти могучіе организмы, полные огня и веселья, словно играючи опорожняють кувшинъ за кувшиномъ, пересыпая обѣдъ возможаемыми остротами и шутками. Пустыя бутылки то и дѣло взлетаютъ на воздухъ, назадъ черезъ головы, и катятся по мягкой травѣ, гдѣ ихъ подхватываетъ сообразительная прислуга для того, чтобы наполнить вновь виномъ изъ огромныхъ кувшиновъ, пріотившихся въ холодкѣ, подъ стѣною настоящаго Мамврійскаго дуба.

Старичекъ-виночерпій, присѣвшій на корточкахъ, не успѣваетъ даже оглядываться, не только оторваться отъ своего дѣла.

Дамы имеретинскія нисколько не церемонны и по возможности не отстаютъ отъ мужчинъ въ веселой болтовнѣ, хотя не могутъ не отстать въ опустошеніи бутылокъ. Обращеніе съ ними мужчинъ просто до трогательности. Молодыхъ дѣвушекъ добродушно берутъ за подбородокъ, глядятъ по щечкѣ и по головкѣ, треплютъ по плечу и дружески обнимаютъ. Правда, все это болѣе или менѣе члены одного рода, родня другъ другу, хотя и порядочно дальняя. Молодой хозяинъ переводитъ мнѣ многое изъ остротъ и игривыхъ разсказовъ этихъ веселыхъ собесѣдниковъ, и я невольно присоединяюсь къ общему хохоту, къ которому и безъ того неудержимо располагается это легкое и веселое, само собою льющееся въ горло вино. Его пьется такъ много, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Если-бы выпить столько у насъ на Руси нашихъ французскихъ винъ, право, и съ мѣста бы не всталъ, а здѣсь только разумъ чуть застываетъ веселымъ туманомъ, да словно какая-то дружеская волна, влекущая въ заманчивую даль, начинаетъ легонечко покачивать его.

Однако удалые наездники, хотя и подъ хмѣлькомъ, не теряютъ вѣры въ крѣпость своихъ ногъ и рукъ. Послѣ обѣда сама собою начинается джигитовка. Осѣдланые кони гостей паслись тутъ-же на зеленомъ дворѣ, въ тѣни деревьевъ, и кому-то пришло на умъ показать свою прыть. Лошадь быстро поймана, и въ одно мгновеніе ловкій всадникъ очутился на ней верхомъ. Градь ударовъ нагайки сыпается въ заатокъ и безъ того ретивому коню, и онъ несется какъ сумасшедшій черезъ весь дворъ подъ широко распростертыми вѣтвями орѣховъ,

Танцующая лезгинка.

мимо опустошенныхъ кувшиновъ вина и груды моющихся тарелокъ, понукаемый дикимъ гиканьемъ расходившагося наездника, который почти совсѣмъ прилегъ на его шеѣ.

Старый К. не выдерживаетъ и тоже срывается съ мѣста, тоже бросается къ осѣдланному коню. За нимъ вскакиваетъ молодежь. Перепуганныя жены и матери тщетно пытаются остановить за рукава и за полы разгулявшуюся удадь кулашскаго рыцарства.

Маленькая жена К. повисла на его рукѣ съ громкими укоризнами, и старикъ смущенно отталкиваетъ ее, видимо непривычный сопротивляться гнѣву супруги, но въ то-же время чувствующій, что храброму рыцарю непригоже на глазахъ товарищей поддаваться бабьей юбкѣ.

Крикъ, смѣхъ, пронзительныя просьбы женщинъ и поддразнивающая поноканія мужчинъ, остроты и брань,—смѣшиваются въ какой-то ярмарочный гулъ. Старикъ съ усиліемъ вырывается и молодежомъ, по-юношески, взлетаетъ на коня. Соперникъ его вскакиваетъ на другого, вмѣсто дротиковъ у нихъ въ рукахъ очутились какія-то палки, и оба начинаютъ неистово носиться по двору, увертызаясь другъ отъ друга, настигая и стараясь сорвать другъ друга съ сѣдла, то вставая во весь ростъ на стремяна и даже на сѣдло, то на всемъ скаку спазывая чуть не подъ брюхо лошади и схватывая рукою съ травы бро-

шенную шапку или мѣтко попадая дротикомъ и назадъ, и впередъ себя.

И, разинувъ ротъ, глядѣть и на этихъ сѣдоусыхъ наѣздниковъ, проворныхъ и смѣлыхъ какъ юноши, и больше, пожалуй, на этихъ необыкновенныхъ маленькихъ лошадокъ, которыя, казалось, сами до мозга костей проникались духомъ удали и соревнования, то съ воспаленными глазами носились вихремъ по двору, то мгновенно останавливались какъ вкопанныя, дрожа всѣми нервами и тяжело дыща, то выписывали такіе крутые, частые и быстрые повороты, словно онѣ были сдѣланы не изъ костей, а изъ резины.

Разгорячить до-нельзя лошадь ударами нагайки, пустить ее въ отчаянную скачку и вдругъ, на всемъ скаку, какъ можно рѣче и внезапно осадить или круто повернуть ее—это обычные приемы верховой ѣзды Кавказа.

Немудрено, что грузинскія женщины, зная эти отчаянные обычаи своихъ мужчинъ и видя, сколько кувшиновъ опустошено вскружъ нихъ за обѣдомъ, съ большимъ опасеніемъ встрѣчаютъ вспышки ихъ хмѣльной удали. Рѣдкія игры послѣ порядочнаго обѣда кончаются благополучно.

Признаюсь, много празднои силы и здоровья должно шевелиться въ организмѣ человѣка, чтобы подобная игра могла тѣшить его и быть для него дѣйствительною игрою. Но эти первобытные организмы сами просятъ какого-нибудь щедрого расхода накопленныхъ силъ, какого-нибудь необычнаго напряженія ихъ. Ихъ не заѣдаетъ ни княжка, ни мысль, ни забота. Эти князья сами увѣряли меня, что, дѣтми, ихъ кормили грудью до 5 лѣтъ. Многие въ 15 лѣтъ еще читать не умѣютъ, а охотниковъ до школьной науки среди нихъ мало до-нельзя. Кормить молокомъ 5 лѣтъ сряду—можно выпойть бычковъ на-славу, нечего говорить! Известный сванетскій князь Тенгизъ-Дадешкильянъ, богатырь и великанъ, какихъ теперь рѣдко встрѣтишь, кормился грудью, какъ передавали мнѣ въ Кулашахъ, даже до 7 лѣтъ. Кормили его будто-бы 2 кормилицы разомъ, одной не хватало на отпой этого молодого титана; черезъ 6 мѣсяцевъ кормилицы перемѣнялись на свѣжихъ, а черезъ годъ перемѣнялись еще разъ.

Впрочемъ, продаю за что купилъ.

Эти обычаи древности теперь угасаютъ, и новое поколѣніе уже далеко не то, что ихъ отцы и дѣды. Но, безъ сомнѣнія, такой оригинальный способъ выкармливанія находился въ связи съ громаднымъ ростомъ и силою старинныхъ людей, рассказами о которыхъ полны были лины и сказки Грузіи и Сванетіи. Кулашскіе князья сообщали мнѣ

Бандерки Шемахи — Рисунок князя Г. Г. Гагарина.

между прочим, что в одной из соседних с ними старых церквей хранится шапка богатыря, в которую может спрятаться человек, и сабля его, которую нельзя поднять двумя руками; около другой церкви в могиле будто-бы найден скелет другого богатыря, локтевая кость которого равнялась полутора аршинам, а зубы были длиною в вершок. Один из собеседников моих утвердил, что видел этот скелет своими глазами и что его отвезли в Кутаись, к графу Левашову, как замечательную рѣкость. Не знаю, насколько может быть правды во всѣх этих диковинныхъ розсказняхъ восточнаго воображения, но важно то, что весь Кавказъ твердо вѣрить въ предковъ-исполиновъ, напоминающихъ Полифема, Атланта или сванетскаго Амирана.

* * *

Вечеромъ кулашскія дамы затѣяли пѣніе подъ звуки гитары, меланхолическое, краткое, не столько музыкальное, сколько трогатель-

ное. Вообще,—сколько я могъ вслушаться въ грузинскую музыку,— это народъ совершенно немзыкальный, хотя страстно любящій пѣнь и звуки. Мелодіи ихъ первобытной наивности и простоты, бѣдны и сухи до крайности, сравнительно съ какими-нибудь славянскими или нѣмецкими пѣснями.

Но мнѣ тѣмъ не менѣе было очень пріятно и интересно послушать цѣлый репертуаръ ихъ поэтическихъ народныхъ мотивовъ какого-то дѣтскаго характера, смыслъ которыхъ растолковывалъ мнѣ обязательный хозяинъ.

Къ ужину съѣхалось еще больше гостей, пирушка стала еще развязнѣе и дружелюбнѣе, вино полилось еще щедрѣе, тосты стали раздаваться чаще, и за каждымъ тостомъ всѣ собесѣдники, женщины и мужчины, дѣти и старики, бывшіе гвардейцы, побывавшіе въ Парижѣ, говорящіе по-французски, и безграмотные милиціонеры, всю жизнь не выѣзжавшіе съ Кавказа, всѣ дружно затягивали хоромъ какую-нибудь любимую народную пѣсню.

Грузины, всѣ безъ исключенія, принимаютъ участіе въ этихъ застольныхъ пѣсняхъ, такъ что умнѣе пѣть составляетъ своего рода обязательную сторону воспитанія.

Старики помолодѣли за чарками вина, за веселыми пѣснями, и пристыживали юношей своею энергіей. Несмотря на полнѣйшую простоту и безцеремонность этой пирушки, въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдался строжайшій этикетъ. «Тулумбаши», т.-е. распорядитель пира, избранный цѣлымъ столомъ, провозглашалъ тосты въ строжайшей послѣдовательности, не забывая никого, до послѣдняго мальчишки, сидѣвшаго за столомъ, и чрезвычайно точно распределяя ихъ, по степени подобающаго уваженія всѣхъ присутствующихъ. Сначала чувствовались старья дамы, потомъ молодья, смотря по положенію ихъ, потомъ я, какъ гость, въ честь котораго собралась пирушка, потомъ остальные мужчины, тоже по рангамъ и родству. Каждый, за кого пили и кому пѣлись пѣсни, долженъ былъ благодарить и въ свою очередь отвѣчать тостомъ. Понятно, что тостамъ этимъ не бываетъ конца за длинными и многочисленными обѣдами. Послѣдній тостъ пелся за тулумбаши и затѣмъ дозволяется только одинъ, уже вразправду послѣдній, въ честь «святой Богородицы». Насидѣлись таки мы за кулашскими пирушками! Обѣдъ длился часа 3, а ужинъ съ 12 ночи до 4-хъ часовъ утра. Солнце было уже порядочно высоко, когда мы добрались до тоста святой Богородицы!

Длинный и худощавый князь, отецъ хорошенькой Като, оказался неумолимымъ и деспотическимъ тулумбаши: онъ никому не давалъ спу-

Хозяинъ мой, какъ житель Тифлиса, посѣщалъ въ тюрьмѣ заключеннаго Георгія, самъ былъ на судѣ, и потому всѣмъ Микеладзе неуживо хотѣлось выслушать отъ него что-нибудь о бѣдномъ Георгіѣ, котораго всѣ безъ исключенія жалѣли, хвалили, любили и чуть не оплакивали.

Среди дворянъ сидѣлъ подъ дубомъ и рослымъ попѣ, тоже изъ числа Микеладзе; его слово имѣло, повидимому, особенный вѣсъ въ глазахъ остальныхъ собесѣдниковъ; я хотѣлъ разспросить его поподробнѣе о церковныхъ древностяхъ Кулаша, но интересъ къ судьбѣ одного изъ Микеладзе до того былъ великъ въ немъ, что и онъ, подобно товарищамъ своимъ, былъ всецѣло погруженъ сердцемъ и мыслью въ рассказы о горестномъ процессѣ князя Георгія.

Мы посидѣли въ ихъ оригинальной компаніи, любясь поэтическими тѣнями стараго храма и стараго орѣха, капризно перепалызывающими по освѣщенной луною площадкѣ, слушающая тревоженные голки стариковъ, глубоко огорченныхъ безчестіемъ, которое было нанесено судебнымъ приговоромъ всему древнему княжескому роду ихъ.

Это чувство рода господствуетъ надъ всѣми другими общественными интересами Кулашей. Умретъ какой-нибудь популярный членъ рода, — всѣ Микеладзе носятъ трауръ, воздерживаются отъ празднествъ и веселья. Обида одному Микеладзе считается общаю обидою. Прежняя исторія князей Микеладзе, судя по рассказамъ стариковъ, это сплошная междоусобная война съ разными княжескими семействами, безконечное чередованіе наследственныхъ ссоръ и кровавой мести. Дѣдъ моего молодого хозяина напалъ на князя Гуріеля и взялъ въ плѣнъ его и 50 человекъ свиты, на пути ихъ изъ Мингреліи въ Гурію, за то, что князь этотъ, женившійся на одной изъ Микеладзе, не явился за нею, а оставилъ ее въ домѣ родителей.

Неудивительно, что эти воинственные средневѣковые вкусы до сихъ поръ никакъ не угаснутъ въ роду Микеладзе и что ими ихъ даже

Груаинскіи княгини.

теперь часто попадаетъ въ разныхъ подвигахъ самоуправства и ликою удали. Еще недавно газеты печатали разсказъ о нѣкоемъ князѣ Иванѣ Микеладзе, который въ теченіе нѣсколькихъ дней велъ правильную войну съ своими крестьянами изъ-за владѣнія землею; при перестрѣлкѣ, княжеская дружина убила на-смерть нѣсколькихъ крестьянъ и многихъ поранила, а сама осталась владычицей поля.

Въ прежнее время семейныя споры переходили тѣмъ легче въ настоящую войну, что князья жили, какъ и до сихъ поръ они живутъ въ Кулашахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, окруженные своимъ крестьянствомъ и подвластными имъ дворянами, такъ что дѣлая мѣстность могла подняться и вооружиться сразу.

* * *

Въ Кулашахъ мы познакомились съ молодою княгинею Л. Ц., которая взяла съ насъ слово посѣтить ея домъ, верстахъ въ 25 отъ Кулашей, около Хони. Это уже самая глубь Имерети. Хони, одинъ изъ старинныхъ центровъ мѣстной жизни, теперь служитъ мѣстомъ пребыванія мирового судьи, судебного слѣдователя и разныхъ другихъ административныхъ лицъ. Въ Хони и почтовая контора. Хорошее шоссе идетъ къ нему отъ Кулашей, поэтому не было необходимости трястись верхомъ по жарѣ и пыли, а можно было нанять въ Кулашахъ покойный фаэтонъ.

Мы еще разъ проѣхали насквозь всѣ Кулаши, еще разъ налюбовались благосостояніемъ его крестьянскаго хозяйства, его безчисленными дворянскими усадьбами и сплошными зелеными садами, въ которыхъ онъ утопаетъ. Съ удивленіемъ увидѣлъ я, что половина Кулашей заселена евреями. Это тоже бывшіе крѣпостные Микеладзе, поселившіеся въ Грузіи съ незапамятныхъ временъ. Кулашскіе евреи говорятъ по-грузински и не знаютъ болѣе никакого языка. Но они сохранили въ строгой чистотѣ свою древнюю религію, свой племенной типъ и свою племенную склонность къ торговлѣ. Черезъ нихъ Кулаши превратились въ постоянный базаръ. Лавочки на каждомъ шагу, со всѣмъ, что только хочешь. Черные пейсики толпятся на площади вокругъ своей синагоги, словно гдѣ-нибудь въ Бердичевѣ.

Вообще Закавказье переполнено евреями. Есть сильные историческіе поводы думать, что само происхожденіе иберійцевъ, Иберіи, имѣетъ тѣсную связь съ потомками Евера или Ебера. Имерь, по мнѣнію многихъ ученыхъ, только видоизмѣненіе имени Иберъ. Несомнѣнно, что типъ грузина глубоко проникнутъ чертами еврея и что иногда эти два типа трудно различить. Въ языкѣ грузинскомъ, особенно же въ назва-

Грузинскіо князь.

ніяхъ мѣстностей, также много еврейскихъ звуковъ. По сказаніямъ древнихъ историковъ, въ прежніе вѣка грузинское и армянское Закавказье было еще сильнѣе заселено евреями.

И теперь еврейскія общины встрѣчаются въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ дикая Сванетія, Дагестанъ и проч. Имеретія особенно обильна евреями. Разрушеніе Иерусалима Титомъ тутъ однако ни при чемъ, потому что евреи уже жили въ Закавказьѣ за много вѣка до Рождества Христова, даже до паденія Вавилонскаго и Кирова освобожденія.

* * *

Мы весело проѣхали довольно длинную дорогу, бесѣдуя о разныхъ интересныхъ предметахъ съ моимъ молодымъ спутникомъ, который выказался проводить меня изъ своего дома не только въ Хони, но и дальше въ Мингрелию. Домъ княгини Л. Ц., одной изъ значительныхъ и богатыхъ владѣлицъ мѣстности, уже не имѣетъ въ себѣ ничего народнаго и характернаго, а устроень по общему типу европейскихъ домовъ. Только широкія вязкія тахты, устланныя коврами, обложенныя двѣтными мутаками, да красивыя рѣзные камни изъ мрамора и слюды, въ персидскомъ вкусѣ, напоминаютъ, что вы въ Грузіи, а не въ Россіи. Княгиня—еще молодая женщина, съ глазами настоящей грузинки, любезная и гостепріимная. Вообще, глаза грузинскихъ женщинъ—это что-то до-нельзя прекрасное, не поддающееся никакому описанію. Кто не видалъ глазъ молодыхъ грузинокъ, тотъ не знаетъ, что значитъ человѣческой глазъ, до какой обворожительности можетъ доходить его красота.

Мнѣ не особенно по-душѣ типъ грузинской и вообще восточной красоты. Въ немъ слишкомъ мало того теплаго, дружественнаго настроенія, даже жизненнаго сродства съ вашими собственными вкусами и потребностями, той чуткой отзывчивости на все, что вамъ дорого въ мірѣ, которая такъ привлекательна въ образѣ европейской женщины. Красота грузинки имѣетъ въ себѣ что-то статуарное, словно неспособное ни на какое мирное и плодотворное примѣненіе къ ежедневнымъ условіямъ жизни, ни на какую продолжительность и постоянство. Она представляется скорѣе какимъ-то страдательнымъ предметомъ восторга и наслажденія.

Но, тѣмъ не менѣе, самый симпатичный глазъ европейской красавицы покажется блѣднымъ, тусклымъ и холоднымъ передъ глазами хорошенковой грузинки.

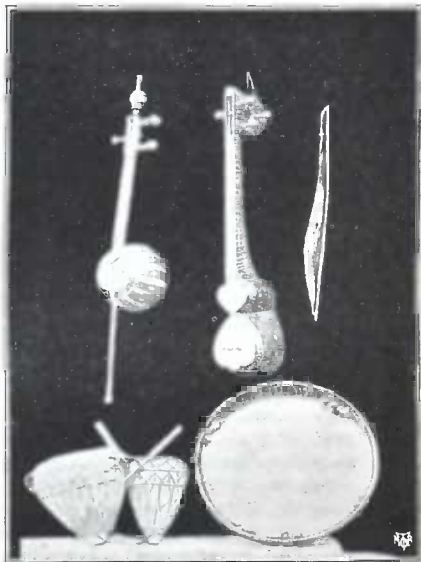
Чудный разрѣзъ этихъ огромныхъ, широко раскрытыхъ глазъ, густая, глубокая, какъ бархатъ мягкая чернота ихъ диска, почти не оставляющаго мѣста синему бѣлку, длинные, черныя рѣсницы, отъ-няющія его сверху и снизу изящными отгибами своихъ густыхъ и тонкихъ стрѣлъ, и, наконецъ, въ тѣни этихъ рѣсницъ—волшебный

ску и заставлялъ всѣхъ заняться въ осушиваніи кубка. Только мнѣ одному, какъ новичку и чужестранцу, онъ оказывалъ снисхожденіе не въ примѣръ прочимъ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ моей русской способности осушать грузинскіе кувшины. Такимъ же неумолимымъ заповалою и всеельчакомъ оказался этотъ болѣзненный на видъ тулумбашки. Когда дѣло дошло до лезгинки, онъ досталъ откуда-то бубень и сталъ ловко отчесывать на немъ костяшками своихъ худыхъ, но проворныхъ пальцевъ.

Многіе пробовали пройтись въ лезгинкѣ, но она какъ-то не удавалась, пока наконецъ не выступила красивая и рослая княгиня. Съ ней въ парѣ сталъ князь С..., хорошенькій юноша въ ярководномъ шелковомъ бешметѣ съ откидными рукавами, кудрявый, бѣлокурый и румяный какъ ребенокъ. Княгиня была безъ «тавсакави» на головѣ, а по-мингрельски, съ однимъ легкимъ покрываломъ, въ распашномъ національномъ платьѣ, перехваченномъ поясомъ поверхъ бѣлой шелковой рубашки.

Я действительно увидалъ, наконецъ, лезгинку во всей ея своеобразной граціи. Лезгинку можно танцовать только въ характерныхъ нарядахъ Грузіи или Дагестана. Эти яркіе, взвивающіеся рукава, пестрота красокъ, гибкія талии, перетянутыя сверкающими поясами, лоскъ шелка и блескъ серебра, все это составляетъ необходимое условіе прелестнаго танца Азии.

Женщина идетъ какою-то плавною и ласковою поступью, манящею куда-то, чарующею и развѣживающею духъ. Это самъ соблазнъ женской любви, дружелюбно дразнящей, граціозно шаловливой, словно вызывающей на состязаніе всю силу, удачу и ловкость мужчинъ, су-

Кавказскіе музыкальные инструменты.

лящей ему себя только въ награду побѣды. А мужчина—это сама страсть, это все восторгъ первыхъ любовныхъ порывовъ. Съ смѣлою, самоуверенною граціей, молодецки подбоченясь, лихо и ловко притопывая мягкими сапожками, облетаетъ красавецъ-юноша кругомъ своей подруги, словно ему хочется со всѣхъ сторонъ упиться ея созерцаніемъ. Все быстрѣе и тѣснѣе дѣлаются его круги, все чаще и мельче отбиваютъ молодецкую дробь быстро несущіяся ноги. Онъ раздвигаетъ свои руки, подхвативъ кончики живописныхъ рукавовъ, какъ распускаетъ могучія крылья молодой орель, устремившійся за испуганною птицей, намѣченную имъ въ жертву. Онъ словно хочетъ захватить теперь этими распростертыми крыльями въ объятія свои танцующую передъ нимъ красавицу и учащаетъ вокругъ нея свои страстные круги, словно зорко высматривая, откуда ловчѣе налетѣть ему на нее.

Вотъ онъ выпустилъ на воздухъ концы яркихъ рукавовъ, которые взвѣваюто, какъ цвѣтныя перья красивой птицы, и изъ одной руки въ другую начинаетъ перелетать сверкающій кинжалъ.

Кажется, всѣми соблазнами мужественной красоты и мужской удалы хочетъ увлечь свою орлицу этотъ възыгравшій страстью орленокъ. И она, кажется, дѣйствительно охвачена, наконецъ, его увлеченіемъ. Въ какомъ-то стыдливомъ упоеніи, потупляясь и замирая, приближается она къ нему, маня его граціознымъ движеніемъ руки. Онъ несется навстрѣчу къ ней, полный смѣлаго вызова, полный торжества. И вдругъ опять мгновеніе страха и нерѣзительности. Словно электрическая искра оттадживаетъ въ стороны танцующихъ, и опять начинается, съ новыми усложненіями, та-же страстная игра соблазняющей и неподдающейся орлицы съ удалыми приступами неутомимо преслѣдующаго ее, жадно настаивающаго на нее орленка.

Молоденькія дѣвушки, не познавшія сладкихъ чаръ жизни, даже самыя красивыя и ловкія, не умѣютъ танцовать лезгинку,—въ этомъ убѣдился я своими глазами. Только женщина, пока молодо сердце ея, въ состояніи придать этому танцу тотъ скрытый въ немъ поэтической и жизненный смыслъ, который вызвалъ его на Божій свѣтъ и сдѣлалъ его однимъ изъ очаровательнѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ танцевъ міра.

VIII.

Ночеванье по князьямъ.

Я былъ очень доволенъ, что перенакомился со многими изъ кулашскихъ князей. У нѣкоторыхъ довелось таки и побывать. Тутъ однако не все представители средневѣковыхъ нравовъ и феодальнаго культа. Уже встрѣчаются люди, хорошо образованные, вполне русскіе, гораздо болѣе привыкшіе къ Петербургу и обычнымъ пріемамъ цивилизаціи, чѣмъ къ національнымъ и мѣстнымъ особенностямъ Кулашей. Мы проѣхали верхами цѣлою кавалькадою къ одному изъ такихъ представителей, князю Д..., усадьба котораго уже вполне напомнила мнѣ обычное устройство нашихъ порядочныхъ помѣщичьихъ имѣній. Князь Д... много путешествовалъ по Европѣ, учился въ Петербургѣ и въ образѣ жизни своей почти не сохранилъ ничего грузинскаго. Когда мы возвращались отъ него, напившись чаю, черезъ Кулаши, была уже ночь. Въ мирныхъ дворянскихъ усадьбахъ мирно зажигались огоньки; а подъ громаднымъ многовѣковымъ орѣхомъ передъ старокулашскою церковью, по правдовскому обычаю, собралось на свой сельскій форумъ многочисленное кулашское рыцарство.

Старики, съ воинственными сѣдыми усами, худые и толстопузые, съ длинными трубками въ зубахъ, съ длинными кинжалами за поясомъ, важно возсѣдали на земляномъ холмикѣ, приподнятомъ крѣпкими корнями орѣха, и вели между собою какую-то неспѣшную бесѣду.

Это единственный общественный клубъ патриархальнаго кулаш-

Грузинскій князь съ женою.

скаго помѣщичества, гдѣ можно потолкаться среди своихъ, услышать всѣ скудныя мѣстные новости, покаякать съ пріятелями и кумовьями о томъ и о другомъ.

Официальныя собранія кулашскаго дворянства тоже происходятъ подъ этою Мамарійскою дубравою, какъ и вообще всякія народныя собранія кавказскихъ жителей. Весь родъ Микеладзе стѣною стоитъ

другъ за друга и въ дѣлахъ выборовъ дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ.

Страшная масса людей и шаровъ появляется въ Кутанскъ изъ Кулашей, когда наступаютъ дни дворянскихъ выборовъ. Являются даже такіе, которые не имѣютъ во владѣніи и 500 кцевовъ и потому не могутъ участвовать въ выборахъ. Ихъ присутствіе тѣмъ не менѣе бываетъ внушительно для другихъ; и рѣдко какая партія можетъ одолѣть когда-нибудь эту тѣсно сплоченную родовую дружину Микеладзе, которая даже и становится обыкновенно цѣлымъ своимъ станомъ.

Молодой князь, хозяинъ мой, былъ встрѣченъ очень дружелюбно кружкомъ своихъ родичей, бесѣдовавшихъ подъ дубомъ. Онъ представилъ меня каждому изъ собесѣдниковъ, и мы слѣзли съ коней по-

сидѣть почасу на этой, кстати попавшейся намъ, дворянской «громадѣ».

Всѣ Микеладзе теперь толковали и шумѣли, какъ обиженныя пчелы въ ульѣ, по поводу строгаго осужденія тифинскимъ окружнымъ судомъ одного изъ князей Микеладзе, извѣстнаго разбойника Георгія Микеладзе, когда-то офицера русской гвардіи, человѣка съ образованіемъ и очень способнаго, который давно уже прокутилъ свое послѣднее достояніе и теперь сталъ промышлять самыми дерзкими разбоями.

Г р у з и н ѣ н ѣ

прихлопывала руками въ тактъ таицюющимъ. Книгиня Л. сдѣлала только нѣсколько изящныхъ и ловкихъ круговъ, чтобы открыть танцы; за нею пошли уже всѣ. Даже маленькія дѣти ловко отплясываютъ лезгинку. Мнѣ очень понравилось отсутствіе жеманства и пустой конфузливости въ грузинскихъ дѣтяхъ, ихъ удивительное послушаніе старшимъ. По одному слову, даже кивку старшаго брата, младшіе братья и сестры, не раздумывая и не возражая, бросаются въ танцы и дообще исполняютъ, что скажутъ старшіе; они же болѣею частію и прислуживаютъ старшимъ съ совершенною простою и непринужденностію. Но въ грузинской семьѣ поражаетъ еще одно отрадное явленіе. Вы не видите въ ней никакой раздвоенности, никакой поколѣнной розни. Что любить, во что вѣрять старики, то любить, во то вѣрять и ихъ дѣти и внуки. Скептицизмъ, разочарованіе, одновременныя думы и заботы еще не проникли въ эту средневѣковую семью. Все общество еще

Грузинка-красавица

живетъ однимъ и тѣми же привычками и убѣжденіями, которыя пока приходится по плечу всѣмъ; внутренній міръ его не расшатанъ, не сбитъ съ своихъ крюковъ; если и есть въ немъ два поколѣнія, то все-таки нѣтъ двухъ разныхъ, двухъ враждебныхъ другъ другу, другъ друга отрицающихъ міровъ, какъ въ нашемъ современномъ обществѣ.

Конечно, такое единодушіе вызывается болѣе всего неподвижностію мысли и жизни; съ этой точки зрѣнія мы вовсе не восхваляемъ его. Но, тѣмъ не менѣе, мое непосредственное чувство, утомленное безысходными волненіями и рознью нашего собственнаго внутренняго міра, съ какимъ-то дѣтскимъ довольствомъ отдыхало въ этой атмосферѣ общественнаго простодушія.

Старики поютъ, пляшутъ, хохочутъ, съ одушевленіемъ участвуютъ во всѣхъ потѣхахъ молодежи, отъ которой отличаются только сѣдыми усами да тучнымъ тѣломъ. Молодежь смотритъ на нихъ съ дружелюбнымъ чувствомъ родства, какъ на себя самихъ, учится отъ нихъ, подра-

жасть имъ. Веселье бьетъ здѣсь ключомъ, и простота здѣшной жизни сравнительно съ изысканностью и искусственностью нашего собственнаго быта, только усиливаетъ способность здѣшняго челоѣка безхитро и безразумно наслаждаться скромными радостями настоящаго.

Книжная отравка еще не разлита въ этихъ здоровыхъ мозгахъ; эти первобытные организмы еще питаются, не жемудрствуя, плодами древа жизни, не вкушая соблазнительныхъ плодовъ познанія добра и зла.

Материальная обстановка грузинскаго дворянства несравненно бѣднѣе и скромнѣе нашей. Она напоминаетъ гораздо болѣе быть нашихъ старыхъ деревенскихъ помѣщиковъ-время Вагрова-дѣда, чѣмъ нашу теперешнюю, до крайности усложнившуюся и удорожившуюся жизнь.

Дешевое обиліе простыхъ домашнихъ вещей и отсутствіе почти всего покупнаго, множество прислуги и домочадцевъ, почти не имѣющихъ занятій, но за то и вознаграждаемыхъ очень скудно, — вотъ общій характеръ здѣшняго помѣщичьяго быта; подумаешь, что въ немъ воскресъ нашъ до-реформенный деревенскій бытъ.

Столы гнутся отъ жареныхъ и вареныхъ мясъ, отъ куръ, индѣекъ, поросятъ, барановъ, отъ домашнихъ огурцовъ, домашняго сыра, домашняго вина; но выписного ничего, даже у самыхъ богатыхъ. Лошади растянуты по всему столу, у каждаго прибора, одинаково — у простаго мужика и у знатнаго князя; одинаково ѣется изъ глинянаго кувшина самодѣльное вино. Если и подается нѣчто въ родѣ суповъ и соусовъ, «чи хиртма», «сацви», то опять-таки изъ своего домашняго мяса, опять-таки всѣмъ доступное, что можно встрѣтить въ каждомъ маленькомъ духанѣ, не только въ разукрашенныхъ княжескихъ столовыхъ. Общность вкусовъ, привычекъ и всего вообще быта у дворянства и крестьянства Грузіи поражала меня не разъ. Здѣшнія празднества, здѣшнія наряды, всѣ вообще здѣшнія нравы, дѣйствительно, безъ преувеличенія, можно назвать народными; къ сожалѣнію, этого рѣшительно нельзя сказать про наши русскіе нравы, гдѣ образованное сословіе во всѣхъ сторонахъ жизни, внутренней и внѣшней, въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ костюмахъ, даже въ рѣчи своей представляеть словно отдѣльный отъ крестьянства народъ, часто чуждый и непонятный ему. Помѣщичество Грузіи до сихъ поръ проводитъ свою жизнь очень охотно съ тѣмъ, какъ проводили ее наши дѣды крѣпостнаго времени. Пирушки, кутежи, охота, переѣзды дѣлимъ обществомъ другъ къ другу — составляютъ ихъ главное занятіе, при которомъ не приходится уделять много времени и заботъ своему хозяйству. Оттого-то большинство небогатыхъ помѣщиковъ дошло теперь до жалкаго положенія.

Тѣ, которые побогаче, хотя сами мало занимаются хозяйствомъ, ведутъ его однако лучше; они обыкновенно ищутъ управителей и дворецкихъ изъ бывшихъ княжескихъ дворянъ, особаго промежуточнаго состоянія между крестьянами и князьями. Эти «княжескіе дворяне» представляютъ собою очень своеобразный остатокъ феодальныхъ отношеній Грузіи. Съ одной стороны, они сами имѣли крестьянъ и землю; съ другой стороны, они были обязаны разнаго рода службою своимъ князьямъ и считались имъ подвластными. Отношенія эти, впрочемъ, имѣли полусемейный характеръ и, вѣроятно, возникли на почвѣ старыхъ родовыхъ связей. Князья не имѣли права заставить своихъ дворянъ работать, потому что это сочлось бы за кровную обиду дворянину, за тяжкое нарушеніе его правъ. Но за то дворяне обязаны были услуживать князьямъ дома, завѣдывать ихъ имѣніемъ и дѣлами, сопровождать ихъ и семейства ихъ въ поѣздкахъ или на войну, охотиться съ ними. Чѣмъ многочисленнѣе собиралась вокругъ князя свита этихъ дворянъ, чѣмъ богаче были ихъ одежда, кони и оружіе, тѣмъ больше славы и почета было князю.

Красавицы-грузинки.

Съ другой стороны, подъ крыло вліятельнаго и богатаго князя выгодило было пріютиться дворянину; можно было легче нажитись на счетъ другихъ, получать щедрѣе подарки отъ самого князя; въ нуждѣ, въ опасности, онъ былъ надежная защита своему вассалу. Оттого-то имущество княжескаго дворянина не считалось его полною собственностью, а право на него имѣлъ еще и князь, способствовавшій прямо или косвенно пріобрѣтенію этого имущества. Когда въ 1867 году, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, княжескіе дворяне были освобождены отъ своей вассальной зависимости отъ князей, то

третья часть ихъ земель была передана князьямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не состоялось добровольнаго соглашенія; даже изъ купленныхъ земель и земель, полученныхъ въ приданое, княжескій дворянинъ долженъ былъ уступать часть своему патрону-князю.

Это сословіе княжескихъ дворянъ, напоминающее собою отчасти

Царница Тамара.

польскую шляхту и древнюю геллету германскихъ вождей, отчасти кліентовъ Рима, — до сихъ поръ остается въ тѣсныхъ бытовыхъ отношеніяхъ къ своимъ стариннымъ господамъ. Я видѣлъ ихъ въ домѣ княгини Л. и въ домѣ князя С., въ ихъ воинственныхъ нарядахъ, съ торжественною и безмолвною важною исполняющихъ обязанности дворецкихъ и кравчихъ своего рода.

Они не сажались за столъ, а дѣятельно обходили его, наблюдая за прислугою, подшивая вино, приказывая подносить кушанье то тому, то другому, исполняя съ достоинствомъ всѣ отдаваемые имъ приказанія.

Вечеръ у князя С. закончился длиннымъ ужи-

номъ въ большой, характерно расписанной столовой, съ персидскими каминными и рѣзьбою. Тотъ-же строгій этикетъ въ разсаживаніи гостей и порядкѣ тостовъ; всадъ первое мѣсто женщинъ, старшинству дѣтъ, рѣдкому гостю.

Важная и молчаливая старушка, глава семьи, въ своей черной кружевной косынкѣ, повязанной подъ подбородокъ, председательствовала за столомъ, получая первыя блюда и первыя тосты. Вино лилось рѣдкою; тулумбашаи неумоимо провозглашала тосты и смѣшила пуб-

блескъ и сверкающая свѣжесть глазныхъ влагъ, переливающихся своєю упругою и прозрачною выпуклостію, будто поверхность какого-то таинственнаго чернаго озера,—все это производитъ на непривычнаго наблюдателя обаятельное впечатлѣніе. Кажется, будто что-то сплошь черное

и выстъ огненное, что-то до краевъ полное влаги и свѣта — глядѣть на васъ и пронизывать васъ своими жгучими лучами.

У княгини Ц. было нѣсколько человекъ гостей, между прочимъ одинъ подлинный русскій, мѣстный мировой судья, весьма общительный человекъ, отъ котораго я узналъ много интереснаго про обычаи и условия этого края; остальные были чистокровные грузины, въ томъ числѣ мѣстный судебный слѣдователь Э., въ которомъ однако университетское воспитаніе уже успѣло уничтожить почти всякій внѣшній слѣдъ грузина. Въ оживленномъ разговорѣ и невозможныхъ разказахъ прошелъ довольно длинный обѣдъ, также очень мало напоминавшій Грузію, а къ вечеру все наше общество согласилось переночевать верстъ за семь, въ домѣ родственника княгини, князя С. Ц., который тоже былъ въ числѣ гостей и звалъ къ себѣ всѣхъ насъ.

Цудукидзе, какъ Микеладзе и другія княжескія фамиліи Имере-

Княгиня Орбелиани въ древне-грузинской одеждѣ.

тия, тоже живутъ почти сплошными гнѣздами, составляя изъ себя своего рода дворянскіе кланы.

По дорогѣ мы ознакомились съ замѣчательными древностями Хони. Церковь ея считается одною изъ старѣйшихъ за Кавказомъ, старше Гелатской, и представляетъ много оригинальнаго. Между прочимъ, въ

Кутаескій еврей.

ней видѣлъ я икону св. Георгія, изображеннаго пѣшимъ, безъ коня, глубочайшей древности. Не только кипарисовая доска ея истѣбла въ трутъ и крошится отъ прикосновенія пальцевъ, такъ что нижній край ея кажется обглоданнымъ, но даже самое золото сплошного оклада ломается и сыпится, какъ гнилушка. Икона эта въ 1 аршинъ высоты и пользуется громаднымъ почитаніемъ. До какой степни стара церковь, можно убѣдиться изъ того, что на стѣнахъ ея ограда, прямо, на голыхъ камняхъ, успѣли вырасти огромныя деревья смоковницы и гранатника. Вообще сила здѣшней растительности кажется сверхъестественною, непохожею ни на что, къ чему мы привыкли. На большой площади Хони, передъ церковью, стоятъ, напримѣръ, три титаническія дерева, липа и чинары, можетъ быть тысячнаго возраста. Обхватить ихъ могутъ развѣ пять, шесть человѣкъ,

вѣтви ихъ толщиною своею превосходятъ самыя могучіе дубы нашихъ лѣсовъ, а вдобавокъ ко всему — на нихъ, какимъ-то чудомъ, выросли огромныя деревья другой породы, тоже считающія себя не одно столѣтіе. На одномъ я могъ рассмотреть цѣлое тутовое дерево, толстую чинару и густо переплетенный, бесконечно развѣтвлившейся плоть, стволъ котораго въ Имеретин и Мингрели не уступаетъ толщиною никакому дереву. На другомъ видна была смоковница, обильно усѣянная зелеными плодами, и кромѣ того — большой дикій камень въ нѣсколько

пудовъ вѣсу, плотно вросшіи въ стволъ. Деревья эти — историческая знаменитость; смотрѣть ихъ нарочно прїѣзжаютъ въ Хони.

* * *

Въ домъ князя С. Ц. мы прїѣхали уже поздно, по закатѣ солнца. Старинный домъ этотъ совершенно своеобразной и по здѣшнему роскошной архитектуры, съ большими балконами, со множествомъ рѣзныхъ украшеній между колоннъ и съ живописнымъ фронтономъ. Громадный зеленый дворъ, покрытый деревьями, стелется по обычаю передъ нимъ, и въ его зеленой тѣни незамѣтно прячутся разныя жилыя постройки

усадьбы. Вся компанія наша безцеремонно расположилась на дворѣ, кто на ступяхъ и лавкахъ, кто на коврахъ и прямо на травѣ, вокругъ чая, плодовъ и угощеній всякаго рода; только надвинувшаяся черная ночь заставила насъ перебраться на балконъ въ гостиную.

Собственно, это не балконъ, а открытая спереди, глубокая, просторная комната, въ родѣ нашихъ залъ, служащая для танцевъ, игръ и бесѣдъ.

Живописная и оригинальная рѣзба, ярко раскрашенная въ персидскомъ вкусѣ, сплошь покрываетъ потолокъ этой залы, съ середины котораго спускается, вмѣсто лампы, такой же оригинальный цвѣтной фонарь. Деревянные крашенныя тахты идутъ кругомъ. Въ гостиной, убранной по-европейски, сейчасъ же появились «нарды» — персидскія кости съ большою раскладною доскою, и обыкновенныя наши шашки, въ которыя принялись играть дамы и кавалеры. Молодой хозяинъ принесъ также книжку на грузинскомъ языкѣ и сталъ громко читать отрывки изъ

Кавказскіе евреи.

знаменитой поэмы Руставели «Барсова кожа», которую знает чуть ли не наизусть каждый грузинъ, особенно каждая грузинка. Замѣчательно, что въ этой восточной странѣ женщины гораздо грамотнѣе и литературнѣе мужчинъ. Въ то время, какъ въ Грузіи нетрудно встрѣтить довольно богатыхъ князей, не умѣющихъ читать и писать, каждая грузинская мать обязана не только умѣть читать сама, но еще непременно научить читать свою дочь. Молодые грузины посылаются въ гимназій и школы гораздо болѣе по настоянію матерей, чѣмъ по желанію отцовъ.

Можетъ быть, въ этомъ сказывается до сихъ поръ примѣръ великой царицы Тамары, при которой Руставели сочинилъ свою поэму

Гореній еврей.

и которая отличалась особенною любовью къ образованію. Я видѣлъ у княгини Ц. портретъ царицы въ ея юности и готовъ согласиться, что она была самымъ счастливымъ олицетвореніемъ грузинскаго духа. По крайней мѣрѣ, все, что есть характернаго и прекраснаго въ физическомъ типѣ грузинки, воплощено съ полнымъ совершенствомъ въ прелестномъ образѣ этой царицы-красавицы.

* * *

На балконѣ, куда прямо дышала темно-синяя звѣздная ночь, ударилъ веселый бубенъ и раздалися складныя хлопанья рукъ, которыми всѣ присутствующіе сопровождаютъ обыкновенно, будто акомпанементомъ музыки, плавныя движенія лезгинки. Мы всѣ высыпали на балконъ.

Старикъ расхохотался, и одинъ изъ дядей молодого хозяина, схвативъ «даиры» — большой бубенъ, бойко выбивалъ на немъ лезгинку, въ то время какъ стоявшая кругомъ публика съ увлеченіемъ

ЦАРИЦА ТАМАРА.

Копія съ гравюры.

лику своимъ остроуміемъ и забавными выходками; національныя пѣсни хоромъ подхватывались послѣ каждаго осушеннаго стакана мужчинами, женщинами, дѣтьми, сопровождаемыя ударами бубна, которымъ усердно работала молодой хозяйнѣ. Даже старинныя тяжеловѣсныя «азарпешты» на длинныхъ ручкахъ изъ фигурнаго серебра, которыми прежде черпало и пило вино прямо изъ кувшина грузинское рыцарство, появились на столѣ и стали переходить отъ одного къ другому, хотя ясно было видно, что эта почтенная дѣдовская чара уже далеко не по плечу новѣйшимъ грузинскимъ желудкамъ.

* * *

Только къ разсвѣту добрались мы до своихъ постелей, совсѣмъ забывъ, что раненько придется отправиться въ путь.

IX.

Монастырь Большого Дуба.

ПРЕКРАСНО раннее утро въ этой странѣ обилія и красоты. Мы выѣхали верхами на лошадей, нанятыхъ въ Хони, съ провожатымъ-имеретиномъ; всѣ милые хозяева напѣи, всѣ вчерашніе спутники и собесѣдники высыпали на балконъ, ярко освѣщенный утреннимъ солнцемъ, проводить насъ дружескими пожеланіями.

Царственные снѣговыя вершины Кавказа сіяли во всемъ своемъ величїи въ молодой синевѣ утра, еще рѣзче выдѣляя туманами своей дали темнозеленыя курчавыя холмы, заслонившіе ихъ отъ насъ. Справа Сванетскій хребетъ, обрывистая Квамла, сѣва Аджарскія и Лечгумскія горы. Мы ѣдемъ живописной долиной, до края переполненной зеленью, плодородіемъ, многолюдствомъ, словно какая-то волшебная кошница...

Сады и дворы тянутся на цѣлыя версты; кажется, что мы никакъ не выѣдемъ изъ одной безконечной деревни...

* * *

Имеретія отдѣляется отъ Мингрелїи историческою рѣкою Цхени-Цхали, Гиппусомъ древнихъ. Цхени-Цхали по-мингрельски, Гиппусъ по-гречески — значить одно и то-же: «Конская рѣка», «Конка». «Конка» — это дѣйствительно дорогой рубежъ. Онъ безъ всякихъ

карауловъ и крѣпостей охраняетъ предѣлы страны. Тудземцы прозываютъ эту рѣку «Вышнюю», и достаточно переправиться черезъ нее одинъ разъ, чтобы отъ всей души оправдать это прозвище.

Намъ пришлось перѣхатъ по крайней мѣрѣ пять рукавовъ этой капризно разливающейся, беспорядочной и разрушительной рѣки, прежде чѣмъ мы добрались до пресловутаго парома... Не только нашему брату москалю изъ мирныхъ Цигровскихъ полей, — самымъ завязатымъ кавказскимъ джигитамъ жутко бываетъ переправляться черезъ ея безумно крутящіяся, безумно несущіяся бурии воды... Лошадь уходитъ выше брюха и ступаетъ съ нерѣшимостью и страхомъ между огромныхъ камней, беспорядочно нагроможденныхъ на днѣ рѣки, то и дѣло срываясь копытами, неожиданно натыкаясь и проваливаясь. Она употребляетъ неестественныя усилія, чтобы одолѣть упорно подмывающую ее, неистово опрокидывающую ее стремнину рѣки. Должно быть, и ея голова кружится такъ же какъ моя, очутившись въ этомъ дьявольскомъ водоворотѣ, посреди одуряющаго клокотанья, плеска, пѣны и гула водъ, мелькающихъ въ глазахъ съ быстротою стрѣлы...

— Не смотри на воду, смотри наверхъ!.. — кричитъ мнѣ встревоженнымъ голосомъ проводникъ-имеретинъ, по опыту знающій, чѣмъ иногда кончаются переправы. Я самъ снялъ, что смотрѣть на воду нельзя, что въ одно мгновеніе полетишь головою внизъ... Никакая качка корабля не овладѣваетъ такъ быстро головою нервного человѣка, какъ это безостановочное круженье водяной пучины. Только теперь я вдругъ замѣтилъ, что всѣ наши лошади шли почти лежа, инстинктивно наклонившись противъ теченія подъ очень острымъ угломъ... Всадники почти всѣмъ тѣломъ висѣли въ воздухѣ надъ водоворотомъ рѣки...

Эта картина была не особенно ободрительна, и, исполняя совѣтъ проводника, — я постыдился водѣть свои очи горѣ, къ мирной синевѣ неподвижнаго безоблачнаго неба...

Конь мой вдругъ оступился всѣмъ передомъ и чуть не слетѣлъ съ ногъ. — «Бей плетью больнѣе, бей плетью!» командовалъ мнѣ имеретинъ, прокладывавшій путь впереди всѣхъ насъ...

Нѣсколько хорошихъ ударовъ нагайки дѣйствительно ободрили моего конька и придали стойкость его ногамъ...

По колѣна мокрые, забрызганные водою, мы, наконецъ, добрались до маленькаго парома, на которомъ перѣѣзжаютъ слишкомъ глубокое главное русло. Намъ навстрѣчу подвѣхала съ той стороны рѣки живописная кавалькада мингрельскихъ женщинъ въ богатыхъ цвѣтныхъ нарядахъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ; всѣ онѣ были верхами, а

Мингрельская деревня близ Сухума.

икоторыя подъ зонтиками. Одна изъ женщинъ сидѣла на сѣдлѣ по-мужски ловко и увѣренно, какъ любой джигитъ. Въ былое время грузинскія женщины не знали другой ѣзды, и женскія сѣдла завелись только въ недавніе годы. Это была семья какой-то княгини, отправлявшаяся въ гости къ сосѣдямъ.

* * *

Мартвили было видно намъ еще отъ Хони, а за Цхени-Цхапи его бѣлыя церкви и башни совершенно отчетливо вырѣзались на темномъ фонѣ лѣсныхъ горъ. Конусообразная гора, на макушкѣ которой пріотисли знаменитый монастырь, торчитъ высоко отъ окружающихъ ее лѣсовъ. Всакарабкаться на эту гору очень трудно даже кавказскимъ лошадямъ, да и то приходится остановиться, не доѣзжая самой вершины, и идти въ монастырь пѣшкомъ.

Мартвили съ глубочайшей древности служилъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ «джкондидели», главныхъ митрополитовъ Мингрелии, имѣвшихъ власть, почти равную царской, короновавшихъ мингрельскихъ царей, считавшихся верховными покровителями вдовъ и сиротъ цѣлаго

царства и нерѣдко волншихъ на войну мингрельскихъ воиновъ, съ крестомъ и пастырскимъ посохомъ въ рукахъ.

Теперь эта замѣчательная историческая святыня Мингрелии совершенно заброшена и приходитъ почти въ разрушеніе. Мы долго бродили по пустынному ея двору, пока нашли какую-нибудь живую душу. Епископъ Виссаріонъ, викарій Мингрелии, живетъ въ Мартвили, въ скромномъ, построенномъ имъ домикѣ, въ обстановкѣ совершенно иноческой простоты и скудости. Онъ принялъ насъ очень любезно въ своей прохладной и чистенькой келии и сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Мартвили.

Древнѣе этой святыни нѣтъ ни одной въ дѣломъ Закавказья. По словамъ епископа, она основана яѣтъ 40 послѣ Рождества Христова апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. На этой горѣ онъ нашелъ громадныя священныя дубы, которымъ язычники-жители поклонялись и приносили жертвы. Апостолъ срубилъ дубы и на мѣстѣ ихъ воздвигъ церковь.

Епископы, жившіе при этой церкви, стали называться «дчкон-дидели» отъ мингрельскаго слова «дчконъ»—дубъ, то-есть «епископы изъ страны большихъ дубовъ»; Мартвили до сихъ поръ называется у мингрельцевъ «Дчконъ-диди»—«Большой дубъ». Въ царствованіе Дадьяновъ епископомъ Мартвили былъ всегда одинъ изъ братьевъ царя. Епископъ Виссаріонъ—тоже Дадьянъ и близкій родственникъ бывшимъ владѣтелямъ Мингрелии. Мартвили служилъ и усыпальницею династии Дадьяновъ.

Прежде въ Мингрелии было три митрополіи: одна въ Цаиши и Зугдидъ, другая въ Лечгумъ и третья, главная—въ Мартвили. Но при Александрѣ Благословенномъ св. синодъ закрылъ двѣ митрополіи, а въ Мартвили оставилъ одного епископа. Въ недавнее время графъ Левашовъ выхлопоталъ упраздненіе и послѣдней мингрельской епархіи, такъ что въ 1873 г. вся Мингрелия приписана къ Имеретіи; хотя Виссаріонъ и былъ назначенъ въ 1875 г. епископомъ Мартвили, но только въ качествѣ викарія преосвященнаго Гавріила имеретинскаго и мингрельскаго.

По мнѣнію Виссаріона, это крайне неудобно для религиозныхъ интересовъ Мингрелии. Мингрелия гораздо болѣе и значительнѣе Имеретіи, имеретинцы не понимаютъ ея языка, и какъ ни дѣятеленъ былъ преосвященный Гавріиль, онъ не въ состояніи былъ часто посѣщать Мингрелию и управлять ея церквами. Между тѣмъ, съ Мингрелии получаютъ большіе церковныя доходы, на счетъ которыхъ могъ бы легко содержаться особый епископъ. Въ Мартвили прежде было духовное

Церковь въ Миртолѣи.

училище, но оно сгорѣло нѣсколько лѣтъ тому назадъ и теперь переведено по сосѣдству въ Навагалевѣ, а Мартвили обречено на полное запустѣніе; даже не дали средствъ на перестройку разрушающихся зданій, на которыя уже были представлены планы и смѣты. Теперь епископъ долженъ былъ построить себѣ помѣщеніе на собственный счетъ изъ получаемыхъ имъ 1,500 р. жалованья, а архидіаконы, пѣвчіе и причтъ живутъ въ развалинахъ, ежедневно грозящихъ разрушеніемъ. Епископъ былъ такъ обязателенъ, что вызвался быть нашимъ чичероне по монастырю, и мы дѣйствительно убѣдились, въ какомъ невозможномъ состояніи запущенности и разрушенія находится старыи домъ причта, съ его оригинальными рѣшетками, рѣшетчатыми окнами, галлерейми и балконами.

Главный храмъ Мартвили по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ числу древнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ созданій грузинской архитектуры, наравнѣ съ соборомъ Ваграта, Гелати и другими. Если вѣрить историкъ Вахушту, онъ основанъ въ X вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, а Дюбуа-де-Монпере увѣряетъ, что онъ построенъ изъ матеріаловъ стараго языческаго капища. Скульптурныя украшенія его цельныхъ и круглыхъ оконъ, его входовъ и выступовъ — необыкновенно древняго типа. Внутри тѣ-же величественные стройные своды, расписанные отъ купола до пода изображеніями святыхъ угодниковъ, та-же замшившіяся пестрота красокъ, та-же первобытная наивность и

выразительность рисунка, какъ и въ центральномъ храмѣ Гелатп. Подъ отсырѣвшимъ, полусъездымъ слоемъ старыхъ фресокъ, которыхъ цвѣты и фигуры слились отъ времени въ какой-то неясный узоръ, виденъ гляцизовитый слой другихъ, еще болѣе старыхъ фресокъ. Драгоценныя иконы въ сплошныхъ золоченыхъ окладахъ, безъ слѣда живописи, глубокой древности; серебряныя, затѣйливо выкованные ларцы съ мощами, кресты восточной роскошью и восточной пестроты, затканные бирюзой, жемчугомъ, всякими разноцвѣтными камнями и эмалью, необыкновенныхъ формъ, необыкновенно тонкой работы, во множествѣ хранятся еще въ Мартвили... Но замѣчательнѣе всего древнее писанное евангеліе, въ драгоценномъ кованомъ ларцѣ. Во всѣхъ старинныхъ храмахъ Грузіи книгопечатаніе еще не признается на полныхъ правахъ гражданства и обязательно употребляются древнія рукописныя евангелія. Въ алтарѣ престолъ изъ греческаго бѣлаго мрамора, единственный въ Грузіи, и сидѣнье епископа; жертвенникъ отдѣльно отъ алтаря въ особомъ придѣльничкѣ, какъ во всѣхъ древнихъ грузинскихъ храмахъ. Бѣло-мраморная плита прикрываетъ мѣсто, гдѣ похороненъ послѣдній царь мингрельскій — Давидъ Левановъ Дадьянъ. Много тутъ и другихъ мраморныхъ плитъ Дадьяновъ и Гурвелей. Но до XIX вѣка Дадьяны хоронились пресце: цѣлый сѣверный придѣлъ наполненъ ихъ простыми надгробными плитами изъ дикаго камня съ колыцами, за которыя поднимались плиты, чтобы открыть ходъ въ общій склепъ.

Епископъ показалъ намъ и древнюю башню съ кельей схимника, торчащую изъ глубины пропасти, и все удивлявшія рѣдкости своего пустыннаго скита. Въ древности въ этой башнѣ затворялись столпики. Дюбуа-де-Монпере увѣриетъ, что башня и церковь, помещающаяся въ ея верхней части, построены изъ матеріаловъ древняго языческаго капища.

* * *

Въ западномъ углу монастыря, за чертой его ограды, среди тихой зеленой поляны, охваченной кругомъ пропастью, стоитъ липа невѣроятныхъ размѣровъ, необъятной толщины и высоты. Въѣтъ ея — громадная деревья, корни — цѣлые холмы. Другая такая-же титаническая липа уже упала. Очень можетъ быть, что этогъ стѣпной великанъ — остатокъ еще тѣхъ первобытныхъ священныхъ рощъ, которыя когда-то истреблялъ Христовъ апостолъ и отъ которыхъ получили свое названіе Мартвильскіе «джондидели». Современный представитель этихъ «джондидели» удивлялъ меня своею юношескою подвижностью и своимъ воинственнымъ видомъ удалаго джигита. Огромнаго роста, цвѣту-

щей и веселый, проворно взлѣзавшій на скалы, онъ, казалось, гораздо болѣе напоминалъ собою этихъ старинныхъ «дчкѣндидели», что водили въ кровавую сѣчу дружины мингрельскихъ храбрцевъ, ободряя ихъ столько-же своимъ пастырскимъ благословеніемъ, сколько силою своихъ могучихъ мышцъ, чѣмъ нашихъ современныхъ архіереевъ-книжниковъ съ ихъ академическимъ этикетомъ и академическою безжизненностью.

Епископъ Виссаріонъ далеко не безвыходно живетъ въ своемъ горномъ скитѣ. Тутъ нравы духовенства вообще гораздо проще и жизненнѣе нашихъ; архіерею приходится постоянно странствовать по епархіи. То и дѣло его приглашаютъ отслужить въ той или другой церкви или провожать покойника. За одно такъ-называемое «оплакиванье» онъ получаетъ съ князей хорошія деньги. Богатые мингрельцы, рассказывали мнѣ, по двѣ недѣли не хоронягъ своихъ покойниковъ, а держать ихъ въ гробу, пока съ ними не простятся всѣ родные. Какъ только подѣлается новый родственникъ, звонятъ въ колокола, и наемные плакальщики высыпаютъ на дворъ, чтобы вмѣстѣ съ прибывшимъ громко оплакивать покойника. Епископъ все это время сидитъ въ облаченіи у гроба и провожаетъ его потомъ до могилы... Говорятъ, эти доходы епископа въ нѣсколько разъ превышаютъ его скромное жалованье.

Мингрельцы.

Мы расположились отдохнуть и пообѣдать въ Навагалеви. Тамъ и духовная семинарія съ 400 воспитанниковъ, и мировой судья, и судебный слѣдователь, стало быть—нѣчто въ родѣ городка. Духанъ попался очень чистенькій и оживленный. Намъ подали и «чахиртмы», и «садеви», и сыру, и рыбы, и вина...

Наѣлись, напились, выспались и лошадей накормили. Цѣлая толпа мингрельцевъ въ характерныхъ мѣстныхъ нарядахъ наполняла

столовую духана. Кто пилъ, кто игралъ въ карты. Въ здѣшнемъ простодушнѣмъ гораздо болѣе сознаніи своего достоинства и тароватыхъ привычекъ, чѣмъ въ нашемъ смиренномъ мужикѣ. Всѣ одѣты красиво и щеголевато, въ яркихъ цвѣтахъ, въ серебрѣ, въ оружіи. Досугъ, развлеченіе—для нихъ такъ-же необходимы, какъ ѣда и сонъ. Мингрелецъ лѣнивѣе имеретина и не охотникъ до хозяйственныхъ трудовъ, особенно-же захудалая мингрельская шляхта, которой тутъ множество. Онъ гораздо болѣе склоненъ къ торговлѣ, къ праздносуетливой жизни базаровъ и кофеенъ, и въ этихъ вкусахъ его, какъ и въ его изящной и ловкой наружности, быть можетъ, сказалась кровь древняго греческаго и итальянскаго поселенца, которая несомнѣнно присутствуетъ въ жилахъ приморскаго мингрельца. Башлыкомъ своимъ, всегда какихъ-нибудь приятныхъ цвѣтовъ, всегда тонкаго сукна, всегда съ позументами и кистями, мингрелецъ умѣетъ распорядиться съ неистощимою изобрѣтательностью и кокетливостью. Онъ то взгромоздитъ его на головѣ высокимъ грознымъ тюрбаномъ, ухарски спустивъ мимо уха серебряную кисть,—тогда тонкія и смуглыя черты его южнаго лица глядятъ настоящимъ курдскимъ башибузукомъ,—то вольно распустилъ его по плечамъ, какъ усталый пилигримъ крестовыхъ походовъ, то звяжетъ его подъ подбородкомъ въ какую-нибудь граціозную петлю. Франты они страшные! цѣлыя фунты серебра висятъ у нихъ на поясахъ и перевязяхъ, въ видѣ разныхъ привѣсковъ, собачекъ, пуговицъ, пряжекъ, кисточекъ, на груди, въ массивной оправѣ, патроновъ, кинжаловъ, оправленныхъ въ сплошное серебро, шашекъ съ серебряными рукоятками, въ перехваченныхъ серебромъ ножахъ, пистолетовъ, тоже въ серебрѣ...

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не уступаютъ имъ ни имеретины, ни грузины, ни горцы Кавказа. Старинный головной уборъ Ріонской долины, въ которомъ обыкновенно изображаютъ въ этнографическихъ сборникахъ имеретинъ и мингрельцевъ, мягкая плоская накладка на голову, привязанная тесьмою, уже встрѣчается теперь очень рѣдко и вездѣ уступила мѣсто башлыку и папахѣ, точно такъ-же какъ пресловутая старинная прическа мингрельцевъ—цѣлая копна волнистыхъ длинныхъ волосъ уступила мѣсто гораздо болѣе удобной въ жару короткой стрижкѣ и даже прямо татарскому бритью головы.

Мингрельцы словно всѣ на подборъ рослыи и статный народъ, словно на подборъ всѣ отлично одѣты, всѣ глядятъ самоувѣренно съ отгнѣкомъ воинственной отваги, хотя храбростью своею уступаютъ имеретинамъ и особенно гурійцамъ. Можно сказать смѣло, что это прекраснѣйшій народъ цѣлой Европы, достойный того, чтобы считаться ро-

доначаликомъ кавказскаго пле-
мени... Народъ этотъ не только
красивый, но и преспособный.
Имеретинъ и мингрелецъ, какъ
мнѣ передавали мѣстные наблю-
датели,—это парламентаристы по
природѣ, удивительные мастера
устроить партіи, говорить ост-
ро, бойко, съ весьма тонкими
оттѣнками мыслей, подводить
всевозможные юридическіе под-
вохи, которые сдѣлали-бы честь
и ученому адвокату.

Народъ общественныхъ
сходокъ, всегдашней жизни на
площадяхъ и базарахъ, жадный
до новостей и болтовни, отчасти
подобный тѣмъ аѳинскимъ граж-
данамъ, которые упражняли свое
естественное краснорѣчіе столь-
ко-же въ публичныхъ преніяхъ
агоры, сколько вокругъ прилавковъ рынка и на набережныхъ
Пирея.

Мингрельская дѣвушка.

Кутаисскіе адвокаты, мировые судьи Хони и Навогаевы, всѣ
увѣрили меня, что страсть къ тяжбамъ у имеретина и мингрельца до-
ходить до азарта. Онъ готовъ бросить самыя необходимыя ему дѣла,
чтобы только имѣть наслажденіе потолкаться среди судей и адвокатовъ,
изобрѣсти какую-нибудь ловкую клизу противъ сосѣда и поломать съ
нимъ на всей честной публикѣ копыя своего остроумія и своей наход-
чивости. Небогатый имеретинъ готовъ отдать послѣдніе нѣсколько
сотъ рублей адвокату, чтобы только дохватить противника и восторже-
ствовать надъ нимъ въ тяжбѣ, которыя обыкновенно тянутся у нихъ
безконечно, помногу дѣтъ сряду.

Вообще мы въ Россіи составили себѣ довольно неосновательное
мнѣніе о тупости и малоспособности грузинскихъ племенъ.

Правда, въ грузинѣ недостаетъ выдержки, терпѣнья, постоянства,
недостаетъ часто трудолюбія. Это его великій органической грѣхъ, ко-
торый объясняетъ многое въ его исторіи и отчасти въ его настоящемъ
экономическомъ положеніи. Но народы юга имѣютъ достоинства и недоста-
тки именно народы юга, а не какихъ-нибудь жителей снѣговыхъ пустынь.

Итальянца нельзя мѣрить аршиномъ норвежца, и если онъ стать народомъ-соловьемъ, народомъ-художникомъ, народомъ-поэтомъ, несправедливо было-бы закрыть на это глаза и помнить только то, что саксонецъ бесконечно обогналъ его въ дѣлѣ обученія грамотѣ и уваживанія полей.

То-же самое—грузины съ соотчичами своими, имеретинами и мингрельцами. Они не развили въ себѣ несокрушимыхъ прозаическихъ силъ наука, съ безошибочнымъ расчетомъ, съ неумолимою суровостью разставляющаго свои тенета разнымъ веселымъ легкокрылымъ созданьямъ, какъ развили въ себѣ ихъ всегда толстый, всегда румяный, всегда богатый армянинъ. Они побиты на-голову армяниномъ на полѣ промышленной и торговой жизни своей, они попались ему въ лапы и не скоро высвободятся изъ нихъ.

Но изъ этого печальнаго факта еще никто не вправѣ вывести, чтобы грузинъ былъ умственно ничтожнѣе и безаладнѣе армянина, чтобы его духъ былъ скуднѣе и ниже армянскаго духа, точно также какъ раздавленный германцемъ французъ еще не сталъ черезъ это народомъ менѣе способнымъ, чѣмъ германецъ...

Национальная борьба грузина съ армяниномъ имѣетъ тотъ-же смыслъ и тотъ-же конецъ, какъ былая сословная борьба рыцарей, часто смѣлыхъ, великодушныхъ, но въ то-же время лѣнливыхъ и беззаботныхъ, съ плутоватымъ молчаливымъ расчетомъ мѣщанскаго мѣшка, часто пошлымъ, часто униженнымъ, но всегда одинаково твердымъ, всегда побѣждавшимъ въ концѣ-концовъ...

Самая потребность лѣни и развлечения, ради которыхъ южный житель вообще, грузинскія-же племена въ особенности, жертвуетъ многими важными интересами своими, требуетъ болѣе безпристрастнаго анализа. Въ этой потребности не все такъ глупо, не все такъ неосновательно и такъ невыгодно, какъ это кажется съ односторонней точки зрѣнія нашихъ сухихъ житейскихъ практиковъ.

Странно забывать, что именно досугъ, именно известное право лѣни есть одно изъ условий благополучія. Къ которому стремится человѣкъ, не только съ личной, но и съ общественной точки зрѣнія. Это есть самое практическое и самое осязательное проявленіе свободы человѣка, свободы тѣла и духа его, точно такъ-же какъ обязательная работа есть самое наглядное выраженіе человѣческаго рабства, съ которымъ его связываетъ не только внутренній смыслъ, но и общій корень слова.

Если мы сочувствуемъ движенію цивилизации, замѣнившему машинами ручную трудъ человѣка, узаконившему для каждаго рабочаго опредѣленное число рабочихъ часовъ, то именно потому, что

считаемъ досугъ священнымъ правомъ и естественною цѣлью человѣка.

Самыя заботы государства и нравственныхъ людей возвысится благосостояніе общества гораздо болѣе имѣють въ виду обезпеченіе этому обществу извѣстнаго досуга отъ обязательнаго труда, чѣмъ доставленіе ему тѣхъ или другихъ матеріальныхъ излишковъ, далеко не столь важныхъ и не столь необходимыхъ въ жизни человѣка.

Если-же заботы о благосостояніи вырождаются въ одностороннее и безостановочное стремленіе къ накопленію богатствъ, то онѣ, значить, изъ-за средствъ забываютъ о цѣли и въ сущности обращаютъ благосостояніе въ самый тяжелый обязательный трудъ, не оставляющій человѣку времени для основныхъ естественныхъ условий жизни. Мы дѣйствительно видимъ на каждомъ шагѣ, что богатые люди—самые несчастные люди, что усложненіе ихъ интересовъ и подъемъ требованій дѣласть для нихъ невозможнымъ беззаботное спокойствіе духа, часто при существѣ человѣку, даже

Мингрельская сайла; внутри, у очага.

едва обезпеченному въ своемъ завтрашнемъ днѣ. Къ тому-же нужно сказать, что грузинскій простолюдинъ имѣеть въ сущности все, что нужно его скромнымъ вкусамъ, имѣеть, пожалуй, болѣе,

чѣмъ любилъ изъ самыхъ хозяйственныхъ націй. У него всегда вино въ кувшинѣ, кукуруза въ запасѣ, у него всегда подъ рукою добрый конекъ и щеголеватый кинжалъ. Почти у всякаго есть деньги. Больше ему ничего не нужно, онъ не хочетъ пріобрѣтать лишняго и усложнять свои простыя потребности цѣною своего веселья и душевнаго покоя. Въ этомъ еще нѣтъ большого грѣха... Впрочемъ, говорю это собственно о грузинскомъ поселянинѣ, а не о дворянствѣ грузинскомъ.

Не желая смущать читателя никакими остроумными парадоксами, мы самымъ искреннимъ образомъ убѣждены, что если грузинскій складъ вкуса слишкомъ пересаливаетъ одну естественную потребность человѣка въ досугъ и наслаженіяхъ минуты, то противоположный грузинскому вкусу, полнѣ всего олицетворяемый на Кавказѣ армянами, который можно назвать культомъ наживы ради наживы, еще, быть можетъ, болѣе пересаливаетъ другое естественное свойство человѣка—его заботу о своемъ кускѣ хлѣба, заслоняя этимъ кускомъ высшія стороны жизни и обращая человѣка въ раба обстоятельствъ съ другого конца...

X.

У развалинъ Археополиса.

СМОТРИТЕЛЬ духовнаго училища въ Навагалеви, знакомый князя М., узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, забѣжалъ къ намъ въ духанъ и охотно вызвался сопровождать насъ въ Наколакеви и далѣе къ Сенаки, въ глубь Мингрелии. Онъ познакомилъ насъ и съ мѣстнымъ мировымъ судьей, г. К., который живетъ очень близко отъ духана въ маленькой квартиркѣ на холостую ногу.

Насъ сразу собралась цѣлая компанія. У мирового судьи мы нашли молодого священника, благочиннаго округа, который верхомъ на катерѣ (т.-е. мулѣ) отправлялся въ объѣздъ своихъ церквей. Это было очень кстати, и К. тоже приказалъ привести себѣ лошадей, чтобы проѣхаться съ нами въ компаніи. Здѣшняя простота и дружелюбность отношеній между людьми, такъ мало похожая на обычную нашу недовѣрчивость и стѣсненность въ обращеніи, необыкновенно располагаетъ въ пользу грузинскаго племени симпатіи путешественника. Есть что-то дѣйствительно человѣчно въ этой, сразу, безъ труда и натяжки рождающейся близости между человѣкомъ и человѣкомъ; сегодня они

только-что, встрѣтились на нѣсколько часовъ, завтра они разстанутся навсегда, — но они оба люди, и потому чувствуютъ себя родными другъ другу, имъ дорого доброе слово этого случайнаго брата, имъ пріятна посылная услуга ему...

* * *

Послѣ довольно рискованной переправы вбродъ черезъ разливы Абаша, мы опять очутились въ странѣ лѣсныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ чудною рамою этой великолѣпной картины продолжали сіять-далекіе снѣга Кавказскихъ хребтовъ.

Мингрелія обработана гораздо хуже, чѣмъ Имеретія, и не представляетъ собою того радующаго хозяйственнаго впечатлѣнія, какъ домовитые хуторки и сады имеретинскихъ крестьянъ. Крестьянамъ здѣсь принадлежить мало земель, потому что огромная часть земель, по старинѣ, находится во владѣніи бывшаго царскаго рода Дадьяновъ, раздробившагося и размножившагося въ настоящее время, какъ песокъ морской.

Намъ подалось очень много хлопчатника, котораго мы почти не видали въ Имеретіи, но винограда за то встрѣчалось очень мало: мингрельскія вина далеко уступаютъ собою имеретинскимъ и по качеству, и по количеству, не говоря о кахетинскихъ. Замѣтна была нѣкоторая разница и въ благоустройствѣ страны. Хотя мы большею частью ѣхали по шоссе, но это шоссе — только одно тщеславное названіе. Куски щебня изъ сосѣдней рѣки или ручья, кое-гдѣ насоренные поверхъ дорожки, мѣшающіе лошади ступать твердо и сбивающіе ей копыто острыми краями своихъ камней, да оголенные сваи мостиковъ, давно уже сгнившихъ и разобранныхъ, служащихъ гораздо болѣе «путями разобщенія», чѣмъ «путями сообщенія», — вотъ вамъ эти домашніи мингрельскія шоссе. Они находятся въ завѣдываніи полиціи и устраиваются мѣстными «земскими» средствами. Говорятъ, на шоссе этого уѣзда назначается по 30,000 руб. въ годъ, кромѣ работъ натурою, съ которою здѣсь, къ слову сказать, мало церемонятся; нѣтъ сомнѣнія, что эти 30,000 исправно выписываются въ расходъ, но какъ допускается рядомъ съ этой смѣтою существованіе этихъ шоссе безъ мостовъ и камня — это уже выше нашего разума.

Вообще, чего не слушаешься здѣсь про подвиги нашей кавказской администраціи! Я, разумѣется, не вѣрю доброй половинѣ всего, что случайно попадетъ мнѣ въ уши при моихъ мимолетныхъ встрѣчахъ съ самымъ разнообразнымъ здѣшнимъ людемъ, на ночлегахъ и дневкахъ моихъ въ духанахъ, лавкахъ и на дорогахъ. Но и остальной

половины слишком довольно. Одни исчисляють въ нѣсколько милліоновъ состояніе нездѣлго перело мною удалившагося изъ Кавказа военнаго администратора, ничѣмъ другимъ не прославившагося; другіе, словно спговорившись, ужасаютъ меня цѣлыми сериями возмутительныхъ разсказовъ о нашихъ батумскихъ и карскихъ порядкахъ. Наше кавказское чиновничество, поединному, вошло во вкусъ обезземеленія туземныхъ племень и избрало себѣ его любимѣйшею системою управленія. Выселеніе въ Турцію береговыхъ жителей Черноморскаго округа, джигетовъ, шапсуговъ и всякаго имени черкесскихъ племень западнаго хребта изъ-за Кубани, Бѣлой, Лабы, оставило такое соблазнительное наслѣдство кавказскому чиновничеству, военному и гражданскому, которое не могло не возбудить надолго аппетита къ лакомымъ кусочкамъ. Цѣлыми тысячами десятинъ отводились высшимъ служилымъ людямъ Кавказа плодородныя земли изгнанныхъ племень, ихъ старыя сады и плантаціи. Когда черкесская дѣлжка была кончена, захотѣлось абхазской; равно въ Абхазіи—рай земной, растительность чуть не тропическая, плодородіе почвы баснословное, вся страна—одна сплошная садъ... Самы абхазцы—отличный народъ, даровитый, тонкій, изящный,—французы Кавказа, какъ ихъ величаютъ въ Грузіи; они большею частью христіане и притомъ старинные христіане, со временемъ Андрея Первозваннаго и Симона Хананейскаго. У абхазцевъ великолѣпныя сады и плантаціи на берегу моря. И ихъ, и сады ихъ бросили, на произволъ судьбы, не оставивъ на защиту ихъ ни одной роты войска. А когда турки забрали ихъ имущество, женъ и дочерей, и потребовали, чтобы они стали на ихъ сторону, абхазцевъ, ненавидящихъ турокъ, сдѣлали бунтовщиками. Собственною непредусмотрительностью, собственною небрежностью своею мы убили чудную страну, которая долго теперь не оправится, которую уже ничѣмъ не вознаградишь. Все пусто тамъ до сихъ поръ, какъ передитъ очевидцы. За то сколько создалось удобныхъ поводовъ, чтобы отдѣлаться отъ этого безпокойнаго племени, какъ отдѣлялись мы уже отъ многихъ кавказскихъ племень, чтобы бросить на растерзаніе нашей чиновнической корысти новыя десятки тысячъ десятинъ земли, такъ кстаи присовокупляемые къ двойнымъ окладамъ, къ сокращеннымъ пенсіямъ, къ бакинскимъ нефтянымъ источникамъ и кубанскимъ пажитямъ, которыми кавказская адмийстрація такъ обильно осыпаетъ своихъ великихъ административныхъ мужей, неизвѣстно чѣмъ заслужившихъ передъ отечествомъ.

Повторяю—можетъ быть, многое, что я слышалъ въ Мингрели, Имеретіи, Тифлисѣ,—отчасти клевета на нашу администрацію; но было

бы безсовестно скрывать эти повальные отзывы мѣстнаго населенія. Изъ чего-нибудь да родятся же они. Неужели же цѣлый народъ можетъ быть зараженъ такою нахальною лживостію?

Здѣсь всѣ твердятъ, что въ Абхазіи затѣвали учинить такую же дѣлжку, какъ и у черкесовъ, такую же, какаѣ до сихъ поръ продолжаются въ Баку. Недаромъ и газеты подтверждаютъ это своими недавними извѣстіями объ отпадѣ цѣлой области корабельныхъ лѣсовъ Абхазіи въ собственность немногимъ счастливицамъ, безъ которыхъ бѣдный Кавказъ не въ силахъ справиться съ собственными богатствами.

Здѣсь же твердятъ, что съ лазами и аджарцами новоприсоединенныхъ областей творится то-же; что чуткое на поживу чиновничество дѣлаетъ все на свѣтъ, чтобы сдѣлать невозможную мирную жизнь этихъ племенъ въ ихъ родовыхъ гнѣздахъ. Поселить въ туземныхъ племенахъ неудовольствіе, волненія, беспорядки, бросить ихъ нахрапомъ въ объятія Турціи, убѣдить правительство, что цивилизація и русское владычество несовмѣстны съ ихъ разбойничьими вкусами, и потомъ, въ видѣ мудрой государственной мѣры, выкинуть ихъ изъ ихъ собственной страны, чтобы вознаграить самихъ себя за свои государственныя заслуги садами и полями, терпѣливо, въ теченіе столѣтій, воздѣлываемыми этими мнимыми разбойниками, — вотъ та система, которая смѣло теперь поднимаетъ голову въ Багумъ и Карсѣ. Эта система во сто разъ гибельнѣе и позорнѣе для Россіи всякаго норманскаго завоеванія: то по крайней мѣрѣ оставляло на мѣстѣ покоренныхъ саксовъ и бриттовъ, земли которыхъ дѣлились между дружиною завоевателей.

Кстати вспоминаю, что въ томъ-же родѣ рассказы слышала я въ Кутансѣ и объ извѣстномъ сванетскомъ бунтѣ 1876 года, когда были убиты полковникъ Реусъ и мѣстный уѣздный начальникъ. Вся экспедиція въ Волную Сванетію была буквально выдуманна, какъ передавали мнѣ мѣстные жители. Чиновникамъ хотѣлось отличій и взятокъ, и выдумали сванетскій мятежъ. Жаль только, что вмѣстѣ съ неосторожными затѣйщиками погибли и несповняные люди, какъ молодой врачъ и приставъ М. Преступника, котораго выдачи требовали у сванетовъ, говорить, вовсе не было въ селѣ. Когда полудикіе сванеты, напуганные вторженіемъ начальства и военной команды, послали 2-хъ депутатовъ объявить, что они во всемъ покорны правительству, просить не дѣлать имъ вреда и разъяснить имъ хорошенко, чего хотятъ отъ нихъ, то полковникъ Реусъ, не называвшій сванетовъ иначе, какъ собаками, крикнулъ солдатамъ: «на штыки ихъ, собакъ!» Солдаты исполнили приказъ—и парламентары были подняты на штыки. Тогда

изъ всѣхъ башенъ сванетскаго селенія грянули выстрѣлы. Реусъ былъ убитъ, солдаты бѣжали, остальное начальство спряталось въ домѣ сельскаго старшины, который ручался за полную безопасность ихъ. Ночью крыша его дома была разобрана, самъ старшина и всѣ гости его были перестрѣляны сверху. На судъ солдаты объясняли потомъ, будто-бы Реусъ приказалъ взять на штыки лаявшихъ кругомъ собакъ, и что будто-бы солдаты не такъ поняли его слова, а отнесли ихъ къ сванетамъ. Но эта натяжка, кажется, слишкомъ очевидна. Потомъ снарядили дѣльный отрядъ съ орудіемъ противъ бо человѣкъ сванетовъ, защищавшихся въ своихъ башняхъ кремневыми ружьями. Всѣ остальные селенія безпрекословно впустили къ себѣ русское войско. Поляки вообще во множествѣ служатъ на Кавказѣ приставами и ихъ помощниками, грабятъ безжалостно, и больше, чѣмъ кто-нибудь, возстаютъ противъ туземцевъ противъ русскаго владычества... Говорятъ, этому польскому элементу покровительствовали нѣкоторые бывшіе чины вышней кавказской администраціи...

* * *

Проѣжая Мингрелію можно увѣрять, что въ древности здѣсь поклонялись деревьямъ, какъ божествамъ. Всюду на темни сосѣднихъ лѣсныхъ холмовъ видѣлись намъ расчищенные, покрытыя поляны, на которыхъ еще свято сохраняются маститые дубы и липы громадныхъ размѣровъ, совершенно подвѣстятъ тѣмъ великанамъ, которымъ я изумился въ Мартвили и Хони... На высотѣ своихъ холмовъ, въ своемъ царственномъ одиночествѣ, эти древніе степные исполины дѣйствительно производятъ впечатлѣніе какихъ-то богамъ воздвигнутыхъ сооружений... Въ Банза до сихъ поръ сохранился первобытный обрядъ поклоненія деревьямъ. Въ извѣстные праздники вырываютъ, безъ помощи лопаты, голыми руками, молодое дерево, обносятъ его вокругъ храма и съ разными обрядами ставятъ у церкви корнями внизъ.

Въ Мингреліи, Имеретіи, Кахетіи до сихъ поръ есть много мѣстъ, гдѣ приносятъ жертвы старымъ толстымъ деревьямъ, собираются молиться вокругъ нихъ, ставятъ внутри ихъ иконы, женщины обводятъ ихъ нитками, какъ стѣны храмовъ... Точно также сохранился лезчскій обычай приносить въ жертву животныхъ, особенно пѣтуховъ. У одной церкви, рассказывали мнѣ, въ извѣстный праздникъ рѣзаетъ въ жертву до 1,000 пѣтуховъ.

* * *

Но древнѣе всѣхъ воспоминаній древности—городъ Наколакеви,—

къ которому добрались мы послѣ многихъ часовъ утомительной верховой ѣзды, уже вечеромъ. Имя Наколакеви—это буквальный переводъ на мингрельскій языкъ греческаго названія «археополисъ» и означаетъ: «бывшій городъ» или «древній городъ». Для того, чтобы въ глубокой древности заслужить названіе «древняго» города, нужно было прожить много столѣтій.

Ученые дѣйствительно увѣряютъ, что Наколакеви есть знаменитый въ греческихъ легендахъ городъ Эа, столица Колхиды, гдѣ совершались чародѣйства Медеи, куда Язонъ ѣздила за золотымъ руномъ и гдѣ потомъ многоумный Улиссъ пребывалъ въ плѣну у коварной волшебницы Цирцеи...

Въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, Археополисъ считался самымъ крѣпкимъ городомъ Лазики и былъ христіанскою столицею лавовъ; въ немъ до сихъ поръ уцѣлѣли развалины церкви VI вѣка, построенной при Юстиніанѣ.

Дѣйствительно, Археополисъ кажется неприступнымъ съ той стороны, откуда мы ѣхали. Его живописныя развалины, густо заросшія лѣсомъ, глядятъ чуть не изъ-подъ облаковъ, на утесистыхъ гребняхъ, провожающихъ справа русло Техура. Теперешній Наколакеви лежитъ у его ногъ по другую сторону рѣки. Очень большой и высокой каменной мостъ, перекинутый черезъ Техуръ, охранялся и снизу сильнымъ укрѣпленіемъ, которое, однако, теперь разрушено по глупости какого-то удачнаго начальника, попавшаго за это подъ судъ. Въ укрѣпленіи, вѣроятно, былъ прежде монастырь, и до сихъ поръ сохранилась очень древняя церковь Сорока Мучениковъ, которую мы посѣтили. Большая плита изъ дикаго камня съ сорока грубо продѣланными въ ней кружками показывается въ притворѣ у самаго входа, и провожавшіе насъ попы объяснили намъ, что подъ нею погребены тѣ самые до мучениковъ, «претерпѣвшіе мразь озера Севастійскаго», которыхъ память чувствуется наша Церковь 9-го марта.

Какъ ни сомнительна подобная легенда, но Мингрелія вѣритъ ей и стекается въ маленькую старенькую церковку молиться до угольниковъ. На стѣнахъ, окружающихъ дворъ церкви, какъ и въ древней церкви Хони, успѣли вырасти среди камней цѣлыя громадныя деревья, и одинъ маститый орѣхъ, не довольствуясь цементомъ стѣны, спустилъ свои ползучіе корни въ глубину почвы...

Благодаря провожавшему насъ благочинному, причтъ церкви весьма любезно спѣшилъ показать намъ всѣ достопримѣчательности Археополиса, пока не совсемъ еще надвинулась черная ночь. По узенькой, осыпающейся тропинкѣ спустились мы, мимо моста, черезъ живопис-

ные обрывы Техура, kloкотавшаго внизу, къ оригинальному подземному ходу, что вель когда-то изъ крѣпости къ рѣкѣ, пробуравивъ наискось всю огромную толщу скалы. Эта подземная труба очень напоминаетъ тайникъ въ Уплись-Цихе, хотя не такъ крута и не такъ опасна, какъ тамъ. Въ скалахъ обрывистаго берега замѣтны огромныя каменныя кольца, очевидно служившія когда-то для привязи судовъ, ходившихъ по Техуру.

На той сторонѣ рѣчки пришлось карабкаться къ развалинамъ Археополиса чуть не на рукахъ, пробираясь черезъ колючую чащу лѣса и осыпи камней... Насквозь мокрые добрались мы наконецъ до разрушенныя балокъ стѣны замка, вѣнчавшаго скалу съ этой стороны. Мы отдохнули на верху его стѣны, свѣсивъ ноги внизъ надъ пропастью Техура. Милый, скромный горолокъ съ своими зелеными садами и привѣтливыми домиками стелется весь передъ нами на той сторонѣ рѣчки. Великолѣпенъ отсюда видъ внизъ на вѣнчавшуюся и рокотавшую пропасть Техура и на широкую панораму окрестностей...

Однако утомленіе верховой ѣзды и карабканья по скаламъ сказалося само собою. Мы не рѣшились бродить по лѣсу, отыскивая другія развалины, которыми на много версть покрыта древняя Эа, тѣмъ болѣе, что въ нихъ тѣ-же камни и плиты и никакихъ другихъ болѣе осмысленныхъ остатковъ... Къ тому-же ночь гнала насъ далѣе...

Внизу мы освѣжились нѣсколькими бутылками пива, которые такъ кстати предложилъ намъ священникъ, и поехали въ путь, топясь добраться на ночлегъ до станціи Ново-Сенаки.

Скоро сдѣлалось черно какъ въ чернильницѣ, и мы ѣхали наудачу среди густѣвшихъ кругомъ садовъ, ежеминутно рискуя оборваться куда-нибудь въ ручей, наткнуться на заборъ или дерево...

Усталыя лошади начинали спотыкаться на всюду разбросанныя камни, которые служатъ единственнымъ признакомъ шоссе.

Я только теперь съ изумленіемъ замѣтилъ, что за нами неотступно слѣдовала, нигдѣ не отставая отъ лошадей, мальчишка-мингрелецъ изъ Новогалеви, которому отецъ приказалъ принять въ Сенаки лошадей смотрителя училища и вернуться на ней домой. Отъ Новогалеви до Сенаки ни болѣе ни менѣ какъ 32 версты и удалой мальчикъ сдѣлалъ этотъ переходъ, ни разу не присѣвъ... Правда, во многихъ мѣстахъ онъ бросалъ шоссе и бѣжалъ по ближнимъ тропинкамъ, но какъ бы то ни было, когда смотритель слѣзъ съ коня у крыльца сенакской гостиницы, смуглая дѣтская рученка тотчасъ же потянулась къ уздѣ, и смѣлый дѣтскій голосокъ произнесъ сурово: «давай рубль!»—Рубль—это была цѣна коня и мальчика—въ

стѣ, за цѣлыхъ 2 дня ѣзды (считая возвращеніе); мы тоже заплатили всего 10 рублей за 3-хъ своихъ лошадей и проводника отъ самаго Хони до Сенаки. Однако мы не сразу добрались до ночлега. Такъ захотѣлось подрѣпить себя чѣмъ-нибудь и освѣжиться, что когда вокругъ насъ заискрились огоньки базара Старо-Сенаки, мы всѣ безъ дальняго размышленія, словно по уговору, спѣшили у открытаго прилавка перваго попавшагося духана и потребовали себѣ обычныхъ грузинскихъ угощень—сыру съ хлѣбомъ, балыка и вина... Тутъ же на деревянной лавочкѣ все это было съ жадностію уничтожено; хотя уже была ночь, множество празднаго народа стояло, сидѣло и лежало вокругъ духана и внутри его. Кто ѣлъ, кто курилъ, кто болталъ, кто слушалъ... Сейчасъ было видно, что это—привычный клубъ, въ которомъ собираются покоротать время, поглазѣть на пріѣзжающихъ, поклакать о новостяхъ старо-сенакскіе обыватели...

Для нихъ пріѣздъ нашей кавалькады былъ, разумѣется, неожиданнымъ развлеченіемъ, послѣ котораго можно было съ спокойною совѣстью отправиться на постели...

Наконецъ, сквозь совершенно слѣпую черноту ночи доползли мы кое-какъ и до Ново-Сенаки. Пробираемся между стѣнами густыхъ садовъ, разведенныхъ какимъ-то молодцомъ англичаниномъ, который ухитрился изъ небольшого клочка купленной имъ земли извлекать огромный доходъ, заведя такой образцовый садъ и такіе рѣдкіе фрукты, о которыхъ даже не подозрѣвала текущая молокомъ и медомъ Мингрелія.

Въ Ново-Сенаки уже не только духаны, но и гостиницы на европейскій манеръ, и не одна, а нѣсколько; вонъ передъ нами вывѣска «Кавказъ-Hôtel», съ освѣщенной залой, съ открытымъ балкономъ, на которомъ какіе-то два генерала аппетитно попиваютъ что-то... Къ сожалѣнію, всѣ номера щеголеватаго «Кавказъ-Hôtel'я» заняты, и приходится пріютиться напротивъ него, въ гостиницѣ поскромнѣе.

Тутъ ужъ можно поужинать и достать вина повкуснѣе, чѣмъ въ духанѣ базара, а главное—можно заснуть въ довольно чистой и довольно мягкой постели.

Господи! да какаѣ-же постели не покажутся чистою и мягкою послѣ столькихъ часовъ тряски на сѣдлѣ, лошадиного поту и шоссеиной пыли!...

Да и заснули же мы за то, да и выпались же на славу, словно хотѣли отомстить по-русски заразы и всѣмъ этимъ водоворотамъ Цени-Цхали, и крутизнамъ Мартвили, и осыпямъ Археополса, и всѣмъ мушкетернымъ мингрельскимъ рѣдкостямъ...

Продавецъ ковровъ и лавочки на майданѣ въ Тифлисѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ТИФЛИСЪ И КАХЕТІЯ.

I.

Азіатскій Теплицъ.

У насъ въ Россіи мало кто знаетъ, что мы, русскіе, обладаемъ своимъ собственнымъ, хотя и азіатскимъ Теплицомъ, Теплицомъ и по имени и по дѣйствительнымъ свойствамъ своихъ теплыхъ водъ. Этотъ нашъ Теплицъ—Тифлисъ, по туземному Тбилиси, отъ грузинскаго слова «тбили»—теплый, очевидно, общаго индо-европейскаго корня.

Въ Тифлисѣ до сихъ поръ существуютъ обильные источники

горячей сѣрной воды, изстари прославившіе городъ какъ цѣлебное мѣсто и до сихъ поръ составляющіе громкую славу его дѣйствительно возстановляющихъ бань...

Какъ во всѣхъ Кинотгахъ Германіи, и тифлисскіе цѣлебные источники украшены легендою, почти такою-же, какъ Бадень-Бадень и другія прославившія свою чудотворностью минеральныя воды Европы.

Нѣкій древній грузинскій царь, охотясь въ дремучихъ лѣсахъ, когда-то покрывавшихъ котловину Куръ на мѣстѣ нынѣшней шумной столицы Кавказа, ранилъ стрѣлою оленя. На его глазахъ олень, истекавшій кровью, бросился къ одному изъ теплыхъ сѣрныхъ ключей, обильно орошавшихъ лѣсъ, погрузился въ него, выскочилъ на другой берегъ и, къ изумленію царя, умчался въ чащу, бодрый и сильный, словно у него не было ни раны, ни потоковъ крови... До такой степени подѣйствовала на него разомъ чудотворная вода Тбилиси. Съ тѣхъ поръ по повелѣнію царя здѣсь возникло поселенье, и сѣрныя воды Тбилиси получили широкую славу.

Какъ-бы то ни было, а Тифлисъ во всякомъ случаѣ—одинъ изъ самыхъ старыхъ городовъ не только Россіи, но и всей Европы. Древность Кіева и Новгорода моложе его цѣлыми столѣтіями... Онъ теперь считаетъ себя уже полтора тысячелѣтія. Вначалѣ онъ дѣйствительно былъ весь деревянный—дворцы, дома, даже стѣны крѣпости—и весь окруженъ лѣсами... Старые армянскіе историки всю область Тифлиса называли когда-то «страной лѣсовъ» (Пайта-каранъ); авлабарскіе лѣса покупались и продавались еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, а теперь Авлабаръ одна изъ составныхъ частей Тифлиса, такал-же голая, выжженная и каменистая, какъ и остальной городъ. До сихъ поръ не забыто преданіе о томъ, какъ жители Тбилиси били оленей на Верѣ, той самой теперь сухой и открытой степи, гдѣ стоитъ громадный крестъ въ память спасенія отъ смерти императора Нико-

Лавка старьевщика-шишквара въ Тифлисе.

лая и черезъ которую путешественникъ изъ Россіи, двигающійся черезъ переваль Казбека, обыкновенно въѣзжаетъ въ Тифлисъ. Теперь Вера уже давно вошла въ черту города, и я имѣлъ удовольствіе, подобно другимъ, проѣхать черезъ нее въ славную грузинскую столицу.

* * *

Дѣйствительно, не легко вообразить себѣ, даже человѣку, оларенному восточнымъ воображеніемъ, что, въѣзжая въ Тифлисъ, вступаешь въ прежнюю «область лѣсовъ», когда-то населенную оленями... Тифлисъ—это громадная каменная сковорода, помѣщенная среди окружающихъ возвышенностей съ такимъ вполне удачнымъ расчетомъ, чтобы никакое дуновеніе вѣтра не могло освѣжить невыносимо-стоячаго зноя, который наваливается въ теченіе всего лѣтняго полугодія на голые каменные дома, на открытыя каменныя улицы, на нависшіе со всѣхъ сторонъ каменные обрывы и скаты горъ...

На этой каменной сковородѣ, прикрытой сверху, какъ глухимъ колакомъ, раскаленнымъ, вѣчно безоблачнымъ синимъ сводомъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду жарятся бѣдные тифлисцы, и надо изумляться могучей силѣ природы, которая даже и въ этой безнадежной обстановкѣ печи вавилонской создаетъ столько цвѣтущихъ и сочныхъ организмовъ, столько физической красоты, столько душевной веселости, наконецъ столько шуму и дѣятельности... Къ сожалѣнію, Данте не былъ знакомъ съ лѣтними муками тифлисской атмосферы, а то бы онъ, безъ сомнѣнія, включилъ эту сухую, горячую сковороду въ число мукъ своего ада, и талантливому Густаву Доре не было-бы никакой нужды насиловать свою фантазію изобрѣтеніемъ подходящей иллюстраціи, а было бы вполне достаточно выписать одну изъ тѣхъ превосходныхъ фотографическихъ коллекцій Тифлиса, которыми по справедливости можетъ гордиться здѣшняя фотографическая мастерская Барканова. Но великъ Богъ земли Русской!... Грузины, армяне, татары, круглые лѣто не снимающіе бараньихъ шапокъ на ватѣ и двойныхъ суконныхъ одеждъ, какъ-будто даже не замѣчаютъ, что въ Тифлисъ лѣтомъ бываетъ жарко, какъ-будто и не подозреваютъ, что существуютъ на свѣтѣ города и селенія, гдѣ люди не обречены жариться, какъ караси на плитѣ, гдѣ пекутъ въ золѣ только одиѣ картошки,—«чортовыя яблоки» своего рода, но никакъ не живого человѣка, образъ и подобіе Божіе. Выволанный народъ, сановники, чиновники, кто повыше, разбогатѣвшіе европейскіе негоціанты, тѣ всѣ удраютъ куда попадо изъ Тифлиса, какъ-только наступать эта томительная жаркая пора... Удираютъ въ Коджоры—поближе, въ Манглисъ—подальше, въ Вѣльиѣ

Ключъ, вообще куда-нибудь въ горы, въ лѣса, по возможности, поближе къ облакамъ небеснымъ, если не за облака, отъ этихъ чересчуръ уже горячѣхъ объятій матери-земли... Недавній дворъ намѣстника отъѣзжалъ дальше всѣхъ и выше всѣхъ въ чудныя, тѣнистыя дебри Боржома,

Въ горы, гдѣ темнѣютъ слѣ,
Шумны, веселы, могучи,
Воды плещутъ, птицы свищутъ
И по волѣ мчатся тучи...

Даже помыслить радостно объ этихъ безконечныхъ галереяхъ сосновыхъ стволовъ, полныхъ прохлады и зеленого сумрака, тому, кто осужденъ изнывать на безжалостномъ припекѣ тифлискихъ мостовыхъ съ 3 часовъ утра до 9 часовъ вечера... Онъ бы радъ-радехонекъ, какъ богачъ евангельской притчи, погруженный въ геенну огненную, освѣжить свои уста хотя-бы прикосновеніемъ омоченнаго пальца бѣднаго Лазаря, ликующего на прохладныхъ лонахъ Авраама, въ Манглисѣ и Боржомѣ.

Но въ томъ-то и горе, что на этомъ грѣшномъ свѣтѣ все бываетъ совсѣмъ наоборотъ, чѣмъ въ мірѣ, «идѣ же нѣсть печали ни въздыханія»; въ нашей земной юдоли, не исключая и славнаго въ исторіи города Тбилиси, бѣдные Лазари обыкновенно бываютъ осуждены все лѣто мучиться въ гееннѣ огненной, поглядывая съ безплодною завистью на Авраамовы лона богачей, удалившихся къ прохладнымъ высямъ небесъ, на высокія горы, въ тѣнистыя лѣса, въ райскія дачи, обильныя сладкими плодами «древа жизни» и еще болѣе сладостными плодами древа «познанія добра и зла». Страдаютъ отъ тифлискихъ жаровъ, какъ мы уже сказали, пришельцы, а не туземцы, именно тѣ изъ пришельцевъ, которымъ ихъ дѣла или ихъ средства не позволяютъ бѣжать въ горы. Но въ послѣдніе годы европейская цивилизація настолько проникла въ древнюю резиденцію Сассанидовъ, что геенна огненная потеряла часть своихъ ужасовъ. Нѣмцы, выдумавшіе обезьяну, разумѣется, сейчасъ-же выдумали и въ Тифлисѣ свою «нѣмецкую колонію», т.-е. цѣлую деревню, полную садиковъ, въ которыхъ даже и небогатые жители могутъ нанимать себѣ недорогія квартирки и пользоваться природою, хотя въ значительной миниатурѣ. Въ этихъ мирныхъ частныхъ садикахъ возникли теперь и общественныя увеселенія, кегли и пиво и мѣстное вино, столики для чая, арфики, тирольки и мѣстные грузинскіе оркестры,—все какъ слѣдуетъ въ цивилизованной столицѣ. Въ нѣмецкую колонію уже вѣѣжашь какъ на дачу—вездѣ тѣнь и зелень, вездѣ шумъ завиднаго грузинскаго веселья.

Но самый центръ увеселеній на окраинѣ города, за нѣмецкою

слободой,—«кружокъ», замѣняющій наши лѣтніе клубы, всегда биткомъ набитый гуляющими, мѣсто всеобщаго свиданія порядочнаго общества, танцевъ, мазурки, всяческихъ приличныхъ развлеченій... Тамъ перзнакомитесь со всѣми, съ безцеремонностью, вообще отличающею южную жизнь, тамъ увидите всѣхъ, кого вамъ нужно, кто вамъ интересенъ. Но «кружокъ»—это почти ужь не садъ, а нѣчто въ родѣ парижскихъ *closets*, полузакрытыя, полуоткрытыя галлерей, нѣсколько тѣсныхъ дорожекъ съ деревьями,—никакой природы и простора. Собственно общественнымъ городскимъ садомъ считается Муштаидъ... Это Булонскій лѣсъ, Пратеръ или Сокольники грузинской столицы. Тамъ уже и верховые, и экипажи, и зеленныя дужайки, и чащи, и всякія увеселительныя заведенія, а главное—тамъ дѣйствительно свѣжій воздухъ, дѣйствительная природа.

Удивительно какъ любить веселиться и отдыхать грузинское население: пробѣгая черезъ нѣмецкую слободу къ Муштаиду, на всякомъ шагу видишь какой-нибудь клубъ, какое-нибудь собраніе, какое-нибудь гулянье,—и все набито биткомъ, отовсюду несется музыка и пѣсни, вездѣ льется вино и сыпятся деньги...

И это поютъ и кутятъ не богачи, не одни дѣти досуга и достатка, а вся многотысячная рабочая толпа Тифлиса, весь ремесленный и торговый людъ города. Посмотрите на нихъ,—вы, можетъ быть, и осудите ихъ, но, можетъ быть, и позавидуете этому счастливому національному характеру, полному страстной жизненности, самоувѣренности и безпечности...

Посмотрите, съ какимъ сознаньемъ своего достоинства, съ какими напыннымъ чувствомъ своего равенства со всѣми, кого только видятъ они кругомъ себя, своихъ одинаковыхъ правъ на все, что только доступно другому, эти щегольски разодѣтые въ серебро и цвѣтныя сукна, черноглазые, черноволосые красавцы съ сверкающими бѣлыми зубами, съ румяными щеками, вооруженные какъ воины, свободно болтаютъ, острятъ, хохочутъ, бранятся...

Вамъ въ голову не придетъ, что это собраніе лаксеевъ, мелкихъ приказчиковъ и разныхъ другихъ ничтожныхъ, скудно оплачиваемыхъ профессій...

Вы подумаете, что это храбрые вольные рыцари на пирушкѣ, а не поденщики, прогуливающіе вечеромъ заработокъ своего дня...

Правда, у грузинъ удивительное смѣшеніе аристократическихъ учреждений съ демократическими правами. И поденщикъ, и лакей, и поварь, часто безграмотный, часто ровно ничего не знающій, въ то-же время можетъ оказаться несомнѣннымъ княземъ стариннаго рода, изъ

исторических фамилий каких-нибудь «адзе», «идзе» или «швили». Только в Грузии можно встретить этот оригинальный тип демократической аристократии и аристократической демократии: съ одной стороны, князя, сплошь да рядом спокойно чистящаго сапоги самому неважному барину; съ другой стороны, кучера или повара, который съ горделивым достоинством подастъ вамъ руку и зарубитъ васъ какъ собаку, если вы позволите себѣ оскорблять его честь.

* * *

Черезъ европейскій Тифлисъ, съ его широкими проспектами, скверами, бульварами, съ рядами великолѣпныхъ магазиновъ, изящными экипажами, модными нарядами Парижа и Петербурга, мимо дворцовъ, гимназій, музеевъ, черезъ всѣ эти Голювинскіе и Михайловскіе проспекты, Дворцовыя и Графскія улицы, перенеситесь въ старый туземный Тифлисъ, сбившійся у подножія древней исторической крепости, торчащей своими полуразрушенными башнями высоко на обнаженныхъ утесахъ, подъ защитою такого-же стараго Метехскаго замка, оберегавшаго переправу Куры съ того берега. Здѣсь, въ этой тѣсной, но безопасной складкѣ горъ, вокругъ крутой излучины рѣчки, сбился въ кучу грузинскій Тбилиси, старая столица Вахтанговъ и Давидовъ, настоящій историческій городъ древняго Востока, городъ своеобразныхъ азиатскихъ обычаевъ, своеобразной азиатской физиономіи, несравненно болѣе интересный туристу и художнику, чѣмъ весь просторъ и удобство цивилизованнаго новѣйшаго Тифлиса. Тутъ вы найдете почти всѣ чтимыя святыни города: Сионскій соборъ грузинъ съ этой стороны и Метехскій соборъ съ той стороны Куры, Ванкскій соборъ армянъ, Алиеву мечеть персовъ; только самое небольшое число изъ 48 церквей Тифлиса, грузинскихъ и армянскихихъ, размѣщено въ другіихъ, новыхъ частяхъ города. Тутъ и армянскій базаръ со многими множествомъ лухановъ и лавочекъ, и оригиналь-

Давидъ наахъ (бараньи шапки) и шапочники въ Тифлисъ.

нальные «темные ряды», и старинные грязные каравань-сарай, и персидскій кварталъ, примыкающій къ подножію крѣпости безчисленными ступенями своихъ плоскихъ крышъ...

Тутъ, повторяемъ, вся Грузія, вся Азія, вся древняя исторія, насколько она еще удѣляла въ Тифлисъ...

Узкіе, выющіеся переулки, крошечныя, неправильныя площадки, темныя, грязныя переходы между тѣсно сдвинутыхъ стѣнъ по крутизнамъ берега, по обрывамъ скаль... Грязно и тѣсно, но вездѣ за то тѣнисто и сыровато, оттого, можетъ быть, такъ лодно и шумно... Совсѣмъ не то, что на этихъ великолѣпныхъ широкихъ проспектахъ новаго города, открытыхъ съ утра до ночи припеку солнца, удушашщихъ прохожаго бѣлою известковою пылью изъ-подъ колесъ непрерывно несущихся экипажей.

Востокъ и югъ выработали себѣ типы построекъ и типы городовъ нисколько не глупѣе, а, можетъ быть, гораздо практичнѣе нашихъ. Если въ Петербургѣ, проводящемъ девять мѣсяцевъ сряду въ снѣгахъ, дождяхъ и сыроты, или въ вѣчно туманномъ Лондонѣ, гдѣ два миліона людей, самыхъ дѣятельныхъ въ цѣломъ мірѣ, спуютъ безостановочно владѣ и впередъ, гдѣ дома поневолѣ строятся высокіе какъ башни, пространные какъ стѣны крѣпости,—широкія улицы, обширныя площади являются насущною необходимостью, чтобы допустить лучъ солнца въ эти глубокіе и холодныя коридоры, то на горячемъ югѣ сухой, бездождной Азіи, не знающей морозовъ зимы, нѣтъ никакого повода замуровываться людямъ въ громадные много-этажные сундуки изъ камня и желѣза и открывать жгучимъ лучамъ солнца свои улицы, свои любимыя мѣста собравій на площадяхъ и базарахъ...

Ни широта, ни прямота не нужны южному азіатскому городу и невозможны для него...

Ему нужно совсѣмъ другое, и онъ необыкновенно практично достигъ этого другимъ своимъ, можетъ быть, жалкими для насъ, можетъ быть, смѣшными намъ, но для него чрезвычайно удобными постройками.

Его улочка вьется змѣею уже потому одному, что азіатскій городъ рѣдко строится на равнинѣ, а почти всегда на скалахъ или въ тѣснинѣ рѣки. Но, и помимо этого, изгибы узкой улицы даютъ ему на всякомъ поворотѣ всего болѣе ему необходимую тѣнь отъ солнца. Тотъ-же смыслъ и въ узости этихъ улицъ: въ узкой улицѣ почти не бываетъ такого часа дня, когда бы хотя одна сторона домовъ не бросала отъ себя тѣни... А чтобы еще болѣе увеличить тѣнь и прохладу улицъ, сами дома азіатскаго города Тифлиса, точно такъ-же какъ Каира

или Алеппо, представляют изъ себя своего рода навѣсы для улицъ. Ихъ плоскія крыши выступаютъ концами своихъ бревенъ, застланныхъ какъ террасы, довольно далеко отъ стѣнъ, такъ что нерѣдко эти выступы должны быть поддержаны рядами косыхъ упорокъ, въ родѣ кронштейновъ, обыкновенно красиво вырѣзанныхъ и разукрашенныхъ... Въ свою очередь, верхній этажъ дома точно также выступаетъ дальше нижняго, образуя еще болѣе глубокой навѣсъ надъ проходящею внизу улицею. Если въ домѣ три этажа, что, впрочемъ, случается нечасто, то каждый верхній этажъ дѣлаетъ соответствующій выступъ надъ нижнимъ, а такъ какъ дома стоятъ съ обѣихъ сторонъ улицы, то вслѣдствіе этого способа постройки они могутъ сблизиться наверху на довольно короткое разстояніе, не стѣняя внизу улицы, которая такимъ образомъ обращается наполовину въ крытую галерею...

Какъ хотите, а только испытавъ на собственной своей шкурѣ дѣйствіе раскаленной сковороды, на которой черти грѣшниковъ жарятъ, поневолѣ признаешь остроумнымъ старый азіатскій способъ постройки городовъ и отъ всей души отдашь предпочтеніе какой-нибудь Сионской или Армянской улицѣ Тифлиса передъ всевозможными Головинскими и иными проспектами, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не обратятъ въ тѣнистые бульвары.

Впрочемъ, дома стараго Тифлиса имѣютъ сходнаго съ общимъ типомъ азіатскаго юга только плоскую крышу и эти навѣсы этажей... Но они сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свой особенный грузинскій стиль, особенно въ наружной орнаментации. Галерея—вотъ существеннѣйшая и характернѣйшая часть грузинскаго дома. Даже въ новомъ Тифлисѣ, въ домахъ, сильно приближающихся къ европейскому типу, грузины и армяне придаютъ галереѣ такое господствующее развитіе, что дома ихъ все-таки отличаются отъ обычныхъ русскихъ. И снаружи на улицу, и внутри во дворъ, по обѣимъ своимъ этажамъ, грузинскій домъ обнесенъ сквозными галереями съ разными затѣливыми колонками, иногда съ разноцвѣтными стеклами, съ живописными рѣшеточками. Разъ грузинъ сошелъ съ первобытной плоской кровли своей, который теперь уцѣлѣлъ только въ наиболѣе старинныхъ кварталахъ, въ домахъ бѣднаго класса,—вся домашняя жизнь его сосредоточивается гораздо болѣе въ этихъ полуоткрытыхъ прохладныхъ галереяхъ, чѣмъ въ скучной глуши дома.

* * *

Узкая, темная улица не мѣшаетъ тифлисцу, какъ всякому истому азіатцу, подышать чистымъ воздухомъ ранняго утра или тихаго солнеч-

наго заката... Къ ночи вы увидите на всѣхъ земляныхъ крышахъ Армянскаго базара или Персидской слободки дѣвья живописныя группы женщинъ, дѣтей, стариковъ, мирно бесѣдующихъ на разостланныхъ коврахъ, распивающихъ чай, угощающихъ своихъ знакомцевъ. Часто слышатся сверху дѣвичьи пѣсни, звуки зурны и бубна... Вся праздная жизнь толпы, не оглядывая въ общественныя садки и гулянья на края города, поднимается изъ грязныхъ торговыхъ переулковъ сюда, на верхъ доловъ, подъ открытое небо, остывшее теперь отъ дневнаго жара...

* * *

Но восточный человѣкъ чувствуетъ себя также хорошо и въ привычной толкотнѣ грязнаго базара, гдѣ онъ иногда проводитъ дѣлмый день. Куда и зачѣмъ пойдетъ онъ отсюда? Тутъ его заработокъ, его газетный клубъ, его гостинная, его театръ, его столовая. Почти никто изъ бѣднаго люда, прѣзжающаго въ городъ, не беретъ съ собой пищи. Несмотря на страшную дороговизну моднаго европейскаго Тифлиса, въ азіатскомъ Тифлисѣ туземецъ можетъ набѣться и питаться за нѣсколько копѣекъ, да еще какъ весело набѣться и питаться! подѣ звуки музыки въ пріятельской компаніи, среди смѣхъ и болтовни. Никогда не убывающая толпа всевозможнаго люда кишитъ дѣлмый день по всѣмъ переулкамъ и закоулкамъ Армянскаго базара. Кто что заработалъ здѣсь, тутъ-же и оставляетъ весь свой заработокъ съ обычною грузинскою безпечностью и евангельскою беззаботностью о завтрашнемъ днѣ... Зарабатываются нѣрѣдко рубли въ день, не только копѣйки, но домой все равно не возвращаются... Если чѣсть и пить больше не хочется, поясомъ новый купить, шапку ухарскую, а ужъ домой не понести...

Господи! какихъ тутъ народовъ не увидишь! персы, окрашенные хеной, будто въ какую-то огненную краску, мингрельцы, лезгины, турки, нухинскіе татары, даже арабы черные...

Кто и работаетъ, то не спѣша, съ прохладою, не отказывая себѣ ни въ наслажденіяхъ бесѣды, ни въ спокойномъ зрѣніи разныхъ базарныхъ новинокъ и приключеній. Та-же досужая неспѣшность и у продавца, и у покупателя, и у случайнаго прохожаго. Никто не хочетъ упустить случая поболтать, поглазѣть.

И вся обстановка восточнаго рынка словно припрорвлена къ этой жизни толпы, не дорожащей временемъ, не имѣющей никакихъ хитрыхъ вкусовъ и далекихъ замысловъ, жизни сегодняшняго дня, безъ помышленія о чемъ-нибудь другомъ.

Всѣ эти безчисленныя лавчонки, маинькія, скупенныя другъ на

дружку,—наружу, прямо на площадь и на улицу... Никаких дверей и оконъ; даже кузни, слесарни, кухни здѣсь же прямо на мостовой въ низенькихъ углубленіяхъ дома... Портные, поднявъ ноги, съ нитками въ зубахъ, на глазахъ всѣхъ спокойно шьютъ свои черкески, снимаютъ мѣрки, уютаютъ и стегаютъ, и клиенты ихъ такъ-же спокойно стаскиваютъ съ себя на всей честной публикѣ шаровары и бешметы. Цирюльникъ точно также откровенно мылитъ щеки и бороду черноусаго грузинскаго франта или голую спнюю голову мусульманина, не то громко постригиваетъ своими ножницами, перебрасываясь шутками съ соседями и прохожими.

Всѣ моются, бръются, стригутся, одѣваются и раздѣваются, какъ в себя въ спальнѣ, на этомъ родномъ для всѣхъ, гостепримномъ базарѣ.

Интереснѣе всего персидскія кухни, которыя тутъ на каждомъ шагу. Изъ нихъ всегда валитъ аппетитный паръ и вокругъ нихъ всегда толпа. Огромныя оловячныя мисы вмазаны въ печь и подъ ихъ тяжелыми крышками что-то кипитъ, ворчитъ, бурчитъ, возбуждая нервы проголодавшася прохожаго. Очаги и печи наполняютъ кухню сзади, а сбоку, поближе къ улицѣ, косыя полки, на которыхъ разставлена всевозможная туземная посуда, большія деревянныя блюда въ полтора аршина и въ аршинъ поперечника, выдолбленныя поперекъ повидимому изъ толстаго ореховаго ствола, кувшины и кувшинчики затѣйливыхъ формъ, длинногорлые, пестро раскрашенные. Иногда сзади кухни особая маленькая столовая, гдѣ безвыходно сидятъ посѣтители. Въ персидской кухнѣ все необыкновенно чисто, вкусно и дешево. Тутъ вамъ готовятъ кебабъ, тоненькіе сочные ломтики мяса, осыпанные душистымъ краснымъ порошкомъ кинзы, жарятъ восхительный бараній шашлыкъ на желѣзныхъ спицахъ, варятъ пловъ, сацеви, чахиртолу и всякую всячину. Мно-

Два муши съ бурдюками на спинѣ.

Жество пшеничныхъ чурековъ (хлѣбъ) навалено впереди лавки, а ловаши готовятся почти сжеминутно. Оригинально происходитъ это приготовление: поваръ персянинъ, обвязавшись тряпками поверхъ бритой головы своєю, быстро смазываетъ жидкимъ тѣстомъ внутренность только-что вытопленной маленькой, открытой сверху печки, а когда на стѣнкахъ печи образуется легкая кора изъ засыхающаго тѣста, вдругъ опрокидывается внизъ головою въ верхнее отверстіе и возвращается оттуда съ цѣлымъ холстомъ тонкаго тѣста длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина и болѣе, которое можно свертывать какъ салфетку и которыми можно утираться какъ салфеткой. Ловаши служатъ грузину въ одно время тарелкою, салфеткой и бумагою для завертыванія съѣстнаго.

Туть-же около кухни—дешевыя кондитерскія своего рода—фруктовыя лавки. На такихъ-же косыхъ полкахъ, на такихъ-же своеобразныхъ и огромныхъ блюдахъ лежатъ горы черешень, зеленый алыча черкесская (слива), недоспѣлыхъ грецкихъ орѣховъ еще въ шкурахъ, бѣлыхъ тутовыхъ ягодъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая овощи, отъ картофели и огурцовъ до любимаго грузинскаго лобіи (фасоли), салата и острогона. Кабачки тоже подъ рукою, но приличные, какъ всѣ другія лавки, безъ специальныхъ россійскихъ сценъ драки, рутни и безобразій... Бурдюки вина всѣхъ размѣровъ—отъ огромныхъ быковъ, буйволовъ, кабановъ, до крошечныхъ козлятъ—наполняютъ такой кабачокъ вмѣсто нашихъ обычныхъ бочекъ водки; для распивки туть-же стоятъ разноцвѣтные графинчики и кувшинчики разнаго вида и краски... Дешевое вино льется обильно среди этой толпы базара, не вызывая грубаго пьянства, незамѣтно испаряясь въ болтовнѣ, смѣхѣ и въ движеніи на солнечномъ жару.

Туть не только торговля, но всякое ремесло, всякія восточныя фабрикаціи. Сѣдельники, сапожники, шапочники готовятъ свой товаръ туть-же на глазахъ многочисленныхъ своихъ заказчиковъ. Кузнецы и мѣдники гремятъ, какъ Вулканы, своими молотами, заглушая даже шумъ базара, съ такимъ увлеченнымъ соревнованьемъ, какъ-будто эта дьявольская музыка доставляетъ имъ неграмъ самое тонкое наслажденіе. Кожевникъ безъ церемоній растакиваетъ толпу и очищаетъ себѣ часть мостовой, чтобы разостлать только-что смоченныя сафьянныя кожи и теллячи опойки. Толстопузые армяне-оружейники съ сѣдыми усами, въ яркихъ шароварахъ, въ восточныхъ бешметахъ, важно воссѣдаютъ на прилавкахъ, поджавъ коротенькія ноги, и съ искусствомъ настоящихъ мастakovъ своего дѣла осторожно оправляютъ драгоценныя лезвія старинныхъ кинжаловъ, насѣкаютъ серебромъ и чернью костяныя

рукоятки, вяжутъ и обтягиваютъ ножны... Пестрая толпа грузинъ, татаръ, горцевъ съ восхищеннымъ любопытствомъ обступаетъ эти интереснѣйшія для кавказца мастерскія, слѣдя съ одобрительнымъ удивленіемъ за ловкостью пальцевъ этихъ жирныхъ, но опытныхъ слесарей.

Чего тутъ нѣтъ для услаженія воинственной души кавказскаго человѣка! Почти каждая слесарная лавочка—въ то-же время и музей древностей, за которыя дорого далъ бы иной нашъ любитель стариннаго оружія. Тутъ вооруженіе разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ Кавказа: хевсурскія, лезгинскія, абхазскія, остатки генуэзцевъ и крестоносцевъ, арабовъ и турокъ... Желѣзные тяжелые бердыши, перьяники, топорики, рогатія коровьи головы на такихъ же желѣзныхъ рукояткахъ, колчаны со стрѣлами, еще до сихъ поръ не вездѣ въ горахъ вышедшіе изъ употребленія, луки, дротинки, круглые щиты изъ буйволовои кожи, съ стальными бляхами и насѣчками, шлемы съ затыльниками изъ стальной сѣти, кольчужныя рубашки, желѣзныя суктавчатыя перчатки съ кольчугами, стальные расписны-налокотники, — цѣлый арсеналъ стариннаго рыцарскаго вооруженія, въ которомъ и до сихъ поръ щеголяютъ въ торжественныхъ случаяхъ многіе кавказскіе горцы, но которые, однако, начинаютъ все болѣе и болѣе дѣлаться рѣдкостью. Такою-же любопытною, исчезающею старинною смотрять и всѣ эти оригинальныя музыкальныя орудія старой грузинской и горской жизни, самой разнообразной формы и самой тонкой отдѣлки, украшенныя по дорогому дереву сложными узорами перламутра, всѣ эти старыя пузатыя гитары съ натянутымъ пузыремъ, съ двойными корпусами, точно такъ же какъ старинные рога и кубки, золотые, серебряные, причудливыя лампы изъ огромныхъ кокосовыхъ орѣховъ, красныя и пестрыя кувшинчики и прочія восточныя рѣдкости, наполняющія многія изъ лавокъ.

* * *

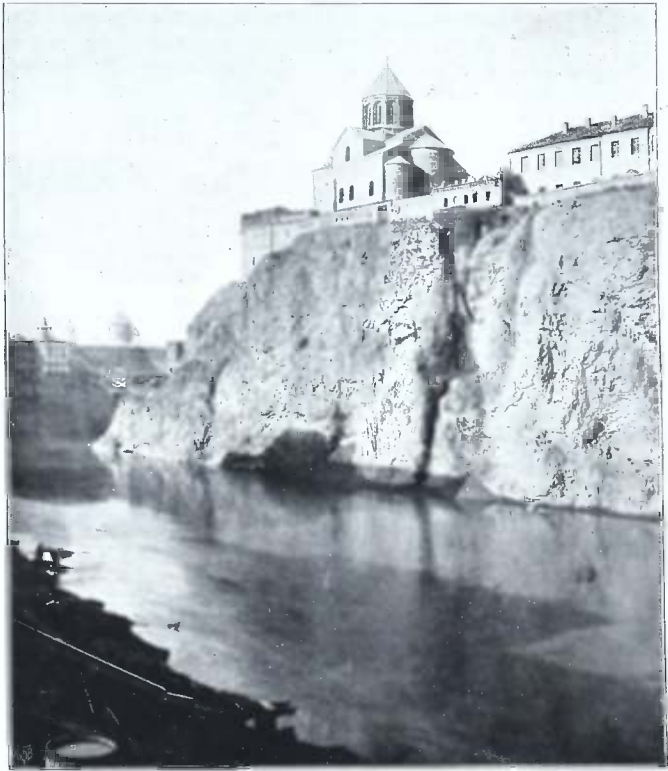
Глубокимъ Востокомъ пахнуло на меня, когда я вступилъ подъ низкіе своды длинныхъ «темныхъ рядовъ». Это первообразъ нашихъ гостинныхъ рядовъ московскаго Китай-города, Нижняго и проч. старыхъ городовъ. Тутъ холя всегдашатаймъ азіатскаго базара!... Прохладно какъ въ могилѣ, ниткуда не зайдетъ палиціи зной солнца. А между тѣмъ всевозможныя лавки, ситды и бакаленіи, и тѣ-же сытые армянскіе торговцы, съ поджатыми подъ себя ногами, въ безмолвномъ ожиданіи сидятъ на прилавкахъ, съ хищническимъ огнемъ въ черныхъ глазахъ, сурово опутивъ свои крѣпкіе и длинные какъ клювы носы, точъ-въ-точъ будто разсѣвшіеся по степнымъ курганамъ коршуны, подстере-

гасшіе добычу... Вся эта древне-азиатская обстановка, эти одежды Библии и «Тысячи одной ночи», эти тѣсные и таинственные переходы—напоминаютъ воображенію давно забытыя впечатлѣнія дѣтства, когда, бывало, съ поэтическимъ ужасомъ вчитывался и вслушивался въ похождения какого-нибудь Али-бабы и 40 разбойниковъ... Вотъ кстати и тѣ самыя ослы, которыхъ навьючивалъ счастливый Али-баба сокровищами темной пещеры... Задшіе осленки, или яшаки, такъ малорослы, что ихъ рѣшительно не видно подъ визанками дровъ, навьюченныхъ на нихъ безъ всякаго милосердія... Цѣлыми десятками гонять ихъ какой-нибудь татаринъ или горецъ, привязавъ другъ къ другу за хвосты, запруживая ими узкіе переулки базара, и издали кажется, будто выюки дровъ сами плывутъ, покачиваясь, по улицѣ, пока разглядишь эти потѣшныя длинныя; сѣрыя уши, словно сваленныя изъ плотнаго войлока, что торчатъ и пугливо настороживаются среди такихъ же сѣрыхъ визанокъ... Прошли дрова, смотришь—цѣлый рядъ копенъ зеленого сѣнаго сѣна стали проплывать сквозь тѣсоту базарной толпы, колыхаясь какъ на волнѣ, и опять не видать, кто везетъ это сѣно, словно это вдругъ двинулась въ путь сама травяная степь, какъ бирманскій лѣсъ въ драмѣ Шекспира. Не скорѣ стѣрешь даже копыта и уши этихъ крошечныхъ, низкихъ яшаковъ, кругомъ обнавленныхъ и обвязанныхъ сѣномъ; рядомъ стоишь, все кажется—копна ползетъ, а не яшакъ идетъ... Они здѣсь не больше крупной мелеланской собаки.

Всего забавнѣе, когда штукъ 20 такихъ осликовъ съ корзинами опрятно уложеннаго угля, съ дровами или сѣномъ осторожно спускаются съ крутого ската горы, почти садясь на свои хвосты.

Но и кругомъ яшаковъ всевозможныя домашнія животныя толкуются тутъ на базарѣ: рыжія козы и овцы, пригнанныя пастухами на продажу, верблюды изъ Баку съ керосиномъ и всякимъ товаромъ; буйволы желѣзнаго цвѣта, желѣзнаго склада, словно рожденные для ярма, неуклюже вламываются въ толпу, таща за собою громадные нагруженныя арбы съ тупицами, выдолбленными изъ исполинскаго бука, допотопной формы, допотопнаго размѣра, допотопной тяжести... Реветъ, скрипятъ, визжатъ, словно хотятъ сейчасъ разсыпаться со злости немазаныя колеса этихъ ковчеговъ Носевыхъ, и ихъ дружное пѣніе заглушаетъ собою даже гулъ и крики базара.

Возницѣ такого же первобытнаго до-историческаго вида возсѣдаютъ на верху этихъ громоздкихъ возовъ, съ копыями своего рода, которыми они покалываютъ вмѣсто кнута толстокожихъ чудовищъ, влачащихъ на своихъ плечахъ ихъ ковчеги...

МЕТЕХСКИЙ ЗАМОКЪ ВЪ ТПОЛИСѢ.

Лохматые бараньи шапки рыжей шерсти гигантскими грибами покрывают маленькия головы этих степныхъ грузинъ и татаръ, придавая имъ поистинѣ дикій и свирѣпый видъ, нисколько не отвѣчающій ихъ мирнымъ нравамъ.

Тудовищныхъ лохматыхъ шапокъ этихъ массы толкуются среди базара; есть и другіе, такіе-же громадныя, той-же формы грибы, но только черныя, гладкіе, гораздо болѣе щеголеватые. Какъ выносить кавказская голова эту тяжесть и эту парню въ знойной южный полдень, — отказываются понять. Туземцы увѣряютъ тѣмъ не менѣе, что только въ буркѣ да бараньей шапкѣ и можно спрятаться отъ ихняго солнца. Оттого-то и полонъ весь лѣтній базаръ бурками и папахами.

Впрочемъ, большинство повседневныхъ рабочихъ, копачей, носильщиковъ, каменщиковъ, — не въ папахѣ, а въ легкихъ войлочныхъ и суконныхъ ермолкахъ, иногда просто желтыхъ, какъ верблюжье сукно, иногда красиво расшитыхъ шелками и золотомъ по красному и другому яркому фону. Рабочіе тутъ всѣ персы, какъ и вообще на Кавказѣ. Они самыя неутомимые, самыя покладные, самыя доступные... Одѣты они въ распашныя накидки, въ родѣ бурнусовъ или мантий, а когда работаютъ — остаются босоножими, съ открытою грудью, едва не въ однихъ панталонахъ...

Водовозы и водоносы тоже персы. Они составляютъ особое словіе тулухчей, имѣющее весьма важное значеніе въ жизни города. Черезъ базаръ то и дѣло продираются «жерики», т.-е. мулы, и простыя лошади, обвѣшанныя мокрыми тулухами. Тулухъ — это большой кожаный мѣхъ въ формѣ воронки, съ кишкою на концѣ; они ловко пристегиваются съ обѣихъ сторонъ лошади или мула, поверхъ толстаго слоя попонъ, защищающихъ лошадь отъ просачивающейся и плескающей воды... Въ эти тулухи наливается вода, а выливается она сквозь рукавъ кишки, обыкновенно подобранный вверхъ. Водоносы несутъ ти-

Ковровая яртка на Майданѣ въ Тифлисѣ.

желую службу. У нихъ на спинѣ также толстая кожаная подкладка, какъ и на бокахъ лошадей. Они набираютъ воду глубоко внизу изъ Курры, подъ обрывами берега, въ огромные каменные кувшины или, вѣрнѣе, боченки, нацѣпляютъ ихъ широкими ремнями — одинъ на спину, другой на плечо — и карабкаются затѣмъ медленнымъ шагомъ наверхъ по какому-нибудь узенькому, скользкому и осыпающемуся проходу... Жалко бываетъ смотрѣть, какъ мучительно совершаютъ они свое восхождение по этому тернистому пути съ полными кувшинами... Часто, выбившись изъ силъ за цѣлый день этой каторжной работы Данаидъ, вѣчно черпающихъ и вѣчно выливающихъ, они валяются какъ попало на этомъ же самомъ крутомъ спускѣ берега или у его подножія, тяжело дыша въ одолевшемъ ихъ снѣ, босоногіе, загорѣлые, темнѣе всякой бронзы, раскинувъ прямо подъ припекомъ солнца, прямо на горячихъ камняхъ, свои худые, терпкіе, какъ канаты цѣпкіе и жилистые члены...

Сродни этому сословію и другой цехъ тифлисскихъ поденщиковъ — носильщики или *муши*. Тотъ, кто не видалъ тифлисскаго муши, никогда не повѣритъ, въ какую неутонченную и могучую выючную скотину можетъ обратиться себя человѣкъ. Муши цѣлыми поколѣніями воспитали въ себѣ изумительную сноровку къ переносу тяжестей; точно также какъ у верблюда и буйвола тысячелѣтняя привычка носить ярмо образовала особый складъ шеи, спины и ногъ, такъ и у кавказскаго муши вы сразу отгадаете его ремесло по необыкновенно широкой, согнутой въ горбъ спинѣ, длинной шеѣ и мозолистымъ, короткимъ ногамъ. Это — двуногій верблюдъ своего рода, такой-же выносливый, такой-же поразительной силы, такой-же поразительной умѣренности привычекъ и кротости нрава. Муши умѣетъ ходить согнувшись пополамъ, то-есть образуя почти горизонтальную поверхность изъ верхней половины своего тѣла. Спина его дѣлается, такимъ образомъ, очень удобною подстановкою для цѣлаго вѣса тяжестей, а слегка скрюченныя, крѣпкія и короткія ноги его ступаютъ увѣренно и стойко подъ давленіемъ иногда невѣроятной муши, взбираясь съ нею на какую хотите высоту. Я видѣлъ муши на улицахъ Тифлиса, которые, безъ преувеличенія, несли на себѣ столько, сколько у насъ обыкновенно поднимаютъ небольшая крестьянская лошадь. Тащить одному на своей спинѣ огромные диваны, комоды, сундуки — ему нипочемъ...

Понятно, что у него на спинѣ несъемная кожаная подушка, какъ сидятъ на лошади... Муши пользуются славою необыкновенно честныхъ людей, иначе, само собою разумѣется, самое ремесло ихъ было бы невозможнo. Муши вѣкъ цехомъ издавна и строго наблюдаютъ другъ за

другомъ, и случаевъ обмана или воровства среди нихъ почти не встрѣчается.

Всякій чужестранецъ и прїѣзжій съѣло вручаетъ свои пожитки первому попавшемуся муши и приказываетъ ему отнести куда нужно, нисколько не заботясь слѣдовать за нимъ. Даже деньги и драгоценныя вещи безъ страха пересылаютъ съ муши. Случалось, что нанявшій носильщика приказывалъ ему ждать его по адресу, а самъ забывалъ о немъ и являлся къ мѣсту назначенія многими часами позже. Вѣрный муши терпѣливо сидѣлъ у порога указанного дома, не разлучаясь съ своею ношею, дожидаясь возвращенія своего минутнаго хозяина. На углу улицъ важно возсѣдаютъ на своихъ подмосткахъ, поджавъ ноги, многоученые *лиразы*—публичные *лицы*, въ классическихъ своихъ, непомѣрно высокихъ и узкихъ бараньихъ шапкахъ, надѣтыхъ на затылокъ, столь излюбленныхъ персіянами... Передъ ними узенькіе деревянные ящички съ чернильницами, перьями, ножичками. Толпа постоянно окружаетъ этихъ необходимыхъ всемъ грамотеевъ, и они бойко валяютъ тутъ-же, на колѣнкахъ, письма, прошенія, жалобы, договоры, кому что нужно; читаютъ письма, толкуютъ бумаги, даютъ совѣты по всякимъ судебнымъ казусамъ за очень умѣренное вознаграженіе и безъ всякихъ дальнихъ мытарствъ...

Эти доморощенные азиатскіе нотаріусы, съ моей точки зрѣнія, все-таки имѣютъ нѣкоторое преимущество передъ нашими младшими и старшими по своей дешевизнѣ и доступности...

II.

Древности Тифлиса.

Въ Тифлисъ я прїѣхалъ погостить къ брату своему, директору тифлисской гимназіи, старому другу и спутнику многихъ моихъ странствованій какъ по разнымъ странамъ Россіи и Европы, такъ и по житейскому морю. Отдыхая душою и тѣломъ среди родной, гостепріимной семьи, какъ у себя дома, я находилъ, однако; время обѣгать все уголки Тифлиса рука-объ-руку съ своимъ старымъ другомъ, который мнѣ, конечно, служилъ самымъ лучшимъ чичероне, какъ своего рода кавказскій старожилъ, пробывшій здѣсь уже 16 лѣтъ, и, главное, какъ человѣкъ, любящій не менѣе меня наблюдать все характерное и интересно въ жизни той страны, гдѣ приходится быть.

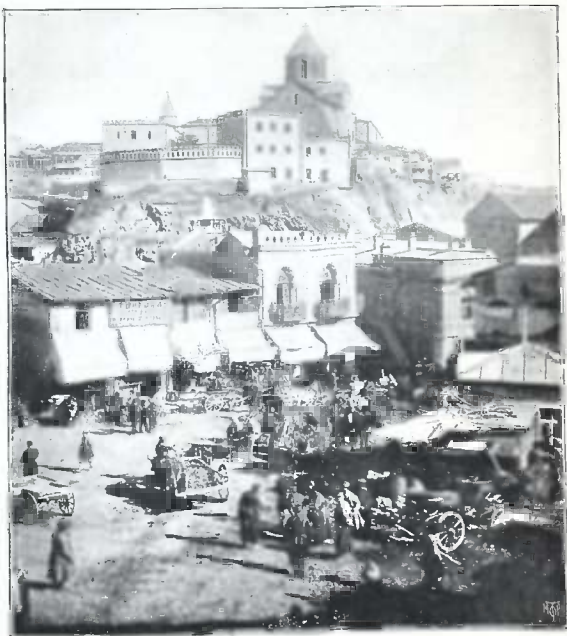

Общій видъ Тифлиса. Михайловскій мостъ.

Нашимъ постояннымъ спутникомъ былъ милый, бѣлоголовый мальчишка въ бѣлой папахѣ и бѣлой черкескѣ, съ умными, пытливыми глазенками, уже смѣлый и любопытный, мой соименникъ и по имени, и по отчеству, и по фамилиі, слѣдовательно въ известномъ смыслѣ новое званіе меня самого, безъ сомнѣнія, значительно улучшенное и дополненное противъ стараго. Его кавказская ребяческая душа уже вполне освоилась съ крутизнами и обрывами, точно также какъ и его ножонки, окрѣпшія въ частыхъ лазаньяхъ по горамъ, такъ что онъ совершенно законно пристыживалъ (подчасъ наше малодушіе, колебавшееся передъ какимъ-нибудь рискованнымъ шагомъ во время карбканья по скаламъ, окружающимъ городъ...

Чего-чего ни обѣгали, ни облазали мы въ старой столицѣ Грузіи! Рѣдкій городъ такъ живописенъ и своеобразенъ какъ Тифлисъ. Его съ трехъ сторонъ стѣснили горы—Мта-Цминда съ запада, своими горными сланцами, поднятыми болѣе чѣмъ на 1,000 футовъ выше города, а съ юга—горы Таборисъ-Мта и обрывистые какъ стѣна утесы Саламакского гребня, на высотѣ которыхъ и теперь еще являтся полуразрушенныя башни и стѣны древней персидской крѣпости... Отроги этихъ горъ доходятъ почти до самой Куры, оставляя мѣстами только небольшія ровныя пространства, и такъ стѣсняютъ своими обрывами

течение Куры, что, вместо 100 и 150 сажень своей обычной ширины, она сдавлена у подножия крепости, под воротами Метеха, в узкое и глубокое русло, не более 15 сажень ширины, с берегами 25-тисаженной высоты... А на противоположном берегу Саламакским утесам почти подають руку Махатскія скалы, едва раздвинутыя стремниною Куры отъ своихъ каменныхъ соедей... На крайнемъ выступѣ этихъ скалъ стоитъ прославленный въ тифлисской исторіи замокъ Метехъ, основанный еще около 500 года нашей эры сыномъ знаменитаго Вахтанга Горгаслана, грузинскимъ царемъ Дарчи, какъ первое зерно новаго города Тифлиса. Метехъ до сихъ поръ обнесень стѣнами и заключаетъ въ себѣ древній метехскій храмъ и тюрьму; прежде же онъ служилъ обычнымъ осаднымъ дворомъ царямъ и католикосамъ Грузіи, которые имѣли тутъ свои дворы еще со времени Дарчи. Двумя короткими мостами, расположенными почти рядомъ, закурская сторона Тифлиса, или Авлабаръ, называвшаяся встарину Исни, сообщается съ самою главною старинною частью города, гнѣздомъ историческаго Тбилиси, называвшееся прежде Кала, то-есть

Площадь Майданъ и Метехскій замокъ въ Тифлиси

крѣпость, именно тѣми самыми мѣстами, которыя я описалъ въ предыдущей главѣ, — гдѣ помѣщается Армянскій базаръ, сѣрныя бани на Майданѣ, Сионская улица и пр. Каля еще недавно была обнесена съ трехъ сторонъ стѣною и башнями, построенными царемъ Гуракомъ въ VI вѣкѣ, а съ востока примыкала къ обрывамъ рѣки. Стѣна эта, также какъ и стѣна, окружавшая весь Авлабаръ, еще была включена въ опись Тифлиса, составленную нашимъ правителемъ Грузіи кн. Циціановымъ въ 1863 г. На самомъ берегу, между Сионскимъ соборомъ грузинъ и Ванскимъ соборомъ армянъ, недавно стояли велич-

Памятникъ кн. М. С. Воронцову и Николаевскій мостъ въ Тифлисѣ.

копные дворцы персидскихъ царей, царицъ и царевичей Грузіи, между прочимъ знаменитый дворецъ царя Ростомъ, который съ такимъ восторгомъ описывается путешественниками XVII и XVIII столѣтій — Шорденомъ, Турнефоромъ и другими, блиставшій мозаиками, позолотою, драгоценными сосудами; дворцы были разрушены вмѣстѣ со всемъ Тифлисомъ незадолго до присоединенія Грузіи къ Россіи, именно въ 1795 г., въ дни великаго погрома Грузіи Ага-Магометь-ханомъ, шахомъ персидскимъ.

Въ составъ Каля входила также старая персидская цитадель, основанная еще персидскимъ вождемъ Убаромъ въ концѣ IV вѣка, занимавшая гребни Саламакскихъ скалъ и теперешній персидскій квар-

талъ и бывшая главнымъ оплотомъ Тифлиса. Цитадель эта когда-то доходила до самой Куры, но въ настоящее время уцѣлѣли только немногія верхнія башни ея, а отъ нижней части уже не осталось слѣдовъ, да и въ началѣ XVIII столѣтія, судя по отзывамъ путешественниковъ, укрѣпленіе это, когда-то славившееся неприступностью, уже было приведено почти въ разрушеніе и охранялось ничтожнымъ гарнизонномъ.

Что же касается новѣйшей части Тифлиса, занимаемой Головинскимъ проспектомъ, Михайловскою, Ольгинскою и другими, такъ ска-

Головинскій проспектъ въ Тифлисѣ.

зать, европейскими улицами, то вся она возникла сравнительно очень недавно, въ дни русскаго владычества, около прежняго загороднаго квартала Гаретубани, по равнинѣ, примыкавшей съ сѣвера къ Капа. Вообще, вслѣдствіе гористыхъ условій мѣстности, Тифлисъ могъ удобно раздвигаться на сѣверъ, по обимъ берегамъ Куры, и онъ дѣйствительно разросся къ сѣверу съ необыкновенною быстротою и съ большою для себя выгодою, поглотивъ селенія Куки, Чугуреты и др.

Главнымъ образомъ, Тифлисъ сталъ европейскимъ городомъ при князѣ Воронцовѣ. Михайловская улица и Михайловскій проспектъ, длиннѣйшая улица Тифлиса, имѣющая $2\frac{1}{2}$ версты длины, названы въ честь его имени. Онъ устроилъ первые тротуары, насадилъ деревья

по Головинскому проспекту, этой главной артерии новаго Тифлиса, обстроеной при немъ прекрасными многоэтажными домами со множествомъ богатыхъ магазиновъ, имѣющей 211 саж. ширины, какъ любая площадь азіатскаго города.

Впрочемъ, до самаго начала 60-хъ годовъ Тифлисъ представлялъ собою невылазную клоаку вонючей грязи, такъ что черезъ площади его повременамъ было рискованно переѣзжать даже верхомъ; къ началу 1863 года мостовыя покрывали уже 42,000 кв. саж., а черезъ 17 лѣтъ,

Пушкинскій скверъ въ Тифлисъ.

въ 1879 г. были замощены цѣлыхъ 160,000 кв. саж. тифлисскихъ площадей и улицъ.

При Воронцовѣ, на мѣстѣ прежнихъ самалакскихъ садовъ возникла самая аристократическая часть города, Самалаки, съ прямыми, широкими улицами, вообще застроились всѣ окраины города на правомъ берегу Куры до

самой Давидовой горы, а на лѣвомъ, черезъ устроенный имъ Михайловскій мостъ, достигли даже до нѣмецкой колоніи.

Воронцовъ построилъ въ Тифлисъ и первые театры—русскій и итальянскій, при немъ въ первый разъ, въ теченіе всей многолѣтковой исторіи Грузіи, грузины услышали драматическія представленія на своемъ родномъ языкѣ.

Въ Тифлисъ начинаютъ издаваться при немъ первая газета «Кавказъ» на русскомъ и армянскомъ языкахъ, первые кавказскіе календари, учреждаются кавказскій учебный округъ, публичная бібліотека, кавказское географическое общество, магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Тифлисъ, кавказское общество сельскаго хозяйства, устраивается выставка сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ произведеній Закавказья и его природныхъ богатствъ; европейскіе товары, съ помощью облегчительныхъ пошлинъ въ приморскихъ портахъ, получаютъ право бесплатнаго транзита черезъ Тифлисъ въ Азію, точно такъ же какъ и азіатскіе товары получаютъ это право для прохода изъ Баку черезъ Тифлисъ, Редутъ-Кале или Сухумъ-Кале въ Европу. Разнородныя банковыя операціи предоставляются вновь основанному приказу общественнаго призрѣнія, всѣ части управленія получаютъ

прочную и современную организацию... Такія дружныя и капиталныя преобразованія общественной жизни Тифлиса, разумѣется, послужили къ совершенному перерожденію города и быстро придали ему характеръ значительнаго европейскаго центра жизни.

При князѣ Барятинскомъ и великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ этотъ ростъ Тифлиса продолжался въ томъ же направленіи, такъ что въ результатъ получился—вмѣсто маленькаго грузинскаго города, имѣвшаго въ началѣ XIX столѣтія едва 20,000 жителей и не болѣе 3,000 домовъ съ земляными крышами—нынѣшній стотысячный Тифлисъ, шумная и блестящая столица Кавказскаго наместничества, считающая въ себѣ уже 12½ тыс. жилыхъ строеній, изъ которыхъ болѣе 6,000 крыты желѣзомъ, черепицей или деревомъ и около 30% всего числа имѣютъ 2 или болѣе этажей...

Изъ древнихъ храмовъ Тифлиса болѣе всего достоинъ вниманія Сіонскій храмъ. Планъ его былъ начертанъ еще Вахтангомъ Горгасланомъ въ концѣ V вѣка, хотя, повидимому, не былъ имъ выполненъ. Царь Гурамъ, жившій вѣкомъ позже, уже возобновляетъ Сіонскій и Метехскій соборы, какъ старые. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сіонскій храмъ разрушался такое же бесчисленное число разъ, какъ и самъ многострадальный Тифлисъ. Въ XIII вѣкѣ султанъ Джелаль-Эддинъ приказываетъ снять съ него куполь и по высокимъ, нарочно устроеннымъ подмосткамъ въѣзжаетъ на его вершину, чтобы оттуда любоваться картиной мученія тифлискихъ жителей.

Сіонскій соборъ по наружности совершенно подобенъ всѣмъ извѣстнымъ древнимъ храмамъ—кутаисскому, мартвийскому и пр., т.-е. представляетъ собою на крестообразномъ основаніи восьмиугольную башню съ восьмиугольно пирамидальною крышею и длинными «щельными» окнами, довольно скудно украшенную снаружи рельефами крестовъ, деревьевъ, звѣрей и т. п. Въ самомъ Тифлисѣ почти всѣ церкви грузлянъ и армянъ имѣютъ ту-же архитектуру.

Внутри—Сіонскій храмъ, также какъ и всѣ храмы, мною уже опи-

Естественно-историческій музей
въ Тифлисѣ.

санные въ прежнихъ очеркахъ Кавказа, — чрезвычайно напсмзняетъ обычную обстановку византійско-русскихъ храмовъ, подобныхъ Успенскому въ Москвѣ или Софійскому въ Киевѣ. Сплошная пестрая живопись по золоту покрываетъ всѣ своды и стѣны наивно-грубыми огромными фигурами святыхъ угодниковъ и ангеловъ. Вамъ чудится, что вы у себя дома, въ одномъ изъ давно знакомыхъ вамъ святилищъ какого-нибудь древняго русскаго города.

Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается наружнымъ видомъ грузинскаго духовенства, до такой степени сходнаго съ нашимъ во всѣхъ подробностяхъ одежды и пріемовъ, что понинивъ удивляешься силѣ нашего семинарскаго воспитанія, положившаго такой неизгладимый общій отпечатокъ на столь различныя народности.

Военный музей въ Тифлисе.

и грузинское. Глухой и унылый вой стонкихъ пѣвчихъ, такъ мало похожій на наши стройные архіерейскіе хоры, одинъ только напоминалъ намъ Грузію.

Множество мраморныхъ плитъ съ надписями вѣдланы въ помосты двора, притворовъ и храма. Между ними есть исторически-интересныя. Въ ризницѣ храма точно также много историческихъ сокровищъ, собранныхъ сюда даже изъ древнихъ монастырей провинціи, какъ, напр., Бобдійскаго и другихъ.

Нѣсколько толстыхъ грузинскихъ поповъ сидѣли на лавочкѣ въ тѣни собора, въ ожиданіи какой-то службы, и важно раздавали своими пухлыми руками благословеніе загорѣвшимъ и худымъ богомольцамъ, подхлывшимъ къ нимъ благоговѣнно, какъ къ иконамъ...

Разспросивъ этихъ грузинскихъ святыхъ отцовъ кое о чемъ, интересовавшемъ насъ въ храмѣ, мы отправились въ главную святыню армянъ—Ванскій соборъ, также на берегу Куры, только нѣсколькими

кварталами повыше Сионскаго... Ванскій соборъ гораздо своеобразнѣе Сионскаго. Его колокольня, крытая красивыми голубыми изразцами, древнѣе входы съ арками, расписанными красками и позолотой, врызанные въ наружныя стѣны характерныя древнія плиты съ грубыми скульптурными изображеніями,—все это придаетъ ему особенный характеръ и производитъ впечатлѣніе болѣе глубокой древности. Внутри храма алтари идутъ въ линію иконостаса, почти какъ въ католическихъ церквахъ, безъ царскихъ вратъ, съ такими же, какъ у католиковъ, низенскими дверочками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ армянскомъ храмѣ замѣтно и вліяніе Востока: мѣста для женщинъ сзади отдѣлены особою оградой, и хоры ихъ закрыты отъ востровъ частою рѣшеткою, какъ въ караимскихъ синагогахъ.

Армянскій епископъ живетъ въ обширномъ дворѣ собора, который вообще окруженъ жилыми постройками причта. Когда мы проходили черезъ дворъ, много женщинъ въ типическихъ армянскихъ шапочкахъ, съ типическими черными доконами, сидѣли за чайными столиками у своихъ домиковъ, на галлерейкахъ или подъ тѣнью деревъ.

Вообще въ этой мѣстности во всѣхъ окружающихъ улицахъ живутъ почти исключительно армяне. Ихъ всегда было значительно больше въ Тифлисѣ, чѣмъ хозяевъ-грузинъ. Турнефоръ въ 1703 году насчитывалъ въ Тифлисѣ 14,000 армянъ всего на 2,000 грузинъ и 3,000 мусульманъ. При Ермоловѣ, въ 1835 году, по свидѣтельству кавалера Гамбы, на 15,000 армянъ въ Тифлисѣ приходилось всего 9,000 грузинъ. Да и теперь, по переписи 1879 г., армянъ въ Тифлисѣ считается свыше 37,000 душъ обоего пола, а грузинъ разныхъ отгѣлковъ всего только свыше 21,000 душъ.

Божій соборъ въ Тифлисѣ.

Объяснить это не трудно, такъ какъ грузины въ теченіе вѣковъ составляли боевое сословіе, постоянно истреблявшееся въ непрерывныхъ междоусобицахъ и нашествіяхъ азіатскихъ народовъ; при завоеваніи Грузии, персы, монголы и другіе вводили ихъ массами въ плѣнь или на далекія переселенія; достаточно, напр., сказать, что въ 1618 году шахъ Аббасъ, отнявъ Грузію у турокъ, угналъ изъ нея 80,000 семействъ, т.-е. до 500,000 народу, въ самыя отдаленныя области Персіи; то-же сдѣлалъ потомъ и Надиръ-шахъ и наконецъ его преемникъ Ага-Магометъ-ханъ, о страшномъ нашествіи котораго мы говорили выше, всего только за шесть лѣтъ до присоединенія Грузии къ Россіи отвелъ въ персидскій плѣнь 20,000 грузинъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія...

Если къ этому прибавить цифры грузинъ, истребленныхъ въ разное время такими жестокими побѣдителями, какъ монголы, аравитяне, персы, турки, лезгины, то вполне будетъ понятно сравнительно ничтожное число грузинъ въ столицѣ Грузіи.

Тимуръ топталъ собранныя толпы грузинскихъ юношей и дѣтей конями своихъ дикихъ наѣзниковъ; султанъ Джелаль-Эддинъ въ XIII вѣкѣ бросалъ ихъ тысячами въ рѣки и одинъ истребилъ до 100,000 грузинъ! То-же дѣлали и всѣ другіе въ иныхъ размѣрахъ, инымъ способомъ.

Армяне были гораздо болѣе мирнымъ классомъ, чѣмъ грузины, занимались торговлею и промыслами, поэтому ихъ гораздо менѣе опасались побѣдители, а они имѣли гораздо менѣе случаевъ погибнуть во время нашествій и войнъ.

Кромѣ того молодыми грузинскими женщинами и мальчиками, славившимися своею красою, въ теченіе вѣковъ производилась дѣятельная торговля съ Востокомъ и Константинополемъ, самими царями и князьями Грузіи, что служило и къ прямому сокращенію населенія, и къ подрыву семейной нравственности, вообще среди грузинъ гораздо болѣе слабой, чѣмъ въ строгой армянской семьѣ...

Надо сказать еще, что огромный наплывъ армянъ въ Тифлисъ много зависѣлъ отъ близкаго сосѣдства турецкой Арменіи; Гамба былъ личнымъ свидѣтелемъ того, какъ въ началѣ русскаго владычества турецкіе армяне переселялись во множествѣ въ Тифлисъ и другіе города Грузіи подъ защиту русскаго закона изъ турецкаго царства всяческихъ беззаконій и безпорядковъ.

Впрочемъ, тифлисскіе армяне до того отождествили себя съ грузинами, что многіе изъ нихъ только недавно стали учиться по-армянски, громадное же большинство говоритъ и живетъ по-грузински. Это

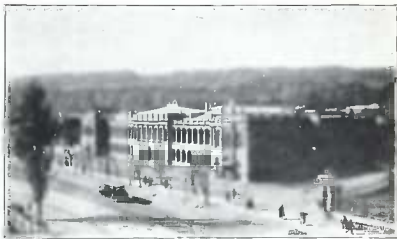
обстоятельство, конечно, сильно помогло им овладеть издавна и всецело грузинскою столицею, захвативъ въ свои руки всю торговлю, всю денежную силу.

Несмотря на глубоко-восточный складъ бытовыхъ обычаевъ и вкусовъ армянь, унаследованныхъ ими чуть не съ библейскихъ временъ, современные тифлискіе армяне обнаруживаютъ рѣшительный поворотъ ко многому европейскому и успѣли проявить въ этомъ отношеніи блестящія практическія качества.

Торговая предприимчивость и смѣлость ихъ оборотовъ ставятъ ихъ на равную доску съ самыми искусными торговыми націями Европы и Америки. Они не жаждутъ денегъ на основательное обученіе дѣтей своихъ за границею всякой специальности, которая можетъ принести практическую выгоду и которая близка ихъ интересамъ. Въ Тифлисѣ уже можно встрѣтить множество молодыхъ армянъ, прекрасно образованныхъ, побывавшихъ вездѣ, совершенно усвоившихъ себѣ общеевропейскій складъ мыслей и жизни.

Хотя у нихъ остается господствующая черта племени—нѣсколько одностороннее влеченіе къ наживѣ, но оно уже принимаетъ смягченную, благородную форму обычныхъ стремленій западной буржуазіи.

Впрочемъ, среди армянъ есть теперь и ученые, и литераторы; въ блестящемъ караванѣ-сараѣ Ариуни, полною магазиномъ и складомъ, съ освѣщенными газомъ галереями, даже устроенъ теперь особый армянскій театръ, съ постоянною труппою, всегда полный публики; существуетъ особое «армянское благородное собраніе», особые армянскіе журналы и армянскія книжныя лавки; меня увѣрили, что литература армянъ, не считая драгоценныхъ историческихъ памятниковъ, очень богата теперь переводными произведеніями замѣчательнѣйшихъ писателей Европы, преимущественно реальнаго характера, напр., Дарвина, Бюкля, Льюиса и прочихъ. Школы у армянъ также много. Что армянскій народъ вообще способенъ къ научнымъ работамъ—доказывается не только положительнымъ умомъ армянина, но и нѣкоторыми фактическими примѣрами ихъ научной дѣятельности, какъ, наприм.,

Дворецъ въ Тифлисѣ.

пастари существующимъ въ Венеціи ученымъ армянскимъ обществомъ мехетаристовъ, извѣстнымъ во всей Европѣ своими капитальными изслѣдованіями и изданіями...

Типъ обвѣропейшагося армянина красивъ и симпатиченъ. Въ немъ исчезаютъ то жадное выраженіе долбоносой хищной птицы, та грубая рѣзкость въ чертахъ лица, которыя свойственны первобытному, непочатому цивилизаціей типу армянскаго торгаша, признающаго одинъ

культъ серебрянаго рубля; а вмѣстѣ съ тѣмъ все обиліе чернаго сверкающаго волоса, черныхъ сверкающихъ влагъ въ глазу, бѣлыхъ сверкающихъ зубовъ въ румяныхъ губахъ и здороваго румянца на смуглыхъ щекахъ, вся сила и рослость организма, отличающія такъ выгодно армянина отъ его различныхъ сосѣдей и, можетъ быть, объясняемая умѣренностью жизни и строгостью семейныхъ нравовъ армянъ, — остаются во всей своей неприкосновенности въ армянской просвѣщенной молодежи.

Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ
(съ ю.-в. стороны).

своей предприимчивости и настойчивости, — я задавался довольно малодушными мыслями насчетъ будущности другихъ племенъ Кавказа. Больше всего поражаело меня феноменальное физическое здоровье армянъ.

Я вовсе не встрѣчалъ армянъ болѣзненныхъ и слабыхъ. Если вы

видите армянина, то значить вы видите цвѣтушій, хорошо упитанный, богатый силами организм. Всѣ они красны, всѣ они толсты, всѣ они мучи, словно на-подборъ, — мужчины, какъ и женщины, какъ дѣти.

Эта племенная, тысячелѣтними утвердившаяся сила тѣлеснаго здоровья стситъ многого, общаетъ и объясняетъ многое.

Трудно не уступить передъ напоромъ этой обдуманной, настойчивой и вмѣстѣ энергически-страстной силы, не выдающей болѣзненныхъ колебаній нервовъ, неясныхъ сомнѣній, никакихъ вообще иллюзій ума и сердца, на все глядящей смѣлымъ, увѣреннымъ въ себѣ взглядомъ неутомимаго практика, вездѣ и всегда устремляющейся только за тѣмъ, что можно достать, и только какъ, такъ нужно достать...

Немудрено, что при этихъ практическихъ свойствахъ армянина, эта нація торговцевъ и ремесленниковъ, всегда чуждавшаяся войны, выдвинула изъ своей среды лучшихъ воиновъ русской кавказской арміи, всѣхъ этихъ Бебутовыхъ, Тергукасовыхъ, Лазаревыхъ...

Немудрено также, что практическія свойства армянъ сдѣлали для нихъ до такой степени безопасною торговую конкуренцію другихъ племенъ Кавказа, что, не говоря уже объ экономически порабожденныхъ ими грузинахъ, татарахъ, русскихъ, даже евреи, вызывающіе во всѣхъ странахъ міра такой дружный вопль противъ своего искусства эксплуатаціи, держать себя въ Закавказьѣ, въ присутствіи армянина, ниже травы, тише воды, и не составляютъ никакого опаснаго элемента, какъ ничтожныя маленькіе мышенки въ присутствіи большихъ крысъ...

Какъ-бы то ни было, а въ поразительномъ физическомъ здоровьѣ армянской націи нельзя не видѣть признака удачъ и успѣховъ ихъ будущаго, вѣрнѣйшаго доказательства того, что ихъ общественная роль еще далеко не закончена...

Но при этомъ, конечно, необходимо желать прежде всего, и для блага самихъ армянъ, и для блага страны, гдѣ живутъ они, дабы эти удивительныя практическія силы націи, сохранившей свою физическую дѣвственность въ теченіе тысячелѣтій, были наконецъ одухотворены не однимъ соблазномъ личной наживы, такъ часто обращающей армянина въ бездушнаго и безжалостнаго эксплуататора, чуждаго всѣхъ нравственныхъ принциповъ, но и высокими общественными идеалами прѣсвѣщенной европейской мысли.

Чѣмъ больше рѣшительныхъ шаговъ сдѣлаетъ по этому пути армянская нація, тѣмъ прочнѣе, обширнѣе и, главное, плодотворнѣе станетъ ея значеніе въ ряду общественныхъ силъ нашего Закавказья...

III.

Уличная жизнь Тифлиса.

В Тифлисе не упустите осмотреть древнюю Алиеву мечеть, очень близко от Метехского моста. Ея заостренный луковичною куполом и изящный минаретъ, весь выложенный кругомъ старинными ярко-голубыми изразцами, живописно высятся изъ тѣсоты окружающихъ домовъ, поднимаясь тяжкимъ основаніемъ сво-

Татарская мечеть и мостъ на Майданѣ въ Тифлисѣ.

имъ отъ самой глубины берега, прямо изъ бурныхъ волнъ пѣнящейся и ревущей Куры. Отсюда снизу, съ моста вообще хорошо посмотреть на поднимающійся вверхъ широкимъ амфитеатромъ, по крутизнамъ скалистого берега, Старый Тифлисъ, съ его безчисленными

уступами плоскихъ крышъ и длинныхъ галлерей, открытыхъ на Куру, съ глубокими устоями его нижнихъ домовъ, омываемыми Курою... Кажется, шагать можно по этимъ оригинальнымъ ступенямъ, незаметно ведущимъ отъ волнъ рѣки къ дальнимъ высямъ Салавкскаго гребня и Давидовой горы.

Но если отсюда это только кажется глазу, то, отправившись въ тернистое путешествіе къ монастырю святого Давида или на утесы старой персидской цитадели, дѣйствительно убѣдишься, что въ Тифлисѣ земляная крыша нижняго дома служить весьма часто единственнымъ дворомъ для верхняго дома и улицею для общаго прохода... Тѣ-же каменные ступени, иногда аршинной высоты каждая, что ведутъ во внутренность дома, поднимаютъ васъ потомъ на его крышу, потомъ вы-

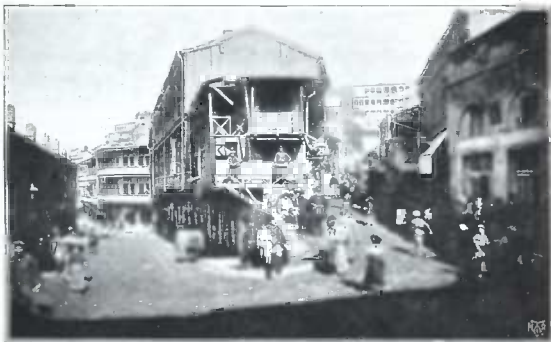

УЛИЦА И МЕЧЕТЬ У БОТАНИЧЕСКОГО САДА ВЪ ТИФЛИСѢ.

рняютъ куда-нибудь подъ галлерейку, мимо хлѣбовъ, садиновъ, грязныхъ двориковъ, опять выкарабкиваются куда-нибудь на просторъ и опять съ крыши на крышу, съ уступа на уступъ, наконецъ, приводятъ васъ, облигаго потомъ, съ ногами, дрожащими отъ непривычнаго напряженія, задыхающагося и утомленнаго, на такую головокружительную кручу, съ которой дѣйствительно весь Тифлисъ виденъ въ великолѣпной и оригинальной панорамѣ, но равнодушно переносятъ которую приучаешься только послѣ многихъ странствованій по горамъ...

За то же и знаешь всю истинную домашнюю и хозяйственную жизнь тифлисскаго обитателя, полазавъ по этимъ домамъ-ступенямъ, по

этимъ улицамъ крышъ. Тутъ вообще, какъ и вездѣна югѣ, внутренняя жизнь на-распашку: никто почти ничего не скрываетъ и даже не понимаетъ, зачѣмъ нужно скрывать. Не только обѣды, веселья, приемъ гостей происходятъ на глазахъ всѣхъ, но и спать, и одѣваются, и раздѣваются, и занимаются всѣми домашними приготовлениями тоже у всѣхъ на глазахъ, на открытыхъ всѣмъ галлерейкахъ, или въ низенькихъ переднихъ комнатахъ, настежь отворенныхъ ради прохлады... Вотъ уже дѣйствительно публичная жизнь!...

Видный подъемъ и Песковская улица въ Тифлисѣ.

* * *

Монастырь Давида теперь уже, кажется, не имѣетъ монаховъ, и только изрядка происходитъ въ немъ служба... Церковь, основанная въ VI вѣкѣ, перестроена была въ XVI-мъ, но въ 1809 г. была еще въ развалинахъ. Теперешняя церковь возобновлена уже русскими. Монастырь господствуетъ надъ всѣмъ Тифлисомъ, живописно приотпавшись на высотѣ 2,400 футовъ, на уединенномъ скалистомъ

уступъ отвѣсной горы Мта-Цминда, которой онъ даяъ названіе (Церковная гора).

Надъ монастыремъ гора идетъ еще гораздо выше и круче, а тотчасъ за нею—колѣарская дорога. Тифлисская дѣтвора и школьная молодежь храбро перелѣзаютъ эту гору по козинымъ, осыпающимся тропкамъ, чтобы сократить путь на нѣсколько верствъ, и Господь, охраняющій младенцевъ, охраняетъ ихъ въ этомъ головоломномъ пути. Но для насъ, жителей русской равнины, еще не освятившихъ себя крещеніемъ Дагестана, попытка взобраться дальше на гору оказалась невозможной...

* * *

Изъ-подъ церкви выбивается ключъ, а въ небольшомъ гротѣ изъ алагетскаго камня съ сѣверной стороны храма поконится дорогой для Россіи прахъ Александра Сергѣевича Грибоѣдова, перевезенный сюда изъ Тегерана въ 1829 году, въ то самое время, какъ по Грузіи путешествовалъ еще болѣе знаменитый соименникъ и собратъ Грибоѣдова, другой Александръ Сергѣевичъ, Пушкинъ, по странной случайности встрѣтившій на пути его гробъ.

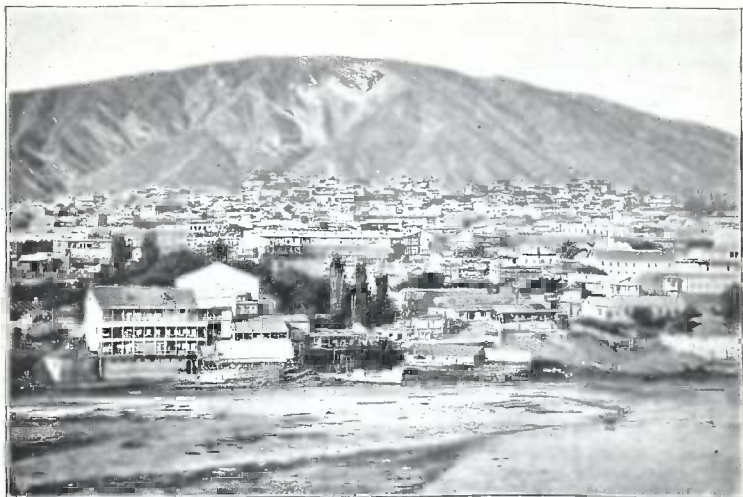
Печальная бронзовая женщина припала къ кресту, воздвигнутому на pedestalъ изъ траурнаго чернаго мрамора, и крѣпко обняла его обѣими руками...

Подъ портретомъ поэта, вырѣзаннымъ въ pedestalъ, кромѣ надписи о годахъ рожденія и смерти Грибоѣдова, начертана женою великаго писателя трогательная эпитафія; съ одной стороны: «Незабвенному его Нина», а съ другой: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?..»

Трудно избрать болѣе поэтической уголокъ для гробницы поэта, какъ этотъ горный монастырь, висящій птичьимъ гнѣздомъ надъ живописнымъ лабиринтомъ улицъ и садовъ Тифлиса...

Ручей св. Давида считается своего рода чудотворнымъ у грузинъ, какъ всѣ ключи старыхъ монастырей. Преданіе рассказываетъ, что на перешей горѣ Мта-Цминда въ XVII вѣкѣ жилъ и поучалъ жителей одинъ изъ 13 сирійскихъ отцовъ, св. Давидъ Гореджелъскій.

Одна молодая дѣвушка, дочь знатнаго челоѣка, подученная своимъ возлюбленнымъ, оклеветала святаго подвижника, когда обнаружилась ея береженность... Но Господь чудесно оправдалъ невиннаго. Передъ всѣмъ судомъ, говоритъ легенда, святой дотронулся посохомъ до чрева дѣвушки и громко спросилъ: кто отецъ зарожденнаго ребенка?... Ребенокъ изъ чрева матери названъ имя истиннаго обольстителя, и по

Видъ Тифлиса и горы св. Давида.

молитвъ святого дѣвушки вмѣсто ребенка родила камень... Съ тѣхъ поръ открылся на горѣ Мта-Цминда чудотворный ключъ, вода котораго имѣетъ силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ...

Въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи множество народа стекается въ древній монастырь пить священную воду и служить молебны св. Давиду, которому вообще посвящены четверги. Особенно много бываетъ женщинъ. По грузинскому обычаю, онѣ въ знакъ благоговѣнія своего обводятъ нитками стѣны монастыря и приносятъ къ нему изъ-подъ горы небольшіе камешки, вѣроятно, въ воспоминаніе древняго чуда... Если камешекъ послѣ молитвы пристанетъ къ стѣнѣ, то, значитъ, молитва услышана,—засидѣвшаяся дѣвушка будетъ имѣть жениха, бездѣтная мать родитъ ребенка...

Матери, у которыхъ часто умираютъ дѣти, даже посвящаютъ новорожденныхъ святому Давиду на извѣстное число лѣтъ, съ извѣстными обрядами; посвященный все время срока своего не стрижетъ волосъ и не снимаетъ бѣлой одежды, пока въ назначенный день не приведутъ

его босоногого на священную гору въ церковь угодника, гдѣ священникъ обрѣзываетъ ему волосы, надѣваетъ цвѣтное платье и служитъ молебень, съ обычнымъ у грузинъ жертвоприношеніемъ барана или быка.

Хорошо тоже подниматься и къ старой крѣпости, тоже по крышамъ, трубамъ, дворикамъ, дѣсенкамъ, темнымъ проходцамъ, по утесамъ и тропкамъ... Такъ-же живописно и характерно, но и такъ-же грязно и вонюче...

За то, когда взберешься, видъ восхитительный на весь Тифлисъ. Очень близко отъ крѣпости—древность, какихъ не найдешь даже въ этомъ городѣ древностей: это остатки храма огнепоклонниковъ, уцѣлѣвшіе отъ того почти до-исторического времени, когда религія персидскихъ маговъ была господствующею въ Грузіи...

Тифлисцы были когда-то огнепоклонниками не хуже пресловутыхъ жрецовъ бакинскаго вѣчнаго огня... Теперь близъ каніца подземному огню стоитъ Петханна, или Виѳедемскій храмъ армянъ...

Крѣпость кажется совершенно неприступною. Громадныя четырехугольныя башни поднимаются прямо изъ пропасти, а стѣны дѣлятся по самому гребню утеса... Жутко пробираться подъ ихъ грозною тѣнью по вьющейся тропинкѣ, надъ обрывами пропасти.

За крѣпостью, по ту сторону, въ совершенно закрытой отъ вѣтровъ пазахъ горъ, по южному скату крѣпостныхъ утесовъ, разбитъ ботанической садъ, въ которомъ очень мало ботаническаго, но довольно количество пьющаго и поющаго народа. Ботанической садъ, какъ и всѣ сады Тифлиса, обращенъ въ публичное гулянье. Порядочной публики мало, а все большею частью кутятъ пресловутые тифлисскіе «кинто». Кинто—это герои тифлисскихъ базаровъ, продавцы фруктовъ и всякой всячины, — столько же ловкіе торгаша, сколько ловкіе мошенники и воры, веселые рассказчики и болтливые сплетники, какъ Фигаро сверкающіе неистощимыми остротами и насмѣшками, цинически-наглые и нестыдливые, какъ парижскіе gamins, беззаботныя и лѣнивыя дѣти природы, какъ неаполитанскій лацарони. Кинто—это въ высшей степени своеобразное созданіе тифлисской жизни, продуктъ блаженнаго юга, полнаго обилиемъ и досугомъ, жаромъ солнца и художническими потребностями натуры...

Типъ кинто до такой степени опредѣлился въ понятіяхъ тифлискаго жителя, что въ переносномъ смыслѣ имъ здѣсь обозначаютъ цѣлую категорію нравственныхъ и умственныхъ свойствъ человека.

«Литературный кинто»—напрямѣрь: это кличка, сплошь да рядомъ примѣняемая здѣсь къ журналистамъ извѣстнаго пошиба и дѣй-

Мухранская улица и гора св. Давида въ Тифлисѣ.

ствительно выражающая чрезвычайно мѣтко столь распространенное теперь, часто бойкое и талантливое, но всегда дерзкое, всегда безпринципное издѣвательство нѣкоторыхъ газетчиковъ надъ всѣмъ, что уважается уважающимъ себя обществомъ.

* * *

Бродя по саду, наслушаешься-таки грузинской музыки! Богъ прости за это грузинъ. Въ ихъ жизни есть много хорошаго и удобнаго: Но судьба наказала ихъ ужаснѣйшею изъ музыкъ и, вѣроятно, ужаснѣйшими изъ ушей, потому что они съ удовольствіемъ слушаютъ эту музыку, способную на-смерть зарѣзать самаго не музыкальнаго и нетребовательнаго смертнаго. Боже! чего тутъ нѣтъ, въ этомъ мучительномъ оркестрѣ! И турецкій барабанъ, и бубны, и какія-то мудренныя скрипки странныхъ формъ, и дудочки, и сопѣлочки, и визгъ, и свистъ, и шумъ, и трескъ. Только нѣтъ никакой мелодіи, никакой гармоніи.

А грузины слушаютъ, и глаза у нихъ разгораются, и яркіе бѣлые зубы подъ яркими черными усами ослабляются торжествующими улыбками, и хорошенькія «волоокіи» грузинки, какъ гомерова богини,

тоже улыбаются, торжествуют и наслаждаются. Счастливая наивность! *sancta simplicitas* .. Это наивное грузинское веселье однако до такой степени весело, что и наблюдатель становится веселъ отъ ихъ веселья.

Нашъ поэтъ Полонскій воспѣлъ тифлискаго пѣвца въ своемъ стихотвореніи «Сатаръ». Но поэтъ въ тифлисской пѣснѣ слышался только «рыдающей, глухой, молящей дикій крикъ», а не тѣ звуки протодушнаго, такъ сказать, неумѣлаго дѣтскаго веселья, которые на всякомъ шагу слышалъ здѣсь я...

Какъ-будто издали, съ востока, братъ больной
Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ иль ропотъ свой...

говоритъ поэтъ «пѣвцу на земляной кровлѣ». Истинно признаюсь, читатель, что этотъ «больной восточный братъ» мнѣ показался во много разъ счастливѣе насъ самихъ, его западныхъ братьевъ, — потому, можетъ быть, я и не разслушала воплей въ его безтолковой азіатской пѣснѣ.

Впрочемъ, поэты вообще—за грузинскую пѣсню. Даже Пушкинъ находилъ «голосъ пѣсенъ грузинъ пріятнымъ» и оставилъ намъ на память одну изъ нихъ, увѣряя довольно лукаво, что «въ ней есть какая-то восточная безмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство».

«Не хочу обладать міромъ: хочу твоего зора;
Отъ тебя ожидаю жизни,
Черная роза, освѣженная росой!
Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни».

Такъ кончается эта пѣсня. Неудивительно, что она понравилась молодому поэтъ съ африканскою кровью въ жилахъ, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ случай изучить близко плѣнительную красоту грузинскихъ женщинъ.

Кто помянуть записки Пушкина, тотъ знаетъ, конечно, сколько удачи выпадало въ этомъ случаѣ на долю поэта, который, даже случайно зайдя въ тифлисскія бани, прежде всего наткнулся на грузинскую красотку. «Болѣе 50 женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя, раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ; я остановился».

«Пойдемъ, пойдемъ!—сказалъ мнѣ хозяинъ.—Сегодня вторникъ, женскій день. Ничего, не бѣда!..—Конечно, не бѣда...—отвѣтилъ я ему.—Напротивъ».

«Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не потопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться».

Армянскій соборъ Ванкъ и гора св. Давида въ Тифлисе.

Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны. За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы».

* * *

Кстати, я тоже долженъ сказать нѣсколько словъ о «славныхъ тифлисскихъ баняхъ», какъ ихъ называетъ Пушкинъ.

Нагулявшись по саду, мы спустились мимо крѣпости по очень сквернымъ обрывамъ, черезъ старинный персидскій кварталъ въ Сала-лаки. Этотъ спускъ былъ настоящимъ путешествіемъ по Азіи, черезъ безчисленное множество плоскихъ земляныхъ крышъ, прикрѣпленныхъ къ утесамъ крѣпости, выходящая лѣсенки, темныя крытыя галереи.

Наступила уже ночь, и освѣщенные красными огнями окна этихъ висячихъ въ воздухѣ ласточкиныхъ гнѣздъ еще болѣе усиливали темноту горной твердыни, надъ которой живописно вырѣзались высоко навверху, на фонѣ яснаго неба, гигантскіе силуэты древнихъ башенъ и стѣнъ..

Персіяне цѣлыми семьями сидѣли на коврикахъ по своимъ землянымъ крышамъ, молчаливо отправляя вечернюю трапезу послѣ трудового дня.

Художникъ далъ бы много, чтобы передать на полотнѣ все эти разнообразныя характерныя группы истого азіатскаго и мусульманскаго уголка, словно ожидающія его кисти съ неподвижностью статуи.

Храмъ св. Давида въ Тифлисѣ.

скихъ бойницъ стараго «Кала», направленныхъ на грузинскій и армянскій Тифлисъ.

Все эти этажи плоскихъ кровель, облѣпившіе гору отъ подножія башенъ до крышъ Салалаки, пріютились сюда, подъ защиту крѣпостныхъ твердынь, еще въ дальніе и давніе вѣка, когда утесы эти служили центромъ персидскаго наслія надъ Тифлисомъ и Грузіей, когда ненавистному персіянину было сколько-нибудь безопасно только здѣсь, въ близкомъ соседствѣ съ персидскою силою и персидскою властью, подъ постоянно угрозою мусульман-

Складъ и могила Грибоедова въ монастырѣ св. Давида,
близъ Тифлиса.

Бани теплыхъ сѣрныхъ ключей, давшихъ имя Тифлису, показавшія Пушкину роскошь не всего, что только онъ видѣлъ въ Россіи и Турціи, помѣщаются на Майданѣ и не только теперь не роскошны, но положительно грязны и вонючи. Лучшими банями считаются бани князя Ираклія Грузинскаго и князя Сумбатова. Въ первыхъ есть всего только одинъ мраморный номеръ, во вторыхъ—ни одного, остальные номера—просто каменные подвалы своего рода, глухіе, сырые, мамопріютные.

Велѣдствіе всеобщаго упадка патріархальныхъ нравовъ Грузии, мы уже не встрѣтили теперь при входѣ въ этотъ азіатскій рай, какъ счастливцевъ Пушкиныхъ, ни старыхъ фурій, ни юныхъ гурій, а прозаически отдали себя въ распоряженіе стараго персіянина обыкновеннаго мужескаго пола, хотя и не безносаго, какъ пушкинскій банщикъ. Въ тифлисскія бани «не красны углами, то красны пирогами» по русской пословицѣ. Онѣ въ самомъ дѣлѣ воскрешаютъ человѣка, какъ

живая вода, о которой говорится в сказках. Сначала кинули меня въ каменный бассейнъ, полный теплой сѣрной воды, которая струится въ него изъ особыхъ крановъ. Я сталъ словно вариться потихоньку на легкомъ огонькѣ и почувствовалъ себя такъ сладко и покойно, что, казалось, вѣкъ бы не вышелъ изъ этого отраднаго полузабытья, вѣкъ бы сидѣлъ въ этой теплой ласкающей влагѣ, въ которой незамѣтно

стихаютъ всякія волненія крови, всякое раздраженіе нервовъ, смягчаются старыя боли тѣла, засыпаетъ убаюканная, какъ въ колыбели ребенка, вѣчно спокойная мысль.

Братъ варился въ другой сосѣдней ваннѣ, также стихшій и также, повидимому, довольный этимъ чуднымъ грузинскимъ кейфомъ. И мы безмятежно созерцали другъ друга, какъ два блаженныхъ избранника на лонѣ Авраамовомъ, не чувствуя ни силъ, ни желанія расплакаться бесѣдою это растительное благополучіе младенцевъ въ утробѣ матери.

Когда я достаточно разварился и распарился и цѣтъ моего тѣла сталъ походить на хорошо просолоненную солонину, опытный поварь, варившій меня

Царь Давидъ-Возобновитель.
(Фреска Гелатскаго храма въ Мцхетѣ.)

въ своемъ каменномъ котлѣ, сообразилъ, что я теперь годенъ для дальнѣйшей стряпни, и безжалостно вытащилъ меня изъ теплой воды на длинную голую лавку, гдѣ я долженъ былъ подвергнуться всевозможнымъ пыткамъ, какъ въ застѣнкѣ какой-нибудь шорнбергской тюрьмы...

Чего только ни дѣлать со мною этотъ азіатскій мучитель!... Онъ мялъ меня, онъ билъ меня, онъ меня всячески щипалъ и трепалъ, онъ

Ботаническій садъ и развалины крѣпости въ Тифлисѣ.

трясъ и дергалъ мои руки и ноги, словно хотѣлъ выдуть ихъ изъ ихъ суставовъ, крутилъ ихъ назадъ какъ разбойнику, пойманному съ поличнымъ, онъ нестово топталъ меня, вспрыгнувъ въ какомъ-то гимнастическомъ упоснѣи мнѣ на плеча своими худыми босыми ногами и выдѣлывая на мгѣ, по моей грѣшной спинѣ, по моимъ многострадающимъ ребрамъ, такія отчаянныя антраша, которымъ позавидовалъ-бы любой балетчикъ. Я переносилъ всѣ эти дикія упражненія азіатца въ нѣмомъ ужасѣ и суевѣрной покорности, согнувъ подъ нимъ выю и терпѣливо нося его на своемъ хребтѣ, какъ гоголевскій Хома Брутъ послушно носилъ вскопчившую на него вѣдьму... Но вѣдь вѣдьма по крайней мѣрѣ оказалась красавицею, дочкою сотника, и наградила бѣднаго бурсака поцѣлуйми своихъ оболстительныхъ устъ, а я не заслужилъ отъ прыгавшаго по мнѣ мучителя ничего кромѣ жесткой, поистинѣ ежовой рукавицы, которою онъ сталъ меня далеко неласково гладить, поваливъ носомъ на лавку...

Но вотъ вдругъ кончилось это жесткое струганье моего тѣла, которое персіянинъ, повидимому, принималъ за деревянную доску, подготавливаемую подъ лакъ кускомъ пемзы... Какой-то пузырь очутился въ проворныхъ рукахъ расхоловавшегося, вдохновеннаго банщика...—Бы-

стро сталъ онъ взбивать что-то въ этомъ пузырьѣ—и въ одно мгновеніе ока я вдругъ сталъ тонуть въ ароматической воздушной волнѣ изъ взбитаго миндальнаго мыла...

Дрожащая, колыхающаяся гора легкой пѣны съ волшебной быстротой разрасталась надо мною, погружая меня въ себя совсѣмъ—съ головою и ногами...

И вдругъ этотъ душистый сонъ исчезъ разомъ, словно кто-то суднулъ съ меня окутавшее меня воздушное облако, и я очутился опять въ глубинѣ каменнаго котла, опять въ теплой сѣрной водѣ, неприятно пригнувшей въ носъ послѣ слабаго запаха миндаля,—и опять впалъ въ счастливую полу-дремоту, изъ которой никогда-бы не хотѣлось выходить...

Брата въ эту минуту уже тащилъ на муку падачъ-азіатъ.

* * *

Баню мы закончили также по-азіатски. Потребовали себѣ изъ со-сѣднихъ персидскихъ кухонъ кебаба съ кинзи, шашлыка, ловашей, кахетинскаго вина, чтобы уже вполне вкусить наслажденій персидской бани; и ѣлось-же отлично всѣхъ этихъ горячихъ и вкусныхъ яствъ, принесенныхъ прямо съ пылу, безъ тарелокъ, завернутыхъ прямо въ ловаши... Послѣ лазанья по утесамъ и землянымъ крышамъ, послѣ своеобразнаго массажа, который задалъ намъ этотъ бритый профессоръ шведской гимнастики, послѣ часовой варки въ котлѣ—захочется ѣсть самому завязтому постнику...

Но обоихъ насъ оставилъ далеко позади себя нашъ маленькій бѣлобрысый черкесенокъ, убиравшій душистое мясо и запивавшій его вкуснымъ динондальскимъ виномъ, какъ настоящій кавкасскій джигитъ послѣ жестокаго боя...

IV.

Былое Тифлиса.

ПЕРСИЯНЕ теперь мучаютъ только посѣтителей бани, жарятъ только кебабъ, бьютъ только камни мостовыхъ. Они обратились въ мирное рабочее сословіе Грузи, безотвѣтное и выносливое какъ выючный скотъ, самое бѣдное, самое незначительное по вліянію и власти.

Но недалеко то время, когда персы, арабы, монголы, турки—въ

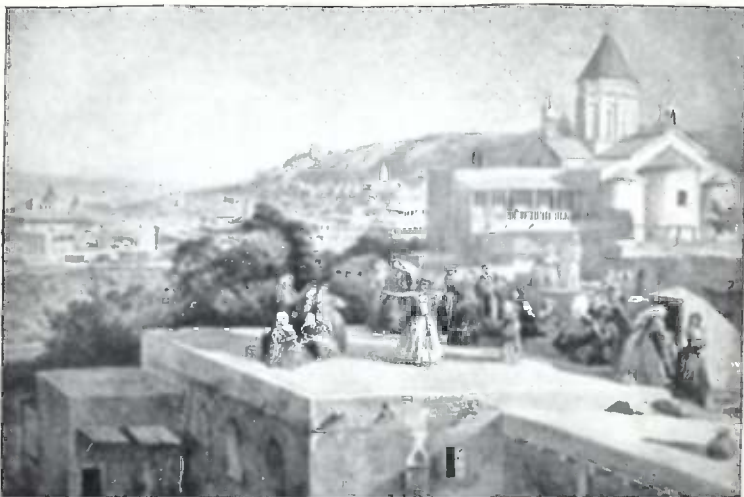
Общій видъ Тифлиса.
Рисунокъ кн. Г. Гагарина.

теченіе цѣлыхъ вѣковъ мучили и терзали бѣдную Грузію, бѣдный Тифлисъ, когда они были деспотическими повелителями грузина и армянина, господами среди рабовъ, когда магометанину принадлежала вся здѣшняя сила и когда онъ могъ пользоваться безпрекословно всѣмъ здѣшнимъ богатствомъ..

Та персидская крѣпость, что торчитъ теперь въ развалинахъ на утесѣ, окруженная, какъ пастухъ стадомъ овецъ, тѣсно сбившимися къ ней домами персіянъ, дѣйствительно владычествовала когда-то и надъ Тифлисомъ, и надъ всею Грузіей, и ея теперешнія развалины весьма наглядно выражаютъ собою освобожденіе Грузіи и Тифлиса отъ ся гнета...

Судьба Грузіи вообще, Тифлиса въ особенности, относительно Азіи поистинѣ ужасна, и кажется, ничто никогда не заставитъ грузина усыпить въ своемъ сердцѣ вражду къ азіатскому мусульманству, которую онъ воспиталъ тысячелѣтіемъ... Это самое вѣрное ручательство внутренняго сродства Грузіи съ Россіей.

Тяжело читать длинный скорбный листъ тифлискихъ разореній, грузинскаго страданія.

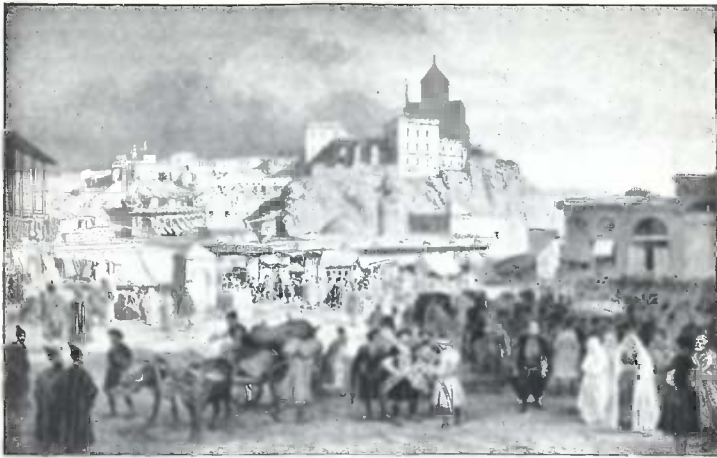
Терраса Тифлиса.
Рисунок из Гр. Гагарина.

Тифлисъ постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется — въ теченіе долгихъ вѣковъ сряду... Разореніе города, избіеніе жителей — въ его исторіи являются чѣмъ-то не только обыкновеннымъ, но даже какъ-бы необходимымъ очереднымъ явленіемъ его нормальной жизни, какъ нѣкоторыя болѣзни человѣческаго возраста.

Врядъ-ли можно сосчитать всѣ его возрожденія изъ пепла, всѣ кровавыя фазисы, въ которыхъ онъ, такъ сказать, мѣнялъ свою историческую шкуру, пока не достигъ своего теперешняго блестящаго положенія — торговаго европейскаго города, столицы закавказскихъ областей.

Персы пробуютъ разрушать Тифлисъ еще при первой постройкѣ его Вахтангомъ Горгаеланомъ.

До конца VI-го вѣка нашей эры Тифлисомъ и Грузіей управляютъ цари персидской крови Сассанидовъ, персидскаго обычая, персидской вѣры, тѣснившіе христіанъ; послѣ короткаго владычества Багратидовъ, еврейскаго племени, въ началѣ VII-го вѣка персы опять подчиняютъ себѣ Тифлисъ и держатъ свой гарнизонъ въ тифлисской крѣпости.

Базарная площадь въ Тифлисѣ.
Рисунокъ кн. Гр. Гагарина.

Освобожденіе отъ персовъ было еще худшимъ бѣдствіемъ для Тифлиса: въ 626 году его взяли приступомъ хозары, соединившіеся съ византийцами императора Ираклія. Почти все населеніе было истреблено, всѣ храмы и зданія разрушены.

«Стоны и вопли матерей къ дѣтямъ раздавались подобно бляенно многочисленнаго стада овецъ къ ягнтямъ своимъ, — повѣствуя льтописецъ. — За ними вслѣдъ бросались враги немилосердные; руки ихъ проливали потоки крови; ноги ихъ давили трупы. Когда прервались голоса, вопли и стоны, и когда ни одинъ не остался въ живыхъ, тогда только узнали хищники, что насытились мечи ихъ».

Обоимъ правителямъ Тифлиса, персу и грузину, хозарскій царь приказалъ выколоть глаза, содрать съ живыхъ кожу, выдѣлать ее и набивъ сѣномъ повѣсить на зубцахъ стѣны.

«Все безчисленное войско, тяжело нагружившись, приносило предъ своего повелителя груды и громады сокровищъ, и такъ много они приносили, что утомительно было глядѣть на несметное количество талантовъ золота и серебра. Но кто въ состояніи разсказать объ украшеніяхъ церквей, объ утвари, унизанной жемчугомъ?» — съ ужасомъ пере-

дасть дѣлописецъ. Это только одинъ образчикъ изъ военныхъ нравовъ старой азиатской исторіи, только одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ погромовъ огнемъ и мечомъ, сплошную дѣнь которыхъ представляетъ собою дѣлописецъ Тифлиса.

Въ 731 г. Мурванъ-Глухой, восначальникъ халифа Омара, съ своими арабами опустошаетъ Грузію и Тифлисъ до того, что «не осталось почти ни одного удѣлывшаго строенія».

Черезъ 13 лѣтъ арабы опять вторгаются въ Грузію, разоряютъ Тифлисъ, убиваютъ царя.

Вслѣдъ за ними сквозъ Дарьяль прорываются хозары, опять разоряютъ Тифлисъ и угоняютъ къ себѣ въ степи массы плѣнныхъ.

За ними опять арабы, опять разореніе и плѣны, — конца нѣтъ!..

Арабы владѣли Тифлисомъ до самаго XI-го столѣтія.

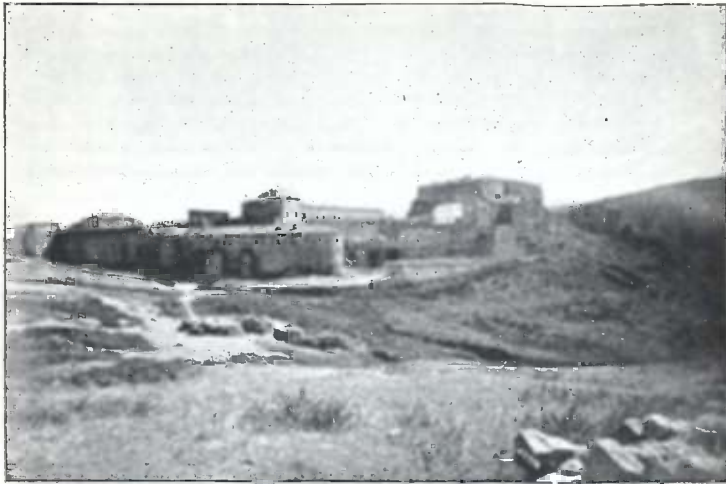
Съ 1042 года имъ вновь овладѣваютъ грузинскіе Багратиды, но уже въ 1073 году турки-сельджуки успѣваютъ взять Тифлисъ приступомъ, еще разъ разоряютъ его, еще разъ утверждаютъ въ немъ магометанство.

Только въ 1122 году Давидъ Возрожденный отвѣщаетъ его у турокъ послѣ долгой осады.

Но истиннаго процвѣтанія Тифлисъ достигъ при славной царицѣ Тамарѣ, которая присоединила къ Грузіи Арменію, подчинила себѣ всѣ горы и берега Кавказа и смирила исламъ грозною своею оружіемъ. Однако послѣ смерти Тамары дѣло рукъ ея стало постепенно распадаться, и Грузію вмѣстѣ съ Тифлисомъ постигли прежнія бѣдствія...

Въ 1226 году султанъ хорасанскій Джелаль-Эдинъ, вырѣзавъ все населеніе пройденныхъ областей, взялъ приступомъ Тифлисъ и уничтожилъ городъ. «Въ безграничномъ звѣрствѣ своемъ, враги истребляли христіанъ до того, что всѣ улицы, овраги, ямы были наполнены убитыми», говоритъ очевидецъ, оставившій описаніе этого бѣдствія. Большую часть убитыхъ бросали въ рѣку.

«Султанъ велѣлъ разломать всѣ церкви до основанія, и дерзость его дошла до того, что онъ велѣлъ снять куполь съ Сіонскаго храма, устроить на высотѣ храма сѣдалище и для входа туда сдѣлать мостъ, длинный, высокій и удобный. Онъ велѣлъ взять иконы Спасителя и Сіонской Божіей Матери и поставить посрединѣ надъ рѣкою. Связанныхъ попарно обоего пола лицъ приводили къ мосту, приказывали попирать иконы и отказаться отъ вѣры Христовой, а въ случаѣ отказа отсѣкали имъ головы. Весьма многіе отказывались отъ поруганія святынь, и мы имѣемъ великое сомнѣніе исповѣданниковъ и мучениковъ,

Общій видъ Ахалцхевской крѣпости.

котораго исчислить нельзя: я же полагаю, что ихъ было до 100,000 жертвъ».

Черезъ 12 лѣтъ монголы, двинувшіеся на Россію, овладѣли Тифлисомъ и уничтожили его. Монголы держатся въ Грузіи болѣе столѣтій и хотя въ половинѣ XIV-го вѣка оставляютъ его, но послѣ того Тимуръ еще шесть разъ вторгается въ Грузію и въ 1388 году разрушаетъ Тифлисъ, побивъ и плѣнивъ жителей «безъ числа и счета», по выраженію армянскаго историка. Во всей Грузіи не осталось камня на камнѣ. Царь грузинскій попадаетъ къ нему въ плѣнъ вмѣстѣ съ царицей. Кроваваго завоевателя велитъ собрать на гумнахъ Тифлиса всѣхъ дѣтей его и топчетъ ихъ конями своихъ дикихъ наѣзниковъ. Теперешняя Камаубанская церковь св. Георгія воздвигнута на мѣстѣ этого безчеловѣчнаго мучительства.

Только-что царь Александръ успѣлъ сколько-нибудь возобновить развалины Тифлиса и обнести его новыми стѣнами, какъ въ Грузію вторгся тавризскій ханъ Джаханъ, взявъ Тифлисъ и опять разорилъ и обезлюдилъ его. Съ XVI-го вѣка начинается опять владычество и

мучительство персовъ. Первый овладѣлъ Тифлисомъ персидскій шахъ Измаиль въ 1518 году. Онъ потопилъ въ Куръ древнія святѣни христіанства, разрушилъ храмы и построилъ мечеть въ укрѣпленномъ имъ Тифлисѣ.

Однако грузинскіе цари не сразу уступаютъ шахамъ свою столицу. Они не разъ вырываютъ ее изъ рукъ мусульманъ, обагрѣя своєю и вражескою кровью камни многострадальнаго города; но всякій разъ персіанс черезъ короткое время возвращаютъ его назадъ еще съ большимъ кровопролитіемъ, еще съ большимъ разореніемъ... Въ теченіе всего XVI-го столѣтія Тифлисъ перекидывается изъ рукъ въ руки, какъ мячъ въ игрѣ дѣтей, отъ персовъ къ туркамъ, отъ турокъ къ грузинамъ, отъ грузинъ опять къ персамъ. Несмотря на всю изумительную нравственную стойкость грузинскаго племени, христіанство расплывается этими безвыходными боинями и разрушеніями до того, что грузинскіе цари принимаютъ наконецъ магометанскую вѣру шаховъ персидскихъ, воспитываются въ обычаяхъ персидскаго двора и дѣлаются постоянными данниками и ставленниками шаха. Но и это не спасаетъ отъ разоренія ни Тифлиса, ни Грузіи.

Въ 1616 году шахъ Аббасъ обагрѣилъ ее кровью изъ конца въ конецъ. Мусульманскій историкъ считаетъ однихъ павшихъ на полѣ битвы до 70,000, не считая 100,000 отведенныхъ въ плѣнъ. Всего плѣнныхъ поселены татары изъ Малой Азіи. Только въ XVIII-мъ столѣтіи, именно въ 1722 г. грузинскій царь Вахтангъ VI торжественно принялъ Христову вѣру. Но это навлекло на него жестокою междоусобною войну и разореніе лезгинами Тифлиса, успѣвшаго къ тому времени снова разбогатѣть и обстроиться. Царь Вахтангъ обращается къ помощи Петра Великаго и спасается съ своимъ семействомъ въ единственную Россію, гдѣ онъ и умеръ. Между тѣмъ Персія втягивается въ непрерывныя войны съ Турціей. Въ Тифлисѣ утверждаются турки, пока шахъ Надиръ не беретъ его назадъ силою.

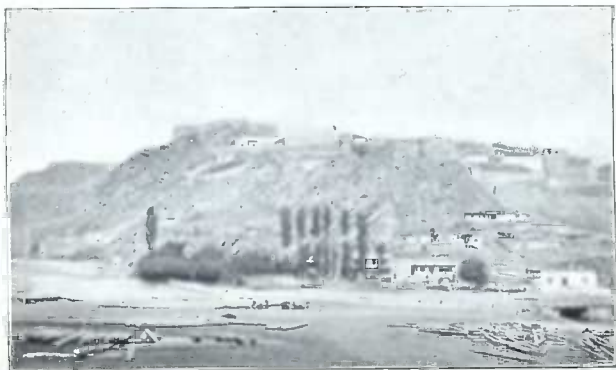
Грузія растерзывается на части усобицами и соперничествомъ князей, спорящихъ за престолъ и продающихъ врагамъ свое отечество. Тифлисъ поочереди переходитъ отъ одного царька къ другому.

Царь Ираклій II, со всѣхъ сторонъ терзаемый врагами и претендентами, рѣшается наконецъ прибѣгнуть къ покровительству могущественной Россіи, и въ 1783 году Екатерина посылаетъ на защиту Тифлиса свои войска.

Это уже канунъ присоединенія. Всѣ силы Грузіи истощены, всякая будущность потеряна. Никакихъ устоевъ государственнаго орга-

низма, ни внутреннихъ, ни вѣншихъ, шатаніе и рознь кругомъ. Но судьба готовила ей еще одинъ послѣдній ударъ. Въ концѣ 1795 года, немного лѣтъ спустя послѣ удаленія изъ Грузіи русскаго войска, вторгнулся въ Грузію персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ, свирѣпый евнухъ Надиръ-шаха.

Тифлисъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія; 6 дней сряду грабили и жгли его персіяне. Кура была завалена трупами; дѣтей рубили пополамъ, пробуя остроту сабель. Современникъ, видѣвшій дымящіяся развалины Тифлиса, въ одной только башнѣ нашель до

Общій видъ Ахалцхской крѣпости.

1,000 тѣлъ. Чумной воздухъ стоялъ надъ гниющими гудами тѣлъ, которыхъ некому было убирать. «Храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ образецъ того, чего они должны ожидать въ день судный!» съ гордостью высказываетъ по этому случаю биографъ Ага-Магометъ-хана.

Неудрено, что скоро послѣ этого безчеловѣчнаго погрома въ Тифлисъ свирѣпствуетъ страшная чума.

Въ 1798 году умираетъ наконецъ старецъ Ираклій II, несчастный царь Грузіи, а въ 1800 году его наслѣдникъ—Георгій XII—уже проситъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

18-го декабря 1800 г. подписывается императоромъ Павломъ манифестъ о присоединеніи Грузіи, 22-го декабря умираетъ давно уже

Вступление первого русскаго полка
въ Тифлисъ. Картина Ф. Рубо.

больной Георгій XII, въ началѣ 1801 г. генералъ Кноррингъ устанавливаетъ въ Тифлисъ временное верховное правительство, а 8-го мая 1802 г. католикосъ Грузіи, царевичи, князья, дворяне и всѣ сословія царства торжественно приводятся къ присягѣ на вѣрность русскому престолу.

Время вѣковѣчныхъ страданій и бѣдствій окончилось для Грузіи: Она вошла въ плоть и кровь Россіи и стала ея передовою твердынею противъ Азіи.

Подъ могучимъ напоромъ великаго единовѣрнаго народа, Грузія теперь сама смѣло двинулась навстрѣчу давившему ее отовсюду азіатскому исламу, сила воедино древнія, разрозненныя части свои, возвратила въ свое лоно Арменію и всѣ предѣлы когда-то обширнаго царства своей славной царицы Тамары, и Тифлисъ, обращенный въ груды окровавленныхъ камней азіатскимъ варваромъ на самомъ порогѣ XIX-го столѣтія, — сталъ въ самое скорое время тѣмъ блестящимъ, богатымъ и цивилизованнымъ Тифлисомъ, какимъ я теперь увидѣлъ его.

и какимъ онъ могъ сдѣлаться только подъ сѣнью мира и безопасности.

* * *

Такими-то воспоминаніями огня, крови и слезъ полна эта старая персидская скала, что безмолвно висится своими обглоданными каменными зубцами на этихъ неприступныхъ Саламакскихъ утесахъ и у подножія которой такъ доврчиво пріотился теперь мирный ботанической садъ, полный веселыхъ пѣсень и шутокъ безопасно гуляющихъ грузинъ.

Тифлисцы по справедливости могутъ смотрѣть на эти мрачныя башни съ тѣмъ чувствомъ ненависти и радостнаго торжества, съ какимъ смотрѣли когда-то освобожденные сыны Швейцаріи на развалины Zwing-Uri, когда-то грознаго и безжалостнаго владыки своего, сокрушеннаго геройствомъ Теля и его сподвижниковъ.

~~~~~  
V.

## Стени Юры.

**И**ЗЪ Тифлиса мы дѣлали только небольшія экскурсіи, въ ожиданіи того времени, когда окончатся занятія въ гимназіи и брату моему явится возможность отправиться со мною въ далекій и трудный путь, составлявшій главную цѣль моей кавказской поѣздки, въ нагорный Дагестанъ.

Мы успѣли посѣтить, между прочимъ, самый обычный и, кажется, самый старинный дачный пріютъ тифлисцевъ — Колжоры, которые лежатъ недалеко отъ Тифлиса, по дорогѣ въ Мангись, на высокихъ горахъ, окаймляющихъ Куру справа.

Насъ собралась маленькая кавалькада, съ грузинскою княжною во главѣ, съ двумя молодыми гвардейцами, въ качествѣ воинной охраны своего рода. Одинъ изъ спутниковъ нашихъ былъ сынъ популярнаго въ Грузіи князя Л. И. Меликова, исправлявшаго тогда должность намѣстника Кавказа; другой—сынъ тоже известнаго за Кавказомъ князя Тенгиза Дадешкильваніи, владѣтеля Сванетіи, отчаянный джигитъ, который успѣлъ заслужить репутацію храбреца и рубаки въ послѣднюю болгарскую войну.

Этотъ молодой сванетскій удалецъ удивительно ловко гарцовалъ





Развалины персидской крѣпости въ Тифлисъ.

впереди насъ, на бѣломъ карабахѣ высокой крови, воспитанномъ въ табунахъ самого хана карабахскаго и, говорятъ, прельщавшемъ покойнаго Скобелева, который его торговалъ для своего ахаль-текинскаго похода.

Мы сдѣлали прелестную горную прогулку, наслаждаясь видами на долину Куры, исчезавшую у нашихъ ногъ, и на темнѣвшія слѣва Ахалдыхскія горы. Коджоры всѣ спрятаны въ зелени, раскинувшись съ непринужденностью истинной деревни по лѣснымъ горамъ и лощинамъ. Послѣ сильнаго зноя на горахъ, сталъ моросить дождь, такъ что мы попали въ освѣжительную прохладу и сырость.

Весьма помѣстительный домъ, съ тѣмными галлерейми, нанимается казною для лѣтняго помѣщенія помощника намѣстника, который, однако, еще не успѣлъ въ то время переѣхать сюда изъ Тифлиса, а только отправилъ часть своего семейства.

Мы были радушно приняты въ немъ почтенною княгинею, близкою родственницею князя, и послѣ сытнаго грузинскаго обѣда скоро успѣли набродиться по зеленымъ холмамъ и незатѣйливымъ дачкамъ этого тихаго горнаго пріюта, такъ что возвратились въ Тифлисъ почти засвѣтло.

А между тѣмъ, мы заботливо оснащались въ свой дагестанскій



Рѣка Кура.

походъ, достали всевозможныя рекомендательныя письма отъ однихъ лицъ, власть имущихъ, къ другимъ, имѣющимъ власть, разные открытыя листы, подорожныя, маршруты. Въ Тифлисѣ даже коренные жители мало знакомы съ путями черезъ горный Дагестанъ, словно онъ отстоитъ отъ нихъ за двѣя тысячи верстъ. Почти никто не могъ указать даже удобнѣйшаго и наиболѣе обычнаго перевала черезъ хребетъ, и вообще трудно было встрѣтить человѣка, который-бы самъ сдѣлалъ это рискованное путешествіе.

Наконецъ, все было готово, и рано утромъ, въ самый знойный день, почтовая перекладная тройка покатила насъ, со всѣми нашими походными чемоданами и корзинами, набитыми провизіей, съ запасомъ необходимыхъ книгъ, съ разнымъ горячимъ и холоднымъ оружіемъ про всякій случай, по ровной степной дорогѣ, вдоль берега Куры, въ Кахетію, текущую виномъ и медомъ.

Братъ вырвался на волю послѣ изнурительныхъ мѣсяцевъ экзамена, этой педагогической «страдной поры» своего рода, и его здоровая деревенская натура, не выносящая долгаго комнатнаго заточенія,

встрепенулись захвѣвъ, на вольномъ воздухѣ степи, всею радостною полнотою жизненныхъ силъ своихъ, придавленныхъ разными вредными неправильностями нашего искусственного городского и особенно служебнаго быта.

Мы ѣхали черезъ зеленую степь Муганы, еще не выжженную солнцемъ, благодаря необычно частымъ дождямъ.

Куру мы стали бросать все правѣе и правѣе, напрасляясь наперѣвъ теченію Юры.

Юра—это истая рѣка степей, какъ и нижняя Кура.

По лѣвую сторону Юры — безплодная Ширакская степь, по правую—Караязская. Почтовые дороги тщательно обѣгаютъ эту пустынную область Юры.

Дорога въ Кахетію, въ Южный Дагестанъ, въ старыя прикаспійскія ханства Баку, Шемахи, Кубы, огибаеть Юрскія степи съ сѣвера и сѣверо-востока, а дорога въ Елисаветполь (древнюю Ганджу), съ юго-запада, по правому берегу Куры.

Мы слѣдовали первою дорогою на Сигнахъ, съ котораго начинается Кахетія и въ которомъ дорога эта рѣзко раздвѣивается: одна вѣтвь поворачиваетъ направо, къ Каспію, другая—круто надѣво, почти назадъ, въ глубь Кахетіи, въ Телавъ, къ подножію великаго хребта.

Равнина, черезъ которую намъ пришлось безостановочно ѣхать цѣлый день, была далеко не безжизненна. Сейчасъ видно, что мы попали на старыи, давно укоренившійся торговый путь. Проѣзда не было отъ обозовъ, то шедшихъ навстрѣчу, то обгоняемыхъ нашею тройкою. Но это уже не знакомыя, намозолившія глазъ безконечныя вереницы русскихъ телѣгъ, съ разноцвѣтными дугами, съ важистыми толстоногими коренниками, съ бородачами-извозчиками въ тульскихъ шляпахъ, въ лиловыхъ «александрійскихъ» рубашкахъ, съ красными ластовицами, на которыя пересталъ уже глядѣть, которыхъ просто не видишь, даже смотря на нихъ,—до такой степени часто и много встрѣчается ихъ по столбовымъ дорогамъ родной Руси.

Нѣтъ, здѣсь глазъ жадно бросается на поражающую его новизну всей путевой обстановки. Длиннѣйшія крытыя фуры запряжены здѣсь четвериками въ-рядъ, и на высокихъ частыхъ дугахъ, прикрывающихся эти повозки, висятъ яркіе ковры, затѣйливые, узорчатые войлоки и цыновки. Все тщательно раскрашено, украшено, раззолочено. Лошади и муды въ пестрыхъ и картинныхъ уборахъ, будто разряжены на какой-нибудь праздникъ. Шлеи живописно убраны въ нѣсколько рядовъ блестящими бляхами; съточки, подвѣсочки, кисточки изъ разноцвѣтнаго бисера и стекляруса широкими повязками висятъ надъ



Старый дворецъ (время кн. Воронцова) въ Тифлисѣ.

глазами лошади, спуская со лба ея пушистые хвосты красного и желтаго цвѣта; вездѣ звенятъ и качаются гремячки и бубенчики; хомуты такіе-же яркіе, такіе-же расписные. Въ этомъ есть много общаго у закавказца съ испанцемъ, такимъ-же южаниномъ, такимъ-же охотникомъ до пестраго и яркаго въ уборахъ своихъ муловъ, ословъ и лошадокъ. Въ фургонахъ этихъ масса народа, челоѡкъ по 20, масса сундучковъ, узелковъ; повернуться негдѣ, но всѣ сидятъ, однако, прилично и по-человѣчески, не навалены, какъ битыя туши, другъ на друга, въ ту-же самую телегу, на которой возятъ навозъ и глину. Это обычные татарскіе дилижансы, посредствомъ которыхъ сообщается простое население восточнаго Закавказья и которымъ можетъ пользоваться, по его дешевизнѣ, каждый рабочій; существенное удобство, котораго, къ сожалѣнію, лишена наша православная Русь вездѣ, куда еще не проникла желѣзная дорога, съ ея вагонами 3-го и 4-го классовъ.

Въ этой привычкѣ доставить себѣ сколько-нибудь пристойный и удобный способъ передвиженія, въ этомъ рѣшительномъ устраненіи отъ себя всякой скотской и грязной обстановки, сказывается та-же

утѣшительная черта нашихъ южныхъ племенъ, которая поражала меня уже не разъ: уваженіе къ своему достоинству человѣка, сознание своего права пользоваться удобствомъ жизни наравнѣ съ другими людьми, по мѣрѣ своихъ средствъ и способовъ. Въ этомъ отношеніи нашъ далекій югъ, нашъ азиатскій востокъ гораздо ближе къ цивилизованнымъ обычаямъ Западной Европы, чѣмъ нашъ братъ, сиволопый мужикъ, изъ черноземныхъ полей, со всѣмъ свинствомъ и распущенностью своего домашняго и общественнаго быта.

Татарки здѣсь всѣ красныя, съ головы до ногъ: красныя широкія шальвары, красныя широкіе головные платки, спускающіеся по плечамъ до пояса, красныя бешметы, разукрашенные бляхами, пуговицами, висящею по рукавамъ бахромою и всякою всячиною нѣсколько не менше, чѣмъ разукрашены гривы и чубы ихъ лошадей. Фуры тоже всѣ разукрашены краснымъ съ золотомъ; въ фурахъ набито, обыкновенно, множество дорожныхъ сундуковъ, раззолоченныхъ, опятаки, по красному, такъ-что, когда двигается нѣсколько фуръ, набитыхъ татарскими женщинами, то онѣ кажутся издали, на фонѣ зеленой степи, какими-то громадными кровавыми цвѣтами. Странно, что у насъ, въ степной черноземной полосѣ Россіи, называютъ татарками большія кровавыя шапки колючекъ, растущихъ вездѣ по полямъ,—до такой степени произвела впечатлѣніе на русскаго, тоже очень любящаго красныя цвѣты, эта исключительная любовь къ красному татарской женщины.

Бивній народъ ѣздитъ, конечно, не въ извозничьихъ фургонахъ, а на своихъ доморожденныхъ арбахъ. Два испанскія буквовыя колеса несутъ на себѣ деревянную площадку, дышло которой безъ труда покоится на выносивой спинѣ пары буйволовъ. Поставьте на эту площадку стогъ сѣна, скирдокъ хлѣба, груды ящиковъ или кулей,—все, что хотите, что только умѣстится на ней,—и эти черные, изъ желѣза выкованные звѣри, ближайшіе товарищи носорога и бегемота, страшнаго скелета, страшной мускулатуры, попрутъ себѣ спокойно этотъ огромный возъ, не раздумывая, не разсчитывая его вѣса, не спѣша и не останавливаясь. Безцѣнная скотина для крутыхъ подъемовъ и спусковъ кавказскаго предгорья. Цѣлыя стада буйволовъ пасутся тутъ кругомъ, въ этой зеленой степи. Стада коровъ чередуются съ ними. Здѣшніе пастухи, однако, не съ одними кнутами да тростниковыми дудочками, какъ у насъ, **идимъ**, повидимому, некогда бывшесть кочевать по цѣлымъ днямъ лапы въ тѣни какого-нибудь уютнаго кусточка. Около каждаго стада по нѣсколько верховыхъ, на бойкихъ конькахъ, съ ружьями за плечами, съ кинжаломъ у пояса. Тутъ мѣста опасныя, народъ очень плохъ насчетъ разбоя и грабежа.



Сѣверо-восточная часть города Тифлиса.

Закавказскій татаринъ вообще жестокъ нравомъ, корыстенъ и безнравственъ. А тутъ почти безлюдная степь на сотни верстъ и непрерывное движеніе товаровъ. Соблазнить поневодъ, особенно когда еще далеко не забыты недавнія преданія постоянныхъ войнъ, грабежей, разореній, безотрадное царство всякаго насилія, не совсѣмъ прекратившееся еще въ началѣ нашего столѣтія.

Караваны верблюдовъ, давно уже мною не виданныхъ, безконечную цѣпью проплываютъ мимо насъ, намъ навстрѣчу. Съ суровымъ и презрительнымъ равнодушіемъ глядятъ впередъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на насъ, ни на все, что дѣлается кругомъ, эти востокъ-завѣтные звѣри-исполины, уже какую тысячу лѣтъ мѣряющие своими дохматыми толкачами глубокіе пески и каменистыя дороги старой Азіи. Жакою, ничтожною тварью копошится около ихъ могучихъ и величественныхъ фигуръ наша маленькая лошадиная тройка, а они шагаютъ себѣ да шагаютъ своимъ машистымъ шагомъ, неслышно волоча за собою цѣлое сооруженіе изъ тюковъ и ящичковъ, важно

раскачивая свои мохнатые горбы, гордо и прямо поднявъ свои головы, съ волосами и ушами, какъ у человѣка, съ разумнымъ взглядомъ человѣка.

Попадаются караваны и другого рода, подлинно азіатскіе, какіе ходили въ Бактріи и Аравіи, безъ всякихъ повозокъ; на горбахъ гнѣять, по обѣ стороны, плоскіе жестяные боченки съ керосиномъ, которымъ Баку снабжаетъ всю Россію. Бѣдныя животныя сплошь улины просачивающимся керосиномъ и представляютъ изъ себя уже далеко не величественный видъ. Множество развьюченныхъ верблюдовъ пасутся на степи; среди зеленой травы стоятъ цѣлыя станы снятыхъ съ нихъ товарныхъ тюковъ.

Арбы, съ выпряженными буйволами, тоже отдыхаютъ здѣсь, на общемъ даровомъ пастбищѣ. Высоко задралось дышло и деревянное днище тяжело-нагруженной арбы, уже не удерживаемой въ равновѣсіи ярмомъ буйвола, и подъ тѣвню этого удобнаго походнаго шалаша сладкимъ сномъ отдыхаютъ татары, татарки, татарчата, утомленные знойнымъ днемъ и длинною дорогою.

Все полно жизни, движенія, несмотря на степь, несмотря на жаръ.

Это важный и давній трактъ нашей персидской торговли, путь въ Европу, въ Русь, изъ глубины Азій, изъ Тегерана и Герата черезъ Рештъ, черезъ Баку въ Тифлисъ и къ Черному морю. Сель тутъ нѣтъ, попадаютъ только духаны. И какъ ощущиваешь ихъ въ этой невыносимой жарѣ, среди этой степной безпріютности.

Духанъ — удивительно счастливая выдумка кавказскаго населенія. Въ немъ сказано то-же чувство человѣческаго достоинства закавказца, та-же общечеловѣчная потребность его, о которыхъ я только-что говорилъ.

Закавказскій духанъ — далеко не нашъ, російскій кабакъ. Насколько кабакъ гадокъ, вреденъ, невозможенъ, настолько хорошъ, почтененъ и полезенъ духанъ. Путешественнику доѣхать до духана — истинная отрада. Часто это — его спасеніе. Въ духанъ — все, что необходимо дорожному человѣку, — разумѣется, неизбалованному разными столичными глупостями. Въ духанѣ прохлада, полутьма, просторъ. Правда, это часто простая плетушка, вымазанная глиною, съ высоты которой заглядываетъ иногда клочекъ далекаго неба, но вамъ до этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. Тутъ спасетесь отъ жары, отъ дождя, отъ утомленія. Тутъ изжарите себѣ бараній шашлыкъ прямо надъ камнемъ очага, на полу, по срединѣ «залы ресторана», тутъ сварите себѣ пшениный кулешъ въ котелкѣ на цѣпи, что виситъ сверху вмѣсто бронзовой люстры.



Улица въ Тифлисъ.  
Картина Т. Горшельта.

Тутъ, что всего главнѣе, освѣжите ваши глотки, наполните ваши бутылки или боченки легкимъ, свѣжимъ мѣстнымъ виномъ, которое самый завзятый постникъ можетъ поглощать среди кавказской жары, безъ всякаго вреда и опасности, цѣлыми бутылками. Чего вамъ еще больше? Но духанъ, кромѣ того, лавочка, снабженная всѣмъ насущнымъ для путника. Тутъ не только балыкъ, жареная баранина и огурды, но и стеариновые свѣчи, и табакъ, и чай съ сахаромъ, и простая посуда, и бумага, и мало-ли еще что?

А какія любопытныя, какія поучительныя встрѣчи и знакомства дѣлаются въ духанѣ! Какіихъ характерныхъ типовъ посмотритесь вы здѣсь, какіихъ послушаетесь характерныхъ разговоровъ! Проживете нѣсколько лѣтъ въ городской гостиницѣ — и не узнаете десятой доли того, что откроется вамъ въ два, три мѣсяца безцеремонныхъ странствованій по закавказскимъ поселкамъ, по смиреннымъ гдинянымъ духанамъ, съ плоскою земляною крышею, заросшею вѣвниками.

Трудно, конечно, прививать искусственно къ одному народу нравы другого, созданныя вѣками и особенностями исторіи, но нельзя не сказать, что неприютная деревенская жизнь нашихъ русскихъ, особенно-



черноземных губерній, до сихъ поръ не выработавшая себѣ ничего болѣе удобнаго и приличнаго, какъ кабакъ, выиграла бы безконечно во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы этотъ кабакъ, съ его голымъ, животнымъ пьянствомъ, замѣнился чѣмъ-нибудь подобнымъ кавказскому духану.

Польша, западный край, балтійскія области наши имѣютъ корчму—нѣкоторое подобіе духана, но все-таки не духанъ; въ корчмѣ, во-первыхъ, нѣтъ лавки съ разными товарами и, во-вторыхъ, корчма нашего запада слишкомъ пропиталась жидомъ и всѣми жидовскими обычаями, такъ что во многихъ мѣстностяхъ является тѣмъ потайнымъ гнѣдомъ плутовства и эксплуатаціи всякаго рода, откуда паукъ-жидъ, господствующій надъ округомъ, ведетъ всѣ свои коварныя нити и сѣти, разставляемая неопытному мѣстному населенію.

Кавказскій духанъ помонъ пока простоты и простодушія чисто-патріархальныхъ; еще пока безхитростно наливаетъ изъ бурдюка стаканы неподдѣльнаго вина, не жаритъ, вмѣсто барана, кошки и не заглядываетъ насильно во всѣ щелочки чужихъ кармановъ.

По пути мы встрѣчали большія толпы крестьянъ, вызванныхъ изъ разныхъ губерній и уѣздовъ Закавказья для уничтоженія саранчи. Они возвращались домой, потоптавъ, что могли, въ Тифлискомъ уѣздѣ. Организациа этого дѣла первобытно-груба и первобытно-несправедлива.

Въ самый разгаръ рабочей поры, крестьянъ-хозяевъ гонять отъ ихъ собственныхъ хозяйствъ за сотни и десятки верстъ, въ иные губерніи и уѣзды, на чужія хозяйства, чаще всего, конечно, на княжескія, потому что въ Карталиннѣ, опустошаемой саранчею, кругомъ все княжескія владѣнія, и при этомъ не только не даютъ никакого вознагражденія за убытки собственнаго, не въ пору покинутого хозяйства, за тяжелый трудъ и дальній проваздъ, но даже не кормятъ на мѣстахъ эти огромныя арміи рабочихъ по реквизиціи ничѣмъ, кромѣ сухого хлѣба. Особенно тяжело этотъ вынужденный постъ для имеретинъ и мингрельцевъ, довольно изысканныхъ и разнообразныхъ въ своей пищѣ и, къ тому-же, никогда не знающихъ саранчи на своихъ поляхъ, такъ что они никогда не могутъ разсчитывать на круговую поруку въ этомъ дѣлѣ,—единственное разумное оправданіе практикующихся насильственныхъ опоченій закавказскаго крестьянства противъ саранчи.

Мы ничуть не возстаемъ противъ энергическаго и обязательнаго участія всего населенія въ борьбѣ противъ страшнаго стихійнаго врага, способнаго погубить благосостояніе цѣлаго края. Мы одобряемъ, въ этомъ случаѣ, даже самыя рѣшительныя военныя мѣры и самую непо-

колебимую строгость законовъ. Но мы возмущаемся неразумностью, несправедливостью, а потому и безсиліемъ той системы, которая существуетъ въ Закавказьѣ въ настоящее время, по истребленію саранчи. Военными мѣрами высылаютъ какого-нибудь имеретина, изъ какой-нибудь долины Ріона, куда-нибудь на Іору, на Алазань, а самыхъ главныхъ и состоятельныхъ владѣтелей этой именно Іоры и Алазани, наиболѣе страдающихъ отъ саранчи, наиболѣе выигрывающихъ отъ быстрого уничтоженія ея: князей, дворянъ, духовенство, богатыхъ земле-



Тифлисская телега.  
Картина Ф. Рубо.

владѣльцевъ,—вовсе не привлекаютъ къ участию въ этомъ истребленіи ни лично, ни денежно. Они не платятъ ни копѣйки специального налога на истребленіе, не высылаютъ ни одного человѣка, а владѣютъ почти всею страной.

Между тѣмъ привлеченіе ихъ къ повинности въ томъ или другомъ видѣ могло бы, по крайней мѣрѣ, обезпечить подневольнаго работника-крестьянина необходимою ему пищею, дать ему его привычный стаканъ вина среди удручающей жары степей, вознаградить хотя скромною платою за всѣ тѣ труды и потери, которые онъ вынужденъ нести ради удобства другихъ и пользы дѣлага края.

Нѣкоторые увѣданные начальники настойчиво заявляли о необходимости всеобщей повинности по истребленію соранчи въ комитетъ, который былъ образованъ въ Тифлисѣ для выработки мѣръ противъ бѣдствія. Но ихъ голосъ остался вопіющимъ въ пустынѣ. Старыя сословныя пристрастія и предрасудки, точно такъ же какъ всемірие чиновнической рутинны, боящейся, какъ огня, всякаго новаго слова, великихъ свѣжихъ слѣдковъ, не дали пробиться сквозь себя правдивой мысли, а между тѣмъ, примѣненіе, очевидно, несправедливой и неудобной системы возбудило большой ропотъ среди закавказскихъ крестьянъ, и цѣлыя партіи ихъ, какъ я уже рассказывалъ ранѣе, въ одномъ изъ первыхъ очерковъ своихъ, отказывались отъ исполненія повинности и разбѣгались по домамъ. Если переданные мною рассказы о смертности, развившейся среди рабочихъ партій, вслѣдствіе несвоевременной раздачи хлѣба и отсутствія воды, могли быть значительно преувеличены, какъ о томъ заявляли мнѣ впоследствии нѣкоторые мѣстные жители, то все-таки самая система не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Только введеніе земскихъ учреждений въ Закавказье, къ чему оно готово нисколько не менѣе нашихъ русскихъ губерній, могло бы, мало-по-малу, привить здѣшнему обществу тѣ здоровыя взгляды на мѣстныя нужды и мѣстныя обязанности, которыя, благодаря тому-же земству, уже стали азбукою во множествѣ самыхъ глухихъ уѣздовъ Россіи. Относиться въ этомъ отношеніи съ недоверіемъ къ населенію Грузіи было бы ребячествомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ, и положительно несправедливостью. Не говорю уже, что это была бы грубѣйшая политическая ошибка съ нашей стороны, которая могла приготовить намъ въ будущемъ, какъ всѣ подобныя слѣпыя и узкія системы, много неожиданнаго горя и неожиданныхъ хлопотъ.

Долину Юру мы перерѣзали въ ея верховья. Она обрисовалась, среди степей, темно сочною зеленою луговъ и частыми стогами свѣжаго сѣна, раскинутыми по этимъ лугамъ, будто сплошныя гнѣзда грибовъ. Табуны лошадей, стада коровъ и буйволовъ весело пестрятъ эти луга. Нагруженные сѣномъ и всякою всячиною ящики встрѣчаются на каждомъ шагу. Но вотъ опять потянулась та-же неоглядная, желто-зеленая степь. Опять снуютъ мимо ярко-синія ракши и стаи шумливыхъ скворцовъ; опять орлы плаваютъ въ бездонной синевѣ и ястреба неподвижно торчатъ на телеграфныхъ столбахъ, какъ разбойники въ засадѣ. Мы приближаемся уже къ долинѣ Алазани, а до сихъ поръ не встрѣчаемъ еще никакой культуры. Не только о садахъ, виноградникахъ, табачныхъ плантаціяхъ, даже о поляхъ—помину нѣтъ. Все одна только трава, одно пастбище, одна первобытная азіатская дичь.

Удивительна эта мертвенность хозяйственных промысловъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ многолюдною и цвѣтущею Кахетіей, на тучныхъ земляхъ, которыя просто сами зовутъ къ себѣ обрабатывающую руку.

Тайна этого промышленнаго сна объясняется, впрочемъ, безъ труда. Всѣ эти громадные пространства принадлежать большимъ грузинскимъ фамиліямъ, которыя настолько богаты, что могутъ удерживать ихъ за собою, не передавая въ руки мелкой собственности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько скудны свободными капиталами, хозяйственнымъ знаніемъ и предприимчивостью, что не въ силахъ сами обработать эти зеленныя пустыни въ цвѣтущіе сады и сытыя поля.

Обширныя владѣнія князей Андрониковыхъ и другихъ тянутся, напримѣръ, на многіе десятки верстъ безплодною равниною около Юры. Трудно сомнѣваться, что будь, вмѣсто этихъ 2-хъ, 3-хъ магнатскихъ мѣстностей, масса мелкихъ фермерскихъ хозяйствъ, вся страна быстро приняла бы другой видъ, закинула бы плантаціями, садиками, поселкамъ. Видно, «латифундіи» губятъ не одну Италію!

~~~~~

VI.

Обитель св. Нины.

ПОСЛѢ ста слишкомъ версть жаркой гладкой степи, мы начинаемъ, наконецъ, забираться на живописныя, прихотливыя холмы, спускаться съ нихъ и опять подниматься. Это уже первое предчувствіе горъ, первые аванпосты ихъ. Тутъ уже вы въ другомъ мѣрѣ. Пустыня кончилась, и кругомъ вась зеленіють виноградники, сверкають посѣвающими плодами тѣнистые садикъ, приютившіе подъ своею сѣнью опрятныя каменные домики.

Поднялись еще выше, на довольно крутой холмъ, и вдругъ передъ нами, какъ на эффектной картинѣ, появился живописный Сигнахъ, видный теперь весь отъ макушки до пятокъ. Мы въ Кахетіи.

Сигнахъ—одна изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ мѣстностей Закавказья. Онъ раскинулся по нѣсколькимъ холмамъ и утесамъ, сбившимся въ тѣсную кучку естественныхъ редутовъ. Трудно было бы выбрать другое мѣсто, до такой степени неприступное, до такой степени удобное для защиты страны. Скалы Сигнаха—это Богомъ воздвигнутый грозный замокъ въ воротахъ роскошной Алазанской долины. Рука человека еще больше усилила неприступность природныхъ твер-

день Сигнаха, увѣнчавъ крѣпостью темя срединнаго утеса, опоясавъ старинными зубчатыми стѣнами и башнями гребни сосѣднихъ холмовъ. По обрывамъ скалъ, по крутымъ скатамъ холмовъ лѣзится, вправо отъ крѣпости, внизъ отъ нея, старинный порубежный городъ Кахетіи, ея вѣрный историческій сторожъ, обильно улитый кровью враговъ и братьевъ своихъ, послѣдшій въ безконечныхъ бояхъ, осадахъ, пожарахъ и разореніяхъ.

Сигнахъ по-грузински значитъ «убѣжище»; онъ оправдывалъ это почетное имя свое въ теченіе своей многовѣковой тяжелой исторіи. Городъ очень обширенъ и раскинулся теперь довольно свободно, забравшись своими веселыми домиками и садами на всѣ сосѣднія возвышенности, густо налпвъ собою всѣ повороты многочисленныхъ вьющихся ущелій и лужковъ, спрятанныхъ между подножьями его холмовъ. Причудливые гребни утесовъ Сигнаха, его характерные храмы, зубцы его древнихъ стѣнъ и башенъ—вырѣзались перель нами, при чудномъ закатѣ солнца, ярко освѣщеннымъ, смѣло набросаннымъ первымъ планомъ на мягкомъ фонѣ исчезающей вдали сырой низины, среди которой сверкала и извивалась серебряною чешуею змѣя-красавица Алазань, а еще дальше за нею, за предѣлами горизонта, будто таинственное сновидѣніе, уже обрисовывались какою-то безплотною нѣжною кистью дымчато-голубая, расплывающіяся въ знойныхъ туманахъ воздуха, далекія очертанія грознаго Кавказа.

* * *

Долго пришлось спускаться нашей тряской перекладной по вьющейся уликою пыльной дорогѣ съ крутого холма, на которомъ расположена новая часть Сигнаха. Еще долше, еще тягостнѣе былъ подъемъ на скалистую кручи стараго города, послѣ того, какъ мы сверглись, наконецъ, въ глубокую яму у подошвы холма.

Поистинѣ, не для экипажей и не для мирныхъ европейскихъ путешественниковъ, а для однихъ только лихихъ наѣздниковъ да неутомимыхъ горныхъ лазуновъ устроены такія дороги, такіе города. Движеніе, веселье, шумная и смѣлая жизнь, такъ мало свойственныя нашимъ соннымъ уѣзднымъ городкамъ, охватили насъ съ перваго нашего шага по городскимъ улицамъ. Вездѣ гуляли разодрѣтыя толпы женщинъ, дѣтей, мужчинъ, вездѣ пили, ѣли, пѣли, играли, вездѣ стоялъ говоръ, крикъ, хохотъ. Мелкая торговля, вполне приуроченная къ нуждамъ и вкусамъ тароватой демократической толпы, кишитъ въ эгихъ тѣсныхъ вьющихся переулкахъ. Душаны на каждомъ шагу, тѣсно набитые кутящимъ и болтающимъ народомъ.

Видъ на г. Сигнахъ отъ почтовой станціи.

Мы остановились въ довольно убогой гостиницѣ, среди тѣнистаго переулка, гдѣ всегда пристають почтовые лошади. Къ счастью, нашелся маленкій балкончикъ, висѣвшій съ 2-го этажа, на которомъ можно было усесться за чай и съ котораго вся шумная жизнь торговаго переулка была видна какъ на ладони.

Ночь навалилась черная, и въ узенькомъ переулкѣ, среди высокихъ домовъ, скоро стало темнѣе, чѣмъ въ черныяницѣ. Только яркія пятна отъ фонарей и освѣщенныхъ оконъ пестрили эту настоящую южную темноту, и около этихъ одинокихъ оазисовъ свѣта толпились, будто ночныя бабочки вокругъ зажженной свѣчи, веселые обыватели Сигнаха съ своею музыкою, пѣснями и болтливымъ винцомъ. Мы перевѣсившись черезъ перила и молча вслушивались сверху въ эти мало-знакомые намъ звуки народной грузинской жизни, всматривались въ эту двигающуюся шумную и оживленную темноту. Отовсюду, изъ всѣхъ узенькихъ и высокихъ домовъ, окружающихъ улицу, свѣшивались такіе же балкончики, и почти на всѣхъ ихъ не столько виднѣлись намъ, сколько чуялись, по шороху и шопоту, темныя фи-

гуры, наслаждавшіяся, подобно намъ, прохладною ночи и суетою базара.

Вонъ, почти у самыхъ ногъ нашихъ, въ дверяхъ освѣщеннаго ду- хана, толпа собралась вокругъ уличныхъ музыкантовъ, которыхъ ха- рактерныя фигуры, съ приставленными ко рту дудочками, со скрип- ками, зажатыми подъ бороду, замѣтны даже отсюда на фонѣ огня. На- доѣдливо и горько, какъ плачь разбитеннаго ребенка, жалуются на что-то темному воздуху ночи меланхолическая зурна... Турецкій бара- банъ усердно поддерживаетъ ее своимъ отрывочнымъ грубымъ басомъ, словно огромный неуклюжій песъ, сострадательно воюющій вмѣстѣ съ плачущимъ младенцемъ. Все неотвязчиве, все пронзительнѣе и жало- стнѣе надравается дудочка, и ся не прерывающіеся тоскливые звуки стоятъ среди темноты ночи, какъ жужжанье комара, хватая и тербѣ безъ сожалѣнія каждую ниточку нерва, не давая ни отдыха, ни по- щады, все учащая и учащая неудержимую быстроту своего темпа, раз- растаясь, наконецъ, во что-то неимовѣрно-раздражительное, возмущаю- щее, одуряющее, какъ несмолкаемый вой кружащагося дервиша, обращающаго напоследокъ свои захлебывающіеся клики: «Алла, Алла!» въ одинъ сплошной отчаянный лай... Намъ, однако, не пришлось пе- реночевать въ не совсѣмъ комфортабельной гостинницѣ Сигнаха. Князь Д—въ, начальникъ городского училища, былъ такъ любезенъ, что по- чти насильно перетащилъ насъ и чемоданы наши въ свою помѣсти- тельную квартиру при училищѣ. Побесѣдовавъ съ своимъ гостеприим- нымъ хозяиномъ о многомъ, интересовавшемъ насъ въ Сигнахѣ и Кaxe- тии, и поужинавъ у него, мы отлично выпались послѣ тряски пере- кладной. Рано утромъ любезный хозяинъ нашъ вызвался показать намъ городъ и Бодбійскій монастырь.

Встать рано было необходимо, потому что въ Бодбійскій мона- стырь мы вздумали идти пѣшкомъ. Мы полюбовались нѣсколько ми- нуту на прекрасные виды, открывавшіеся на городъ и окрестности съ широкаго балкона училища, и, напившись чаю, двинулись въ путь по тѣнистымъ еще переулкамъ. Бодбійскій монастырь стоитъ въ нѣ- сколькохъ верстахъ отъ города, на высокой дѣвственной горѣ. Мы весело взбирались по ея каменистымъ дорожкамъ, то и дѣло останавливаясь, чтобы насладиться разнообразными перспективами города, горъ и Ала- занской долины, мѣнявшимися съ каждымъ поворотомъ тропы, при ка- ждомъ новомъ подъемѣ.

Ясное и свѣжее утро молодило душу и наполняло радостнымъ за- мправьемъ.

Мы шли мимо зеленыхъ горныхъ лужковъ, заросшихъ цвѣтами,

сквозь росистыя чащи лѣсковъ. У ногъ нашихъ, надъ нами и кругомъ насъ, стояла чудная красота Божьяго міра.

Вдругъ на этихъ чистыхъ горныхъ высяхъ медленно ударилъ церковный колоколь, и тихіе раскаты его волнами потекли по неподвижному утреннему воздуху. Это благовѣстили въ монастырь.

Величественный благовѣстъ разносился, будто утренняя молитва проснувшихся горъ, по глухимъ ущельямъ, по лѣснымъ вершинамъ. Монастырь поднятъ на 3,000 футовъ отъ земли. Онъ ютится въ небольшой котловинкѣ, на вершинѣ горы, и виденъ издалека съ долины Алазани. Можетъ быть, это самый древній изъ всѣхъ древнихъ храмовъ Грузіи. Его построилъ, еще въ самомъ началѣ IV вѣка, первый грузинскій даръхристианинъ — Миріанъ, по убѣжденію святой Нины, просвѣтительницы Грузіи. Эта дѣва-апостолъ до сихъ поръ почитается въ Болдійскомъ монастырѣ, въ придѣлѣ церкви, посвященной ею своему родственнику — великомученику Георгію.

Балконъ въ монастырѣ св. Нины,
близъ г. Сигатка.

Мы, современные люди науки, свѣта, практической жизни, съ удѣлкою снисходительнаго презрѣнія относимся къ легендамъ о святыхъ и мученикахъ перваго христіанства, не находя въ нихъ ничего, кромѣ дѣтски-наивныхъ басенъ. Но, право, и легенды эти, и люди эти заслуживаютъ гораздо болѣе вниманія. Для меня, по крайней мѣрѣ, онѣ всегда были глубоко трогательны и глубоко поучительны. Если въ нихъ, быть можетъ, и есть частица наивной, бессознательной жи, то все-таки въ нихъ несравненно больше правды. Эта правда — самый подвигъ этихъ людей, ихъ честная смерть за убѣжденіе, за высокій духовный идеалъ, ихъ смѣлое презрѣніе грѣховныхъ благъ міра и злыхъ силъ міра. Особенно потрясаютъ меня, наполняютъ жаркимъ сочувствіемъ и сердечною жалостью подвиги слабой женщины того неправеднаго и жестокаго стараго міра.

Трогательные образы св. Варвары, св. Цециліи, св. Нины, всѣхъ

этихъ дѣвъ-исповѣдницъ, заслоняють передо мною даже величественныя фигуры Бонифаціевъ, Севериновъ и Григоріевъ. Вѣчная раба, вѣчный ребенокъ, безъ силы мыслить, безъ власти, безъ права, безъ защиты,—она встаетъ вдругъ, среди всеобщаго грубаго насилія, среди повальнаго невѣжества и животности, свѣтлымъ и смѣлымъ архангеломъ и идетъ, презирая угрозы, насмѣшки, козни, прямо къ свѣту истины, къ царству добра и любви, непоколебимая, любящая, благословляя своихъ мучителей, увлекая за собою изумленныхъ владыкъ своихъ, побѣждая звѣрскую силу своею кроткою челоувѣчностью, неспособною преломить трости надломленной и погасить тлѣющую, по выраженію Евангелія. Нужно вдуматься, какая героическая душа необходима для такого героическаго подвига.

Легко прочесть на страницахъ какой-нибудь Минеи или Мартиролога простодушную, краткую фразу лѣтописца о томъ, какъ поганые язычники просвѣщались проповѣдью святой равноапостольной жены, какъ низвергали они своихъ идоловъ, дикі дьявольскіе, прекратили бѣсовскій обычай кровавыхъ жертвъ и познали Единаго Бога Истиннаго,—но не легко понять эту изумительную побѣду сердечной вѣры одного ничтожнаго и презираемаго существа надъ всѣми глубоко укоренившимися убѣжденіями, вѣрованіями, страстями и привычками дѣлага народа, ревниво охраняющаго преданія своей исторической старины, свои народныя учрежденія, священную память своихъ отцовъ и пращавъ.

Попробуйте, хотя въ самомъ неважномъ вопросѣ, всѣми усиліями вашей логики и вашей воли, повліять существенно на взгляды и образъ жизни хотя-бы одного близкаго вамъ, къ вамъ расположеннаго челоувѣка — и вы убѣдитесь, съ какимъ неодолимымъ упорствомъ всякая психическая стихія отстаиваетъ разъ занятое ею пространство отъ натиска другой, какъ не поддается она никакимъ воздѣйствіямъ, какъ легко вызываются въ ней элементы вражды и разьединенія тамъ именно, гдѣ вы рассчитываете вызвать сочувствіе и единодушіе.

Перенесите же этотъ ежедневный опытъ вашъ въ обстановку варварскаго общества, переполненнаго взаимнымъ недоувѣріемъ, нетерпимостью, тьмою суевѣрія и предрасудковъ,—общества, ожесточившагося въ привычкахъ вражды и насилія, не умѣющаго уважать ничего, кромѣ силы руки и меча, и поставьте вдругъ передъ его лицомъ невѣдомую странницу-дѣву, нищую, безпріютную, смѣло проклінающую въ глаза всему народу его грозныхъ древнихъ боговъ, смѣло обличающую его невѣжество, его пороки и преступления, зовущую всѣхъ этихъ гордыхъ владетелей, мудрецовъ и могучихъ воиновъ переродиться въ новую жизнь любви, мира, поста и молитвы.

Очень можетъ быть, что сама невѣроятная смѣлость такого вѣзова обезоруживала грубыхъ дикарей и поражала ихъ воображеніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя было не признать воистину чудомъ Божіимъ, дѣломъ, выходящимъ изъ размѣровъ обычной человѣческой возможности, это потрясеніе глубочайшихъ основъ духа цѣлыхъ народовъ вдохновеннымъ словомъ мужественной проповѣдницы.

Благочестивые, смиренные лѣтописцы, оставившіе намъ память о великихъ подвигахъ и великихъ подвижникахъ Христовой вѣры, такъ именно понимали событія просвѣщенія народовъ и славили въ нихъ Бога, посылающаго мужество льва и силы исполина кроткимъ дѣвамъ и слабымъ

Общій видъ монастыря св. Нины рлизъ г. Сигнаха.

старцамъ. Святая Нина тоже имѣетъ свой трогательный живописный романъ.

Она еще прямо примыкаетъ къ той плеядѣ апостольскихъ дѣвъ, которыя восприняли и возрастили въ горячемъ сердцѣ своемъ первыя сѣмена кроткаго ученія Христова, которыя, съ страстнымъ самоотверженіемъ, незримо и неслышно, разнесли его потомъ во всѣ тихіе уголки малоазіатскаго побережья и вездѣ насадили первыя общины Христова братства, непобѣдимо охватывавшія собою цѣлый міръ, все шире, все дальше.

Э. Ренанъ, поэтъ-историкъ христіанства, поразительно-мѣткою ки-

стью нарисоваль намъ картину этихъ мирно цвѣтущихъ пустынныхъ уголковъ приморскаго юга, гдѣ Христово учене любви и мира свило себѣ свои первыя голубиныя гнѣзда. Женское сердце, всегда просившее любви, всегда полное вѣры, оскорбляемое и подавляемое грубою неправдою стараго челоѣчества, первымъ почувало наступившее спасене міра въ благовѣстїи Евангелїя.

Кроткій Праведникъ, принявшїй въ свою душу горе и страданїя удрученнаго челоѣчества, казенный какъ разбойникъ сильными и властными, пронесенъ былъ сердцемъ женщины, на своемъ страдальческомъ крестѣ, какъ на престолѣ Вождемъ, черезъ всѣ области земли. Христіанство зачалось женщиною и восторжествовало женщиною.

Женщина въ христіанствѣ стала выше всѣхъ смертныхъ и безплотныхъ, выше ангеловъ и архангеловъ, пророковъ и первосвященниковъ, стала Матерью Бога, покровомъ и молитвенникомъ міра.

Оттого-то первыя вѣка христіанства кишать женами-подвижницами, двѣма-апостолами и исповѣдницами. Это исповѣданїе Христа женщиною доходить до страстности, до восторженныхъ жертвъ всѣми соблазнами міра, самою жизнью своею.

Въ развращенномъ Римѣ, жестокой гонитель христіанъ, императоръ Діоклетїанъ, задумываетъ ободритъ свое утомленное сладострастїе женитьбою на первой красавицѣ міра. Почти весь міръ—его, и въ выборѣ нѣтъ труда. Выборъ царя падаетъ на Рипсиму, двѣу царской крови, уже христіанку. Она, въ общинѣ 37 дѣвъ, тутъ-же, въ Римѣ, поучается наставленїемъ благочестивой старицы Гаяны.

Въ ужасѣ отъ предстоящаго ей брака съ ненавистникомъ христіанства, Рипсима не плѣняется императорскимъ трономъ, а бѣжитъ въ далекое изгнанїе, вмѣстѣ съ Гаяною и 36 сестрами. Въ Иерусалимѣ, на гробѣ Господнемъ, еще не остывшемъ отъ чудесныхъ воспоминанїй, она обрекаетъ себя Христу и удаляется въ глушь Арменїи.

Армянскїй царь Тиридатъ влюбляется въ нее, такъ-же какъ римскїй Діоклетїанъ. Но святая двѣа отказывается быть женою языческаго царя и остается вѣрна своему Христу. Самыя жестокія мученїя не въ силахъ побѣдить ее: ей отрѣзываютъ языкъ, выкалываютъ глаза и, наконецъ, разсѣкаютъ на части, всѣхъ сестеръ ея мучаютъ и казнятъ рядомъ съ нею, и потомъ тѣла мученицъ бросаютъ на сѣдїе не звѣрямъ.

Только одна двѣа этой святой общины—Нина осталась въ живыхъ, потому что еще раньше удалилась изъ Арменїи въ сосѣдную Иверїю.

Въ душѣ святой двѣвы съ дѣтства горѣла восторженная любовь къ Христу и жажда подвига во имя Его.

Видъ на г. Сигнахъ отъ монастыря Св. Нины.

Ее мучило желаніе отыскать хитонъ Господень, унесенный, по преданію, въ Иверію однимъ изъ воиновъ, участвовавшихъ въ казни Христа.

— Скажи, гдѣ хранится эта земная порфира Сына Божія!—спрашивала она не разъ у своей учительницы Нанфоры.

Наставница указывала ей на Мухету, древнюю столицу далекой Иверіи. День и ночь молилась святая дѣва Богоматери, чтобы она сподобилась се облобызать одежды Спасителя міра.

Наконецъ, Матерь Божія, въ сновидѣніи, вручила ей крестъ, сплетенный изъ дикихъ виноградныхъ, и повелѣла идти въ страну Иверскую проповѣдывать слово Божіе. Крестъ этотъ, перевязанный волосами святой Нины, мнѣ показывали въ Тифлисѣ, въ соборѣ Сіонскомъ.

Съ этимъ крестомъ мужественная дѣва отправилась въ свой далекій и опасный путь, черезъ земли язычниковъ и огнепоклонниковъ.

Около Мухета св. Нина встрѣтила иверскаго царя, съ толпою народа, спѣшившаго поклониться великому идолу Ормузда или Армаза, воздвигнутаго на высокомъ берегу Арагвы. Кровь младенцевъ и юныхъ дѣвъ лилась къ ногамъ идола, передъ которымъ въ страхѣ повергались народъ.

Тогда св. Нина воздѣла руки къ небу и призвала Божьи громы на несчастныхъ идолослужителей. Среди яснаго дня вдругъ разразилась страшная гроза—и небесныя молніи сокрушили въ прахъ капище и идоловъ его. Царь-язычникъ въ ужасѣ бѣжалъ вмѣстѣ со всею толпою. Св. Нина поселяется въ Мцхетѣ, и слава ея чудесъ растетъ съ каждымъ днемъ. Она исцѣляетъ царицу, исцѣляетъ гостившаго у нея царевича персидскаго и исцѣляетъ, наконецъ, самого царя, ослабшаго отъ грозы.

Царица—женщина, какъ вездѣ и всегда, первая проникается сочувствіемъ къ ученію Христову и склоняетъ къ тому своего мужа. Миріанъ принимаетъ крещеніе и дѣлается первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи. По указанію св. Нины, онъ обрѣтаетъ подѣ срубленнымъ келромъ хитонъ Господень и строитъ на этомъ мѣстѣ великолѣпный храмъ. Обративъ въ христіанство Карталиню, дѣва-апостоль переходитъ въ сосѣднюю Кахетію, гдѣ также обращаетъ ко Христу царицу Сожду и воздвигаетъ первый христіанскій храмъ въ Водбѣ, близъ Сигнаха. Тамъ опочила она отъ своихъ апостольскихъ трудовъ, и тамъ донинѣ поклоняются мощамъ ея.

* * *

Скромно и тихо это послѣднее убѣжище неустранимой проповѣдницы братства, любви и мира людямъ крови и брани, въ желѣзный и темный вѣкъ. Здѣсь, среди вѣчно молодой зелени горныхъ луговъ, прямо подѣ голубымъ небомъ, отъ котораго уже ничто не отдѣляетъ древняго храма, высоко надѣ суетою земли, — лучшая могила для чистаго сердца, страстно стремившагося къ небу, смѣло стряхнушаго съ себя прахъ низкихъ заботъ земныхъ.

Простая деревянная рака св. Нины чуть украшена скуднымъ золоченымъ уборомъ. Простѣ, тѣсенъ и бѣденъ весь старыи монастырь.

Это еще полнѣе переноситъ мечту путешественника въ далекія времена, когда проповѣдница-дѣва, со своимъ крестомъ-посохомъ изъ дикой виноградины, бродила по горамъ Кахетіи и ущля дикарей-язычниковъ трогательнымъ молитвамъ Христа.

Постройка храма пахнетъ глубочайшею древностью: поливанные голубые и чугуныя кирпичи, вѣданные въ фасадѣ церкви, грубыя плиты изъ краснаго известняка и многія изъ мрамора, врѣзанныя въ полуистертый полъ церкви и покрытыя историческими надписями, — все сразу говоритъ вамъ, что вы въ одномъ изъ памятниковъ сѣдой грузинской старины.

На нѣкоторыхъ могилахъ выбиты митрополитчи по-

сохи; изъ надписей можно узнать, что въ Бодбѣ погребены 3 митрополита: одинъ изъ нихъ — князь Джоржадзе, убитый лезгинами, другой — Иоаннъ Макаевъ, прожившій 94 года и 54 сряду бывшій архіереемъ, и, наконецъ, первый экаархъ Грузіи — Оеофилактъ. Хитрая сквозная рѣзба иконостаса, вся изъ листьевъ; дѣлтовъ и виноградныхъ гроздій, раскрашенныхъ и раззолоченныхъ, должно быть, также считаетъ себѣ не одинъ вѣкъ, хотя живопись иконовъ довольно новая, только XVIII столѣтія. На стѣнныхъ фрескахъ, покрывающихъ весь соборъ, между прочимъ, ясно замѣтны портреты императора Александра I и митрополита Макаева.

Въ маленькой ризницѣ удѣлано уже не много древнихъ достопримѣчательностей, потому что главнѣйшія изъ нихъ давно увезены въ Сионъ

Бодбѣйскій, св. Ницы, монастырь.

скій соборъ и въ синодальную контору. Однако, еще есть чѣмъ полюбоваться любителю старины: болѣе всего интересны крошечныя рукописныя евангелія, съ дивною миниатюрою, писанныя почеркомъ мелче бисера и отчетливѣе всякой типографіи; есть также нѣсколько драгоценныхъ, сплошь залитыхъ жемчугомъ воздуховъ, омофоровъ съ херувимами для митрополитчаго облаченія, вышитыхъ трудами древнихъ грузинскихъ и кахетинскихъ царицъ, золотыхъ сосудовъ художественной работы, пастырскихъ посоховъ съ простыми костяными ручками; наконецъ, историческій крестъ грубаго серебрянаго чекана, съ дѣтски-аляповатымъ рельефомъ, который обыкновенно носитя передъ кахетинскимъ войскомъ, насаженный на посохъ митрополита.

Въ Бодбѣ сохранились еще въ цѣлости палаты прежнихъ митрополитовъ, тутъ-же, на обрывѣ горы, слѣва отъ храма. Оригинальный балконъ старинной деревянной рѣзьбы, и обширная тѣнистая галлерея обходитъ кругомъ массивныя каменные стѣны дома. Изъ многочисленныхъ помѣщений его, жилыхъ комнатъ всего только 4; убрaнство ихъ довольно однообразно, хотя характерно и красиво. Потолки узорчатые, разноцвѣтные, съ позодотою, съ точеными шишками посреднѣ для фонарей, такія-же цвѣтныя маленькія аккуратныя дверочки, такіе-же ставни въ окнахъ, расписныя шкапчики и альковчики въ стѣнахъ. Каминъ, или бухара, особенно украшенъ яркими узорчатыми изразцами. По сторонамъ его непременно узенькія углубленія для свѣчей, тоже изукрашенныя; диванчики съ рѣшетчатою спинкою, ярко раскрашенною, подбитою въ прорѣзахъ сверкающею фольгою, составляютъ своеобразную меблировку пріемной комнаты, которая служила, очевидно, для торжественныхъ сборищъ. Она довольно велика, устлана простыми кирпичными плитами, а стѣны ея покрыты грубою живописью, портретами митрополитовъ и проч. Кругомъ стѣнъ, какъ и вездѣ, неизмѣнныя тахты, одинаково удобныя для лежанья и сидѣнья.

Изъ спальни митрополита маленькое оконце открывается въ его домашнюю церковь, убрaнную тою-же сквозною и пестрою рѣзьбою, какъ и главный храмъ. Архипастырь, хозяинъ обители, могъ, такимъ образомъ, присутствовать при церковныхъ службахъ, не нарушая своего домашняго покоя.

По палатамъ митрополита насъ водилъ архимандритъ монастыря, челоуѣкъ, повидному, совсѣмъ не книжный, но хорошо объяснявшійся по-русски. Онъ жаловался, что лѣтъ 10 назадъ у монастыря отобрали всѣ его имѣнія и что теперь всѣ они остались на скудномъ жалованьѣ, далеко не покрывающемъ ихъ нужды. Монастырь, вообще, производитъ впечатлѣніе совершенной запущенности. Какъ-то непріятно и неопрjятно глядятъ всѣ его пустынные зданія и дворики, словно никакая живая душа не прикасается къ нимъ, словно настоятель и монахи его являюся сюда только мимоходомъ, на одинъ, на два часа, отслужить обѣдно и отправится себѣ назадъ, во-своися. Совсѣмъ не похоже на то впечатлѣніе хозяйственной домовитости давно насиженнаго сятаго и многолѣтняго гнѣзда, какое производитъ, обыкновенно, нашъ старинный русскій монастырь.

За то, когда мы вышли на камни обрыва черезъ задній дворикъ митрополитскихъ покоевъ и глянули внизъ на широко раскинувшуюся у нашихъ ногъ панораму Сигнаха, Кахетии и Кавказскаго хребта, снѣвшаго за нею, мы сразу забыли про ворчливыхъ монаховъ и обло-

манную штукатурку Бодбійской обители, и у насъ опять заиграли въ сердцѣ радостныя лучи свѣтлаго лѣтняго дня.

Жадно напились чистой, какъ слеза, воды горнаго родника, выбивающагося на зеленомъ дворѣ монастыря, мы поспѣшили внизъ,— доканчивать осмотръ города.

VII.

Въ странѣ вина.

ОТДОХНУВЪ совершенно отъ степнаго путешествія, мы простились съ гостеприимнымъ хозяиномъ, вмѣстѣ съ которымъ уже успѣли осмотрѣть всѣ замѣчательности города, и съ бодрымъ духомъ выѣхали, черезъ крѣпостныя стѣны, по крутому и длинному спуску, въ долину Алазани, до сихъ поръ заслоненную отъ насъ утесистымъ отрогомъ синахскихъ скалъ.

Кахетія видна намъ отсюда въ темя, съ полета птицы. Ея цвѣтущіе, радующіе глазъ ландшафты стелются у нашихъ ногъ далеко вправо и влѣво, провожая сверкающую ленту многоводной Алазани.

Яркій день, съ нѣжнымъ голубымъ небомъ, по которому плывутъ будто на вздутыхъ парусахъ бѣлые курчавыя барашки облаковъ, еще болѣе веселитъ очаровательную картину этой веселой и обильной страны.

Сплошнымъ, роскошнымъ садомъ кажутся, у подножія горнаго ската, по которому идетъ превосходное шоссе, зеленые виноградники, сады и огороды Кахетіи.

За этою сочною и кудрявою темнозеленою полосаю, словно ковры, сотканные изъ червоннаго золота, стелются совсѣмъ уже поспѣвшія поля ячменя и пшеницы, за ними серебряная змѣя Алазани, передивающаяся на солнцѣ, какъ чешуею, зыбью своихъ стремительныхъ водъ, и по ней, за нею — новые сады, зеленые виноградники. Только самыя счастливыя уголки южной Германіи, южной Франціи могутъ сравниться, полною и прелестью впечатлѣнія, съ картиною Алазанской долины. Ея многочисленныя сельскія деркви, въ видѣ домовъ, увѣнчанныхъ островерхою колоколенкою, совсѣмъ похожія на обычный типъ деревенскихъ храмовъ Запада, точно такъ-же какъ общее впечатлѣніе скученныхъ, какъ карточные домики, островерхихъ сель,—еще болѣе увеличиваютъ иллюзію сходства Кахетіи съ Европою.

Это, поистинѣ, страна, текущая виномъ, медомъ и млекою, какъ издавна смотрятъ на нее кавказцы.

Въ нес жаднѣе всего устремились и старые азіатскіе завоеватели, отдохнуть отъ грома битвъ, пожаровъ, кровопролитія и разоренія, которые они проносили, съ неистовствомъ урагана, черезъ армянскія и грузинскія области. Здѣсь всегда была готова имъ полная чаша добычи, отрадное вино, отрадная прохлада предгорной долины.

Съ жадностью коршуновъ, постоянно смотрѣли на тучныя пажити, на обширныя виноградники Кахетіи и тѣ ея сосѣди-разбойники, гнѣзда которыхъ торчатъ прямо надъ этою плодородною долиною, среди дикихъ пропастей и обглоданныхъ утесовъ заоблачнаго царства, — всѣ эти лидойцы, капучины, аварцы, волнственныя лезгинскія племена нагорнаго Дагестана.

Всѣ набѣги ихъ, отъ времени римлянъ и древнихъ персовъ до Ермолова и Шамиля, направленные, прежде всего, на сосѣдную Кахетію, которой многочисленныя стада и домовитыя хозяйства, видныи имъ, какъ на ладони, съ ихъ разбойничьей засады на вершинахъ горъ, поневолю соблазняли собою этихъ вѣчно-голодныхъ, безхозяйственныхъ хищниковъ.

Горы эти тоже теперь видны намъ. Мы не столько, впрочемъ, видимъ ихъ, сколько чувствуемъ. Лидовая мгла облаковъ затянула дали того берега, и изъ-за этой мглы, на невообразимой высотѣ, на которой глазъ не привыкъ видѣть земныхъ предметовъ, проглядываютъ, будто сквозь смутный сонъ, дымчато-блѣдныя, тающіе абрисы гигантскаго хребта. Только рѣзкія угловатыя грани да загадочная неподвижность этого воздушнаго видѣнія говорятъ вамъ, что это не летучія облака съ ихъ вѣчно мѣняющимися, сливающимися и расплывающимися очертаніями. Инстинктивнымъ благоговѣніемъ охватывается ваше сердце передъ зрѣлищемъ этого, какъ небо безплотнаго, какъ небо недостижимаго образа большихъ горъ, и глазъ не можетъ оторваться отъ ихъ созерцанія. Злою насмѣшкою показалась-бы намъ теперь всякая мысль о дорогахъ, о человѣческихъ жилищахъ на этихъ, въ небесахъ исчезающихъ, высотахъ. А между тѣмъ, такъ скоро придется не только мыслить объ этомъ, а просто-напросто карабкаться по этимъ недостижимымъ скаламъ, проводить на нихъ дни за днями, окудывать глызомъ, съ ихъ головокружительной высоты, эту мирную зеленую долину, по которой мы теперь ѣдемъ — покойные и безопасные. Жутко дѣлается на сердцѣ отъ этого предвкусенія неизбѣжныхъ будущихъ ужасовъ, и самъ не вѣришь, что найдешь въ себѣ силы покорить свою волю, смирить свои сердечныя трепеты.

Марана — место выдѣлыванія вина въ имѣннѣ Кардашихъ.

Послѣ первой станціи, послѣ перваго мучительнаго скитанія на сквернѣйшихъ почтовыхъ лошадахъ, подрывающихъ всю прелесть впечатлѣній Кахетіи, шоссе покинуло правый горный склонъ и спустилось въ самую гуцу садовъ и сель.

Вблизи Кахетіи производить то-же маленькое разочарованіе, какъ и Стамбуль, столица ислама. Хотя на каждомъ шагу чувствуешь ся богатство и обиліе, но уже глазъ не утѣшается болѣе мидыми ландшафтами всепримиряющей дали, а скорѣе поражается распущенною небрежностью домашняго быта, обнажающаго теперь путешественнику всѣ свои тайны.

Деревенки, беспорядочно заваленныя камнями разливовъ, не имѣющія ни охоты, ни умѣнья отдѣлаться отъ этого мусора, кое-какъ приткнутыя изгороди, ветхія тростниковыя кровли, съ дырками и мохомъ, стѣны домиковъ, наскоро сложенныя изъ кучи дикаго камня, неприбранное хозяйство дворовъ, — все это заставляеть приходите къ довольно грустнымъ заключеніямъ относительно трудолюбія и хозяйственной дисциплины веселыхъ кахетинцевъ. Никакого сравненія съ благоустройствомъ и домовитостью какихъ-нибудь Кулашей и другихъ

вмсетинскихъ селеній Ріонской долины. Виноградники перекопаны очень скверно, густо заросли травою, кукурузою, засажены фруктовыми деревьями, но, несмотря на это, лозы очень высоки, курчавы и сильны.

Около виноградника — *марана*, давилня. Нѣсколько каменныхъ столбовъ, чуть прикрытыхъ легкимъ навѣсомъ, и подъ ними, въ землѣ, погребъ, — вотъ здѣшняя марана. Она очень напоминаетъ итальянскія

своею живописностью и своею безхитростною простотою.

Взвѣркъ кахетинскихъ грузинъ на Богомолян.

У мараны постоянно валяются пустыя громады чоры или *квеври*, обожженные изъ крѣпкой красной глины, твердыя, какъ камень, бочки, въ формѣ широкогорлыхъ кувшиновъ. Это наследіе тысячелѣтней древности, знакомое еще Библии, до сихъ поръ не вытѣснено изъ кахетинскаго винодѣлія.

Большія чоры вмѣщаютъ въ себѣ до 80 и до 100 ведеръ, а въ богатыхъ княжескихъ хозяйствахъ сохраняются еще старинныя *квеври*, на 4 арбы вина, считая въ арбѣ 2,000 бутылокъ. Въ Ени-Сели князя Дж. есть квеври въ 3 сажени глубины и въ 2 сажени ширины, остатки праѣдовской посуды. Квеври зарываются на-глухо въ землю, и случалось, что неосторожный охотникъ до чужаго вина, переливъ черезъ край, заливался на-смерть въ этихъ винныхъ колодцахъ своего рода.

Хозяева жалуются, однако, что въ чорахъ вино не можетъ долго сохраняться: оно согрѣвается и киснетъ, вслѣдствіе разницы температуры въ нижнемъ и верхнемъ слоѣ его. О погребяхъ и о нашихъ русскихъ бочкахъ изъ дубовой клепки пока никто тутъ не думаетъ. Для перевозки служатъ все еще ветхозавѣтные бурдюки изъ шкуръ буйволовъ, быковъ, кабановъ, козъ, — то, что называлось «мѣхомъ вина» въ Библии и Гомеровыхъ описаніяхъ пиршествъ:

«И въ козихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Но, сказать правду, бурдюкъ почти невозможно замѣнить для

перевозки вина, пока перевозка эта производится горными дорогами, на вьюкахъ. Железная дорога, разумѣется, все приведетъ сама собою къ одному общеевропейскому знаменателю. Но для вьюка бурдюкъ незаменимъ. Хотя вино принимаетъ отъ него нѣсколько аноміи вкуса нефти, но съ этимъ скоро свыкаешься и даже считаешь за своего рода haut goût истиннаго кавказскаго вина; за то вино не согревается и не кипитъ, за то оно не знаетъ усушки, и сколько бы ни отливали изъ бурдюка вина, онъ всегда остается полнымъ, недоступенъ для воздуха, потому что его перетягиваютъ все ближе и ближе. Порядочное кахетинское вино стоитъ на мѣсть рублей 400 за арбу, т.-е. копѣекъ 20 за бутылку; въ Тифлисѣ бутылка такого вина стоитъ уже не меньше рубля. Вино подешевле продается здѣсь по 300 и 100 руб. за арбу. Арба 2,000 бутылокъ, это обычная оптовая мѣра Кахетіи, точно такъ же какъ тунга, 5 бутылокъ, обычная здѣшняя мѣра для продажи врозь. Цѣны кахетинскихъ виноградниковъ еще не поднялись до баснословныхъ размѣровъ крымскаго южнаго берега; за 1,000 рублей серебромъ еще можно купить одну десятину вполне обработаннаго виноградника; цѣна же полевой земли здѣсь не ниже нашей, если судить по тому, что выкупная цѣна полевого крестьянскаго надѣла доходитъ здѣсь до 60 р. за десятину, а по обязательному выкупу до 40 р. Несмотря на природное обиліе Алазанской долины, хозяйственные и торговые условия ея еще крайне плохи.

Работники здѣсь дороги и рѣдки, что называется — «въ сапожкахъ ходятъ». Годовой работникъ стоитъ отъ 100 до 120 рублей въ годъ, а поденный, въ горячее время, не меньше 1 р. и 1 р. 20 к. въ день, на хозяйскихъ харчахъ. А харчи здѣсь составляютъ немаловажный вопросъ

Это не нашъ, ко всему привычный, всѣмъ довольный русскій мужикъ. Кахетинца или имеретина не накормите чернымъ хлѣбушкомъ съ кваскомъ да огурчикомъ. Ему подавай баранину, пшеничныя лепешки, рисъ или кукурузу; ему давай вина вволю, какъ у насъ воды. Такъ и привозятъ на поле цѣлую чору или бурдюкъ: черпай,

Кахетинская арба.

кому угодно, сколько угодно. А работать здѣшній народъ тоже любить съ прохлагою, чтобы его не подгоняли, дали-бы ему влатье покурить, поваляться, побалакать. Чуть какое слово невпопадъ сказалъ

Какетинецъ (грузинъ).

хозяинъ, — завертываетъ спину, мотыку на плечо и маршъ себѣ! «Баловень народъ», — какъ называлъ-бы его нашъ «упадливый до работы», терпкій и спорый русскій мужичокъ.

Впрочемъ, здѣшній народъ очень неохотно принимается на чужую работу, чуть не изъ милости. Почти всякій имѣетъ свое хозяйство, поле, садъ; всего у него хватаетъ на зиму, нужда не гонитъ его гнуть горбъ ради другого. Гораздо охотнѣе кахетинцы и особенно имеретинцы, которые считаются лучшими садовниками и которыхъ множество живетъ здѣсь, снимаютъ сады у помѣщиковъ изъ-полу, на всѣхъ хозяй-

скихъ расходахъ. Огромное-же большинство населенія не заботится объ излишнихъ заработкахъ.

Страна вина, вообще, располагаетъ къ лѣни особаго рода: кувшинъ животворящаго напитка всегда подъ рукою и трудно удержаться отъ соблазна распить его съ добрымъ сосѣдомъ или приятелемъ, поить тѣмъ орѣха, болтая помаленечку о небывалыхъ урожаяхъ старыхъ лѣтъ, о плохомъ сбытѣ вина, о засухѣ или дождяхъ, мѣшающихъ уборкѣ ячменя.

Кому изъ этихъ добродушныхъ деревенщинъ, сытыхъ и довольныхъ, «каждый полъ своимъ виноградникомъ и полъ смоковницею своею», придетъ глупая мысль улучшить способы дѣлать вино, унаследованные отъ дѣдовской мудрости, благородить лозы прививкою лучшихъ сортовъ или лѣчить виноградную болѣзнь, посылаемую самимъ Богомъ?

Помѣщики, даже и богатые, мало ушли отъ этихъ патріархальныхъ взглядовъ кахетинскихъ крестьянъ. Только немногіе владѣльцы, подобно князю Чавчавадзе, Джорджадзе и другимъ, болѣе образованнымъ, думаютъ о будущности своихъ виноградниковъ, посылаютъ дѣтей своихъ въ Европу учиться винодѣлію, затѣваютъ разные промышленные и торговые обороты. Это—случайныя и рѣдкія единицы, не оказывающія пока замѣтнаго вліянія на дружный безпробудный сонъ кахетинскаго винодѣлія.

Масса владѣльцевъ довольствуются сдѣлаю изъ-поду и первобыт-

Общій видъ Кахетіи.

ными способами культуры, часто не возвращающими расходовъ обработки. Виноградная болѣзнь давно уже охватила почти весь садъ Кахетіи, но почти никто не борется противъ нея, не сознаетъ даже необходимости и возможности бороться. Къ счастью, это еще не филлоксера, а только *Oidium Thiuerii*, гораздо менѣе опасная. Сырная посыпка, которая радикально излѣчиваетъ эту болѣзнь и которая широко примѣняется въ крымскихъ виноградникахъ, составляя обязательный ежегодный расходъ ихъ, здѣсь совершенно неизвѣстна. Кахетинцы смѣются надъ нею и увѣряютъ, что отъ нея вино вовлечетъ сѣрою. Немудрено, что, при такомъ хозяйственномъ невѣжествѣ, при такой промышленной неподвижности кахетинскихъ владѣльцевъ виноградниковъ, баснословное, въ исторіи прославленное обиліе Кахетіи, въ концѣ-

концовъ, привело огромное большинство здѣшнихъ помѣщиковъ къ повальному объединѣнiю.

— У насъ ни у кого нѣтъ свободныхъ ста рублей; у насъ нѣтъ ни одного помѣщика, который-бы не сидѣлъ на какомъ-нибудь казенномъ жалованьи, потому что имѣнiями нашими мы жить не можемъ, — откровенно признавался мнѣ одинъ изъ разумныхъ и опытныхъ хозяевъ Кахетiи. Съ каждымъ годомъ ея славные виноградники переходятъ въ настоящiя и ловкiя руки армянскаго барышника. Армянинъ покупаетъ, армянинъ арендуетъ теперь всю Кахетiю. Онъ покупаетъ на аукционахъ за 200 руб. то, что стоитъ 2,000 руб., и, мало-помалу, захватить въ свои лапы всѣ здѣшнiя помѣщичьи хозяйства. Кахетинское вино давно въ армянскихъ рукахъ. Но армянинъ тоже не улучшаетъ ничего, армянинъ — гениальный торговецъ и эксплуататоръ, но вовсе не хозяинъ.

Пшавъ верхомъ.

Нѣмцы и французы пока еще не проникли въ Кахетiю и не внесли въ нее усовершенствованныхъ прiемовъ винодѣлiя. Правительство пробовало было поднять этотъ сонный край устройствомъ образцовой казенной фермы, недалеко отъ Динондалъ, но, какъ все наше казенное, и эта ферма оказалась мертворожденною, потонувши въ неоплатномъ дефицитѣ. Устройство ея стоило казнѣ тысячъ 70, а теперь она слана въ аренду садовнику-французу всего за 220 рублей въ годъ, и, что всего обиднѣе, у пришельца-француза она пошла весьма порядочно.

А между тѣмъ, рѣдкiй край возвратилъ-бы такую сторицу самiя капитальныя затраты на него, какъ эта, винномъ текущая, долина Алазани.

Еслибы сюда направилось прочное русское землевладѣнiе и дѣятельная русская промышленность, взамѣнъ армянскаго хищничества; еслибы кахетинскiе виноградари соединились въ дружный союзъ для фабрикацiи и сбыта улучшеннаго вина, вмѣсто того чтобы, съ дѣтскою безопасностью, по-одиночкѣ, отдаваться съ головою въ руки всемогущихъ барышниковъ; еслибы практически устроенное училище образцоваго винодѣлiя давало кахетинскому юношеству возможность

изучить у себя, на мѣстѣ, кормящей страну промышленности,—однимъ словомъ «еслибы знаніе и капиталъ были привлечены разумными мѣрами къ поднятію кахетинскаго винодѣлія, то, въ какія-нибудь 20 лѣтъ, Кахетія залила-бы Россію своимъ безподобнымъ виномъ и сохранила-бы русскому народу много лишнихъ миллионѣвъ рублей, ежегодно переплачиваемыхъ, безъ всякой нужды, бордоскимъ и бургундскимъ виноградарямъ.

До настоящаго-же времени не сдѣлано, можно сказать, ровно ничего для спасенія падающаго алазанскаго винодѣлія. Нужно изумляться равнодушію или слѣпотѣ мѣстныхъ правителей, которые не имѣли

до сихъ поръ досуга соединить страну кахетинскихъ винъ даже съ Тифлисомъ, столицею Кавказа, не говоря уже о Владикавказѣ и Ставрополѣ. Въдѣ Тифлисъ, въ сущности, находится всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстѣ отъ Телавъ, центра винной торговли Кахетіи, а

Дуль въ Кахетіи.

между тѣмъ, по окружнымъ дорогамъ, черезъ Сигнахъ, товарамъ приходилось, до послѣдняго времени, дѣлать до него около 200 верстѣ. Гамбургскій переваль только годъ тому назадъ сдѣланъ доступнымъ для колесной ѣзды, хотя расходы по устройству гамбургскаго шоссе изъ Тифлиса въ Телавъ ведутся еще съ 40-хъ годовъ; множество денегъ усажено туда въ теченіе этихъ 30 лѣтъ, но путешественники всѣ эти 30 лѣтъ вынуждены были топтать все-ту-же старую вьючную тропу, которую топтали, за многіе вѣка до введенія на Кавказѣ русской цивилизаціи, невѣжественные азіаты-грузины, при своихъ Давидахъ и Иракліяхъ.

Прямой торговый путь для кахетинскихъ винъ, черезъ хребетъ на Владикавказъ и въ Россію, крайне необходимъ для дешеваго сбыта этихъ винъ, по убѣжденію всѣхъ мѣстныхъ знатоковъ дѣла. Но,

судя по исторіи гамборскаго пути, объ этомъ даже и загадывать нечего.

Вообще, дороги, устраиваемыя нашимъ казеннымъ вѣдомствомъ на Кавказѣ, таковы, что, напр., все время отъ Тифлиса до Сигнаха, на протяженіи 10 верстъ, мы были вынуждены ѣхать рядомъ съ шоссе, трепеща попасть на его мучительные острые камни, не укутанные и не засыпанные ничѣмъ. А между тѣмъ, шоссе, устроенныя мѣстными силами и обходящіяся гораздо дешевле, какъ, напримѣръ, изъ Сигнаха въ Телавъ и во всѣ деревни Кахетин, вполне удобны и исправны. Дѣло въ томъ, что пресловутая «щебенка», добываемая, по казеннымъ смѣтамъ, за крупное вознагражденіе, чуть-ли не дробленіемъ кавказскихъ скалъ, въ счастливыхъ долинахъ Алазани и другихъ кавказскихъ рѣкъ приобрѣтается совсѣмъ готовою, насыпаною неизсякаемыми горами на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ нужно проводить шоссе, хотя и носить скромное домашнее имя голыша, вмѣсто торжественнаго техническаго прозванія «щебенки», насыпающей, повидимому, съ большою удачею карманы строителей, чѣмъ полотно дороги.

Гранатникъ придаетъ особенное оживленіе кахетинской деревнѣ.

Ауль въ Кахетин.

Его дѣтвы, пылающіе какимъ-то кровавымъ огнемъ, сплошь усыпаютъ яркую зелень и, кажется, разливаютъ свое огнистое зарево на все кругомъ.

Это «неопалимая купина» своего рода, горящая, но не сгорающая.

Въ сплошныхъ деревняхъ на каждомъ шагу духаны, простенькіе, маленькіе, всѣ съ откры-

тыми настежь гостепріимными дверочками, и у каждаго духана стоитъ, сидитъ, лежитъ, болтаетъ, пьетъ и куритъ толпа досужаго народа.

Осѣдланныя лошади мирно щиплютъ траву, тутъ-же, въ тѣнистыхъ садикахъ. Сейчасъ видно, что тутъ не любятъ торопиться, не ломаютъ реберъ на работахъ, что каждый считаетъ первымъ правомъ и первымъ долгомъ своимъ отвести душу въ пріятельской бесѣдѣ, за стаканчикомъ душистой и искристой виноградной влаги, какое-бы важно дѣло ни гнало его.

Старая хохлацкая поговорка — «Усей панской роби не переробишь!» — повидимому служитъ кореннымъ девизомъ кахетинскому населенію.

И вправду, вѣдь «дѣла — не зайцы, не разбѣгутся», а «на той недѣлѣ опять — таки семь дней», — какъ увѣряетъ нашъ мужичокъ. Еще-бы южному человѣку, избалованному своей природой, не помнить этой мудрой практической философіи и не держаться ея со всею искренностью.

Типъ кахетинца смиренъ и, такъ сказать, гражданственнѣе, чѣмъ воинственные типы другихъ грузинскихъ народностей. Низенькая войлочная шапочка вмѣсто папахи и башлыка, черкеска безъ патроновъ, оружія почти нѣтъ, только кинжаликъ мотается себѣ для приличія у пояса, чтобы хотя немножко Кавказомъ пахло. Да и лица гораздо мягче.

Недаромъ «вино веселитъ сердце человѣка».

Было воскресенье, и на улицѣ вездѣ сидѣли кучки народа. Мужчины почти всегда особо отъ женщинъ, какъ вездѣ здѣсь на Кавказѣ. Зрѣлыя женщины, съ обычнымъ здѣсь рѣзкимъ и неприятнымъ выраженіемъ лица, носатыя, птицеподобныя; молодыя — стройныя и хорошенькія. Нарядъ ихъ общегрузинскій, ярокъ и изященъ. Ничего грубаго, домашняго, мужицкаго, хотя все это рабочій народъ. «Тавсакрави» разноцвѣтнаго бархата, расшитыя золотомъ, кисейныя покрывала, на плечахъ кружевные платки, платья тоже изъ кисей, изъ ситца. Грудь открыта посрединѣ, назади шлейфы, по сторонамъ лица спускаются два черные локона. Да и черты лица, не загрубѣлыя, исполненныя достоинства, — вообще, нисколько не напоминаютъ рабочій крестьянскій типъ.

Навстрѣчу намъ то и дѣло попадаются кавалькады кахетинскихъ дамъ.

То какая-нибудь разодѣтая княжна съ своими подругами, верхомъ, по-мужски, на отличномъ конѣ, покрытомъ до хвоста ярко-краснымъ, богато-расшитымъ чепракомъ, большимъ, какъ коверъ, провожаемая толпою сѣдыхъ усачей и молоденькихъ, длинныхъ и гибкихъ, какъ ивовые хлысты, черноусыхъ князьковъ.

Дорога для перевозки саману.

То цѣлыя толпы крестьянокъ, возвращающихся изъ гостей такимъ-же безцеремоннымъ способомъ, верхомъ, на сѣдлѣ. Смѣло бросаются эти веселыя амазонки прямо вбродъ, черезъ рѣчку, на своихъ привычныхъ коняхъ, смѣло протискиваются сквозь толкотню навьюченныхъ ящиковъ, съ кафлями, кувшинами, дровами, тюками товаровъ, мимо скрипящихъ татарскихъ арбъ, которыми кишитъ эта всегда людная и оживленная дорога въ нынѣшній базарный день.

Буйволы доняла-таки лѣтняя жара! Они теперь уже не черные, а совсемъ сѣрые. Слой известковой грязи облѣпилъ ихъ, какъ броню. Ничѣмъ не удержишь ихъ. Прямо съ возомъ пруть въ рѣчку, въ лужу, въ оросительную канаву; лучше скорѣе выпрячь ихъ: втешутся совсемъ съ головою въ жидкую грязь, выставятъ только глаза да храпки, и лежать себѣ тамъ недвижимо, какъ бегемоты въ своемъ болотѣ, жмурясь отъ наслажденья, спасенные отъ мухъ и отъ жары. Въ Акталахъ цѣлая большая лощина глубоко налита бѣловатою цѣлебною грязью, которая, кажется, извергается изъ земли, въ родѣ плоскихъ сопекъ, и образуетъ цѣлую группу маленькихъ озерковъ грязи.

Тутъ счета нѣтъ буйволамъ, купающимся въ грязи! Вонъ они тяжело лѣзутъ изъ нея, въ своихъ сѣрыхъ, глиняныхъ футлярахъ, радостно отфыркиваясь и махая хвостомъ, недоступные теперь уколамъ комара и овода. Признаюсь, мы сами едва воздержались, чтобы не послѣдовать примѣру ихъ, — до такой степени допекають на перекладной пыль, солнце и комары. Въ Акталахъ грязь, дѣйствительно, цѣлебна, и хотя нѣтъ еще никакого устройства, но сюда уже начинаютъ прѣзжать понемножку даже дальние посѣтители, не считая туземцевъ.

Вонъ стоитъ наскоро склеенный плетневый сарай, гдѣ приоткрылись надъ этою безпріютною лощиною тифлисскіе гости, чины судебного вѣдомства, пожелавшіе испытать на себѣ силу актаискихъ грязей. У брата были знакомые среди нихъ, и мы слѣзли съ своей телѣжки, чтобы посѣтить на минутку скитальцевъ пустыни.

Однако, мы не нашли въ шалашиѣ никого, кромѣ прислуги. Плетневая избушка была устлана козрами, уставлена складными кроватями, обвѣшана ружьями. Больше никакихъ удобствъ не требуется въ этомъ охотничьемъ привалѣ. Сами хозяева ушли куда-то въ гости, а съѣзденное село.

Телавъ. Старая крѣпость.

VIII.

Телавъ.

КРАСИВЫЯ княжескія усадьбы все чаще и чаще вырѣзаются на зеленыхъ пригоркахъ, среди своихъ обширныхъ садовъ, по мѣрѣ приближенія къ Телаву.

Это имѣнія Андрониковыхъ, Абхазовыхъ и другихъ извѣстныхъ мѣстныхъ семей.

Въ восьми верстахъ отъ Телавы, самое знаменитое изъ этихъ родовитыхъ княжескихъ имѣній — Цинондалы, князя Чавчавадзе. Цинондалы видны съ дороги. Сейчасъ же за ними — широкое, беспорядочно разбросанное русло совершенно сухой рѣчки Цинондалы. Нужно было пробираться довольно долго черезъ подвижныя груды ея гольшеи. Такихъ «дождевыхъ рѣкъ» много въ Кахетіи. Обыкновенно ихъ переѣзжаешь по-суху, какъ неукатанное шоссе, но стоитъ упасть въ горахъ дождямъ — и это сухое шоссе можетъ смыть и унести васъ Богъ знаетъ куда; оно разомъ обращается въ бѣшеный потокъ, иногда значительной глубины.

Цинондалы славятся самымъ лучшимъ кахетинскимъ виномъ, цѣна

котораго въ Тифлисѣ доходить до рубля за бутылку. Въ последнее время, съ нимъ стали соперничать только вина князя Мухранскаго. Но Цинндаля еще и историческая замѣчательность. На нихъ, въ наши дни, былъ совершенъ послѣдній дерзкій набѣгъ чеченцевъ на грузинскія области. Это было въ 1854 году. Никому не приходила въ голову возможность вторженія горцевъ въ самую глубь Кахетіи, сквозь желѣзное кольцо русскихъ укрѣпленій и русскихъ войскъ, оцѣплявшее со всѣхъ сторонъ неприступныя убѣжища хищниковъ.

Но это-то и соблазнило удальцовъ Шамиля. Они знали, что подвигъ ихъ прогремитъ по самымъ глухимъ уголкамъ Кавказа, что онъ охватитъ ужасомъ мирныя населенія его, слѣпо вѣровавшія до сихъ поръ въ русское могущество.

Смутный слухъ о приготовленіяхъ горцевъ достигъ до русскихъ войскъ, и ихъ поджидали въ разныхъ мѣстахъ. Но они спустились тайными тропами, миновавъ наши сторожевыя посты, и вдругъ, какъ громъ среди яснаго дня, нагрянули на мирныя поселенія Алазанской долины.

Въ Цинндаляхъ, какъ и вездѣ, поднялась страшная тревога; самъ князь Чавчавадзе былъ въ это время при войскѣ, въ Дагестанѣ, и дома оставались однѣ женщины и дѣти. Только-что стали укладывать повозки, выючить лошадей, чтобы бѣжать въ Тифлисъ, какъ раздался отчаянный зловѣщій крикъ: «Модіанъ, модіанъ!» (идуть!). Все разсыпалось куда попало. О защитѣ помышлять было нельзя. Толпа чеченцевъ бросилась въ домъ, гдѣ заперлись, полныя ужаса, женщины и дѣти княжескаго семейства. Одинъ мюридъ вырывалъ у другого лакомую добычу, сыпались угрозы, сверкали сабли, и брань и обрванныя, совсѣмъ почти раздѣтыя, полумертвыя отъ страха княгини и княжны стараго цинндаляскаго помѣстья были, наконецъ, подѣлены хищниками между собою.

Жарко запыхавъ подоженный и разграбленный княжескій домъ, а хищники, прикрутивъ свою дорогую добычу позади своихъ сѣделъ, торопились ускакать назадъ, въ свои горныя трущобы, пока не настигла ихъ погоня.

Отрядъ капитана Хитрово перенялъ было хищниковъ у горы Концо; нежданной градъ ядеръ и пулъ вдругъ осыпалъ шайку грабителей, но они съ такою быстротою повернули и умчались къ другому ущелью, что нагнать ихъ было невозможно, а стрѣлять было слишкомъ опасно, въ виду массы плѣнницъ и плѣнниковъ, которыхъ они гнали съ собою.

Княгиня Чавчавадзе, съ своими дѣтьми, сестра ея, княгиня Орбе-

Цицопдалы.

ліани, княжна Багратова и много другихъ попали въ число плѣнницъ. Много муки, физической и нравственной, вытерпѣли бѣдныя княгини; княгиня Чавчавадзе не выпускала изъ рукъ своего грудного младенца, котораго она еще кормила. Но мюридъ, се плѣнвишій, туго притянулъ къ своему полюсу ея правую руку и у нея оставалась свободно только лѣвая рука. Обезсиленная нервнымъ потрясеніемъ, страшно утомленная непривычною и неудобною ѣздою, осыпаемая градомъ русскихъ пуль, несчастная княгиня не имѣла больше силъ держать своего ребенка. Напрасно она вопила о помощи и умоляла суроваго мюрида освободить руку, чтобы поддержать младенца. Мюридъ отчаянно гналъ коня, спасаясь отъ преслѣдовавшаго отряда и не слушая воплей бѣдной матери. Вотъ уже совсѣмъ опускается онѣмѣвшая рука, вотъ только за одну трепещущую ножку еще чуть держитъ она опрокинушагося ребенка. Еще мгновение — и рука повисла одна, недвижимая, судорожно сжатая. Мгновенный стукъ, мгновенный крикъ — и бѣшеные кони мюридовъ, на глазахъ обмершей отъ ужаса матери, промчались черезъ маленькое дѣтское гнѣздо, покинутое въ дикой пустынѣ.

* * *

Говорятъ, князь Чавчавадзе въ тотъ-же день возвращался изъ Дагестана и съ недоумѣніемъ сталъ встрѣчать то одну, то другую знакомую вещь, валявшіяся на дорогѣ. Наконецъ, дымящіяся развалины Цицопдалы открыли ему ужасную истину.

Долгий, томительный плывъ княгини у Шамиля извѣстенъ всѣмъ. О немъ писали давно и много.

* * *

Къ Телаву нужно подниматься по очень крутой, нескончаемо длинной горѣ. Былъ уже совсѣмъ вечеръ, когда мы въѣхали въ него. Вездѣ гуляла публика, ѣздили фаэтоны, многочисленныя лавки выставляли свой товаръ, словно въ какомъ-нибудь совсѣмъ цивилизованномъ городѣ. Даже мостовыя по улицамъ порядочныя, не подъ стать нашимъ уѣзднымъ городишкамъ. Въ городскомъ садикѣ, рогатый молодой олень, гулявшій въ изгороди, одинъ только напоминалъ, что мы у подножья Кавказа.

Ни въ гостиницахъ, ни въ духанахъ, нигдѣ не оказалось номера, и мы безнадежно скитались на своихъ скверныхъ почтовыхъ лошаденкахъ по улицамъ незнакомаго города, возбуждая любопытство телавскихъ кумушекъ. Пришлось, волею-неволею, остановиться въ пустынныхъ сараяхъ почтовой станціи. Но не успѣли мы устроиться съ чаемъ, какъ къ намъ явился посланный отъ уѣзднаго начальника, князя Ч—ва, просившаго насъ перебраться къ нему въ домъ.

Князь Ч—въ принадлежить къ числу вполне цивилизованныхъ грузинъ, служилъ въ Петербургѣ и устроился здѣсь, въ Телавѣ, со столичнымъ удобствомъ; онъ интересный и опытный человекъ и беседа съ нимъ познакомила насъ со многими характерными чертами края. Обмывшись отъ пыли, освѣживъ, наконецъ, съ радостью, бѣлье и платье, мы цѣлый вечеръ благодушествовали за чаемъ, на тѣнистомъ балконѣ князя, спрашивая его о всемъ, что было для насъ здѣсь новымъ и любопытнымъ.

Князь долго былъ уѣзднымъ начальникомъ Тонетъ, т.-е. соседней съ Кахетіей страны одичалыхъ христіанъ — хевсуръ, пшавовъ и тушинъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ довѣріемъ обращаются къ князю эти чистосердечные дикари. Они просто называютъ его «Кикомъ» (ласкательное и уменьшительное имя Николая), безцеремонно протягиваютъ ему руку и откровенно рассказываютъ ему свои нужды. Фамилія князей Ч—выхъ управляла Хевсуріей еще при грузинскихъ царяхъ, и население издавна привыкло относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Хевсуры особенно интересны языческими обрядами своего искаженнаго древняго христіанства и во всей цѣлости сохранившимся средневѣковымъ вооруженіемъ своимъ. Кабинетъ князя Ч—ва увѣшанъ хевсурскими кольчугами, шлемами, щитами, бердышами и стрѣлами.

Домъ уѣзднаго начальника и монастырь св. Нины
въ Телавѣ.

Ни на одну сходку свою хевсуръ не явится безъ полнаго вооруженія, дѣльникомъ воскрешающаго фигуры рыцарей. Съ стального шишака его падаетъ ему на шею кольчатый затыльникъ; на локтяхъ и коленяхъ—булатные налокотники; рубашка изъ жѣлѣзныхъ колець охватываетъ его грудь и плечи. Перчатка его тоже изъ стальныхъ звеньевъ. Копье, мечъ, сѣкира, круглый стальной щитъ съ золотыми травами и гербами,—все это словно сейчасъ снято съ крестоносца XI вѣка.

А главное—все это и въ дѣйствительности перешло и сохранилось еще отъ рыцарей Европы. На множествѣ оружія замѣтны высѣченныя кресты, нерѣдко красныя, старинныя надписи генуэзскія, французскія, нѣмецкія. Несомнѣнно, что оружіе это попало къ кавказскимъ горцамъ путемъ генуэзскихъ колоній черноморскаго берега, производившихъ дѣятельную торговлю съ горцами.

Въ недавнюю турецкую войну, когда возстаніе охватило сплошь весь Дагестанъ и Чечню и явилась крайняя необходимость двинуть противъ мятежныхъ горцевъ, въ помощь малочисленнымъ русскимъ войскамъ, такихъ-же, какъ они, безстрашныхъ удалцовъ изъ горцевъ-христанъ, князю Ч—ву стоило большихъ усилій побѣдить отарашеніе хевсуръ къ обязательной службѣ. До сихъ поръ они никогда не участвовали въ милиціи и не хотѣли слышать о ней.

Князь явился къ нимъ въ аулъ съ 2 чепарами (всадники грузин-

ской милиции, обыкновенно сопровождающие на Кавказъ мѣстное начальство) и съ 2 пшавами; кромѣ того, сотня вооруженныхъ пшавовъ была спрятана, на случай, подъ горою. Долго уговаривалъ ихъ князь, разъясняя необходимость кинуть жребій, кому изъ нихъ идти въ милицію. Наконецъ, жребій былъ кинутъ, по тѣмъ, кому онъ выпалъ, отказались наотрѣвъ: «Не пойдѣмъ», — коротко отвѣчали они на всѣ увѣщанія своего начальника. Чепары бросились было взять перваго жеребьеваго, но вся толпа, человѣкъ въ 1,000, вооруженныхъ ружьями, обступила ихъ. Взявъ въ обѣ руки по револьверу, князь прострѣлилъ для примѣра подброшенную вверхъ папаху и объявилъ толпѣ, что онъ положитъ на мѣстѣ всякаго, кто позволитъ себѣ защищать вынувшихъ жребій. Толпа была загнана въ аулъ, гдѣ она тотчасъ засѣла за камни и навела ружья... Тогда были двинуты на выручку пшавы. Одного жеребьеваго успѣли захватить. Старикъ пшавъ сталъ громко стыдить бабами и трусами смущенную толпу. Состоялась, наконецъ, мировая, по которой хевсурь согласились выдать жеребьевыхъ, но съ тѣмъ только, чтобы ихъ не посылали далеко отъ родины. Ихъ, дѣйствительно, оставили въ Аргунскомъ округѣ, на границѣ съ Осетіей.

Вообще, крайне трудно ладить съ этими дикарями, особенно людьми, не знающимъ ихъ быта и ихъ нравовъ

Безъ мѣстнаго языка, самый ловкій человѣкъ надѣлаетъ непоправимыхъ глупостей. Такъ, на примѣръ, во время войны, единственно вслѣдствіе незнанія языка и плохого переводчика, синахскій уѣздный начальникъ Т. не только былъ самъ избитъ до полусмерти толпою, побразившею, что ихъ берутъ въ рекруты, но изъ-за него избилъ военнаго начальника О., товарища прокурора г. Л. и вѣсколькихъ другихъ начальствующихъ лицъ, случайно бывшихъ въ домѣ помѣщика, у котораго Т. пробовалъ скрыться отъ преслѣдовавшей его толпы. Много народа присуждено было къ ссылке въ Сибирь и спаслось отъ нея только по случаю Высочайшаго манифеста.

Содѣйствіе въ войнѣ этихъ горцевъ—дѣло тоже очень щекотливое и двусмысленное. Часто они бываютъ опаснѣе открытаго врага. Особенно много заботы и страха задали они нашимъ начальникамъ во время усмиренія Дагестана.

Когда лезгины вырѣзали пастуховъ тушинскаго племени и отогнали у нихъ 15,000 головъ скота, посланъ былъ, черезъ Кодорскій переваль, наказатъ грабителей отрядъ, подъ начальствомъ князя Дж., въ гости къ которому мы должны отправиться изъ Телава. Князь Ч.—въ быльѣ въ его отрядѣ начальникомъ кавалеріи. Всего было два

батальона солдатъ, 700 всадниковъ грузинской милиціи и 400 тушинцевъ.

Ночью, во время привала, дилойцы, прикинувшись мирными, перерѣзали караульныхъ, пробрались въ сонный лагерь, перебили и перерѣзали въ ночной перестрѣлкѣ много народа. Отрядъ отступилъ на соединеніе съ княземъ Накашидзе, у котораго было 5,000 мирныхъ дагестанцевъ. По ошибкѣ, тушины убили ночью, вмѣсто врага, одного изъ лезгинъ отряда. Всѣ лезгины поднялись, какъ одинъ. Наибы яви-

лись къ Накашидзе и требовали выдачи головою тушинцевъ. Смирить ихъ было никому, они могли вырѣзать весь отрядъ, а войска почти не было во всемъ Дагестанѣ. Къ счастью, выручили сами тушинцы, которымъ извѣстны были подобныя ссоры и свалки. Они забрались ночью на высокую сосѣднюю гору и окопались тамъ, хвастливо вызывая лезгинъ на приступъ. Но лезгины одумались и не пошли ломать голову на неприступныя кручи.

Такіе случаи встрѣчались не разъ, и начальники постоянно стояли между двухъ смертей. Только непоколебимымъ хладнокровіемъ и самувѣренностью можно было держать этихъ впечатлительныхъ дикарей въ какомъ-нибудь страхѣ и уваженіи... Малѣйшій признакъ малодушія—и изъ покорныхъ союзниковъ они сейчасъ обращаются въ дерзкаго, кровожаднаго врага.

* * *

Вечеръ мы закончили въ телавскомъ клубѣ, гдѣ не состоялась се-

Виноградники въ Кахетіи.

мейный вечеръ по случаю именинъ кого-то изъ мѣстной знати, такъ что мы поужинали въ мужской компаніи и скоро возвратились домой.

Утромъ мы осмотрѣли весь Телавъ и сдѣлали нѣсколько интересныхъ знакомствъ съ выдающимися мѣстными жителями. Женское учебное заведеніе св. Нины помѣщается въ бывшемъ дворцѣ грузинскихъ царей, и почтенная начальница показала намъ всѣ его подробности. Нѣкоторыя комнаты сохранились еще въ прежнемъ видѣ. Спальня, гдѣ, въ 1798 году, умеръ царь Ираклій XII, съ старинными нишами и сводами, обращена въ какой-то класъ, а тронная зала—въ столовую дѣтей, которыхъ живетъ въ заведеніи 150 человѣкъ. Дворецъ находится въ довольно обширной крѣпостной оградѣ, точно такъ же какъ и старинный соборъ; два другія укрѣпленія, отчасти разрушенныя, отчасти обращенныя въ частныя дома, замѣтны на противоположномъ концѣ Телава, при подъемѣ дороги. Около одного изъ нихъ живетъ кн. Д., мѣстный мировой посредникъ, какъ говорятъ—одинъ изъ наиболѣе дѣльныхъ хозяевъ Кахетіи, человѣкъ строгаго грузинскаго типа, съ умнымъ и рѣшительнымъ лицомъ. Мы полюбовались съ балкона его красиваго дома безподобнымъ видомъ на всю окрестную страну, на Алазань, Кавказъ, Гомборскія горы и много разспрашивали его о положеніи дѣшняго винодѣлія и дѣшняго крестьянства, которыя ему отлично известны.

Племянника своего князь послалъ въ Европу учиться современному винодѣлію, и этотъ молодой человѣкъ, какъ рассказывали намъ, уже возвратился оттуда хорошимъ специалистомъ своего дѣла.

Мы посѣтили также семейство телавскаго предводителя дворянства, князя В., фамилія котораго—одна изъ самыхъ коренныхъ и распространенныхъ въ Кахетіи, и который живетъ уже совершенно по русскимъ обычаямъ.

Къ обѣду у нашего гостепріимнаго хозяина собралась порядочная компанія, между прочимъ, нѣкоторые изъ нашихъ новыхъ знакомцевъ и пріѣзжіе изъ Тифлиса мѣстные судебные дѣятели. Въ легкой и оживленной бесѣдѣ, среди обильно идущихся напитковъ веселой Кахетіи, мы провели нѣсколько пріятныхъ часовъ и только къ самому вечеру должны были, наконецъ, покинуть любезную компанію и любезнаго хозяина, сумѣвшаго сдѣлать живымъ и теплымъ наше пребываніе въ незнакомомъ городѣ, среди незнакомыхъ людей.

IX.

На развалинахъ Гречи.

НАМЪ наняли бойкую четверку лошадей, чтобы добраться до деревни Ени-Сели. Вечеръ наступалъ быстро и нужно было спѣшить уйти отъ темноты. Сейчасъ замѣтно, что мы въ сѣдѣствѣ горъ, на рубежѣ Дагестана.

Впереди насъ скачутъ на лихихъ коняхъ два молодца-чепара, отлично одѣтые, съ ружьями за плечами, съ кинжалами, шашками, съ нагайками въ рукѣ. Привычнымъ крикомъ и ударами нагайки ловко прочищаютъ они намъ дорогу, заставляя торопливо сторониться нескончаемые обозы арбъ, запряженныхъ буйволами, толпы всадниковъ и пѣшиходовъ. Безъ такого конвоя здѣсь не ѣздитъ никакое начальство, никакой мало-малоски значительный человѣкъ. Превосходное шоссе идетъ сплошными деревнями.

Было почти темно, когда мы доѣхали до Алазани. Дожди сильно подняли воду, и переправа была не безопасна. Мостъ былъ, по обыкновенію, снесенъ.

Здѣсь, на всѣхъ почти дорогахъ, по году, по полугоду обходятся безъ мостовъ.

Чепары сѣло бросицѣ въ воду, разыскивая бродъ.

Въ сторонѣ отъ насъ цѣлый обозъ арбъ переправлялся чуть не вплавъ. Буйволы уходили по рога въ воду, грузины неистово кричали и били ихъ, а быстрина рѣчки заворачивала все лѣвѣе и лѣвѣе съ трудомъ подвигавшіяся грузныхъ животныхъ.

Еще на четверть воды—и обозъ навѣрное занялся-бы.

Чепары выскочили на берегъ, мокрые по поясъ, и объявили, что вбродъ проѣхать нельзя.

Въ это время мы замѣтили досчаникъ, отваливавшій съ того берега, гдѣ онъ скрытъ былъ кустами. Онъ отвалилъ саженъ за 50 правѣ насъ, но теченіе гнало его какъ-разъ къ намъ. Приходилось брести экипажъ на этой сторонѣ и переправиться только самимъ. Но какъ проѣхать дальше? Нанять лошадей было не у кого на пустыннымъ берегу.

Однако, перевозчикъ сейчасъ-же утѣшилъ насъ, что на томъ берегу насъ дожидается коляска князя Д—же, къ которому мы ѣхали и котораго мы увидимъ письмомъ еще съ утра.

Мы отпустили чепаръ и извозчика и пересѣли въ досчаникъ.

Его неудержимо гнало течениемъ, такъ что нѣкоторое время мы потеряли было надежду попасть на тотъ берегъ и рассчитывали прогуляться довольно далеко внизъ по Алазани.

Лодочки выбивались изъ силъ, налегая на огромныя весла, досчанкиъ стонали и трещали во всѣхъ своихъ швахъ, и, наконецъ, мы ткнулись носомъ въ песчаную отмель берега, далеко ниже того мѣста, откуда отправились. Коляска слѣдила за нами, и лихой Иико, молодой сынъ князя Д—же, будущій спутникъ нашего дагестанскаго похода, уже ждалъ насъ при высадкѣ.

Быстро покатали мы на свѣжихъ лошадяхъ черезъ совершенно стемнѣвшія окрестности.

До Ени-Сели было еще нѣсколько верстъ, но мы не замѣтили ихъ среди разговоръ и разпросовъ.

Развалины Грени, древней столицы Кахетинскаго царства, занимаютъ огромное пространство по предгорьямъ того берега Алазани.

Грени были однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Грузіи и возникъ еще до Рождества Христова. Въ IV вѣкѣ онъ былъ уже весьма значительнымъ городомъ и крѣпостью. Съ нимъ связана легенда о чудѣ Григорія, просвѣтителя Арменіи, скитавашагося въ то время въ лѣсу у Марткоби. Памяти этого чуда посвященъ уцѣлѣвшій до нашего времени монастырь Алаверды, въ близкомъ сосѣдствѣ съ развалинами Грени, глубоко почитаемый во всей Грузіи.

Теперь нѣсколько большихъ селеній существуютъ на развалинахъ древней кахетинской столицы. Ени-Сели, Грени и много другихъ гнѣзятся на старыхъ могилахъ, на обломкахъ старой народной исторіи.

По словамъ грузинскаго историка Вахушты, какъ увѣрили меня, одного евреевъ жило въ Грени 80,000 душъ.

Мы любовались, на другое утро, громаднымъ охватомъ гремійскихъ развалинъ, вѣначающихъ всѣ окрестныя возвышенности. Крѣпость на высокой горѣ, живописная башня старой церкви на обрывѣ утеса, съ гробницею кахетинскаго царя Леона, безчисленное множество разрушенныхъ домовъ, храмовъ,—вся эта давно прогрѣвшая и давно стихшая исторія исчезнувшаго царства, оставившая по себѣ только груды камней, производитъ странное и тягостное впечатлѣніе.

Раскопки Грени могли-бы дать безцѣнный археологическій матеріалъ.

Я замѣтилъ здѣсь только множество гробницъ глубоко-древняго, своеобразнаго типа, совершенно того-же, какъ и прославленныя археологами гробницы Самтавро, близъ Мцхета.

Длинные, на ребрѣ стоящія плиты, прикрытыя такою-же длин-

ною плитою, совѣмъ врубленные въ толщу скалы, составляютъ эти загадочныя усыпальницы невѣдомаго народа. Огромныя квервы (чорвы), то разбросанныя среди развалинъ, то врытыя въ землю, свидѣтельствуютъ, что Гречи было еще встарину центромъ кахетинскаго винодѣлія.

Гречи, кромѣ того, славилось своими школами. Въ немъ, между прочимъ, была основана единственная высшая школа, откуда грузинскіе юноши отправлялись доканчивать свое ученое образованіе прямо въ Аѳины, къ мудрецамъ Греціи.

* * *

Домъ князя Георгія Д—же—настоящій замокъ. Онъ стоитъ почти въ самомъ выходѣ ущелья, ведущихъ изъ Дагестана, отъ хищныхъ ауловъ дидойцевъ, и потому не разъ вынужденъ былъ исполнять роль передоваго сторожа и осаднаго двора.

Высокая каменная стѣна, съ крѣпкими воротами, охватываетъ весь дворъ, который, такимъ образомъ, безъ труда можетъ быть обращенъ, при первой надобности, въ блокгаузъ своего рода.

На дворѣ виднѣлись осѣдланныя лошади, вооруженные люди. Все какъ-то пахло небольшою крѣпостцею.

Князь Георгій—начальникъ Нагорнаго Дагестана, и эта воинственная обстановка во многомъ вызвана служебнымъ положеніемъ его.

Мы нашли князя и княгиню подъ освѣщенными нижними арками дома, обыкновеннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ семьи, — глубокимъ и просторнымъ балкономъ своего рода, въ уровень съ почвою. Надъ этимъ всегда тѣнистымъ и прохладнымъ пріютомъ идутъ верхнія галереи красиваго и обширнаго дома. Оригинальная обстановка, въ которой мы распиваемъ теперь чай вокругъ давно ожидавшаго насъ, привѣтливо кипящаго самовара. Мы сидимъ на низенькихъ тахтахъ, окружающихъ стѣны балкона, однѣ только освѣщенные свѣтомъ огня; среди насъ вырѣзается сановитая и мужественная фигура нашего хозяина, съ сѣдыми воинственными усами, съ повелительнымъ взглядомъ челоуѣка, издавна привыкшаго распоряжаться и приказывать...

Онъ рассказываетъ намъ, съ увлеченіемъ юноши, о недавнихъ своихъ походахъ и опасностяхъ, не выпуская изо рта длиннаго, тонкаго чубука, который постоянно подаютъ ему, мѣняя одинъ на другой, въ раболѣпномъ безмолвіи стоящіе передъ нимъ такіе-же воинственные видомъ, вооруженные люди, удаленные въ полутьму низкаго балкона.

За ними, въ темнотѣ ночи, видны еще другія многочисленныя фигуры, мерцающія иногда при отблескѣ огня своими серебряными патронами, насѣкою поясовъ и рукоятками кинжаловъ.

Все это—вѣрная свита князя: чепары, ординарцы, вѣстовые,—ожидающая его приказаній, глазбьющая на его необычныхъ гостей.

Сейчасъ видно, что патриархальное повиновение и терпѣніе восточнаго человѣка глубоко вкоренено въ этой безмолвно-почтительной толпѣ вооруженныхъ храбрецовъ.

Это, дѣйствительно, храбрецы, только недавно еще безстрашно бравшіе приступомъ возмущившіеся аулы, отчаянно рѣзавшіеся съ лезгинами въ дикихъ ущельяхъ горъ. Только одинъ гость, кромѣ насъ, сидитъ около сверкающаго самовара, гдѣ добрая, гостепріимная княгиня разливаетъ чай. Этотъ гость стоитъ вниманія. Это Толхатъ, наибъ дидоецъ. Онъ былъ наибомъ еще у Шамиля, но послѣ паденія Гуниба, со всею прямою и твердостью истиннаго воина, присягнувъ на службу русскому царю и до сихъ поръ съ строгою честностью исполняетъ эту службу.

Толхатъ—подчиненный князя Д. и потому держитъ себя сдержанно и почтительно. Онъ говоритъ мало, сидитъ дальше другихъ. Но ничего униженнаго, заискивающаго или смущеннаго не прочтете вы на его сурово-неподвижномъ лицѣ, исполненномъ непоколебимаго достоинства.

Его пожилое желто-бронзовое лицо, все въ мелкихъ морщинкахъ, кажется красивѣе и выразительнѣе самыхъ смазливыхъ юношескихъ лицъ, отгѣненное этою характерною лезгинскою шапкою чернаго барашка, сдвинутою на затылокъ, этою черною черкескою съ серебрянымъ уборомъ, съ обычнымъ горскимъ изяществомъ облагающею его плечистый станъ.

Толхатъ говоритъ только по-лезгински, и оттого бесѣда его дѣлается еще короче. Но сквозь суровый глазъ его смотреть природная доброты и тихость души, такъ часто свойственныя жителямъ горъ.

Всѣ наибы Шамиля, присягнувшіе русскимъ, остались намъ вѣрны въ послѣднее возстаніе Дагестана. Въ то время, какъ лезгины, избалованные Петербургомъ, парадировавшіе въ императорскомъ конвоѣ, нахватавшіе, неизвѣстно за что, чиновъ и орденовъ, кази-кумыхскіе богачи, торгующіе въ восточныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Тифлиса, сыновья бывшихъ владѣтельныхъ хановъ, поразили всѣхъ вѣроломною измѣною своему долгу,—бывшіе заклятые враги наши, любимые мюриды Шамиля, мечомъ и огнемъ защищавшіе окопы Гуниба, остались непоколебимыми среди всеобщей смуты.

— Толхатъ всегда служить вѣрно,—съ гордостью отвѣтилъ на нашъ вопросъ черезъ князя молчаливый лезгинецъ:—вѣрно служилъ Шамилю, вѣрно служить царю. У Толхата одна душа, одна клятва.

Настъ очень заняли любопытные и живые рассказы князя Георгія о характерѣ и обычаяхъ лезгинъ, которыми онъ давно управляетъ, объ ужасахъ послѣдняго возстанія... Возстаніе это захватило князя въ Беджитъ. Войска у него не было ни одного челоѣка, а между тѣмъ онъ зналъ отъ доносчиковъ, что каждый день его собирались убить. Онъ собралъ челоѣкъ полтора дагестанскихъ милиціонеровъ, изъ тѣхъ же лезгинъ, и рѣшился покончить чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ.

Расположивъ свой крошечный и ненадежный отрядъ карауломъ на горѣ, онъ собралъ въ Беджитъ джамаатъ, т. е. общественный сходъ, и смѣло потребовалъ виновныхъ.

— Вы хотите убить меня? — прямо спрашивалъ князь у двухтысячной вооруженной толпы. — Но мнѣ вѣдь бо дѣтъ и смерть мнѣ не страшна. А вы хорошо знаете, что если осмѣлитесь поднять руку на начальника своего, то у васъ не оставятъ камня на камнѣ и перебьютъ не только васъ, но и всѣхъ вашихъ женъ и дѣтей!... Выдавайте зачинщиковъ!...

Смущенная толпа погудѣла, потопкалась, поспорила и выдала, наконецъ, связанныхъ подстрекателей; князь отдалъ ихъ подъ караулъ самому же обществу.

А между тѣмъ, одна ужасная новость за другою приходили изъ Турціи. Побитыя войска наши отступали, турки шли на Александрополь, на Тифлисъ, какъ были несомнѣнно увѣрены горды. Ихъ ждали въ горахъ съ лихорадочною радостью и строили на ихъ побѣдѣ самыя несбыточные надежды.

Холода заставили князя выступить въ Кахетію, гдѣ ему приказано было оберегать выходы изъ Дагестана. Беджитскій наиобъ прислалъ ему сказать, что народъ возсталъ поголовно и что онъ вынужденъ идти съ народомъ. Изъ Тифлиса прислали, наконецъ, немного войска и грузинской милиціи.

Семья князя все время оставалась въ Ени-Сели, ежедневно ожидая нападенія и осады.

Князь Л. И. Мелковъ былъ тогда главнымъ начальникомъ Дагестана и, хотя у него было очень мало войска, взявъ приступомъ сильно укрѣпленный аулъ Согратль, главное гнѣздо возстанія, который до тѣхъ поръ еще ни разу не былъ взятъ русскими войсками. Это нанесло рѣшительный ударъ всему дагестанскому возстанію.

X.

Народный праздникъ въ Натли-Семели.

ТА другое утро, все молодое население Ени-Сели собиралось на народный праздникъ, за нѣсколько верстъ отсюда, въ старую, давно покинутую церковь Натли-Семели (т.-е. Иоанна Крестителя), спрятанную въ тѣсномъ ущельѣ. Мы, конечно, не упустили этого удобнаго случая познакомиться съ мѣстнымъ людомъ, съ мѣстными обычаями.

Насъ отправилась отсюда дѣлая шумная кавалькада, съ Иликъ во главѣ...

Весело и незамѣтно промелькнула дорога, оживленная толпами верхового народа, отовсюду спѣшившими къ старой народной святынѣ.

Мы все глубже и тѣснѣ уходили въ земляное сырое ущелье, подъ самую пятую заоблачныхъ твердынь... Уто-то праздничное стояло въ свѣжемъ воздухѣ, въ ясномъ небѣ, въ густой зелени лѣсовъ, въ яркихъ нарядахъ дѣтей и женщинъ, пестрившихъ на каждомъ шагу очаровательный пейзажъ лѣсистой горной тѣсины.

Но ничто не могло сравниться съ тою оживленною картиною, которая вдругъ, разомъ распахнулась передъ нами, когда мы поднялись, наконецъ, по капризному руслу бѣшеной Индхобы, на зеленую горную площадку, гдѣ, въ тѣни густого лѣса, подъ навѣсомъ живописныхъ скалъ, отовсюду тѣснившихся, стояла старая полуразвалившаяся церковь Ивана Купалы.

Вся площадка, все ущелье уже кишѣли народомъ... Длинныя мажары и арбы, съ воткнутыми въ нихъ зелеными вѣтками для тѣни, стояли распряженными вездѣ, гдѣ только можно было стать, сдвинутыя по двѣ вмѣстѣ и образуя своими высоко-задранными днищами импровизированныя палатки, подъ которыми ютились отъ жары дѣвья семьи...

Множество разодѣтыхъ воинственныхъ всадниковъ, сверкающихъ серебромъ и оружіемъ, вѣзжали на кручи горы, разсѣдывали и поили коней въ стремнинахъ Индхобы, толкались между толпами пѣшеходовъ и рядами арбъ. Буйволы и быки, отдыхающіе отъ жары, валялись въ рѣкѣ, на берегу ея, по зеленымъ луговинамъ.

Вездѣ, въ тѣни многовѣковыхъ орѣховъ и шелковицъ, разостланы были ковры, войлоки, матрацы; вездѣ ярко горѣли на солнцѣ праздничные наряды женщинъ, звенѣла посуда, вынимались трепещущіе ги-

номъ бурдюки, раскладывались пироги и мясо. Веселый, мирный шумъ улья стоялъ надъ этимъ лѣснымъ становившемъ деревенскихъ богомольцевъ, собравшихся за 20 и за 25 верстъ почтить свою древнюю мѣстную святыню. Нынче былъ день Ивана Купалы, престольный праздникъ стариннаго поселенія дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ, когда-то стоявшаго въ этомъ тихомъ ущельѣ, оставившаго по себѣ только эти развѣсистые столѣтніе орѣхи да развалившіяся стѣны своего опустѣвшаго

Народный танецъ сандарацъ.

храма. Въ храмѣ тоже была толпа народа, но большинство стояло и сидѣло кругомъ.

Грузины не считаютъ особенно нужнымъ отстоять службу непременно внутри церковныхъ стѣнъ. Имъ кажется, что въ просторѣ лѣса, подъ вольнымъ синимъ небомъ, мирно сидя на зеленой травѣ, они столько-же чествуютъ своего угодника, какъ и кланяясь его образу въ душевнѣйшей церкви. Попъ все равно молится тамъ, говоритъ и готовитъ все, что нужно. Это его дѣло. Ихъ дѣло подать на жертву угоднику бурдючокъ вина или парочку пѣтуховъ, засвѣтить ему восковую свѣчку да послать его своими пѣснями и праздничною пирушкою.

Отъ маленькой древней церкви Натли-Семели ущелья буквально однѣ только стѣны. Верхъ ея уже давно раскрытъ, и теперь кое-какъ

набросана утлая крыша, сквозь которую свободно заглядываютъ въ темную мшистую внутренность храма далекое синее небо да безмолвныя засиенныя деревья, торчащія въ вышинѣ ущелья.

Только кое-гдѣ отсырѣвшіе камни удержали на себѣ обрывки штукатурки, покрытой старинными фресками. То разглядишь могучій торсъ св. Георгія, облеченнаго броней, съ поднятымъ въ рукѣ копьемъ; то кроткій ликъ какой-нибудь дѣвы-мученицы, съ сердцемъ, пронзеннымъ ножомъ.

Всѣ эти фигуры святыхъ слѣпыя: пули мусульманскихъ фанатиковъ, шаха Абасса и другихъ великихъ разорителей Кавказа — повыбили имъ глаза, ради безчестія вѣры Христовой.

Это обычный пріемъ мусульманъ при разореніи христіанскихъ храмовъ.

На грубомъ дикомъ камнѣ, служившемъ когда-нибудь подножіемъ престола, разложено бѣдное старенькое евангеліе и прилѣплены 3 тоненькія, темненькія, кривыя свѣчки. Деревенскій попъ изъ сосѣдней деревушки, въ такомъ-же бѣдномъ облаченіи, святитъ на этомъ камнѣ воду въ глиняной чашѣ и окропляетъ ею стоящую на колѣняхъ безмолвную толпу.

Стѣны стараго храма тоже утыканы, гдѣ попаю, копѣчными свѣчками. Онѣ гнутса отъ собственного жару и обильно каплютъ на благочестивыя головы простодушныхъ молящикоу. А въ переднемъ углу храма, цѣлою кучею, навалены пѣтухи и куры съ перевязанными ногами, мотки самодѣльные шелка-сырца, козьи бурдюки съ виномъ, пшеничные хлѣбы и всякая всячина.

Это дары богомольцевъ древнему угодику Натли-Семели на его праздникъ. Это-же и единственное вознагражденіе отъ паствы попу за его службу.

Трогательно раздавался шопотъ народной молитвы и возгласы деревенскаго священника въ этой романтической обстановкѣ, цѣликомъ переносившей воображеніе въ далекіе вѣка первобытнаго христіанства, когда вмѣсто раззолоченныхъ алтарей, полныхъ кадилажнаго оуміама и свѣтлыхъ ризъ, люди наивной вѣры собирались въ голыхъ камняхъ пещеръ, вкругъ бѣдно одѣтаго безхитростаго старца, и соединяли съ молитвою Христу свою скромную братскую трапезу.

* * *

Развалины древней башни, охранявшей когда-то ущелье, и русскихъ бастионовъ, покинутыхъ послѣ замиренія Дагестана, живописно осѣняютъ лѣсную полянку Натли-Семели и группы, беспорядочно разбросанныя по ней.

Подъ самымъ гѣнистымъ орѣхомъ, стоящимъ выше всѣхъ другихъ, расположились на коврахъ и подушкахъ почетнѣйшіе изъ богомольцевъ, владѣльцы Натли-Семели и всѣхъ земель сосѣдняго предгорья, почти до самаго перевала, — князья многочисленнаго рода Джорджидзе.

Старинный дворянскій родъ этотъ имѣетъ здѣсь двѣ главныя и Джорджидзе Сабуйскіихъ. Гремійская вѣтвь богаче и знатнѣе, Сабуйская уже нѣсколько обмѣлѣчала. Впрочемъ, Натли-Семели принадлежитъ Сабуйскому роду, поэтому они были настоящими хозяевами праздника.

Весь кланъ Джорджидзе собрался подъ своимъ фамильнымъ орѣхомъ, — конечно, и мы съ ними, въ качествѣ гостей. Знакомства тутъ заключаются очень скоро; отрадная простота и добродушіе, къ несчастю, все болѣе и болѣе исчезающія изъ нашего русскаго общества, крѣпко еще проникаютъ нравы сельскаго грузинскаго дворянства.

Тутъ была не только молодежь, весело хохочущая, пьющая, пляшущая, но и толпы маленькихъ, хорошенькихъ дѣтокъ, сѣдые старики, и старушки, веселые и проворные не менѣе молодыхъ.

Цѣлая толпа слугъ служивала кругомъ, таская кувшины съ виномъ, вытирая ножи и тарелки, поджаривая мясо. Проголодавшійся молодой народъ живо истреблялъ все, что ни появлялось на разостланной скатерти, вокругъ которой, поджавъ по восточному ногѣ, сидѣла и возлежала вся наша многочисленная и шумная компанія.

Тѣтъ хевсуринъ Тифлисскаго губерніи,
Тибетскаго утѣда.

Тутъ были всякія грузинскія кушанья, питья и закуски: и вишневая окрошка съ лукомъ, и вареная форель изъ горныхъ ручьевъ, соленая осетрина и сыръ, и неизбѣжная лобія, разные хлѣбы, разные травы.

Но въ особенномъ обиліи, конечно, была ароматическая кровавая влага, составляющая душу каждаго грузинскаго, а ужъ особенно кахетинскаго праздника.

Съ изумительною быстротою опоражнивались и появлялись опять полными неистощимыя кувшины. Еще обѣдъ не былъ убранъ, какъ уже развеселившаяся молодежь подняла танцы. Притащили какихъ-то бродячихъ музыкантовъ, съ египетскими бронзовыми рожами, безжалостно стучащихъ, пищащихъ и воющихъ.

Хорошенькая краснощекая Гема Дж. пронеслась въ лезгинкѣ съ молодымъ князькомъ, своимъ сосѣдомъ. За ними поднялись и другіе. Кто не плясалъ, одушевленно подпѣвалъ и хлопалъ въ ладоши. Шумъ, гамъ, движеніе, все пошло кругомъ подъ маститымъ орѣхомъ. Ловко и бойко отбивали по землѣ мелкую дробь удамые танцовщицы, плавно и граціозно отступали и наступали, кружились и увертывались разгорѣвшіяся отъ вина и жары молодыя княжны.

Музыкантъ съ египетскою рожею сохранялъ хладнокровіе египетской муміи, неистово надувая, словно изъ кузнечнаго мѣха, цѣлые часы сряду, свою плачущую зурну; барабанъ билъ и ревѣлъ, словно хотѣлъ пробить насквозь землю; «дудуки» заливались пронзительнымъ пискомъ, и мальчишка, нправшій на нихъ, отчаянно закинуть назадъ голову, съ невѣроятнымъ проворствомъ перебиралъ пальцами по многочисленнымъ дырочкамъ.

Въ промежуткахъ танцевъ пѣлись пѣсни. Пѣли большіе, пѣли дѣти. Маленькій сынъ князя Ивана Дж. спѣлъ нѣжнымъ и чистымъ дискантомъ, флейта-флейтой...

Стравна и дика грузинская пѣсня! Слово все она только затягивается, только начинается.

«А-а-а-а!» жалобною струною звенитъ въ воздухъ.

Вотъ, думаешь, разоидется она, переиѣнитъ тонъ, полюются звуки веселья и силы. Но вотъ она разошлась, вотъ уже кончается, а ты все, попрежнему, слышишь одну и ту-же, душу шемающую, плачущую, безконечную ноту: «а-а-а-а!»

Таковы пѣсни у князей и у крестьянъ; и танцы одни, и угощеніе почти одно, и наряды почти одни. Это не то, что въ нашей православной Руси, гдѣ мужикъ кажется барину словно съ того свѣта, а баринъ мужику кажется нѣмцемъ заморскимъ; гдѣ все, отъ ложки

до плошки, отъ лаптя до хоровода, до горохового киселя и балалайки, у мужика не похоже ни на что господское.

По всему ущелью, во всѣхъ кружкахъ, пріотившихся подъ деревьями и арбами, шелъ теперь тотъ-же плясъ и шумъ, та-же музыка и пѣсни. Только грузинскіе крестьяне пляшутъ лезгинку, какъ и настоящіе лезгины,—мужчины отдѣльно отъ женщинъ.

Летають и катаются по травѣ опустошенные кувшины, воодушевленные тосты слышатся отовсюду. Вонъ старикъ съ грознымъ съдымъ усомъ вскакиваетъ въ припадкѣ юношескаго увлеченія, хватаясь пристыдить молодежь, позабывшую преданія истинной лезгинки. Старичина не расчелъ тяжести кувшинчика, имъ опорожненнаго, спотыкается и падаетъ на коверъ, при общемъ смѣхѣ.

Вонъ два расходившихся, раскрасившихся молодца хватаются за кинжалы, чтобы доказать, кто изъ нихъ правъ въ спорѣ, котораго никто не понимаетъ. Ихъ старательно растаскиваютъ невѣрно цѣпляющіяся за нихъ руки, ихъ убѣдительно уговариваютъ языки, не безъ труда произносящіе теперь самыя немудренныя слова.

Весь праздникъ подпилъ, все закачалось, мозги и ноги.

На просторѣ полянки кружится пестрою змѣею неизбежный хороводъ—перхули. Гуще растетъ вокругъ него публика, выплывая изъ-подъ кустовъ и деревьевъ, изъ-подъ уютной тѣни утесовъ. Шире и шире раздвигается хороводъ. Бойкая музыка перхули долетала во всѣ стороны ущелья, и всякому хочется принять участіе въ общенародномъ танцѣ.

Все быстрѣе и быстрѣе учащается тактъ музыки, пѣніе и хлопаніе ладошъ; все проворнѣе семянть и подпрыгиваютъ ноги танцоровъ; крѣпко удѣпившихся руками за плечо другъ друга.

Только одинъ ходитъ въ серединѣ съ жестами, присказками и выкрутасами.

Вотъ все кольцо хоровода завертѣлось вокругъ этого срединнаго плясуна, неудержимо, будто ловко пущенный волчокъ вокругъ своей оси. Ноги подбрасываются чуть не до спины, и издали минутами кажется, что хороводъ несется по воздуху. Утомился хороводъ, затѣваются новыя развлечения. Два ловкіе молодца, уже не первой молодости, туго перетянутые своими чеканными поясами,—одинъ рыжий, какъ огонь, съ волосами, торчащими щеткою во всѣ стороны, другой—черноволосый, но сухой, какъ арабскій конь,—не то танцуя, не то гимнастируя, выдѣлываютъ другъ передъ другомъ разныя приготовительныя подходы. Ихъ тѣсно обступила любопытная толпа, хорошо знающая, что перхули долженъ закончиться борьбою.

Борцы сначала ходят и кружатся одинъ около другого, высматривая противника, уловчая удобную минуту для схватки, совершенно какъ пѣтухи, готовые выпитаться другъ въ друга.

Они подражаютъ руками всѣмъ движеніямъ настоящей борьбы, чтобы войти во вкусъ и настроить зрителя. Топчутся, топчутся, ломаютъ свой станъ и руки туда и сюда, и вдругъ мгновенно, какъ ударъ молніи, одинъ изъ нихъ ухватывается за плечо противника и съ размаху бросаетъ о-земь.

Позоръ, если отъ этого стремительнаго Удара противникъ полетитъ кубаремъ къ ногамъ замирающей отъ волненія публики,—слава несчастнаго борца погибаетъ навѣки, и ему невозможно показать глазъ въ родное село, гдѣ послѣдній мальчишка будетъ ему тыкать въ носъ его постыднымъ пораженіемъ. Тутъ есть мѣстныя знаменитости, непобѣдимые герои борьбы, имя которыхъ знаетъ далекая окрестность. Цѣлыя селенія стоятъ за честь своего богатыря, торжествуютъ его побѣду и терпятъ его позоръ.

Нѣсколько разъ рыжій отчаянно налеталъ на чернаго, но ни разу не могъ поборотъ, и побѣда не оставалась ни на какой сторонѣ, къ большому нетерпѣнію и досадѣ зрителей.

Съ далекихъ горныхъ пастбищъ, откуда была видна, какъ на ладони, вся эта разноцвѣтная толпа, веселившаяся около стараго храма, куда донеталъ черезъ чистыя выси горнаго воздуха даже звукъ «лаиры и зурны»,—спустились теперь въ зеленое ущелье пастухи въ лохматыхъ папахахъ, въ буйволовыхъ поршняхъ, съ ружьями въ лохматыхъ чехлахъ изъ жесткой шкуры барсука, торчащей за спиною. Ихъ грязный нарядъ, ихъ полудикій воинственный видъ рѣзко отличали ихъ отъ разряженныхъ и изнѣженныхъ жителей долины. Это люди изумительной ловкости и силы, безстрашные, закаленные во всякихъ трудахъ и опасностяхъ.

Каждый изъ нихъ въ-одиночку отбивается отъ нѣсколькихъ лезгинъ и смѣло проводитъ цѣлое дѣло на подоблачныхъ лугахъ, далеко отъ своихъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лидойцами и тушинцами, оберегая табуны лошадей и отары овецъ.

Сѣдой, старый чабанъ, въ вывороченной шерстью шубѣ, которую онъ не снималъ, несмотря на жаръ дѣла, съ плечами въ 2 аршина, сутуловатый и коренастый, долго смотрѣлъ на вялые, несмѣлые приступы борющихся и вдругъ, растолкавъ толпу, выскочилъ на середину, съ какимъ-то зычнымъ, вызывающимъ крикомъ... Дружный хохотъ и одобрительные крики толпы встрѣтили удаюго старика. Онъ потряхивалъ своими старыми плечами, что-то острѣлъ и со смѣхомъ приговаривалъ

по-грузински, ходилъ ходенемъ, приплясывая, кругомъ маленькой полянки, гдѣ затѣлся бой, очевидно подзадоривая и вызывая соперниковъ.

Но, видно, все хорошо знали лихого старичину и его богатерскую лапу. Какъ ни подстрекала толпа своихъ извѣстныхъ борцовъ, какъ ни толкали подъ бока другъ друга молодые джигиты, — никто не рѣшился выступить на единоборство съ этимъ лохматымъ сѣдымъ медвѣдемъ, спустившимся съ своихъ дикихъ горъ.

* * *

Отдалившись на нѣсколько шаговъ отъ суеты праздника, я съ наслаждениемъ смотрѣлъ на всю эту пеструю, яркую картину, шумѣвшую среди сочной земли травъ; почти отвѣсное лѣсистое ущелье стояло прямо надъ нимъ, загораживая половину неба; высоко надъ нимъ несла сюда на землю свой золотой зной густая и глубокая синева, а внизу, въ провалахъ скалъ, въ хаосѣ стѣртыхъ камней, кипѣла и бурмила холодная, какъ ледъ, во льдахъ рожденная, изъ льдовъ вытопленная, вся въ пѣнѣ и брызгахъ, низвергающаяся по порогамъ Инцхоба.

Жара была поистинѣ нестерпимая. Какъ ни опасно было купанье въ этомъ ледяномъ потокѣ для тѣла, разгоряченнаго зноемъ, винномъ и тряскою верховой ѣзды, однако, почти вся наша мужская компанія потихоньку сползла сквозь лѣсную чащу къ подножью утесовъ, среди которыхъ дѣлою чредою маленькихъ водопадовъ билась Инцхоба.

Безъ простынь и полотенецъ, въ расчетѣ на иссушающій зной

Молодой пастухъ-хевсурцъ.

дня, мы приняли, съ трудомъ держась за камни, горной душѣ водопада, обдававшего насъ съ головою и неудержимо опрокидывавшаго насъ головою внизъ...

* * *

Только къ вечеру сталъ расходигься праздникъ. Мы ѣдемъ среди безконечной вереницы арбъ и верховыхъ... Вездѣ еще продолжаютъ играть, пѣть, острить и болтать, останавливаются среди дороги и начинаютъ вдругъ откалывать лезгинку среди пыли и камней.

Сейчасъ-же вырастасть вокругъ толпа, сейчасъ-же, откуда ни возьмись, зурна и даиры; сейчасъ же, будто какимъ-то чудомъ, откуда-то вынырнетъ неизбѣжный кувшинчикъ. Долго будутъ добираться до-мой эти черезчуръ веселые гости. Многие уже лежать врястяжку на краю дороги, въ тѣни встрѣчнаго лѣсочка, то нагонишь арбу безъ возницы, полную спящихъ, то коня безъ всадника.

Дорога обратилась въ сплошное игрище. Верховые неистово джигитуютъ, обгоняя другъ друга, срывая другъ друга съ сѣдла, отчаянно махая плетью надъ ушами безумно несущейся лошади, стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ на воздухъ.

Удивительно, какъ это не ломаютъ себѣ шеи, какъ выдерживаютъ ихъ сумасшедшую пьяную скачку бѣдные коньки ихъ.

Нигдѣ, однако, не видно ни драки, ни ссоры; одно беззавѣтное хмѣльное веселье людно, пестро и шумно двигается по многочисленнымъ проселочнымъ дорожкамъ, ведущимъ въ мирныя деревеньки Кавхетид изъ старой горной обители Натли-Семели.

Дуль у обрыва.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ДАГЕСТАНЪ.

I.

Подъемъ на хребетъ.

НАКОНЕЦЪ, наступилъ давно жданный день нашего дагестанскаго похода. Мы вполне отдохнули подъ гостеприимною събною дома князя Георгія Дж., и теперь пора было двигаться въ путь.

Чѣмъ-то серьезнымъ и суровымъ смотрѣли всѣ приготовления къ дальнѣйшему походу. Князь от-

правляя насъ въ сопровожденіи своего сына Илико и двухъ самыхъ надежныхъ и заслуженныхъ вѣтерановъ своей милиціи... Расторопный и опытный Максиме съ сѣдою бородою, увѣшанный, какъ иконостасть, крестами и огромными золотыми и серебряными медалями на шеѣ, стоялъ во главѣ экспедиціи.

Павле, худой и молчаливый, столь-же умудренный безчисленными походами и странствованіями, столь-же обильно украшенный знаками отличія, былъ ему надежнымъ помощникомъ... Это были старые герои кавказскихъ войнъ, заслужившіе по нѣси оубку Георгіевъ каждый, проведеніе всю жизнь въ бояхъ и въ горахъ. Оба они знали на-память тропинки Дагестана, который не разъ случалось имъ проходить вдоль и поперекъ то съ вооруженной силой, то одиночками посланцами начальства по разнымъ важнымъ дѣламъ...

Цѣлый обозъ отправлялся съ нами въ негостепримныя дебри, гдѣ нельзя по нѣскольку сутокъ достать куска хлѣба и стаканъ вина... Взаивали на коней бурдюки съ виномъ, укладывали въ куржинъ жаренаго барана, круги домашняго сыру, десятки большихъ пшеничныхъ хлѣбовъ, масло, огурцы, всякую всячину...

Множество лошадей, осѣланныхъ и навьюченныхъ, топнулись на дворѣ передъ галерею княжескаго дома...

Нашѣ Толхатъ еще наканунѣ привелъ своихъ дидойцевъ провожать насъ изъ Ени-Сели черезъ свои владѣнія, и маленькій отрядъ этихъ нукеровъ, вооруженный какъ на войну, съ самаго разсвѣта терпѣливо ждалъ насъ въ тѣнистомъ углу двора...

Нукеръ по-лезгински то-же, что по-грузински чепаръ, всадникъ изъ свиты начальника, его конвойный...

Много разныхъ полезныхъ наставленій преподавъ намъ нашъ бывалый и осторожный хозяинъ, и, наконецъ, когда всѣ выюки были готовы, и нукеры, подъ предводительствомъ своего наиба, воинственно выстроились передъ крыльцомъ, мы простились съ своими добрѣйшими хозяевами и сѣли на коней...

— Съ Богомъ! впередъ!...—скомандовалъ Максиме, скидая шапку и крестясь...

Дружнымъ дѣловымъ шагомъ двинулся нашъ отрядъ изъ воротъ княжескаго дома, налѣво, въ горы, по той-же дорожкѣ, которую такъ недавно топтали веселые гости Натли-Семели. Радостно и жутко сжалось вздохнувшее сердце... Теперь всѣ препятствія позади, теперь кончились всѣ проволоочки, вольныя и невольныя, и мы, наконецъ, у своего настоящаго, давно задуманнаго дѣла... Мы не оглядываемся больше никуда, мы ничего болѣе не-вспоминаемъ позади себя...

Передъ нами медленно вырастаетъ туманный и грозный, великій хребтъ Кавказа... Наша душа, наши глаза и мысли теперь въ немъ и съ нимъ...

Не разговаривается, не спрашивается... Люди словно не нужны теперь...

Пристываешь изумленнымъ взоромъ къ этимъ сдвѣвающимъ громадамъ, загораживающимъ небо, словно кроликъ къ пасти страшнаго змѣя, и, какъ кроликъ, все неужимчиве, все рѣшительнѣе стремишься въ эту разверстую пасть... Кавказъ действительно засасываетъ и поглощаетъ въ себя человѣка, къ нему приближающагося.

Все шире и могучее распахиваются передъ нами объятія его горныхъ громадъ. Круче и обрывистѣе дѣлаются подъемы, диче и грознѣе темнѣютъ ущелья; все ближе къ намъ, все выше, все осизательнѣе вырастаютъ и надвигаются надъ нашею головою туманно-синія твердыни хребта; робко и покорно отдается смущенное сердце человѣка въ этотъ роковой плѣнь, безсильное бороться, подавленное неборимыми силами стихій, во всеоружьи подвѣшавшимся кругомъ...

Сплошные безысходные лѣса, сначала ярко-зеленые, потомъ черные, какъ толпы монаховъ, лохматые, ошестинившіеся, — образуютъ густую гриву этого титаническаго хребта... Глазomъ не оки-

Очерки Кавказа.

По дагестацкой горной тропинкѣ.

нешь высоты стволовъ этой дѣвственной чащи, еще не слышавшей въ себѣ звука топора и скрипа колесъ.

* * *

Кишмя-кишитъ звѣрь и птица въ этихъ вольныхъ пріютахъ...

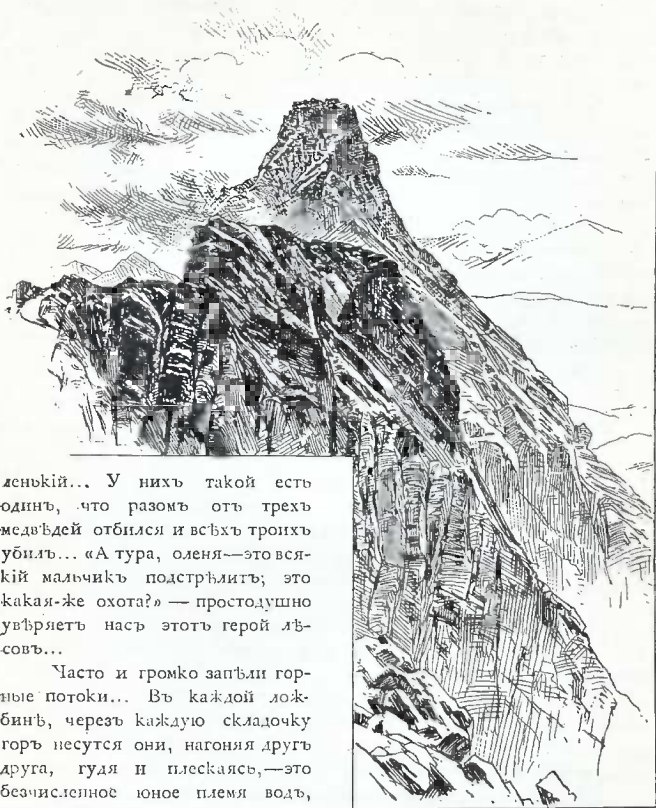
Съ нами рядомъ ѣдетъ молчаливый и невзрачный Павелъ, великій истребитель звѣрей... Это истинный кахетинскій Патфайндеръ. На дѣлая недѣли погружается онъ въ это зеленое море лѣсовъ, одинъ съ своимъ вѣрнымъ ружьемъ, съ мѣшечкомъ хлѣба да зарядовъ, и, если-бы его воля, не вышелъ-бы никогда изъ своей ликовъ пустыни... Павелъ повѣдалъ намъ всѣ ея тайны. Онъ знаетъ звѣря въ лицо, со всѣми его повадками и обычаями, какъ стараго друга и сожителя. Столько дней и ночей проводитъ онъ носъ-къ-носу съ нимъ!

Никто не укрылся отъ него, кто только живетъ въ лѣсу и на горахъ, кто только заходитъ въ эти лѣса и горы... Взгляните на его черепъ: онъ истерзанъ зубами медвѣдя, которому подмятый Павелъ успѣлъ, къ своему счастью, распоротъ кинжаломъ грузное брюхо... Не въ диковинку Павле подсиживать ночью на глухой тропѣ кабана, пробирающагося къ ручью... Вонъ на той макушкѣ, гдѣ громадныя сосны оставили зеленую лысину, попалъ ему невзначай бородатый бѣлый барсъ, весь въ пятнахъ, лоснившійся какъ шелкъ... Мѣткая пуля Павле предупредила прыжокъ проворнаго хищника, и за одну шкуру рѣдкаго звѣря онъ взялъ въ Телавѣ больше абазовъ, чѣмъ за тушу жирнаго кабана.

Ушастыя рыси и дикіе коты тутъ то-и-дѣло лазаютъ по вѣткамъ, лопая сонныхъ птицъ, подкарауливая лисицъ и зайцевъ... Въ болотистыхъ ущельяхъ «свинота» хрюкаетъ, какъ въ добромъ хлѣвѣ, а выше, по лѣснымъ буграмъ, по заоблачнымъ тѣмнымъ дугамъ, безчисленными стадами пасутся олени, дикія козы, сайгаки и туры... Павелъ не разъ надыкался на табуны туровъ головъ по 50, по 100...

Тура убить — самое пустое дѣло, по мнѣнію Павле. Пустите его, — онъ вамъ до вечера десятокъ настрѣляетъ, и медвѣдей штуки три до ночи бы приволокъ... Да только бить туровъ не изъ-за чего: лѣзешь за нимъ на такую кручу, что самъ еле держишься, убьешь — что съ нимъ дѣлатъ? Скотина грузная, не доволокешь одинъ по пропастямъ да утесамъ: поневодѣ бросишь. Орлы и деруть его ни за что! Только и есть барыша, что рога выломашь, на базаръ снесешь... А за рога всего 50 копѣекъ даютъ: заряда не стоитъ.

Самъ Павелъ хотя и ничего себѣ охотникъ, какъ онъ говоритъ, — но у нихъ въ Кахетіи есть такіе, передъ которыми онъ ребенокъ ма-

ленькій... У них такой есть одинъ, что разомъ отъ трехъ медвѣдей отбилъ и всѣхъ троихъ убилъ... «А тура, оленя—это всякій мальчикъ подстрѣлить; это какая-же охота?» — простодушно увѣряетъ насъ этотъ герой лѣсовъ...

Часто и громко запыли горные потоки... Въ каждой ложбинѣ, черезъ каждую складочку горъ несутся они, нагоняя другъ друга, гудя и плескаясь,—это безчисленное юное племя водъ, полное веселаго говора и свѣжихъ нерастрченныхъ силъ...

Сивга, ихъ родящiе, уже наравнѣ съ нами, уже залегаютъ, будто разбойники въ засадѣ, вездѣ кругомъ въ глубокихъ котловинахъ горъ, въ камненныхъ расщелинахъ утесовъ...

Вершины горъ въ Дагестанѣ.

Жалко смотрѣть на бѣдныхъ коней!... То-и-дѣло останавливаются они, чтобы перевести духъ, чтобы сколько-нибудь успокоить свои мокрые дымящіяся бока, что безостановочно колются и лвошать, будто кузнечные мѣхи...

Жара страшная, а подъѣмъ невобразимъ... Почти все время сидишь чуть не на шеѣ лошади: она надрыается изъ силъ, карабкаясь по обрывистому плитняку подъ угломъ 45°.

Нагайки, не опускаясь, стоять въ воздухѣ, надъ ушами лошадей, и несмолкающіе строгіе крики всадниковъ поддерживаютъ упадающую бодрость этихъ поразительно выносливыхъ тварей, терпѣливо несущихъ насъ на своемъ хребтѣ по этой исполинской пирамидѣ, выше снѣговъ и облаковъ, уже многие часы сряду...

* * *

Кодорская башня, на вершинѣ перевала, уже давно маячится надъ нами, застилаемая повременамъ легкими облаками... Это—страстно желанный привалъ нашъ, первая назначенная стоянка послѣ того, какъ удастся одолѣть страшные труды подъема...

Но круча все увеличивается, доводи подчасъ до отчаянья... Такъ вотъ и ждешь, что измученная лошадь, какъ кошка, растягивающаяся по камнямъ, сорвется назадъ... А назадъ и поглядѣть страшно...

Глянешь исподтишка, словно украдкою, уюломъ глаза и сейчасъ же спѣшишь отвернуться, чтобы не замутилась съ непривычки голова чтобы не полетѣть съ сѣла...

Но вотъ козья тропа довела насъ почти до самой вершины главного хребта и такъ рѣзко повернула налѣво вдоль обрывистаго края, что уже невозможно болѣе отворачиваться, невозможно болѣе не видать того, гдѣ теперь мы и надъ чѣмъ теперь мы...

Тропа забирала круто вверхъ вдоль обрыва, къ Кодорской башнѣ...

Съ правой стороны ея былъ послѣдній отвѣсный уступъ хребта, о который скребло и терлось мое плечо, мое правое колено... На самой тропѣ, слизанной и скошенной книзу, мѣстами совершенно осыпавшейся и перемытой дождемъ, лошадь едва-едва могла устоять и осторожно проносить по-одиночкѣ свои привычныя сухія ноги... Слѣва, куда все толкало и коня и всадника, казалось мнѣ—отъ самаго неба до ада проваливалась бездонная пучина необъятнаго охвата, въ далекой глубинѣ которой, ярусами, куполами, гигантскими ступенями, синѣли, зеленѣли, бѣлыи—горы, лѣса, утесы, черезъ которые мы поднялись на головокружительныя выси...

Сердце мое замерло отъ неожиданнаго впечатлѣнія, и голова пому-

тплась. Какое-то неудержимое инстинктивное влеченіе вдругъ потянуло меня внизъ, и одно мгновеніе мнѣ казалось, что это уже свершается... Казалось, я уже пошатнуся на сѣдлѣ...

Но это самое движеніе усугубило ужась и словно разбудило меня; я опомнился и оправился...

Сначала хотѣлось зажмурить глаза и бросить поводья, отдавъ себя на произволъ вѣрному коню...

Но потомъ воля побѣдила, заговорило самолюбіе... Я вспомнилъ, что передо мною ѣдутъ другіе, эти другіе—тѣ-же люди, какъ и я, вѣдь не я первый, не я послѣдній поднимаюсь въ Дагестанъ...

Упорно, упрямо, не отворачивая глазъ, я сталъ смотрѣть въ эту преисподнюю, зіявшую у моихъ ногъ, подъ которыми прекращалась земная твердь...

Все равно было необходимо когда-нибудь закалить себя отъ этихъ пустыихъ нервныхъ трепетовъ жителя равнины, совершенно незнакомыхъ горцу и совершенно невозможныхъ въ горномъ путешествіи... Какія пропасти, такія опасныя тропинки, конечно, на каждомъ шагу ждутъ насъ впереди...

Когда глазъ оглядѣлся и нѣсколько успокоилось напуганное сердце, ужасавшая меня бездна стала раскрывать предо мною всю поразительную красоту своихъ далекихъ и разнообразныхъ перспективъ...

Казалось, мы видѣли отсюда не только всю Кахетію, ленточкой вившуюся у подножья хребта, но и всю закавказскую равнину до самой Персіи... Знойный туманъ дня не давалъ, однако, ясно различать дали...

Нѣсколько разъ оступалась и скользила моя лошадь то по узкому

Ауль въ Дагестаѣ.

косогору тропинки, то на глубоких поперечных промоинахъ, ее перебивавшихъ... Испуганно встрепенется и заторопится бѣдный конекъ послѣ каждаго невѣрнаго шага своего и долго потомъ недовѣрчиво косится на пропасть, словно и онъ понимаетъ весь ужасъ и всю опасность, которыми грозитъ она намъ...

А у меня долго потомъ колотится вздрогнувшее сердце... На спутниковъ своихъ оглядываться было некогда, только при поворотахъ скалы, по обрыву которой протоптана тропинка, мнѣ была видна надалеко растянувшаяся вереница всадниковъ, осторожно и неспѣшно ползущихъ по краю карниза...

Издали казалось, что они были прилѣплены, какъ мухи, къ обрыву скалы и висѣли въ воздухѣ надъ этою бездонною пропастью... Тогда за нихъ становилось еще страшнѣе, чѣмъ за себя, и не вѣрилось, чтобы они благополучно могли совершить эту мучительно-долгую переправу надъ разверзтымъ адомъ кромѣшнымъ...

* * *

Вдругъ отчаянный крикъ—и глухой шумъ паденья раздался сзади насъ... Всѣ мы судорожно оглянулись... Отставшіе отъ насъ выюки дѣплылись теперь какъ-разъ посерединѣ карниза, въ самомъ тѣсномъ и опасномъ мѣстѣ... Выступомъ скалы задѣло за далеко отвисшіе на-бокъ чеходаны, и одна нагруженная лошадь кубаремъ полетѣла внизъ. Лошадь выюковъ связаны были другъ съ другомъ веревками. Нукеры, которые вели ихъ въ поводу, съ тщетными усиліями пытались остановить паденье животного, ухватившись за длинныя веревки и погоняя своихъ верховыхъ коней... Вотъ уже сами они до половины сташены съ обрыва и вынуждены поспѣшно выпустить свои арканы... Лихіе коньки однимъ прыжкомъ выносятъ ихъ на тропу. Весь караванъ нашъ остановился какъ вкопанный, приставъ глазами къ несчастному животному, съ которымъ уносились въ пропасть самыя необходимыя принадлежности нашего путешествія...

По счастью, въ мѣстѣ обрыва была довольно мягкая осыпь, упиравшаяся въ такой-же песчанистый холмъ...

Холмъ этотъ задержалъ катившуюся лошадь всего только саженьхъ на двадцати глубины; хотя она не могла сама подняться на ноги отъ крѣпко навьюченной тяжести, но по тѣмъ усиліямъ, съ какими она вѣбывалась изъ-подъ нея, намъ было сейчасъ замѣтно, что она не особенно разлита паденіемъ. Быстро спѣшившіеся нукеры, держась за длинныя веревки, уже ползли внизъ по осыпи—развьючивать задыхающуюся скотину и вырывать багажъ...

Однако, дожидаться конца этого предприятия, продолжая висеть надъ пропастью; былъ не особенно удобно, и мы сочли за лучшее двигаться себѣ потихоньку дальше, къ Кодорской башнѣ, которая уже была у насъ на виду...

* * *

Наконецъ-то мы и у Кодорской башни!.. Съ неописаннымъ удовольствіемъ слѣзали мы съ своихъ горячихъ сѣделъ и сейчасъ-же, не отходя далеко, растянулись на травѣ подѣ тѣнью башни, предоставивъ своимъ услужливымъ проводникамъ заботиться о лошадяхъ и о нашемъ насыщеніи... Какъ-разъ было время вздохнуть отъ утомленія, жары и дневного напряженія. Братъ находился въ такомъ-же возбужденномъ состояніи духа, какъ и я. Онъ не могъ вспомнить равнодушно о страшной пропасти, надъ которой мы только-что проползли...

Но это уже было прошлое, а пока желудокъ радостно располагался поработать, ноги и руки радостно готовились протянуться чашка на два на гладкой зеленой полянкѣ; необыкновенно вкусны показались намъ сѣбди и питія, которыми снабдили насъ въ дорогу заботливые хозяева Ени-Сели; за стаканъ вина, кажется, готовъ-бы былъ заплатить въ эту минуту цѣною золота! Широкая панорама далей, утопавшая глубоко въ нашихъ ногахъ, залитая полуденнымъ солнцемъ, не пугала теперь, а наполняла радостью обдрившійся взоръ, который спокойно наслаждался этою чудною красотою великаго міра Божьяго съ своей безопасной, надъ всемъ царящей выси...

* * *

Кодорская башня составляла собою родъ просторнаго блокгауза, гдѣ недавно еще стоялъ русскій караулъ; она сожжена лезгинами въ послѣднее возстаніе и теперь наполовину развалилась. Стража наша

Дагестанецъ.

была обязана осматривать окрестность на 30 верстъ, оберегая спуски съ горъ отъ горскихъ разбойниковъ. Въ дни Шамиля тутъ стояло по 100 человекъ грузинской милиции, и въ каждомъ маленькомъ ущельѣ дежурили посты; около нихъ на высокихъ шестахъ торчали кучи сѣна, которое зажигалось при первой тревогѣ. Безъ этой постоянной охраны бѣда была-бы мирнымъ поселянамъ Кахетіи отъ неустрашимыхъ мюридовъ Шамиля.

Когда-то на Кодорѣ возили пушки и телѣги, а мы видѣли, проѣздомъ, остатки уничтоженной шоссейной дороги, зигзагами опоясывавшей выступы хребта...

Внизу, въ защищенной впадинѣ горы, еще замѣтны остатки четырехугольнаго укрѣпленія, солдатскихъ банъ и бараконъ...

* * *

Мы завтракали не сѣвша, болтая и любясь далекими видами равнинъ и горъ, а надъ нами, съ подозрительнымъ вниманьемъ, съ угрожающимъ отрывистымъ клякотемъ, летали и кружились орлы—цари этой горной пустыни... Они налетали такъ быстро и близко, что слышенъ былъ легкій свистъ ихъ сильныхъ и жесткихъ крыльевъ...

Хотѣлось-ли имъ урвать изъ нашихъ рукъ какой-нибудь аппетитно пахнувшій кусокъ баранины, или они задумывали ударомъ крыльевъ сбить въ пропасть съ макушки горы насъ самихъ, непрошенныхъ гостей ихъ воздушнаго царства, — это осталось ихъ тайною.

Клякотъ орловъ во всякомъ случаѣ былъ самою подходящею музыкою для нашего зоблачнаго пиришества. Здѣсь царство не однихъ орловъ, а еще и облаковъ, такихъ-же легкокрылыхъ, неутомимыхъ птицъ вольнаго поднебесья... Облака сначала наносились на насъ легкимъ сквозящимъ паромъ, потомъ вѣтеръ погналъ цѣлыя стаи ихъ, будто караванъ бѣлыхъ, пушистыхъ лебедей... Они пронеслись мимо быстро и часто, совсемъ окуная насъ въ свое густое молоко и застилая все передъ глазами... Этотъ мелькающій, словно по глазамъ бьющій туманъ усыплялъ безъ того проспавша сна, отяжелѣвшія вѣжды наши...

Орлы кружились и перекликались высоко въ синихъ безднахъ неба, вѣтеръ трепалъ кусты и одежды наши, бѣлыя флотилии облаковъ неслись черезъ насъ наперегонку другъ друга, а мы, подъ напѣвы этихъ дикихъ пѣсень стигій, подъ ихъ однообразное укачиванье спали себѣ безмятежнымъ сномъ счастливецъ, одни въ своей горной

пустынь, на вершинахъ великаго Кавказскаго хребта, поднятые на 10,000 фуговъ надъ жилищами людей...

* * *

Наибъ разбудилъ всѣхъ и торопилъ къ отъезду. Дороги были очень опасны, аулы далеко, опаздывать было невозможно. Быстро переловили нукеры осѣдланыхъ коней, бродившихъ по простору горнаго пастбища, и вотъ мы опять на сѣдлѣ, опять движемся в путь... «Что-то будетъ впередъ? Неужто еще страшнѣе, еще опаснѣе, чѣмъ было сейчасъ?»—задаешь самъ себѣ безжолвный вопросъ... Наибъ быстрымъ ходомъ удираетъ впередъ, во главѣ своихъ нукеровъ... Мы опять растянулись гуськомъ по тѣсной тропинкѣ.

Въ горахъ Дагестана.

Насъ всѣхъ 12 человекъ, и издали этотъ маленькій отрядъ съ

головы до ногъ вооруженныхъ людей гораздо болѣе походить на какую-нибудь воинственную экспедицію, чѣмъ на невинное странствованіе мирныхъ путешественниковъ.

На наиба глядѣть отрада: ему уже подъ бо лѣтъ, а онъ неутомимъ, ловокъ, подвиженъ, какъ двадцатилѣтній юноша. Его плечистый станъ и лихая посадка выдѣляются даже среди этой молодецкой толпы горскихъ джигитовъ.

Вороной конь его—сама красота, само изящество. Ему дѣвы нѣтъ здѣсь, въ этомъ хаосѣ скалъ и обрывовъ... Сухая нога его, крѣпкая какъ сталь, ступаетъ увѣренно, твердо и вмѣстѣ плавно, покачивая, какъ въ мягкомъ креслѣ, костистую фигуру наиба, неслышно вынося его на самыя обрывистыя кручи, безопасно спуская его чуть не по отвѣснымъ скатамъ...

Удалой конь этотъ идетъ, не сбиваясь, своею шагистою, спорою ходою, за которой наши лошади не поспѣваютъ даже рысью... Надежно и удобно оснащены и конь, и всадникъ на дальній путь. Все пригнуто умно и ловко къ своему мѣсту, все подъ рукою, что нужно, и ничего лишняго... Сейчасъ виденъ человекъ, выросшій на конѣ, воспитанный походами и для походовъ; онъ на своемъ сѣдлѣ—какъ у себя дома; нужно будетъ—пробудетъ на немъ мѣсяць; нужно будетъ—годъ... Съ вершинъ Кавказа отправится верхомъ въ Тегеранъ и Кабуль, въ Петербургъ и Москву, и возвратится оттуда тоже верхомъ, и конь его будетъ такъ-же лосниться и играть, такъ-же бодро и споро покачиваться на своей удивительной ходѣ.

Это дѣйствительный начальникъ горцевъ, дѣйствительный старшина ихъ не по одному только титулу.

Они всѣ сами видятъ это и убѣждены въ этомъ. Не величайте его никакъ, не облачайте его ни въ какой санъ и чинъ, отправьте его просто въ походъ, въ опасное и трудное предпріятіе съ толпою этакъ удалцовъ—и онъ само собою очутится ихъ вождемъ...

Его вѣрный глазъ, его ловкая рука, его твердость, смѣлость и опытность заставляютъ его спутниковъ вѣрить въ него и идти за нимъ...

Онъ говоритъ мало, но видитъ все, напередъ обдумавъ все, что можетъ встрѣтиться, чего нужно ожидать...

И эта молчаливая, сосредоточенная въ себѣ увѣренность обаятельно дѣйствуетъ на толпу...

* * *

Званіе наиба, собственно говоря, равносильно уѣздному началь-

нику. Но въ этой патриархальной странѣ первобытныхъ восточныхъ нравовъ, удаленной почти отъ всякихъ сношеній съ міромъ законовъ и центральной администраціи, навѣь—самая великая сила и самая великая власть!...

Но при такой власти, вызываемой живою обстановкою этой полудикой еще жизни и глубокими убѣждениями самого полудикаго народа этого, навѣь держатъ себя съ народомъ необыкновенно просто и доступно. Это такія-же дѣти горъ, дѣти аула, какъ и всѣ другіе жители. Всякій босногій бѣднякъ смѣло подастъ ему руку и смѣло говорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ...

Ледяная стѣна чиновническаго формализма и механической чиновничьей дисциплины, не имѣющей ничего общаго съ плодотворною внутреннею дисциплиною духа, еще не успѣла стать здѣсь между управляющимъ и управляемымъ, не успѣла расколоть народъ на два чуждые другъ другу и другъ друга непонимающіе слоя—чиновника и обывателя, людей безполезной самоудовлетворяющейся бумаги—съ одной стороны, а съ другой—людей непроходимой житейской неурядицы, до которой не доходитъ, на которую не дѣйствуетъ почти никакая формально совершенная мѣра канцелярской мудрости.

Баия въ Кодорскомъ уездѣ.
Съ автографіи В. Тимма.

— Дидо!—вдруг сказали мнѣ торжественнымъ голосомъ Толхатъ, радостно сверкнувъ, среди черной, какъ смоль, поросли бороды, усомъ и волосъ своихъ, бѣлыми зубами и бѣлками глазъ.

Онъ неожиданно подвѣхалъ ко мнѣ и указывалъ пальцемъ на сплошные снѣга угловатыхъ вершинъ, вдругъ выглянувшіе изъ ближайшей лѣсной горы...

— Тамъ Дидо! .. Тамъ Толхатъ!...

Онъ не могъ ничего больше сказать по-русски, но вся его осклабившаяся фигура расцвѣла какимъ-то необыкновеннымъ довольствомъ... Видимо, онъ соскучился долгимъ служебнымъ отсутствіемъ и теперь съ ребяческою радостью дикаря торопился возвратиться къ родному очагу..

Впереди насъ была страна дидойцевъ, направо настигла капучей, налѣво—тушиновъ. Заманчивые альпійскіе дуга, полные травъ и цвѣтовъ, стались по плоскому теменн горъ среди множества другихъ голыхъ и острыхъ...

Курчавыи лѣсистыя шапки, конусы, пирамиды толпились вокругъ нихъ, ярусомъ ниже...

Отсюда область Кавказскихъ горъ была видна въ макушку, со всеми окаменѣвшими волнами своихъ безчисленныхъ вершинъ... Намъ нужно было постоянно спускаться съ заоблачной вершины хребта въ необозримую глубину ущелій, отрѣзающихъ его отъ другого, такого-же громаднаго кряжа, и потомъ со дна этой темной тѣнины карабкаться по отвѣснымъ крутизнамъ на вершины слѣдующаго хребта, съ него опять спускаться въ бездну, изъ нея опять подъ облака, и такъ безъ конца, пересчитывая своими ребрами всѣ эти титаническіе пороги въ 8 и 10,000 футовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

* * *

На отвѣсныхъ скалахъ, покрытыхъ, какъ громадною щетиной, темными стволами лѣса, высоко надъ собою, мы вдругъ увидали разноцвѣтныя пятнышки пасущихся лошадей и овецъ.

Казалось невѣроятнымъ, какъ дѣлались онѣ за эти поднятія къ небу обрывистыя стѣны, какъ не посыпятся онѣ оттуда при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи. А онѣ спокойно бродятъ и бѣгаютъ по этимъ убійственнымъ откосамъ надъ бездною въ нѣсколько тысячъ футовъ, и пастухи ихъ такъ-же хладнокровно, какъ онѣ, висятъ тамъ надъ нами на недосягаемой высотѣ, съ любопытствомъ всматриваясь оттуда въ нашу воинственную кавалькаду, не обращая ни малѣйшаго вниманія на глубину пропасти...

— Это баранта и лошади князя Юрама, который угощать насъ въ Натли-Семели,—сообщилъ мнѣ Максиме.

На другой горѣ, еще повыше, оказались табуны князя Георгія... Сосѣдніе кахетинскіе владѣльцы нанимають у тушиновъ эти просторныя альпійскія пастбища и угоняють сюда скотъ на все лѣто... За пастьбу тушины получаютъ часть приплода.

Снѣговые завалы попадаются все чаще; это серьезно опасныя мѣста: отъ самаго поднебесья, съ какой-нибудь скалистой вершины, купающей свою макушку въ воздушной синевѣ, низвергается въ преисподнюю темнаго и узкаго ущелья тяжкая лавина снѣговъ и оставляетъ по себѣ сплошную, почти отвѣсную осыпь, обледенѣвшую и сплотившуюся отъ прокатившейся массы снѣговъ...

Эти ужасныя англійскія горки своего рода, въ нѣсколько верстъ высоты, годныя развѣ для того, чтобы дьяволамъ скользя по нимъ въ свое подземное пекло, перегораживаютъ путь какъ нарочно въ каждой пазухѣ горы, при каждомъ рѣзкомъ поворотѣ ущелья, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей возможности обойти ихъ. Даже закаленный глазъ дидойца смотреть съ сомнѣньемъ и тревогою на эти переправы шайтана. На одной изъ нихъ я было совѣмъ пропалъ...

* * *

Мы всѣ спѣшилися по командѣ наиба, уткнувшись въ глубокую впадину, перерѣзанную отъ неба до ада снѣговою осыпью... Даже горцы не рискуютъ перѣзжать ихъ верхомъ. Одинъ чепаръ принялъ моего коня, два другихъ, по молчаливому знаку наиба, хотѣли взять меня подъ руки, чтобы провести надъ головокружительною бездною по обледенѣвшему крутому скату снѣговъ... Обувъ дидойцевъ подбитыя двумя тупыми гвоздями изъ стали въ вершокъ длинны, какъ-разъ подъ среднимъ выгибомъ ступни, кромѣ надежныхъ гвоздей на каблукахъ... Поэтому имъ значительно удобнѣе ходить по льдамъ, даже помимо ихъ привычки и ловкости...

Наибъ шелъ какъ-разъ впереди меня, осторожно ощупывая путь, стараясь хотя нѣсколько протоптать слѣдокъ черезъ скользякій откосъ...

Но мнѣ показалось стыдно, какъ ребенку, прибѣгать къ чужой помощи.

«Если идетъ наибъ, почему не пройти и мнѣ; не боги-жъ горшки льпятъ, тѣ-же люди...—утѣшалъ я самъ себя.—Невозможно быть бабой въ этой грозной обстановкѣ, среди окружающихъ меня смѣльчаковъ и удалцовъ...»

И я шелъ самоуверенною поступью, стараясь смѣло глядѣть въ

невообразимую глубину, куда гладкою, заледневшею плитою, выползаванною лавинами, обрывалась изъ-под самых ногъ снѣговая осыпь...

«Плохо будетъ, если оборвешься!—настоячиво думалось мнѣ.— Загремишь туда, какъ на самазкахъ, и костей не соберутъ... Только мокро будетъ!...»

Куски льда и мелкіе камешки, обрываясь изъ-под нашихъ ногъ, какъ-бы для иллюстраціи моихъ мыслей, дѣйствительно уносились по скользкой крутизнѣ съ быстротою молніи. Я невольно засматривался на нихъ и задумывался... Вдругъ обѣ ноги мои, очутившись на твердой непротоптанной корѣ льда, подомылись, словно подстрѣленные, и я полетѣлъ внизъ. Испуганный крикъ брата и Максима донесся до ушей моихъ...

Почему-то я вовсе не испугался паденій и въ надеждѣ на силу мышцъ своихъ рассчитывалъ ухватиться за какую-нибудь неровность...

Но молодцы-ди-дойцы, видно, не въ первый разъ провожали черезъ снѣговые глетчеры неопытныхъ и несловкихъ путешественниковъ.

Быстро схвативъ за руки другъ друга, они, можно сказать, покатались вмѣстѣ за мною, и наибѣ успѣлъ подхватить меня своєю могучею десницею въ самомъ началѣ моего паденія...

Меня стащили сконфуженнаго наверхъ и, уже не слушая моихъ протестовъ и увѣ-

Дагестанская оакия.

реній, повели дальше через заваль между двух дюжих нукеровъ, державшихъ меня сзади и спереди...

* * *

Пройдя обвалъ, Толхатъ, необыкновенно блѣдный, повидимому, очень напуганный этимъ приключеніемъ, за которое онъ считалъ себя отвѣтственнымъ, старался мнѣ объяснить что-то и по-русски, и по-грузински, и по-дилойски, выразительно махая рукою сверху внизъ въ окружающую насъ справа пропасть, изумленно качая головою и подкачивая свои синіе бѣлки...

Максима отъ насъ отсталъ, и я не понималъ ровно ничего, кромѣ того только, что наибъ очевидно увѣщевалъ меня быть всегда подлѣ.

Мы съѣзжали въ это время въ дикую тѣснину, гдѣ ревла водопадами какая-то бѣшеная горная рѣчка.

— Какая рѣчка, наибъ?—спросилъ я Толхата, указывая для ясности пальцемъ на воду.

Толхатъ опять осклабился своею ласково-звѣрскою улыбкою и сверкнулъ радостно глазами...

— Вода—Дагестанъ! туда!—махнулъ онъ рукою впередъ.— Дидо тутъ...—Онъ показавъ намъ на горы... Дилойцы сами себя не причисляютъ къ Дагестану, а называютъ Дагестаномъ только область аварцевъ по Аварскому Койсу.

* * *

Рѣчка оказалась Ори-Цхали, по-русски «двѣ воды». Дѣйствительно, когда мы съѣхали внизъ, то очутились у устья двухъ ущелій и двухъ потоковъ, соединившихся здѣсь въ одну рѣчку.

Грузинское имя рѣчки заставляетъ думать, что въ древности страна дилойцевъ была населена племенемъ грузинъ, точнотакъ-же какъ несомнѣнно доказано грузинское происхожденіе тушинъ, пшавовъ и хевсуръ, западныхъ сосѣдей дилойцевъ. Мы спустились на дно живописнаго ущелья по головоломному спуску, узенькому, страшно-крутому и обрывистому...

Здѣсь назначенъ былъ небольшой приваль... Лошадей пустили въ сочную траву, въ которой онъ спрятались по брюхо, а мы разлеглись на бережку рѣчки въ прохладной пещерѣ скалы, куда Максима сейчасъ же притащилъ всякія питательныя, прохладительныя и горячительныя снадобья изъ нашихъ нестоимыхъ куржинъ. Пещера эта, конечно, не разъ служила для засады и перестрѣлокъ воинственнымъ хищникамъ, обитающимъ въ этихъ заоблачныхъ ущельяхъ.

* * *

Наибъ, однако, не принявъ участія въ трапезѣ, а удалился сажень на 50 отъ насъ вверхъ по теченію рѣки, чтобы исполнить полуденный намазъ.

Онъ раздѣлся почти до-нага и неспѣшно омывалъ въ рѣкѣ части тѣла, указанныя въ Коранѣ.

Потомъ онъ разостлалъ на травѣ войлокъ изъ-подъ сѣдла своего и ставъ босой на колына, лицомъ къ востоку, долго молился и кланялся, глядя на небо...

Когда я оглянулся въ другую сторону внизъ по рѣкѣ, то увидалъ, что весь берегъ былъ покрытъ въ разныхъ мѣстахъ нашими нукерами, отправлявшими намазъ; кто мылся, кто молился, поднявъ высоко голову, кто лежалъ лицомъ на землѣ... Эта стойкость мусульманъ въ исполненіи обрядовъ своей религіи всегда, вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ, —имѣеть въ себѣ много трогательнаго и поучительнаго.

Каждый праводѣрный обязанъ произвести въ день по крайней мѣрѣ 4 намаза: утромъ, въ полдень, вечеромъ и съ наступленіемъ ночи. Если нѣтъ воды, онъ долженъ взять хоть горсть песку.

Благочестивые производять намазъ ежечасно...

Печатью гения былъ проникнуть тотъ избранный духъ, который сумѣлъ вкоренить въ полудикіе народы Азии и Африки эти идеальныя стремленія къ чистотѣ, къ исполненію закона, къ подчиненію своихъ поступковъ чьей-то высшей и разумнѣйшей волѣ, хотя-бы въ такой внѣшней и частной формѣ... Среди зноя и заразительныхъ міазмовъ восточной природы, среди равнодушной неподвижности и сосредоточенной страстности восточнаго человѣка, чистота тѣла—прообразъ и начало чистоты духа—должна была неминуемо стать основнымъ камнемъ нравственныхъ воздѣйствій закона на общество, намазъ—омовеніе тѣла—корнемъ всѣхъ обрядовъ.

II.

Дидойскіе „орлы“.

УЖАСЫ дагестанскаго странствованія разрастаются все больше; какъ ни многого ждалъ по рассказамъ и описаніямъ, но то, что испытываешь въ дѣйствительности, превосходить безъ сравненія все то, чего ожидалъ. «Не уявися, что будетъ!» Этими выраженіемъ Священнаго писанія можно смѣло напутство-

ЛЕЗГИНЫ.

Картина Т. Горшельта.

Кодорское ущелье
съ ауломъ Чегемъ.

вать всякаго путешественника, рѣшающагося принять крещенье дагестанскихъ горъ, чтобы закалить себя въ немъ отъ всякихъ послѣдующихъ страховъ и опасностей... Не уявися, что будетъ!...

Мы выкарабкиваемся теперь изъ темнаго лѣснаго провалья, гдѣ реветъ и бьется Ори-Цхаи, куда мы загѣзли Богъ знаетъ съ какой кручи,—на другую кручу, еще недоступнѣе, еще невозможнѣе...

Тяжелая каменная плита какъ-то бокомъ навалилась на ущелье, и по ея голому неодолимому косогору, все время вися надъ бездной провала, скользя и срываясь копытами, неустово дыша, колотясь ребрами, разинувъ рты и обливаясь потомъ, несчастныя лошади наши, вытянувшись какъ змѣи, царапаются вверхъ по безпрерывно извивающейся тропинкѣ, часто чуть удерживаясь на скользкой кругизнѣ одними ноготочками своихъ копытъ, спотыкаясь о камни, съѣжая вдругъ нѣсколько шаговъ назадъ и внизъ вмѣстѣ съ осыпью, судорожно вспрыгивая оттуда впередъ, на каждомъ шагу, въ каждую минуту готовыя полетѣть вмѣстѣ съ нами головой внизъ, въ зияющую подъ нами пропасть. Намахались наши руки, пообтрепались наши нагайки, накричались наши глотки, пока мы одолѣли этотъ проклятый подъемъ и выгѣзли, наконецъ, со дна этого чортова котла на свѣтъ Божій...

Одинъ невѣрный шагъ, одна минута усталости и упадка энергій въ лошади,—и все кончено...

Оттого-то и приходится такъ безжалостно бодрить ее шпорами и нагайкой...

Чудеса—что только выносятся, гдѣ только проносятся челоуѣка эти неимоуѣрныя горскія лошадеики.

* * *

Какъ ни жутко взбираться на эту косую стѣну, а дикая красота ущелья стоитъ передъ глазами, наполняетъ душу...

Мы поднимаемся, и съ нами вмѣстѣ поднимаются верховья двухъ ущелей, изъ которыхъ низвергаются потоки Ори-Цхали...

На той сторонѣ пропасти, видныя намъ теперь отъ макушки до пятокъ, встали исполинами отвѣсныя, лѣсистыя горы и смотрятъ намъ прямо въ лицо, какъ равныя равнымъ, такъ близко, рукой подать... А кругомъ по скатамъ горъ, даже по сухому плитняку, травы и цвѣты роскоши дивной...

Азалии нѣжнаго палеваго цвѣта убираютъ неохватными сплошными коврами каменистыя ребра скалъ; великолѣпныя желтыя лилии, колокольчики, незабудки, ярко-розовая персидская ромашка, огромныя центаврія, голубая аквилегія съ бѣлою середкою, оранжевыя крестовики и всякіе другіе знакомые цвѣты, только несравненно ярче и роскошнѣе нашихъ, заткали сочную землю этихъ заоблачныхъ луговъ...

Ряди кого развернуты здѣсь съ такою щедростію все эти обильныя чудеса красокъ, формъ, запаховъ, поднятыя на недоступную высоту поднебесья?...

Чувствуетъ-ли ихъ своимъ сердцемъ хищника одичавшій диосоць, что равнодушно травитъ своей барантой эти цвѣты и травы, или собратъ его—бурый орелъ, плавающій надъ этими чудными горными лугами, чтобы высмотрѣть среди нихъ себѣ въ пищу мышенка или сурка?...

* * *

Начинаютъ наконецъ попадаться по дорогѣ и диодойцы.

Должно быть, мы подвѣжаемъ близко къ ихъ ауламъ.

Все они смотрятъ оборванцами и разбойниками, въ своихъ сѣрыхъ лохматыхъ папахахъ, что мотаются ключьями по лицу. Они почти все русые, остроносые; разъ увидишь—и вездѣ потомъ узнаешь диодойца. Одежда на нихъ грязна невыносимо. Они не знаютъ, что такое значить переменить рубашку. Бѣлье гдѣтъ на нихъ и сваливается

Дуль въ горахъ Дагестана.

безъ ихъ заботъ; тогда поневоля надъбается чистое. Все тѣло свое ди-
доець смазываетъ бараньимъ жиромъ. Это дѣлаетъ его очень выносли-
вымъ и гибкимъ; никакая простуда не ухватится за него. Но за то
грязь и вонь насквозь проникають его платье и все его существо.

На ногахъ у нихъ очень своеобразная обувь — вязаные башмаки
на такихъ-же толстыхъ вязаныхъ подошвахъ.

Въ нихъ мягко и свободно ногъ, постоянно шагающей по кам-
нямъ.

Господи! да и бѣгаетъ-же ди-доець.

Это не люди, а какія-то летучія кошки, безъ вѣсу, безъ усталости...

Нѣкоторые изъ нихъ, встрѣтившись съ наибомъ, съ дружелюб-
нымъ достоинствомъжимають ему руку и поворачивають назадъ,
провожая насъ ради почета... Они все время идутъ около стремни
наиба, ѣдетъ-ли онъ рысью или шагаетъ, безъ умолку что-то раска-
зываетъ ему и не отставая ни на одинъ вершокъ... Придетъ ручей, рыт-
вина, осыпь, шатающееся бревно черезъ рѣчку, — они, не глядя и не
думая, словно не своей силой, переносятся черезъ нихъ и бѣгутъ себѣ
опять своими неслышными мягкими шажками, продолжая болтать и
размахивать руками. Кажется, просто по воздуху несется, почти земли
не касаясь, не замѣчая ни камней, ни крутизны, ни спусковъ, ни подъе-

мовъ... Подумаешь — они сдѣланы изъ какой-нибудь пробки или резины, а не изъ обыкновеннаго тѣла человѣческаго.

Взглянешь невзначай на эти рыжія оборванныя фигуры, прыгающія кругомъ насъ, пронизывающія насъ своими хищными и любопытными глазами, — и почувдится, что это окружила насъ стая какихъ-нибудь проворныхъ чекалокъ, облизывающихся на наше добро, кровожадныхъ и трусливыхъ, пронитанныхъ вонюю пожираемой ими падаи...

* * *

Впрочемъ, это не одно мечтаніе художника. Объ этомъ лучше всего знаютъ Максиме и Павле, провожатые наши.

Они разсказываютъ намъ своимъ прѣстодушнымъ языкомъ очень любопытныя, но далеко не успокоительныя вещи объ этихъ дидойцахъ, что теперь толпою провожаютъ насъ, о тѣхъ самыхъ аулахъ, которые видны теперь намъ и въ которыхъ мы намѣрены искать пріюта...

Врядъ-ли кто будетъ имѣть другой случай такъ близко и лично познакомиться съ картою и всѣми живыми подробностями нашего послѣдняго дагестанскаго возстанія, какъ поневолю теперь знакомимся съ нимъ мы, выслушивая безхитростные разсказы провожающихъ насъ скромныхъ героевъ о недавнемъ прошломъ...

И Максиме, и Павле, оба въ 1878 году прошли Дагестанъ черезъ Дидо и Капучи въ отрядѣ князя Георгія Джордждзе, съ оружіемъ въ рукахъ и, конечно, не въ первый разъ. Недаромъ у нихъ на груди болтается по нѣскольку Георгіевъ, золотыхъ и серебряныхъ.

Какъ только увидѣли мы среди котловины горъ живописное озеро Хупро, кажется, единственное въ Дагестанѣ, и дальше, на обрывистой голой горѣ, мрачные силуэты аула Хупро, вырѣзавшіяся на жаркомъ синемъ небѣ, — такъ и осадили нашего лихого Максиме воспоминанія о скверныхъ дняхъ, пережитыхъ имъ на этихъ пустынныхъ высотахъ.

— Плохой тутъ народъ, разбойникъ на разбойникѣ! — безнадежно махнулъ онъ рукою, словно говоря самъ съ собою, хотя вѣхалъ около меня...

— А что? развѣ попадался къ нимъ когда? — спросилъ я...

— Вотъ! да они было всѣхъ насъ тутъ покончили, когда война турецкая была; и Георгія князя, и Кико, что вотъ въ Телавѣ насъ принималъ, и насъ всѣхъ... Мошеникъ народъ! Обманули насъ, какъ малыхъ ребятъ! Пришли мы подъ Хупро съ отрядомъ; отрядъ небольшой, милиція больше; стали вонъ тамъ на горѣ, что за лѣсомъ, видите макушку зеленую; разбили палатки. Приказалъ князь явиться

старшинамъ дидойскимъ, наказать хотѣлъ ихъ за то, что баранту отняли у тушинъ, пастуховъ перерѣзали... Пришли тише воды, кланяются, прощенья просятъ, говорятъ—не мы рѣзали, не мы отгоняли, мы, говорятъ, вѣрны бѣлому Падишаху, обѣщали на завтра молока принести солдатамъ, сыру, баранины...

Князь и повѣры имъ, отпустилъ... Сварили кашу, полегли спать. А ночь претемная. Караульные-то и засни, думаютъ—кто тронетъ. А

они, подмеды, вскарабкались не хуже кошекъ вонь по тѣмъ скаламъ, гдѣ и днемъ-то на веревкахъ не поднимаешься, перерѣзали караульнымъ горла, постолкали ихъ въ пропасть, да и проползли къ намъ въ палатки... Всѣ котлы наши унесли. Проснулся кто-то, поднялъ тревогу, изъ ружья ударилъ, вскочили мы, — спросонья ничего не видать... Палимъ зря другъ въ друга изъ ружей, со стороны свои за лезгинъ кажутся... Сколько народу своего сами перебили... А они засѣли въ дѣсу, по деревьямъ да за камнями ихъ-то не достанешь, а они въ кучку нашу на ружейный огонь и сыплютъ пуляни безъ промаху. Страсть сколько положили... Сорокъ человекъ убитыхъ и пораненныхъ къ утру насчитали. Стало свѣтать, тутъ только они подались, потому ихъ видать стало; тутъ ужъ князь и нашимъ отступать приказалъ.

Горный проходъ русскихъ войскъ на лезгинскія земли въ 1853 г.

Картина Горшельта

— Тѣхъ-то, я думаю, никого не осталось,—замѣтилъ я:—послѣ усмиренія, навѣрное сослали куда-нибудь въ Россію или разстрѣляли...

— Какое сослани!—опять махнулъ рукою Максиме.—Они всѣ тѣ-же самыя... Можетъ, 4, 5 человѣкъ и попались, которыхъ начальство замѣтило... Да что тутъ говорить.—вонъ, видите, старикъ, что въ шапкѣ рваной съ нанбомъ разговариваетъ... Я этого подлнца своими глазами видѣлъ, какъ онъ изъ лѣса въ насъ палилъ... Я его давно знаю еще съ старыхъ походовъ, онъ у нихъ первый заговаривалъ на все... И какъ это ему все съ рукъ сходить, Господь знаетъ?... Другой безъ вины попадается, а онъ вонъ всему дѣлу затѣйщикъ, а цѣль... Я тогда сказывалъ про него князю... Не знаю, забылъ развѣ...

Я невольно оглянулся на этого низенькаго сутуловатаго старика съ волчьимъ выраженіемъ лица, съ ключьями сѣдоватой щетинистой бороды; онъ словно почувалъ, что рѣчь идетъ о немъ, и злобнымъ взглядомъ своимъ, искаженнымъ еще больше притворно-заскисающею улыбкою, подозрительно косился теперь на насъ...

— Всѣ они хороши, всѣ такъ и смотреть, какъ-бы горло тебѣ перекусить!.. — продолжалъ между тѣмъ философствовать Максиме, безцеремонно разглядывая шедшихъ около него дидойцевъ и нисколько, повидимому, не избѣгая, чтобы они поняли его...—Только и ласковы, когда палка въ рукахъ... А ихъ бы сила взяла, задали-бы они!..

Максима чувствовалъ себя въ несомнѣнномъ обладанніи тою силою и тою палкою, которая сдерживаетъ дидойцевъ, и ѣхалъ поэтому среди нихъ, презрительно посяматривая на всю ихъ оборванную толпу, какъ торжествующій побѣдитель среди живыхъ трофеевъ своей побѣды...

— Вотъ и этотъ бѣшь, вонъ тотъ длинный, рыжеволосый! Тоже знакомецъ!—вдругъ вскрикнулъ Максиме, будто напалъ на неожиданно-приятную находку... Онъ указывалъ мнѣ пальцемъ, чуть не въ упоръ, въ лицо шедшаго исподалеку дидойца.

Тотъ, повидимому, понялъ, о чемъ говорили мы, потому что молнулъ отрицательно головою и, оскаливъ намѣшииво зубы, отвернулся въ сторону...

Передъ аудумъ опять приходится спускаться...

Теперь ужъ какъ-то больше привыкъ къ этимъ спазываньямъ въ пасть бездны.

Цѣлая отвѣсная плоскость, поставленная на ребро, поднимается надъ нами подъ самое небо, сплошь затканная желтыми цвѣтами...

Внизу опять реветъ, крутится и пѣвнится черный потокъ... Мы лопимся внизъ черезъ тѣсныя галереи древесныхъ стволовъ, черезъ буреломъ, безобразно наваленный по крутому скату...

Вотъ наконецъ и аулъ Хупро.

Чисто-разбойничий вертепъ! Это мрачныя пещеры изъ сѣраго шифернаго камня, обращенныя въ бойницы... Многими ярусами спускаются онѣ вокругъ скалы, насыпанныя другъ на друга, образуя собою какъ-бы ступени исполинской дѣстницы...

Тутъ ничего не горитъ, все камень и каменистая земля!.. Нигдѣ ни кустика, ни деревца. Одинъ только голый, сухой, безотрадный камень... Оконъ тоже нѣтъ — только чернѣютъ пустыя узкія дырля, сквозь которыя можно просунуть дуло ружья изъ этихъ блиндированныхъ казематовъ.

Не весело, должно быть, живется въ этихъ черныхъ оголенныхъ жилищахъ, торчащихъ какъ грачиныя гнѣзда на сухомъ деревѣ...

Не веселы должны быть и характеры людей, которыхъ воспитываетъ такой домъ, такая обстановка...

Безплодно и бесплодно все кругомъ на обнаженныхъ плитнякахъ этой, какъ чугуны черной, заоблачной горы, тяжело навалившейся на суровую дѣсную тѣснину...

* * *

Дилойцы недаромъ называютъ себя «цези», т.-е. орлы, хотя остальные дагестанцы столь-же мѣтко и заслуженно называютъ ихъ не орлами, а «оборвышами» (цунта). Они живутъ, дѣйствительно, какъ орлы, какъ коршуны, какъ все хищныя птицы горъ, высоко свивая свои гнѣзда на обглоданныхъ утесахъ, откуда имъ видно все далекое поле ихъ добычи, гдѣ ихъ нельзя никому достать...

Ауль Чи.

Какъ орды, они питаются только клювомъ и когтями своими, налетая быстрыми крыльями на робкихъ звѣрей степи, на слабыхъ и неповоротливыхъ домашнихъ птицъ... У нихъ сердце крыматыхъ хищниковъ, ихъ сноровка, ихъ образъ жизни...

Такіе-же смѣлые, легкіе, ловкіе, такіе-же неутомимые, такіе-же безсовѣстные.

* * *

При нашемъ приближеніи цѣлая встревоженная толпа высыпала изъ домовъ... Они давно уже завидѣли, зачуяли насъ, пожалуй, еще тогда, когда мы только-что перебрались черезъ Кодорскій переваль...

Всѣ плоскія земляныя крыши полны дѣтей и женщинъ; повѣдѣли даже горбатыя, на четверенькахъ ползающія старухи, съ клювами вмѣсто носовъ, съ круглыми, глубоко впавшими глазами, свѣтившимися изъ своихъ темныхъ впадинъ, какъ злые глаза филина...

Эти внезапно выросшія пестрыя группы живыхъ фигуръ, словно окаменѣвшихъ на ступеняхъ скалы, придали особенную живописность картинѣ дикаго аула, въ который медленно въѣзжали мы, звеня подковами по сухому плитняку...

Съ беспокойнымъ недоумѣнемъ поглядывали на наиба и на насъ эти страшныя разбойничьи рожи въ лохматыхъ растрепанныхъ папахъ, словно только-что всернувшіяся съ какого-нибудь кроваваго грабежа...

Хотя они почтительно прикладывали ладони ко лбу и съ кажущимся дружелюбіемъ пожимали руки наибу, однако, они производили на насъ впечатлѣніе чего-то враждебнаго и озлобленнаго... Видно, память о недавней рѣзнѣ съ русскими и о разореньи Хупро еще была слишкомъ жива среди нихъ... Впереди всѣхъ стоялъ хаджи въ чалмѣ, въ синей мантии, съ недовѣрчивымъ и коварнымъ лицомъ, очевидно, заправила всего аула... Наибу что-то долго говорилъ съ нимъ, и онъ скалил свои рѣдкіе лисьи зубы, почтительно, но рѣшительно отмахиваясь головою... Наибу, кажется, хотѣлось устроить въ Хупро намъ ночлегъ, но хаджи увѣрялъ его, что у нихъ въ аулѣ нѣтъ ни одной просторной и чистой сакли и что намъ гораздо лучше добраться до Эль-Бахо, благо солнце еще высоко... Я съ любопытствомъ разсматривалъ эту стаю хищныхъ звѣрей, вспугнутую въ своемъ логовищѣ, и живо представлялъ себѣ, какъ тотъ-же рѣдкозубый хаджи въ высокомъ тюрбанѣ, всего только два года назадъ, съ бѣшеной пѣною у рта, взывалъ къ этой дикой толпѣ, убѣждая ее идти рвать собакъ москововъ, доверчиво расположившихся на сосѣдней горѣ.

* * *

Но любопытны были не однѣ эти лохматыя, суровыя фигуры горныхъ хищниковъ... Я не отрывалъ глазъ отъ толпы женщинъ, тѣсно набившейся на всѣ плоскія кровли сосѣднихъ домовъ...

Нарядъ дидойскихъ женщинъ пахнетъ самыми отдаленными вѣками и глубокимъ Востокомъ... Можетъ быть, это еще мода, занесенная сюда въ горы какими-нибудь арабами VII-го вѣка...

Широкія темно-красныя мантии изъ кумача покрываютъ сзади голову и все тѣло дидойки, одѣтой въ темную синюю рубаху; мантии эти перехвачены складками на шеѣ и спускаются до самыхъ ногъ... Онѣ выложены сплошными рядами старинныхъ серебряныхъ монетъ, расшиты серебромъ, оторочены разными подвѣсочками и бахромою въ

Аулъ Санъва.

гой части своей, которая покрываетъ голову... Говорятъ, тутъ найдешь иногда монеты древнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ любомъ нумизматическомъ музеѣ, египетскія, персидскія, арабскія, римскія, монгольскія и, пожалуй, такія, какихъ мы совсѣмъ еще не знаемъ...

Въ этихъ воровскихъ гнѣздахъ, спрятанныхъ въ самое поднебесье, никогда не знавшихъ ни торговли и никакихъ мирныхъ сношеній съ другими народами, — могла сохраняться въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій какая-нибудь дѣнная добыча, приносимая удѣльнѣвшимъ разбойникомъ изъ разграбленныхъ имъ городовъ и дарствъ роскошнаго Закавказья.

Эти сверкающіе кусочки серебра дѣлались единственною наследственною драгоцѣнностью семьи, украшая поочереди десятки женскихъ поколѣній, чередовавшихся другъ за другомъ, и должны были поэтому сберегаться пуще глаза, какъ святыня дома.

Во всякомъ случаѣ, меня поразило богатство этихъ крайне неудобныхъ и неловкихъ женскихъ одеждъ дидоекъ, такъ заботливо и загѣйливо убранныхъ, сравнительно съ нерешительномъ ихъ оборванныхъ мужей, величающихъ себя «орлами».

* * *

Дѣлать было нечего; пришлось спускаться опять по такой-же кручѣ, опять въ такое-же провалье, какихъ уже много насчитали мы своими ребрами...

Внизу на ручьѣ проѣхали мимо горской мельницы-колотушки самаго первобытнаго устройства, съ стоячимъ валомъ, съ проведеннымъ къ нему узенькимъ каналомъ воды, типа еще библейскихъ временъ... Зипозлатъ было страшно въ этихъ труппахъ, и наибъ совѣтовалъ гнать коней не жалѣя. Самъ онъ показывалъ примѣръ, надалеко опередивъ насъ на своемъ лихомъ скакунѣ, словно шути переносившемъ его съ горы на гору...

Солнце уже давно зашло за громадную дѣсистую гору, когда мы очутились у подножья скалы, на которой стоитъ аулъ Эль-Бахо. Самъ чертъ переломаетъ себѣ ноги, пока взберется по этой невообразимой кручѣ, черезъ хаосъ всюду разбросанныхъ угловатыхъ камней, къ первымъ жилищамъ аула.

Утомленные лошади просто изъ силъ выбились, такъ что на половинѣ горы мы послѣзали съ нихъ и стали карабкаться на своихъ на-двоихъ...

Господи! Что за жизнь... За всякою кружкою воды, за всякою визанкою сѣна нужно мѣрять ежедневно по нѣсколько разъ эти дѣловольскіе утесы... Непролазная грязь и вонь царятъ въ аулѣ, несмотря на высоту утеса и на камень почвы...

Плоскокрышія сакли, въ 2 и 3 яруса, на-половину врыты въ скалу, гѣснятся такъ другъ къ дружкѣ, что между ними съ трудомъ можетъ пролѣзть лошадь или быкъ... Эти всегда темные, всегда сырые переулки, на которые дидойская хозяйка выливаетъ не раздумывая все, что ей нужно вылить, сочатся и текутъ внизъ, навстрѣчу путнику, даже въ жаркій день, какъ отводы помойной ямы, пропитывающая воздухъ аула своимъ уматерѣвшимъ зловоніемъ... Они выются змѣю между неправильно скученныхъ жилищъ все выше и выше, по всѣмъ поворотамъ и уступамъ утеса, круто, какъ на стѣну, такъ-что порою, въ безнадежномъ отчаяннн, хочется опуститься на четвереньки и ползти себѣ помаленьку, забывъ всякій стыдъ, этимъ безопаснымъ, хотя и недостойнымъ двуногаго *Ното сагіенс*—собачьимъ манеромъ... А тутъ,

Видъ аула въ Дагестанѣ.

какъ нарочно, нашъ тернистый путь дѣлается еще болѣе мучительнымъ черезъ стаи голодныхъ, отощавшихъ собакъ, которыя съ нескрываемымъ аппетитомъ бросаются къ нашимъ пкрамъ, къ нашему носу, защищая отъ насъ доступъ въ аулъ, будто толпа отчаянныхъ джигитовъ...

Всѣ крыши залиты дѣтьми и женщинами, изумленно созерцающими приближеніе незнакомыхъ и странныхъ людей... Хотя-бы одинъ ротъ разинулся унять собакъ, которымъ такъ ловко однимъ прыжкомъ сверху скусить носъ обезсиленному, долу склоненному пѣшеходу... Они, канальи, еще, кажется, подсмѣиваются и злорадствуютъ надъ нашимъ бѣдственнымъ восхожденіемъ, потакивая другъ друга локтями, причась со смѣхомъ за плечи сосѣда, чуть-чуть не усыкая на насъ...

Я увѣренъ, что отъ этого удерживаетъ ихъ только одно присутствіе наиба и его лихихъ нукеровъ съ нагайками...

А то какую веселую травлю задали-бы они сейчасъ... Я вижу это по разгорѣвшимся, широко раскрытымъ на насъ глазамъ этихъ оныхъ волченковъ.

* * *

Наконецъ, насъ остановили у сакли, прилѣпленной къ скалѣ и

совершенно висѣвшей надъ пропастью... Пока нукеры возились съ лошадьми и выюками, хозяинъ повелъ насъ и наiba внутрь сакли... Лѣзть въ нее нужно было по дереву съ вырубленными ступенями... Въ нижнемъ этажѣ сакли былъ хлѣвъ для скота, повыше — зимнее жилище съ очагомъ и съ придѣланнымъ спереди балкономъ для лѣтняго ночлега хозяина... Открытый спереди навѣсъ, надъ задней половиною плоской крыши, устраивался на всякій случай для гостей, для домашнихъ работъ... Въ хозяйскомъ помѣщеніи была такая жара, вонь, тѣснота и грязь, такой беспорядокъ, что мы уговорили наiba ночевать прямо на крышѣ, подъ навѣсомъ...

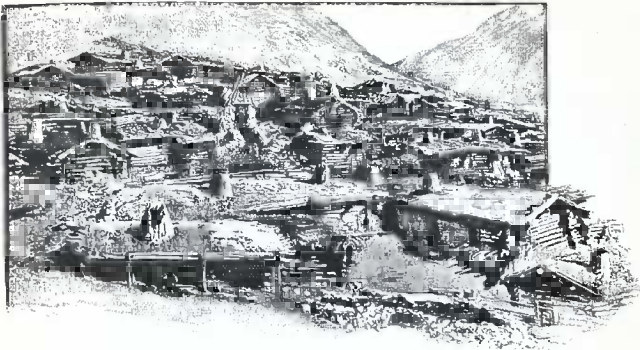
Къ тому-же отсюда можно было сколько душѣ угодно любоваться оригинальною и грозною картиною, охватившей насъ въ этихъ глубокихъ нѣдрахъ непочатой горной дичи...

Мы растянулись на своихъ буркахъ на гладко утопанной крышѣ дома, въ ожиданіи давно желанныхъ снадобій, которыя незамѣнимый Максиме уже терпѣливо извлекалъ изъ насквозь пропотѣвшихъ куржиновъ...

На одной высотѣ съ нами, — кажется, такъ близко отъ насъ, — и гораздо выше насъ, гораздо дальше, стоять и сиять на такихъ-же плоскихъ крышахъ, неподвижно пристывъ къ намъ глазами, женщины, завернутыя въ свои красно-синія широкія одежды, сверкающія серебромъ, хорошенькія глазатыя дѣтишки въ мохнатыхъ шапкахъ и буркахъ... Безпечно свѣсивъ свои голыя, болтавшіяся ноги съ края сакли, они толкаютъ и дергаютъ другъ друга, показывая другъ другу изумляющія ихъ подробности нашей путевой обстановки, ни малѣйшимъ образомъ не заботясь о томъ, что они висятъ надъ пропастью въ нѣсколько тысячъ фуговъ, которой два уже нельзя разглядѣть теперь въ туманахъ вечера. Одинъ неосторожный толчокъ, одно разсѣянное движеніе, — и нѣтъ человѣка, нѣтъ даже праха его...

Несомнѣнно, что много горскихъ дѣтей должно погибать отъ этого вѣчнаго сосѣдства ихъ съ бездною... Никакая привычка не спасетъ отъ случайнаго увлеченія, отъ минутной забывчивости... Въ разгарѣ дѣтской игры или драки трудно не оступиться, не обчесться на полшага, трудно и не задремать ребенку въ длинные часы знойнаго лѣта, спяъ безъ дѣла въ-одиночку на краю крыши, созерцая изо-дня-въ-день все тѣ-же горы, все тѣ-же пропасти, все тѣ-же облака, молчаливо поджидая возвращенія съ поля матери или отца съ охоты изъ лѣсу...

По скалѣ начинается какая-то бѣготня... Стада маленькихъ коровокъ карабкаются наверхъ, гонимыя снизу крикомъ и пажками пастуховъ.

Ауль Корхушанъ.

Изъ всѣхъ саклей спѣшать имъ навстрѣчу женщины и дѣвушки, разбирать свою скотину... Онѣ бѣгають вверхъ и внизъ по этимъ непроходимымъ кручамъ, черезъ эти каменные осыпи, догоняя коровъ, такъ-же просто, какъ мы бѣгаемъ по паркету своихъ половъ...

* * *

Среди насъ уже появился кувшинчикъ съ виномъ, и мы съ вольчимъ аппетитомъ уплетаемъ свои дорожные припасы, запивая ихъ бодрящею струею енисельскаго нектара. А вокругъ насъ, между тѣмъ, собираются мало-по-малу возвратившіеся съ своихъ работъ жители Эль-Бахо...

Оборванные, въ огромныхъ лохматыхъ шапкахъ изъ бѣлой овчины, въ длинныхъ по пятки буркахъ, такихъ-же бѣдыхъ, такихъ-же лохматыхъ,—они столпились кругомъ насъ и стоятъ безмолвно, опираясь на свои ружья, не отрывая отъ насъ удивленныхъ глазъ, съ любопытствомъ слѣдя за всѣми движеніями нашими...

Все больше и больше, неслышной поступью, подходятъ ихъ снизу на нашу открытую вышку... Прошепчетъ чуть слышно свой привѣтъ набу, скользнувъ ладонью по лбу, и пристынетъ, какъ всѣ, къ намъ глазами, не шевелясь, не говоря ни слова...

Ясно, что они считаютъ насъ за важныхъ особъ и не дерзаютъ заговорить сами... Равно-жъ никто тутъ не пойметъ ихъ, а они не поймутъ никого, кромъ своего наива...

А наибъ Толхатъ, какъ видно, не особенно любитъ разговари-
вать...

* * *

Ночь наступала быстро, будто солнце вдругъ провалилось куда-
то, какъ всегда бываетъ въ горахъ... Стало совсѣмъ черно... Отъ снѣго-
выхъ вершинъ, смотрѣвшихъ черезъ пропасть намъ прямо въ глаза,
пахнуло свѣжимъ морознымъ вѣтромъ...

Глубокое тѣсное ущелье дышало снизу сыростью...

На той сторонѣ его, у опушки лѣсовъ, которыми обросла гора,
паслись наши лошади... Ихъ довольное ржанье доносилось до насъ
сквозь темноту ночи, и огонекъ разложеннаго костра привѣтливо миг-
галъ намъ оттуда, прорѣзая слѣпой мракъ ущелья, какъ взглядъ до-
браго глаза...

* * *

Вотъ и у насъ на крышѣ, передъ навѣсомъ, гдѣ растянулись мы
съ сѣлками подъ головами,—заигралъ огонекъ...

Хозяинъ тихонько принесъ низенькій самодѣльный столикъ изъ
грифельной плиты на деревянной ножкѣ и разводилъ на немъ цѣлый
жаркій костеръ...

Это онъ грѣетъ насъ, чтобы мы не встали въ этомъ заоблач-
номъ царствѣ подъ ледянистымъ дыханьемъ снѣговыхъ великановъ, гля-
дящихъ на насъ черезъ сосѣднія вершины. Всю ночь пылалъ костеръ,
то разгораясь яркимъ огнемъ, весело треща и взвываясь, то стихая и
чуть тѣбя на своей каменной сковородѣ...

Лохматыя, бѣлыя фигуры долго толпились около него, тоже ото-
грѣваясь отъ пронизывающей сырости ночи... Онъ присѣли около
него на корточки, сгорбившись въ своихъ длинныхъ буркахъ, пону-
ривъ мохнатая папахи свои,—словно ястреба, просушивающіе на солн-
цѣ свои изюкшія, встрепанные перья послѣ длинной ненастной ночи...

Они даже и подремываютъ, сидя на корточкахъ, какъ ястребъ
на вѣткѣ...

Должно быть, они охраняютъ нашу безопасность, зная разбой-
ничьи нравы своего аула...

Поваились-ли они тутъ-же, разбрелись-ли,—нѣ знаю, только къ
полуночи просыпающийся изрѣдка глазъ уже не видалъ больше на
фонѣ огня этихъ характерныхъ силуэтовъ. По временамъ только чья-
то сухощавая рука протягивалась снизу къ костру, подкладывая свѣ-
жую кучку щепокъ, и ныряла опять въ темноту...

Сладко спалось на морозномъ воздухѣ подѣ открытымъ сводомъ неба, на этой высотѣ, гдѣ летаютъ только птицы и облака...

Плотнѣе укутываешься въ свою широкую бурку и словно проваливаешься въ какую-то пучину бессознательныхъ грезъ, забывая несмолкаемые уколы осыпавшихъ насъ насѣкомыхъ, исполняясь какимъ-то убаюкивающимъ младенческимъ довѣріемъ ко всему, что окружаетъ насъ, даже къ этимъ лохматымъ, разбойничьимъ фигурамъ, вооруженнымъ ножами и ружьями; у которыхъ мы теперь во власти, которымъ ничего не стоить сдѣлать съ нами все, что они захотятъ.

III.

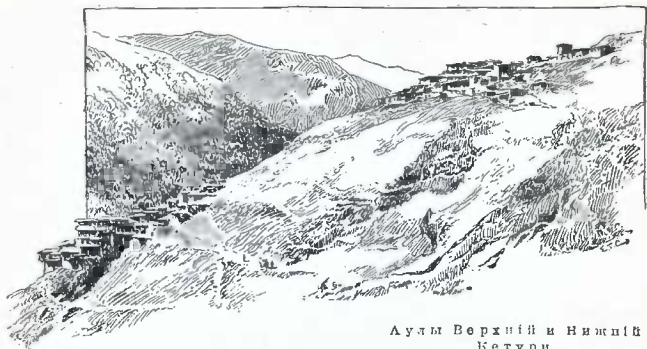
Въ капучинскихъ аулахъ.

НАИБЪ предложилъ намъ для сокращенія пути миновать Кидеро и перевалить лѣсною тропою черезъ горный крижъ прямо въ Беджиту. Узнали мы, что значитъ на горскомъ языкѣ эта «лѣсная тропа», посредствомъ которой здѣсь обходятъ *ахоршилъ* дороги!

Еще ночная тѣнь и ночная свѣжесть лежали нетронутыя на глубокой котловинѣ, черезъ которую двинулись мы; въ горныхъ странствованіяхъ не дожидаются восхода солнечнаго, который несетъ съ собою жаръ и пыль... Два снѣговые хребта поднимались у насъ съ двухъ сторонъ, всѣ на виду... Когда мы выпарапались изъ этого темнаго, сырого котла на крутую каменную лысину, купавшуюся въ синевѣ неба, гораздо выше утреннихъ облаковъ, то вдругъ очутились среди яркаго солнечнаго дня.

Отсюда мы увидали гдѣ-то глубоко и далеко на днѣ сѣрыя сакли аула Эль-Бахо, гдѣ ночевали мы, прильпленные, будто ласточкино гнѣздо, къ обрыву скаль.

Всѣ сосѣднія ущелья можно было разсматривать отсюда какъ на ландкартѣ; вотъ полѣвѣе какіе-то пестрые платочки разостланы по скатамъ горъ: это поля аула Асахо; вонъ и самъ аулъ, разрушенный русскими войсками въ последнее возстаніе. Наши храбрые Максиме и Павле—сами брали его съ бою. Два дня отчаянно отбивались асахойцы... Когда уже ничего больше не оставалось дѣлать и русскіе штыки ворвались въ узенькіе проулки горѣвшаго аула, мужья закалывали женъ, отцы—маленькихъ дѣтей, женщины бросались со скаль въ пропасть, чтобы не достаться ненавистнымъ побѣдителямъ.

Аулы Верхній и нижній
Кестури.

Заоблачныя альпы, гдѣ теперь ѣдемъ мы, залиты на десятки верстъ необозримыми коврами цвѣтущей азалии желто-палеваго и разныхъ другихъ прелестныхъ цвѣтовъ. Этотъ исполинскій цвѣтникъ волшебной роскоши поднять наравнѣ съ снѣгами и кругомъ обставленъ пирамидами вѣчныхъ снѣговъ.

Но мы недолго наслаждались мягкими очертаніями альпійскаго дуга.

Приходится лѣзть на ужасающій гребешокъ изъ чернаго грифелья...

Ни во снѣ, ни на яву не увидишь такихъ страховъ: вѣтры и дожди изгрызли и обтрепали его такъ, что онъ представляетъ изъ себя буквальнѣйшій гребешокъ—острый, глубоко перебитый промоинами, задирающійся круто вверхъ, подъ самое небо... Лошадь едва помѣщается на его лѣвѣи свои ноги, осторожно заноситъ ихъ одну за другую, и изъ-подъ копытъ ея при каждомъ шагѣ ползетъ и сыплется съ сухимъ зловѣщимъ шорохомъ растрескавшійся грифель...

Глянешь направо—бездна, глянешь налѣво—бездна, а ты пробираешься посреди этихъ двухъ безднъ, какъ акробатъ по канату, по твоей узенькой коварной тропинкѣ, да еще на страшную кручу... Тутъ поневолѣ сдѣлаешься безпечнымъ хребцемъ... Нервовъ не хватаетъ, чтобы пережить всѣ впечатлѣнія. Человѣкомъ овладѣваетъ спокойствіе безнадежности, хладнокровіе фатализма. Пропадать—такъ пропадать, лишь-бы только не мучиться постоянно щемящими страхами. Пересташь совѣтъ думать объ опасности, о пропастьяхъ и кручахъ, механически отдаешься весь на волю судьбы. Ёдутъ другіе—и ты ѣдешь; другіе проѣхали—проѣдешь и ты. Вся вѣра и надежда въ лошади. Если ея

Дуль Верхній Котурн.

чугунныя ноги, если ея неутомимая энергія не выдадутъ тебя, — ты цѣль и невредимъ проберешься по этому безконечному дьявольскому мосту... Давай ей смѣло поводья, сиди тверже, не думай ни о чемъ!... Но насъ поистинѣ преслѣдовалъ рокъ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ гребешокъ, по которому мы поднимались на хребетъ, дѣлаетъ рѣзкую извилину и гдѣ поэтому лошади наши вынуждены были сдѣлать воздушный прыжокъ, мы вдругъ поражены были топотомъ множества ногъ. Глянули вверхъ, — на насъ несется, распустивъ хвосты и гривы, съ удалимъ ржаньемъ, цѣлый табунъ лошадей, очевидно, къ-мъ-нибудь гонимый сверху.

Разыгравшіяся лошади уже не могли остановиться на крутомъ спускѣ; неожиданно попавъ въ ихъ гогочущую, прыгающую и толкающую волну, мы каждую минуту ждали, что она унесетъ насъ вмѣстѣ съ собою или опрокинетъ съ нашей узкой тропы головою внизъ, куда-нибудь въ пропасть... Нельзя достаточно изумиться легкости и ловкости этихъ большихъ животныхъ, когда видишь, какъ мчатся они внизъ по обрывистой кручѣ, толкая другъ друга, перескакивая на всемъ лету провалы и высокіе камни...

Вотъ-вотъ, думаешь, наткнутся сейчасъ эти дикіе скакуны и перелетятъ черезъ голову туда, гдѣ и костей ихъ не соберешь... А они

лихо вылетаютъ опять изъ обрыва на дорожку и несутся, какъ ни въ чемъ не бывало, внизъ, словно сами вселясь своимъ безумнымъ бѣгомъ...

* * *

Когда мы взобрались, наконецъ, на высоту хребта, Максиме показалъ намъ направо дорогу въ Шильды, по которой везли смертельно раненаго Вревскаго, послѣ злосчастнаго для него боя подъ Китури... По этой-же дорогѣ и Шамилевы иориды ходили въ Кахетію, въ Циндалы...

Громадная гора Ниникость-Цихе (крѣпость Ниники) въ главномъ кавказскомъ хребтѣ преграждаетъ на горизонтѣ эту дорогу. Максиме разсказалъ намъ, будто во времена оны удалой кахетинецъ Ниника застѣлъ на этой горѣ съ десятыю отчаянными товарищами своими, навалилъ себѣ тамъ окопы и башни и долгое время держалъ въ страхѣ лезгинъ, не пропуская ихъ въ родную Кахетію. Кахетинцы—природные и старые ненавистники лезгинъ. Убить хоть одного лезгина—недавно еще считалось для кахетинца священною обязанностью жизни.

Послѣ Ниники въ укрѣпленіи его поселились тушинцы, воссавшіе съ лезгинами и грабившіе ихъ изъ своего недоступнаго убѣжища. Когда глядишь на низменныя области земли отсюда, съ высоты горныхъ громадъ, то вполне понимаешь, почему дикій горецъ, владычествующій заоблачною вершиною, считаетъ своимъ естественнымъ достоинствомъ все то, что онъ можетъ окинуть отсюда своимъ хищнымъ глазомъ орла.

* * *

По страшнымъ скалистымъ кручамъ мы спустились съ гребня горнаго хребта внизъ къ границѣ дидойскаго племени.

— Тутъ Беджита!—показалъ намъ рукою направо Толхатъ, по обыкновенію оскаливши бѣлые зубы и сверкнувъ бѣлками глазъ.

— Тутъ Дидо!...

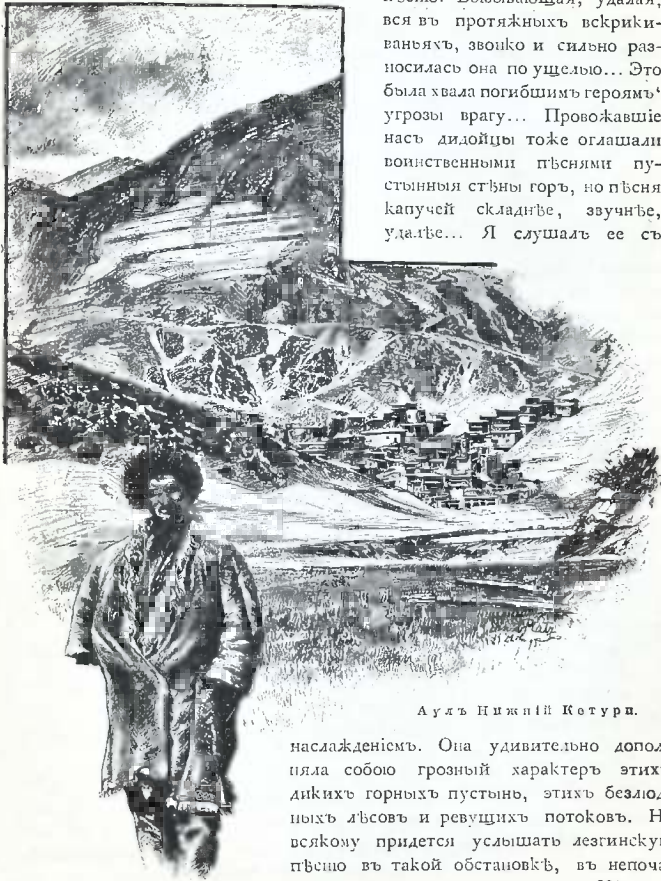
Онъ указалъ налѣво.

На сочной зеленой полянѣ, у холоднаго ручья, въ тѣни деревьевъ, уже ожидалъ насъ новый многочисленный отрядъ нукеровъ, на смѣну Толхату.

Тутъ начиналось племя беджитовъ и капучей и новое наиство.

Намъ тоже привели свѣжихъ лошадей. Позавтракавъ наскоро, мы дружелюбно простидись съ нашимъ молчаливымъ Толхатомъ и двинулись въ путь. Капучи на видъ гораздо молодцоватѣе дидойцевъ, одѣты въ тонкомъ сукнѣ, серебрѣ, въ дорогихъ оружіяхъ.

Только-что мы вступили въ длинное лѣсное ущелье, вытянувшись вереницею другъ за другомъ, — капучи запѣли хоромъ свою боевую пѣсню. Вызывающая, удаляя, вся въ протяжныхъ вскрикиваньяхъ, звонко и сильно разносилась она по ущелью... Это была хвала погибшимъ героямъ, угрозы врагу... Провожавшіе насъ дидойцы тоже оглашали воинственными пѣснями пустынные стѣны горъ, но пѣсня капучей складнѣе, звучнѣе, удачѣе... Я слушалъ ее съ

Аулъ Нижній Котурп.

наслажденіемъ. Она удивительно дополняла собою грозный характеръ этихъ дикихъ горныхъ пустынь, этихъ безлюдныхъ лѣсовъ и ревущихъ потоковъ. Не всякому придется услышать лезгинскую пѣсню въ такой обстановкѣ, въ непока-

той глуши Дагестана. Впереди джигитовъ ѣхалъ, украшенный своею должностною цѣпью, молодчина-старшина беджитской округи, громаднаго роста, смѣлый и ловкій, сопровождаемый своимъ помощникомъ...

Взятіе штурмомъ аула Кетури на лезгинской линіи, при которомъ смертельно раненъ генералъ-майоръ баронъ Вревскій, 28 авг. 1838 г.

Картина Т. Горшеля.

Надалеко растянулся нашъ живописный и воинственный отрядъ, всѣ эти многочисленные всадники въ буркахъ, съ ружьями за плечомъ, — по крутѣйшему спуску, что вслѣдъ въ ущелье Беджиты мимо множества пустыхъ хуторовъ... Мы летѣли корою рысью, будто въ

самомъ дѣлѣ торопяся на какой-нибудь набѣгъ, надъ берегомъ рѣки...
Хутора эти — своеобразная особенность здѣшняго горскаго хозяйства...

Перенесете раненаго генераль-маіора барона Вревскаго
на лезгинскойячии.

Картина Т. Горшельта.

Они населяются только зимою, когда невозможно держать скотъ
на пастбищахъ, а приходится загонять его подъ крышу, гдѣ уже за-

ранѣ собрано сѣно, рубленая солома и всякое зерно. Въ хуторахъ обширныя двухъ-ярусныя и трехъ-ярусныя сакли, уже и теперь наполненныя всякою хозяйственною всячиною... Но въ нихъ не жить теперь никто. Только строгая честность дагестанскаго горда и строгія наказанія адата оберегаютъ отъ расхищенія эти покинутыя въ пустомъ ущельѣ на произволъ судьбы полныя житницы лезгинъ, образующихъ собою цѣлыя безлюдныя деревни...

* * *

Съ удивительною безцеремонностью обращаются лезгинскіе джигиты съ лошадыю, съ дорогою, съ пропастью...

Они словно не думаютъ о нихъ и не замѣчаютъ ихъ...

Нужно объѣхать ему переднихъ всадниковъ, занявшихъ всю узкую тропу надъ обрывомъ, — онъ, не говоря ни слова, трогаетъ шпорами своего конька прямо въ обрывъ, какимъ-то чудомъ проскакиваетъ по его камнямъ и отвѣснымъ скатамъ, вися надъ пропастью, и опять спокойно выкарабкивается на дорогу, хотя лошадь его десять разъ сорвется ногами, скользнетъ подкова, хотя ей приходится тутъ прыгать и лазить, какъ любой дикой козѣ...

Точно также обскочетъ онъ васъ, когда нужно, и съ другой стороны, по выступу отвѣсной скалы, куда, кажется, и пѣшій не взберется, гдѣ на каждомъ шагѣ камни и деревья. Любо смотрѣть, какъ летаютъ эти лихіе наѣзники, просто сросшіся съ своею лошадыю, внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ, когда наибъ посылатъ ихъ развѣвать путь или сыскать что-нибудь... Легки, поворотливы, смѣлы, изящны, птицы-птицами...

Конь, кажется, мыслю чувствуетъ всякое намѣреніе всадника. Онъ вертится подъ нимъ, какъ игла въ ловкихъ рукахъ, гдѣ нужно — сгибался совсѣмъ въ кольцо, гдѣ нужно — растягиваясь, какъ кошка...

Конь, достойный всадника, и всадникъ, достойный коня!...

Кто хочетъ дѣйствительно полюбоваться на искусство наѣзничества, кто хочетъ составить себѣ понятіе, до чего можетъ дойти это превращеніе во едино существо человека вѣдущаго и звѣря везущаго, — тотъ пусть отправится въ Дагестанъ и посмотритъ на вѣду лезгинскихъ джигитовъ по кручамъ и обрывамъ здѣшнихъ горъ...

* * *

Джигиты наши опять затаили какую-то протяжную военную пѣсню... Мы сейчасъ въѣжаемъ въ аулъ.

На открытой полянкѣ, за полверсты до аула. Ждали насъ вытя-

нутые строемъ конныя и пѣшіе капучи; молодые мальчишки выстроились отдѣльно. Всѣ почтительно кланяются намъ: Все полчище потекло за нами въ тѣсную улицу Беджиты...

Беджита — одинъ изъ большихъ и богатыхъ ауловъ Дагестана. Дома большіе, въ нѣсколько ярусовъ, дѣлятся вдоль обоихъ береговъ рѣки. Крыши, галереи, улицы — наполнены любопытными, особенно дѣтми и женщинами. Нарядъ дѣвственныхъ женщинъ уже нѣсколько отличенъ отъ дидокскъ, головы просто повязаны платками, а на бешметахъ съ разрывной грудью, обычнаго здѣсь цвѣта темносиняго съ краснымъ, нашиты и навѣшаны въ нѣсколько рядовъ серебряныя монеты, подвѣски въ формѣ луны, кораллы, густыми нитями, вообще цѣлая броня разныхъ сверкающихъ и звенящихъ бездѣлушекъ. Огромныя серебряныя кольца висятъ въ ушахъ каждой беджитки, не исключая маленькѣхъ дѣвочекъ, и кромѣ того, рядомъ съ ними, другія кольца поменьше, съ тройными серебряными подвѣсками...

Какъ во всемъ горномъ Дагестанѣ, дѣвственная женщина не прячется отъ мужчинъ подъ фату и носитъ только серебро; золота не видно вовсе ни на оружіяхъ мужчинъ, ни на нарядахъ женщинъ. Дагестанъ и Грузія любятъ только серебро.

На дворѣ сельскаго старшины, Холха, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлежъ, встрѣтили насъ, среди толпы всякаго люда, выстроившіеся въ рядъ важныя бѣлобородые старіки, почетнѣйшіе жители деревни, нѣкоторые въ чалмахъ хаджи, въ широкихъ халатахъ, другіе въ бѣльяхъ, какъ свѣтъ, папахъ какихъ-то особенныхъ шелковистыхъ овчинъ.

Очень многие мужчины и дѣти, собравшіеся на дворъ, несмотря на разгаръ лѣта, были въ бараньихъ шубахъ, вывороченныхъ наружу

Генераль-маіоръ баронъ И. А. Бревскій.
Съ литографіи В. Тимма.

своей длиною, чрезвычайно волнистою шерстью, въ такихъ же длинноволосыхъ, падающихъ на лицо, папахахъ... Вся эта толпа долго стояла, тѣснясь у галлерейки дома, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ словомъ и съ любопытствомъ слѣдя за всѣми нашими дѣйствіями. Это было удивительно интересное для художника живой альбомъ самыхъ характерныхъ типовъ Дагестана. Почти всѣ—красавицы на-подборъ, плечистые, статные, совсѣмъ не подъ-пару своимъ низкорослымъ, старообразнымъ и некрасивымъ бабамъ.

Не успѣли мы устроиться на внутренней галлерейкѣ дома съ чаемъ и провизіей, какъ явился муталимъ, одинъ изъ учениковъ мѣстнаго муллы, живущій въ мечети, и прочелъ намъ на бумажкѣ написанное имъ цвѣтистое и длинное привѣтствіе на арабскомъ языкѣ, изъ котораго намъ перевели нѣкоторыя мѣста... Онъ поздравлялъ насъ съ прїѣздомъ изъ далекихъ странъ въ ихъ страну и испрашивалъ на наши головы всѣ милости Аллаха на дальнѣйшій путь нашъ... Мы, разумѣется, наградили чѣмъ слѣдовало официальное краснорѣчіе беджитскаго Демосеена, которому сопутствовала толпа мальчишекъ, глядѣвшихъ на него съ какимъ-то завистливымъ благоговѣніемъ, какъ на существо вышихъ талантовъ, способное заработать серебряный рубль нѣсколькими минутами болтовни...

На всѣхъ дѣтяхъ были надѣты очень красивые, изъ шерсти вязаные башмаки съ острыми и длинными, вверхъ загнутыми носками, собственноручное издѣліе лезгинскихъ матерей, какъ весь вообще нарядъ маленькихъ и взрослыхъ, отъ папахъ до бурки и позументовъ черкески... Такіе же башмаки всевозможныхъ пестрыхъ узоровъ, оригинальные, носятъ тутъ всѣ женщины и мужчины. Они вляжутся вмѣстѣ съ чулкомъ.

* * *

Домъ старшины довольно обширенъ, сложенъ насухо, по весьма искусно, изъ кусковъ шифера и другихъ дикихъ камней, съ небольшою примѣсью деревянныхъ столбовъ. Въ немъ четыре этажа. Въ нижнемъ этажѣ крупный скотъ, во второмъ, украшенномъ плитневою галлерейкою, козы и овцы, въ третьемъ, гдѣ теперь мы, деревянный балкончикъ съ колонками и рѣшеточкой и кунацкія комнаты... На балконы и галлерейки здѣсь постоянно взбираются по толстымъ дубамъ съ выдолбленными ступенями, приставляемымъ къ выступамъ толстѣйшихъ балокъ. Только одна комната имѣетъ маленькое окошечко, заклеенное бумагою вмѣсто стекла, остальные двѣ, уставленные тахтами, совсѣмъ темны—это спальни. Въ свѣтлнкѣ тоже стоить тахта, съ

коврикомъ, бухара (каминъ), на случай холодовъ, и низенькій, кое-какъ сбитый топоромъ, столикъ въ родъ тѣхъ самодѣльныхъ столикъ, что встрѣчаешь иногда въ шалашѣ нашихъ пастуховъ или бакшениковъ. Надъ входомъ въ кунацкую вставленъ благочестивый стихъ корана... Лезгины строить дома сами; особыхъ плотниковъ, каменщиковъ у нихъ нѣтъ, но каждый хозяинъ отлично умѣетъ класть стѣну и рубить топоромъ. Весь аулъ собирается обыкновенно на постройку дома, не требуя отъ хозяина ни платы, ни угощенья.

Самъ хозяинъ съ женами своими и дѣтми живетъ въ другомъ домикѣ, стоящемъ рядомъ съ кунацкою. Лезгины обыкновенно имѣютъ по 2 и по 3 жены, не больше. Дворъ беджитъ каго лезгина производить впечатлѣніе домовитости, обилія и трудолюбія. На многочисленныхъ дверочкахъ висятъ громадные самодѣльные замкища, съ оригинальными полуаршинными отмычками. Вездѣ на дворѣ, въ тѣни солнышка, женщины работаютъ за станками грубой плотницкой подѣлки... Онѣ не отрываютъ ни на кого глазъ и не покладдаютъ рукъ отъ работы. Беджитки, и вообще лезгинки, славятся необыкновенною плотностью, а вмѣстѣ тонкостью и нѣжностью своихъ мягкихъ, шелкозетыхъ тканей изъ шерсти желтой горской овцы. Эти «шаши» продаются дорогою цѣною и ищутся даже модницами Цифлиса.

Дагестанцы (лезгины).

Безустанная работа и грубое обращеніе мужа превращаютъ лезгинскую женщину въ какое-то выючисе животное. Въ 25 лѣтъ онѣ старухи-старухами. Ничего женоподобнаго, нѣжнаго и изящнаго не отыщете вы въ этихъ смуглыхъ, низкорослыхъ самкахъ съ грубымъ, забытымъ взглядомъ угрюмыхъ глазъ, съ неприятными мужественными чертами лица, укутанныхъ по самыя пятки, въ свои

неуклюжія одежды, согнутыхъ прежде времени, покрытыхъ морщинами... Да и какъ не обратиться въ животное, когда лезгинская женщина не знаетъ ни сна, ни отдыха, ни удовольствія.

Мужчина только пашеть и вавозитъ поле. Все остадное лежитъ на горбу женщины. Она приноситъ воду, поднимаясь ежедневно Богъ

Лезгинъ, дѣляющіе чернѣй чеканъ на серебряныхъ оружіяхъ и вещахъ.

знаетъ изъ какой пропасти на какую кручу, притомъ не только взрослая, но даже и маленькая дѣвочка; она тащитъ дрова изъ лѣсу, муку съ мельницы, сама мелеть эту муку на ручномъ жерновѣ; женщину свою лезгинъ посылаетъ съ огромными тяжестями даже черезъ перевалы горъ, куда-нибудь въ Кахетію, когда ему жалко яшака и лошаки или когда ихъ вовсе нѣтъ у него. Лезгинка убираетъ хлѣбъ, обшиваетъ, обмываетъ, кормитъ и поитъ весь домъ свой, ходитъ за скотиной, вынашиваетъ дѣтей... Какъ-бы поздно ни возвратился хозяинъ изъ поѣздки своей, вѣрная раба-жена должна терпѣливо ждать его у порога, принять и накормить его усталого коня, уложить спать своего владыку и потомъ

вскочить до зары, чтобы приготовить ему къ его пробужденію любимое его толокно съ чеснокомъ, нанести воды и дровъ, выполоскать грязную одеждy, почистить коня, задать кормъ скоту или выпустить его на пастбище...

Наградой ей почти всегда бываетъ одна брань да удары нагайки. Лезгинъ стыдится даже говорить съ женою при людяхъ, не только оказывать ей ласку. А между тѣмъ, неутомимымъ трудолюбіемъ и разносторонними искусствами своей женщины лезгинъ имѣетъ въ своей жизни все, что нужно ему, почти безъ всякихъ расходовъ. Что ни увидите вы на лезгинѣ—его граціозную черкеску, отороченную серебрянымъ позументомъ, его ярко расшитый чепракъ, его шапку, его бурку,

его сапоги,—все это домашнее издѣліе однѣхъ и тѣхъ-же женскихъ рукъ; онѣ сами воспитываютъ ему овцу; онѣ сами стригутъ, сами моютъ, чешутъ и прядутъ ея шерсть, сами ткуть ткани изъ этой шерсти, сами кроютъ и шьютъ одежды изъ этихъ тканей...

* * *

Холка зарѣзала намъ барана, и мы съ дѣтскимъ удовольствіемъ накупились на вкусный, горячій шашлыкъ послѣ того, какъ уже нѣсколько дней не ѣли ничего, кромѣ своей холодной и залежавшейся дорожной провизіи.

Наѣвшисъ, мы пошли побродить по аулу, благо не наступила еще ночь. Старшина-хозяинъ и нашъ неизвѣнный Максиме сопровождали насъ, не считая цѣлой вереницы дѣтей и взрослыхъ, потянувшейся вслѣдъ за нами на улицу и постоянно разраставшейся по мѣрѣ движенія нашего, отъ прилива новыхъ любопытныхъ. Ауль сдвинулся къ самымъ берегамъ быстрой и шумной, водопадами низвергающейся рѣчки, по которой жители сплавляютъ себѣ лѣсъ изъ верхнихъ лѣсныхъ долинъ... Нѣсколько мельницъ устроено на ней въ аулѣ. Каменные обширные дома въ 3 и 4 яруса, почти безъ оконъ, окруженные дворами, сами по себѣ надежныя бойницы для защиты этой тѣснины. Но съ обѣихъ сторонъ аула, на высотахъ скалъ, образующихъ ущелье, видѣются полуразрушенныя башни грозныхъ замковъ, недавно еще оберегавшихъ селенье, куда въ минуту опасности уходили отстрѣливаться отъ русскихъ отчаянные удалцы Беджиты... Живописенъ и оригиналенъ видъ этихъ домовъ-ступеней, нагроможденныхъ другъ на друга; вездѣ сушатся на солнцѣ волнистыя овчины, висятъ пучки горныхъ травъ, сидятъ безъ устали работающія женщины...

На насъ смотрятъ, какъ на невиданныхъ дикихъ звѣрей, съ подозрительнымъ любопытствомъ, съ худо скрытымъ недружелюбіемъ. Военныхъ москововъ еще понимаетъ лезгинъ: они начальство, они являются въискать подать, наказать, взять кого-нибудь... Но мы, съ нашими презрѣнными гражданскими фигурами, и цѣль нашего далекаго, рискованнаго путешествія кажутся неразрѣшимой загадкою этимъ людямъ коня и кинжала...

* * *

Старшина предложилъ намъ взобраться на крышу мечети, торчашей надъ ауломъ, откуда можно окинуть взглядомъ весь Беджитъ...

Толпа праздныхъ капучей уже сидѣла тамъ, въ тѣни притвора,

спѣшно бесѣдая другъ съ другомъ въ этомъ безхитростномъ своемъ деревенскомъ клубѣ...

Два, три старика въ чалмахъ сердито набросились на старшину, увидя, что онъ ведетъ на крышу мусульманскаго святилища нечестивыхъ собакъ-урусовъ... Старшина смутился и остановился, неловко оправдываясь. Но Максиме, привыкшій къ собачьей бранчивости лезгинъ и очень мало обращающій вниманія на нихъ, уговорилъ насъ не останавливаться, а лѣзть за нимъ...

Дѣйствительно, мы успѣли спокойно налюбоваться себѣ на картину живописнаго ущелья съ высоты мусульманскаго храма и спокойно спуститься съ него, пока старшина грызся внизу съ разсвирѣпѣвшими хаджи, черезчуръ ретивыми охранителями чистоты ислама...

Насъ не укусили и не зарѣзали они за наше дерзновение, а только метали на насъ молніи своихъ злыхъ старческихъ глазъ, когда мы съ нѣсколько натянутымъ хладнокровіемъ проходили потомъ мимо ихъ пестрой, шумѣвшей толпы...

* * *

Мы встали до зари, а безмолвная, ни на кого не смотрѣвшая женщина, безостановочно работавшая своимъ челнокомъ, — что ушла со двора только съ наступленіемъ темной ночи, — уже опять сидитъ за скрипучимъ станомъ, опять перебрасываетъ свой проворный челнокъ изъ одной руки въ другую, давно успѣвъ подоить коровъ.

Однако, аулъ еще спалъ.

Мы выбирались изъ него мимо низенькой каменной стѣнки, въ которой было сдѣлано много углубленій съ арабскими надписями, съ вѣданными плитами изъ известняка. Это памятники убитымъ на войнѣ, которые вездѣ здѣсь ставятся по дорогамъ, при вѣздѣ въ аулы. Часто вокругъ нихъ натканы палочки съ разноцвѣтными тряпками, на память отъ родныхъ и почитателей убитаго, въ родѣ того, какъ мы украшаемъ вѣнками гробницу дорогаго намъ покойника.

Мы быстро двигались, пользуясь прохладой утра, по лѣсной долине рѣки Ошлита. Серны стаями бродятъ по этимъ лѣсамъ. Галереи домовъ въ Беджитѣ и другихъ аулахъ постоянно украшаются неискусно приткнутыми рожками этихъ милыхъ животныхъ.

Мы проѣзжаемъ сначала черезъ пустыя хутора горцевъ, полные теперь только сѣна и «самана», въ которые на зиму переселяется вся шумная жизнь ауловъ, оставляя наверху, среди снѣговъ, одного только мулу, выкрикивающаго въ мечети въ обычные часы обычной молитвы.

Честность дагестанскихъ горцевъ между собою такова, что въ этихъ опустѣвшихъ аулахъ, покинутыхъ безъ всякой стражи, никогда не случается ни воровства, ни поджоговъ. По мѣрѣ подъема долины, видъ ауловъ дѣлается все грознѣе. Тутъ всѣ аулы съ высокими башнями, торчащими на утесахъ, и сами забираются на неонисанную высоту.

Ауль Тледалъ весь цѣтнитися однимъ бойницами. Гуиза (или Гендзевъ) едва виденъ на своихъ отвѣсныхъ скалахъ, поднятыхъ въ самое поднебесье... Кажется, въ двое сутокъ не докарабкаются до него; хотя онъ виситъ прямо надъ головою, на карнизѣ титанической стѣны... Отказываешься понять, какъ это люди, живущіе въ этихъ орлиныхъ гнѣздахъ, сообщаютъ другъ съ другомъ. Поневоля человѣкъ обратится тутъ въ хищную птицу, въ дикаго горнаго звѣря и выработаетъ себѣ въ этомъ вѣчномъ, невольномъ пустыни-

Дагестанцы (тэзгины).

чествъ своемъ вмѣсто пѣвучаго, члено-раздѣльнаго языка цивилизованныхъ племенъ какой-то хриплый гортанный крикъ.

Ауль Тарбашъ еще не воскресъ изъ развалинъ, въ который онъ былъ обращенъ русскими пушками при усмирении послѣдняго возстанія. Всѣ эти хищныя гнѣзда, спрятанныя въ непроходимой глуши, на недоступной высотъ горъ, стали первымъ очагомъ возстанія, и вооруженная воляница ихъ первая спустилась черезъ Сацхени въ Кахетію, убѣжденная турецкими эмиссарами и своими фанатическими мулами, что побѣдоносное войско калифа уже беретъ Тифлисъ и только ждетъ храбрыхъ горскія дружины, чтобы навѣки освободить Дагестанъ и весь горный Кавказъ отъ собакъ-москововъ. Полковникъ Шкуринскій поколотилъ эти лезгинскія скопища и прогналъ ихъ назадъ въ горы, от-

бивъ набрабленныи въ Кахетинъ скотъ и пльнниковъ, и разсылъ всякя иллюзии насчетъ калифа.

IV.

Наибъ Захаря.

ТЪСНИНА Андуха — одна изъ ужаснѣйшихъ въ Дагестанѣ по своей дикости и непроходимости. За то же она и поражаетъ своею грозною живописностью. Ревъ бѣшено несущейся, тѣсно спертой рѣки — потрясаетъ это глухое, темное ущелье... Отвѣсныя стѣны необозримой высоты идутъ непрерывнымъ узкимъ коридоромъ на многія версты, безнадежно сдавливая съ обѣихъ сторонъ бурные водовороты совѣмъ черной рѣки...

Горнымъ ручьямъ уже некуда и не по чѣмъ стекать въ эту рѣку, словно врубленную въ глубокое дно исполанскаго каменнаго ящика. Они низвергаются прямо изъ поднебесья, съ карниза стѣны, почти не достая до мутныхъ волнъ Ошиита своей тонкой струей, превращающейся въ незримое воздушное облако мельчайшихъ брызгъ...

Солнца нѣтъ здѣсь; здѣсь еще глухая ночь, хотя уже 9 часовъ; ди солнца здѣсь и не бываетъ почти вовсе: глянетъ на часокъ, два, около полудня, пока можно въ макушку свѣтить, а чуть спустилось ниже скалы — титаны сейчасъ загоролятъ ущелье, что роется у подошья ихъ...

Мрачно, сыро и жутко въ этомъ мрачномъ ущельѣ. Оно напоминаетъ мнѣ ту безлюдную Trümletenthal, полную разрушенья и хаоса, по которой катаетъ свои снѣжныя лавины швейцарская горная дѣва — Юнгфрау.

И тутъ снѣговые завалы на каждомъ шагу. Имъ уже, видно, не растаетъ въ цѣлое лѣто. Гигантскіе стволы сосенъ, какъ рѣдкіе волосы, покрываютъ стѣны ущелья, уходя вмѣстѣ съ ними подъ облака, параллельныя почвѣ, на которой держатся они. Множество ихъ навалено бурями по обрывамъ кручи, среди камней и волнъ рѣки... Они лежатъ тутъ какъ попало, другъ на другѣ, корнями вверхъ, макушкой внизъ, будто рать посѣченныхъ богатырей... Драгоценныя, словно литыя, столбы, прямые какъ стрѣлы, высокіе какъ мачты, 12 и 15 четвертей въ обхватѣ... Цѣлые лѣса ихъ мѣстами срѣзаны и снесены въ пропасть силами стихій, дождемъ каменныхъ обваловъ, снѣговыми лавинами, горнымъ ураганомъ или ливнемъ...

Жалкими кучками муравьевъ кажутся намъ съ высоты этихъ подблачныхъ скалъ, въ грозной обстановкѣ этого дикаго ущелья, толпы рабочихъ, что копошатся на той сторонѣ, у подошвы необъятныхъ каменныхъ твердынь, своими кирками и ломами безнадежно кодушая ихъ чугунную броню, подсыпая и ровняя словно горсточкою ребенка тѣ случайныя морщинки могучей горы, по которымъ человѣкъ пробить свои утлые тропы, впредь до перваго обвала, до перваго горнаго дождя...

Это капучи работаютъ по наряду новую дорогу черезъ ущелье. Съ нашей стороны кипитъ та-же жалкая муравьиная работа, но тутъ уже не капучи, а анцухды, земли которыхъ примыкають къ лѣвой сторонѣ рѣки... Дагестанскіе горцы вообще удивительные мастера пробивать дороги черезъ непроходимыя, голыя стѣны, и наши инженеры могли-бы въ этомъ дѣлѣ поучиться у нихъ... Здѣсь почти всѣ дороги проводятся мѣстными средствами и натуральной повинностью, подъ руководствомъ наибова... Завидя нашу кавалькаду, мучительно карабкашюся по обрывамъ скалъ, партіи рабочихъ на той сторонѣ рѣки бросали свои орудія и выстраивались въ рядъ, провожая насъ звуками зурны и барабана... Человѣку просто стать негдѣ, а они ползають смѣло и проворно, какъ ящерицы, по голымъ выступамъ скалъ, догоняя другъ друга и другъ съ другомъ играя...

* * *

Ци мы, и лошади давно выбиваемся изъ силъ. Все уже дѣлается тѣснѣе, все невозможнѣе подъемы и спуски...

Цѣлые часы сряду не перестаешь висѣть, какъ паукъ, надъ ревущою бездною, дѣпяясь какъ паукъ, качаясь какъ паукъ... Лошадь своими гладкими подковами насилу одолеваетъ непрерывную крутизну круглыхъ череповъ, обрывистыхъ утесовъ, осыпающихся тропинокъ, на которыя то взлѣзаешь, то слѣзаешь безостановочно... Не разъ уже она срывалась и скатывалась назадъ, едва успѣвъ зацѣпиться за какой-нибудь выступъ... Очень часто приходится карабкаться, какъ на колокольню, по громаднымъ ступенямъ, вырубленнымъ или вытоптаннымъ въ сырцѣ скалы... Лошадь просто обращается тогда въ кошку.

Трепещешь за каждый шагъ ея; ея тяжкое мучительное дыханіе больно отдается въ вашей собственной груди... Налитые кровью и ужасомъ, выпученные глаза ея, ея насквозь промокшая отъ поту голова и шея, ея трясушіяся, какъ въ лихорадкѣ, ноги—смущають самый безжалостный и непоколебимый духъ... А справа все время, прямо подъ вашимъ локтемъ, подъ висящей ногой вашей,—страшная пропасть, на днѣ которой ревутъ черные водовороты Ошлита... Спускаться по этимъ

отвѣснымъ порогамъ на дно пропасти—еще страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ даже подниматься по нимъ...

А эти спуски, эти подъемы на каждомъ шагу...

Какъ нарочно, ничто не заслоняетъ тутъ роковой правды, насъ окружающей; скалы праваго берега, провожающія насъ, глядящія намъ прямо въ глаза, на одномъ съ вами уровнѣ своими лѣсистыми вершинами, своими камнями, нависшими въ угрожающемъ безмолвіи надъ карнизомъ пропасти, говорятъ намъ слишкомъ ясно и наглядно, на какую головокружительную высоту забрались вы теперь...

* * *

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны горъ отрѣзаны, какъ ножомъ, тогда намощены вдоль ихъ сосновые стволы, засыпанные мелкимъ камнемъ, не больше аршина шириною отъ скалы... Иногда эта висидя галлерейка лѣпится подъ такими низкими выступами скалъ, что всаднику нужно прилечь къ самому сѣдлу, чтобы не разбить себѣ головы.

Два раза приходилось переправляться черезъ водовороты Ошлнта; въ одномъ мѣствѣ конь Илеко опрокинулся въ рѣку, и молодой князь выскочилъ изъ воды весь мокрый. Этотъ смѣлый юноша еще нигдѣ не слѣзъ съ коня, даже тамъ, гдѣ отвѣсныя аршинныя ступени заставляли спѣшиваться самыхъ ловкихъ наѣздниковъ. Лезгинскіе Джигиты, провожавшіе насъ, которыхъ вообще трудно удивить чѣмъ-нибудь, были въ восторгѣ отъ его хладнокровія и неустранимости.

— Илеко! у-у, Илеко! — говорили они, сочувственно показывая головою на юнаго всадника и осклабялись радостными улыбками. — Джигитъ Илеко!...

Они, очевидно, признавали его своимъ, вполне достойнымъ дагестанскихъ горъ и дагестанскаго коня...

* * *

Пора было объѣхать, и мы выбрали для этого зеленую лужайку на берегу рѣки, которая здѣсь рѣчки, но безъ которыхъ трудно бы-ваетъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ. Хочется и самимъ растянуться на травѣ, въ тѣни деревьевъ, послѣ долгихъ утомительныхъ часовъ верховой ѣзды, и дать какое-нибудь приволье измученнымъ лошадакамъ своимъ.

Надъ нами, на недосыгаемой высотѣ, виситъ, словно въ самыхъ небесахъ, ауль Чода-Коло. Въ крѣпости около этого аула во время возстанія были даже двѣ пушки, которыя при усмиреніи горцы бросили сверху въ рѣчку Квонъ-Оръ, но наши солдатики разыскали оба орудія и вытащили ихъ изъ воды.

При поворотѣ ущелья мы встрѣтили наконецъ Аварское-Койсу, эту главную центральную рѣку всего Дагестана. Тутъ особенно трудно прослѣдить течение рѣкъ, потому что одной и той-же рѣкѣ каждая община придаетъ свое собственное названіе. Аварское-Койсу, напримѣръ, переимѣняетъ по крайней мѣрѣ десять разъ свое имя, по именамъ старыхъ ауловъ, мимо которыхъ течетъ. Устья двухъ ущелій открываются въ русло Аварскаго-Койсу... Башни и замки вѣнчаютъ отдѣльные, какъ форты, скалистые утесы, защищающіе входы въ ущелья. Надъ ними, на страшныхъ альпійскихъ высотахъ, виднѣются темныя силуэты ауловъ, а надъ всѣми этими ужасами, высотами и аулами, на далекомъ заднемъ планѣ широкой картины, вырѣзаются на синемъ фонѣ жаркаго лѣтняго неба тихо сіяющіе вѣчные снѣга Кавказа...

* * *

Мы напрасно потратили часть времени и свою отщавшую провизию.

Только-что открылась передъ нами зеленая полукруглая низина между излучинами рѣки, весело отъенная купами деревьевъ, какъ мы увидѣли цѣлый отрядъ разодѣтой и вооруженной лезгинской конницы, выстроенной вдоль берега рѣки... Это встрѣчалъ насъ извѣстный въ Дагестанѣ наибъ Захарія съ своими джигитами...

Онъ принялъ насъ съ торжественнымъ гостепрѣимствомъ какого-нибудь независимаго арабскаго шейха.

Шатеръ изъ густо натканныхъ берзовыхъ вѣтвей, усланный коврами, ожидалъ насъ въ тѣни деревьевъ.

Наибъ Захарія — личность замѣчательная въ Дагестанѣ. Это богатырь, какихъ мало встрѣтишь даже и въ этой странѣ непопчатой силы.

Очеркъ Кавказа.

Дигуэскій наибъ.
Картина Т. Горшелева.

Огромнаго роста, съ могучими плечами, съ высокою бѣлою папашою на головѣ, съ темною крашеною бородою и пронизательнымъ огнемъ своихъ умныхъ черныхъ глазъ, онъ напоминалъ своею величественною осанкою Шамиля, у котораго долго служилъ любимымъ мюридомъ.

Онъ, кажется, безъ труда раскололъ-бы на-двое коня и всадника своею кривою шашкою, что видала видъ на своемъ вѣку

Трудно не повиноваться этому грозному властительному взгляду, этой подавляющей силѣ мышцъ, этому исполинскому росту, превышающему обычные размѣры человѣческихъ организмовъ. Восточному дикарю-горцу необходимы такіе вполне ему понятные, вполне для него убѣдительные вожжи, и другихъ онъ не въ состояннн постигнуть.

Наибъ Захарія, впрочемъ, беретъ не однимъ виломъ, не одною тѣлесною мощью своею. Это — ловкій и искусный человѣкъ на всѣ практическія дѣла: У Шамиля онъ былъ начальникомъ инженерной и артиллерійской части и съ изумительною изворотливостію самоучки, безъ всякихъ техническихъ средствъ, возводилъ ему укрѣпленія въ Гунибѣ и другихъ его притонахъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Гунибѣ, рядомъ съ Шамилемъ, отчаянно защищая его до послѣдней минуты, а съ тѣхъ поръ, такъ-же какъ Толхатъ и другіе Шамилевы наибы, перешелъ на службу русскому царю и остался ему непоколебимо преданнымъ, несмотря на тяжкое испытаніе 1878 года. Захарія представлялся покойному государю, при посѣщеннн имъ Гуниба, и получилъ отъ него разрѣшеніе носить на своей черкескѣ зеленый кантъ инженера, въ ознаменованіе его инженерныхъ талантовъ.

Это вниманіе государя къ его техническимъ свѣдѣніямъ наполняетъ Захарію особенною гордостью и торжествомъ: онъ, какъ ребенокъ, утѣшается на свое отличіе и непременно расскажетъ о немъ всякому.

Да и теперь Захарія не оставляетъ своего любимаго занятія. Его настойчивыя заботами и его тонкою опытностію въ дѣлѣ горныхъ путей уже проведена не одна удобная дорога черезъ такіа непроходимыя ущелья и недоступныя кручи, куда недавно еще не отваживались пускаться самые безстрашные горскіе пастухи...

Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да царя-орлы...

Замѣчательна дешевизна этихъ патріархально-устроенныхъ дагестанскихъ Симпლოновъ, которая пристыдитъ самыхъ воздержныхъ смѣты нашихъ инженеровъ... Правда, и средства для работы употребляются наибами вполне патріархальныя... Несмотря на всю гордость вольно-

любивыхъ лезгинъ, наибъ жестоко съчтетъ ихъ за неисполненныя работы, за лѣнь и небрежность. Это вполне въ нравахъ лезгинъ, и они не видятъ въ этомъ «законномъ» взысканіи начальства» покушенія на свою свободу...

Наибъ былъ чрезвычайно любезенъ съ нами. Послѣ официальной встрѣчи во главѣ своего отряда, онъ усадилъ насъ на ковры своего шатра, куда уже нѣсколько нукеровъ поспѣшно несли давно приготовленный обѣдъ... Чего-чего не натащили намъ гостепріимный наибъ въ эту горную глушь! И чай, и сыръ, и всякія мяса, и всякія вина... Даже шампанское оказалось...

Но для насъ показали вкуснѣе и характернѣе настоящія горныя яства, всего болѣе приличествовавшія этому походному пиршеству на берегу Аварскаго-Койсу, подъ сѣбною заоблачныхъ башенъ, среди толпы воинственныхъ джигитовъ, при клекотѣ орловъ...

Только-что застрѣленный вчера на этихъ самыхъ горахъ, въ чащѣ приотвишихъ насъ дѣсовъ, рогатый олень служилъ основой обѣда. Мы обѣдались горячимъ душистымъ мясомъ его, которое подавали намъ то варенымъ, то зажареннымъ въ румяные, сочные кусочки шашлыка. Кажется, дѣльный полкъ провожаетъ насъ съ пѣснями и звономъ оружія... Насилу упростили радушнаго наиба отпустить по домамъ большую часть всадниковъ.

Все-таки десятка полтора джигитовъ остались въ нашемъ конвоѣ...

* * *

Признаться, мы послѣ не разъ благодарили предусмотрительнаго наиба за этихъ провожатыхъ. Безъ толпы ловкаго и смѣлаго народа тутъ шагъ сдѣлать нельзя. Горная тропа въ Дагестанѣ—это нѣчто очень невѣрное и очень условное. Вчера она была. Ночью пролилъ дождь, осыпался краешекъ скалы — и сегодня нѣтъ ея, нѣтъ пробѣда ни туда, ни оттуда... Необходимо въ каждую минуту присутствіе такой силы, которая въ самое короткое время могла-бы расчищать дорогу, могла-бы ухватить васъ, какъ на крыльяхъ, и перемчатъ въ какой-нибудь невообразимый объѣздъ, прежде чѣмъ вы успѣли опомниться отъ ужаса... Одного джигита пошлешь стрѣлою впередъ заготовить свѣжихъ лошадей или ночлеги, другого — раздобыть воды изъ горнаго ключа, третьяго—въ сосѣдній аулъ скликать народъ на поправку разрушеннаго переѣзда... Пятый несется въ объѣздъ на горы осмотрѣть— не лучше-ли пробѣхать другой тропой... Словомъ, съ ними чувствуешь, что у тебя есть и руки, и ноги, что съ ними ты пробѣдешь вездѣ, и найдешь все, что тебѣ нужно.

Дѣйствительно, это — птицы, а не люди; не успѣшь подать ему походный кувшинъ для воды и показать головой на рѣвку, онъ уже тамъ внизу... Лѣзеть себѣ съ лошадыю прямо съ обрыва, словно у нея какіе-нибудь крючки, а не копыта... И оттуда наверхъ опять по стѣнѣ, не останавливаясь, рысью, только нагайкой угощаютъ конька; одна минута—и ужь воду подаетъ... Для нихъ вездѣ дорога, имъ все возможно... Даже и не птицы, а черти какіе-то, проворные, ловкіе и безстрашные.

Слѣзаетъ черѣзъ дьявольскія кручи версть за 10 въ аулъ и обернется, какъ ни въ чемъ не бывало, вамъ навстрѣчу донести, что лошади заказаны, что квартира готова... Словно въ другую комнату сбѣгаль. Таковы они и въ обычной жизни своей. Лезгинъ сбѣзаетъ 100 верствъ лишнихъ, чтобы купить вещь однимъ абазомъ дешевле, чѣмъ въ ближнемъ аулѣ. Разстояній, опасности, утомленія—не существуетъ для него. Въ каждомъ селеніи назначено 20—30 человекъ изъ лучшихъ семействъ аула—отправлять конвойныя службы всякаго рода, гдѣ требуется быстрый конь, хорошая одежда и вооруженье. За то ужь ихъ не требуютъ ни на какія мѣстныя работы. Лезгины очень любятъ эту праздную и почетную обязанность, гдѣ имъ приходится только гарцовать на встрѣчахъ и на проводахъ начальства, пѣть свои военныя пѣсни да обгоняться другъ съ другомъ въ неистовой скачкѣ...

* * *

Одѣты лезгины превосходно. Это уже не оборванные «орлы» индійскихъ ауловъ... На всѣхъ тонкое, цвѣтное сукно, всѣ въ серебрѣ, въ дорогое оружіи, на отличныхъ конькахъ. Лезгинъ мало черныхъ. Они большею частью русые или рыжіе, съ маленькими, плотно остриженными бородками, торчащими впередъ, съ длинными, тоже впередъ торчащими носами, съ бритыми до-сини головами, и только на вискахъ темнѣютъ корогенкія полосы волосъ, въ родѣ банкенбардъ... Вообще фигуры въ высшей степени характерныя, статныя, красивыя...

Это—прирожденная конница, тѣ кентавры греческихъ легендъ, которыми въ глазахъ младенствующаго человѣчества были населены дикія дебри горъ, лѣсовъ и степей.

Дѣйствительно, человекъ тутъ сросся съ лошадыю въ одно существо...

На хребтѣ ея удобнѣе и покойнѣе, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ... Его голова управляетъ, его руки бьются и дѣйствуютъ, а ноги ея уносятъ и переносятъ его съ стремительностью бури куда нужно, когда нужно...

Оттого-то всадникъ Кавказскихъ горъ кажется глазу художника чѣмъ-то въ высшей степени изящнымъ и созершеннымъ. Онъ вполне выражаетъ собою идею, лежащую въ его основѣ.

Мурда съ набекимъ знаменемъ.
Изъ альбома Т. Горшельта.

Что-то легкое, быстрое, смѣлое, неотразимое въ этомъ четвероногемъ на чугунныхъ копытахъ, перескакивающимъ пропасти, поражающимъ врага мѣткою пулею винтовки, набѣгающимъ, убѣгающимъ съ

неожиданностью молнии, съ неустрасимостью и силою орла... Кавказскій горецъ самъ чувствуетъ свою органическую связь съ конемъ и едва не признаетъ его нераздѣльнымъ половиною самого себя, точно такъ какъ цивилизованный европеецъ признаетъ свою половиною любящую жену.

И дѣтей, и женъ отдастъ истинный горецъ за своего удалаго коня...

* * *

Я считаю большою ошибкою рутинныя стремленія нашей военной администраціи обратить степную и горную вольницу нашу въ такое-же регулярное войско, какъ наши обыкновенные кавалерійскіе полки. Казачество уже сильнѣйшимъ образомъ испорчено этой искусственною тенденціей. Нѣтъ сомнѣнія, что тому-же теоретическому, обобщающему влиянію, стирающему въ личныя и мѣстныя особенности, подвергнется по логикѣ вещей и эта изумительная горская кавалерія, что и отъ нея станутъ не нынче—завтра требовать того правильнаго строя, тѣхъ книжныхъ знаній и присмовъ, которые противны ихъ природѣ, ихъ вкусамъ, всему ихъ прошлому, въ которыхъ они несомнѣнно окажутся назадъ самыхъ безталанныхъ кавалеристовъ Европы. А между тѣмъ точно также несомнѣнно, что это насиліе надъ природою, это невѣжественное пренебреженіе живыми готовыми силами погасить въ горцѣ, какъ уже отчасти погасило въ казакѣ, тотъ ничемъ незамѣнимый огонь боевого вдохновенія, которымъ онъ такъ силенъ теперь, убьетъ въ немъ тѣ всосанныя вѣками привычки, вкусы, таланты и опыты, которые дѣлаютъ изъ каждаго лезгина или чеченца своего рода художника и мастера боевыхъ дѣлъ...

Не къ чему намъ мудрить надъ природою!

Величайшая наука состоитъ только въ томъ, чтобы вѣрно уразумѣть природу и воспользоваться ея неизмѣримыми силами такъ, какъ подобаетъ пользоваться...

Мы имѣемъ въ борьбѣ съ цивилизованою, но, къ сожалѣнію, еще крайне воинственною и крайне алчною Европою, такое оружіе, которому она должна завидовать, котораго она должна бояться и котораго она не замѣнитъ у себя никакими учеными школами и никакими остроумными изобрѣтеніями...

Эта наша безчисленная иррегулярная кавалерія,—наше казачество всякихъ именъ, наши кавказскіе наѣзники грузинскаго, лезгинскаго, черкесскаго племени ..

Какая-бы строгая и умно-разсчитанная военная школа ни ломала

мирнаго земледѣльца или фабриканта, она никогда не будеть въ силахъ пересоздать натуру его, вложить въ него тѣ удалые инстинкты хищнаго звѣря, ту чуткость и ловкость дикаря, какими обладаютъ степной кочевникъ и воинственный горецъ...

Изъ овецъ, коровъ и лошадей—никакая наука не сдѣлаеть волка или барса... У Россіи пока полны руки этихъ звѣриныхъ стай своего рода, вредныхъ ей въ другомъ отношеніи, но бездѣльныхъ съ точки зрѣнія войны.

Вмѣсто того чтобы обременять мирнаго хлѣбопашца своего обязанностью ненавистной ему, непривычной службы на конѣ съ копьемъ и саблей, вмѣсто того чтобы дѣвною тяжкихъ усилий и расходовъ формировать изъ этихъ хлѣбопашцевъ полки неуклюжихъ увальней,—не лучше-ли предоставить естественный просторъ тѣмъ народностямъ Россіи, которыхъ всѣ идеалы, вся жизнь—въ войнѣ и удали, которыхъ сами собою не сбѣгаютъ съ коня, не разстаются съ пудей и киш-жадомъ?

Звѣри войны, для войны родившіеся, алчущіе войны, наслаждающіеся войною, пусть идутъ на войну, пусть упражняютъ тамъ свои природные таланты и влеченія; животныя труда и мира, крѣпкія своей бороздѣ, своему дому,—пусть трудятся за нихъ и кормятъ ихъ...

Въ этомъ было-бы истинное равноправіе, истинная справедливость... Во всякомъ случаѣ справедливѣе, чѣмъ брать налогъ съ воинственнаго жителя заоблачныхъ каменныхъ утесовъ или заставлять воевать человека, боящагося выстрѣла ружья.

Не гозоря уже, что это было бы стократъ дешевле, потому что горецъ и казакъ умѣютъ безъ всякихъ разорительныхъ интендантовъ и комиссаріатовъ, безъ всякихъ торговъ и подрядовъ, всегда имѣть оружіе въ серебрѣ и сытаго коня, и красивое платье...

V.

Тѣснины Аварскаго-Нойсу.

КОНЧИЛИСЬ дѣсистые хребты и тѣснины дидойцевъ, капучей, андухцевъ.

Мы теперь въ самой сердцевинѣ голаго, сухого, скалистаго Дагестана, этой «страны горъ».

Безотрадные, безнадежныя громады, сѣро-желтыя, сѣрыя, черныя,

набросаны другъ на друга, словно въ первобытномъ хаосѣ, когда титаны взирались по нимъ на приступъ неба...

Темно-бурая лента Аварскаго-Койсу разрѣзаетъ глубоко внизу эти сплошныя каменные твердыни, купающія въ облакахъ свои причудливо изгрызанныя верхушки...

Безпробудная глухая пустыньность наполняетъ это безконечно-длинное, безлюдное, безлѣсное, совершенно безоливное ущелье, этотъ многоверстный каменный коридоръ, по которому катитъ свои сердитыя черныя волны дикій отшельникъ Койсу. Страшно посмотрѣть снизу на ту недостижимую высь, на которой ползутъ, какъ крошечныя мушки, вдоль карниза титанической скалы, опередившіе насъ выюки. Мы рѣшительно отказывались вѣрять, что и намъ придется сейчасъ слѣдовать за ними, подниматься на тѣ-же заоблачныя кручи... Опытный Максиме поступаетъ съ нами какъ съ малыми дѣтками и отлично дѣлаетъ. Онъ убѣждаетъ насъ сначала, что это вовсе не наши выюки, что это лезгиня пробираются изъ своихъ верхнихъ ауловъ по козьимъ тропамъ... Потомъ, когда мы уличаемъ его и убѣждаемся, что это дѣйствительно наши нукеры и наша клады, онъ съ искусно разыгранною горячностью ругаетъ глупыхъ нукеровъ, выбравшихъ такой опасный путь для сокращенія какихъ-нибудь пяти верствъ, и клянется намъ всѣми клятвами, что мы и не подумаемъ лѣзть за ними, что мы отправимся въ объѣздъ по отличной, чуть не колесной дорогѣ, и что нужно только какихъ-нибудь полчаса терпѣнія, чтобы перевалить на эту дорогу черезъ ближнюю скалу, немного, правда, крутую, но насколько не опасную.

Мы радостно развѣшивасмъ уши передъ этимъ соблазнительнымъ пѣніемъ нашей боролатой сирены и съ довѣрчивостью простаковъ вооружаемся всѣмъ своимъ мужествомъ, чтобы одолѣть эту «последнюю» невообразимую кручу, послѣ которой, мы не сомнѣваемся, все пойдетъ какъ по маслу. Но круча съ каждымъ шагомъ дѣлается все неодолимѣе, все безнадежнѣе... Только-что конь доберется, съ неестественными усилиями, по голой скользкой плитѣ туда, гдѣ глазу мерещится снизу отдаленная ровная полянка, вѣнчающая темя скалы, какъ вырастаетъ надъ головою новый, еще болѣе неприступный, еще болѣе невозможный обрывъ, и выбившійся изъ силъ конь, потный, трясущійся всѣми членами, вынужденъ опять вдохновляться безжалостными ударами навайки на новый подъемъ... Добрался, кажется, еще разъ, но тамъ новая стѣна, новая круча, а сила у лошади все меньше, а страхъ въ тебѣ все растетъ... Вотъ-вотъ, думаешь, не выдержишь бѣдная животица, — сорвется разъ, другой, поползетъ назадъ, приметъ, какъ коза,

Черкесы въ походѣ.

Исх. кн. Гр. Гагарина.

собравъ послѣднія силышки,—не удержится на гладкомъ обрывѣ и покатится себѣ, словно сорвавшійся сверху камешекъ, головою внизъ, по очереди придавивая застрявшія въ стремена ноги всадника, пока не шмякнется туда, въ страшную глубину, куда даже оглянуться жутко, неразличимый комокъ костей и мяса... Конечно, это пока еще одна фантазія, но что-же дѣлать, когда отъ фантазій никакъ отдѣлаться не можешь, когда сама эта кавказская и дагестанская поѣздка моя вызвана ничѣмъ инымъ, какъ именно этою глупою фантазіей... Впрочемъ, гомерически-простые рассказы, которые изрѣдка передаютъ мнѣ Максимъ и Павле, проѣзжая особенно скверныя мѣста, мало помогаютъ успокоенію нашей возбужденной фантазіи.

Вотъ съ этого утеса въ прошломъ году свалился совсѣмъ съ конемъ гонецъ, посланный изъ Гуниба; вонъ въ той излучинѣ Коису утонули, года три тому назадъ, сорвавшіяся сверху выючныя лошади князя Д. А вонъ съ той нависшей скалы, подъ которой мы теперь

пробираемся, робко поглядывая на присевшие надъ громадные камни ея, въ сильныя дожди падаютъ такія лавины, что чуть рѣчку не запруживаютъ...

Максима попался разъ подъ нее въ страшный ливень. Изъ 8 всадниковъ, съ нимъ бывшихъ, пятерыхъ прихлопнула лавина и унесла въ пучину; только они втроемъ, заступничествомъ св. Георгія, остались дѣлы... Лезгины молчатъ и ничего не рассказываютъ намъ о скверныхъ мѣстахъ и о погибшихъ товарищахъ.

Но, конечно, они знаютъ объ этомъ еще больше, чѣмъ Максимъ съ Павле. Каждую зиму дикое ущелье дѣлается безмолвною могилою какихъ-нибудь безстрашныхъ странниковъ...

* * *

Страшнѣе всего спускаться съ заоблачной кручи въ провадья поперечныхъ ущелій, падающихъ въ Койсу... Когда мучительно карабкаешься вверхъ на стѣну, по крайней мѣрѣ, не видишь ничего, кромѣ одной этой, въ отчаяніе приводящей кручи... Но кровь леденѣетъ въ жилахъ, когда ты медленно, шагъ за шагомъ, такъ сказать—размакывая по капелькѣ охватывающую тебя кругомъ смертельную опасность, самъ лѣзешь внизъ въ разинутую подъ тобою пасть бездны, ни на мгновеніе не отрывая отъ нея пристывшихъ глазъ...

Бережливо, какъ заботливая нянька, сносить тебя на своихъ стальныхъ ногахъ, по каменнымъ порогамъ обрыва, осторожно щупая копытами каждый уступъ, эта бездѣльная горская лошадка, единая заступница и спасительница несчастнаго спутника, попавшаго въ этотъ адъ кромѣшный. Вотъ она спустилась на самый край послѣдней, повисшей надъ пропастью плиты. Дальше ужъ некуда, дальше только годовой въ пучину... Обмершему отъ ужаса сердцу дѣйствительно кажется, что лѣзешь прямо туда, никуда больше. Одна воздушная спина подъ тобою и кругомъ тебя, на этомъ послѣднемъ вершкѣ скалы... Не видно даже черныхъ волнъ Койсу, — до того высоко торчишь ты теперь надъ нею на своемъ шатающемся камешкѣ...

Въ бокъ некуда повернуть; локоть трется объ отвѣсныя ребра скалы.

И вдругъ, будто раздумавъ мгновеніе, умное животное мягко, неслышно поворачивается почти назадъ надъ этою головокружительной бездною, крѣпко присѣвъ на заднія ноги, и спокойно переноситъ тебя, трепещущаго, не вѣрющаго своимъ глазамъ, на крутой поворотъ тропы, оглабающей острый выступъ скалы.

Ты едва только успѣлъ отклониться отъ тяжкаго камня, торча-

щаго изъ этого выступа, чуть было не раскrojившаго тебѣ головы и не свалившаго тебя съ сѣла, а опытная лошадь, все еще сидя на хвостѣ, вытягиваетъ внизъ, какъ струны, свои терпкія ноги и ужъ опять осторожно спадываетъ внизъ по головоломнымъ порогамъ этой отвѣсной и осыпающейся лѣстницы, въ новую пропасть, до новаго внезапнаго обрыва тропы, до новаго акробатскаго прыжка надъ бездонною пучиною...

Много нескончаемыхъ верствъ, много мучительныхъ часовъ провели мы въ этомъ тѣсномъ лабиринтѣ скалъ, на днѣ котораго роется и вьется, будто путеводная нить Ариадны, вѣчно рокошущая, вѣчно гремящая своей черной волной черные камни своей темницы, Аварское-Койсу... Нанѣбъ Захарія не пустилъ насъ на Карахъ, гдѣ еще держались сильные сибѣжные завады, а направилъ насъ по дорогѣ, которую онъ считалъ безопасною, и которую, по его словамъ, только-что исправили для насъ. Желалъ-бы я послѣ этого видѣть дагестанскую дорогу, признаваемую самимъ нанбомъ Захаріей «опасною и неисправленною!» Великимъ нашимъ благополучіемъ была ясная, сухая погода, стоявшая будто нарочно во все время нашихъ дагестанскихъ странствованій.

Какъ ни мучилъ насъ жаръ среди этихъ каменныхъ горъ, накаляемыхъ солнцемъ, заслоняющихъ насъ отъ всякаго дыханія воздуха, все-таки мы благодарили боговъ, что дожди не рамыли и не засыпали послѣднихъ слѣдовъ тропинокъ, по которымъ мы поехали.

Попались мы здѣсь въ хороший дождь, не скоро-бы пришлось намъ выбраться изъ глуши ущелій, а пожалуй — не пришлось-бы и вовсе выбраться изъ нихъ.

Однако въ ономъ мѣстѣ захватила-таки насъ гроза! Мы спускались вмѣстѣ съ заходомъ солнца въ мрачную и дикую котловину Коссо-Гидатль... Сдѣлали долгій перевѣздъ, — и лошади, и люди были сильно утомлены. Безмолвная узкая тѣснина Койсу въ этомъ мѣстѣ расширяется въ круглую, довольно обширную поляну, сплошь обставленную исполинскими стѣнами скалъ... Кажется, нѣтъ никуда выхода изъ этого кругомъ запертаго каменнаго котла...

Высоко за облаками торчатъ въ прохладной синевѣ вечерняго неба послѣдніе ярко освѣщенные утесы его скалъ.

На одномъ изъ нихъ, при самомъ устьѣ тѣсины, словно сторожъ

у воротъ, высятся полуразрушенныя башни неприступнаго стариннаго замка...

Вообще замки вѣнчаютъ здѣсь утесы горъ при каждомъ важномъ проходѣ, при выходахъ и входахъ ущелья... Это сообщаетъ романтическую живописность дикимъ пейзажамъ Дагестана...

Пока я торопливо набрасывалъ въ путевой альбомъ грозную красоту этихъ поразительныхъ горныхъ декораций, пользуясь послѣдними отблесками заходившаго солнца, распорядители нашего похода отыскиали на берегу рѣки какой-то плетеный сарайчикъ, покнутый когда-то работавшими здѣсь инженерами, и устроили въ немъ довольно удобный для Дагестана ночлегъ мнѣ и брату... Мы напился чаю изъ походнаго самоварника и поужинали, чѣмъ Богъ послалъ, подъ звѣзднымъ небомъ, весело болтая между собою...

Лезгинны разсѣдали лошадей и разлеглись на мягкой травѣ сырой низины...

Илько остался ночевать съ нами подъ открытымъ небомъ, въ тѣни большого камня... Максиме и Павле легли въ сѣняхъ нашего барака, а два лезгина, кромѣ того, улеглись подъ нашими окнами сторожить на всякій случай.

Дѣло въ томъ, что въ лошинѣ, кромѣ насъ, ночевала огромная толпа татаръ изъ южнаго Дагестана, пригнанная сюда для проведенія дороги...

Максиме и всѣ наши нукеры серьезно боялись, чтобы эта ворвавшая толпа не обобрала насъ ночью или не сдѣлала надъ нами чего-нибудь хуже... Караулъ около лошадей тоже былъ усиленъ.

* * *

Я зажегъ-было свѣчу и попробовалъ почитать бывшую со мною книгу, но скоро усталость одолѣла, и я словно провалился куда-то... Братъ давно храпѣлъ, несмотря на терзанья насѣкомыхъ, осыпавшихъ насъ въ этомъ походномъ приютѣ... Все спало глубокимъ, безмятежнымъ сномъ людей, только-что слѣзшихъ съ сѣдла послѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ по скаламъ и пропастямъ...

Вдругъ страшный трескъ и шумъ раздался въ моихъ сонныхъ ушахъ.

Вскочивъ какъ сумасшедшій на ноги, я инстинктивно схватился за двѣнадцативольный револьверъ, лежавшій около моей подушки, и бросился къ окну... Братъ тотчасъ-же очутился возлѣ меня... Утлая оконная рама барака была выбита, и буря вмѣстѣ съ дождемъ неистово врывалась въ наше убѣжище, захлестывая постели наши частыми ко-

сыми струями воды.. Мы высунулись въ окно, воображая спр-сонья, что на насъ напали татары и что они лѣзугъ силою въ нашъ шалашъ... Однако, никого не было вблизи... Только двѣ темныя, укутанныя въ бурки фигуры лезгинъ, вскочившихъ вмѣстѣ съ нами при

Переходъ черезъ обвалъ у Аварскаго-Кейсу на лезгинской линіи.

Картина Т. Горшельта.

первомъ шумѣ, смутно выдѣлялись изъ мрака съ ружьями, перекинутыми на руку...

Черная и страшная ночь, какія рѣдко приходилось кому видѣть, стояла кругомъ. Сердитые удары грома потрясли каменныхъ великановъ, тѣсно обступившихъ насъ и загородившихъ отъ насъ все небо...

Молнія то-и-дѣло разрывала эту черную, глухую пелену, окутавшую мертвымъ саваномъ всю окрестность, навалившуюся на насъ непроницаемою свинцовою доскою... Душно и тяжело дышалось намъ на днѣ этого черного, глубокаго котла, кипѣвшаго и вспыхивавшаго теперь какими-то адскими огнями...

Въ минуты, когда стихаль громъ и потухала молнія, черная тьма была полна несмолкавшаго рева рѣки, спертой зѣбсь, при крутомъ поворотѣ ущелья, чугунными пятнами исполнинскихъ скалъ.

Койсу ревѣла и билась, будто дикій звѣрь, въ этой каменной клеткѣ своей...

Гулъ и стонъ ея не расходясь стояли среди этихъ сплошныхъ подоблачныхъ стѣнъ, отдаваясь въ ихъ сухомъ плитникѣ звонкимъ эхо, будто въ стѣнкахъ гигантскаго барабана...

Среди сырой и душной черноты этого глухого котла блудящія огоньки ежeminутно вспыхивали и носились вѣтромъ надъ волнами рѣки, мигая, растекаясь, сбиваясь въ клубки, вытягиваясь дрожащими языками, блѣдные, трепещущіе, спующіе туда и сюда, будто безпкойныя души грѣшниковъ, не знающія гдѣ отыскать себѣ мѣсто...

Никакія волшебныя декорации «Фрейшюца», никакіе выдуманые ужасы его Wolfsschlucht'a—не въ силахъ дать понятіе о томъ томительномъ впечатлѣніи, которое охватило мою полусонную фантазію при неожиданно распахнувшейся передъ нею картиной этой поистинѣ адской ночи, на днѣ этого поистинѣ дьявольскаго котла.

На-силу удалось заставить и завѣсить кое-чѣмъ окно и спасти отъ дождя свои постели...

* * *

Максима обѣщаль поднять насъ въ 3 часа, и я уже нѣсколько разъ просыпался съ ребячески-радостнымъ сознаніемъ, что насъ еще не будятъ, что еще можно поспать немножко сладкимъ утреннимъ сномъ... «Навѣрное, нашъ ретивый Максиме перетянулъ вчера на ночь лишнее изъ бурдючка, который у него на рукахъ, и проспалъ свой часъ», — утѣшаю я себя сквозь сонъ. Вотъ уже 5 часовъ, въ баракѣ нашемъ стало свѣтло и ярко, а на дворѣ ничего не слышать, будто вымерло все кругомъ...

Крикнулъ погромче Максиму, Павлу, — не отвѣчаетъ никто. Разбудилъ брата, начинаемъ вмѣстѣ съ нимъ сообщать, что бы такое это значило...

Узнаемъ, что недаромъ это всеобщее молчанье и этотъ неожиданно долгій сонъ.

Въ горахъ Дагестана.

Наконецъ-то входитъ Павле. Онъ совершенно смущенъ.

— Что такое, Павле? отчего мы стоимъ такъ долго?...

— Бѣда случилась!—говоритъ Павле, не глядя на насъ.—Лошадей нашихъ угнали. Семь самыхъ лучшихъ выбрали, что подъ вами были, и нашихъ съ Максиме, и князя молодого—Илико...

Мы такъ и разинули ротъ.—Вѣрно, татары, что ночевали здѣсь?

— Кто ихъ знаетъ! Должно быть, татары. Лезгины проснулись, ихъ уже ни одного нѣтъ, слѣды простыли, — и лошадей семи нѣтъ какъ нарочно, самыхъ лучшихъ...

— Вотъ тебѣ и доѣхали!... — сказали мы въ одинъ голосъ съ братомъ...—Какъ же быть теперь?...

— Всехъ лезгинъ разослали на поиски и на горы, и въ ущелье.. Давно ужъ уѣхали, а что-то не видать, — безнадежно сообщалъ намъ Павле.

Помочь мы ничѣмъ не могли, а потому, для сбереженія времени, приказали Павле ставить самоваръ и давать чай... Илико и Максиме мы нашли на дворѣ. Оба переносили постигшее насъ горе, какъ подобаетъ храбрымъ мужамъ, привычнымъ къ дорожнымъ оказіямъ всякаго рода.

Успѣлись за самоварчикъ, вытянули по стаканчику бодрящаго напитка,—и какъ-будто на душѣ стало разомъ легче, и кругомъ будто стало веселѣе.

Ничего нѣтъ бесплоднѣе малодушія, особенно въ походѣ. Къ бѣдѣ прибавлять еще страхъ—это хуже самой бѣды. По крайней мѣрѣ я всегда въ этихъ случаяхъ утѣшаю себя мудрою пословицею нашего великаго терпѣливца, мужичка русскаго, съ которою онъ вотъ уже болѣе 1000 лѣтъ проживаетъ всякія свои горя и бѣды.

«Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью». «Дождикъ вымочить, солнце высушить»... И точно, не успѣли встать мы изъ-за самоварчика, глядь—по обрывамъ скалъ показались въ разныхъ мѣстахъ лезгинны. У каждаго въ поводу была лошадь... Чортъ ихъ знаетъ, что это за люди!... Какое у нихъ звѣриное чутье, какая птичья легкость и быстрота! Взобрались прямо на отвѣсныя скалы, безъ малѣйшаго слѣда и указанія, кто куда попать, разсыпались по лѣсамъ и ущельямъ,—и вотъ вамъ всѣ наши лошади на-лицо!... Словно сходили въ собственную конюшню и отвязали ихъ отъ яслей.

Сколько, подумашь, верстъ пробѣжали они съ утра по этимъ неприступнымъ кручамъ, торопливо разыскивая въ каждомъ оврагѣ пропавшихъ коней?... И теперь отправятся съ нами на новыя кручи, на цѣлый день мучительной вѣды, словно ни въ чемъ не бывало... Право, дьяволы, а не люди...

* * *

Не везетъ намъ этотъ день! не успѣли отъѣхать полуверсты, выюкъ сорвался въ пропасть, съ трудомъ вытащили его молодцы-нукурсы. Да какъ и не сорваться! Недаромъ мы съ самой зари слышимъ какіе-то пушечные выстрѣлы...

Татары взрываютъ новую дорогу въ отвѣсныхъ стѣнахъ ущелья. Начальство взялось за умъ и хочетъ проложить по долинѣ Аварскаго-Койсу, черезъ самое сердце горнаго Дагестана, колесную дорогу. Обыкновенно набатамъ не дается никакихъ пособій для проведенія дорогъ, ни денегъ, ни пороху,—они все обязаны устроить и все дѣйствительно устраиваютъ даровыми силами мѣстнаго населенія. Но въ эту дорогу, повидному, вмѣшивается инженерное вѣдомство, потому что тратятся и деньги, и порохъ.

Дѣйствительно, здѣсь уже встрѣчаются кое-гдѣ небольшіе отрывки довольно просторной и ровной дороги, по которой могла-бы проползти арба.

* * *

Обрывъ скалы
Доноевъ-Мта.

Но бoльшая часть дороги еще далеко не окончена, засыпана обломками скалъ, размыта дождями. Тяжелыя каменные опухолы горы, одинокія, корявыя, искривленныя деревья—на каждомъ шагу заставляютъ всадника или пригнаться къ сѣду, или сторониться такъ далеко, вися надъ пропастью, что немудрено вылетѣть изъ стремени или стащить съ собою въ пропасть лошадь, которой и безъ того стоять негда...

Такой-то именно навѣсъ скалы и столкнулъ въ пропасть нашу выюкъ. Днимаютъ насъ и осыпи!..

Очерки Кавказа.

Снѣжныхъ заваловъ уже не видно здѣсь, но каменныя песчаныя лавины нисколько не успокоительнѣе... Влаешь, ѣдешь, вдругъ—стопы! Съ необозримой высоты, въ необозримую глубину, отъ облаковъ небесныхъ до волнъ Койсу, едва не отвѣсный откосъ изъ мелкаго щебня, изъ песку, изъ разсыпавшейся извести срѣзаетъ, сглаживаетъ, какъ ножомъ, всѣ выступы и углубленія скаль, заваливъ надалеко малѣйшій слѣдъ тропинки...

Некуда шагу ступить: заворачивай назадъ оглобли и уходи, откуда пришелъ! Кажется, и раздумывать, и выбирать, не изъ чего, съ нашей обыкновенной человѣческой точки зрѣнія...

Но птицы-легины смотреть на это не такъ. Не успеешь разинуть рта отъ изумленія,—уже они спѣшились, спустились съ дорожки въ кручу и смѣлой ногой протаптываютъ себѣ путь черезъ эти всюду расплывающіяся, осыпающіяся, изъ-подъ ногъ уходящія груды песку и щебня, ведя за собою смѣлою рукою такихъ-же смѣлыхъ коней...

Вотъ-вотъ, думаешь, эта движущаяся осыпь увлечетъ ихъ сейчасъ за собою, въ страшную отвѣсную глубь, надъ которою они пробіраются...

А между тѣмъ не остается же одному на томъ берегу осыпи, не срамитъ же себя трусомъ въ глазахъ этихъ неустрашимыхъ молодцовъ, провожающихъ тебя съ такимъ уваженіемъ...

«На людяхъ, и вправду, смерть красна!...» Чего подумать-бы не смѣлъ сдѣлать въ одиночку, то дѣлаешь почти автоматически, съ какимъ-то равнодушіемъ безнадежности, въ толпѣ народа, на глазахъ другихъ.

А то вдругъ перебеѣтъ тропу какой-нибудь чертовскій жолобъ, тоже перерѣзанный когда-нибудь лавинами, тоже въ нѣсколько верстъ длины отъ ледниковъ хребта до дна ущелья. На немъ видны еще тяжкіе сдвиги, глубокіе рубцы, сверкающіе отполированные слѣды, будто какой-нибудь исполинскій утюгъ прошелся сверху внизъ, ничего не разбирая, по всѣмъ этимъ шероховатымъ камнямъ, скатамъ, утесамъ и сгладилъ все своюю всепоѣждающею тяжестью...

* * *

Поневоля и дорога ежеминутно мѣняетъ направленіе, извивается вправо и влево, нырлетъ туда и сюда...

На многія-многія версты дорога эта держится на страшной, едва выносимой высотѣ, съ которой, несмотря на нашу привычку, до сихъ поръ жутко взглянуть внизъ на kloчущія черныя волны Койсу... И ничуть не отступить она отъ этого неразрывнаго тѣснаго сосѣдства съ

ревущимъ и бѣгущимъ у ся ногъ стихійнымъ звѣремъ... Онъ не отстаетъ ни на шагъ отъ нея съ упорствомъ хищника, чующаго добычу, увѣреннаго, что не въ эту, такъ въ ту минуту неизбежно оступится какая-нибудь нога, измѣнитъ какой-нибудь камешекъ...

Ужь слишкомъ долго, слишкомъ постоянно жутко!...

Рѣка тамъ внизу извивается такъ же, какъ дорога здѣсь наверху... Скалы, окружающія ее, будто играютъ съ нею, будто ее дразнятъ.

Только-что разступятся, распахнуть, какъ ворота, настежь свои гранитныя стѣны, только-что откроютъ ее нетерпѣливымъ волнамъ глубокой прямой коридоръ, какъ сейчасъ-же опять свлигаются впереди, заслоняютъ ей ходъ неборимою твердыней и гонятъ ее, ревущую, прыгающую отъ злобы, куда-нибудь вбокъ, иногда совсѣмъ назадъ, между рядовъ скалъ, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ опять сблизиться плечомъ къ плечу, опять дать жесткій отпоръ своей каменной грудью этимъ расплясавшимся и распѣвшимся волнамъ, опять отбросить ихъ въ какую-нибудь новую тѣсную завалину, гдѣ уже ждуть ихъ для новой потѣхи другія скалы, другія преграды...

Страненъ и своеобразенъ видъ этихъ скалъ. Передъ нами то гигантская черная пила, будто изъ чугуна вылитая, лоснящаяся какъ чугунокъ, тяжелая какъ чугунокъ, какъ чугунокъ гладкая, на которой не остается слѣдовъ даже этихъ вѣчно грызущихъ ее волнъ бѣшеной рѣки. То вдругъ встаютъ и тянутся цѣлыми безконечными анфиладами громадные и несокрушимые природные бастионы, съ круглыми желто-бѣлыми стѣнами, въ восемь и десять ярусовъ, перехваченныхъ каменными поясами, выступающія и подаваясь назадъ, будто настоящая линія строго обдуманной крѣпостныхъ верховъ.

Они вѣнчаются наверху въ облакахъ капризными остроконечными башнями и круглыми куполами сказочныхъ замковъ, должно быть — жилищами злыхъ духовъ, хозяевъ этой дикой тѣсины и тюремщиковъ этой дикой рѣки...

Художникъ могъ-бы срисовать съ нихъ фантастическій замокъ байроновскаго Манфреда, бесѣдовавшаго съ духами горъ, вызывавшаго ихъ на отчаянную борьбу.

VI.

Переправа через Томсы-Орѣ.

НОЧНОЙ ливень не обошелся даромъ: Бѣшеные водопады Томсы-Ора, несущіеся по боковому ущелью изъ ледниковъ хребта въ Аварское-Койсу, сорвали мостъ, высоко вздернутый надъ рѣкою, и совершенно прервали нашъ путь...

Мы убѣдились въ этомъ, какъ-только стали спускаться во впадину Томсы-Ора... Множество народу сбилось на томъ берегу. Съ горы того берега поспѣшно съѣзжалъ къ намъ старшина округа съ толпою всадниковъ. Видно, что тревога поднята была уже давно и что мѣстные начальники употребляютъ все усмія, чтобы приготовить намъ переправу...

Оригинальный тетъ-де-понъ снесеннаго моста одиноко торчалъ среди пѣны и брызгъ водопада. Такія основы мостовъ постоянно встрѣчаются въ Дагестанѣ. Чтобы поднять повыше надъ водою полотно моста, съ обѣихъ береговъ закладываютъ въ землю и заваливаютъ тяжелыми камнями огромныя бревна, заданныя свободными концами по возможности выше надъ рѣкою; на нижній рядъ такихъ бревенъ кладутъ другой, выступающій еще дальше своими концами, на другой третій, который свѣшивается еще дальѣ. Такимъ образомъ обѣ основы моста значительно сближаются, такъ что возможно перебросить на нихъ бревна мостоваго полотна, безъ пособія свай, быковъ и другихъ нижнихъ подпорокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ полотно это приходится довольно высоко надъ поверхностью рѣки, на случай если вода поднимется дождями. Въ общемъ получается видъ угловатой деревянной арки, перекинутой черезъ рѣчку.

Само собою понятно, что такой способъ постройки возможенъ только на узенькихъ и быстрыхъ рѣчкахъ, гдѣ немислимы сваи...

Съ одурающею быстротою, клокоча, пѣнясь и всплескивая среди камней, неся черезъ пороги свои разбушевавшійся горный потокъ. Одинъ изъ нашихъ нукеровъ, лихой молодецъ на лихомъ конѣ, все время ѣхавшій въ головѣ отряда, съяло ринулся въ водовороты Томсы-Ора... Его закружило и отнесло въ одно мгновенье на нѣсколько сажень внизъ, какъ ни упирался могучій и привычный конь, какъ ни полосовалъ его черезъ голову отчаянный джигить... Однако онъ все-таки переѣхалъ и даже возвратился назадъ, хотя далеко не въ томъ мѣстѣ, откуда отправился...

Мы съ братомъ и Илко тоже пришпорили-было своихъ лошадей, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ погрузиться въ волны Томсы-Ора, но Максиме и всѣ вукеры бросились на насъ въ какомъ-то испугѣ и остановили почти насильно. Старшина съ того берега тоже кричалъ что-то убѣждающимъ голосомъ, махая и головой, и руками. Нечего было дѣлать, приходилось покориться болѣе опытнымъ.

Между тѣмъ старшина уже разыскалъ огромный дубъ, застрявшій въ камняхъ потока, и вытаскивалъ его всѣмъ народомъ на берегъ.

По кольяна и по поясъ въ волѣ, держа другъ друга за руки, сотнанный изъ ауловъ народъ съ крикомъ и толкотней таскалъ и укладывалъ большіе камни, на которые навалили дубъ, едва не захватившій всей ширины потока... Къ этому дубу повалили еще нѣсколько деревьевъ, наложенныхъ на камни,—и скороспѣлый, шатающійся мостъ былъ готовъ въ теченіе какого-нибудь часа.

Насъ перевели черезъ него на ту сторону, поддерживая за руки, какъ мы ни возставали противъ такого оскорбленія нашей ловкости и мужества. Охранители наши, повидимому, твердо знали отвѣтственность, которой они могли подвергнуться въ случаѣ какого-нибудь несчастья съ нами...

Какъ нарочно, противъ самаго впаденія Томсы-Ора, въ волнахъ Аварскаго-Койсу погибъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ плотъ съ офицерами нашего *войска*...

* * *

Но не такъ было легко переправить лошадей. Хотя выюки съ нихъ сняли и перенесли на рукахъ черезъ дубъ, однако необыкновенная стремительность потока и масса большихъ камней, безпорядочно наваленныхъ на его днѣ, грозили серьезною опасностью...

Далеко не всѣ лошади были такой стаи и силы, какъ дорогой кабардинскій конекъ нашего передового джигита, съ мѣдною грудью, съ стальными ногами... Выбрали четырехъ всадниковъ понадежѣе и, окруживъ ими сбитыхъ въ кучу лошадей, погнали съ крикомъ и гиканьемъ въ воду... Даже лезгинскіе кони призадумались-было и замаялись передъ бѣшено низвергавшимися воднами потока. Но дружные удары нагаекъ и грозные крики толпы съ обоихъ береговъ не дали имъ времени мѣшкать. Ежась и тѣснясь другъ къ другу, нехотя полѣзли они въ воду... Они двигались черезъ потокъ, чуть переступая съ ноги на ногу, съ трудомъ ощупывая среди навороченныхъ камней свободное мѣстечко для копыта и напрягая всѣ усилія, чтобы противиться подмывавшей ихъ волнѣ... Словно по слову, они всѣ инстинктивно

повернули грудью почти навстрѣчу потоку и старались перерѣзать его навкося въ гору... Но, несмотря на эту уловку и на всѣ ихъ усилія, все-таки ихъ относило внизъ какую-то неодолимою силою; намъ съ берега казалось, что они бесплодно топчутся на одномъ и томъ-же мѣстѣ и что никогда не достигнуть имъ середины рѣки...

На серединѣ напоръ водъ былъ особенно неистовъ, а плотная куча вѣствъ сбившихся лошадей почти запружала потокъ...

Нѣсколько мгновений онѣ усердно боролись съ нимъ, не подаваясь ни впередъ, ни назадъ... Вдругъ одна лошадь зашаталась, покачалась минутою, стараясь оправиться, и исчезла въ водѣ... Вслѣдъ за нею стали спотыкаться, шататься и нырять нѣсколько другихъ...

Моя лошадь опрокинулась тоже, и я мысленно поблагодарилъ судьбу за то, что меня удержали отъ глупаго намѣренія переѣхать рѣку вплавь.

Джигитъ, который былъ слѣва табуна, тоже окунулся вмѣстѣ съ конькомъ своимъ и насилу выскочилъ изъ хаоса камней, мокрый насквозь... Пустыя лошади выкарабкались гораздо скорѣе и мало-помалу добрали до берега, при несомлаемыхъ крикахъ народа, подъ цѣлымъ ливнемъ нагаскъ.

* * *

Признаюсь, эта оригинальная переправа не только не досадовала, но даже очень забавляла меня. Я поднялся на высокій бугоръ и съ наслажденіемъ, знакомымъ только художнику, любовался на всю эту пеструю и шумную картину неподдѣльной дагестанской жизни.

Воображеніе переносило меня въ недавнія времена, когда такія-же толпы смѣлыхъ всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, переправлялись черезъ такія-же стремнины на какой-нибудь удалой набѣгъ, съ тою-же суетою, съ тѣмъ-же стукомъ оружія, топотомъ и ржаніемъ многочисленныхъ коней...

* * *

Ну, слава Богу, переправа, наконецъ, кончилась, и всѣ теперь на берегу...

Толпа лезгинъ, собравшаяся на той сторонѣ, привѣтствовала насъ звуками зурны и барабана, за что нужно было разсыпаться по обычаю горсть серебряныхъ абазовъ...

Провожаемые дуднвыми и гремѣвшими музыкантами, а за ними цѣлою толпой любопытныхъ, мы сдѣлали съ версту пѣшкомъ на гору, пока обсохнутъ нашъ мокрыя сѣдла и лошади... Вьюки наши тоже бережно неслись на рукахъ услужливыми лезгинцами...

Дулъ на вѣршинѣ. — Рисункъ И. Каразина.

На половинѣ горы вдругъ два загорѣлыхъ, какъ цыгане, полунагихъ татарина молча загородили намъ дорогу, какъ заставой, своими желѣзными ломами.

Они не просили и не говорили ничего, довольно мрачно глядя на насъ, но, по всеобщему одобрителному смѣху провожавшей насъ толпы, мы безъ труда смекнули, что желѣзо нужно побѣдить серебромъ; дѣйствительно, грозное оружіе тотчасъ-же опустилось при видѣ вновь вынутыхъ абазовъ и мирно пропустило насъ далѣше.

На первой зеленой дужайкѣ, гдѣ мы остановились поѣсть, новый старшина перемѣнилъ лошадей и конвой, и дорога стала дѣлаться значительно лучше, хотя все еще шла на головокружительной высотѣ и перебивалась кое-гдѣ осыпями...

Встрѣтить среди дагестанскихъ дѣбрей сносную, по крайней мѣрѣ, не мучительную дорогу—это такая радость, съ которою можетъ сравниться развѣ чувство путешественника, входящаго въ теплую избу послѣ долгихъ часовъ зимняго мороза и метели... Начинаешь опять вѣрить въ жизнь, въ себя самого, въ возможность перенести все: самые прожитые страхи уже не кажутся такими страшными.

* * *

До сихъ поръ, кажется, мы, русскіе—по крайней мѣрѣ, правящая здѣсь власть русская—далеко не достаточно оцѣнили все великое значеніе дорогъ для цивилизаціи и богатства Горнаго Кавказа.

Хорошая дорога—это лучшая дѣнь, которою можемъ мы приковать къ себѣ кавказскаго горца. Она во сто разъ плодотворнѣе и могущественнѣе всякихъ штыковъ и пуль...

Провести удобныя колесныя дороги черезъ всё закоулкн Кавказа, это значитъ—смирить дикаго горца и обратить его въ дружелюбнаго сосѣда своего... Дорога нечувствительно придивнетъ недоступныя теперь лезгинскіе аулы къ Тифлису, къ Влаликавказу, къ Дербенту, къ Черному и Каспійскому морю, къ Грузіи и Россіи... По дорогамъ движется торговля и промыселъ въ обѣ стороны, и дагестанская искусница-ткачиха будетъ одѣвать въ свое мягкое «шали», въ свои бурки и ноговицы уже не однихъ домохадцевъ сакли своей.

Армянскій и русскій торгошъ откроютъ себѣ испочатѣй рынокъ для сбыта товаровъ въ этихъ недоступныхъ теперь никому, одичавшихъ орлиныхъ гнѣздахъ, откуда потечетъ широкою волною не имѣющею теперь никакой цѣны дорогое дерево, дорогая дичь, скоть и проч., а пожалуй—еще разные металлы и камни...

Только по дорогамъ проникнуть въ это первобытное царство кровавой мести, родовой исключительности, грубаго суда голпы, въ этотъ міръ языческаго суевѣрія и младенческой наивности—истинныя понятія о правѣ и правосудіи, истинное образованіе и истинное служеніе Богу правды и добра...

Хорошія дороги станутъ живыми артеріями, посредствомъ которыхъ глухія дебри Кавказскихъ горъ сростутся съ сердцемъ великаго царства русскаго и понесутъ изъ него одну всёми общую, питающую и животворящую кровь...

Первая дорога; это—первая побѣда надъ страною, надъ народомъ; побѣда гораздо болѣе полная и прочная, чѣмъ истребленіе огнемъ и мечемъ, побѣда миромъ, а не войною,—взаимною пользою, а не взаимнымъ вредомъ. Поэтому нельзя достаточно изумляться, почему еще такъ мало сдѣлано у насъ до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ.

Прежде чѣмъ строить школы, не прививающіяся къ дикарю, воспитывать для нихъ учителей въ семинаріяхъ, изобрѣтенныхъ Европою,—необходимо изрѣзать удобными дорогами весь ужъ Дагестанъ, сдѣлать доступными вліянію цивилизаціи и вліянію государственной власти всё умы его...

Это нужно, кромѣ того, и съ чисто-воинной точки зрѣнія.

* * *

Мы, русскіе, къ сожалѣнію и къ несчастію своему, слишкомъ разбрасываемся, слишкомъ полземъ вширь и вдаль... Мы необдуманно-жадны и необдуманно-предпримчивы. Вотъ ужъ какой вѣкъ все расплываемся мы безъ удержа и отдыха въ беспредѣльныя степи сонной Азіи, поглощая бродячія орды дикихъ кочевниковъ, безраз-

счетом ослабляя свои внутреннія силы вѣчными задачами борьбы, разбавляя безъ всякой мѣры дорогіе концентрированные соки цивилизованнаго народа, словно бочками грошевой воды, этою черезчуръ обильною примѣсью до-историческихъ племенъ, окаменѣвшихъ въ своей патриархальной дикости...

Куда и зачѣмъ намъ лѣзть еще? Кого еще намъ завоевывать? Въ нашихъ собственныхъ нѣдрахъ у насъ еще безграничное и гораздо болѣе благородное поле для завоеванія, для привитія цивилизаціи дикарямъ. У насъ еще слишкомъ много своихъ собственныхъ доморощенныхъ дикарей.

Всѣ горы Кавказа, цѣлый Дагестанъ—кишатъ ими. вмѣсто того чтобы тратить по пятнадцати милліоновъ на присоединеніе новыхъ степей и проливать среди нихъ кровь своего народа, — во-стократъ было-бы выгоднѣе намъ обратить эти милліоны на благоденствіе тѣхъ забытыхъ нами странъ, гдѣ, вслѣдствіе нашего собственнаго невниманія и ошибокъ, до сихъ поръ живутъ не друзья, а враги наши, не цивилизованные граждане русскаго государства, а удалые разбойники; странъ, которыя, вмѣсто обогащенія казны государственной новыми доходами отъ мирнаго труда, требуютъ на себя огромныхъ производительныхъ затратъ нашихъ кровныхъ русскихъ средствъ и вынуждаютъ обращать въ разорительный военный станъ цѣлый дѣвствующій и богато надѣленный край нашего азіатскаго юга...

* * *

Англичане или французы давно-бы на нашемъ мѣстѣ пересѣкли Дагестанъ вдоль и поперекъ широкими шоссевыми дорогами, одинаково доступными арбѣ, нагруженной товарами, и пушкѣ, заряженной разрывными гранатами; отъ Чечни до Кахетіи, отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги, у нихъ-бы, конечно, безпрепятственно двигались купцы, чиновники, путешественники, войска и товары... А у насъ изъ столицы всего кавказскаго царства—Тифлиса, изъ Владикавказа—главнаго центра горской власти, изъ Дербента—этого, самой природой созданнаго древняго торговаго порта Кавказскихъ горъ—приходится ѣхать во внутрь Кавказа, словно въ какую-то сказочную страну Гипербореевъ, продѣлывая невозможныя трудности и опасности, теряя всякую надежду добраться безъ особенно счастливаго случая туда, куда нужно вамъ.

Вы ѣдете здѣсь, какъ ѣдемъ теперь мы, какъ ѣздить по пустынямъ Сахары, по нѣсколько дней не видя человѣческаго жилья, цѣлымъ караваномъ, съ жареными баранами и бурдюками вина, подъ при-

крытиемъ вооруженнаго конвоя, при неусыпной заботливости властей... Безъ этой обстановки здѣсь шагу ступить нельзя. Здѣсь въ цѣлой странѣ не увидите ни одной лавчонки, ни одного духана... А проведете дороги — все само собою закипитъ жизнью, выработаетъ необходимые удобства.

Опытъ показывать, что дороги здѣсь легче устраивать, чѣмъ гдѣ-нибудь. Дайте въ руки наибавъ немного денегъ, немного пороху, — они вамъ проведутъ мѣстными силами населенія хорошіе каменные пути черезъ такія пропасти, куда иной инженеръ заглянуть боится. Лезгинны—камеломы и копачи на славу и знаютъ свои скалы, лавины и потоки, какъ крышу собственной скали...

* * *

Надобасть однако не на шутку эта нескончаемая дорога въ теченіи нѣсколькихъ дней—все въ одномъ и томъ-же ящикѣ, по обрывамъ все той-же немолчно грохочущей внизу черной, бурливой рѣки...

Будто никакъ вылезти не можешь изъ этого сухого, безотраднато горнаго дарства. На что неприхотливы лезгинскіе аулы, а и они ушли высоко на темя горъ, гдѣ стелются хоть тощія альпійскія пастбища; ни одинъ не рѣшился сползти въ эти глубокія, бесплодныя галлерей, пробуравленные рѣкою въ толщахъ скали...

Мы видимъ отсюда аулы только кое-гдѣ, на недосягаемой высотѣ, за непроходимыми пропастями... Иногда за ближайшими скалами свѣтложелтаго известняка вдругъ откроется на заднемъ планѣ картины какая-нибудь громадная зеленая покатошь, пестрящая наверху далекими аулами, садами, полями, пасущимися стадами скота. Теперь уже не провожаютъ насъ сплошныя гигантскія стѣны, поднимающіяся выше облаковъ.

Долина Аварскаго-Койсу понижается все рѣшительнѣе, и съ нею вмѣстѣ мельчаютъ и понижаются обступившія ее скалы... Бастіонами и редутами всевозможныхъ формъ, многоэтажными башнями, зубчатыми готическими замками, затѣйливыми индійскими пагодами—стоятъ кругомъ насъ эти капризно изломанные стихіями, ослѣпительно яркіе на жаркомъ лѣтнемъ солнцѣ, бѣлые и желтые известняки... Еслибъ не титаническіе размѣры ихъ, право подумалъ-бы, что эти нерукотворенныя твердыни—дѣло искусства человѣческаго, грубыя укрѣпленія тѣхъ первобытныхъ великановъ, которыми переполнены древнія легенды кавказскихъ горцевъ...

* * *

Направо отъ насъ ущелье Гидь-Ора, впадающаго въ Койсу, поворачиваетъ въ плодоносную зеленую котловину Гидатля, одну изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ мѣстностей средняго Дагестана.

Верхній, нагорный Дагестанъ, съ его суровостью и бесплодностью, съ его непроходимыми пропастями и одичавшимъ патриархальнымъ населеніемъ, теперь уже за нами, и мы вступили въ центръ былого могущества Дагестана, въ многолюдныя общины Аваринъ, всегда державшія въ своихъ рукахъ направленіе общественной мысли и рѣшеніе всѣхъ важныхъ общихъ дѣлъ лезгинскаго народа. Здѣсь же болѣе всего развито дагестанское скотоводство и обычные дагестанскіе промыслы, такъ что это центръ не только нравственныхъ вліяній, но и матеріальнаго богатства страны.

Гидатлинскія общества славятся среди всего Дагестана сравнительной образованностью и благосостояніемъ своихъ жителей. Они живутъ чище и пристойнѣе другихъ, обеспечены во всемъ и составляютъ предметъ зависти сосѣдей. Изъ Гидатля выходили ученые и вліятельные лезгины, игравшіе роль въ судьбахъ страны...

Обширная зеленая котловина Гидатля, счастливая рѣдкость среди тѣсныхъ ущелій Дагестана, — покрыта по всѣмъ своимъ скатамъ зажиточными аулами... Ауль Орода выдѣляется во главѣ ихъ. Намъ видны отсюда изъ ущелья высоко подъ синимъ небомъ сады и дома гидатлинскихъ ауловъ. Гидатлинцы держатъ множество скота. Въ ихъ обществахъ приходится на душу около 30 штукъ овецъ и около 10 штукъ рогатаго скота. Хлѣба хватаетъ на весь годъ; внизу съѣтся даже пшеница. А сады гидатлинцевъ кишатъ всякими плодами. Даже виноградъ взрѣваетъ на низкихъ южныхъ покотостяхъ. Къ Гидатлинскому наибству принадлежатъ и селенія Кельскаго общества, славящіяся въ горахъ лучшими лезгинскими сукнами (шали); женщины ихъ удивительно-искусныя ткачихи и за зиму продаютъ сотканыхъ ими шалей не менѣе какъ рублей на 60 каждая хозяйка; кусокъ шали обыкновенно стоитъ здѣсь рублей 10. Шали эти идутъ въ Грузію и Кахетію.

Кельцы никогда не стригутъ своихъ овецъ и никогда не спускаютъ ихъ съ заоблачныхъ альпійскихъ пастбищъ въ долины. Они обираютъ съ нихъ шерсть только тогда, когда она начинаетъ выдѣлывать сама собою, и этимъ объясняютъ необыкновенную мягкость своихъ тканей... Самыя знаменитыя кельскія ткачихи считаются въ аулѣ Ругильдѣ.

Но и вообще въ Гидатлинскомъ округѣ всякія мастерства и немало торговыхъ людей, ведущихъ дѣятельную мѣстовую торговлю въ прикаспійскомъ Дагестанѣ... Естественныя богатства этой благословенной долины Гидатля издавна производили впечатлѣніе какого-то басно-

словнаго обидія на сосѣднихъ жителей сухихъ, солнцемъ выжженныхъ горъ.

Сохранился шуточный разсказъ объ одномъ жителѣ Гидатля, который первый разъ въ свою жизнь спускался пѣшомъ въ длинной бараньей шубѣ съ своихъ горъ въ долину Гидатля... Поилъ сильный дождь, и шуба горца, отяжелѣвъ отъ воды, стала ползти по землѣ...

— Вотъ такъ поистинѣ счастливая страна! — сказала самъ себѣ удивленный горецъ. — Недаромъ идетъ объ ней слава по всему Дагестану! Даже и шубы тутъ растутъ!...

Молодецъ сообразилъ, что онъ можетъ теперь, не тратя лишней овчины, шить себѣ новую папаху, и потому, не долго думая, отхватилъ ножомъ тащившіяся по землѣ полы шубы...

Сдѣлавъ въ Гидатлѣ свое дѣло, возвращается онъ назадъ въ свои горы... Дождь между тѣмъ прошелъ, стало жарко, шуба дорогою высохла и сдѣлалась, конечно, гораздо короче, чѣмъ была...

— Фу, ты, дьяволъ! — сердился бѣдный горецъ, замѣтивъ при входѣ въ родное селенье, что шуба ему по колѣна, — что за проклятая наша сторона!... Здѣсь пропадаетъ даже и то, что выросло въ счастливомъ Гидатлѣ!

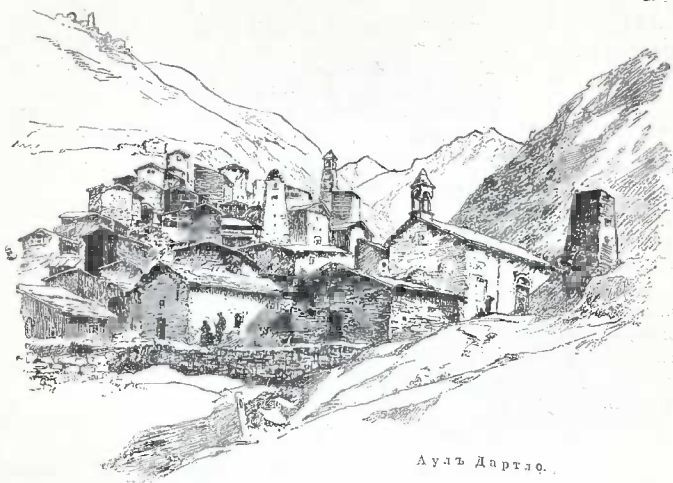
Мы расположились отдохнуть въ одномъ изъ гидатлинскихъ хуторковъ, заповонившемъ ущелье своими садами. Само ущелье становится здѣсь шире, мирнѣе, люднѣе...

Курчавые кусты виноградниковъ, густыя чащи садовъ, ряды пирамидальныхъ тополей, поднимающихъ свои стройные зеленые минареты надъ массою деревьевъ, все это напоминаетъ гораздо болѣе Кахетю или Крымъ, чѣмъ тотъ непріютный Дагестанъ, который мы только-что проѣхали...

Здѣсь уже не видно грозныхъ башенъ надъ аулами, и сами дома не имѣютъ мрачнаго вида неприступныхъ бойницъ.

Насъ соблазнила тѣнь орѣховъ и каштановъ, и мы, не входя въ домъ, расположились прямо въ саду на берегу рѣки.

Здѣшніе сады — это отлично обработанный огородъ, засѣянный кукурузою, ячменемъ, коноплею, заросшій въ разныхъ мѣстахъ всевозможными плодовыми деревьями. Тутъ и волюшскій орѣхъ, и курага (мелкая порода абрикосовъ), и алыча (кислая кавказская слива), и шелковица, и груши, и яблоки... Въмѣсто огорода часто виноградникъ.

Аулъ Дартло.

разведенный по искусно насыпаннымъ террасамъ, ступенями уходящимъ къ рѣкѣ... Такія террасы устраиваются здѣсь и для полей, иногда на очень большія пространства; всѣ онѣ насыпаются мозолями и горбомъ вѣчной труженицы — дагестанской женщины. Всѣ полевая и хозяйственные работы и здѣсь, точно также какъ въ Верхнемъ Дагестанѣ, лежатъ на женщинѣ... Она здѣсь такъ-же забита, такъ-же обращена въ беспркословную рабу, въ безсловесное вьючное животное, какъ и вездѣ на этихъ волежныхъ горахъ, прославленныхъ своею геройскою любовью къ свободѣ...

И здѣсь она собственными руками мелеть зерно въ муку и носить на своемъ хребтѣ тяжелые выюки дровъ черезъ пропасти, сберегая своему владыкѣ болѣе дорогого ящика...

* * *

Гидатлинцы хвастаются, что у нихъ лѣсъ близко, не такъ, какъ у сосѣдей, только за гору перевалить. «Рано поутру баба выйдетъ въ лѣсъ, а къ вечеру уже возвратится съ вязанкою дровъ на спинѣ», наивно описываютъ они это хозяйственное удобство свое.

И сады, и поля гидатлинца перерѣзаны многочисленными, ловко-

проведенными оросительными канавами. Дагестанецъ, хотя и въ лицѣ женщины своей, является вполне способнымъ къ сельско-хозяйственному труду всездъ, гдѣ природа даетъ ему возможность этого труда...

Когда дашь себѣ безпристрастный отчетъ во всемъ, что видишь здѣсь,—составишь о дикомъ горцѣ Дагестана гораздо болѣе уважительное понятіе, чѣмъ мы имѣемъ о немъ изъ нашего прекраснаго далека, черезъ обманчивые телескопы Петербурга и Москвы. Такимъ привольемъ дышитъ этотъ тѣнистый садъ лезгина, полный всевозможныхъ плодовъ земныхъ, насаженный не для цѣлей торговли, не для питанія другихъ, а на собственную потребу своего хозяина. Взгляните на его тонкія одежды, на тяжеловѣсныя серебряныя украшенія его, на его дорогое и разнообразное оружіе, и на его лихого коня, на его многочисленный скотъ, на его самоувѣренный, достоинства исполненный видъ,—право, всему этому можетъ позавидовать любой житель нашихъ плодородныхъ черноземныхъ равнинъ, съ своими вѣчными заботами о хлѣбѣ насущномъ, въ своихъ смиренныхъ одеждахъ, съ своимъ приняженнымъ духомъ...

* * *

Отлично отдохнули мы въ тѣни садика, на разостланномъ коврѣ, освѣжая свое нутро, раскаленное невыносимымъ жаромъ дня, прохладнымъ, кислымъ молокомъ и свѣже-нарванными абрикосами... Но хозяинъ, очевидно возносившійся своимъ познаніемъ свѣта и цивилизованныхъ обычаевъ, не отпустилъ насъ безъ чаю... Подъ вѣтвями дагестанскаго орѣха явился не только тульскій самоваръ, но даже стаканы съ серебряными ложечками, что привело въ искреннее отчаяніе мое сердце кавказскаго туриста, жаждавшее впечатлительной неподдѣльной горской жизни...

Мы и высыпались немножко, пока спадала жарь...

Прямо надъ нами, сквозь зеленые просвѣты деревьевъ, поднималась въ самое небо темная мгла окружающихъ горъ и выше ихъ знойная, густая синева кавказскаго неба... Внизу подъ нами, въ глубинѣ обрыва, рокотала свою вѣчную несоможающую пѣсню, сладко убаюкивая насъ, мутная Койсу.

* * *

Гостепріимный дагестанскій Авраамъ, пріотившій насъ въ своей дубравѣ Мамврійской, показалъ намъ всѣ подробности своего домовитаго хозяйства; какъ у всякаго зажиточнаго хозяина, кунацкая у него отдѣлена отъ домашняго жилья и устроена по общему мѣстному типу:

двѣ полутемныя комнатки съ галлерейкою, низенькія, неуклюжія скамеечки съ грубою рѣзбою изъ тяжелаго орѣха, въ уголку старое прадѣдовское кресло, такой-же грубой, хотя и затѣливой работы, священная принадлежность владыки дома, реликвія дѣлаго рода...

Дубовый столбъ, поддерживающій балку потолка, весь въ оружіяхъ, старинныхъ и новыхъ... По голымъ стѣнамъ, гладко смазаннѣмъ глиною, пустыя ниши, только наверху по стѣнамъ развѣшена и разставлена всякая посуда: фаянсовая, глиняная, стеклянная, большею частью самаго обычнаго разбора дешевыхъ русскихъ лавокъ; просверленные тарелки, обломки блюдеъ,—все виситъ здѣсь вмѣсто украшенія. Ниже посуды, вѣроятно, вмѣсто картинъ, ковровъ и драпировокъ, прибиты кое-гдѣ куски яркаго ситца, пестрые носовые платки и одѣяла... Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе дѣтской наивности и дѣтскаго безвкусія.

Но проводники наши и самъ хозяинъ глядѣли на это игрушечное убранство какъ на верхъ роскоши и приличія и, очевидно, ждали отъ насъ горячихъ похвалъ и искренняго изумленія...

* * *

Гидатинскій Авраамъ смутилъ всѣ мои понятія о патриархахъ, съ благодарностью принявъ отъ насъ плату за сѣнь своего шатра и за «упитаннаго тельца», закланнаго имъ для странниковъ...

Мы опять очутились въ псклѣ каменнаго ящика, безпощадно накаляемаго солнцемъ. Пить хотѣлось до-смерти. То-и-дѣло нукеры нырнули съ лошадьми въ кручу, чтобы зачерпнуть чернаго грифельнаго настоя, который называютъ здѣсь водою Аварскаго-Койсу. Съ непривычки страшно прикоснуться губами къ этому отвратительному раствору грязи.

Но ключей тутъ почти нѣтъ, дѣсовъ не видать въ этой каменной пустынѣ, а жажда мучить. Лезгины увѣряютъ къ тому-же, будто чистая ключевая вода далеко не такъ здорова, какъ этотъ настой грифеля. Дѣлать нечего,—пить всѣ, пьешь и ты, да еще какъ жадно пьешь...

Цикады своимъ несмолкаемымъ жестянымъ чириканьемъ заглушаютъ даже ревъ рѣки. Кажется, онѣ однѣ только наслаждаются этою сухостью и этимъ зноемъ. Иначе не поднимали-бы онѣ своего надобѣднаго концерта.

VII.

Христіанская святыня Дагестана.

ЛЕЗГИНЫ что-то совѣщаются съ Максиме и приостанавливаютъ своихъ коней. Максиме съ довольнымъ видомъ киваетъ головою и подвѣзжаетъ къ намъ, полный какой-то загадочной торжественности.

— Церковь тутъ есть старинная, неподалеку въ ущельѣ;—объявляетъ онъ намъ важнымъ голосомъ многопытнаго чичероне.—Если угодно, можно захватъ посмотреть... Начальники всегда звѣзжаютъ...

Мы повернули влѣво и вѣхали въ лабиринтъ сухихъ, обрывистыхъ известняковъ.

Высокія стѣны голыхъ скалъ сплошнымъ кольцомъ замыкають спрятанную внутри ихъ круглую полянку, перебитую тощимъ ручейкомъ.

Только одинъ узкій проходъ ведетъ здѣсь въ природную крепость, которую десять человекъ легко могли-бы отстоять отъ цѣлаго войска... Отвѣсныя стѣны защищаютъ сами себя; вода внутри; запасы хлѣба можно было безъ труда сложить въ одну изъ тѣхъ пещеръ, что окаймляютъ стѣны изнутри... Около нихъ замѣтны кучи развалившихся каменныхъ строеній...

Но мы разглядѣли и другой задній выходъ изъ этого первобытнаго укрѣпленія. Онъ ведетъ въ другую котловинку, такую-же круглую, такъ-же глубоко спрятанную, такъ-же со всѣхъ сторонъ обставленную неприступными голыми стѣнами скалъ... Это цитадель въ цитадели. Ручей начинается здѣсь, у подошвы известкового холма, посрединѣ котловины... На холмѣ высится почти цѣликомъ сохранившейся христіанскій храмикъ глубочайшей древности... Онъ сложенъ изъ огромныхъ, тщательно отесанныхъ камней бѣлаго известняка, на прекрасной бѣлой извести, окаменѣвшей въ теченіе вѣковъ и сдѣлавшей неразрушимыми толстыя стѣны храма.

Высокіе своды строгой геометрической красоты и простоты, напоминающіе своими художественными линиями лучшіе памятники грузинской архитектуры, вполне сохранились внутри маленькаго храма; узкія, поднятыя высоко окна-бойницы, характерныя для древнихъ церквей Кавказа, наполняютъ этотъ бѣлый храмикъ таинственнымъ синимъ свѣтомъ глядящаго въ него сверху далекаго неба... Здѣсь, однако, не только домъ молитвы, но и осадная башня...

Мѣстность около Гушба.

По обѣимъ сторонамъ алтарика, на высотѣ трехъ аршинъ, узкіе ходы ведутъ внутрь пустыхъ стѣнъ, которыя въ минуты опасности легко могли наполняться защитниками... Тамъ, подъ прикрытіемъ наружной стѣны, имъ было безопасно и удобно посылать черезъ узкія отверстія бойницъ градъ камней, пуль или стрѣлъ на головы осаждающихъ...

Ясно, что въ вѣка сѣдой старины это былъ укрѣпленный монастырекъ какихъ-нибудь смѣлыхъ послѣдователей Христа... Можетъ быть, генуэзцы или даже греки (раньше ихъ), слѣды которыхъ несомнѣнно существуютъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ,—воздвигли этотъ передовой оплотъ христіанства среди язычниковъ и мусульманъ Аваріи. При Юстиніанѣ, въ VI вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, греческіе монастыри, часовни и крѣпостцы проникали съ изумительною предприимчивостію въ самыя глухіе уголки горнаго Кавказа и горнаго Крыма.

* * *

Лезгины, провожавшіе насъ, относились къ старому храмику
ОЧЕРКИ КАВКАЗА. 32

сь суевѣрнымъ благоговѣніемъ, словно къ своей собственной святынь...

Они называютъ его «гатанъ», какъ всякую вообще христіанскую цѣрковь.

Кто построилъ «гатанъ», по ихъ словамъ, не знаютъ самые сѣдые столѣтніе старики, и дѣды ихъ говорили имъ, что даже ихъ дѣды не знали народа, тутъ прежде жившаго и построившаго эту цѣрковь...

Такъ стара она. Старики ихъ только знаютъ по преданіямъ предковъ, что давно-давно весь Дагестанъ поклонялся кресту и молился въ такихъ «гатанахъ»... Весь народъ ихъ почитаетъ старый «гатанъ»... и боится прикоснуться къ нему, потому что въ немъ живетъ грозный святой... При Шамилѣ, по словамъ ихъ, тутъ даже жили христіанскіе монахи, и имамъ приказалъ повѣсить за ноги тѣхъ людей, которые посмѣли разорить монастырь и побить монаховъ, чѣмъ навлекли на лезгинскій народъ гнѣвъ грознаго святого...

* * *

Трогательнъ этотъ неожиданный видъ стариннаго христіанскаго храма, скромно бѣляющаго своими благочестивыми стѣнами въ своей нерукотворной оградѣ скалы, среди могильнаго безмолвія пустыни... Можетъ быть, цѣлое тысячелѣтіе стоитъ онъ здѣсь, такой-же пустой и безмолвный, охраняемый суевѣрнымъ ужасомъ дикарей, слушающаго одну и ту-же тоскливую пѣсню отшельника-ручья, шевелящагося у ногъ его... Ни откуда не видно его, ничего и ему не видно. Рѣдкій смѣльчакъ-лезгинъ заглянетъ подъ его таинственные своды, гдѣ живетъ невѣдомый таинственный духъ...

Камни разрушенныхъ жилищъ да горячія, сухія скалы—одни окружаютъ его своими мертвыми объятіями, задвигая отъ него весь міръ, да сверху глядитъ въ его каменную могилу также вѣчно безмолвное синее небо...

Это одинъ изъ очень рѣдкихъ памятниковъ христіанства внутри мусульманскаго Дагестана.

А между тѣмъ смутныя преданія лезгинъ — историческая истина.

Дагестанъ, дѣйствительно, былъ когда-то христіанскій. Еще св. Елисей, ученикъ апостола Фаддея, по преданіямъ старыхъ армянскихъ хроникъ, проникалъ изъ Агваніи въ Чога, т.-е. Дербентъ и въ горную страну маскутовъ, или масагетовъ, т.-е. теперешній Дагестанъ, для проповѣди христіанства.

Судя по множеству евреевъ, жившихъ въ прежніе вѣка въ Дагестанъ и вездѣ служившихъ первыми проводниками христіанства, рели-

гій Распятаго Мессіи должна была очень рано зачатъся въ этихъ торныхъ странахъ... Евреи, жившіе внѣ Палестины, расселенные по Кавказу и въ другія далекія страны Востока разными завоевателями, какъ Тиглатъ Пелесеръ, Салманассаръ и др., еще задолго до Навуходоносорова плѣненія, не были заражены холодными себялюбивыми ученіями фарисеевъ и саддуксеевъ и встрѣчали благовѣстіе о пришествіи на землю Мессіи, обѣщаннаго пророками, со всею жаркою искренностью патриархальнаго народа...

Древній Мухетъ, насленный евреями, ближайшій сосѣдь Дагестанскаго нагорья, недаромъ связалъ свое имя съ первыми преданіями христіанства о нешвенномъ хитонѣ Спасителя, недаромъ сталъ первымъ очагомъ христіанства въ Грузинскомъ царствѣ подлѣ вдохновенной проповѣди св. Нины, пришедшей изъ Іерусалима, столицы еврейской, и радостно обрѣтшей здѣсь своихъ еврейскихъ собратьевъ...

* * *

Св. Елисей претерпѣлъ мученическую смерть въ Агованіи, въ долині Зергуни, успѣвъ, повидимому, обратить ко Христу только отдѣльныхъ лицъ, но не пошатнувъ старыхъ вѣрованій цѣлаго народа.

Зоо лѣтъ спустя, уже послѣ крещенія Арменіи, молодой епископъ Агованіи и Іберіи, Григорісъ, родной внукъ Григорія, просвѣтителя Арменіи, послѣдовалъ по пути апостольскаго мужа и, пробравшись въ страну маскутовъ, своей смѣлой проповѣдью едва было не обратилъ въ христіанство царя маскутовъ Санесана, вѣроятно, одного изъ предковъ тѣхъ самыхъ нуцаловъ аварскихъ, жившихъ въ Хунзахѣ, которые, подобно Санесану, какъ увѣряетъ дагестанскій историкъ Мухамедъ-Рафи, считали себя потомками армянской династіи Арсакидовъ... Но Санесанъ, повѣствуя лѣтописецъ, по внушенію сатаны, предавъ Григоріса мученической смерти, и съ тѣхъ поръ лѣтописи не сообщаютъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о христіанствѣ Дагестана.

Очевидно, оно распространялось постепенно изъ Мухета и съ береговъ Чернаго моря грузинами, армянами, греками...

Но проповѣдь христіанства была слишкомъ отрывочна и непрочно. Священные книги не переводились на языкъ, знакомый горцамъ Дагестана, образованіе и мягкость нравовъ не могли проникнуть въ глухія дебри, и дикарь-язычникъ, поклонившійся силамъ природы, всему, чего онъ боялся или въ чемъ нуждался, оставался и послѣ крещенія въ вѣру Христову тѣмъ-же суевѣрнымъ фетишистомъ, тѣмъ-же грубымъ идолопоклонникомъ, какимъ былъ прежде, присоединивъ только нѣсколько новыхъ священныхъ именъ, дней и обрядовъ.

къ прежней младенческой демонологіи своей, къ прежнимъ своимъ жертвамъ и пиршествамъ...

Въ VII вѣкѣ нашей эры покореніе Дагестана арабами, одушевленными завоевательной идеей ислама, положило навсегда конецъ дагестанскому христіанству.

Хотя языческія вѣрованія, праздники и обычаи Дагестана далеко не были подавлены новою религіей, хотя дагестанскіе мусульмане и до сихъ поръ являются во многихъ мѣстностяхъ гораздо болѣе языческими фетишистами, чѣмъ правовѣрными послѣдователями Магометова единобожія, но все-таки арабы сумѣли основать на исламѣ, путемъ шаріята, гораздо болѣе прочное соціальное и политическое устройство кавказскихъ горцевъ, чѣмъ это могли сдѣлать грузинскіе цари и императоры Греціи...

Отъ Гидатлинскаго моста дорога уже совершенно удобна для колесъ, для цѣлыхъ обозовъ.

Тѣсное ущелье замираетъ наконецъ въ своихъ послѣднихъ оплотахъ, и передъ нами надаиско раскрывается широкая, живописная панорама...

Это, однако, еще не равнина, это еще «страна горъ», во всемъ своемъ развалѣ огромныхъ, капризно перепутанныхъ, капризно построенныхъ горъ...

Характерная и оригинальная картина, какой не увидишь нигдѣ, кромѣ средняго Дагестана, этого истиннаго центра «страны горъ»...

Словно безчисленное множество гигантскихъ, скалистыхъ острововъ усѣченными пирамидами, съ плоскимъ и широкимъ теменемъ, поднимаются изъ моря туманныхъ далей, образуя вмѣстѣ необъятный каменный архипелагъ... Ничего не сообразишь въ этомъ лабиринтѣ змѣвидныхъ, сплетающихся ущелій, пересѣкающихся другъ друга, сливающихся другъ съ другомъ, въ этомъ хаосѣ скалъ, набросанныхъ и сдвинутыхъ другъ къ другу безъ всякаго плана и порядка...

Но за то въ нихъ всѣхъ одна идея, одинъ архитектурный типъ: вездѣ глазъ встрѣчаетъ только неприступныя многэтажныя крѣпости, окруженныя со всѣхъ сторонъ пропастями, будто природнымъ рвомъ, широкія внизу, суживающіяся къверху отъ одного яруса къ другому, увѣнчанныя наверху ровнымъ и просторнымъ гласисомъ съ отвѣсными краями.

Это не только «страна горъ», но и «страна крѣпостей», созданныхъ самою природою. Не зная исторіи Дагестана, по одному взгляду

Общій видъ Гуниба.

на формы его горъ можно угадать его прошлое, судьбы его внѣшней и внутренней жизни...

Мысль объ отчаянной защитѣ, о борьбѣ съ врагомъ до послѣдней крайности—здѣсь внушается сама собою, однимъ созерцаньемъ горнаго ландшафта... Самая ничтожная сила должна чувствовать себя грозною и непобѣдимою подъ защитою этихъ естественныхъ твердынь, смѣло манящихъ къ себѣ даже робкій и недогадливый духъ, обѣщающихъ ему вѣрное, недосыгаемое убѣжище за этими пропастями, на этихъ отвѣсныхъ скалахъ...

Привали только къ краю пропасти кучу камней, вездѣ наваленныхъ, отовсюду сыплющихся,—вотъ тебѣ и готовое природное оружіе для этой природной крѣпости, съ которымъ горсть смѣльчаковъ остано-вить армію...

Ландшафтъ Дагестана—это раздробленіе и обособленіе, проведенное до послѣднихъ предѣловъ... Всякая скала—островъ, разобщенный безднами отъ всего міра, недоступный, неприютный, угрожающій. Даге-

стань ошестинилась своими утесистыми горами, будто дикобразъ своимн иглами... Ни одна не коснется другой; всё враждебно и недоувѣрчиво торчатъ въ разныя стороны...

Такова-же развилась и жизнь дагестанскихъ народовъ.

Никогда не могъ Дагестанъ составить изъ себя одно сплошное царство, одинъ крѣпкій союзъ; никогда не имѣлъ онъ одного языка. Его издревле называютъ «гора языковъ».

Племена его многочисленныѣ, чѣмъ племена любого большого государства. Каждая гора заселена особеннымъ племенемъ, каждая деревня говоритъ особеннымъ нарѣчьемъ, непонятнымъ для другихъ.

Аварцы ненавидятъ кумыховъ, дидойцы — капучей, андийцы — табасарандевъ. Въ каждой общинѣ свой обычай, свои законы на все, непохожая на другихъ одежда, чуждыя другимъ празднества.

Даже одна и та-же рѣка называется десятью различными именами, протекая десять сосѣднихъ ущелій.

Никто не хочетъ знать ничего общаго: ни общихъ законовъ, ни общихъ интересовъ, ни общаго имени...

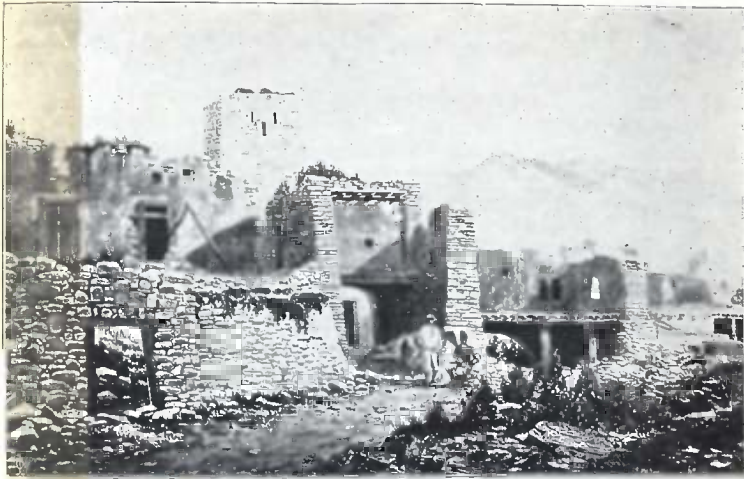
Название лезгинъ, которымъ мы обозначаемъ жителей Дагестана, чуждо самимъ дагестанцамъ. Они въ своихъ собственныхъ устахъ — цези, цунта, анцухъ, беджа, кумыхъ, но вовсе не лезгины.

* * *

Чуждый Дагестану, пришлый элементъ исламизма, правда, внесъ въ него нѣкоторыя слабыя искры сознанія своего единства по вѣрѣ.

Но самымъ могучимъ и безопаснымъ борцамъ ислама, каковъ былъ, напр., Шамиль, стоило мучительныхъ трудовъ воплотить, хотя временно, во что-либо реальное и практическое эту слабо-тлѣющую въ Дагестанѣ идею религіознаго единства своего.

Несмотря на свою желѣзную волю и на свой гений народнаго устройства, Шамиль палъ въ концѣ-концовъ жертвою непосильной борьбы съ духомъ обособленія и розни, вѣками укоренившейся въ племенахъ Дагестана, не побѣжденной даже исламомъ... Одна за другою покинули его на произволь судьбы горскія общины, негодовавшія на его деспотизмъ единовластителя, на подавленіе имъ разнородныхъ мѣстныхъ обычаевъ, или народныхъ адатовъ, однообразными предписаніями шаріята; грозный владыка Дагестана былъ взятъ русскими войсками въ послѣднемъ убѣжищѣ своемъ, Гунибѣ, защищаемый всего только нѣсколькими сотнями лично преданныхъ ему миродовъ. Даже домашній бытъ дагестанскаго жителя, устройство его аула, его сакли, — весь дѣлается ясенъ изъ этого типическаго рельефа родныхъ ему горъ.

Сакля Шамиля въ Гунибѣ. — Картина Заиковаго.

Эти скалы-крѣпости, торчащія среди пропастей, ни откуда недоступныя, съ плоскими вершинами, — очевидный идеаль мезгинскаго жилища... Въ его аулъ точно также не влѣзешь ни съ какой стороны, въ его саклю точно также нужно ползти и карабкаться, рискуя сломать себѣ голову. Точно также онъ покоенъ и безопасенъ только на своей плоской крышѣ, гдѣ происходитъ вся его работа и весь отдыхъ его... Каменные твердыни, стелющіяся плоскими террасами, раздѣленные глубокими, узкими трещинами, жилища-бойницы, дома-башни, — таковъ общій видъ дагестанскихъ горъ...

Рѣдко гдѣ природа проникла такъ глубоко своимъ собственнымъ характеромъ духъ и привычки человѣка, рѣдко гдѣ удалось ей дѣлать изъ его жизни такой полный образъ и подобіе свое, какъ въ Дагестанѣ...

* * *

Гунибъ постигаешь заранѣе, еще не видя его. Тутъ десятки Гунибовъ кругомъ: это принимаетъ даже человѣкъ, непрічастный военному дѣлу Всадъ столовыя горы, непріступныя какъ Гибралтаръ, куда нѣ взглянешь. Гунибъ тутъ дѣлается не только возможнымъ, а просто не-

обходимымъ. Вонъ онъ свѣтится своею тупою пирамидою, ярко освѣщенный лучами вечерняго солнца, блѣдно-красный, какъ пламя—среди лиловаго тумана, въ которомъ тонетъ его широкая основа...

Его заслоняетъ отъ насъ причудливая усѣченная пирамида другой ближайшей горы—Гилитя, «чедоданъ-горы», по мѣткому прозвищу нашихъ солдатиковъ. Подальше, поправѣ, Кегерскія высоты, утесистый Турчи-Дагъ...

Всѣ эти острова-крѣпости, облитые огнями заката, плаваютъ, какъ и скала Гуниба, въ лиловыхъ волнахъ тумана... Ближе къ Гунибу, Хунзаху—этимъ центрамъ дагестанской власти, новой и старой,—страна дѣлается гораздо населеннѣе, обработаннѣе, цвѣтущѣе... Дикая пустыня кончается; начинается хотя какое-нибудь движеніе торговли, промысловъ и общественныхъ сношеній...

* * *

Налѣво отъ насъ, по выступамъ горъ, блѣдуютъ строгіе и дѣшпительные зигзаги почтовой дороги въ Хунзахъ, Хунзахъ недавно еще былъ столицею аварскихъ хановъ, или нуцаловъ, самыхъ могущественныхъ влстителей Дагестанаа. Мюридизму Кази-Мушлы и Шамиля стоила дорога упорная борьба съ вѣковымъ авторитетомъ хунзахскихъ нуцаловъ, и аварцы долго оставались заклятыми врагами Шамиля за вѣроломное избіеніе мюридами древняго рода нуцаловъ.

Въ первый разъ мы начинаемъ встрѣчать нагруженныхъ арббъ, народъ, двигающийся на базарь... Дрова, сложенные въ сажени, роскошныя поля кукурузы, частые сады съ изгородями и превосходнымъ орошеньемъ,—все говоритъ глазу путника о близости большихъ поселеній и значительнаго рышка. Дѣйствительно, тутъ аулы очень часты,—одинъ на другомъ.

Мы въѣхали въ живописно-раскинутый по берегу небольшой рѣчки аулъ Холотль, гдѣ предстоялъ намъ послѣдній ночлегъ передъ Гунибомъ...

Его пирамидальные тополя и террасы плосккрышнихъ саклей, освѣщенныхъ яркимъ закатомъ, вырѣзались очень красиво на стемнѣвшемъ лиловомъ фонѣ горъ... Намъ отвели почти пустое, хотя обширное помѣщеніе во второмъ этажѣ совершенно новой сакли, при въѣздѣ въ аулъ... Мы не сошли съ крыши балкона, пока лезгины изъ разныхъ мѣстъ таскали въ пустыя комнаты подушки, тюфяки и ковры.

Холотльскій наибъ былъ единственный изъ мѣстныхъ властей Дагестана, который не оказалъ намъ никакого вниманія. Причиной этому было, впрочемъ, случайное обстоятельство—что мы перемѣнили,

Общій видъ укрѣпленія Хузахъ.

въ концѣ нашего путешествія, маршрутъ, начертанный намъ въ Енисели, и потому попали теперь въ округи, не предупрежденные о нашемъ проѣздѣ распоряженіями заботливаго князя Дж. Въ нашемъ ночлегѣ нельзя было достать рѣшительно ничего—ни посуды, ни стола, ничего съѣдобнаго. Пришлось посылать нукеровъ добывать всякую всячину по аулу. Наибъ, къ которому мы послали просить оказать намъ содѣйствіе въ наймѣ лошадей и назначеніи конвола, не хотѣлъ, повидимому, затруднить себя этими заботами, и только послѣ нѣсколькихъ возобновленныхъ настояній явился къ намъ самъ... Открытые листы и рекомендательныя письма даны были изъ Тифлиса отъ имя брата, какъ одного изъ членовъ мѣстной тифлисской администраціи; поэтому брату и пришлось повести съ наибомъ довольно долгій и крупный разговоръ... Здѣсь, на Востокѣ, необходимо отстаивать очень настойчиво авторитетъ своего положенія и своихъ правъ, примѣняясь къ грубому взгляду восточнаго человѣка на свойства власти...

Наибъ былъ лезгинъ громаднаго роста, смуглый, какъ негръ, съ двухаршинными плечами, съ Георгіемъ на груди. Онъ тоже былъ

изъ числа шамилевскихъ и храбро потомъ бился въ рядахъ русскихъ. Въ концѣ-концовъ, онъ, кажется, созналъ свою оплошность и хоти отговаривался предстоящимъ на завтра проѣздомъ вновь назначеннаго начальника западнаго Дагестана, князя О.,—однако, общалъ приготовить лошадей и конвой...

* * *

Напившись чаю и поужинавъ, чѣмъ было возможно, долго лежали мы втроемъ съ Илико на крышѣ дома, господствовавшей надъ ауломъ...

Вечеръ надвинулся быстро и окутывалъ всю широкую долину, разстлавшуюся надъ нами...

Столовая горы Гуниба, Тилитая, Турчи-Дата, направо отъ насъ, еще были освѣщены по тупымъ макушкамъ своимъ послѣдними лучами давно уже скрывагося отъ насъ солнца... Налѣво, за густыми синими волнами хребта, куда уходило ущелье Койсу, сіяла блѣдная серебряная пирамида вѣчно снѣжной Боготы, дѣлый нынѣшній день провожавшая насъ сюда... Ауль, кое-гдѣ еще прохваченный розовыми и огненными тонами заката, стихалъ въ шорохъ рѣчки, тихо пробирающейся среди тополей и чинаръ... Неслышно расходилась толпа народа, собравшагося посмотрѣть рѣдко-видимыхъ здѣсь путешественниковъ. Неслышно двигались на той сторонѣ, отъ мечети, богомольные лезгинскіе старики, только-что возсылавшіе Аллаху послѣднюю вечернюю молитву...

Все рѣдѣютъ живописныя фигуры на плоскихъ кровляхъ, стоявшія, сидѣвшія; коврики сосѣднихъ крышъ покрываются спящими...

Весь ауль мало-по-малу засыпаетъ...

Чуть прорѣзанный рогъ новой луны уже спускается къ горизонту, наполняя какимъ-то сладкимъ миромъ эту тихую долину...

Звѣзды высыпаютъ и роются на глубокой, теперь почти черной синевѣ...

А прямо противъ насъ, въ тѣнистой рошѣ тополей, громадное мусульманское кладбище аула какъ-то странно начинаетъ бѣдѣть среди надвинувшейся темноты своими безчисленными стоячими камнями; узкими и высокими, какъ чловѣкъ, въ каменныхъ чалмахъ и тюрбанахъ на каменныхъ головахъ...

Въ полудремотѣ ночи чудится, будто это — тѣсно-сбившіяся толпы мертвецовъ въ бѣлыхъ саванахъ, несчетныя поколѣнія когда-то жившихъ здѣсь, поднимаются на смѣну уснувшей жизни изъ своихъ глухихъ могилъ неподвижно созерцать пустынную красоту ночи и слышать убаюкивающую пѣнь рѣчныхъ струй...

Они наклонились другъ къ другу, кто вправо, кто влѣво, какъ распатанный частоколъ, и неслышно шепчуть другъ другу таинственныя саги о темномъ и страшномъ мірѣ, въ который ведутъ черныя пасти ихъ могилъ...

Не изъ этой-ли пасти вѣчности летаетъ на землю, окутыяя ее все глубже и глуше туманами тьмы, и та черная ночь, въ которой безслѣдно утонули горы и сады аула, съ которою чуть борется тьма, наверху, весь мигающей звѣздами, какъ изъ огней сотканной ризыю, далекій небесный сводъ?...

VIII.

Походъ на Гунибъ.

УТРОМЪ дѣйствительно лошади были приведены, и новые нукеры ожидали насъ внизу.

Еще раньше, часа въ 3 утра, прошель мимо съ удалыми пѣснями отрядъ конныхъ милиціонеровъ, — «полкъ», какъ его здѣсь называютъ. Въ каждомъ значительномъ селеніи есть такой «полкъ» хорошо вооруженныхъ всадниковъ, обязанный нести въ мирное время службу почетныхъ конвоевъ.

Здѣшнія военныя пѣсни, какъ и въ Беджѣ, и у дайцевъ, — все тѣ-же самыя, постоянно возобновляющіяся рѣзкія званія, оканчивающіяся страннымъ мелкимъ речитативомъ. Это лихой вызовъ кому-то, безъ всякой мелодіи и темпа...

Только въ 5 часовъ утра, уже въ сильный жаръ, удалось намъ выбраться изъ Холотля; мы переправились черезъ отличный широкій мостъ, украшенный по угламъ высокими раскрашенными столбиками съ магометанскою луною, — можетъ быть, еще остатокъ Шамилева величія.

Тутъ нѣтъ еще никакихъ эмблемъ Россіи, никакого признака русской власти: ни звука русскаго, ни русскаго лица. Новые нукеры объяснили намъ и тайну вчерашняго невниманія къ намъ наиба. Мы не взяли къ нему записочки на татарскомъ языкѣ отъ прежняго наиба, а русскаго открытаго листа не могъ никто прочитать, пока не пришелъ какой-то писарь... Здѣсь всюду приходится имѣть двойныхъ и тройныхъ переводчиковъ. Знающій грузинскій языкъ переводитъ по-лезгински приказанія Максиму, которому мы поручаемъ то или другое. Часто лезгинъ не говоритъ нарѣчіемъ переводчика, и приходится отыскивать еще одного посредника.

Сдѣлавъ 15 верстъ бойкою рысью, мы пріѣхали въ Карадагское укрѣпленіе. Это — важный стратегическій пунктъ средняго Дагестана; ущелье Каракойсу поворачиваетъ здѣсь къ Гунибу, и широкій, удобный мостъ черезъ рѣку оберегается нашею крѣпостцею. Она построена въ формѣ блокада съ узкими бойницами, вся изъ камня и желѣза, и довольно сильна. Полторы роты пѣхоты составляютъ ея обычный гарнизонъ. Въ сторонѣ отъ крѣпости разбитъ лагерь линейнаго батальона, стоятъ на зеленыхъ лафетахъ сверкающія мѣдныя пушки. Признаюсь, несмотря на всю грозную живописность и поразительную оригинальность пустынныхъ дагестанскихъ ущелий, мы съ чувствомъ самой искренней радости увидели наконецъ, послѣ столькихъ дней скитанья среди чуждыхъ намъ одеждъ и лицъ, среди непонятныхъ намъ языковъ, родныхъ бѣлыхъ рубахъ нашихъ молодыхъ-солдатовъ русскихъ, услышали знакомую, російскую ругань, ощутили знакомый запахъ махорки и кислой капусты...

Солдатики лежали и сидѣли вдоль берега рѣки, покуривая коротенькія трубочки, и очевидно наслаждались короткимъ кейфомъ послѣ ученья...

Однако, не меньше родныхъ солдатиковъ обрадовались мы и духану, на который вдругъ наѣхали около крѣпости, первому духану, встрѣченному нами въ Дагестанѣ. Содержитъ его, конечно, не кто иной, какъ армянинъ. Духанъ полонъ всякихъ товаровъ и закусокъ, вина и водокъ. Мы довольно жадно набросились на астраханскій балыкъ и на свѣжее карадагское вино, послѣ скромной трапезы Хомотля. Съ лошадьми опять вышла путаница. Отсутствие охраняющей насъ десницы сказывалось на каждомъ шагѣ. Нанѣ не предупредилъ насъ, что въ Карадагѣ кончается его округъ и что намъ слѣдовало заранѣе предупредить сосѣдняго наиба. Посылать къ нему было далеко, да и когда-бы собралъ онъ намъ лошадей, угоняемыхъ обыкновенно въ горы на дѣлный день!

Пробовали достать у военныхъ властей, найти у нихъ какое-нибудь содѣйствіе, но поѣздка къ нимъ въ крѣпость Иляко не имѣла успѣха. Въ этомъ критическомъ положеніи мы рѣшили прибѣгнуть къ нѣкоторому насилію. Угрозами и обѣщаніями удалось убѣдить холольцевъ проводить насъ на тѣхъ-же лошадяхъ черезъ чужое наибство до самаго Гуниба. Иначе пришлось-бы заночевать около карадагскаго духана.

* * *

Мы нарочно сдѣлали крюкъ, чтобы проѣхать знаменитою въ Дагестанѣ «карадагскою щелью».

Завтракъ Императора Александра II въ укрѣпленіи
Келиджикъ.

Картина Т. Горшельта.

Свѣтло-желтыя известковыя скалы, въ нѣсколько сотъ футовъ, прорѣзаны насквозь, сверху-донизу, будто мезвсемъ ножа, узкою трещиной, не болѣе полутора аршина ширины и около полуверсты длиною... Одна лошадь только-что умѣщается между тѣсно сближенныхъ, совершенно отвѣсныхъ и гладкихъ стѣнъ, раздѣленныхъ узенькимъ русломъ пересохшаго ручья. Въ большіе дожди это сухое русло обращается въ глубокой сокрушительный потокъ, и трещина дѣлается непроходимой...

Узкая полоска жаркаго синяго неба чуть виднѣется надъ этой колоссальной естественной галереей, въ которой стоитъ какой-то страннѣйшій желтоватый полусвѣтъ и отраднѣйшій прохлада. Огромные камни, обобравшіяся съ карниза стѣнъ, застряли высоко наверху, между стѣнъ, и висятъ тамъ, надъ головами проѣзжающихъ, съ самой недвусмысленной угрозою...

Другіе проскочили, не защемившись, на дно ущелья и загораживаютъ тамъ путь...

Жутко было проѣзжать подъ этими каменными ядрами, ежеминутно готовыми сорваться и раздавить неосторожнаго любопытнаго,

Эта оригинальная трещина напомнила мнѣ извѣстных Gorges du Trident въ рюнской долинѣ швейцарскаго Валисса...

Карадагская щель еще уже валисской, но не имѣетъ тѣхъ эффектовъ бурнаго ручья и тѣхъ трясущихся надъ водопадами живописныхъ балкончиковъ и мостиковъ, которыми привлекають къ себѣ туристовъ Gorges du Trident. Оригинальный хозяинъ живетъ въ этомъ оригинальномъ жилищѣ...

На страшной высотѣ, среди отвѣсной стѣны, какой-то безумный смѣльчакъ устроилъ себѣ воздушную пасѣку...

Черныя пчелы привыкли наносить медъ въ частыя норы скалы, и предприимчивый лезгинскій хозяинъ, ихъ выслѣдившій, устроилъ около ихъ природныхъ ульевъ углубленную площадочку изъ прутьевъ, гдѣ едва могутъ помѣститься двѣ человѣческія ноги...

Чтобы подняться къ этой даровой пасѣкѣ своей, отчаянный смѣльчакъ натыкалъ кое-гдѣ въ скалу чуть замѣтные глазу прутьики, за которые онъ хватается, карабкаясь, какъ паукъ, по отвѣсной стѣнѣ, вися надъ бездною...

Давно уже существуетъ эта безхитростная первобытная пасѣка дагестанца. Рассказываютъ, при взятіи Гуниба, наивный пасѣчникъ умолялъ нашихъ солдатъ не разорять его пчелъ и не трогать меду его. Ему казалось такъ просто и соблазнительно для каждаго сломать себѣ шею на этой чертовой стѣнѣ изъ-за горсти его меда.

Покойный Государь Александръ Николаевичъ, бывшій въ Гунибѣ, посѣтилъ карадагскую щель, гдѣ ему былъ устроенъ завтракъ на открытомъ воздухѣ; паукъ-пасѣчникъ привѣтствовалъ Бѣлаго Царя громкимъ «ура» съ высоты своего пчелинаго гнѣзда, за что удостоился получить въ награду десять рублей и царское спасибо...

* * *

Хотя Гунибъ виденъ намъ уже 2-й день, но подниматься на него приходится что-то очень долго...

Все кружишься вокругъ него, опоясывая улиткою постепенные подъемы горы, будто обманывая высоту...

Тупая пирамида Гуниба имѣетъ въ нижнемъ обхватѣ своемъ не менѣе 30 верствъ. Горы и утесы самаго разнообразнаго вида со всѣхъ сторонъ заслоняютъ и защищаютъ подступы къ ней... Подумаешь, гунибская гора—чистый вулканъ. Она вся кругомъ обсыпана низвергающимися сверху камнями и облаками скалъ, будто грозный редуть ядрами... Цѣлый хаосъ разрушенія у подножій ся... Древніе сказалибы, что съ Гуниба титаны бомбардировали небо кусками скалъ, а боги отвѣчали имъ сверху такимъ-же градомъ камней.

Представленіе депутаціи абадзехскаго народа Императору Александру II въ укрѣпленіи Хамкетахъ.
Картина Т. Горшалева.

Не выберешься изъ этого хаоса!

Лошади, застигнутыя жаромъ полудня, утомленныя двойнымъ ходомъ, еле двигаются по нескончаемому подъему, который съ каждымъ шагомъ дѣлается круче... Однако, среди этихъ сплошныхъ обваловъ скалъ то и дѣло попадаются аулы, сады, поля, мучительнымъ трудомъ освобожденныя отъ груди каменнаго мусора и постоянно высыпавшыя имъ...

Тутъ пшеница и наша родная рожь-кормилица, но больше всего кукурузы.

Несмотря на царство камней, прекрасная, обильнѣйшая вода льется на каждомъ шагу, питая роскошные сады...

* * *

Среди этого неогляднаго хаоса скалъ и обломковъ, кое-гдѣ зелѣнющаго садами, высится до самыхъ облаковъ тяжелая пирамида Гуньба... Верхняя площадь ея поднята почти на 8000 футовъ надъ моремъ, совершенно отвѣснымъ столбомъ. Площадь эта — цѣлый маленький округъ верстѣ 30 въ окружности. Тамъ на ней свои горы и равнины, утесы и ущелья, лѣса и рѣчки, поля и сады...

Тамъ можно жить годы, не нуждаясь ни въ чемъ существенномъ, имѣя все у себя дома, на этомъ поднятомъ въ небо, неприступномъ островѣ.

Обиліе водъ на верхней площади Гуниба такое, что со всѣхъ краевъ столовой горы она считается, стекаетъ ручьями по крутымъ скатамъ пирамиды. Дровъ, хлѣба, плодовъ—всего тамъ довольно, если всѣмъ заняться хорошенко. Оттого-то Шамиль и выбралъ себѣ послѣднимъ убѣжищемъ эту природную крѣпость, гдѣ онъ былъ независимъ отъ всѣхъ и всего.

* * *

Наконецъ сквозь утесы, окаймляющіе, будто зубцы крѣпостной стѣны, край верхней площади, заблѣлись башни нашей цитадели, украсившись ея желѣзныя крыши...

Русская цитадель залѣзла какъ-разъ на то мѣсто, откуда вошли 25 августа 1859 года войска, взявшій Гунибъ. Она представляетъ собою ничтожную каплю, висящую на углу скалы громаднаго обхвата всей заблачной равнины Гуниба. Гунибъ взять былъ чудомъ.

Его защищало всего 327 хабрецовъ. Сторожевые посты лезгинъ, не болѣе 6, 7 человекъ въ каждомъ, прятались съ своими кремневыми винтовками въ наименѣе приступныхъ мѣстахъ верхняго карниза, и этой защиты было вполне достаточно, чтобы уничтожить всякій отрядъ, который-бы осмѣлился взбираться на голыя отвѣсныя стѣны... Не было-бы даже и надобности прибѣгать къ пулямъ, столь дорогимъ для лезгина. Стоило бы только слегка двинуть растреснувшіе зубья крайнихъ утесовъ—и осаждающіе были бы погребены подъ обломками скалъ... Только въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь наша крѣпость, т.-е. съ южной стороны, скаты столовой горы нѣсколько покаты, и потому тутъ были устроены завалы, насыпи и стояли пушки Шамилля...

Князь Барятинскій съ резервами стоялъ на противоположной Кергерской горѣ, за рѣкою, почти на одной высотѣ съ Гунибомъ, который былъ весь виденъ ему.

Значительный отрядъ въ 9 батальоновъ пѣхоты былъ назначенъ на приступъ Гуниба, защищаемого ничтожною дружиною Шамилевскихъ мюридовъ. Противъ каждаго сторожевого поста лезгинъ приходилось почти по батальону русскихъ войскъ.

Счастливымъ случаемъ помогъ нашимъ удалымъ солдатикамъ одолѣть неодолимую твердыню.

* * *

Первыми взяли Гунибъ хабрецы апшеронцы, бывшіе тогда подъ

ВЫЛЕТЕ ГУНДЕА ВЪ 1859 ГОДУ.
Картинка Груманскаго.

начальствомъ прославленнаго потомъ кавказскаго героя Тергукасова: Темною ночью, передъ самымъ разсвѣтомъ, мальчишка-пастушокъ провель сто человекъ апшеронцевъ по непроходимымъ крутизнамъ, ползкомъ, на четверенькахъ, къ подножьямъ отвѣсной стѣны скалы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ не было караула Шамиля... Никто не дохнулъ, не говорилъ ни слова... Тихонько втянули къ этому мѣсту осадныя лѣстницы; онѣ, конечно, оказались коротки, но русскій солдатъ не привыкъ останавливаться передъ такими пустяками. Передовой солдатикъ вскарабкался немножко на утесъ, юнкеръ, взбравшійся за нимъ, подставилъ ему плечо... снизу подставили плечи другіе... И такимъ образомъ помаленьку, какъ пауки, чуть держась надъ бездною на коготочкахъ собственныхъ рукъ, хватаясь за ничтожныя неровности голой скалы, на головахъ и плечахъ другъ друга, — трое отчаянныхъ смѣльчаковъ успѣли вскарабкаться на крайній утесъ и, обвязавъ его веревкою, спустили ее къ товарищамъ...

Но въ это мгновеніе шумъ падавшихъ камней разбудилъ лезгинскій караулъ, стоявшій на углу скалы...

Уже стало свѣтать, и проснувшійся караулъ вдругъ увидалъ подъ собой лѣзущихъ прямо къ нимъ на приступъ

Магометь-Аминъ, духовный глава абадзѣскаго народа въ 1839 г.

остальныхъ апшеронцевъ батальона...

Это была ловкая диверсія, которая отвлекла вниманіе сторожевого поста отъ взбравшейся сбоку его отчаянной сотни... Какъ-только вся сотня была наверху, расчетъ съ сторожевымъ постомъ былъ коротокъ. Только трое удѣлѣвшихъ храбрцовъ успѣли вкочнить въ караулную башенку на скалѣ: они дорого продали свою жизнь. Разстрѣлявъ всѣ свои заряды, съ кинжалами въ рукахъ, какъ бѣшеные

звѣри, вырвавшись они изъ бойницы и бросились прямо на штыки русскихъ, разя направо и налѣво...

Это былъ мулла и съ нимъ два мальчика, 17 и 13 лѣтъ... Прокоротые насквозь, вертясь, какъ на вертѣлѣ, на трехгранномъ острий штыковъ, они все еще продолжали колоть и убивать, и много русскихъ головъ положили кругомъ, пока не испустили свой отчаянный духъ. Сторожевой постъ, взятый апшеронскимъ батальономъ, былъ самый дальній отъ гунибскаго аула, и никто не могъ подать ему помощи...

* * *

Другіе батальоны въ это время тоже лѣзли со всѣхъ сторонъ на приступъ...

Услышавъ наверху горы побѣдоносное русское «ура», увидавъ русское знамя, развѣвающеся на гунибской бойницѣ, всѣ горцы въ паническомъ ужасѣ оставили свои сторожевые посты и бросились въ аулъ, гдѣ сбились безпомощнымъ стадомъ вокругъ своего суроваго вождя...

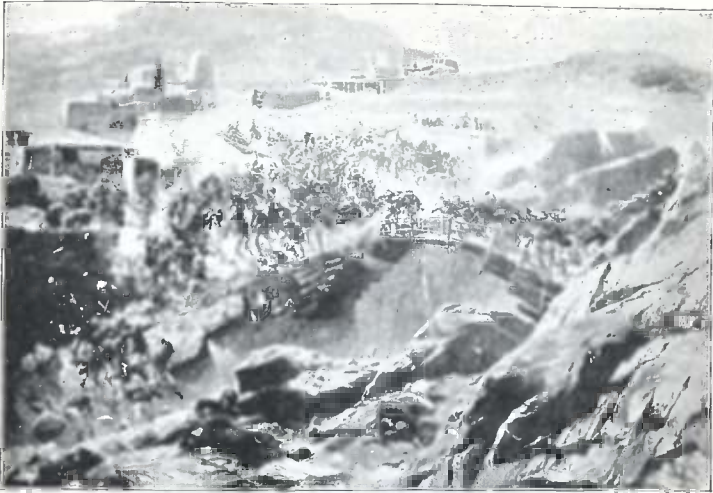
А русскіе батальоны, съ барабаннымъ боемъ, съ радостными криками «ура», между тѣмъ со всѣхъ сторонъ вливались все больше на верхнюю площадь Гуниба, разрушая завалы, захватывая пушки, одолевая обрывы и пропасти... Аулъ былъ обложенъ, но еще не сдавался... Наконецъ, прибылъ князь Барятинскій, и Шамиль черезъ своихъ наибовъ вступилъ въ переговоры.

Ему обѣщали жизнь, но не хотѣли обзаваться никакими другими условіями и требовали безусловной сдачи.

Долго колебался суровый имамъ, не довѣряя своимъ вѣковымъ врагамъ. Онъ судилъ русскихъ по самому себѣ и потому страшился самой жестокой участи. Наконецъ, видя, что все погибло, что никакого исхода нѣтъ, рѣшился сдаться со всѣмъ семействомъ на милость Бѣлаго Царя... Въ немъ недостало мужества погибнуть во главѣ своихъ послѣднихъ мюридовъ, съ священной пѣснью на устахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, къ чему онъ столько лѣтъ фанатически призывалъ и вдохновлялъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей...

* * *

Онъ не сумѣлъ довершить во всей полнотѣ строгаго образа ияма Магометова, презирающаго блага жизни, смѣло предающагося волѣ Аллаха, съ радостью ведущаго привоѣрныхъ на смерть на полѣ брани, откуда смѣлыя гуріи переносятъ горцевъ прямо въ сады райа... Онъ

Штурмъ Ахульго.

Картина Ф. Рубо.

нарушилъ законъ Магомета и свою собственную проповѣдь мюридизма, смиренно покорившись гюраимъ и вступивъ въ соглашеніе съ ними, ради спасенія своихъ женъ и дѣтей...

Этого до сихъ поръ не могутъ забыть ему дагестанскіе фанатики мюридизма, десятки лѣтъ страдавшіе за него сами и заставлявшіе страдать за него всю родную страну.

Въ тѣмной рощѣ, на верхней равнинѣ Гуниба, въ которой мы съ братомъ мирно гуляли на другой день нашего гунибскаго пребыванія, совершилась торжественная сдача Шамиля русскому главнокомандующему. До сихъ поръ уцѣлѣлъ камень съ надписью, на которомъ сидѣлъ окруженный блестящею боевою свитою своей князь Барятинскій, принимавшій побѣжденную, наконецъ, грозную саблю имама дагестанскаго...

Мрачно и уныло смотрѣли на униженнаго вождя своего и на торжествующаго побѣдителя столпившіеся вокругъ Шамиля смущенные наибы и мюриды его, эти могучіе и неукротимые львы пустыни, надѣвавшіе тутъ въ первый разъ цѣпи неволи...

Съ поразительной психической правдой и удивительнымъ художественнымъ мастерствомъ изобразилъ этотъ трагической моментъ кавказской исторіи художникъ-воинъ Горшельтъ въ великолѣпномъ альбомѣ, поднесенномъ жителями Тифлиса счастливому побѣдителю Шамиліа...

* * *

Такъ завершилась долгая кровавая драма, начавшаяся въ Чечнѣ и закончившаяся въ Дагестанѣ, по разсказамъ людей, не только видѣвшихъ развязку, но принимавшихъ самое дѣятельное участие въ приступѣ и паденіи Гуниба:

* * *

Между тѣмъ мы забирались все выше и выше, все съ большимъ и большимъ трудомъ, по ущельямъ, спирально вьющимся вокругъ толщей гунибской горы.

Аулы дѣлаются все чаще по мѣрѣ подъема, и мы ѣдемъ чуть не по кровлямъ ихъ.

Жители смотрятъ на насъ съ мрачнымъ, хотя и без-

молвнымъ недружелюбіемъ. Женщины ихъ, ширококостныя, плечистыя, низкорослыя, изуродованныя непосильною работою, окутанныя грязными цвѣтными тряпками, въ цыганскихъ развѣвающихся

Эпизоды изъ взятія Гуниба.—Рисунокъ Т. Горшельта.

ДАГЕСТАНЪ

Плѣнный Шамаль передъ главнокомандующимъ кн.
Барятинскимъ въ Гунибѣ 25 авг. 1860 г.
Картина Т. Горшальца.

мантяхъ, толпятся на плоскихъ крышахъ и въ узенькихъ проулочкахъ.

Въ Хинзахъ насъ долго провожаетъ густо заселенное памятникомъ старое мусульманское кладбище. Оно производитъ тяжкое впечатлѣнiе своими громадными башнями чернаго грифеля, иногда аршина по 3 высоты, стоймя торчащими въ разныя стороны, будто давно уже обглоданные и давно уже высохшіе костяки... Тутъ-же, у дороги, обычные памятники убитымъ—низенькія стѣнки съ нишами и плитами, разукрашенныя цвѣтными тряпичами и разными надписями изъ корана... Сурово глядящіе на насъ сѣдые и красные лезгины съ нахмуренными бровями не забыли еще—въ войнѣ съ кѣмъ погибли эти герои народа ихъ, ихъ отцы и братья...

Гунибская крѣпость стоитъ на уступѣ скалы, на искусственно выровненной площадкѣ, значительно ниже большой верхней площади, гдѣ были Шамальевъ аулъ. Она окружена низенькою стѣною, имѣетъ нѣсколько воротныхъ укрѣпленій. Внутри маленькій чистенькій горо-

докъ съ хорошенькими, будто только-что отстроеными бѣлыми домиками подь ярко-красными крышами, съ рядами милевидныхъ итальянскихъ тополей, съ довольно многочисленными лавками и базаромъ...

Прежде чѣмъ подняться въ крѣпость, мы должны были дать роздыхъ лошадямъ, совершенно измученнымъ нестерпимо-долгимъ и нестерпимо-крутымъ подъемомъ. Въ лѣсочкѣ, полномъ зеленыхъ лужаекъ и ручейковъ, мы разлеглись отдохнуть подь тѣною деревьевъ, пустивъ коней на траву... Гунибъ былъ достигнутъ, спѣшить было некуда; прямо надь нами стояли башни и стѣны крѣпости. Мы даже выпались порядочно и тѣмъ временемъ послали всевѣдущаго Максима раздобыться какой-нибудь квартирой. Не дождавшись, однако, возвращенія своего *«караванъ-башни»*, мы двинулись къ крѣпости и встрѣтили его уже въ воротахъ князя Барятинскаго.

Максимъ объявилъ намъ, что въ Гунибѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни постоялыхъ дворовъ, ни частныхъ домовъ, а одни только казенныя помѣщенія для гарнизона крѣпости; но А. Ш. Т.—въ, помощникъ начальника Средняго Дагестана, любезно приглашалъ насъ къ себѣ, на свою холостую квартиру.

Звонкій топотъ множества подкованныхъ ногъ нашего маленькаго отряда надалеко раздавался по мощенымъ улицамъ, вызывая любопытство малолюднаго населенія крѣпости, не привыкшаго къ прѣзду стороннихъ людей...

Солдатики въ бѣлыхъ и красныхъ рубахахъ, горцы въ буркахъ, осѣдланые горскіе кони — вотъ единственная публика гунибскихъ улицъ. Ни одной женщины не встрѣтилось здѣсь намъ, какъ подобаетъ крѣпости.

* * *

А. Ш. Т.—въ прелюбезный и интересный для насъ хозяинъ. Это чловѣкъ боевого и административнаго опыта, смотрящій здраво на здѣшнія дѣла и здѣшнихъ людей. Онъ теперь однимъ изъ главныхъ хозяевъ на томъ самомъ Гунибѣ, на утесы котораго, еще будучи юнкеромъ, влѣзъ почти первымъ во главѣ лихачей-апшеронцевъ въ достопамятную ночь гунибскаго плѣненія. Освѣжившись и позавтракавъ у него, мы отравились съ визитомъ къ кн. О., начальнику Дагестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коменданту Гунибской крѣпости...

Князь—чловѣкъ семейный и по родственнымъ связямъ своимъ принадлежитъ къ числу лучшихъ фамилій Грузин. Семейство его не живетъ въ настоящее время въ Гунибѣ.

Князь принялъ насъ очень радушно и крайне удивился нашему прїѣзду въ Гунибъ.

«Если бы я не видѣлъ васъ своими глазами,—говорилъ онъ намъ,—

Литографія Тимма.

то никогда не повѣрилъ-бы, чтобы вы могли проѣхать Верхній Дагестанъ. Мнѣ доложили утромъ, что двое штатскихъ прибыли изъ Тифлиса черезъ горы, и, признаюсь, я думалъ, что мнѣ переврали что-нибудь».

У Коменданта былъ провздомъ его родственникъ, тоже кн. О., только-что прибывшій изъ Петербурга на должность начальника Западнаго Дагестана, кромѣ того нѣсколько офицеровъ и наибовъ...

* * *

Сладко уснули мы въ первый разъ на настоящихъ постеляхъ, послѣ нечистоты и неудобства ауловъ, съ удовольствіемъ вспоминая, что на завтра мы не будемъ обязаны провести цѣлый день на сѣдлѣ. Чуть свѣтъ заиграли трубы, загарахтѣли ружейные выстрѣлы. Это—самое подобающее впечатлѣніе для ночлега въ крѣпости. Они, однако, не помѣшали намъ спать, сколько въ душу вѣдало.

Утромъ князь О. оплатилъ намъ визитъ, и мы долго бесѣдовали съ нимъ о разныхъ любопытныхъ для насъ предметахъ, больше всего, конечно, о Дагестанѣ, который князь знаетъ отлично. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ хозяиномъ цашимъ, и мы нашли у него цѣлое военное общество. Видно было, что квартира добродушнаго *командира*—естъ обычный, постоянно всѣмъ открытый пріютъ для офицеровъ, прѣзжающихъ въ Гунибъ по дѣламъ службы... Наибы и офицеры, несмотря на гостепрѣимство командира, держали себя, однако, въ строгой дисциплинѣ, сѣднлись въ сторонкѣ и мало вмѣшивались въ общій разговоръ.

Впрочемъ, это не препятствуетъ имъ пользоваться домомъ командира съ полною безцеремонностью. Въ бесѣдкѣ, на балконѣ, вездѣ сидятъ группы офицеровъ, бесѣдующихъ, курящихъ. Къ вечеру, когда жаръ нѣсколько спалъ, мы съ своимъ радушнымъ хозяиномъ пошли побродить по Гунибу. Его гладкая, окаймленная тополями площадка, поднятая около 3000 футовъ выше моря, кажется отсюда не верхомъ горы, а дномъ какой-то глубокой котловины, — до того нависли надъ нею обрывистые утесы верхней скалы Гуниба, куда взобрались башенки и стѣны цитадели... Но и дальше, надъ цитаделью, гора еще сильно поднимается. А между тѣмъ даже на ту площадку, гдѣ расположено такъ-называемый штабъ, то-естъ самая крѣпость Гуниба, съ ея бѣлеными домиками и магазинами, отъ Карадагскаго укрѣпленія нужно сдѣлать утомительный подъемъ въ 15 верстъ... 7 верстъ считается отъ моста Каракойсу, который кажется прямо у подношья гунибской столовой горы. Если прибавить къ этому 4 версты, которыя нужно сдѣлать изъ крѣпости до верхняго Гуниба, то высота и крутизна этой неприступной горы станутъ ясною для всѣхъ...

Вечеръ спустился тихій и ясный, и чистенькое мѣстечко съ его новенькими, будто вымытыми домиками, глядѣло такъ мирно среди

своихъ тополей и цвѣтничковъ, словно это была не грозная крѣпость въ самомъ сердцѣ воинственнаго Дагестана, а какаля-нибудь сельская дачка...

На насъ, прямо въ глаза, глядѣли черезъ рѣчку сосѣднія горы Кегеръ, съ которыхъ князь Барятинскій слѣдилъ за взятіемъ Гуниба.

Въ цитадели уже мигали первые огоньки. Надобливые звуки барабана и трубъ, несмолкающіе раскаты выстрѣловъ, цѣлый день наполнявшіе собою крѣпость, доносившіеся съ мѣсто учебной стрѣлбы, теперь стихли, и гуляющія парочки съ разноцвѣтными женскими цвѣтными платьями, семейный дымокъ самоваровъ на галлерейкахъ и въ тѣни деревьевъ — замѣнили своею домовитою тишиною воинственный шумъ и суету.

Яркая вечерняя заря обливала все ласкающимъ и чарующимъ свѣтомъ. На золотисторозовомъ фонѣ ея живописно выдѣлялись, высоко надъ головами нашими, характерные темные силуэты часовыхъ, торчавшихъ наверху укрѣпленій...

Художникъ-гуземець русскаго юга — Айвазовскій — снялъ отсюда чудную картину Гуниба, освѣщеннаго солнечнымъ закатомъ.

Мы зашли въ маленькій клубъ Гуниба, гдѣ собираются потанцовать, почитать журналы, поиграть въ карты и на бильярдъ. Въ гунибскомъ обществѣ набирается до 25 дамъ, и онѣ развлекаются въ этомъ клубѣ, какъ умѣютъ; журналовъ и газетъ очень много, такъ что, признаюсь, я никакъ не рассчитывалъ въ заброшенной горной крѣпости найти столько цивилизаціи, способной пристыдить любой изъ уѣздныхъ городовъ нашей центральной Россіи. Въ Гунибѣ есть теперь и почта, и телеграфъ, и я заранѣе утѣшался изумленіемъ моихъ близкихъ, когда они получатъ въ своей далекой черноземной равнинѣ телеграмму мою изъ этого дикаго Шамилева гнѣзда...

IX.

Гнѣздо Шамиля.

Въ 4 часа утра насъ разбудили колокольчики почтовой тройки, на которой мы должны были подняться на верхній Гунибъ. Здѣшнимъ лошадямъ этотъ подъемъ по крутизнамъ — дѣло привычное. Переѣхавъ черезъ блиндированный мостъ надъ пропастью, мы стали карабкаться по очень каменистой и бойкой дорогѣ, дѣлающей постоянные зигзаги вокругъ выступовъ скалы...

Солдаты уже были всё за дьяломъ. Кто хлопоталъ около палатокъ и казармъ, кто упражнялся въ стрѣльбѣ передъ огромною мишенью, прострѣленною какъ рѣшето...

Стѣны цитадели не высоки и не крѣпки; даже не технику видно, что сунь хорошенъко бревномъ въ эту мнимую твердыню—и она вся полетитъ къ чорту. Крупные неотсанные камни сложены кое-какъ и связаны, повидному, глиной, а не известью, или по крайней мѣрѣ съ большою примѣсью глины. Да и высота стѣнъ не внушительна; одинъ станеть на плечо другому—и спокойно перелѣзутъ внутрь крѣпости. Конечно, крѣпость эта предназначена не для борьбы съ англійскими и прусскими пушками, а для обузданія горцевъ съ ихъ кремневыми винтовками. Но въдь опытъ Шамиля и даже недавняго дагестанскаго возстанія показали, что горцы умѣютъ доставать и оружія... А самая ничтожная пушочка съ одного выстрѣла разнесетъ эту жалкую ограду, годную для огражденія скотнаго двора или виноградника, но уже никакъ не для защиты главнаго боевого центра Дагестана...

Солдатики, съ которыми мы разговорились въ цитадели, со смѣхомъ рассказывали намъ, какъ въ послѣднее возстаніе, когда горцы 72 дня держали въ блокадѣ Гунибъ, при каждомъ выстрѣлѣ вылетала вся амбразура, изъ которой высовывалась пушка, и дождемъ сыпались камни стѣны... А между тѣмъ, по рассказамъ, постройка крошечнаго гунибскаго укрѣпленія стоила до полутора миліона рублей!

Инженеръ, строившій Гунибъ, какъ увѣрили меня офицеры цитадели, строилъ и Карадагское укрѣпленіе, и Ходжамукаль, и Хунзахъ, и много другихъ. Онъ-же взялъ подрядъ на устройство морской пристави въ Петровскѣ. Море, незримо поглощающее камни и деньги, какъ извѣстно, самый лучший союзникъ техниковъ изъ школы подобныхъ господъ.

Не знаю, онъ ли такъ-же строилъ пресловутый туннель, пробурившій насквозь пирамиду Гуниба, въ которомъ провалилось очень много казенныхъ денегъ, но который до сихъ поръ оказался годнымъ только на то, чтобы возмущившіеся лезгины проникли черезъ него на верхнюю площадь Гуниба и такимъ образомъ окончательно блокировали крѣпостцу...

Передавали мнѣ при этомъ, что на одной изъ лучшихъ улицъ Тифлиса возвышается образцово-построенный огромный и роскошный домъ того-же строителя, который съ такою первобытною безхитростностью соорудилъ Гунибскую крѣпость. Не знаю, насколько во всемъ этомъ правды, и продаю, за что купилъ; но съ своей стороны думаю, что этотъ искушенный опытомъ строитель поступилъ вполне благо-

ШАМИЛЬ

разумно, приспособившись такъ хорошо къ мѣстнымъ условіямъ. Если въ блестящей столицѣ Кавказа у мѣста прочныя и хорошія постройки, то пустыя скалы Гуніба могутъ легко обойтись лыкомъ шитыми: кому тамъ любоваться на нихъ и кому расчлѣдзгать!

Однако, если подумать повнимательнѣе, принципъ лыковаго шитья на казенныя денежки, столь излюбленный нѣкоторыми нашими казенными дѣятелями, можетъ легко повлечь за собою печальныя послѣдствія для государства, потому и не душно было-бы въ этомъ отношеніи припомнить этимъ дѣятелямъ, какъ можно понятнѣе, такую-же патриархальную, такую-же глубоко-народную практику петровской дубинки. Въ самомъ дѣлѣ, будь только въ 78-мъ году у возставшихъ лезгинъ хоть какая-нибудь выдающаяся изъ ряду голова кромѣ глупыхъ фанатическихъ пророковъ ихъ—и Гуніба намъ бы не вилать, какъ своихъ ушей!

10,000 лезгинъ, обложившихъ эту жалкую крѣпость, если-бы у нихъ хватило рѣшимости, безъ труда могли-бы возвратиться въ нее. А выбить ихъ отсюда, при настоящемъ вооруженіи крѣпости, было-бы немного потруднѣе, чѣмъ взять приступомъ съ помощью цѣлой арміи три сотни моридовъ, забившихся въ камни.

А главное—взятіе Гуніба, центра русской силы и власти въ горномъ Дагестанѣ и, кромѣ того, важнѣйшаго стратегическаго пункта страны, произвело-бы на горцевъ потрясающее нравственное впечатлѣніе. Къ счастью нашему, вліятельнѣйшіе и умнѣйшіе лезгины были на нашей сторонѣ, и возмущившаяся толпа дѣйствовала безъ способныхъ предводителей.

Впрочемъ, самое возстаніе это во многихъ случаяхъ зависѣло отъ невниманія и малодушія нашихъ властей. Турецкіе эмиссары свободно бродили и проповѣдывали по ауламъ; фанатическіе муллы и дервиши собирали вокругъ себя сходки и открыто звали народъ на газаватъ, священную войну съ невѣрными.

По неспостижимому ослѣпленію властей, несмотря на настоянія и предупрежденія тогдашняго начальника Дагестана кн. Меликова, страна горцевъ была оставлена почти совсѣмъ безъ войскъ.

Если-бы первыя слабыя скопища горцевъ были разсѣяны силою, возстаніе потухло-бы скоро.

Передъ Гунібомъ мятежники тоже собрались сначала небольшими шайками внизу за рѣкой Каракойсу. Одинъ храбрый подполковникъ, изъ бывшихъ наибовъ Шамиля, увѣшанный крестами, вызывался тотчасъ-же разбить и разсѣять это скопище. Но тогдашній командиръ Гуніба, имѣвшій въ своемъ распоряженіи два батальона пѣхоты, гово-

рять, не рѣшившись сдѣлать вылазки и довелъ черезъ это до повальнаго возстанія всѣхъ сосѣднихъ горскихъ общинъ.

72 дня, какъ уже сказалъ я выше, былъ отрѣзанъ Гунибъ отъ всякаго сообщенія съ русской властью, съ русскою арміею. Уже не хватало провіанта, и мясо почти перестали ѣсть. Толпы горцевъ, сбившись на верхней площадкѣ горы, уже вязали фашинники для приступа, но все еще, къ счастью нашему, медлили и колебались. Наконецъ, одинъ изъ дружественныхъ горцевъ, за обыкновенную награду, принесъ вѣсть о бѣдствіяхъ Гуниба въ выдолбленной палкѣ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ главному начальнику Дагестана. Князь Меликовъ явился на выручку съ своимъ отрядомъ и привелъ годному гарнизону 160 быковъ. Скопище мятежниковъ было разсѣяно...

* * *

Верхняя площадь Гуниба—это дѣлая страна. По ней течетъ въ глубокихъ пропастяхъ довольно большая рѣка, тянутся по обѣ стороны гряды скалистыхъ или лѣсныхъ горъ на пространствѣ многихъ верстъ. Долго ѣдешь берегомъ этой рѣки продольною ложиною между двумя грядами горъ, пока не дойдешь до аула, а за ауломъ, за горами, опять большія пространства: горы, поля, лѣса и обрывы. Березовая роща по крутымъ холмамъ, направо отъ дороги, въ виду аула Гуниба, теперь историческое мѣсто. Немного поднявшись подъ ея тѣнь, вы встрѣчаете большой камень съ вырѣзанною надписью: «1859 года 25 августа, 4 часа вечера, князь Барятинскій». На этомъ историческомъ камнѣ князь Барятинскій принималъ сдавагося Шамиля; здѣсь происходила та вѣчно-памятная кавказская сцена, которую съ такой художественною правдой и жизненностью передалъ намъ талантливый карандашъ Горьшета.

Бесѣдку надъ камнемъ недавно разрушили горцы, осаждавшие Гунибъ. Съ нихъ теперь взыскивается 320,000 рублей убытковъ, причиненныхъ возстаніемъ по одному среднему Дагестану; между прочимъ и убытки Гуниба оценены въ 400 рублей. Черезъ это взысканіе множество горскихъ земель попало въ секвестръ.

Въ настоящее мирное дни историческая роща служитъ любимымъ гуляньемъ гунибской публики.

Верхняя площадь Гуниба была когда-то отлично обработана. Это видно по удѣлѣвшимся террасамъ полей, теперь покинутыхъ, послѣ выселенія прежнихъ жителей внизъ, полаяше отъ грозной горы. Только кое-гдѣ видны неразлучныя съ русскимъ духомъ капустныя грядки нашихъ солдатиковъ, обильно поливаемые водами ручьевъ. Все

остальное—зеленое пастбище, по которому бродят лошади гарнизона.

* * *

Старый ауль Гунибъ живописно скучился у подножіа зеленыхъ холмовъ, надъ крутыми обрывами рѣки, опоясывающей его неприступнымъ природнымъ рвомъ.

Обломки его домовъ-бойницъ торчатъ обнаженными пожелтѣвшими остовами, тѣсно прижавшимися другъ къ другу, безъ малѣйшей зелени, безъ кустика и дерева...

Среди этой чащи каменныхъ мертвецовъ замѣтно высится въ глубинѣ аула каменный замокъ Шамиля, башня съ уступами плоскихъ кровель, къ ней примыкающихъ, удѣлявшая лучше другихъ домовъ...

Тѣсные, выощіея переулочки и дворики аула, его плоскія крыши, полы, его раскрытыхъ саклей, все заросло непроходимой гущею высокихъ бородастыхъ бурьяновъ. Выше, по полугорѣ, одиноко торчатъ мрачныя стѣны шамилевской тюрьмы, отъ которой удѣляли своды и тѣсныя каморки, наполненныя теперь водою. Глубокая черная дыра у подошвы горы, заросшая и спрятанная высокою травою, ведетъ въ подземный ходъ по наваленнымъ другъ на друга дикимъ камнямъ, взаимнѣ ступеней.

По словамъ лезгинъ, подземный ходъ этотъ тянется подъ всѣмъ ауломъ и, вѣроятно, служилъ тайникомъ для выхода изъ аула въ горы. Въ этомъ черномъ клоповникѣ, изъ котораго несетъ гнилью и сыростью, по многу мѣсяцевъ томилась русскіе плѣнники...

Еще выше тюрьмы, господствуя надъ всею окрестностью, забралась на вершину утесовъ четырехугольная сторожевая башня, послѣдняя твердыня аула.

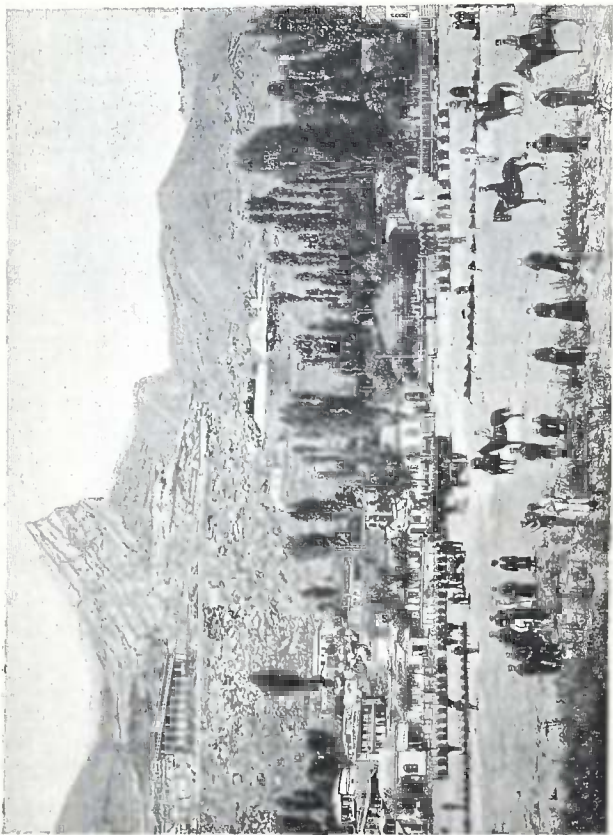
Одинокими хуторками раскинуты по этимъ утесамъ, и далеко за утесами, покинутые дома, бойницы и запущенные садики...

Удивительный мръ и тишина почіють на этихъ окровавленныхъ остаткахъ недавняго прошлаго.

Два смиренныхъ солдатика копаются себѣ молча въ грядкахъ капусты, проводятъ воду въ ихъ борозды; кусты розоваго и бѣлаго шиповника, полные жужжащихъ пчелъ и медоваго запаха, роскошно цвѣтутъ въ синемъ жаркомъ воздухѣ... Тихо качается, будто волною плыветъ, нескошенная трава, затканная яркими цвѣтами... Бабочки, такія же яркія, такія же пестрыя, безшумно рвють надъ нею, будто оторванные вѣтромъ цвѣтки, еще не успѣвшіе улетѣть далеко.

Какая-то отрадная дремота разлила кругомъ въ этой безмолвной

горной пустынь. Ничто не напоминаетъ ея трагической катастрофы, ея суроваго прошлаго. И березовая роща на горѣ, въ которой, быть мо-

Г у н и б ѣ

жетъ, грозный имамъ совершалъ вдали отъ всѣхъ свой вечерній намазъ, гдѣ онъ молился и размышлялъ въ суровомъ безмолвіи, откуда

онъ слѣдилъ съ содроганіемъ сердца за движеніями русскихъ отрядовъ, стяжавшихъ его все тѣснѣе въ желѣзное кольцо,—эта роща глядитъ теперь на насъ своими молоденькими бѣлыми стволами, своими распушенными косами, съ наивной прелестью невинной бѣлокурой дѣвушки. Гунибъ даже не мертвый городъ, Гунибъ—настоящее кладбище, кладбище кавказской независимости...

Его одиноко торчащія, уже не связанныя другъ съ другомъ, обгорѣлыя и разрушенныя стѣны, высокія и узкія, сбитыя въ тѣсныя кучи, какъ колосья на нивѣ, только размѣромъ разнятся отъ стоящихъ могильныхъ плитъ лезгинскаго кладбища. Но эти размѣры тонутъ въ необъятномъ охватѣ зеленой равнины, и издали развалины аула дѣйствительно глядятъ густо засѣянною нивою Божьей...

Долго будетъ памятна и свята для горцевъ Кавказа эта мрачная гунибская могила, унесенная за облака, входъ въ которую стерегутъ тамъ внизу русскіе штыки и пушки...

Орлы погибли, какъ слѣдуетъ орламъ, въ своемъ родномъ гнѣздѣ, на вершинѣ заоблачныхъ утесовъ, охваченные кругомъ вольнымъ воздухомъ горъ да синими безнами неба...

* * *

Суровая и могучая фигура имама дагестанскаго сама собою встаетъ въ воображеніи среди этихъ безмолвныхъ равнинъ, полныхъ его именемъ и его дѣлами...

Я видѣлъ Шамиля въ лицо, говорилъ съ нимъ, пожималъ его руку.

Онъ былъ тогда плѣнникъ, но и плѣнникъ глядѣлъ владыкою, горделивымъ и грознымъ повелителемъ горъ.

Что-то царственное и первосвященническое было въ маститой фигурѣ имама, когда онъ приближался своимъ твердымъ и неспѣшнымъ шагомъ, высокій, статный, несмотря на свои годы, въ бѣлой, какъ снѣгъ, чалмѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой, оттѣненной длинною черною одеждою, съ проникающимъ взглядомъ сурово смотрящихъ глазъ на строгомъ блѣдномъ лицѣ, полномъ ума и непоколебимой воли...

Врожденная грація дагестанскаго рыцаря-джигита и гордые приемы вождя, привыкшаго повелѣвать, сказывались въ исполненныхъ достоинства движеніяхъ, жестахъ и рѣчахъ имама.

Около него я всегда видѣлъ колоссальную фигуру Кази-Магомы и его старшаго сына, пресника его по имамству.

Этотъ исполинъ съ темною крашеною бородою, въ громадной, чуть не до потолка достававшей папахѣ, пожималъ мою руку такую

страшною и тяжелою ладонью, которая, мнѣ казалось, въ состояніи была безъ труда раздавить меня самого и всѣхъ со мною присутствовавшихъ, а не только тонкіе пальцы мои...

Это былъ полнѣйшій образецъ дагестанскаго мірида, отчаяннаго защитника ислама и свободы горь. Его не соблазнили ни чинами, ни деньгами, ни ласками... Какъ-только слышалъ рыканье звѣрей въ лѣсу и запахъ крови, этотъ дикій зверь бросилъ все и ринулся въ битву; 20 лѣтъ заточенія не усмирили его инстинктовъ звѣря, его влеченія къ родному логову. Дѣло, сдѣланное Шамилемъ, поистинѣ сказочное, и самая личность его — тоже сказочная въ своемъ родѣ. Только желѣзная воля и особенный геній народнаго вождя могли хотя временно сплотить въ одно цѣлое безконечную, отъ вѣка укоренившуюся разнъ неисчислимыхъ племенъ кавказскихъ горцевъ, гдѣ одна деревня говоритъ однимъ языкомъ, а другая другимъ, гдѣ въ одномъ ущельѣ господствуетъ одинъ адатъ, а рядомъ съ нимъ, въ сосѣдствѣ 5—10 верстъ, другой.

Шамиль едва не создалъ одного кавказскаго царства изъ Дагестана, Чечни, черкесовъ, кабардинцевъ, осетинъ, едва не обратилъ въ одну непреступную и недоступную твердыню и западный, и восточный хребетъ Кавказскихъ горь...

Сварливое и вольнолюбивое рыцарство горь послушно, какъ одинъ народъ, шло за нимъ умирать на русскихъ батареяхъ, подъ стѣнами русскихъ крѣпостей...

Шамиль одушевилъ кавказскихъ горцевъ еще невѣдомымъ имъ фанатизмомъ и ненавистью къ русскимъ; онъ дисциплинировалъ ихъ дикія орды своею желѣзною рукою и достигъ съ ними дѣйствительно чудснаго.

Въ одинъ годъ онъ взялъ одиннадцать русскихъ укрѣпленій, спустился въ Кизляръ, на равнины Кабарды, былъ уже готовъ проникнуть къ абадзахамъ на нашъ правый флангъ, въ прикубанскія области, ворвался въ глубь Кахетіи, къ Цинндамамъ. При его ничтожныхъ боевыхъ и денежныхъ средствахъ—это были подвиги героя.

Онъ боролся своими ничтожными горскими аулами со всѣмъ могуществомъ русскаго царства, съ цѣлою арміею непобѣдимѣйшихъ въ мірѣ войскъ... 22 года продолжалась эта неравная геройская война.

Когда Евдокимовъ овладѣлъ Веденемъ и выбилъ Шамиля изъ плодородной и богатой Чечни, Шамиль ушелъ на Андійское Койсу и укрѣпился тамъ съ своими пушками и міридами. Русскіе обошли его и грозили отрѣзать отъ всѣхъ сообщеній. Тогда онъ бросился въ Гундубъ, свой послѣдній оплотъ.

Проницательный военный ум князя Аргутинскаго-Долгорукова давно предугадывалъ будущее значеніе Гуниба:

Еще въ сороковыхъ годахъ онъ предсказалъ, что на Гунибѣ рѣшится судьба Кавказа.

Дегини выбились изъ силъ въ вѣчной войнѣ, среди вѣчнаго обезпеченія жизни и собственности, подъ тягостью все возроставшихъ жертвъ, требующихъ исламомъ. Они все отстали отъ него послѣ его послѣднихъ громкихъ неудачъ *). И вотъ наступилъ послѣдній актъ длинной кровавой драмы, та отчаянная защита 327 героями ста квадратныхъ верстѣ площади Гуниба, о которой мы только-что говорили.

«Гунибъ—высокая гора. Я сижу на ней. Надо мною, еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть берутъ меня приступомъ». Вотъ были послѣднія смѣлыя слова Шамиля въ отвѣтъ на переговоры о сдачѣ.

Но сила сломила солону. 25 августа 1859 года Гунибъ палъ.

Трудно-ли было одолѣть его русской арміе? Если-бы позаботились немного болѣе о истинцахъ, веревкахъ, волтижерахъ, то не потребовалось-бы даже того геройства и того риска своей головой, которое показали наши апшеронцы и ширванцы въ достопамятную ночь взятія Гуниба.

Шамилю было необходимо умереть на Гунибѣ, —тогда его художественная фивіономія была-бы совсѣмъ полна.

Исторія требовала, чтобы кладбище кавказской независимости стало вмѣстѣ съ тѣмъ и кладбищемъ кавказскаго героя.

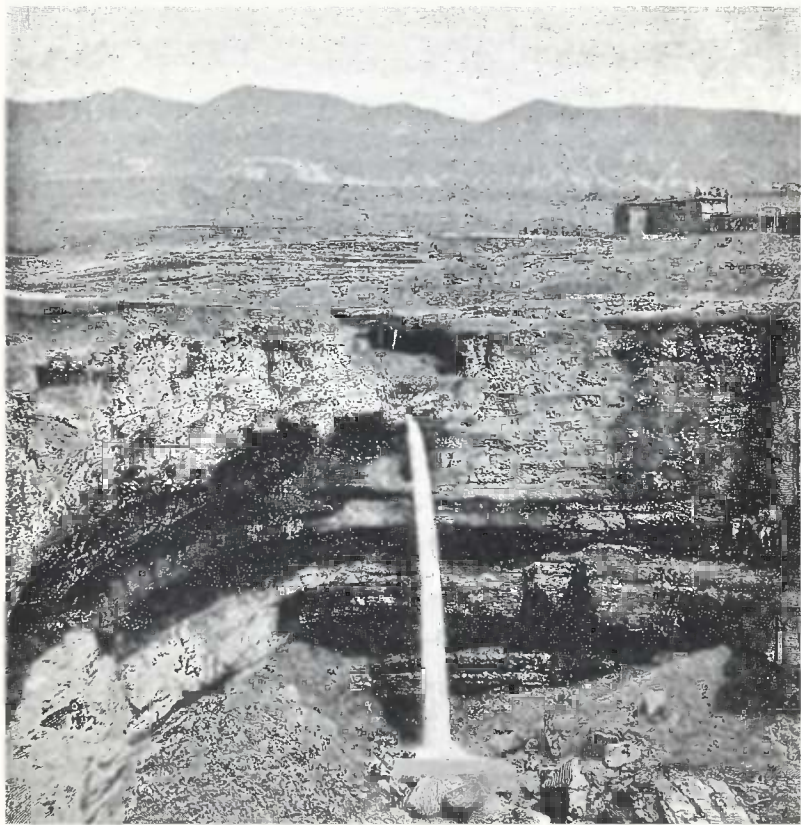
Унылое калужское заточеніе на царскомъ жалованьѣ, съ царскими каретами и шубами, было слишкомъ неподходящимъ эпилогомъ къ блестящимъ геройскимъ подвигамъ вождя кавказской вольницы, слишкомъ рѣзкимъ противорѣчіемъ фанатической ненависти къ невѣрнымъ, москочамъ неумолимо-строгаго имама, насадителя мюридизма въ горахъ Кавказа...

Характерны прошлое и молодость Шамиля!... Онъ родился въ Гирсахъ, тамъ-же, гдѣ и знаменитый учитель его, Кази-Мулла.

Мюридизмъ уже проникалъ тогда своими первыми корнями въ горы восточнаго Кавказа. Творцомъ его былъ Мулла-Магометь, кадій кюринскій.

Этотъ мулла-аскетъ, почти не покидавшій своего глухого аула Яра-гара, не отрывавшій старческихъ глазъ своихъ отъ страницъ Корана,

*) Немногіе приверженцы Шамиля были разсланы по пути въ Гунибъ самими дегинями и должны были потомъ по-одиночкѣ пробираться въ Гунибъ.

Водопадъ около крепости Гуншагъ

потрясалъ весь Дагестанъ своей жаркой проповѣдью покаянія и покаянія.

«Народъ! напрасно исполняешь ты намазъ и халруксъ, напрасно ходишь ты въ мечеть!—не переставая укорять лезгинъ фанатической старецъ.—Небо отвергаетъ твои молитвы и поклоненія. Присутствие невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь! но прежде ополчитесь на священную войну!»

Суровые дикари, подоженные словами пророка, клялись ему умереть на защиту ислама. Они провозгласили Муллу-Магомета *муши-доль*, учителемъ своимъ, а себя его—*муридали* (учениками).

Въ глухія дебри горъ разносили они это учение новаго Магомета, перваго имама (т.-е. книжника) дагестанскаго, и вездѣ воинственное население встрѣчало это воззваніе, какъ заповѣдь Божию.

Пламя религиозной вражды все шире разливалось по общинамъ вольнолюбивыхъ горцевъ, безъ того смертельно ненавидѣвшихъ русскую власть и русскую силу, смиряющую ихъ подвиги дикаго насилия.

Въ каждомъ горномъ аулѣ какой-нибудь отчаянный муридъ собиралъ *джалаатъ*, поголовную сходку жителей, и, ставъ на возвышенности среди слушающей его толпы, обращая лицомъ къ Россіи и въ восторженной рѣчи ниспосылалъ на нее все проклятія Аллаха.

«На войну, на войну, мусульмане!»—вопилъ фанатическій проповѣдникъ, указывая рукою на сѣверъ и потрясая обнаженною шапкою.

И слушатели, объятые тѣмъ-же патріотическимъ жаромъ, тѣмъ-же вдохновеніемъ борьбы за вѣру и родину, потрясали воздухъ неистовыми криками:

— На войну, на войну...

Первое возстаніе вспыхнуло на Кюрѣ и съ тѣхъ поръ уже не прерывалось.

Боевымъ вождемъ его явился извѣстный Кази-Мулла, шиль-шабанъ аварскій; на него возложилъ благословляющія руки ярагларскій пророкъ, опоясавъ его мечомъ казія, т.-е. вождя священной войны (казометъ или газаватъ). «Именемъ пророка повелѣваю тебѣ, Кази-Мулла, иди, собери народъ, вооружи его и съ помощью Аллаха начинай войну! Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побѣдетъ гяуровъ, и горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ нихъ!»

Кази-Мулла, — страстный, сосредоточенный, весь воля и рѣшимость, — поднялъ за собою дѣлный прикаспійскій Дагестанъ.

«Онъ былъ молчаливъ какъ камень»,—отзывался о немъ его другъ и почитатель Шамиль. Горцы шли за нимъ, какъ арабы за первыми

калифами своими. Краткое слово его властвовало надъ толпами и двигало ими, какъ вѣтеръ волнами.

«Сердце челоуѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю»,—говорили о немъ горцы. Много отчаянныхъ, кровавыхъ сѣчь съ русскими встрѣтилъ Кази-Мулла. Но сила одоляла, и онъ загнанъ былъ наконецъ въ горы.

При Гирахъ произошла послѣдняя смертельная схватка Кази-Муллы съ русскими. Онъ палъ, не выпуская меча изъ рукъ, защищая колыбель своего дѣтства и прахъ отцовъ своихъ, на порогѣ родной сѣкли.

«Я умираю здѣсь, гдѣ родился!—воскликнулъ Кази-Мулла своимъ мюридамъ,—умираю за истину тариката, за священный шариатъ; кто хочетъ такъ-же умереть, пусть остается со мною!»—Русскіе нашли его трупъ въ положеніи горячей молитвы.

Одною рукою онъ держалъ бороду, по обычаю молящагося мусульманина, другою указывалъ на небо.

Но только съ Шамиля начинается государственное значеніе мюридизма. Изъ фанатической религіозной секты онъ разрастается въ дѣльную систему народнаго управленія, объединяетъ однимъ общимъ закономъ, однимъ общимъ интересомъ, однимъ общимъ вождемъ раздробленные и разрозненныя общины Кавказскихъ горъ.

Шамиль былъ товарищемъ дѣтства Кази-Муллы, который былъ старше его только 4-мя годами.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кази-Мулла, серьезный и книжный не по лѣтамъ, былъ первымъ наставникомъ своего сосѣда и друга Шамиля (Самуилъ).

Они жили въ Гирахъ всего только черезъ два дома другъ отъ друга и всегда были неразлучны.

«Они жили, какъ родные братья, — выражается туземный биографъ Шамиля.—И все, что ни встрѣчалось имъ въ жизни, горе и радость они дѣлили на двѣ совершенно равныя части».

Кази-Мулла еще ребенкомъ зналъ арабскій языкъ и понималъ Коранъ. Цѣлые дни онъ предавался чтенію и размышленіямъ. Шамиль былъ всегда съ нимъ и всегда слушалъ его.

«Нигдѣ я такъ многому не научился, какъ отъ Кази-Муллы», — признавался потомъ Шамиль.

Однако Шамиль не остановился на урокахъ своего друга. До зрѣлыхъ лѣтъ онъ продолжалъ учиться, вездѣ ревностно отыскивая наставниковъ, извѣстныхъ обширною ученостію своей...

Нерѣдко онъ проводилъ дни и ночи въ какомъ-нибудь пустын-

номъ ущельѣ горъ, погрузившись въ священныя страницы Корана и изучая арабскихъ мудрецовъ и поэтовъ древней Персіи.

Шамиль былъ рожденъ проповѣдникомъ. Рѣчь его была страстна, ярка и неудержима!... Она огнемъ охватывала воображеніе слушателей.

Но горцы Дагестана и Чечни восторгались въ Шамиль не однимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ его, не одною его ученостію имама.

Шамиль былъ идеальный герой кавказскаго горца.

Природа и образованіе соединили въ немъ все то, что представляется наивному воображенію дикаря предѣломъ человѣческаго совершенства...

Этотъ строгій ученый книжникъ, этотъ благочестивый молитвенникъ, былъ въ тоже время первый джигитъ горъ, вдохновенный и непобѣдимый орелъ на полѣ брани...

Съ ранняго дѣтства Шамиль страстно увлекся тѣлесными упражненіями всякаго рода. Хилый по природѣ, онъ скоро выковалъ себѣ несокрушимое здоровье, невѣроятную силу и ловкость. Юношей Шамиль переносилъ легко, какъ серна, черезъ веревку, протянутую на аршинъ выше головы, ему ничего не стоило перепрыгнуть черезъ столящаго человѣка, черезъ яму въ двѣнадцать аршинъ ширины. На бѣгу, въ борьбѣ—никто не смѣлъ состязаться съ нимъ.

Одной свободной минуты не пропускалъ будущій имамъ безъ упражненія шашкою или кинжаломъ. Даже идя въ школу, въ мечеть, въ гости, онъ набивалъ руку фехтованьемъ.

Онъ лѣто и зиму ходилъ по горамъ босой, грудь на-распашку, и потому никогда впоследствии не страдалъ отъ простуды и даже отъ ранъ. Закаленное тѣло его переносило всякія поврежденія безъ малѣйшаго вреда для себя, и не одна дыра отъ русскаго штыка затянулась сама собою на этомъ богатырскомъ тѣлѣ.

Шамиль вообще получалъ очень много ранъ, но почти не болѣлъ отъ нихъ.

Горцы искренно считали своего имама неуязвимымъ, непобѣдимымъ. И онъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, чтобы поддержать въ дикомъ населеніи эту вѣру въ сверхъестественное могущество свое. Онъ увѣрялъ ихъ, что по молитвѣ его русскіе поражаются слѣпотой и не видятъ ничего передъ своими глазами, что онъ незримо спасается отъ плѣна, огня и жельза. Счастье Шамиля помогало этому фанатическому ослѣпленію его послѣдователей. Когда храбрый нашъ генералъ Граббе взялъ послѣ неимовѣрныхъ усилій торчащую на скалахъ неприступную крѣпость Ахульго, то Шамиля, защищавшаго Ахульго до

последней минуты, дѣйствительно не нацѣли въ крѣпости. Онѣ ускользали изъ нашихъ рукъ съ непостижимымъ искусствомъ. Другой разъ онѣ пали, смертельно раненый двумя пулями, къ ногамъ Кази-Муллы, на глазахъ всѣхъ горцевъ. Уже его оплакивали, какъ мертвого, какъ вдругъ онѣ черезъ нѣсколько дней явился между мюридами, показывая народу на своей груди двѣ открытыя раны, изъ которыхъ уже не сочилась кровь.

— Аллахъ воскресилъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы онѣ побѣдилъ живыхъ!—воскликнули тогда пораженные горцы.

Точно такое-же волшебное впечатлѣніе на лезгинъ произвело и непостижимое спасеніе Шамиля изъ Хунзаха, бывшей столицы аварскихъ хановъ, гдѣ озлобленные аварцы, пылая ненавистью къ мюридамъ за вѣроломное истребленіе Гамзатъ-Бекомъ цѣлаго семейства ихъ древнихъ хановъ, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣхъ безъ исключенія предали огню и мечу.

Подобно пророку Магомету, Шамиль старался увѣрить свой народъ, что всѣ повелѣнія онѣ получаютъ отъ Бога. Передъ каждымъ важнымъ событіемъ онѣ записался на молитву въ своей саклѣ или въ стѣнахъ мечети, уходилъ въ какую-нибудь недоступную пещеру горъ и тамъ молился по нѣскольку дней въ постѣ и слезахъ, испрашивая указаній Аллаха.

Существуетъ очень характерный разсказъ, мѣтко рисующій пріемы восточнаго мистицизма, съ помощью которыхъ Шамиль такъ долго держалъ въ своей власти непокорный духъ дикихъ горцевъ.

Чеченцы, доведенные до отчаянія тѣснившими ихъ русскими войсками и не получая отъ Шамиля никакой помощи, задумали наконецъ отдаться русскимъ. Чтобы не возбудить, однако, гнѣва грознаго имама, онѣ послали нѣсколькихъ старшинъ своихъ испросить на это разрѣшенія Шамиля. Никто не осмѣливался заикнуться имаму о подобномъ измѣнническомъ дѣлѣ. Только мать его, которую Шамиль окружалъ необыкновеннымъ уваженіемъ и слушался во всемъ, соблазнившись деньгами чеченцевъ, рѣшилась передать сыну ихъ просьбу.

Шамиль нахмурился какъ ночь, но ничего не отвѣтилъ матери. Онѣ объявилъ, что запрется въ мечеть и будетъ тамъ молиться день и ночь, пока Аллахъ не откроетъ ему воли своей.

Это было въ Дарго. Всѣ жители аула были собраны вокругъ мечети и также молились, благоговѣнно ожидая выхода имама, бесѣдовавшаго съ Аллахомъ.

Трое сутокъ молился и постился имамъ въ стѣнахъ мечети, трое сутокъ не расходился отъ нея измученный и встревоженный народъ.

Уже недовольный ропотъ начиналъ раздаваться въ голодной толпѣ...

Вдругъ распахнулись ворота мечети, и Шамиль, въ своей чалмѣ имама, блѣдный, безмолвный, суровый, съ глазами, налитыми кровью, появился передъ народомъ. Молча и задумчиво всходилъ онъ на плоскую кровлю мечети, провожаемый мюридами. Народъ съ трепетомъ ждалъ внизу, что будетъ. Тогда имамъ послалъ за «ханымъ», своего матерью; двое муллъ привели ее, испуганную, передъ лицо грознаго сына.

— Мусульмане! — торжественно объявилъ имамъ. — Великій пророкъ Магометъ повелѣлъ мнѣ дать сто жестокихъ ударовъ тому, кто первый высказалъ мнѣ постыдное намѣреніе народа чеченскаго предаться гюрямамъ... Эта первая — была мать моя!...

Онъ далъ знакъ, и мюриды, сорвавъ чадру съ трепетавшей старухи, стали наносить ей тяжкіе удары. Ханымъ упала безъ чувствъ.

Тогда, пораженный зрѣлищемъ бездыханной матери, Шамиль бросается къ ея ногамъ и простирается ницъ въ жаркой молитвѣ.

Народъ громко умоляетъ его о пощадѣ, полный страха и жалости.

Торжественно и рѣшительно поднимается черезъ минуту грозный виватъ, и глаза его горятъ вдохновеннымъ огнемъ.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ — пророкъ Бога! — восклицаетъ онъ. — Аллахъ услышалъ молитву мою и позволилъ мнѣ принять на себя удары, которымъ обречена моя бѣдная мать!...

Онъ быстро скидываетъ съ себя чоху и бешметъ и приказываетъ мюридамъ бить себя безъ всякой пощады толстыми нагайками.

— Кто изъ васъ осмѣлится лживо выполнить волю пророка, того поразитъ собственная рука моя! — объявляетъ онъ мюридамъ, и спокойно, съ радостной улыбкой на губахъ, принимаетъ на глазахъ пораженнаго народа 93 жестокихъ удара, которые не успѣла получить старая мать его...

Въ ужасѣ возвратились домой чеченскіе послы послѣ такого внушительнаго урока...

Съ помощью такихъ сценъ, поражавшихъ воображеніе горцевъ, и еще болѣе съ помощью неумолимой настойчивости своей, Шамиль успѣлъ подчинить своевольныхъ наѣзниковъ и дикихъ хищниковъ Кавказа желѣзной дисциплинѣ, о которой они до того не имѣли и понятія. Ему удалось подавить на время множество древнихъ адатовъ, которые они по разнымъ причинамъ считалъ вредными, и замѣнить ихъ кодексомъ своихъ законовъ и единообразнымъ духовнымъ судомъ.

ГУНИБЪ-ДАГЪ, съ юго-восточной стороны, взятый штурмомъ 25-го Августа 1859 г., и укрѣпленіе ЧОХЪ, сдавшее русскимъ войскамъ 27-го Июля 1859 г.
(Рисов. съ натуры, при подошвѣ Турче-Дага, В. Тиммомъ, въ 1849 году).

муль, гораздо болѣе зависимыхъ отъ него. Оттого до сихъ поръ время Шамиля называется въ Дагестанѣ и Чечнѣ временемъ шаріата.

Суровый деспотизмъ Шамилева владычества совершенно переродилъ, по крайней мѣрѣ снаружи, нравы горцевъ. Веселія попойки, пѣсни, музыка, старинные обычаи народнаго суевѣрія, всѣ проявленія исконной языческой и мірской жизни—преслѣдовались безъ пощады и снисхожденія строгимъ имамомъ и его наибами, между которыми онъ раздѣлилъ управленіе своимъ народомъ. Вольнолюбивыя горы Кавказа стали представлять изъ себя въ дни Шамиля не множество независимыхъ республикъ, какими онъ всегда былъ, а своего рода теократическую монархію, гдѣ воля единого владыки проникала не только въ высшіе поступки, но даже самыя убѣжденія его подвластныхъ... Вся сила главы религія, главы народа и вождя войскъ сосредоточивалась въ одной грозной и непоколебимой рукѣ, не отступавшей ни передъ чѣмъ.

Монастырское уныніе и монашескіе обряды стали мало-по-малу вытѣснять простодушное старинное веселье горской жизни. Вездѣ и за вѣсьмъ слѣдїи соглядатаи, взыскивались строгіе штрафы, производились казни. Горцы вынуждены были прятаться отъ надсмотрщиковъ Шамиля, чтобы отпраздновать по-своему какую-нибудь свадьбу или день любимаго святого. Налоги и натуральныя повинности возрастали ежедневно и требовались съ восточною жестокостью, притомъ тѣмъ больше и строже, чѣмъ уже дѣлался предѣль Шамилевыхъ владѣній...

Дворъ Шамиля въ Веденѣ сдѣлался настоящимъ дворомъ азіатскаго хана, хотя и сохранялъ наружную суровость и простоту монастыря.

Шамилю съ торжественностью отправлялъ всенародно обязанности имама. Каждый день отрядъ вооруженныхъ мюридовъ приближался къ его дому съ громкимъ пѣніемъ обычной мусульманской молитвы: «Ля-ильяхъ-иль-Аллахъ!» и, построившись въ два ряда отъ дома до мечети, ожидалъ выхода имама въ мечеть, среди безмолвно толпившагося народа... Весь въ бѣломъ или зеленомъ, съ дорогой бѣлой шалью на головѣ, важно выступалъ маститый имамъ среди рядовъ своей дружины, и при входѣ его въ мечеть весь народъ вставалъ на ноги, чтобы привѣтствовать его поклономъ...

Онъ самъ возносилъ молитвы къ Богу, самъ рѣзалъ священныхъ барановъ на дворѣ своего дома въ дни Курбанъ-Байрама... Народъ благоговѣнно цѣловалъ ему руки и полы его одежды.

Точно съ такою-же торжественностью имамъ производилъ свой судъ или выступалъ въ походѣ.

Отборный отрядъ вооруженныхъ мюридовъ провожалъ его всюду, окружая окна и двери каждаго дома, куда входилъ онъ; мрачныя, фанатическіе возгласы «ля-ильяхъ» раздавались вдоль всего пути его; широкое знамя имама развѣвалось впереди, а у самаго стремени Шамиля постоянно ѣхалъ оруженосецъ съ сѣкирою, обязанный исполнять должность палача по первому мановенію бровей грознаго владыки...

Эта суровая процессія наводила трепетъ на грубыя сердца дикарей, и все неволью подчинялось фанатическому призыву мюридовъ.

«Рабы Божїи, люди Божїи!
Помогите намъ ради Бога,
Окажите намъ помощьъ вашу,
Дабы мы успѣли милостью Бога.
Дя Аллаха, рабы Божїи,
Помогите намъ ради Бога!

* * *

Обнажите мечь, народы,

На помощь идите къ намъ,
Проститесь со сномъ и покоемъ;
Я зову васъ именемъ Бога!
Ради Бога!...

* * *

Зейнуль-Абидинъ внушаетъ вамъ;
Онъ стоитъ у дверей нашихъ,
Боже, сохрани отъ отступленья!
Ну, сподвижники въ дѣлѣ Божьемъ!»

Дагестанскія горы были не настолько мусульманскими, чтобы выносить долго всю мрачную тягость мюридизма. Удавые наѣзники мало годились въ монахи и въ концѣ-концовъ стали не столько сочувствовать своему имаму, сколько бояться его. Великая неудача Шамиля была въ томъ, что на высотѣ власти онъ почти вовсе пересталъ быть горцемъ и слишкомъ много былъ имамомъ. Онъ не понималъ вполне духа народовъ своихъ и сталъ слишкомъ рѣзко напирать ихъ вкусы и обычаи идеалами восточнаго деспота-теократа, своимъ одностороннимъ религиознымъ увлеченіемъ. Русскую побѣду надъ Шамилемъ приготовило еще равнѣе охлажденіе къ нему всего Дагестана, раздраженнаго и утомленнаго имъ, лишеннаго имъ въ теченіе столькихъ лѣтъ спокойной и веселой жизни по обычаямъ предковъ.

X.

Дагестанскій горець.

ПОКА я еще не вынырнулъ изъ омутовъ горной дичи, пока кругомъ меня, сзади и впереди еще тѣнятся голыя громады Дагестана, пока еще я не успѣлъ стряхнуть со своихъ одеждъ прахъ сто пустынныхъ и мрачныхъ ауловъ, а мои глаза, мое сердце, моя голова наполнены выразительными образами воинственнаго лезгинскаго народа, въ который я окунулся совсѣмъ съ головою уже какой день, — нужно попытаться набросать хотя главные черты этого самаго типическаго изъ всѣхъ горцевъ Кавказа.

Европеецъ привычками и вкусами своими, какъ всѣ мы, грѣшныя, изнѣженный и разслабленный соблазнами нашей цивилизаціи, оцѣниваемой нами слишкомъ односторонне, — я, признаюсь, покидалъ Дагестанъ съ инстинктивнымъ ощущеніемъ какой-то суровой, но бодрящей воды живой, въ которую погрузились и гдѣ внезапно окрѣпли, словно по-

молодѣли, влялы силы духа и тѣла моего. Я испыталъ себя глазъ-на-глазъ съ ужасами природы, съ опасностями и утомленіями непроходимого пути, съ лишениями дикой жизни среди полудикихъ людей, и радостное внутреннее чувство говорило мнѣ, что естественный человѣкъ съ своей силой и смѣлостью, съ своими простыми вкусами вольной природы, собрать лѣсного звѣря и горной птицы, еще живѣ во мнѣ полѣ разными наростами нашей искусственной общественной обстановки...

Я чувствовалъ, что душа моя пополнилась чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ, какою-то давно забытою всечеловѣческою правдою, подѣ животворящимъ дыханіемъ горныхъ лѣсовъ и заоблачныхъ пустынь, и я спустился съ таинственныхъ высотъ Дагестана къ равнинамъ Каспія, исполненный плодотворнаго настроенія, какъ Моисей послѣ бесѣды съ Іеговой съ высоты Синая.

Словно я тоже заглянулъ въ священныя сѣни, недоступныя смертному, и прочелъ на ихъ нерукотворныхъ скрижалихъ непреложныя истины заповѣдей Божіихъ.

Пусть иронически улыбается читатель, давнымъ-давно разрѣшившій всѣ сомнѣнія духа своего, твердо вѣрующій въ безконечное совершенство и безконечную справедливость всѣхъ формъ нашей современной цивилизаціи.

А мнѣ дѣйствительно показалось, что я прочелъ одну истинную заповѣдь Божію на поднятыхъ въ небо пустынныхъ гранитахъ Дагестана. Заповѣдь эта гласитъ: «Природа есмь и въ природѣ да пребуду». Въ Дагестанѣ человѣкъ еще живетъ естественнымъ существомъ своимъ, нерѣдко раскрывая, среди дикаго быта своего, назнакомую намъ силу духа и тѣлеснаго здоровья, не уродуя себя въ вялаго кабинетнаго каплуна. Полудикій житель Дагестана является достойнымъ имени человѣка—своею твердою волею, твердыми убѣжденіями, твердыми рѣчами и поступками... Въ немъ не угасъ еще благородный гнѣвъ, который не позволяетъ оскорбить себя и близкаго своего никому, кто-бы ни былъ онъ, какъ-бы высоко ни стоялъ надъ оскорбленнымъ, какія бы послѣдствія ни были отъ этого. Дагестанецъ умѣетъ повиноваться, служить и молчать, но онъ повинуется не какъ рабъ, молчать и служить не какъ безсловесное животное. Богатство, почести, личный покой—еще не дѣлятся имъ выше чести человѣка, выше его нравственнаго долга. Богачъ, какъ и бѣднякъ, не колеблясь, покидаетъ свой домъ, идетъ въ изгнаніе, дѣлается скитальцемъ—«каплы», чтобы только выполнить ту обязанность родовой чести, которая, по убѣжденію его, составляетъ непремѣнный долгъ человѣка, уважающаго себя и достойнаго уваженія другихъ. Человѣкъ здѣсь и умираетъ твердо, какъ

мужъ, не торгуясь за свою жизнь, не входя въ трусливыя сдѣлки съ совѣстью. Онъ убьетъ самъ, если можетъ, съ непоколебимой рѣшительностью, иногда съ восторгомъ. Но если ему не удалось убить врага, а врагъ убьетъ его, то онъ умретъ самъ съ такою-же рѣшимостью и нерѣдко съ такимъ же восторгомъ... Мы не можемъ сочувствовать кровожадному характеру его нравственнаго кодекса, но тѣмъ не менѣе мы должны признать духовную силу и красоту своего рода въ этой твердости долга, въ этой изумительной простотѣ и прямотѣ духа, держащей на все, жертвующей всѣмъ, открыто враждующей, открыто разящей ради своего нравственнаго убѣжденія, хотя-бы и ложнаго, хотя-бы и безумнаго.

Лезгинъ разбойничаетъ, но онъ однако не разбойникъ, — онъ рыцарь разбоя, подчиняющійся строгимъ правиламъ и строгимъ нравственнымъ обязанностямъ. То, что мы называемъ разбоемъ, — для него идеаль истинно-человѣческой жизни, который волнуетъ его мечту, который его преслѣдуетъ собою вездѣ и всегда. Онъ гордится имъ и имъ хвастается, какъ высшимъ подвигомъ мужа, какъ достигнутымъ совершенствомъ.

Послушайте, напр., одну изъ народныхъ пѣсней Дагестана про знаменитаго героя, разбойника Хочбора изъ Гидатля, котораго трепетали когда-то всѣ горы.

Нудаль, ханъ аварскій, заманилъ его коварнымъ образомъ въ Хунзахъ, столицу свою, и приказалъ сжечь живого. Руки Хочбора связаны; чтобы потѣшиться надъ нимъ, ему даютъ гудокъ и заставляютъ пѣть пѣсни, развязавъ немного руки. Ханъ со свитою сидитъ около разведеннаго костра.

Молодой дагестанецъ-лезгинъ.

«Слушайте-жь, аварцы, расскажу вамъ кое-что, а ты, Нудалъ, не мѣшай мнѣ, стану я пѣть! Выбѣзъ я къ тебѣ въ окно и унесъ шелковыя шальвары любимой жены твоей, снялъ и серебряныя запястья съ бѣлыхъ рукъ любезныхъ сестеръ твоихъ; зарѣзавъ я ручного тура твоего. Вотъ наверху овчарни — кто угналъ изъ нихъ барановъ, отчего онѣ опустѣли? Вотъ внизу конюшни — кто угналъ табунъ, отчего онѣ развалились? Вотъ на крышѣ вдовы — кто сдѣлалъ ихъ вдовами, убивъ мужей? Вокругъ насъ сироты — кто убилъ ихъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ сиротами? Не перечестъ всѣхъ, кого убилъ я и въ полѣ, и въ лѣсу. Развѣ не убилъ я бо человѣкъ изъ вашего общества? *Вотъ, Нудалъ, какіе совершилъ я подвиги, а то что за подвигъ — обманомъ зазвать къ себѣ человѣка и умертвить его!*» Покуда пѣлъ и игралъ Хочборъ, маленькія дѣти Нудала пришли и сѣли впереди его. Схвативъ подъ мышки по одному, бросился Хочборъ въ пламя. «Что вы стонете, Нудалаята, вѣдь и я горю вмѣстѣ съ вами! что вы пишете, поросята, вѣдь и мнѣ былъ милъ бѣлый свѣтъ! Дорогой гнѣдой конь, не разъ топталъ ты пятки аварцевъ! Остроконечное копье, не разъ пробивало ты грудь ханскимъ нукерамъ! Пусть не плачетъ мать моя: *не даромъ погибъ ея молодець*; пусть не тоскуютъ сестры мои: *умеръ я со славою!*»

Вы видите тутъ цѣлый символъ вѣры горской морали, общественнаго и семейнаго долга горца, исповѣдуемый съ торжественнымъ мужествомъ и глубокимъ убѣжденіемъ, какъ исповѣдывали когда-то на аренахъ языческихъ цирковъ истину Распятаго Спасителя, въ порамьенные нечестивыхъ учений, первые подвѣжники христіанства.

Тутъ цѣлый рядъ типическихъ подвиговъ, подобранныхъ не случайно, а съ яснымъ намѣреніемъ обнаружить всю полную доблесть, потребныхъ герою, какъ въ известной притчѣ Евангелія о Страшномъ судѣ собраны въ одно всѣ характерные подвиги христіанской любви: напоить жаждущаго, помочь болящему, посѣтить заключеннаго, дать нищему...

Такую чистоту и цѣльность взгляда нельзя не признать правдой своего рода, красотой своего рода, нельзя налюбоваться ею не только съ поэтической, но и съ нравственной точки зрѣнія, любоваться, конечно, не самую грубою сущностью этихъ взглядовъ, не рваную и хищничествомъ, а непреклонной вѣрностью человѣка своимъ идеаламъ. Посмотрите, какая черезъ это цѣльность и крѣпость быта у горцевъ.

Какой-нибудь древній адатъ, обычай, одобренный какъ истина мнѣніемъ народа, живетъ и дѣйствуетъ цѣлое тысячелѣтіе, торжествуя надъ всѣми интересами, надъ всѣми слабостями людей.

Никто не смѣетъ воспротивиться адату, никто не помыслитъ

усомниться въ его обязательности и святости, хотя-бы сердце обливалось кровью при исполненіи его.

Вотъ, напримѣръ, два характерныхъ случая, о которыхъ я прочиталъ въ подлинныхъ дѣлахъ Гунибскаго окружнаго суда, воспользовавшись любезностью предсѣдателя этого суда, г. Т., и которые, впрочемъ, какъ я убѣдился впоследствии, были напечатаны въ одной изъ книгъ превосходнаго изданія Кавказскаго горскаго управленія «Сборника о кавказскихъ горцахъ», редактируемаго извѣстнымъ знатокомъ Кавказа Н. Вороновымъ. Въ обществѣ Капучей, въ аулѣ Тлядалѣ, найдено было въ 1866 году тѣло младенца. Собравшійся «джалаатъ» (то-есть сельскій сходъ) приказываетъ старухамъ осмотрѣть всѣхъ женщинъ, и у вдовы Хадижамы, разведенной съ мужемъ, найдено въ грудяхъ молоко. Хадижама сознается, что она прижила младенца отъ бывшаго мужа и утопила его, чтобы скрыть свой стыдъ. Древній адатъ требуетъ побіенія камнями матери, умертвившей своего ребенка. Русскій законъ, напротивъ, строго воспрещаетъ всякія кровавыя расправы джалаата по его древнимъ адатамъ, но, несмотря ни на что, по убѣжденію горцевъ, адатъ долженъ быть исполненъ. Призываютъ родныхъ Хадижамы и спрашиваютъ ихъ мнѣнія. Родные единогласно требуютъ примѣненія адата. Хадижаму выводятъ на площадь и еще разъ спрашиваютъ, признаетъ ли она себя виновною. Хадижама—дочь своего народа; она знаетъ, чего заслуживаетъ она и что должна претерпѣть за свой грѣхъ. Она повторяетъ признаніе въ убійствѣ и, спокойно сѣвъ на землю, проситъ скорѣе покончить съ нею... Со всѣхъ сторонъ летятъ камни и погребаютъ несчастную... Другой случай въ аулѣ Оглы, въ томъ-же году. Тоже находятъ тѣло ребенка, но уже удушеннаго. Это 7-лѣтній сынъ Дадія отъ первой жены. У Дадія есть и другая жена, молодая, всего пять мѣсяцевъ за нимъ. Они давно были влюблены другъ въ друга, и только недавно удалось Дадію похитить ея. Виновницей оказывается молодая жена Дадія—Ашура, хотѣвшая истребить покровительницу ненавистной соперницы своей Султанумъ, по совѣту своего родственника Чопанъ-Казанъ-Оглы. Чопанъ былъ и исполнителемъ убійства. Адатъ требовалъ казни убійцъ рукою отца убитаго. Зная это, Чопанъ бросился подъ защиту Асельдера, завѣдывавшаго всѣми горными деревнями; но Дадій съ своими родными поразилъ Чопана пугаями и кинжалами въ самыхъ комнатахъ Асельдера, у его ногъ, взявшаго запертыя имъ двери...

Мать Дадія душила умиравшаго Чопана, требуя признаній, и нанесла ему кинжаломъ смертельныя раны...

Въ предсмертныхъ столахъ онъ назвалъ Ашуру... Тогда Узу,

мать Дація, и Султанумъ, первая жена его, надѣли петлю на шею Ашуры и, угрожая удушеніемъ, заставили ее открыть всю тайну убійства. Въ ея подмышкѣ оказалось зашитымъ окровавленное плато убитаго ребенка... Негодующій джамаатъ требовалъ примѣненія адата—казни убійцы. Напрасно Асальдеръ уговаривалъ толпу и страдалъ ее наказаніемъ закона, напрасно умолялъ жителей вотчимъ Дація—Османъ-Амзатъ-Оглы, въ домъ котораго укрывалась Ашура, не нарушать святости его кровли. Джамаатъ послалъ къ отцу Ашуры—Имамъ-Али, кадію оглинскому, чтобы онъ собственноручно казнилъ преступную дочь. Кадіи не возразилъ ничего противъ убійства, зная строгость адатовъ, но отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ надъ дочерью никакой власти послѣ того, какъ отдалъ ее мужу.

Джамаатъ посылалъ людей къ Дацію, чтобы онъ явился и самъ исполнилъ адатъ...

Даціи, обожавшій молодую жену, видѣлъ, что ей невозможно избѣжать рокового жребія.

— Какъ поступить мнѣ?—спросилъ онъ кадія, отца Ашуры.

— Я не судья въ этомъ дѣлѣ: поступи, какъ знаешь!—отвѣчалъ кадіи.

Тогда Даціи вышелъ къ толпѣ, отвелъ въ сторону жену свою, вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и, отвернувшись, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Ашуру.

Ашура молча повалилась на землю. Страшный адатъ былъ выполненъ, и успокоившаяся толпа разошлась по домамъ.

* * *

Ужась беретъ отъ такой расправы толпы. Но это не своеволие, это не кровожадность. Это прежде всего непоколебимый, хотя и варварскій взглядъ на преступленіе; это непоколебимая въра дикарей въ правосудіе, конечно такое-же дикое, какъ они сами.

Дайте этой стойкости духа, этому строгому нравственному требованію—другое, болѣе разумное содержаніе, и вы увидѣли-бы только одну высоко-человѣческую доблесть.

Тутъ жизнь человѣка, связи родства, чувствительность сердца—все приносится въ жертву нравственному долгу, какъ его въ силахъ понять дикарь. Это господствующее значеніе долга заставляетъ горца смѣло рисковать жизнью и безопасностью своєю, не входя ни въ какія постыдныя сдѣлки съ совѣстью.

Горецъ совѣтъ не дорожить жизнью, если это жизнь, чѣмъ-ни-

будь обезчещенная. Я съ изумленіемъ знакомился съ поучительными случаями горской криминалистики. Тамъ на всякомъ шагу короткая и рѣшительная расправа съ чужими, съ самимъ собою, съ самыми дорогими сердцу.

Отецъ застаётъ дочь на постели жениха и тутъ-же, не раздумывая, закалываетъ обоихъ. Мужъ, уличившій жену въ любовной связи съ сосѣдомъ, убиваетъ жену и любовника. Убить кровнаго врага—это такой священный долгъ, который исполняется съ страстнымъ увлеченіемъ

Дезгинны на развѣдкѣ

Картина Т. Горшелята.

всегда и вездѣ, какія-бы ни были препятствія. Кровнаго врага убиваютъ и ночью, спящаго на своей постели, и среди пира у кого-нибудь въ гостяхъ, и подстерегаютъ на дорогѣ; за убитаго вступаются присутствующіе родные, за убійцу его родные, и часто цѣлая кровавая сѣча завершаетъ веселый пиръ.

Убійство кровнаго врага есть такое торжество, которымъ гордятся какъ подвигомъ.

Багандъ-Яссы-Оглы, встрѣтившись съ кровнымъ врагомъ своего рода Мустафою-Магома-Оглы, связываетъ его веревкою, ведетъ за 30 верстъ въ предѣлы родной деревни Мекети, оскорбленной убійствомъ Мустафы, и, зарѣзавъ его тамъ, съ торжествомъ приноситъ въ деревню трофей побѣды—кисть руки убитаго врага, поздравляя своихъ род-

ственниковъ съ счастливымъ выполненьемъ семейнаго долга... Но не по однимъ важнымъ случаямъ рѣшается горецъ проливать кровь, свою и чужую. Онъ отвѣчаетъ ею на всякое вообще оскорбленіе, выражаетъ ею всякое свое горе и отчаяніе.

Динь-Багандь-Раджабъ-Оглы, Дарьинскаго округа, убиваетъ себя семью пулями, узнавъ, что любимая имъ дѣвушка выходитъ въ этотъ день замужъ за другого.

Алай-Ахмедъ-Оглы, изъ аула Урари, много разъ просилъ свою сварливую и бранчивую мать ускорить его свадьбу съ одной дѣвушкой, но мать только поносила его неприличными словами.

«Если ты не хочешь дать мнѣ покой, то я самъ успокою себя!» — объявилъ ей наконецъ сынъ и, выхвативъ пистолеть, застрѣлилъ себя у ея ногъ.

Житель селенія Мюрага, Магомедъ-Омаръ-Оглы, застрѣлился послѣ того, какъ мать при всѣхъ сосѣдяхъ побранила его за лѣность.

Муртузали, сынъ Али-Бека, убиваетъ себя за то, что поссорившійся съ нимъ отецъ не согласился простить его. При видѣ бездыханнаго трупя, Али-Бекъ выхватываетъ кинжалъ и, поставивъ на полъ рукоятку его, закалывается самъ...

Селимъ-Дервишъ, изъ аула Гогаза, убиваетъ Ага-Султанъ-Агазъ-Кизы за то, что она не хочетъ бѣжать съ нимъ, а Кадашъ-Бекъ, изъ Маграча, стрѣляетъ въ молодую дѣвушку Ширинъ-Муса-Кизы за отказъ отъ замужества.

Мало того, горецъ убиваетъ себя даже за нарушеніе приличій.

Бекъ-Булатъ, играя съ другими жителями с. Дургели, отъ сильной натуги во время борьбы испустилъ звукъ, который считается у горцевъ величайшимъ позоромъ. Не желая пережить такого безчестія, Бекъ-Булатъ не медля ни минуты застрѣливается изъ пистолета.

Рабаданъ-Попала, изъ Ходжанъ-Моха, сильно пьянствовалъ, несмотря на свою бѣдность. Его это очень мучило, но онъ не имѣлъ силъ подавить свою слабость, которою укоряли его всѣ родные и сосѣди. Разъ, напившись, онъ обнажилъ свой кинжалъ и закричалъ людямъ: «Если животъ мой не можетъ обойтись безъ водки, то я сумѣю наказать его!...» — Онъ ударилъ себя кинжаломъ въ сердце и повалился мертвымъ.

Другой горецъ, изъ с. Урахли, Логманъ-Ареланъ-Оглы, на одной пирушкѣ напился до того, что его вырвало среди самаго ужина. Онъ выхватилъ кинжалъ, чтобы заколотъ себя, но сосѣди удержали его и уговорили идти домой, успокаивая, что это бываетъ со всякимъ... Однако на дорогѣ онъ застрѣлилъ себя, объявивъ собравшимся людямъ, что наказалъ себя за неприличное поведеніе въ собраніи.

Такъ просто и рѣшительно смотритъ дагестанскій горецъ на жизнь и на смерть... Даже женщина его раздѣляетъ этотъ взглядъ. Кинжалъ и для нея служить орудіемъ мести, защиты, самоубійства.

Дагестанская женщина, несущая на своихъ плечахъ всю тягостъ работъ и лишений горской жизни, обладаетъ силою мышцъ и смѣлостью духа, которымъ можетъ позавидовать мужчина цивилизованной Европы. Красота ея лица, стройность ея стана, нѣжность сердца ея—убиты тою суровою долей трудящагося рабочаго скота, которую безъ всякаго состраданія возложили на нее кавказскій горецъ. Но за то она обладаетъ изумительною мощью и терпкостью... И видѣлъ у воротъ Гуниба дѣльные обозы женщинъ, навьюченныхъ огромными вязанками дровъ, которыя онѣ втаскиваютъ на кручи Гуниба изъ-за 10 и 20 верстъ, спуская ихъ сначала съ другихъ непреступныхъ кручъ и обрывовъ... Только одинъ гунибскій баталіонъ сжигаетъ ежегодно 400 сажень дровъ, приносимыхъ на этихъ женскихъ спинахъ, а всего въ годъ истребляется болѣе 500 сажень, и ни одна изъ нихъ не минуешь спины горской женщины. Немудрено, что такія женщины умѣютъ расправляться кинжаломъ. Интересно дѣло лезгинки Парида, изъ с. Бахлухъ, которая въ-одиночку убила и изранила четырехъ русскихъ солдатъ. Она не скрывала этого убійства. Дней за пять до того солдаты изнасиловали ее въ дѣсу. Парида до того оскорбилась этимъ насиліемъ, что нѣсколько дней не спала и не принимала пищи, обдумывая мщеніе. Наконецъ, она рѣшилась выйти на мѣсто своего несчастья и убить перваго русскаго солдата, который тамъ попадется ей. Одѣвшись въ шубу и папаху своего отца и отточивъ кинжалъ, рано утромъ вышла она изъ дому. На тропинкѣ, спускающейся къ Аварскому-Койсу, она встрѣтила сначала одного солдата и заколола его.

Двое другихъ съ кирками въ рукахъ бросились на помощь къ товарищу и нанесли Паридѣ кирками нѣсколько ранъ въ голову, но Парида все-таки заколола ихъ... Еще двое солдатъ увидѣли ее, но, испугавшись, бѣжали назадъ въ лагерь. Парида переняла ихъ на пути и успѣла ранить еще одного солдата, получивъ и сама рану въ голову... Когда за нею въ погоню бросилась дѣлая толпа солдатъ и лезгинъ, работавшихъ дорогу, Парида смѣлымъ прыжкомъ погрузилась въ волны Койсу.... Тамъ уже схватили ее. Такова сила руки и духа дагестанской женщины.

Онѣ убиваютъ обманувшаго любовника или клеветника такъ-же просто, какъ ихъ мужья и братья. Онѣ убиваютъ съ отчаянія и самихъ себя при видѣ дорогаго трупа, при слишкомъ дорѣкомъ извѣстнѣ.

* * *

Въ племенахъ, гдѣ весь народъ вооруженъ, гдѣ слуга точно такъ же владѣеть кинжаломъ и винтовкой, какъ и его господинъ, ни женщина, ни крѣпостной работникъ никогда не могли доходить до той безотвѣтной покорности передъ всякими неправдами своихъ притѣснителей, до которой затапывался недавно подневольный человекъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ рабская рука давно отучилась отъ защиты себя мечемъ и пудей.

Кинжалы и патроны, висящіе на груди самого простого и зависимаго человека Кавказскихъ горъ, всегда служили и теперь еще служить ему краснорѣчивымъ *habeas corpus* своего рода, который обезпечивалъ ему передъ всѣми извѣстную долу свободы и личной неприкосновенности, за недостаткомъ въ этомъ быту дикарей какихъ-нибудь юридическихъ и политическихъ хартій. Нельзя сомнѣваться, что полное достоинства обращение горцевъ прежде всего обязано вооруженію горца, постоянному сознанию его, что въ его собственныхъ рукахъ находится защита его правъ и чести.

Видѣть въ системѣ личной расправы преимущество передъ правильно устроеннымъ юридическимъ бытомъ общества—было бы, конечно, сентиментальной безсмыслицей.

Но однако такъ-же безсмысленна и другая крайность, закрывающая глаза на практическое значеніе того гордаго и смѣлаго настроенія духа, которое обыкновенно бываетъ сопряжено съ постояннымъ вооруженіемъ всего народа.

Хотя въ частности постоянное вооруженіе вызываетъ множество отдѣльных преступленій, но въ общемъ тѣмъ не менѣе служитъ единственною существенною охраною правосудія и свободы въ народѣ, котораго историческія обстоятельства лишили сильной государственной власти, способной поддержать требованія закона противъ всѣхъ и каждаго. Поэтому торопиться обезоруживать племена, въ жизнь которыхъ мы еще не успѣли внести прочно укоренившихся юридическихъ отношеній, среди которыхъ мы еще не сумѣли водрузить могучее царство закона, было бы непоправимою ошибкою и большимъ вредомъ. Это значило бы расшатывать послѣдніе существующіе устои общественнаго равновѣсія, значило бы лишать общество послѣднихъ, выработанныхъ его исторіею, орудій защиты противъ неправды, не замѣняя ихъ ничѣмъ лучшимъ.

Кровавыя лѣтописи горской криминалистики—въ этомъ нѣтъ спору. На каждомъ шагѣ раздаются выстрѣлы, сверкаютъ кинжалы, проливается кровь. Но внимайте безпристрастнѣ въ этотъ кровавый потокъ южныхъ страстей, и вы убѣдитесь, что только небольшая часть того, что

мы считаемъ преступленіями съ нашей европейской точки зрѣнія, составляетъ дѣйствительное преступленіе, то-есть проявленіе злой, испорченной воли, явно направленной во вредъ другому. Огромное же большинство этихъ уголовныхъ случаевъ—окажется только необходимымъ примѣненіемъ мѣръ самозащиты, возстановленія и отмщенія своихъ законныхъ правъ, примѣненіемъ, до такой степени сознательнымъ и правильнымъ, что оно составляетъ ясную съ перваго взгляда систему, одобряемую и практикуемую всѣмъ даннымъ обществомъ въ данныхъ обстоятельствахъ, за невозможностью примѣнить къ дѣлу никакую другую, за отсутствіемъ на мѣстѣ всякихъ иныхъ органовъ, способныхъ возстановить нарушенную правду, хотя-бы въ такомъ несовершенномъ видѣ. Поучительнѣе всего въ этомъ отношеніи пресловутая кровавая мѣсть.

Мы, европейцы, изъ своего спокойнаго и мирнаго далека воображаемъ себѣ эту кровавую мѣсть, эту кавказскую *«вендетту»* своего рода грубою и произвольною расправою ликаря, страсти котораго вскипаютъ бѣшенствомъ при видѣ роднаго трупа и ищутъ утишить себя во вражеской крови. .

Но изучите ближе эту личную расправу книжломъ и пулей. Вы убѣдитесь, что это дѣлая стройная и сложная система юридическихъ понятій и обычаевъ своего рода, подчиненная строжайшимъ и подробнѣйшимъ правиламъ, — что это законъ для всѣхъ общій, для всѣхъ обязательный, который необходимо исполнить во всякомъ случаѣ—хочетъ ли того человекъ, или нѣтъ, кипятъ-ли его страсти, или онъ совершенно хладнокровенъ къ гибели своего роднаго, выгодно-ли ему возмездіе, или разорительно для него, какъ это болѣею частью бываетъ.

Кровавая мѣсть за роднаго — это такой-же нравственный долгъ горца, какъ для насъ обязанность кормить свою семью, воспитывать дѣтей, платить свои долги. . Позоръ общества покрываетъ того, кто уклоняется отъ исполненія этого основнаго долга горской морали. Но долгъ этотъ долженъ быть исполненъ не по произволу мстителя, а по обязательному для него аядату. Если аядатъ кровомщенія нарушенъ, мститель является уже преступникомъ, а не исполнителемъ своего долга... Аядаты кровавой мести безконечно разнообразны въ разныхъ обществахъ Дагестана. Но всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе общій характеръ. Аядатъ не требуетъ непременно смерти убійцы или оскорбителя членовъ рода. Онъ только назначаетъ опредѣленный срокъ, въ продолженіе котораго убійца или оскорбитель должны обязательно покинуть селеніе, гдѣ

жить родные обиженных ими, «выйти въ канлы», какъ выражается дагестанскій адатъ.

Канлы—это злополучнѣйшій изъ людей. Онъ долженъ скитаться изгнанникомъ по возможности дальше отъ мѣста своего преступленія, скрывая каждый свой шагъ. Каждый членъ оскорбленнаго рода можетъ и долженъ убить его въ теченіе срока, указаннаго адатомъ. Его ждутъ на дорогѣ, у порога сакли, на работахъ. Вездѣ роковая пуля можетъ покончить его, и убійца не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ; смерть канлы отъ руки кровомстителя даже не вызываетъ кровавой мести его родныхъ; по выраженію адата, тутъ *«засчитывается кровь за кровь»*.

Но когда проходитъ указанный срокъ, и канлы не попался ни подъ клижалъ, ни подъ пулю, онъ въ правѣ послать пословъ къ кровомстителю и, уплативъ назначенный адатомъ денежный штрафъ въ пользу рода, совершить торжественное примиреніе съ нимъ по установленному порядку... Примиренный канлы не только перестаетъ быть врагомъ, но дѣлается даже особенно близкимъ человѣкомъ къ семьѣ пострадавшаго и получаетъ относительно его разныя нравственныя обязанности. Убить такого канлы—преступленіе въ глазахъ горца.

Сроки изгнанія, размѣры денежныхъ штрафовъ, обряды примиренія,—все это въ подробности опредѣлено адатами каждой общины... Во многихъ селеніяхъ Дагестана *«выходить въ канлы»* обязанъ не только самъ преступникъ, но и его семья, а иногда и близкіе родные. Такъ, напр., въ Хюракинскомъ обществѣ за убійство кадія обязаны выйти въ канлы 7 человѣкъ; въ Цудахарскомъ обществѣ и селеніяхъ Салты, Мохокъ и прочихъ—все семейство убійцы, живущее съ нимъ въ одномъ домѣ, подвергается кровомщенію. Съ другой стороны, далеко не всякое убійство считается по адату подлежащимъ кровомщенію. Мы уже сказали, напр., что убійство канлы въ узаконенный адатомъ срокъ не требуетъ кровомщенія. Точно также не требуетъ кровомщенія по всѣмъ дагестанскимъ адатамъ убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, нападающаго грабителя, любовника, застигнутаго съ женою или близкою родственницею, непримѣнно однако вмѣстѣ съ виновницею.

Точно также адатъ прелписываетъ ближайшимъ родственникамъ убить отцеубійцу, мужеложника, убійцу канлы послѣ примиренія съ нимъ и вообще преступниковъ гнуснаго характера, не подвергаясь за это кровомщенію.

Дѣтубійство вовсе не подвергаетъ виновнаго кровомщенію; за это взыскивается только денежный штрафъ; за преступленіе же всякій отецъ и по адату, и по шаріату обязанъ самъ убить своихъ дѣтей.

Кровомщеніе допускается только между равными, т.-е. людьми

одного и того-же сословія. Знатные беки за убійство простого узденя изгоняются на 3 мѣсяца изъ селенія, безъ права кровной мести, и семейство убитаго обязано примириться съ убійцею за опредѣленное адатомъ вознагражденіе, безъ унизительныхъ обрядовъ, обыкновенно сопровождающихъ примиреніе. Рабъ, убишій бека и узденя, тоже не подвергается кровомщенію, какъ существо низкое и зависимое. За него выходитъ въ канлы владѣлецъ его...

Чтобы не подвергаться кровомщенію со стороны родственниковъ убитаго, родственники убійцы должны какъ можно скорѣе устроить обрядъ примиренія — *бетъ-герлекъ*... Собравшись всѣ вмѣстѣ, вооруженные, на одномъ дворѣ, родственники убійцы должны послать установленную адатомъ пеню родственникамъ убитаго, которые точно также собираются въ это время въ другомъ дворѣ... Почетные старики аула служатъ посредниками; они сводятъ вмѣстѣ обѣ толпы, и, по прочтеніи муллою главы Корана — вражда считается конченною; родственники убитаго получаютъ при этомъ быка; съ этихъ поръ кровомщенію подвергается только самъ убійца.

Мириться съ канлы ранѣ года послѣ убійства считается предсудительнымъ; но по прошествіи этого срока родственникамъ и друзьямъ канлы обыкновенно удается уговорить обиженную сторону взять съ убійцы събдземый по адату *дильтъ*.

Канлы во все время своего изгнанія не смѣютъ брить голову, заниматься хлѣбопашествомъ, входить въ аулы, гдѣ живутъ родственники убитаго. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ, напр., Тасисе-рухъ, канлы дозволяется являться домой по 3 раза въ годъ, каждый разъ дней на 10, и въ это время никто изъ родственниковъ убитаго не смѣетъ покуситься на него. *Дильтъ* бываетъ самый разнообразный, такъ-же какъ *калыль*, т.-е. предварительная плата за убійство, вноси-

Улицы въ чеченскомъ аулѣ.
Картина Т. Горшелята.

мая еще ранѣ примиренія. Въ Кюрѣ, напр., за кровь мужчины выскывается 250 руб., за женщину 125 руб.; въ Табасарани за мужчину 600 руб., за женщину 300 руб. и т. д. Недавно дѣтъ взимался даже натурою. Такъ, въ южной Табасарани онъ полагался въ 6 дѣвицъ: 3 выдавались натурою, разныхъ возрастовъ, а за остальныхъ уплачивалось имуществомъ, считая за каждую 3 быка, 3 коровы, 3 ружья, 3 сабли, 15 барановъ, 15 штукъ мѣдной посуды и т. п.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ, кромѣ денежнаго взысканія съ убійцы, родственники убитаго имѣютъ право, по адату, грабить и разорить движимое и недвижимое имущество канды. Такъ, напр., въ Андійскомъ округѣ домъ убійцы грабился въ теченіе трехъ дней, въ нѣкоторыхъ Хиндалалскихъ селеніяхъ это право сохранялось въ теченіе трехъ лѣтъ.

Нерѣдко взысканія эти простираются и на родственниковъ убійцы. Такъ у кумыковъ съ семейства убійцы взыскивается быкъ или 10 руб., 5 сабѣ пшеницы, 1 кусокъ шелковой и 1 кусокъ бумажной матеріи на бешметъ, а кромѣ того съ родныхъ братьевъ по 3 руб. съ каждаго, съ дядей по 3 руб., съ сыновей дяди по 2 руб., съ внуковъ дядей по 1 руб., съ правнуковъ по 50 коп., и т. д., со всѣхъ родственниковъ убійцы по степени ихъ родства.

Обрядъ примиренія съ канды совершается съ мрачною торжественностью, въ каждой общинѣ по-своему.

Почетные старики аула одѣваютъ убійцу, уплатившаго дѣтъ, въ бѣлый саванъ и опоясываютъ его шашкою... въ такомъ видѣ приводятъ его къ роднымъ убитаго, словно жертву на закланіе. Онъ какъ-бы самъ приноситъ имъ оружіе, которымъ они въ правѣ поразить его, и одежды мертвеца, въ которыхъ ему слѣдовало-бы быть. Въ виду такой покорности, родные убитаго высылаютъ одного изъ своихъ снять опалу съ осужденнаго. Онъ снимаетъ съ него шашку, папаху, саванъ и гладитъ его по головѣ; затѣмъ мулла прочитываетъ первую главу Корана, и семейная вражда забывается навсегда... Примирившійся убійца изъ «*канлы*», «*кровнаго врага*» — съ тѣхъ поръ обращается въ «*канъ-кардашъ*», «*кровнаго брата*» семьи. Онъ замѣняетъ ей убитаго, посѣщаетъ его могилу, оказываетъ его роднымъ всякую помощь и защиту.

У кумыковъ обрядъ примиренія происходитъ съ болѣе увязительною церемоніей. Прощенный канды приглашаетъ на торжественный пиръ всѣхъ родственниковъ убитаго. При приближеніи каждаго гостя, онъ съ обнаженною головою падаетъ на землю и лежитъ ницъ, пока входящій не скажетъ ему: «встань! мы простили тебя!...»

Присутствующіе поднимаютъ его, но онъ все время стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ общей чаши съ родными убитаго. У воротъ ме-

жду тѣмъ становявъ коня, осѣдланнаго и обвѣшаннаго оружіемъ. Это послѣдняя расплата за кровь. Ближайшій родственникъ, выходя съ пирушки, беретъ себѣ коня, а оружіе раздаетъ остальнымъ родственникамъ.

Изъ этого, кажется, ясно, что кровная месть кавказскаго горца далеко не есть одна страстная вспышка дикаря, а дѣлая, вѣками выработанная система правосудія и порядка, въ которой обязанности судьи, полиціи, палача, за неизмѣнимъ на то государственныхъ органовъ, выполнять по волю сама обиженная сторона, притомъ подъ строгимъ наблюденіемъ общественнаго мнѣнія и по строго установленнымъ правиламъ.

Система эта, безъ сомнѣнія, имѣетъ огромные недостатки, но она хороша своею опредѣленностью, своимъ честнымъ, открытымъ характеромъ, не чуждымъ великодушія и гордости.

Полудикое племя, примѣняющее эту систему, производитъ впечатлѣніе какой-то особенной нравственной чистоплотности, какого не въ силахъ произвести обычаи судебнаго клеузничества и трусливаго приниженія передъ сильнымъ.

Тутъ всякій прямо отвѣчаетъ за себя, всякій неизбѣжно вѣруетъ въ свое право защиты личной и семейной чести, не останавливаясь ни передъ какимъ рискомъ, опасностью и жертвами.

Тутъ, главное, съ строгой точностью разграничиваются понятія о честномъ и безчестномъ, о нравственномъ и безнравственномъ, хотя самый критеріумъ этого разграниченія слишкомъ грубъ и одностороненъ съ нашей точки зрѣнія.

Все-же это несравненно лучше, чѣмъ столь обычная среди насъ духовная вялость и безалаберщина, когда перепутываются и становятся кверху ногами всѣ понятія о человѣческой нравственности, когда въ сердцѣ человѣка изсякаетъ самая способность обиды, инѣва, возмездія, когда обиженный смиренно отираетъ плевки съ своего лица и терпѣливо переноситъ наглое обезчещеніе жены, сестры или дочери, не найдя возможнымъ дохватъ обидчика путемъ формальнаго суда. Словомъ, тутъ еще живой человѣкъ не подавленъ бумагою, и личность еще не стерта учрежденіями.

* * *

Этотъ смѣлый и гордый духъ кавказскій горецъ почерпаетъ прежде всего въ своемъ образѣ жизни.

Горецъ изумительно умѣренъ въ своихъ привычкахъ, изумительно выносливъ. Плоть не одолеваетъ его до такой степени, чтобы пльнуть

духъ его. Онъ гораздо болѣе, чѣмъ мы, служитъ своему богу, и гораздо менѣе, чѣмъ мы, служитъ мамонѣ. Конечно, своему богу, а не нашему, это необходимо имѣть въ виду.

Чѣмъ обходится горецъ въ своей жизни—нельзя повѣрить, не видавъ собственными глазами. Наши нукеры, казалось, никогда не ѣли во время пути. У каждаго въ карманѣ шароваръ насыпано нѣсколько горстей просяной муки, и вотъ весь ихъ дорожный запасъ. Намѣшаетъ съ водою, много-много съ кусочкомъ курдючнаго сала или чесноку, горсточку такой саламаты, поджаритъ ее легонько на щепочкахъ,—и вся недолга! Вина не знаетъ, водки не знаетъ, чаю не знаетъ, барана рѣжетъ только на пирушку... Ну, тогда, конечно, другое дѣло: на угощеніи онъ уплететъ за десятерыхъ...

Такова-же и вся обстановка его. Онъ, правда, ходитъ въ серебрѣ, и жена и дочь его ходятъ обившанныя серебромъ; но это большею частью дѣдовское наслѣдіе, единственный запасной капиталъ семьи.

Въ сущности же онъ не тратится ни на что—ни на прислугу, ни на работника, ни на мастеровъ, ни на лавки. Женщины семьи ткуютъ и шьютъ ему все, все готовятъ, все работаютъ, за всѣмъ ходятъ. Конь его выхоженъ имъ-же самимъ на горныхъ пастбищахъ. Онъ весь свой, всего себя создаетъ самъ, почти ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждается. Такая простота и умѣренность быта—страшная сила, и мы, люди сложной европейской цивилизаціи, всего менѣе способны оцѣнить эту силу. Наша безумно разрастающаяся роскошь, наша тѣлесная и духовная изнѣженность избаловали насъ до того, что мы, кажется, навсегда утѣрили не только вкусъ и способность умѣренности, но даже сознание незамѣнимой пользы ея...

Демократическая толпа, когда-то такъ раздражавшаяся блескомъ и роскошью быта высшихъ сословій, осуждавшая ихъ и на нихъ ополчавшаяся, теперь, очутившись владыкою поля, предается еще болѣе безумнымъ увлеченіямъ.

Человѣкъ поденнаго труда теперь живетъ, ѣстъ и одѣвается такъ, какъ еще недавно позволяли себѣ одни только избранныки судьбы, обладавшіе значительными наслѣдственными богатствами. Бархатъ и кружева, бобры и соболя—уже перестали быть исключительнымъ нарядомъ знати, а перешли теперь на плечи мѣщанокъ, мелкихъ чиновницъ, даже служанокъ...

Кто говоритъ,—дай Богъ всѣмъ на свѣтъ пить шампанское, кушать рябчиковъ, кататься на гутаперчевыхъ колесахъ и сидѣть на изящной мебели, если-бы это было возможно, если-бы всѣмъ доставалась такая щедрая порція изъ общей чаши земныхъ благополучій. Но

на дѣлѣ мнѣнческой рогу изобилія оказывается гораздо скуднѣе, чѣмъ кажется нашему аппетиту, и алчное стремленіе наше ко всѣмъ земнымъ благамъ, кому-либо доступнымъ, переходитъ само-собою въ тотъ духъ хищенія и безразравственнаго стяжанія, въ то презрѣнное состояніе духовнаго рабства, отъ котораго такъ глубоко страдаютъ теперь цивилизованныя общества Европы. Недаромъ истинный демократъ и истинный борецъ свободы — Веніаминъ Франклинъ приписывалъ простотѣ чловѣка всю силу и самостоятельность его духа...

Валтасары никогда не бывали въ силахъ воспитать въ себѣ твердую волю, отстоять свою независимость, побѣдить врага. Въ этомъ отношеніи кавказскій горецъ глубоко поучителенъ для насъ. Онъ остается до смерти вѣрнѣе своему понятію о чести, своему убѣжденію въ правдѣ. Ему, вѣчно рыскающему по утесамъ и дебрямъ, вѣчно терпящему лишения, — не страшно рискнуть ничѣмъ, чтобы отстоять то, что онъ считаетъ необходимымъ отстаивать. Разорите его саклю — онъ спрячется въ пещеру, которая такъ мало отличается отъ нея; уведите у него скотъ — онъ станетъ стрѣлять въ горныхъ дѣсахъ туровъ и оленей. Оттого такъ долю не могла сокрушить это крошечное племя даже могучая сила всего государства русскаго, вѣка боровшаяся съ нимъ.

Эта умѣренная привычекъ горца, эта жизнь на свѣжѣмъ воздухѣ, въ постоянномъ движеніи, въ постоянномъ напряженіи своихъ силъ, выковываютъ могучимъ образомъ не только его духъ, но и его тѣло, его физическое здоровье.

Среди окружающихъ его ледниковъ и горныхъ буръ горецъ не знаетъ печей. Широко открытая сверху, глиняная «бухара» его сакли нагрѣвается только тогда, когда подъ нею трещать дрова, а все остальное время сквозь ея жерло только дышитъ въ комнату рѣзкій горный воздухъ... Любимое мѣсто ночлега дагестанскаго горца — это плоскіе камни, нарочно разбросанные для этого по площадкѣ аула, вокругъ мечети. Завернувшись въ свою неизмѣнную бурку, какъ птица въ перья, лезгинъ проводитъ такъ самыя холодныя ночи. Выносливость его не знаетъ предѣловъ.

При мнѣ въ Гунибѣ пріѣхалъ верхомъ черезъ горы изъ Гунзаха старый наибъ. Онъ явился въ 5 часовъ вечера, сдѣлавъ на сѣдлѣ болѣе 50 верстъ, исполнилъ въ Гунибѣ всѣ нужныя дѣла и въ тотъ-же день, на томъ-же конѣ, спокойно отправились домой.

Я встрѣчалъ также офицеровъ изъ горцевъ, которые дѣлали верхомъ зимніе походы изъ Тифлиса въ Москву, въ Ялу и обратно, которые катались верхомъ изъ Эрзерума въ Александрополь, какъ по улицѣ своего города.

Они, конечно, также легко проѣхали бы верхами насквозь русское царство и не стали бы даже говорить объ этомъ. Перебѣжать нѣсколько высочайшихъ хребтовъ съ неприступными обрывами — для горца все равно, что русскому мужику перейти свое поле. Лезгинская женщина ежедневно носитъ черезъ эти хребты громадныя тяжести, сберегая свою дорогую скотину. Ея спина — это самый обычный возъ въ хозяйствѣ Дагестана для всего: для хлѣба, для дровъ, для сундуковъ и чмодановъ.

О солнечной жарѣ сухой, костистый лезгинецъ даже и не помышляетъ. Онъ и въ жару носитъ на головѣ баранью шапаху, баранью шубу. Онъ успѣетъ выпотѣть въ своей никогда не прекращающейся горской гимнастикѣ, съ дѣтства до старости, — до такой сухости, что въ немъ уже ничто не можетъ вызвать испарину...

Живучесть его подвижного и сильнаго тѣла такова, что тяжкія раны нѣрѣдко затягиваются сами-собою, а то, что наша медицина признаетъ едва не смертельнымъ, не заставляетъ его даже слечь въ постель. Шамиль былъ раненъ русскимъ штыкомъ въ грудь на-вылетъ, сквозь все легкое. Тестъ его Абдуль-Ассизъ только прильпилъ ему какой-то спускъ изъ воска, сала и смолы, — и Шамиль отправился въ новый походъ... Оттого-то горскіе знахари производятъ чудеса своимъ лѣченіемъ ранъ. Тутъ помогаетъ не столько искусство знахаря и цѣлебность невѣдомыхъ горныхъ травъ, сколько несокрушимая мощь самаго раненаго. Оттого-то въ горныхъ аулахъ до сихъ поръ встрѣчаются старики и старухи такой глубокой старости, о какой мы забыли думать.

Мнѣ рассказывали о 135-лѣтнихъ старикахъ, у которыхъ послѣ 100 лѣтъ выросли новые зубы, и которые еще пляшутъ лезгинку вмѣстѣ съ правнуками, — о 120-лѣтнихъ старухахъ, до сихъ поръ ходящихъ по воду.

Въ 5 лѣтъ у нихъ ребенокъ уже на конѣ, въ 12 лѣтъ онъ уже ловкій джигитъ.

Что можетъ сдѣлать лезгинецъ въ битвѣ, въ походѣ, — представить себѣ трудно. Безконечныя кавказскія войны доказали это лучше всего.

Взять приступомъ не только аулъ, а одну башню аула — намъ всегда стоило множества жизней. Противъ горсти дагестанскихъ храбрцовъ всегда нужна бывала рота, батальонъ, пушки... Биться русскому солдату одному-на-одинъ съ этимъ ловкимъ, проворнымъ, смѣлымъ и сильнымъ звѣремъ, изощреннымъ съ ранняго дѣтства въ борьбѣ, нападеніи, защитѣ, — было-бы все равно, что быку схватиться съ тигромъ.

Храбрость лезгинъ не знаетъ предѣловъ. Это львы по природѣ. Въ послѣднюю турецкую войну конно-иррегулярный полкъ дагестанцевъ съ однимъ шашками бросился на ружья Нибоды, взлетѣвъ верхами на батарею, изрубилъ всѣхъ и захватилъ пушки... Когда наши войска брали въ 1878-мъ году неприступный, еще никогда не взятый русскими аулъ Согратль, гдѣ укрывся пророкъ, взволновавшій Дагестанъ, то изъ одной башни аула, разстрѣлявъ все заряды, 15 отчаянныхъ джигитовъ выскочили съ кинжалами на цѣлый батальонъ и перерѣзали въ немъ множество солдатъ. Въ другой башнѣ 3 батальона насилу раздѣлались съ 30 такими же удалцами. Все они были подняты на штыки, и ни одинъ не сдвинулся; но у насъ вышло изъ строя 136 человекъ убитыми и ранеными. Послѣ этого аулъ Согратль былъ разрушенъ до основанія, и жители переселены гораздо ниже.

Я познакомился у кн. О. съ однимъ Шамилевскимъ наибомъ, украшеннымъ Георгиемъ; онъ съ 12 человекъ своихъ джигитовъ раздѣлялъ цѣлое вооруженное скопище, противъ котора

Разореніе лезгинскаго аула въ 1858 г.

Картина Т. Горшелята.

го не осмѣливался двинуться изъ своего укрѣпленія, до прибытія пѣхоты, командиръ полка, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 300 кавалеристовъ...

Вообще я видѣлъ здѣсь воочію множество боевыхъ героевъ и храбрецовъ лезгинъ.

Когда смотришь въ одно время на лезгина и на нашего брата вахлака-русскаго, то русскій производитъ впечатлѣніе неуклюжаго травояднаго животнаго рядомъ съ статнымъ и смѣлымъ хищникомъ. У лезгина пестрота наряда какой-нибудь пантеры или барса, грація и гибкость ея движеній, ея страшная сила, воплощенная въ изящныя стальныя формы... Это, поистинѣ, звѣрь, отлично оснащенный всякимъ боевымъ оружіемъ, острыми когтями, могучими зубами, прыгающій какъ резина, какъ резина увертливый, уносящійся съ быстротою молніи, съ быстротою молніи настагающій и разящій, мгновенно загорающійся такою злобою и гнѣвомъ, какими никогда не въ силахъ одушевиться травоядный волъ.

Да какъ и выйти иному—жителю Дагестанскихъ горъ!

Сама природа его роковымъ образомъ вырабатываетъ изъ него хищнаго звѣря, вольнаго разбойника горъ и лѣсовъ.

Вѣчная борьба, вѣчная война, вѣчныя опасности—окружаютъ его съ первыхъ дней его дѣтства... Духлѣтнимъ ребенкомъ онъ выползаетъ на свою родную крышу, висящую надъ пропастью, ежеминутно подвергаясь гибели, закаляя свой глазъ и свое сердце этимъ постояннымъ созерцаніемъ ея... Отца его нѣтъ дома, мать его съ вязанкою дровъ на плечахъ спускается на его глазахъ изъ лѣса черезъ головоломныя пропасти, куда онъ съ пяти лѣтъ будетъ таскаться за ней... Въ 10 лѣтъ онъ пасетъ на заоблачныхъ альпахъ стада своего дома, лазаетъ по ледникамъ, торчитъ какъ коза на остріяхъ утесовъ, купающихся въ синемъ небѣ, на отвѣсныхъ скатахъ горъ, цѣпкій какъ коза, безстрашный какъ коза и какъ коза неутомимый...

Великая школа природы кругомъ него, и онъ изумленно всматривается въ нее, онъ глубоко запечатлѣваетъ въ своемъ чуткомъ сердцѣ ея суровыя поученія...

Вонъ, надъ его головою, въ холодной синевѣ, хищникъ-орелъ, разрѣзая могучими крыльями волны незримаго моря, несется стремглавъ на молодую серну, неосторожно зазѣвавшуюся на утесѣ... Онъ шибаеть ее сильнымъ ударомъ крыла и уже уноситъ въ крѣпко стиснутыхъ желѣзныхъ когтяхъ опять наверхъ, въ воздушную бездну, куда взмываетъ новыми мощными взмахами крылъ, отыскивая своимъ безжалостнымъ глазомъ гнѣздо своихъ орлятъ, безчувственный къ стонамъ жертвы...

Опустить глаза свои на землю безмолвно звучащейся ребенокъ и видить—тамъ въ опрагъ медвѣдь или волкъ деруть отставшую отъ стада корову его отца... Крикъ тревоги потрясаетъ чистый воздухъ горь... Удалой пастухъ, съ ружьемъ на-готовѣ, уже бѣжитъ наперерѣзъ испуганному звѣрю, и мѣткая пуля его поражаетъ похитителя... Онъ бьется съ ревомъ въ лужахъ крови, съ растерзанными внутренностями...

Вездѣ травля одного за другимъ, вездѣ кровь, вездѣ стоны и смерть... Посмотрить на воду,—и вода здѣсь не то тихое голубое зеркало, въ которомъ живописно отражаются мирныя поля и хижины, по которымъ счастливый рыбакъ съ веселою пѣснью влечетъ свои мрежи...

Нѣтъ, тутъ тоже борьба и хищничество, вражда и злоба. Бѣшенныя черныя воды, будто стаи злыхъ духовъ, несутся изъ заоблачныхъ тумановъ, среди голыхъ каменныхъ кручъ, грызи и потрясая ихъ, наполняя дикія, мрачныя ущелья стопами и разрушеніемъ... Скала давить воду хаосомъ своихъ камней, вода разрываетъ и опрокидываетъ скалы. Наверху бури схватываются въ такую-же отчаянную рукопашную схватку съ черными льсами, съ изглоданными утесами, съ самыми тучами небесными, которыхъ онѣ неистово хлещутъ и гонятъ по пустымъ, холоднымъ безднамъ...

Вездѣ одно и то-же. Все твердить одинъ и тотъ-же суровый, безжалостный кликъ: «горѣ побѣжденному, благо одолевшему!» Все воспѣваетъ съ одинаковымъ одушевленіемъ царство силы и смѣлости,—звѣри и птицы, камни и горы, воды и облака...

Куда уйти, какъ отдѣлаться горѣ Дагестана отъ этихъ неумолимыхъ уроковъ природы?...

Спрячется онъ въ свою узкую нору,—гдѣ онъ мерзнетъ всю зиму безъ удобствъ и отрады, забывшись какъ звѣрь въ свою берлогу,—не настроить его и эта домашняя нора ни на что болѣе свѣтлое и болѣе доброе...

Бездушный, жестокій камень охватываетъ его кругомъ и здѣсь, у семейнаго очага, на ложѣ успокоенія, какъ охватываетъ онъ его въ неурололивомъ, скудномъ полѣ, требующемъ на каждомъ шагѣ страшныхъ напряженій человѣка, какъ охватываетъ онъ его на непроходимыхъ дорогахъ, неприступныхъ подъемахъ, недостижимыхъ пастбищахъ... Вездѣ одна и та-же суровая, неблагодарная, неумолимая обстановка, вездѣ одна и та-же голая, мрачная пустыня,—дома, въ работѣ, въ походѣ, тамъ вверху и здѣсь внизу...

Поневоля и въ сердце дагестанца, и въ его голозу вѣдрится, наконецъ, эта все здѣсь поглощающая, надъ всѣмъ здѣсь господствующая...

щяя суровая и обнаженная пустынность дагестанского пейзажа, дагестанской жизни; поневоля царящій въ природѣ Дагестана духъ вѣчной войны и вѣчнаго насилия проникаетъ наконецъ собою все вкусы, привычки и помыслы дагестанскаго жителя...

Онъ нечувствительно дѣлается плотью отъ плоти страны своей. Своихъ дикихъ горъ и лѣсовъ, нечувствительно обращается въ того-же горнаго орла, въ того-же барса лѣснаго, становится могучимъ и смѣлымъ, какъ они, какъ они ловкимъ, терпѣливымъ и выносливымъ, но вѣсть съ тѣмъ, какъ они же, безжалостно и откровенно кровожаднымъ...

XI.

Внутренняя жизнь Дагестана.

ВЛИЯНИЕ русской и персидской жизни однако уже значительно отразилось на горцахъ Дагестана. Чѣмъ ближе къ плоскости, къ берегу моря, чѣмъ открытѣе и доступнѣе для мирнаго вторженія долины Дагестана, тѣмъ распущеннѣе и безнравственнѣе является горецъ. Туда уже проникли многіе обычаи жизни, чуждые горамъ, наклонность къ торговлѣ и обману, привычки роскоши и бездѣлья, страсть къ князамъ и попойкамъ. Вѣсть съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ старымъ персидскимъ ханствамъ, которыя мы такъ долго, такъ несправедливо и съ такимъ вредомъ поддерживали своимъ покровительствомъ, магометанство начинаетъ играть въ быту лезгинъ такую роль, какой оно никогда не имѣло въ глубинѣ горъ... Индемѣрные и корыстные хаджи въ какомъ-нибудь южномъ Дагестанѣ составляютъ уже серьезную силу, которая вращаетъ всѣми дѣлами общины въ своихъ собственныхъ видахъ. Соберется тамъ въ какомъ-нибудь большомъ аулѣ сельскій сходъ, или джамаатъ, — только и видны синія да зеленыя мантии, эти воскрылія древнихъ фарисеевъ Евангелія, зеленыя да бѣлыя чалмы...

Тутъ уже не узнаете никакой правды, не добьетесь никакой искренности. Заправилы-хаджи запутаютъ какъ петлей своими дѣтскими, уклончивыми рѣчами обычную суровую откровенность простяка-горца.

А среди дидойцевъ, андухцевъ, капучей и другихъ племенъ съ недоступныхъ утесовъ Верхняго Дагестана рѣдко даже встрѣтись

чаю хаджи, и исламъ тамъ вообще нѣсколько стирается передъ крѣпко укоренившимися обычаями древняго язычества горь... Замѣчательно, что и преступленія измѣняютъ свой характеръ по мѣрѣ движенія къ ханствамъ, къ плоскости.

Открытыя убійства и пораненія дѣлаются рѣже, за то гораздо чаще повторяются разбой, воровство, тайныя убійства, коварные обманы... Поразительнѣе всего была замѣтна эта нравственная разница между внутренностью горь и ихъ окраинами во время послѣдняго дагестанскаго возстанія. Многие изъ знатныхъ казикумыховъ, обласканные и награжденные русскими, какъ Абдуль-Мелжидъ, офицеръ русской службы, Джафаръ-Али-ханъ, сынъ нашего генераль-майора, и др., при первой вѣсти о побѣдахъ турокъ въ Арменіи сорвали съ себя русскія эполеты и присоединились къ мятежникамъ, въ то время какъ старыя Шамилевы наибы, вѣрно раздѣлявшіе до послѣдней минуты судьбу его, настоящіе горцы, не испорченные трактирною цивилизаціей,—оставались непоколебимыми царской присягѣ, какъ непоколебимо были когда-то врагами царя.

Урзвычайно трудна задача сохранить въ горцѣхъ все достойное и нравственное, что есть въ немъ теперь, довершая въ то-же время рѣшительный переходъ къ болѣе мирной и плодотворной для него жизни. Въ одномъ нѣтъ сомнѣнія, что менѣе всего тутъ помогутъ крутыя мѣры насилія, презрительное отношеніе къ историческимъ условіямъ горской жизни, къ вѣкамъ выработаннымъ вѣкусамъ, привычкамъ и убѣжденіямъ ихъ. Честное и строгое управленіе, быстрое, близкое, всѣмъ понятное, примѣненное къ простымъ потребностямъ почти патриархальнаго быта горцевъ, ни въ какомъ случаѣ не заимствованное отъ сложныхъ формъ нашей собственной, ни въ чемъ не похожей на ихъ жизни,—конечно, необходимо здѣсь прежде всего.

Въ этихъ дѣвственныхъ странахъ, гдѣ еще судятъ подъ тѣмъ самымъ дубомъ, на которомъ вѣшаютъ, гдѣ сельская сходка еще считаетъ себя въ правѣ казнить смертію своего члена въ моментъ совершенія имъ преступленія, гдѣ каждый отецъ семьи рассматривается какъ естественный судья и исполнитель казни надъ своими домохозяцами, — жалкіи и комичны оказались бы, сочиненныя въ кабинетѣ, канцелярскія процедуры нашего мирового суда, о введеніи котораго хлопочутъ слѣпые поклонники теоретическаго прогресса, и объ уничтоженіи котораго давно собирается подавать жалобу Царю вся сосѣдняя Терская область, находя этотъ слишкомъ сложный и слишкомъ формальный институтъ еще невозможнымъ для Кавказскихъ горь.

Наши талантливые правители Кавказа, въ родѣ Циціанова, Ермо-

лова, Воронцова, хорошо сознавали необходимость примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ быта и къ свойствамъ племени. Они умѣли говорить съ горцами понятнымъ имъ и для нихъ внушительнымъ языкомъ, честно выполняя собственныя обѣщанія, разражалась грозною за всякій обманъ и непослушаніе. Генералъ Лазаревъ, этотъ военачальникъ-самоучка, сдѣлавшійся изъ мальчишки портного побѣдителемъ и пѣвнители армій, долгое время управлялъ Дагестаномъ прямо послѣ Шамиля. Онъ отлично приноровился къ народу, съ которымъ имѣлъ дѣло, и сумѣлъ своей желѣзной рукою, своимъ практическимъ чутьемъ установить въ этой странѣ крови и кинжала такіе порядки, при которыхъ даже мирному русскому путешественнику стало возможно заглядывать въ разбойничью гнѣзда Дагестана, при которомъ стихли вѣчныя кровавыя ссоры общины и населеніе могло предаться своимъ обычнымъ занятіямъ. Лазаревъ былъ неумолимъ въ наказаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступенъ и внимателенъ къ самому послѣднему человѣку, необыкновенно щедръ въ наградахъ, гостеприименъ, какъ истинный восточный человѣкъ: все кормилось и поилось за его столомъ. Самые высокіе начальники не избѣгали его, строгости и безпристрастія и боялись его, какъ огня.

Лазаревъ все зналъ и вѣдалъ въ своей области; Дагестанъ трепеталъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрилъ въ него и сознавалъ необходимость такой твердой правящей руки. Богатырь по виду, громаднаго роста, громадной силы, онъ собственноручно сокрушалъ въ прахъ виновныхъ набобовъ, не предавая ихъ суду, не отписывая никакихъ бумагъ, и при немъ всякій начальникъ дѣйствительно со страхомъ помышлялъ объ отвѣтѣ за свои скеверныя дѣла. Ненависть малограмотнаго генерала-самоучки къ канцелярской перепискѣ доходила, говорятъ, до того, что центральному управленію часто было невозможно добиться отъ него никакого отвѣта на свои циркуляры и предписанія.

Рассказываютъ, что иногда онъ просто рвалъ пополамъ полученные отъ начальства бумаги, приговаривая съ сердцемъ самъ про-себя: «Имъ тамъ вольно выдумывать въ Тифлисѣ свои выдумки, а здѣсь приходится дѣлать что можно, на дѣло глядя!... Что имъ отсюда виднота?..»

Оттого-то этотъ талантливый воинъ и правитель оставался такъ часто «не у дѣла», какъ ненужная спица въ колесницѣ, попадая въ опалу разныхъ кавказскихъ канцелярій, всегда любезно поощряющихъ бездарность и лень...

Канцеляршіи эти, надѣвавшія Георгіевъ разныхъ степеней на людей, не понохавшихъ пороку, губившія цѣлыя кампаніи и честь рус-

скаго оружія въ угоду разнымъ петербургскимъ барчукамъ, приѣзжавшимъ на дешвую поживу за чинами и орденами, возмутили здѣсь

Генералъ Ермоловъ.
Портретъ вѣсти Захарова.

сердца кавказцевъ и могли бы повести Кавказъ къ совершенному разложенію, если ихъ не успѣетъ сдержать наконецъ какая-нибудь мощная рука.

Лазаревъ въ маломъ видѣ былъ прямымъ послѣдователемъ Ермолова, который точно также съ самыми ничтожными средствами, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, умѣлъ водворять своимъ тактомъ и своею желѣзною волею порядокъ и подчиненіе въ странахъ, только-что кипѣвшихъ войною и разбоемъ. И странно, вмѣсто ненависти, которую, казалось, должны были бы чувствовать горцы къ безпощадному покорителю Кавказа, пролившему столько крови ихъ, разорившему столько земель ихъ,—дагестанцы и чеченцы до сихъ поръ воспѣваютъ Ермолова, какъ великаго героя, передъ которымъ не можетъ не благоговѣть ихъ воинственная и искренняя душа.

«Тамъ, гдѣ ни Курица, ни Лисица во всю свою жизнь не могли бы отыскать тропинку, чтобы пробраться въ Даргу,—Ермоловъ въ три часа нашелъ дорогу!»—поется въ одной изъ любимыхъ пѣсенъ акушинцами и другими жителями Даргинскихъ ауловъ.

«Руками оны дѣйствовали подобно желѣзному молоту, ломающему камни.

«Какъ-только пришелъ Ермоловъ въ Акушу, постарѣли и постѣдѣли отъ страха акушинскіе кадди и старшины.

«Народная память сохранить славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока мѣръ не разрушится.

«Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей...

«Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы, слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?

«Ты приобрѣлъ въ Даргѣ и во всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій султанъ.

«Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ персидскій шахъ» (т.-е. Шахъ-Надиръ, воспоминанія о походѣ котораго еще очень живы среди кавказскихъ горцевъ).

«Бѣдныхъ ты наградишь деньгами, голодныхъ накормишь!...»

Вотъ безыскусственная, задушевная исповѣдь дагестанскаго горца. Вотъ какіе правители нужны ему, ему понятны, вселяютъ ему уваженіе и покорность.

Разить какъ молотомъ непослушныхъ, зашитить бѣднаго, накормить голоднаго, проявлять свою власть съ наглядностью и несомнѣнностью грозы небесной...

* * *

Въ настоящее время въ Дагестанѣ примѣняются довольно практи-

ческій и привычный народу судъ по адатамъ и отчасти судъ по закону русскому; послѣдній, впрочемъ, въ очень умѣренной степени, исключительно по вопросамъ государственной измѣны, возстаній противъ правительства, а изъ области строго-уголовныхъ преступленій только относительно обдуманнаго убійства.

Джамаатъ, т.-е. сельскій сходъ аула, попрежнему выбираетъ изъ своей среды сельскихъ судей или *чохбиевъ*, которые разбираютъ по адатамъ своей общины всѣ обыкновенные споры и проступки, безъ всякаго вмѣшательства наиба, старшины (нусть-ель-бетера) и т. п.

На приговоры своихъ сельскихъ судовъ горцы жаждутся въ окружные суды, засѣдающіе въ центрахъ окружнаго управленія — Гунибѣ, Ботлихѣ и пр. Хотя тамъ предсѣдательствуетъ русскій начальникъ округа, но члены выбираются по одному изъ каждаго наибства изъ числа опытнѣйшихъ сельскихъ судей, хорошо знающихъ адаты. Это такъ-называемые *«диванные члены»*. Наконецъ, самая высшая судебная инстанція — *«народный судъ»* въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, главною правительственнымъ центръ всей Дагестанской области.

Тамъ тоже есть члены изъ мѣстныхъ сельскихъ судей, но они выбираются начальствомъ края. Впрочемъ, послѣ возстанія 1878 года и диванные члены стали назначаться не по выбору сельскихъ сходовъ, а по усмотрѣнію начальниковъ округа.

Нельзя, во всякомъ случаѣ, не одобрить разумнаго начала, положеннаго въ основу дѣшннго суда. Переходъ отъ патриархальныхъ отношеній и кровной мести къ кодексамъ закона цивилизованныхъ народовъ не можетъ произойти безъ очень осторожной и терпѣливой постепенности.

Философія европейскихъ юристовъ оказалась бы бесплодною табурабаскою грамотою въ этомъ царствѣ адатовъ...

Я не знаю впрочемъ, насколько это здравое уваженіе къ мѣстнымъ условіямъ края, эта разумная уступка бытовымъ особенностямъ племени — соблюдается въ самой практикѣ дагестанскихъ судовъ. При огромномъ значеніи здѣсь администраціи, при отсутствіи серьезныхъ контролирующнхъ ся органовъ въ этихъ горныхъ дебряхъ, трудно рѣшить — насколько можетъ вліять на ходъ судныхъ дѣлъ и на дѣйствительное примѣненіе къ нимъ мѣстныхъ адатовъ вмѣшательство наибовъ, начальниковъ округа и т. п., насколько «диванные» и всякіе другіе члены суда изъ горцевъ сохраняютъ свою самостоятельность передъ волею начальства.

Вѣдь, судя по статутамъ, и у насъ въ полицейскомъ управленіи уѣзда участвуютъ засѣдатели всѣхъ сословій, даже крестьянскаго, что

на практикѣ не препятствуетъ этому сельскому засѣдателю ограничивать все свое участіе тоюкою полицейскихъ печей.

Большую часть должностей въ Дагестанѣ, какъ и вообще въ горахъ Кавказа, занимаютъ грузины, всегда стоявшіе къ горцамъ ближе, чѣмъ другія народности; поэтому они и приспособляются довольно удачно къ ихъ взглядамъ и потребностямъ. Однако мнѣ случалось слышать отъ людей чисто-русскаго происхожденія, служащихъ въ Дагестанѣ, будто лезгины издревле презираютъ грузинъ, какъ своихъ бывшихъ данниковъ, которыхъ они привыкли грабить и обирать, и что грузины, несмотря на свои способности и свое умѣнье сжиться съ горцемъ, во многихъ случаяхъ слишкомъ лѣнны, корыстны и производны; что, напротивъ того, лезгины любятъ русскихъ начальниковъ и требуютъ ихъ. Объ одномъ здѣшнемъ окружномъ начальникѣ изъ русскихъ, г. Т., мнѣ передавали вещи, которыя приходится рѣдко слышать про своего брата-москаля. Лезгины называютъ его просто по имени и вѣрятъ ему во всемъ, увѣряютъ, будто-бы даже во время возстанія округъ его оставался спокойнъ; г. Т., какъ передавали мнѣ, самъ говорилъ по-лезгинскъ и хорошо знакомъ съ обычаями и убѣжденіями горцевъ, что, само собою разумѣется, составляеть первое условіе для вліятельнаго начальника. Впрочемъ, я не думаю, чтобы между грузинами и русскими существовала въ этомъ отношеніи какая-нибудь принципиальная разница. Множество грузинъ, воспитанныхъ въ русскихъ заведеніяхъ, долго служившихъ въ русской службѣ, до такой степени полно и искренно обратились въ русскихъ, что несправедливо было-бы отыскивать въ нихъ какія-нибудь особыя грузинскія свойства, и всѣ недостатки ихъ, говоря правду, должны быть признаны нашими собственными недостатками.

«Мы думаемъ по-русски и дома между собою говоримъ по-русски,—увѣряя меня почтенный князь О.—У меня родная сестра за русскимъ княземъ Г., и нѣсколько двоюродныхъ сестеръ также за русскими».

Дѣйствительно, какъ тутъ сохранить свои племенные особенности, еслибы даже онѣ и были!

* * *

Здѣшніе правящіе люди не нахалются лезгинами. Это народъ удивительно стойкій, удивительно точный, удивительно честный.

«Эти дикари чѣмъ хороши,—говорили мнѣ о нихъ.—Сегодня возмущенье, пушками ихъ не возьмешь, а завтра смирятся—безопаснѣ Саратовской губерніи стануть. Если врагъ—то врагъ, а уже другъ—то

другъ; убійца никогда не скрываетъ, что онъ убилъ; на судѣ откровенно и прямо рассказываетъ, за что и какъ убилъ: изъ ревности-ли, за обиду-ли...»

Отношенія родства и дружбы здѣсь такъ крѣпки, что лезгинъ, изъ-за дружбы, на каждомъ шагѣ готовъ жертвовать жизнью. Кунаки должны оказывать другъ другу всякую услугу и помощь; они дѣлаются даже кровниками другъ друга, и если у убитаго нѣтъ ближайшихъ родныхъ,—получаютъ за него *алмы* и *дѣтъ*. Кто разъ ночевалъ въ домѣ лезгина, уже всегда обязанъ заѣзжать къ нему; хозяинъ жестоко обидѣлся-бы и былъ-бы осрамленъ передъ всѣмъ селеніемъ, если-бы его гость избралъ на слѣдующій разъ иного хозяина. Это значило-бы, что онъ остался недоволенъ гостеприимствомъ. Лезгинъ проѣдетъ насквозь весь Дагестанъ, не вынимая ни одного абаза. Вездѣ онъ найдеть пріютъ и радушное угощенье.

Способность самоуправленія лезгинъ также поразительна. Привыкшій въ теченіе вѣковъ ждать помощи только отъ самого себя, лезгинъ не нуждается, какъ нашъ братъ, русскій, вѣчно жившій на помочахъ начальства, въ особенныхъ понужденіяхъ къ отправленію своего общественнаго долга. Безпрекословное подчиненіе мірской волѣ и всѣмъ строгимъ требованіямъ старыхъ адатовъ является у лезгина дѣломъ свободнаго нравственнаго сознанія. Если аульное общество положить, напримеръ, запрещеніе на лѣсъ, то ужъ будьте увѣрены, что изъ этого лѣса не пропадетъ ни одна палка, ничья рука не дотронется до запрещеннаго плода. Когда наступитъ время, всѣ сразу одѣляются дровами. Общественные дуга свои лезгины также косятъ въ одинъ день, по рабочей силѣ каждаго, и до назначеннаго дня общесѣбно оберегаются отъ погравъ каждаго хозяиномъ, какъ свое собственное гумно.

Вообще, строгая законность и точность въ исполненіи обязанностей проникаетъ лезгина съ его младыхъ дней.

Русское начальство удивляется, съ какою невѣроятною точностью лезгинъ является по вызову изъ своихъ горныхъ дебрей не только въ назначенный часъ, но даже въ назначенную минуту, несмотря ни на какую погоду, ни на какія разстоянія.

Нигдѣ нѣтъ такой настойчивой, всѣми исполняемой дисциплины, какъ среди лезгинъ. Аульное общество, не рассчитывающее ни на какіе приказы общественного призванія, ни на какихъ благотѣльныхъ предсѣдателей, членовъ, засѣдатель и секретарей, свято выполняетъ обязанности свои къ бѣднымъ жителямъ, хотя этого не написано у нихъ ни въ какомъ уставѣ благоустройства и благочинія.

Извѣстная часть хлѣба и вина обязательно отдѣляется каждаго

жителем на содержаніе бѣдныхъ, мечети и школы. Бѣдные содержатся такъ хорошо, что въ Беджитѣ мы видѣли, напримѣръ, сѣлаго нищаго въ отличной шубѣ и папахѣ, сооруженной ему на общественный счетъ. Дѣти, желающія изучать Коранъ и получить вообще образованіе, по понятіямъ лезгинъ, исполняютъ это безъ малѣйшаго труда. Мечеть всегда открыта имъ для пристанища, а обильныя подаванія жителей служатъ пропитаніемъ имъ. «Муталимы», т.-е. ученики, постоянно ночуютъ и живутъ въ мечетяхъ, какъ въ своего рода общественныхъ пансіонахъ, на харчахъ мечети, подъ руководствомъ ея муллы, хотя-бы родители ихъ проживали въ томъ-же аулѣ.

Разъ, въ одномъ селеніи, постигнутомъ неурожаемъ, не хватило десятиннаго сбора для содержанія муталимовъ мечети. Слухъ былъ, что въ другомъ аулѣ, версть за 30 отсюда, при мечети накопилось много запасовъ. Ни минуты не раздумывая, какъ-только поѣденъ былъ собственный запасъ, всѣ муталимы забрали подъ мышку книжки свои и отправились за 30 версть. Вошли въ мечеть, присѣли на коротки сзиди сидѣвшихъ тамъ муталимовъ, развернули свои книжки и стали читать вмѣстѣ съ другими. Никто не спросилъ ихъ, зачѣмъ и откуда они. Ихъ стали кормить и учить наравнѣ со всѣми. И такъ бываетъ всегда. Простое, но глубокое религіозное чувство побуждаетъ дагестанскаго горца относиться такъ къ нищему, просящему ради Бога, къ учащемуся ребенку, къ молящемуся муллѣ...

Муталимы читаютъ Коранъ по арабски, но почти никто изъ нихъ не понимаетъ арабскаго языка. Отъ этого шаріатъ, духовный законъ Магомета, мало извѣстенъ въ горахъ, и отъ этого-же само мусульманство въ нихъ не особенно сильно.

Собственно лезгинской азбуки и лезгинской литературы не существуетъ. Хотя есть исторія Дагестана, составленная Мухамедомъ-Раффи, но она написана по-арабски, какъ и другія немногочисленныя произведенія лезгинской мысли. Впрочемъ, въ общежитіи лезгины употребляютъ арабскія буквы для письма лезгинскихъ словъ, съ разными приспособленіями для выраженія звуковъ, не существующихъ въ арабскомъ языкѣ.

Нашъ неутомимый изслѣдователь горскихъ языковъ Кавказа, покойный генералъ Усларъ, составилъ было азбуку для лезгинскаго языка, и горскія дѣти начали было съ восхищеніемъ писать и читать по-лезгински; но это доброе начало не было поддержано съ достаточной настойчивостію и не пошло дальше. Англійскіе миссіонеры успѣли распространить въ Дагестанѣ нѣсколько экземпляровъ Евангелія на арабскомъ языкѣ, и оно читается охотно нѣкоторыми учеными лезги-

переправа горцевъ.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.

нами; горцы также на-расхватъ разбирали нумера «Тифлисской Газеты» на татарскомъ языкѣ, которую пробовали распространить среди нихъ. Все это показываетъ одно глубокое уваженіе лезгинъ къ письменности, полную возможность повліять на нихъ путемъ образованія. Лезгины, какъ племя, очень умны и способны. Въ Ставропольской гимназій, гдѣ братъ мой былъ прежде директоромъ, лезгины, по его словамъ, были лучшими учениками даже по сочиненіямъ на русскомъ языкѣ.

Но, разумѣется, образовывать лезгинъ, необдуманно основывая для нихъ обыкновенныя русскія школы, безъ всякаго вниманія къ ихъ собственнымъ взглядамъ на школу, къ ихъ привычкамъ, вкусамъ и способностямъ, было бы только пустою потерей времени и силъ, годною развѣ только для того, чтобы навсегда отбить у лезгинъ довѣріе къ русскому образованію. Не бездушнымъ выполненіемъ разныхъ существующихъ шаблоновъ, по циркулярамъ начальства, а искреннимъ интересомъ къ дѣлу просвѣщенія полудикаго племени можно бы было помочь ему на этомъ пути. Но, къ сожалѣнію, люди, подобные Услару, горячо преданные своему призванію и всесторонне подготовленные къ нему, у насъ считаются единицами на сотни тысячъ. При данныхъ же обстоятельствахъ, единственно что можетъ двинуть будущее просвѣщеніе Дагестанскихъ горъ, — это настѣжь открытыя ворота въ его дебри и ущелья. Хорошая дорога—вотъ, повторяемъ, первая артерія, по которой обыкновенно вливается въ страну цивилизація. Ермоловъ, создавшій военно-грузинскій путь, князь Воронцовъ и другіе

тамантинные правители Кавказа—хорошо понимали это значение дорогъ и многого достигли съ ихъ помощью. Но для Дагестана въ этомъ смыслѣ сдѣлано еще слишкомъ мало. Мы говорили въ Гуннобѣ, что мѣстными средствами уже проведено по Дагестану до 160 верстъ колеснаго пути. Это доказываетъ, что, при сознаніи всей незамѣнимой важности дорогъ для твердости русской власти въ горахъ и для распространенія въ нихъ вліянія русской гражданственности, можно бы было провести по ущельямъ Дагестана уже тысячи верстъ подобныхъ путей. Прокладывайте только дороги, и не заботьтесь о другомъ!

«Остальная вся приложатся вамъ». Съ ними самъ собою проникнетъ свѣтъ и воздухъ въ глухіе углы. Дороги принесутъ лезгину рынки и промыслы, школы и суды. Хотя промышленность, можно сказать, еще спитъ въ Дагестанѣ обычнымъ сномъ Востока, однако все убѣждаетъ, что лезгинъ самъ по себѣ въ высшей степени склоненъ и способенъ къ труду всякаго рода и ко всякаго рода смѣтливымъ оборотамъ. Въ жизни своей онъ умѣетъ обойтись просто ни съ чѣмъ и всегда имѣетъ все необходимое, всегда приличенъ и даже щеголеватъ. Лезгинскій милиціонеръ, напримѣръ, получая 120 рублей въ годъ, ухитряется содержать на этотъ счетъ прекраснаго коня въ богатомъ уборѣ, украшать серебряной чеканкой свое оружіе и платье и являться на всемъ своемъ по-первому призыву — отлично вооруженный, сытый, одѣтый красиво и тепло. Многія селенія Дагестана даже и теперь ведутъ значительные промыслы. Въ аулѣ Кубачи, напримѣръ, знаменитые серебряники; общество Кель славится своими тонкими шальями; всѣ вообще казикумынды извѣстны какъ превосходные слесаря, лудильщики, серебряники, оружейники, сѣдельники и проч. Цѣлые аулы торгуютъ бурками, башлыками, куржинами, перевоза ихъ выюками въ Кахетлю и оттуда черезъ Гамбору въ Тифлисъ. Искусными садоводами кишатъ всѣ нижнія долины Дагестана. Коровье масло въ большихъ количествахъ сбывается на равнины. Дороги оживятъ и широко разовьютъ всѣ эти старые источники дохода горцевъ и создать множество новыхъ. Дорога сдѣлаетъ возможнымъ хозяйство и торговлю, заставитъ скорѣе всего бросить ружье и кинжалъ. Дагестанскіе горцы, сосланные послѣ возстанія 1878 года, въ Саратовскую губернію, теперь основали на Волгѣ двѣтущія селенія и живутъ тамъ припѣваячи, несмотря на непривычную обстановку. Имъ дали огъ правительства земли, дома, лошадей; они пишутъ оттуда своимъ землякамъ, расхваливая новую жизнь свою, гдѣ они преспокойно пахутъ сами землю, забывая мало-по-малу о кинжалахъ и кровавой расправѣ.

Изъ одного средняго Дагестана было выслано туда 1400 душъ обоого пола.

* * *

Съ такимъ народомъ, полнымъ свѣжихъ способностей и строгихъ нравственныхъ привычекъ, можно сдѣлать очень многое, если только не развратить его нашею собственною несправдою и распущенностью.

Въ русской общественной жизни, въ русскомъ образованіи— много хорошаго, гораздо лучшаго, гораздо болѣе полезнаго, чѣмъ въ дикихъ обычаяхъ горца. Но, къ сожалѣнію и стыду нашему, мы рѣдко прикасаемся къ зависимымъ отъ насъ народностямъ, судьбою отданнымъ въ опеку нашу, этими плодотворными сторонами нашей жизни. Къ сожалѣнію, мы гораздо чаще успѣваемъ только изломать и исковеркать все доброе, что лежитъ въ природѣ этихъ остальныхъ племенъ, ихъ простоту, честную откровенность, благородную смѣлость,— и замѣнъ того прививаемъ имъ не высшую культуру духа, не истинное знаніе, котораго имъ недоставало, не болѣе выгодные промыслы, которыхъ они не знали, а одну наружную одежду цивилизаціи, одна ея грѣхи и уродства.

Распущенность въ образѣ жизни и распущенность въ нравственныхъ понятіяхъ— вотъ обычные горькіе плоды, которые пожинають отъ насъ всѣ болѣе или менѣе дѣйственные народности, попадающія намъ подъ руку,— крымскіе татары, какъ и ивородцы Сибири, какъ финскіе лопари, какъ горцы Кавказа. Неяство, мотовство и плутовство—идуть стаею, какъ мародеры за вторгнувшимся войскомъ, за печальною колесницею нашей русской цивилизаціи, благодѣтельствующей далекія окраины наши...

Таковы мы въ Батумѣ и Карсѣ, таковы мы въ Ташкентѣ и на Амурѣ. Если мы не можемъ дѣйствовать иначе, то лучше не будемъ дѣйствовать вовсе. Но нельзя-же помириться на этомъ. Нельзя такъ малодушно признать себя побитыми даже нравственною системою азггина или аджарца. Надо вѣрить, что въ народѣ русскомъ есть и другія силы духа, силы истиннаго просвѣщенія, силы правды и чести. Ихъ-то необходимо вызвать, къ нимъ-то необходимо обращаться правителямъ и распорядителямъ судебъ нашихъ.

Не близорукимъ невниманіемъ къ историческимъ особенностямъ цивилизуемыхъ нами народностей, не грубымъ внѣдреніемъ въ ихъ вѣковую жизнь чуждыхъ имъ русскихъ формъ— можемъ мы дѣлать счастливыми и богатыми Кавказскія горы и равнины. Русскій языкъ, русскій законъ—не удержатся тамъ, гдѣ для нихъ не приготовлено цѣ-

какой почвы. Грузины не перестанут посещать церкви, гдѣ священникъ служить на непонятномъ имъ русскомъ языкѣ, но черезъ это не сдѣлаются еще русскими. Лезгинъ не войдетъ въ школу своего аула, гдѣ онъ не находитъ Корана и гдѣ онъ не слышитъ знакомыхъ ему звуковъ, хотя-бы въ ней преподавалъ самый образованный русскій учитель изъ тифлисской учительской семинарии.

Мировой судья и слѣдователь изъ русскаго университета, не понимающіе ни того, что показываетъ свидѣтель, ни того, какъ оправдывается обвиняемый, прикладывающіе мѣрку свода законовъ и судебныхъ уставовъ къ поступкамъ людей, незвыбимо-вѣрующихъ въ свои тысячелѣтніе адаты, — внесутъ только растлѣныя и безправныя въ ту среду, гдѣ до сихъ поръ стоять такъ высоко требованія справедливости и законности.

Нигдѣ насъ такъ не губило подражаніе готовымъ образцамъ, какъ здѣсь, въ горахъ Кавказа. Мы, кажется, стремимся навязать и имъ всѣ тѣ мнимыя панопліи, отъ которыхъ еще такъ мало пользы видѣли сами, но въ которыхъ мы считаемъ себя обязанными вѣрять «ничто-же сумняшеся», по долгу цивилизованныхъ людей.

Уже поговариваютъ о *введеніи всеобщей воинской повинности* на Кавказѣ, среди племенъ, которыхъ никакими средствами не удержишь отъ войны. Не смѣшно-ли это?

Не значить-ли это подталкивать руками птицу, которая сама летитъ такъ быстро, что ее догнать нельзя?

Эта обязательная воинская повинность существуетъ въ горахъ Кавказа, среди рыцарскихъ и разбойничьихъ народовъ его, какъ существовала она въ казачьихъ земляхъ нашихъ, гораздо ранѣе, чѣмъ подумалъ о ней прусскій нѣмецъ. Возьмите-жъ этотъ живой фактъ исторіи, какъ онъ есть, и воспользуйтесь имъ, какъ можете, не заботясь о томъ, что дѣлаютъ у себя въ Пруссіи нѣмцы съ своими мирными лавочниками, хлѣбопашцами и писарями.

Поговариваютъ также о всеобщемъ разоруженіи кавказцевъ, можетъ быть, на томъ основаніи, что вѣнскій булочникъ и мюнхенскій пивоваръ ходятъ давно безъ ружья и кинжаловъ.

Нѣмцевъ, которые тутъ не при чемъ, вспомнили, а того не вспомнить, какая полиція будетъ въ состояніи охранять козьи тропы Кавказскаго хребта, и какая судебная власть будетъ защищать честь и имущество жителей, гнѣздящихся на неприступныхъ утесахъ, за облаками...

Для возстанія народъ, даже и обезоруженный, всегда найдетъ оружіе, но лишитъ его безъ всякаго повода того, что онъ считаетъ

Переселеніе горцевъ
Картина П. И. Грузинскаго.

лучшимъ украшеньемъ своей жизни, нераздѣльною принадлежностью мужа, всей чести и богатства его, его семейной святыни, — это и безразсудно, и несправедливо. Къ тому-же какія арміи шпионовъ потребовались-бы для дѣйствительнаго осуществленія этой насильственной мѣры?

Поменьше грубой ломки, поменьше торопливости и выдумокъ, побольше терпѣнья и уваженія къ исторической жизни народовъ. — вотъ каковъ долженъ быть характеръ нашихъ кавказскихъ мѣропріятій, если они должны быть направлены на благо, а не на погибель Кавказа. На этой почвѣ легче всего произойдетъ естественное сляніе различныхъ народностей и объединеніе разнородныхъ интересовъ.

Энергія-же нашихъ правителей должна обратиться не на искусственное перекраиванье существующихъ племенъ по образу и подобию нашему, а на нравственную доброкачественность тѣхъ дѣятелей, которыхъ мы призываемъ къ дѣлу дивинизаціи Кавказа. Если наши интенданты, строители, управители не будутъ воспитывать кавказскія народности въ обычаяхъ хищничества и обмана, если въ лицѣ ихъ и

подобныхъ имъ не будетъ безнаказанно торжествовать и издѣваться надъ правдою нагая неправда, если источники мѣстнаго богатства, земли, лѣса, рыбныя ловли, нефтяныя источники Кавказа—не будутъ легкомысленно бросаемы въ жертву личной корысти, къ непоправимому вреду для страны, если ко всякому дѣлу будутъ призываться не лесть и бездарность, а честныя силы труда и знанія, способныя съ пользою послужить ему, однимъ словомъ—если надъ всѣмъ и во всемъ водворится наконецъ здѣсь непоколебимый законъ, «у него же нѣтъ на лица зрѣнья», тогда можно будетъ сказать, что русская власть на Кавказѣ повела народности Кавказа по истинному пути просвѣщенія и благоденствія, тогда можно будетъ ручаться, что Кавказскія горы—станутъ дѣйствительно русскими горами.

XII.

Возвращеніе.

СТРАННОЕ впечатлѣніе произвелъ на меня звукъ родного русскаго колокольчика, раздавшійся въ сонныхъ ушахъ моихъ здѣсь, на заоблачныхъ вершинахъ Шамилева гнѣзда, въ самомъ сердцѣ Дагестана. Почтовая телега чуть свѣтъ стояла передъ окнами дома, совсемъ готовая къ нашему отъѣзду.

Возвращаться назадъ верхомъ въ Кахетію черезъ всѣ ужасы и опасности, только-что прожитыя, казалось немислимымъ. То, что смѣло перенесъ споряча, еще не успѣвъ размаковать всѣхъ страховъ, теперь, когда уже можно было оглянуться назадъ съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ, казалось еще опаснѣе и неодолимѣе.

Мы рѣшили сдѣлать длинный объѣздъ на почтовыхъ къ Темиръ-Ханъ-Шуръ и оттуда черезъ всю Чечню до Владикавказа, чтобы только избавиться отъ повторенія пройденнаго пути черезъ Верхній Дагестанъ. Приходилось проститься съ нашими вѣрными спутниками, съ неустрашимымъ наѣзникомъ Илико, съ Максиме, съ Павле, которые должны были вернуться немедленно подъ старую кровлю Енисельскаго замка...

Мы снабдили ихъ маленькую экспедицію всѣмъ, чѣмъ было можно снабдить въ скромныхъ лавкахъ Гуниба, и съ большимъ сожалѣніемъ обнялись съ ними въ послѣдній разъ.

Максима явился къ прощанью разодѣтый и разукрашенный, съ заботливо расчесанною сѣдою бородою, весь сверкающій своими золо-

тymi и серебряными медалями, своими Георгіевскими крестами, въ полной парадной формѣ ветерана-милліонера.

Всѣ провожаютъ насъ добрыми пожеланіями, пока наша телѣга, стуча и дребезжа по камнямъ мостовой, осторожно спускается къ крѣпостнымъ воротамъ... Ласка и дружба человѣческая имѣютъ такую внутреннюю силу, что даже изъ этого непріятнаго боевого гнѣзда уѣжаешь съ растроганнымъ сердцемъ...

Безконечною змѣею сплзываетъ шоссеяная дорога съ крутой пирамиды Гуниба къ волнамъ Кара-Койсу.

Становится больно за бѣдныхъ лошадей, такъ тяжело и долго сползшихъ на своихъ хребтахъ по этимъ кручамъ нагруженную телѣгу.

Все шоссе закидано камнями, какъ бомбами. То-и-дѣло встрѣчаются брешы въ стѣнкахъ, окаймляющихъ шоссе, на пространствахъ десятковъ саженей опрокинуты даже цѣлыя стѣнки. Это нерукотворная твердыня Гуниба разрушаетъ, словно смѣясь, сооруженія, сдѣланные рукою человѣка, соромъ своихъ каменныхъ реберъ...

* * *

Дика и мрачна скалистая тѣснина, гдѣ перекинута черезъ спирѣную Кара-Койсу большой Салтинскій мостъ изъ камня и желѣза. Сильно укрѣпленная башня съ постояннымъ карауломъ защищаетъ теть-де-понь того берега.

Среди глухого безмолвія и безмолдія, словно на днѣ глубокаго каменнаго ящика, куда почти не проникаетъ лучъ солнца, гдѣ стоитъ даже утромъ какой-то полусумракъ ночи, не смолкая, реветъ и бѣсится эта «Черная рѣка»...

Посмотришь направо, — узкій коридоръ отвѣсныхъ голыхъ скалъ, задвинувшихъ дали, заслонившихъ небо; посмотришь налево, — тѣ-же безысходныя каменные стѣны...

Гуль отъ рева волнь оглушаетъ васъ въ этомъ сухомъ, звонкомъ ящикѣ, отражающемъ отъ себя малѣйшій звукъ. Не позавидуешь быту пѣхотинцевъ, обязанныхъ по цѣлому году дежурить въ этомъ Салтинскомъ склепѣ, изо-дня-въ-день созерцая надъ своимъ теменемъ тѣ-же желтыя скалы, изо-дня-въ-день наслушиваясь до тошноты все одного и того-же рева волнь, не видя кругомъ себя души живой.

Мнѣ рассказывали, что уже нѣсколько офицеровъ, начальствовавшихъ надъ Салтинскимъ карауломъ, одинъ за однимъ топидись отъ тоски въ волнахъ Кара-Койсу, и что теперь стали чаще перемѣнять ихъ очереди.

Этому легко повѣрить, посмотрѣвъ хотя разъ на Салтинскую тѣ-

снину. Въ возстаніе 1878 года Салтинская башня, защищающая доступы къ Гунибу, была взята горцами обманомъ, въ самомъ началѣ мятежа. Изъ большого аула за тѣсною толпа горцевъ привела къ мосту нѣсколькихъ арестантовъ и требовала пропуска ихъ въ Гунибъ. Обманутый караулъ пропустилъ ихъ. Арестанты были такіе-же вооруженные горцы, какъ и всѣ остальные. Они перерѣзали не только весь караулъ, но и русскихъ плотниковъ, оканчивавшихъ работы въ укрѣпленіи.

Пробовали уничтожить и самый мостъ, но только просверлили пулями его желѣзо, а разрушить не могли. Даже армянина-духанщика, что 15 лѣтъ жилъ въ полуверстѣ отъ моста, стараго аульнаго кунака, не пощадилъ осмѣлившіе повстанцы. Со страху онъ даже принялъ Магометову вѣру, но и это его не спасло. Лезгинскій кинжалъ распоролъ-таки его сытое армянское брюшко.

У почтовой Салтинской станціи, что построена недавно въ виду мостового укрѣпленія, мы видѣли пустынный могилки бѣднѣхъ русскихъ солдатиковъ, побитыхъ лезгинами...

Наши скоро потомъ отняли Салтинскій мостъ послѣ долгаго и кроваваго боя; но скопища горцевъ обложили ихъ со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ имъ сообщеніе съ Гунибомъ и съ Темиръ-Ханъ-Шурую; двѣ недѣли сряду крошечный гарнизонъ башни отбивался отъ нихъ, сидя безъ хлѣба, пока отрядъ Накашидас не занялъ горныхъ мѣстностей выше аула и не разсѣялъ вооруженныя скопища.

* * *

«Почтовый трактъ» изъ Гуниба и Гунзаха въ Темиръ-Ханъ-Шуру открытъ недавно и своимъ торжественнымъ европейскимъ названіемъ можетъ вовлечь неопытнаго путешественника въ большое заблужденіе.

Станціи—это едва слѣпленные тѣсные бараки, текущіе насквозь отъ малѣйшаго дождя, безъ печей, съ одною угарною желѣзною коробкою, съ землею вмѣсто пола, съ узкою тесовою дверочкой прямо на дворъ вмѣсто всякихъ стѣнъ и галлереекъ.

Хочется спать,—ложись прямо на полъ: это единственная кровать. На такъ-называемыхъ «большихъ» станціяхъ, по крайней мѣрѣ, найдешь кого-нибудь—старосту или ямщика. Но на «маленькихъ» часто находишь однѣ пустыя стѣны.

Единственные два ямщика или въ разгонѣ, или уйдутъ въ сосѣдній аулъ поразжиться чѣмъ-нибудь. Безпомощному проѣзжему придется оставаться одному въ пустынномъ ущельѣ, отдаваясь на милость

Рѣка Кара-Койса.

судьбы. Иногда лошадей не добьешься здѣсь по 3 сутокъ. На многихъ станціяхъ всего по двѣ тройки, на которыхъ и почту гоняютъ и развозятъ разное начальство и чиновниковъ. Ко всему этому никто тутъ слова русскаго не понимаетъ, такъ что даже узнать нельзя, кто виноватъ, на кого жаловаться. Ямщики-горцы совсѣмъ не умѣютъ возить. Только и слышишь рассказы о томъ, какъ слегла перекладная то въ воду, то въ пропасть. Впрочемъ, хороши же здѣсь и дороги! Самому опытному ямщику нелегко справиться съ ними. На каждой станціи вы заранее можете ознакомиться съ предстоящимъ вамъ путемъ по описанію, висящему на стѣнѣ. Только и видишь на этихъ таблицахъ ободрительныя предостереженія, въ родѣ слѣдующихъ: «въ ночное время и въ дождь слѣдовать невозможно», «12 тяжелыхъ подъемовъ и 10 опасныхъ спусковъ» и т. п. А какъ тутъ избѣгать ночного времени и дождей, когда безъ того приходится ожидать на этихъ станціяхъ цѣлыми днями.

Дороги по горнымъ кручамъ не ограждены нигдѣ отъ пропастей, мостовъ почти нѣтъ, все броды, а въ горахъ сегодняшній бродъ завтра дѣлается непроходимымъ грознымъ потокомъ.

Нечего говорить, что объ ѣдѣ на этомъ «почтовомъ трактѣ» нужно оставить всякія попеченія; рѣдко-рѣдко попадется на дорогѣ скверный духанъ, гдѣ можно купить кусокъ мѣстнаго соленнаго сыра и стаканчикъ вина. Мнѣ показалось обидною насмѣшкою, что на каждой здѣшной станціи вывѣшены краснорѣчивыя воззванія общества покровительства животныхъ о милости къ скотамъ безусловнымъ въ то самое время, какъ разумное человѣчество подвергается здѣсь такимъ безчеловѣчнымъ испытаніямъ.

* * *

Сѣверовосточная часть Дагестана уже мало интересна послѣ характерныхъ видовъ Средняго и Верхняго Дагестана. Кавказскія горы припадаютъ все ниже и ниже и наконецъ замираютъ холмистою равниною къ берегу Каспія. По мѣрѣ пониженія горъ, аулы дѣлаются все чаще, все обширнѣе, городки-городками. Но это уже настоящіе татарскіе аулы, пропитанные запахомъ сухой, жаркой Азіи, одинъ камень и глина, безъ земли, безъ садовъ, жилища пустыни, напоминающія Палестину и Аравію, только безъ ихъ пальмъ. Обыкновенно эти огромные аулы усыпаютъ вплотную высокіе холмы и горки. Около нихъ всегда особый холмъ, весь обросшій вмѣсто лѣса торчащими каменными гамятниками съ чалмами и турбанами... Вечеромъ бываетъ странно смотрѣть на эти бѣляющія полчища каменныхъ мертвецовъ, жаостливо толпящихся на своемъ могильномъ холмѣ... Кругомъ большихъ ауловъ, каковы Большой и Малый Джингетай, аулы Урма, Казанище и другіе, стелются великолѣпныя зеленыя и желтыя поля, какихъ уже давно мы не видимъ въ горныхъ дебряхъ Кавказа. Земли всѣ поливаются, на всемъ лежитъ печать дѣятельнаго хозяйства и близости торговыхъ центровъ. Историческихъ развалинъ уже больше не попадается. Сейчасъ видно, что страна эта стала давно доступною, давно подвергалась вліянію прибрежныхъ татарскихъ и персидскихъ ханствъ. Да и русское владычество ранѣе всего пробило себѣ дорогу въ сердце Кавказа черезъ эти естественныя ворота, отъ низовьевъ Каспія. Страна эта населена гораздо гуще горъ. Толпы женщинъ въ неуклюжихъ длинныхъ нарядахъ, въ богатыхъ уборахъ изъ тяжелыхъ стариннаго серебра, въ нагрудникахъ, подвѣскахъ и серьгахъ самыхъ оригинальныхъ формъ, съ множествомъ очень красивыхъ дѣтей, попадаютъ на каждомъ шагѣ. Да и вообще народу множество. Но онъ глядитъ на русскаго человѣка далеко недружелюбно, можетъ быть, вспоминая недавній кровавый урокъ, полученный имъ послѣ возстанія.

Мы обрадовались Темиръ-Ханъ-Шуръ, какъ Петербургу или Парижу, послѣ своихъ долгихъ скитаній по горамъ. Гостиница обыкновеннаго губернскаго города, съ возможною постелью, съ горячимъ ужиномъ,—показалась чуть не земнымъ раемъ.

Темиръ-Ханъ-Шура когда-то была важнымъ военнымъ центромъ русской арміи, а въ настоящее время, съ окончательнымъ присоединеніемъ Дагестана, ея крѣпость почти упряднена, хотя городъ продолжаетъ быть средоточіемъ областного управленія.

Городъ вообще плохъ и грязенъ, но торговля кипитъ въ немъ довольно бойко. Въ немъ нѣтъ той ралующей зелени, того порядка и милосидности, которыми поражаетъ Владикавказъ. Какая-то татарская распушенность и азіатская пустынность, совершенно подходящая къ сосѣдству Каспія, лежатъ здѣсь на всемъ.

Жара печетъ невыносимо, сжигаетъ кости, не только кожу чело-вѣка. Желтая пыль стоитъ густымъ киселемъ въ неподвижномъ воздухѣ, не расходясь, не давая дышать. На открытой со всѣхъ сторонъ тѣлѣгъ дѣться некуда отъ зажигающихъ лучей солнца, отъ пыли и духоты... Измученныя, никуда негодныя лошади надрываются отъ утомленія. Въ голыи, раскаленной пустынѣ, среди сплошной желтизны выжженныхъ и вытопанныхъ травъ, яркими букетами валяется чуть не черезъ каждую версту окровавленная лошадиная падаля...

Грубый ругатель-ямщикъ, неумѣющій взять вожжей въ руки, немилосердно хлещетъ тройку живыхъ одровъ, что безнадежно тинетъ насъ черезъ эту кавказскую Сахару подъ 42 градусами жара. Онъ громко проклинаетъ и свою некормленную скотину, и скотину-жиды, не кормящаго лошадей, не платящаго ему жалованья, да и насъ, кажется, кстати, подъ огуль, вмѣстѣ съ почтовымъ начальствомъ. Нигдѣ, на пространствѣ 20—30 верстъ, ни фонтана, ни колодца. Ручей горько-соленой воды все время бѣжитъ вдоль дороги, но никому словно горя нѣтъ ни о лошадиныхъ, ни о путникахъ...

Словно мы ѣдемъ по безлюднымъ солончакамъ Ахаль-Теке, а не черезъ богоспасаемое Русское царство, руководимое пятнадцатью томами свода законовъ, всякими уставами благоустройства и благочинія. А кажется, такъ бы не трудно устроить здѣсь все, что нужно, облегчивъ народу и скоту это каторжное передвиженіе.

* * *

Пришлось проѣзжать какъ-разъ мимо Тарковъ. Вспомнился самъ собою стихъ Лермонтова:

Я былъ въ горахъ—

Какая радость...
 Я былъ въ Таркахъ,—
 Какая гадость...

По крайней мѣрѣ, я самымъ искреннимъ образомъ сидѣлъ подѣ этимъ гадостнымъ впечатлѣніемъ на своей мучительной перекладной, вспоминая съ завистью даже наше головоломное странствование верхомъ по кручамъ Аварскаго-Койсу и поглядывая на громадные безукusный хоромы шамхала тарковского, что лѣпились на одинокомъ утесѣ, высоко надъ глиняными хижинами его бывшихъ холоповъ и подданныхъ. Эти маленькіе деспотическіе царьки, съ своими замашками султановъ, съ своей дикой роскошью и безчеловѣчностью своихъ азіатскихъ вазаловъ, разоряютъ подвластные имъ народы гораздо хуже, чѣмъ самые неблагоприятные государи могущественныхъ странъ.

* * *

Передъ Чирь-Юртомъ живописная синяя тѣснина вдругъ распахнулась въ горахъ слева отъ насъ, открывъ намъ далекую перспективу скалъ, провожающихъ Сулакъ до самаго слиянія съ нимъ Аварскаго-Койсу. Грозная башня на высокой скалѣ оберегаетъ эти ворота Дагестана, отворенныя въ Чечню. Въ Чирь-Юртѣ широкое русло Сулака прорѣзаетъ границу между Дагестаномъ и Терской областью.

Довольно сильныя укрѣпленія съ валами, башнями, мостовыми защитами—занимаютъ оба крутые берега Сулака. Вездѣ часовые, пушки, ружья, вездѣ военный людъ. Что-то въ родѣ городка съ магазинами, базаромъ, гостиницами основалось вокругъ крѣпости и служить теперь спасительнымъ средоточіемъ цивилизации для всей окрестности. Волна азіатской жизни, азіатскихъ племенъ здѣсь уже замѣтно стихаетъ, и сердце съ отрадою ощущаетъ здѣсь наступленіе русскихъ людей и русскаго быта, хотя еще въ одномъ только военномъ образѣ.

Мы поспѣшими прежде всего выкупаться въ отвратительной черной волнѣ Сулака, чтобы освободиться отъ слоевъ окутавшей насъ пыли, и, наскоро пообедавъ, двинулись дальше. Здѣсь почти держать уже не жидъ, а персианка, и она несравненно исправнѣе—хорошія повозки и сбруя, сытые лошади, ловкіе ямщики. Да и то сказать, Терская область—это само обиліе скотовъ и кормовъ всякаго рода, далеко не то, что сухой Дагестанъ. Въ Хасавь-Юртѣ, гдѣ тоже крѣпость и тоже порядочный городъ, съ гостинымъ дворомъ и всякою всячиною, мы не захотѣли ночевать, хотя насъ и предупреждали, что по Чечнѣ ночью не ѣздить, что разбой чеченцевъ очень часты; однако

мы такъ рвались долой, что не рѣшились упустить даромъ ясной лунной ночи.

Нельзя однако сказать, чтобы эта поѣздка прошла для насъ совершенно спокойно. Ямщикъ уже заранѣе наговорилъ намъ много страстей, и когда мы очутились въ совершенно безлюдной пустынѣ, среди холмистой мѣстности, на каждомъ шагу; поросшей частыми кустами, было ясно, что первой попавшейся досужей парѣ горцевъ не стоило бы ничего снять насъ пудею почти въ упоръ съ нашихъ нагруженныхъ чмодановъ... Горды встрѣчались намъ въ темнотѣ ночи дѣльными партіями, съ ружьями за спиной, съ шашками на боку, пылко всматриваясь въ насъ и перекрасываясь между собою непонятными намъ отрывочными звуками, которые мы могли переводить въ своей возбужденной фантазіи какъ намъ было угодно. Иногда слышался позади насъ торопливый топотъ подковъ, и мы могли разсчитывать, что какаядь-нибудь шайка грабителей рѣшилась наступить на насъ; но дѣлать было нечего, — и приходилось волею-неволею притворяться спокойнымъ и пропускать мимо себя тѣсно осыпавшую насъ ватагу наѣздниковъ въ буркахъ и башмыкахъ...

Салтневскій мостъ.

Мы, впрочемъ, приняли всѣ предосторожности, какія были въ

нашей власти; положили на колѣна шашки и взведенные револьверы, зорко осматривая каждый свою сторону, чтобы не прозввать въ случаѣ какой-нибудь опасности. Отъ станціи до станціи тутъ всю ночь разъѣзжаютъ конные казацкіе патрули—одни въ одну сторону, другіе въ другую. Кромѣ того, казацкіе посты съ сторожевыми вышками устроены въ разныхъ мѣстахъ дороги. Съ начала ночи мы встрѣчали не разъ разъѣзды казаковъ, на которые, впрочемъ, здѣсь не особенно разсчитываютъ. Но съ полуночи казаки что-то перестали попадаться намъ; къ разсвѣту мы видали многихъ изъ нихъ преспокойно спящими на лѣсныхъ полянкахъ, возлѣ осѣданныхъ лошадей, мирно щипавшихъ росистую траву...

Какъ-бы то ни было, мы всю ночь провели на-сторожѣ, сидя бодро на своей телѣжкѣ, не позволяя себѣ даже дремать, тѣмъ болѣе, что у насъ не было особенной вѣры и въ здѣшнихъ ямщиковъ. Чудная лунная ночь помогала нашей бодрости.

Вдали были видны, при ея свѣтѣ, Чеченскія горы, а лѣсистая равнина была залита, какъ прозрачнымъ голубымъ моремъ, ея фосфорическими лучами.

Живая, сердечная бесѣда зажглась сама собою въ поэтической обстановкѣ этого дикаго пейзажа, и возбужденные нервы не замѣчали, какъ пролетала короткая лѣтняя ночь, полная жуткихъ ощущеній опасности, теплыхъ воспоминаній прошлаго и сладкихъ впечатлѣній окружающей насъ ночной красоты...

* * *

Старая Ермоловская твердыня—крѣпость Грозная не представляетъ теперь собою ровно ничего грознаго. Она отслужила свою историческую службу сначала русской защиты отъ чеченцевъ, потомъ русскаго завоеванія чеченцевъ,—и теперь, въ дни мира и полного торжества русской силы надъ горами Кавказа, обратилась въ довольно обширный, хотя плохо устроенный городокъ, гдѣ сосредоточиваются военная власть.

Мы успѣли только поужинать въ одной изъ гостиницъ городка и торопились все дальше и дальше.

Кромѣ такихъ важныхъ военныхъ пунктовъ, какъ Грозная, Чирь-Юртъ и пр., Чечня усыяна множествомъ другихъ небольшихъ укрѣпленій. Почти каждая станція находится подъ защитою валовъ и башенъ какого-нибудь форта.

Сначала мы ѣхали поселеніями чеченцевъ, выведенныхъ изъ горъ на равнину для большей безопасности.

Общій видъ г. Темиръ-Хаизъ-Шури.

Потомъ пошла страна ингушей, или назранцевъ, и частыя станицы Терскаго казачьяго войска. По мѣрѣ захвата затерекскихъ чеченскихъ земель, казаковъ переселяли на нихъ съ лѣваго берега Терека, чтобы придвигать все ближе и ближе къ горамъ этотъ самый надежный изъ всѣхъ военныхъ кордоновъ — живую *линію* казачьихъ поселеній. Теперь эта часть Чечни приобрѣла почти тотъ-же русскій характеръ, какъ и старинная наша *«линія»* по лѣвому *гребню* Терека, гдѣ живутъ знаменитые гребенскіе казаки, воспѣтые въ художественной повѣсти графа Л. Н. Толстого. Только эта чеченская сторона рѣки кажется еще обильнѣе и богаче, чѣмъ лѣвая, казачья. Тутъ гораздо болѣе лѣсовъ, сочныхъ луговъ, садовъ... Почва изумительнаго плодородія кишитъ всякимъ добромъ; покосовъ одолѣть нельзя силами здѣшняго народа; корма не-впроцѣ, сѣно стоитъ несоглядными тысячами стоговъ; вездѣ, куда только глазъ упадетъ, стада, стада: стада коровъ, буйволовъ, козъ, овецъ, лошадей, чего хочешь. Все это бродитъ сытое и довольное, по пузо въ густой душистой травѣ, разрастаясь на свободныхъ кормахъ такъ, какъ никогда не вырастетъ на тощихъ полевыхъ жнивьяхъ своихъ хилая порода нашего крестьянскаго скота.

Станцы всё тонуть въ садахъ. Тутъ и груша, и вишня, и алыча, и курага, мѣстный абрикосъ... А кругомъ ряды пирамидальныхъ тополей, еще издали открывающіе путнику давно желаемую станцию. А въѣдешь въ нее — такъ никакъ не выѣдешь изъ безконечныхъ опрятныхъ плетней, огораживающихъ казацкіе садики. Хаты тутъ совсѣмъ мадороссійскія, несмотря на то, что терскіе казаки, въ противоположность кубанцамъ, чистокровные великоруссы и строгіе старовѣры.

Все заботливо смазано глиною, побѣлено, ярко раскрашено, и дверочки, и ставенки, и уютные навѣски отъ солнца. Въмѣсто соломы и очерета съ глиною крыши частенько черепичныя не хуже любой нѣмецкой колоніи. Досугъ и достатокъ видны во всемъ. Вездѣ видишь неспѣшно бесѣдующія группы опрятно одѣтыхъ стариковъ, щеголеватыхъ парней и дѣвокъ, гуляющихъ въ тѣни садиковъ. Люди тутъ живутъ съ уваженіемъ къ себѣ, къ своему удобству, вполне снабженные всѣмъ тѣмъ, что необходимо для затѣйливаго быта поселяннина. Эти сплошныя картины довольства и почтенности наполняютъ отрадою сердце путешественника, внимательно всматривающагося въ окружающую его жизнь. Важные бородатые казаки, въ войлочныхъ шляпахъ, съ самоувѣреннымъ достоинствомъ отвѣчающіе на ваши вопросы, красивыя дородныя казачки на крѣпко кованыхъ повозкахъ, запряженныхъ сытыми волами, съ смѣлою рѣчью, съ веселымъ смѣхомъ, — все это говоритъ вамъ и о большей свободѣ, и о большемъ счастьи нашего крайнаго населенія, мало знакомыхъ старой земледѣльческой Россіи, такъ долго отравляемой язвами крѣпостничества и чиновничества.

Вотъ та истинная «Моздовка», куда такъ давно и страстно стремятся помыслы нашего курскаго и орловскаго мужика, которая рисуется его простодушному воображенію, какъ идеалъ всякаго земного благополучія, подобно тому, какъ древнему греку рисовалась его пресловутая Аркадія.

«Моздовка» — это до сихъ поръ нарицательное имя въ устахъ нашего черноземнаго крестьянства; «живутъ какъ на Моздовкѣ!» — съ завистливымъ вздохомъ говоритъ мужичекъ о какихъ-нибудь случайныхъ счастливыхъ, сосѣдяхъ своихъ.

«Ушелъ на Моздовку» — говорятъ вамъ въ деревнѣ про односельца своего, переселившагося и въ Томскую, и въ Самарскую, и въ Уфимскую губерніи. «Моздовка» — это не однѣ только окрестности Моздока, не одна Терская область и даже не какой-нибудь опредѣленный географическій терминъ. Это просто общее названіе всѣхъ невѣдомыхъ новыхъ странъ, гдѣ земли можно пахать *«сколько сохой захватить»*, гдѣ

отъ корма скоту дѣться некуда, гдѣ не слышно даже духа барина и куда не доѣзжаетъ никакой чиновникъ...

* * *

Выгхалъ изъ станицы, — чудный просторъ направо и налево. Хлѣбъ въ русскихъ копнахъ наставленъ тѣсными сплошными валами, поля подъ нимъ не видно, — вездѣ, гдѣ только тронула соха эту дѣвственную почву. Но поля эти только ничтожная частичка тѣхъ необъятныхъ равнинъ, гдѣ никто еще не пашетъ и даже не коситъ... Кажется, сюда-бы можно умѣстить еще добрую половину нашей скудноземельной крестьянской Руси. Особенно богатыя казачьи станицы, особенно обильные поля и покосы, особенно многочисленны стада скота — встрѣчаются намъ по Суиждѣ. Тутъ и лѣсовъ множество, полныхъ кабановъ, фазановъ, козъ и всякой лѣсной дичи... Одни лѣса укрываютъ справа болотистыя низины рѣчки, другіе — хмурятся слѣва по Чеченскимъ горамъ, постоянно насъ провожающимъ.

Черезъ каждыя 4 или 5 верстъ — огромная станица, съ богатою русскою церковью, торжественно возвышающею свои золотыя главы и православные кресты надъ зеленою садовъ, надъ кучами бѣлыхъ мазанокъ и желтыхъ соломенныхъ крышь...

Какое-то неизъяснимое сладкое чувство овладѣваетъ моею русскою душою, когда, послѣ долгихъ скитаній среди чуждыхъ мнѣ лицъ, чуждаго языка, чуждыхъ обычаевъ — я наконецъ чувствую кругомъ себя все шире и шире разливающееся море моей родной русской народности, когда все кругомъ дѣлается мнѣ привычно, любо, понятно — и мѣткая, звучная рѣчь, и знакомый взглядъ бойкихъ глазъ, и чашка горячихъ щей съ давно забытымъ чернымъ хлѣбомъ, и родной нарядъ, и вся близкая сердцу обстановка милой мнѣ съ дѣтства жизни: этотъ громкій благовѣстъ колокола, этотъ ярко сверкающій крестъ храма, эта по полю несущаяся, за душу хватающая, душу надрывающая родная русская пѣсня... Чѣмъ-то скучнымъ, противнымъ и жалкимъ, какъ-нибудь-то молчаливымъ прозябаньемъ животного кажется мнѣ теперь унылый бытъ горскаго аула, которые и здѣсь кое-когда еще попадаютъ намъ среди шумныхъ казачьихъ станицъ; я начинаю чувствовать всѣми инстинктами своего русскаго организма какое-то безпричинное отвращеніе, какое-то потаенное недружелюбіе, непокоряющееся никакимъ убѣжденіямъ разсудка, къ тѣмъ чуждымъ для меня народностямъ, которыхъ поселенія чередуются здѣсь иногда съ русскими селами, и которыя являются для меня невольнымъ противорѣчіемъ и отрицаніемъ всего моего, *русскаго*...

Не сомнѣваюсь, что то-же самое чувство инстинктивной вражды и отчужденности ко всему русскому, настолько-же законное и естественное, наполняетъ собою душу какого-нибудь ингуша или чеченца, когда онъ пробѣгаетъ въ свой тихій, сердцу лобезный аулъ черезъ шумныя улицы казацкой станицы съ ея пьянствомъ и пѣснями...

* * *

3 часа утра, а жара невыносимая. Всѣ эти дни дышишь словно надъ раскаленною плитою. Купаешься гдѣ попало, когда попало, какъ-только встрѣтятся рѣчка; купались и въ Аргунѣ, и въ Сунжѣ, но не помогаютъ ничто. Только и вздохнешь немного ночью, когда схлынетъ жаръ. За то мы видимъ такіе восходы и заходы солнца, какихъ нигдѣ не увидишь въ другомъ мѣстѣ.

Отъ Грозной виденъ уже весь Кавказскій хребетъ съ его снѣговыми великанами — Казбекъ, и Дыхъ-тау, и даже два характерныхъ округленныхъ конуса Эльборуса, бѣлыхъ какъ свѣже-кованое серебро.

Грозное видѣніе Кавказа приближается къ намъ не разомъ, а постепенно.

Сначала чудится на первыхъ лучахъ солнца какой-то далекій безтѣлесный миражъ, весь сотканный изъ нѣжныхъ розовыхъ тоновъ зари, точно грезы молодости о грядущемъ счастьѣ...

Но чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ ближе, яснѣе и осязательнѣе обрисовываются на голубомъ небѣ величественныя силуэты Кавказа.

Въ полдень Кавказъ уже стоитъ передъ нами во всей грозной красотѣ своей, загораживая половину неба, сверкая ослѣпительною бѣлизною своихъ вѣчныхъ снѣговыхъ *полей*, своихъ нависшихъ ледниковъ, дымя облаками въ синее африканское небо, какъ огнедышащая гора. Новый кавказскій хребетъ курчавыхъ туманныхъ горъ соткался изъ этихъ куриющихся облаковъ вокругъ вершинъ настоящаго Кавказа, выше его, прихотливѣе его, хребетъ на хребтѣ. Кое-гдѣ рѣзкія грани каменныхъ утесовъ прорываютъ эти бѣлыя клубы воздушнаго хребта, разгоняя иллюзію глазъ.

Только нѣсколько дней назадъ мы видѣли поэтическіе снѣга Кавказа во всей роковой близости, во всей прозаической правдѣ ихъ, съ ихъ безнадежнымъ холодомъ, съ ихъ мрачными, обглоданными утесами, ихъ черными провалами, видѣли лицомъ къ лицу это пустынное царство разрушенія и смерти, гдѣ вмѣсто ослѣпительнаго блеска серебра и тающихъ розовыхъ тоновъ, обманывающихъ теперь нашъ взоръ, высился передъ нашими смущенными глазами одинъ безотрадный, чернѣйшій косякъ тысячелѣтнаго Кавказа...

Окрестности г. Темиръ-Ханъ-Шуры.

Это былъ своего рода холодный опытъ зрѣлой жизни, безжалостно разбивающей юношескія мечты...

* * *

Цѣлый день Кавказъ сверкаетъ своими льдами среди глубокой синевы неба... Въ послѣдній разъ обливаетъ его своими розовыми, красными и желтыми огнями, будто блестящимъ бенгальскимъ фейерверкомъ, яркій солнечный закатъ... Но потухли эти веселые огоньки замирающей жизни, и исчезаетъ, будто волшебствомъ, ослѣпительное видѣніе... Мертвенною зеленою трупъ проступаютъ посинѣвшіе, внезапно остывшіе скелеты горъ, и незамѣтно сливаются съ такимъ-же похолодѣвшимъ синезеленымъ небомъ, въ полной мглѣ котораго постепенно тонуть безъ слѣда, будто расплываются въ черной влагѣ, всѣ краски, всѣ очертанья...

* * *

Кавказскій путь мой оконченъ; я опять въ Владикавказъ, у под-

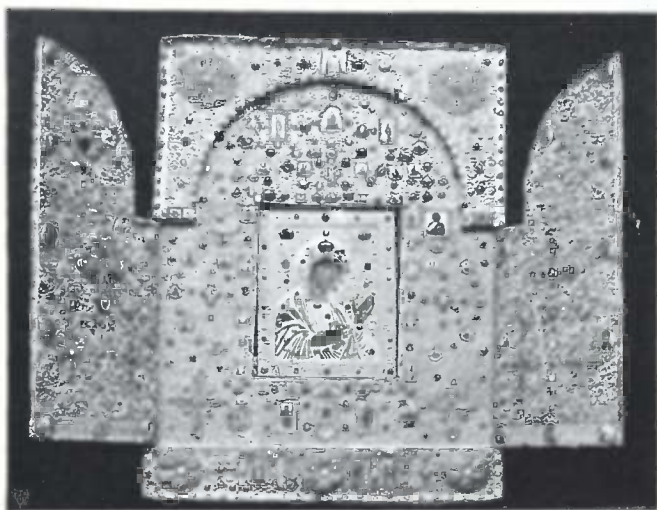
ножия хребта, предо мною опять стелется безпредельною скатертью необозримая русская равнина, куда давно зоветъ меня назадъ, домой, отъ всѣхъ красотъ и ужасовъ чуднаго края горъ, — родной очагъ далекихъ полей...

Въ жаркой персидской банѣ Владикавказа я отряхнулъ отъ себя весь прахъ утомительнаго пути по невѣдомымъ странамъ и народамъ, и простился съ дорогимъ другомъ и вѣрнымъ спутникомъ своимъ...

Грузный мальпость тяжело потащилъ его опять въ горы и ущелья, къ горячему Тифлису, къ армянамъ, грузинамъ, татарамъ, въ роскошное лоно Азии...

А меня понесла на своихъ могучихъ крыльяхъ туда, на сѣверъ, къ сѣрому мужику, подъ сѣрое небо, волшебная желѣзная птица, наполняющая пустынные травянистыя равнины немолчнымъ громомъ, дымомъ и свистомъ своей огнелышасей груди...

К О Н Е Ц Ъ .

Хахульскій образъ Божіеи Матери въ Гелатїи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Вступленіе	СТР. - I—III
----------------------	-----------------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Черезъ хребетъ.

I. Родная бездомовщина	1
II. Лѣтопись степей	9
III. Кабакъ-городъ	19
IV. Наши преріи.	30
V. Рабство въ горной волости	40

Оглавленіе Очерковъ Кавказа.

	стр.
VI. Панорама горъ	49
VII. Владикавказъ	60
VIII. Дарьяльская тѣснина	68
IX. Казбекъ и его царство	82
X. Долина Арагвы	100
XI. Древній Мцхетъ	111
XII. Кура и Гори	121
XIII. Божья крѣпость	137
XIV. Осетины и ихъ исторія	149
XV. Религіозныя вѣрованья осетинъ	157
XVI. Поэзія и бытъ осетинъ	165
XVII. Русская цивилизація въ Осетіи	173

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Долина Ріона.

I. Народъ-крестоносецъ	181
II. Сурамскій переваль	191
III. Городъ Медин	203
IV. Святѣни Грузіи	221
V. Дворянская усадьба въ Имеретіи	241
VI. Крестьянское хозяйство имеретина	251
VII. Кулашскій кланъ	263
VIII. Кочеванье по князьямъ	275
IX. Монастырь Большого Дуба	289
X. У развалинъ Археополиса	300

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Тифлисъ и Кахетія.

I. Азіатскій Теплицъ	308
II. Древности Тифлиса	323
III. Уличная жизнь Тифлиса	336
IV. Бывшее Тифлиса	348
V. Степи Юры	357
VI. Обитель св. Нины	369
VII. Въ странѣ вина	381
VIII. Тславъ	393
IX. На развалинахъ Греми	401
X. Народный праздникъ въ Натли-Семели	406

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Дагестанъ.

	стр.
I. Подъемъ на хребетъ	415
II. Дидойскіе «орлы»	432
III. Въ капучинскихъ аулахъ	447
IV. Наибъ Захарія	462
V. Тѣснины Аварскаго-Койсу	471
VI. Переправа черезъ Томсы-Орѣ	484
VII. Христіанская святыня Дагестана	496
VIII. Походъ на Гунибъ	507
IX. Гнѣздо Шамиля	521
X. Дагестанскій горецъ	539
XI. Внутренняя жизнь Дагестана	560
XII. Возвращеніе	574

